
БИАНКИ

ИСТОРИЯ ОДНОГО
ПЕТЕРБУРГСКОГО РОДА

Бианки:
ИСТОРИЯ ОДНОГО
ПЕТЕРБУРГСКОГО РОДА

Санкт-Петербург
Издательский дом «Петрополис»
2014

УДК 82-94
ББК 80/84

*Издано при финансовой поддержке Федерального агентства
по печати и массовым коммуникациям в рамках
Федеральной целевой программы
«Культура России (2012–2018 годы)»*

Бианки: история одного петербургского рода. – СПб. : Издательский дом «Петрополис», 2014. В 2 т. Т. 1. – 444 с., илл.

Книга посвящена трем поколениям семьи Бианки, живших в Петербурге с середины XIX века и занимавшихся естественными науками. Это Валентин Львович Бианки (1857–1920), один из основателей и руководителей Зоологического музея АН, его сыновья Лев Валентинович (1884–1936) – энтомолог и филолог, Анатолий Валентинович (1892–1972) – метеоролог, Виталий Валентинович (1894–1959) – классик отечественной и мировой детской литературы, а также сын Льва Валентиновича – Всеволод Львович (1928–1998), физиолог, доктор биологических наук и сын Виталия Валентиновича – Виталий Витальевич (род. в 1926 г.), орнитолог, доктор биологических наук.

Представленные материалы о роде Бианки ценны тем, что отражают историю отечественной науки и историю Петербурга, а также свидетельствуют о жизни их семей.

ISBN-978-5-9676-0578-9

© В. В. Бианки, идея, составление
© Т. А. Федяева, составление, предисловие, редактирование
© Л. В. Бианки, А. В. Бианки, В. В. Бианки, Вит. Вит. Бианки,
Е. В. Бианки, Вал. Л. Бианки, Н. А. Бианки, И. М. Кержнер,
Р. Л. Потапов
© ИД «Петрополис»

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Т. А. Федяева</i> БИАНКИ: ИСТОРИЯ ОДНОГО ПЕТЕРБУРГСКОГО РОДА . . .	5
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ: ИСТОКИ	20
ВАЛЕНТИН ЛЬВОВИЧ БИАНКИ	20
<i>Даты жизни</i> В. Л. БИАНКИ	20
<i>Вит. Вит. Бианки</i> ЖИЗНЕОПИСАНИЕ ВАЛЕНТИНА ЛЬВОВИЧА БИАНКИ. . .	22
<i>Р. Л. Потапов</i> ВКЛАД В. Л. БИАНКИ В ОРНИТОЛОГИЧЕСКУЮ НАУКУ . . .	121
<i>И. М. Кержнер</i> В. Л. БИАНКИ КАК ЭНТОМОЛОГ	137
ЧАСТЬ ВТОРАЯ: ВТОРОЕ ПОКОЛЕНИЕ БИАНКИ-ЕСТЕСТВЕННИКОВ.	148
ЛЕВ ВАЛЕНТИНОВИЧ БИАНКИ	148
<i>Вит. Вит. Бианки</i> КРАТКОЕ ЖИЗНЕОПИСАНИЕ ЛЬВА ВАЛЕНТИНОВИЧА БИАНКИ	148
<i>Вал. Львовна Бианки</i> ЛЕВ ВАЛЕНТИНОВИЧ БИАНКИ.	156
АНАТОЛИЙ ВАЛЕНТИНОВИЧ БИАНКИ	159
<i>А. В. Бианки</i> АВТОБИОГРАФИЯ	159
<i>А. В. Бианки</i> АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ.	160
ВИТАЛИЙ ВАЛЕНТИНОВИЧ БИАНКИ	259
<i>Е. В. Бианки</i> ВИТАЛИЙ ВАЛЕНТИНОВИЧ БИАНКИ: БИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК	259
<i>Вит. Вит. Бианки</i> ПИСАТЕЛЬ ВИТАЛИЙ БИАНКИ КАК ОРНИТОЛОГ	327
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ: ТРЕТЬЕ ПОКОЛЕНИЕ БИАНКИ	334
ЕЛЕНА ВИТАЛЬЕВНА БИАНКИ	334
<i>Вит. Вит. Бианки</i> ЕЛЕНА ВИТАЛЬЕВНА БИАНКИ – ХРАНИТЕЛЬ ПАМЯТИ О ПИСАТЕЛЕ ВИТАЛИИ БИАНКИ.	334
ВИТАЛИЙ ВИТАЛЬЕВИЧ БИАНКИ	337
<i>Вит. Вит. Бианки</i> АВТОБИОГРАФИЯ	337
<i>Вит. Вит. Бианки</i> ВОСПОМИНАНИЯ О ДЕТСТВЕ И ОТРОЧЕСТВЕ	340

<i>Вит. Вит. Бианки В Кандалакшском заповеднике</i>	358
<i>Е. В. Бианки ВИТАЛИЙ, СЫН ВИТАЛИЯ</i>	370
ВСЕВОЛОД ЛЬВОВИЧ БИА НК И	374
<i>Вал. Львовна Бианки ЗАПИСКИ О СТАРШЕМ БРАТЕ.</i>	374
О СУДЬБЕ ДРУГИХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ТРЕТЬЕГО ПОКОЛЕНИЯ	
РОДА БИА НК И	415
НЕРЕЯ АНАТОЛЬЕВНА БИА НК И	415
ВАЛЕНТИНА ЛЬВОВНА БИА НК И	417
<i>Вит. Вит. Бианки ВАЛЕНТИН ВИТАЛЬЕВИЧ БИА НК И</i>	420
<i>Вал. Львовна Бианки ЛЕВ ВСЕВОЛОДОВИЧ БИА НК И</i>	421
ПРИЛОЖЕНИЕ	422
<i>Л. В. Бианки СЕМЬЯ И ШКОЛА В ВОСПИТАНИИ ЧЕЛОВЕКА (гимназическое сочинение).</i>	422
<i>В. В. Бианки ГОРОД, КОТОРЫЙ ПОКИНУЛИ ПТИЦЫ</i>	428

БИАНКИ: ИСТОРИЯ ОДНОГО ПЕТЕРБУРГСКОГО РОДА

Феномен Петербурга многократно описан в разных его ипостасях — и как духовное и физическое пространство, и как литературный феномен (знаменитый «петербургский текст»). В формирование не имеющей аналогов петербургской, «сверхнасыщенной», по определению В. Н. Топорова, реальности внесли свой вклад и представители науки Петербурга.

Фамилия Бианки ассоциируется у большинства граждан нашей страны с писателем Виталием Бианки, классиком советской детской литературы. Его книги издавались миллионными тиражами, были переведены на многие языки мира. Он как никто из наших писателей умел открыть перед маленьким читателем мир родной природы, объяснить его тайны, воспитать любовь к братьям нашим меньшим. Но лишь узкий круг почитателей таланта Виталия Бианки знает, что он принадлежал к большому роду Бианки-естественников, три поколения которого жили в Петербурге на В. О. Там со времен основания северной столицы были сосредоточены академические институты и факультеты университета, в которых работали и учились отец будущего писателя, один из основателей и руководителей знаменитого академического Зоологического музея Валентин Львович Бианки, его сыновья Лев Валентинович — энтомолог, Анатолий Валентинович — метеоролог и Виталий Валентинович — писатель, а затем его сын Виталий Витальевич — доктор биологических наук, орнитолог и сын Льва Валентиновича Всеволод Львович, доктор биологических наук, физиолог. Эти три поколения Бианки-естественников оставили заметный след в истории не только петербургской, но и мировой биологии.

Вклад семьи Бианки в развитие петербургской культуры и науки до сих пор не оценен по достоинству. Данная книга призвана восполнить этот пробел. К написанному необходимо добавить, что книги могло бы не быть, если бы не многолетние усилия по сбору материалов об истории своего рода Елены Витальевны Бианки, дочери писателя Виталия Бианки и Виталия Витальевича Бианки, его сына.

История рода Бианки вобрала в себя основные векторы развития «петербургской цивилизации» (определение Н. М. Бахтина). Как известно, одна из примет судеб семей, живших из поколения в поколение в Петербурге — их включенность в контекст европейской истории, теснейшие связи с ней вследствие генетической принадлежности основателей многих петербургских родов к представителям европейских наций. Семья Бианки — не исключение. Первые ее представители поселились в Петербурге в начале XIX в. Бианки до сих пор ведут споры о том, каких кровей был основатель их рода — известный певец Валентин Бианки (по другим сведениям — Томас Вайс) — итальянских или немецких.

О европейских корнях семьи Бианки можно составить представление по генеалогическому очерку «Знаменитый певец», который написал в начале XX в. один из Бианки — Лев Валентинович, активно интересовавшийся вопросами генеалогии своей семьи. Он пишет: «В немзыкальной линии его (Валентина. — Т. Ф.) потомства сохранилось очень мало сведений о музыкальной карьере знаменитости. Помнили только, что „прадед“ Валентин Бианки гремел во Франции, в Германии, в Австрии, что после какого-то простудного заболевания он потерял голос, долго не мог его вернуть и вылечился лишь после того, как по чьему-то совету отправился для лечения в Тироль и выдержал там едва ли не год строгого режима лечения (главную часть которого составляло... козье молоко), что потом прадед снова „гремел“ и что его громкой славе положил конец Наполеон. Наполеон вообще впутывается в биографию Валентина на всем ее протяжении от швейцарского периода своих походов до заката своего величия, когда по пути в роковую Москву император французов сам того, вероятнее всего, не ведая, выгнал прадеда из Варшавы и заставил его податься на север, в Ригу». Из Риги Валентин переехал в Москву, а затем и в Петербург. Эта цитата дает наглядное представление о том, каким образом начало петербургского периода истории рода Бианки было переплетено с событиями европейской жизни. Думается, что для летописи Петербурга споры о том, откуда произошел род Бианки — из Швейцарии, Италии или Германии вряд ли имеют существенное значение. Главное, что поселившись в России и осев в Петербурге, они не почувствовали здесь себя чужими и стали, подобно гончаровскому Штольцу, успешно работать на благо своей новой родины сначала в искусстве, затем и в науке.

Настоящая книга повествует об истории жизни, творчества и научной деятельности трех поколений семьи Бианки, начиная с Валентина Львовича Бианки (1857–1920), крупного ученого-биолога с мировым именем, руководителя орнитологического отдела Зоологического музея в Петербурге и заместителя директора музея. О масштабе его личности и научной работы мы узнаем из «Жизнеописания Валентина Львовича Бианки» (2008), написанного его внуком Виталием Витальевичем Бианки и статей сотрудников ЗИНа — докторов биологических наук Р. Л. Потапова «Вклад В. Л. Бианки в орнитологическую науку» и И. М. Кержнера «В. Л. Бианки как энтомолог». В настоящем предисловии мы не ставим себе задачу перечисления всех открытий, дел и заслуг Валентина Львовича в тех областях науки, в которых он так многого достиг. Опубликованные в книге материалы дают об этом достаточно полное представление. Более важной задачей нам кажется взгляд на личность выдающегося биолога с позиций сегодняшнего дня.

«Высок духом, строг и светел был мой отец — суровый жрец Афины Паллады» — писал о нем сын, писатель Виталий Бианки. «Жизнеописание Валентина Львовича» подтверждает эти слова всем строем описания фактологической канвы его биографии — от учебы в гимназии до последних лет жизни, когда он работал в должности директора Зоологического музея. Такие качества личности Валентина Львовича как строгость, суровость, «увлеченность, бескорыстие и полная отдача любимому делу, высокая работоспособность, самодисциплина», а также особая просветленность, которая хорошо видна на представленных в книге фотографиях, проистекают из его жертвенного, почти религиозного служения науке на протяжении всей его жизни. Культ науки означал для него нечто большее, чем просто умственную работу. Одно из основных свойств, а также источник высокого академизма дореволюционной петербургской науки — это ее нравственное измерение. О нем прекрасно написал А. П. Чехов в статье о коллеге и друге Валентина Львовича Н. М. Пржевальском (1888), в сущности же чеховские слова можно отнести ко всему поколению петербургских ученых-естественников и естествоиспытателей второй половины XIX в.: «Их идейность, благородное честолюбие, имеющее в основе честь родины и науки, их упорство, никакими лишениями, опасностями и искушениями личного счастья непобедимое стремление к раз намеченной цели, богатство их

знаний и трудолюбие, привычка к зною, к голоду, к тоске по родине, к изнурительным лихорадкам, их фанатическая вера в христианскую цивилизацию и в науку делают их в глазах народа подвижниками, олицетворяющими высшую нравственную силу».

«Жизнеописание Валентина Львовича Бианки» замечательно раскрывает и подтверждает эту чеховскую характеристику. В «Жизнеописании» деда Вит. Вит. Бианки удалось не только очень ярко и вместе с тем сдержанно рассказать о жизни деда, но и представить живую историю петербургской научной среды рубежа XIX–XX вв. в лицах. Мы видим, что людина Валентина Львовича были нередки в ней. Это поколение представителей петербургской науки жило идеалами «общей пользы» и долга — как в научной, так и в семейной жизни, было привержено твердым нравственным принципам, с гимназических лет привыкло осмысливать свою жизнь и предъявлять к себе высокие требования. Идеалом многих из них был тургеневский Базаров с его аскетизмом, нацеленностью на научное познание себя и мира, рациональным, но лишенным прагматизма, взглядом на жизнь. Знаменателен в этом смысле приведенный в «Жизнеописании» факт, что будущий ученый восхищался в Базарове не его нигилистическим настроем, а его отношением к родителям.

Вит. Вит. Бианки приводит цитату из гимназического сочинения деда, где тот ставит себе целью «быть не получеловеком, а человеком». Вероятно, сегодняшние представления о том, что значит в идеале «быть человеком», мало отличаются от представлений XIX в.. Разница лишь в том, что сегодня почти никто не реализует их в жизни, в наше время они стали для многих и многих лишь абстракцией, не более, чем красивыми словами, тогда как в позапрошлом веке эти идеи составляли реальное содержание жизни большого количества людей и оплачивались каждым поступком. История жизни Валентина Львовича — это история свершений, неустанного труда, непрерывной реализации научных замыслов, связанных с экспедициями, поездками по стране, организацией научного дела.

Личности такого масштаба как Валентин Львович воспитывали окружающих, по словам Чехова, лучше «десятка учебных заведений и сотни хороших книг». Этот воспитательный заряд действовал не только во втором, но и в третьем поколении Бианки-естественников.

Все представители рода Бианки вслед за Валентином Львовичем стали строителями жизни, а не пассивными ее созерцателями и критиками. Диалог с окружающим миром носил у них характер инициативного действия, которое имело своим источником энергию нравственного отношения к жизни.

В жизни трех сыновей Валентина Львовича — Льва (1884–1936), Анатолия (1892–1972) и Виталия (1894–1959), классика отечественной и мировой детской литературы, главным оказалось, как и у отца, служение делу. На долю второго поколения Бианки выпали труднейшие годы социальных потрясений — революции, войны, идеологическая несвобода. В материалах, собранных во второй части книги, отчетливо видно, как властно в судьбу братьев Бианки вторгалось время, насколько неотделима история их жизни от истории страны.

Очень мало материалов осталось о жизни старшего брата — Льва Валентиновича, его портрет складывается из воспоминаний его племянника Виталия Витальевича и дочери — Валентины Львовны Бианки. Но и из этих кратких сведений высвечивается личность невероятно одаренная, талантливо проявившая себя в таких несхожих науках как биология и филология. Средний брат Анатолий Валентинович достаточно подробно и ярко описал историю своей жизни в «Автобиографических заметках» (1965), адресованных внукам и правнукам. Жизнь его была невероятно богата событиями — здесь и устройство метеостанций по всей стране, и северные экспедиции, и многочисленные поездки по стране, и работа в различных научно-исследовательских институтах, блокада, смерть близких и друзей, горькие сожаления о потере безвинно осужденных и погибших знакомых и коллег. В публикуемом в настоящей книге обширном биографическом очерке о Виталии Валентиновиче Бианки, написанном его дочерью, впервые открыто и подробно рассказано о том, что отец пережил три ареста и ссылку — сначала в Уральск, а затем в Великий Новгород.

Примечательной чертой мироощущения второго поколения Бианки было отсутствие ненависти к тому негативному, что происходило в стране и в их жизни — при ясном понимании происходящего — была лишь боль за свою родину, может быть, минуты отчаяния, но гнева и ненависти не было. Ни в записках Льва, ни в заметках о своей жизни Анатолия, ни

в творчестве Виталия Валентиновича мы не найдем ни одной жалобы на трудности жизни, на ее непереносимость, на скуку. Они с честью прожили со своей страной все, что выпало на ее долю. Горечь от осознания печальных сторон истории нашего отечества и свой собственный опыт гонений со стороны властей, который имели Анатолий и Виталий, не убили в них всеобъемлющего интереса к жизни и доверия к ней, воспитанного отцом и матерью.

Какие бы не приходилось переживать трудности, братьев Бианки всегда спасал и поддерживал пример отца, культ которого царил в семье. Сыновья Валентина Львовича жили энергией детства и юности, проведенных в родном доме. В неопубликованных материалах архива Виталия Бианки есть такие строки: «Всю жизнь верил, ждал: вот впереди откроются двери, и хлынет свет в темницу. Двери неожиданно открылись — позади». Признание горькое, в нем есть ощущение безысходности жизни, ясного понимания ее тяжелых сторон, но в то же время указан и вектор спасения — светлое прошлое. Дверь «позади», из которой струился свет — конечно же, воспоминания о детстве, о многих веснах и летах, проведенных в Лебяжьем, необыкновенном месте на берегу Финского залива, которое было бесконечно значимо в жизни семьи Бианки, поэтому о нем так много пишут в своих воспоминаниях и Анатолий Валентинович, и Виталий Валентинович. В Лебяжьем под руководством отца и матери сформировалось их отношение к окружающему миру, их безусловно философские по своей глубине и спасительные по своей силе воззрения на природу.

Думается, что все братья Бианки ощущали себя «мостиками между двух эпох» (Вит. Вал. Бианки) и старались в новой послереволюционной жизни сохранить то лучшее, что дал им родительский дом и предреволюционная эпоха — понятия о чести и достоинстве, о высоком предназначении человека, о нравственных основах научной деятельности и литературного творчества. Так, Виталий Валентинович писал в одном из писем от 1953 г.: «Эпоха закончилась. Но жизнь продолжается». Наверное, многое в том времени не давало им жить и работать «во весь голос» (Вит. Вал. Бианки), но все они считали, что «обязаны думать вперед».

Братья Бианки не только сами производили «живую человеческую мысль», но и поддерживали ее всюду, где встречали. Так, на-

пример, годами Анатолий и Виталий не теряли связь со своими учениками из алтайского городка Бийска, где они прожили несколько лет в начале 20-х гг. Связь эта не носила характера наставлений и общения через письма, нет, их ученики долгое время, годами жили в их семьях. Трудно в наше время найти примеры подобной заботы о талантливых детях из далекой провинции.

В свете материалов, представленных в этой книге, по-новому начинает восприниматься жизнь и творчество классика нашей литературы Виталия Валентиновича Бианки. Только сейчас, с выходом в свет этой книги мы получили возможность понять, на каком мощном научном, культурном и мировоззренческом фундаменте выстраивалось его творчество. Как и отец, Виталий хотел стать ученым, орнитологом. В 1915 г. он поступил на естественное отделение Петроградского факультета, но, проучившись год, был призван в армию. Мечта Виталия Валентиновича о научной деятельности так и не сбылась, наверное, к счастью для миллионов его читателей. Но два видения и понимания жизни — научное и поэтическое всегда гармонично сосуществовали в его творчестве. «Наука и искусство — это две параллельные линии (пути постижения жизни), сливающиеся в бесконечности», — писал он. Искусство по скорости познания он сравнивал со стремительно мчащейся электричкой метро, тогда как наука — с трамваем, медленно ползущим по земле. Может быть, поэтому — из-за способности искусства проникать в неведомые науке глубины живой жизни и осуществлять синтез научного и поэтического начал он и отдал предпочтение художественному творчеству.

Природа, ее жизнь, отдельная от жизни общества, стала территорией творческой свободы для многих наших писателей первого ряда, среди которых рядом с Бианки можно поставить М. М. Пришвина и Г. К. Паустовского, осмысливавших, как и он, мир и природу по-философски глубоко и всеобъемлюще. Но все же никто из них не видел ее так, как видел ее Бианки. Он воспринимал природу как ученый, т. е. как мир не человеческий, живущий по своим сложным законам, не совместимыми с принципами антропоморфизма в ее понимании и изображении. Бианки был тем посредником, который объяснял своим маленьким и взрослым читателям, как реально — из каких жил и волокон, из каких чувств

и движений — устроен тот, другой, почти всегда непонятный нам животный и растительный мир и почему он нуждается в нашей любви. Познавательные цели при этом не были для него первостепенными, он неоднократно подчеркивал, что «пишет сердцем». Его книги воспитывали в человеке с малых лет «чувство родства с природой», родства милосердного.

Кажется, что В. Бианки понимал язык птиц и зверей, как понимали его первые люди до их изгнания из рая. Он давал голос безмолвной природе, называл себя переводчиком с «бессловесного», т. е. возвращал читателям ощущение давно утраченного единения с миром природы — с каждой птицей, зверем, цветком. Однажды он написал: «Я — человек верующий. Только вот во что?» Виталий Витальевич Бианки рассказывал автору этих строк, что его отец не был человеком религиозным, как не был таковым и его дед. Но совершенно очевидно, что писатель Бианки был одарен глубоким, религиозным по своей природе чувством пантеистического родства с окружающим миром, которое покоилось на нравственном отношении к природе и мифологическом ощущении любовной связанности всего живого на земле. От того ему было доступно такое поразительное по своей силе осознание первозданности природы в ее красоте и мудрости. Вот как он, например, писал о птицах — прекраснейших из всех живых существ на Земле, с книг о которых он начал («Чей нос лучше») и книгой о которых закончил свой творческий путь («Птицы мира»): «В этом мире, полном чудесных тайн и тайных чудес, едва ли не больше всех земных существ полюбил я птиц. Легкие, они первые на Земле поднялись в воздух. Первые на Земле они стали вить красивые теплые гнезда. Первые на Земле они запели. И с песней поднялись в небо».

Мифологическое измерение сознания, которое было присуще миросозерцанию В. Бианки, в высшей степени свойственно и детскому сознанию. Обращение Бианки к детскому адресату было обусловлено именно этой причиной: «Ребенок отлично чувствует свое родство не только с млекопитающими, но и со всеми животными, и с растениями, и даже с неодушевленными предметами (вещами), в особенности — с Землей». Бианки всегда обращался к космосу детского мировосприятия, считая взрослого «Иваном-непомнящим своего родства с природой». Детская литература не была для него, как для многих советских писателей,

формой «внутренней эмиграции» от идеологического прессинга советского общества. Справедливости ради нужно добавить, что в конце жизни, по свидетельству сына Вит. Вит. Бианки, Виталий Валентинович очень хотел написать для взрослых, но по многим причинам не смог изменить тематику своих произведений.

В своих детских произведениях он имел возможность, как он писал, не «выдумывать правду», а говорить естественно и достоверно о том, что он знал и что казалось ему важным всегда — о мире природы, довольно безлюдном в его сочинениях. Эта безлюдность проистекала от того, что была, с одной стороны, формой неприятия человеческого мира, которым, по выражению писателя, «правит всесильный бог — Пошлость», с другой — стремлением раскрыть в человеке лучшие качества через изображение того безмолвного целого, частью которого изначально был и остается человек.

Главные герои его произведений — звери и птицы могли молчать и могли говорить, но в обоих случаях они оставались теми, кем они были в живой природе. При этом граница, разделяющая человеческий и природный мир, становилась прозрачнее, степень непонимания человеком природы — меньше. Ученик В. Бианки писатель Э. Шим писал в своих воспоминаниях: «Во всех его произведениях, в каждой странице, в каждом слове заложена такая любовь к земле своей, такая неразрывная с нею связь, такая чистота нравственного отношения, что нельзя ими не заразиться».

В книгах Бианки мы не найдем умильных восторгов по поводу общения человека и зверя, человека и птицы, напротив, его произведения полны драматических и трагических моментов. Смерть главных героев его произведений, будь то зверь или человек — обычное событие в его детских книгах. Секрет огромного воздействия бианковской прозы на читателя — это непридуманность описываемой им природы и людей, вступивших с ней во взаимодействие. Конкретность реалистического постижения жизни сочетается в его произведениях с поразительно светлым поэтическим даром проникновения в жизнь, который был в высшей степени свойствен русским писателям, родившимся на рубеже XIX–XX вв. Напомним, к примеру, кроме уже названных Пришвина и Паустовского сверстника Виталия Бианки петербуржца Владимира Набокова с его страстной любовью к бабочкам. Роднит Бианки и Набокова и их поистине энциклопедическая, почерпнутая из учения

в петербургских гимназиях, эрудиция. Такое непринужденное и вольное цитирование зарубежных писателей, колоссальное знание русской поэзии и прозы, как современной, так и классической, какое мы встречаем в бианковских статьях и письмах, вряд ли найдешь у других известных советских авторов.

Дар Бианки как писателя уникален, до сих пор у нас нет авторов, равных по таланту ни Виталию Валентиновичу, ни его ученикам, членам знаменитого бианковского кружка — Н. М. Павловой, Н. И. Сладкову, А. А. Ливеровскому, С. В. Сахарнову.

К третьему поколению семьи Бианки относятся дети Льва Валентиновича — Всеволод (1928–1998) и Валентина (род. в 1929), Анатолия Валентиновича — Неряя (род. в 1924), Виталия Валентиновича — Елена (1922–2009), Виталий (род. в 1926) и Валентин (1932–1970).

В заключительной третьей части книги помещены материалы о дочери Виталия Валентиновича Елене Витальевне, художнице и хранителе его архива и сыне — известном орнитологе, докторе биологических наук Виталии Витальевиче Бианки, а также сыне Льва Валентиновича, физиологе, докторе биологических наук, профессоре Ленинградского университета Всеволоде Львовиче Бианки. Как и их отцы, они жили, по точному определению Вит. Вал. Бианки, в «непушкинские» времена. Их жизнь была далека от комфортного существования отпрысков из благополучных семей. В детстве и юности, которые выпали на годы войны, младшие Бианки прошли суровую школу жизни — испытание голодом, холодом, вынужденным скитальчеством и бесприютностью. Они пережили все беды, которые выпали на долю их поколения. С тем большей страстью и одержимостью последние из поколения Бианки-естественников вступили на научную стезю. Когда читаешь материалы о их жизни, кажется, что, по точному выражению Вит. Вал. Бианки, «чувство родства с природой», любовь к науке передалась им на генетическом уровне: оба стали, как и дед, аристократами научного духа, людьми «ясно сознанный цели» (Чехов).

Думается, что особенно во втором и в третьем поколении рода Бианки природа стала чем-то большим, чем только предметом объективного и бесстрастного изучения. Каждую весну писатель Бианки уезжал из города в деревню, каждую весну он возвращал себе

частичку того рая, который терял в городе. Природа была для него тем убежищем, которое спасало его, как он однажды признался в письме к своему другу краеведу С. Н. Поршнякову, от «самоубийства и безумия», она оставалась единственным и подлинным источником его творчества. Природа давала всем членам семьи Бианки силу сопротивляться натиску жизни в ее негативных социальных проявлениях, познание законов природной жизни создавало твердую мировоззренческую опору, позволяя им, по словам Чехова, встать «близко к истине».

Не случайно первым словом дочери Л. В. Бианки Валентины стало — по-бианковски! — слово «выпь», а сын Виталия Валентиновича Виталий, в страшный 1942 военный год, эвакуируясь из Новгородской области на Урал, отмечал в своем отроческом дневнике как самое важное впечатление от поездки, сколько и каких он видел птиц. Виталий Витальевич прошел «школу природы» у отца. «Орнитолог, и со страстью» — так писал о нем Виталий Валентинович. После окончания биологического факультета в 1955 г. Виталий Витальевич уехал работать в Кандалакшский природный заповедник. В Кандалакше, где, кстати, некогда работал и Анатолий Валентинович, Виталий Витальевич живет уже более шестидесяти лет, дважды в год приезжая в родной Петербург, чтобы пообщаться с коллегами и родными. Более пятидесяти лет прожила в Кандалакше с Виталием Витальевичем его жена Алла Владимировна Бианки (1925–2011), врач-невропатолог по профессии. Она вела свое происхождение из рода Гаген-Торнов, друзей дедовской семьи по Лебяжьему. Алла Владимировна была для Виталия Витальевича, как некогда его мама Вера Николаевна для его отца, другом и помощником, самоотверженно служившим делу жизни своего мужа.

Читая воспоминания Вит. Вит. Бианки о своем детстве и отрочестве, его описание научной работы в заповеднике, приходишь к выводу, что в Кандалакше сохранился в своей первозданной чистоте тот петербургский дух научных исследований и уклад петербургской жизни, который ушел из многих семей, живших в Ленинграде и втором, перестроенном Петербурге. Жизнь и работа в Кандалакшском заповеднике дала Виталию Витальевичу возможность уклониться от ненужных страстей столичной научной жизни, позволила не предать те представления о жизни, которые Бианки унаследовали от деда. Жизнь Виталия Витальевича

наполнена каждодневным научным трудом — летними наблюдениями за жизнью птиц на островах Белого моря, осенью и зимой — написанием «Летописи природы», научных статей и книг, участием в орнитологических конференциях.

Он — заслуженный эколог России, автор трех монографий, получивших мировую известность, и более двухсот научных статей. Эта самоотверженная и никак не афишируемая работа получила тем не менее заслуженное признание в научных и правительственных кругах и думается, что признание это с полным правом можно распространить и на все предыдущие поколения Бианки-естественников, так как это во многом результат того пути, который прошла вся семья Бианки.

Всю свою жизнь Виталий Витальевич вел дневник под названием «Вехи моей биографии», каждому году посвящалось чуть больше половины странички, речь шла только о том важном, что произошло в жизни за прошедший год. Эти записи не предназначались для печати и поэтому не вошли в данную книгу. Тем не менее они производят сильнейшее впечатление. Позволю привести здесь описание двух годов, по которому можно составить представление обо всем дневнике и о его авторе.

1959 год

9 июня в больнице 1 Медицинского института в Ленинграде скончался отец. Привез маму на лето в г. Кандалакшу и на о. Ряшков.

В заповедник приехал из Окского заповедника новый зам. директора по научной работе, воспитанник В. П. Теплова, Всеволод Николаевич Карпович — паразитолог, окончивший каф. Зоологий беспозвоночных у проф. В. А. Догеля. Последние годы в Окском заповеднике он занимался у В. П. Теплова птицами.

Начало полевой работы на о. Ряшкове 20 мая. 24 июня на Девичьей луде видели линяющую гадюку длиной 62 см.

На о. Ряшкове была группа юннатов Ленинградского Дворца пионеров под руководством П. Н. Митрофанова и кандалакшских школьников под руководством Г. Х. Мизирнюк.

1960 год

Появилась новая тема: «Факторы, определяющие динамику численности обыкновенной гаги». В марте и апреле дважды проводил авиачеты гаг в полыньях Онежского залива. С юга полыньи появились

невдалеке от о. Мягострова и тянулись к северу вдоль кромки берегового припая до Кандалакшского залива. Облетели вокруг Соловецкого архипелага.

Весной рассылали с Н. Н. Скоковой анкеты для выяснения распространения широко известных крупных видов птиц, численность которых мала.

Весна была очень ранняя. Уже 24 апреля началась работа на островах. За лето у меня было 9 студентов. 2 июля вышли на катере заповедника в Онежский залив. 3 июля заходили на ББС МГУ (Беломорская биологическая станция. — Т. Ф.). С 4 по 26 июля работа в Онежском заливе на МРБ, арендованном в д. Гридино. К югу дошли до г. Беломорска. А. М. Сысоев показал интересные места Большого Соловецкого острова и немного помог кольцевать птенцов крачек. Всего поместили там 1 683 птенца крачек.

С 16 сентября по 15 октября проводил осенние наблюдения за пролетом птиц в окрестностях с. Вирьмы. Помощницей у меня была лаборант А. Л. Власкина. Впервые наблюдали интенсивный пролет длиннохвостых синиц. Осенью я разослал опросные анкеты, спрашивая о миграции ополовников, и на основании собранных данных описал их миграцию на севере Европейской части нашей страны.

В декабре был избран народным заседателем Народного суда. Пришлось участвовать в заседаниях суда. Через 2 года был избран народным заседателем повторно.

Читая эти коротенькие отметки о событиях прошедшего года, понимаешь, что мерой жизни и ее главным содержанием для Виталия Витальевича был, как и для всех представителей их рода, труд во имя науки. Здесь нет места рассказам о «жизни мышью суете», о мелочах, о том суетном холостом вращении жизни, в которое вовлечено большинство людей. Только упоминание дел, имен людей, с которыми эти дела совершались, самых значимых событий личной жизни — без комментария и оценок. Смерть боготворимого отца — в одном ряду с кратким описанием повседневных для заповедника исследований, маршрутов, новых тем. Но, на самом деле, эта планомерная целеустремленность в воплощении задуманного и есть подлинная дань памяти отцу, памятник ему и деду, который созидался и создается на протяжении всей жизни Виталия Витальевича как ученого.

Многие темы, которых не касался Виталий Витальевич в своем дневнике и которые явились в них отчасти фигурой умолчания, прекрасно раскрыты его двоюродной сестрой Валентиной Львовной Бианки в воспоминаниях о своем брате, ученом-физиологе Всеволоде Львовиче Бианки. Она пишет и о разгроме биологической науки в 40–50-е гг. XX в., и об устранении подлинных ученых из университетов страны, о том страхе, «который сидел у интеллигенции в генах». Как и Виталию Витальевичу, Всеволоду Львовичу удалось, как пишет его сестра, найти «честную возможность уйти в подлинную, не фальсифицированную науку». Для Виталия Витальевича это была работа в заповеднике, для Всеволода Львовича — исследования в области классической физиологии, работа над «павловскими темами», на которые не простирались гонения в науке. Всеволод Львович принадлежал к кругу ленинградской научной элиты, он — автор трех монографий о деятельности человеческого мозга, получивших мировое признание. Описывая жизнь и работу старшего брата, Валентина Львовна акцентирует внимание на такой «родовой черте» Бианки-ученых как целеустремленность: «Он умел, не разбрасываясь, не отвлекаясь, годами идти к цели, не давая мелочам жизни опутывать себя, сбиваться с основного пути».

Воспоминания Валентины Львовны органично дополняют и завершают общее повествование о жизни и деятельности выдающихся представителей рода Бианки. Написанные великолепным литературным языком, они являются своеобразной документальной повестью о жизни большого ученого в советское время. Невероятная ценность этих воспоминаний состоит в том, что в них отражена непубличная сторона бытия ленинградского ученого, достоверно и честно рассказано о переплетении проблем научных и человеческих, о специфике работы в Ленинградском университете второй половины XX в. Мы видим, как трудно было подчас сохранять истинно бианковское отношение к научному труду, как бианковские ценности зачастую расходились с тем, чем и как жила и живет сегодняшняя университетская и академическая наука в Ленинграде и Петербурге. Верность семейным традициям и в этом случае оплачивалась невероятным напряжением сил и болезнями, приведшими к достаточно ранней смерти Всеволода Львовича.

Завершает книгу «Приложение», в которое вошли сочинения двух братьев Бианки — Льва и Виталия. Первый текст — это выпускное гимназическое сочинение Льва Бианки, написанное около 1900 г. Оно дает ясное представление о том, как глубоко, свободно и по-государственному размышляла о жизненных проблемах молодежь дореволюционной России. Перед нами предстает истинный гражданин своего отечества с вполне сформированными нравственными позициями и деятельным отношением к жизни. Этот текст существенно дополнит портрет Льва Валентиновича, о жизни которого нам известно не так много. Второй текст — это заметки Виталия Валентиновича о блокадном Ленинграде 1942 г. Их нельзя читать без боли — и за ленинградцев, и за сам город, и за писателя, перенесшего тяжелейшее внутреннее потрясение от того, что он увидел. Думается, что настоящая книга выходит весьма своевременно не только потому, что во все времена люди бианковского склада, подвижники, говоря словами Чехова, «нужны, как солнце»; но и потому, что нужно точное знание о том, какими они были. Читая жизнеописания и автобиографические заметки о жизни членов семьи Бианки, никто «не спросит: Зачем? Почему? Какой тут смысл? Но всякий скажет: они правы».

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ: ИСТОКИ

ВАЛЕНТИН ЛЬВОВИЧ БИАНКИ (1857–1920)

ДАТЫ ЖИЗНИ В. Л. БИАНКИ

- 1857 г., 18 февраля (ст. ст.) — родился в г. Москве.
- 1868–1878 — учился в гимназии г. С.-Петербурга.
- 1873–1874, 1876–1877 — проводил лето в Курляндии у дяди Ф. Фабиана.
- 1878 — ездил с Иваном Новоторцевым к его родителям в г. Ржев, Тверской губ.
- 1878–1883 — учился в Медико-хирургической академии.
- 1884 — первая экспедиция с научной целью на ст. Ушаки Новгородской губ.
- 1884 — работа в клинике внутренних болезней проф. Д. И. Кошлякова и в родовспомогательном доме М. И. Горвица.
- 1885 20 января–11 сентября — земский врач в Старицком уезде Тверской губ.
- 1886–1895 гг. — ассистент на кафедре Зоологии и сравнительной анатомии Военно-медицинской академии.
- 1887 г. — сверхштатный ученый хранитель Энтомологического отделения Зоологического музея.
- 1887 — вступил в С.-Петербургское общество естествоиспытателей.
- 1889 — командировка в зоологические музеи Парижа и Берлина.
- 1890 сентябрь — штатный ученый хранитель Энтомологического отделения.
- 1895 — старший зоолог Орнитологического отделения Зоологического музея.
- 1895 — избран членом Русского Энтомологического общества.

1896–1920 гг. — заведующий Орнитологическим отделением Зоологического музея.

1899 — секретарь комиссии по организации экспедиции Э. В. Толля.

1902 — участие в съезде Северных Естествоиспытателей и врачей в Гельсингфорсе.

1905 — участие в работе IV Международного орнитологического конгресса в Лондоне.

1908 — участие в зоологическом отряде Камчатской экспедиции Ф. П. Рябушинского

1910 — участвовал в работе V Международного орнитологического конгресса в Берлине.

1911 — избран членом-сотрудником Русского императорского географического общества.

1911 — кратковременная экспедиция в Олонецкий край.

1911 г. 17 ноября — избран действительным членом Имп. МОИП.

1912 — награжден малой золотой медалью Географического общества.

1913 — избран действительным членом Русского Орнитологического комитета.

1913 — участие в XIII Съезде Естествоиспытателей и врачей в Тифлисе.

1917–1918 — «врио» заведующего Зоологическим музеем.

1920 (10 января) — скончался Вит. Вит. Бианки.

Вит. Вит. Бианки

ЖИЗНЕОПИСАНИЕ ВАЛЕНТИНА ЛЬВОВИЧА БИАНКИ

Когда я занялся биографией Валентина Львовича Бианки, меня интересовали не столько его профессиональные заслуги, сколько те условия, в которых он жил и работал. Профессиональную научную деятельность я попросил описать профессора-орнитолога Р. Л. Потапова и доктора биологических наук — энтомолога И. М. Кержнера. Моя же задача свелась к описанию условий, в которых проходила жизнь Валентина Львовича: семейную жизнь, условия, возможности и некоторые результаты любимой работы, коллег, общественный фон жизни. Считаю необходимым дать хотя бы краткое описание деятельности орнитологов и других специалистов, с которыми была связана его деятельность, с кем он общался.

К сожалению, в семейном и академическом архивах сохранилось недостаточно дневниковых записей, писем и других рукописных материалов. Пришлось пользоваться «семейной памятью», и публикациями различных авторов, в которых упоминаются участие или встречи с Валентином Львовичем.

Естественно, описывая события вековой давности, я пользовался Петербургским отделением архива Российской АН и архивом Зоологического института РАН, а также помощью многих людей. Особенно большую помощь я получил от заведующей библиотекой ЗИН Л. П. Гроздиловой, заведующего Орнитологическим отделением В. М. Лоскота и Е. А. Шаповал, а также от дирекции Зоологического института. Очень внимательно и доброжелательно выполняли мои просьбы в поисках нужных документов сотрудники архивов. Свои замечания и коррективы внесло внучатое поколение В. Л. Бианки, особенно Е. В. Бианки — хранительница семейного архива писателя В. В. Бианки, в котором сохранились некоторые документы предыдущих поколений. В. Л. Бианки — дочь старшего сына Валентина Львовича Льва. К большому сожалению, я не в состоянии здесь назвать всех помогавших мне в сборе материала. Могу сказать, что не просто чрезвычайно благодарен всем помогавшим, но без этого было бы не сде-

лать описание жизни Валентина Львовича через 150 лет после его рождения.

Молодость

Валентин Львович родился 18 февраля (2 марта) 1857 г. в Москве в семье швейцарского подданного Льва Валентиновича Бианки (1827–1889) и мелкопоместной полтавской дворянки, украинки Елизаветы Евдокимовны (Ивановны) в девичестве Сидоренко (1828–30–1895). Лев Валентинович после обучения в Германии стал гражданским инженером, технологом. В молодости он участвовал в русско-турецкой войне. Встретив на Украине приглянувшуюся ему девушку, полюбил и женился на ней.

У Льва Валентиновича с Елизаветой Евдокимовной было трое детей. После Валентина, родились сын Иво (1859–1902) и дочь Сидония (1862–1904). В 1859 г. родители Валентина переехали в С.-Петербург, где Валентин с 11 лет воспитывался в классической гимназии Бычкова-Гуревича. Одиннадцати-тринадцати лет, будучи в младших классах, он собирал коллекции насекомых и растений в окрестностях С.-Петербурга, где летом жила семья. Повзрослев, пятнадцатилетним юношей он уезжает на лето в Курляндию (Латвию) к тетушке с дядей.

Там, западнее Риги, жили дядя Федор (Эдмунт, Юлий) Карлович Фабиан (1834–190?) и тетя Валентина Валентиновна (1839–1884). Федор Карлович был потомственный лесничий. Закончив курс Лисинского учебного корпуса Петербургской Лесотехнической академии, он в 1862 г. начал заниматься лесоустройством. Однако, простудившись, был вынужден временно расстаться с работой по специальности и взять отпуск в июле 1865 г. для лечения ревмокардита и катара легких. Видимо, в это время он знакомится с оперной певицей Валентиной Бианки и женится на ней. Молодые уезжают жить на родину Федора. Там находилось родовое имение и небольшая фабричка Фабианов. Федор Карлович поступает на работу лесничим Ангулемской и Кондауровской дач западнее Риги, где работал его отец. В привычном с детства месте служба шла хорошо, его считали способным, деятельным лесничим.

Тетушка Валентина, Валентина Валентиновна Бианки-Фабиан обладала редким сильным голосом (меццо-сопрано). Родившись в С.-Петербурге, она окончила консерваторию в Париже и выступала в немецких оперных театрах. В 1860 г. приехала в Петербург

и в 1862–1865 гг. была примадонной Мариинского театра. Композитор А. Н. Серов писал о ней: «А у нас новая певица — драгоценная находка для сильно-драматических партий — госпожа Валентина Бианки. Мейерберову музыку она исполняет лихо! Говорит, что в Германии певала и Вагнера, даже просматривала и «Изольду». Голосом, игрою и даже блестящей сценической наружностью это будет и “Юдифь” хоть куда”. В мае 1863 г. состоялась премьера «Юдифи», на которой Валентина Валентиновна пела вместе с М. Сарриотти. Сезоны 1865–67 гг. она выступала в Москве, но, выйдя замуж в феврале 1867 г. за Федора Фабиана, оставила сцену. В Прибалтике бывшая примадонна прожила недолго и в 1884 г. в возрасте 45 лет скончалась. Детей у них не было, и приезд на лето племянника скрашивал семейную жизнь.

У Валентина был еще один дядя, старший брат отца, Иво Валентинович (р. 1823) профессор консерватории в С.-Петербурге. По семейной памяти немного чудаковат был дядюшка, на каждый день года имел особую пару обуви. К тому же, видимо, прям и откровенен был профессор, что вызывало периодически сложности на работе. Отец же Валентина, Лев Валентинович, ни голосом, ни музыкальным слухом не блистал.

«Музыкальный» род Бианки происходит с севера Швейцарии, с берега Боденского озера, из городка Радольфцелл. В 80-х гг. Е. В. Бианки ездила с племянницей Г. Х. Иогансен проф. Уллой Иогансен, в г. Радольфцелл, где им показывали хранящееся в церковном архиве свидетельство, составленное на трех языках, о крещении младенца Валентина-Томаса (1790–1827). Причем не только сам текст, но и фамилия — по смыслу «Белый» — была переведена на соответствующий язык — в немецком документе — Вайс, в итальянском — Бианки, на латыни — Альба.

Надо сказать, что последний швейцарский предок Бианки обладал хорошим голосом. Как передает родовая легенда, Валентин-Томас был незаурядный певец и «гремел во Франции, Германии, Австрии». Нежелание попасть в войска Наполеона, заставило певца, приняв фамилию Бианки, уехать в Италию, потом в г. Варшаву и дальше в Прибалтику. Потеряв голос, он после лечения стал учителем музыки. Как свидетельствует сохранившаяся подорожная, в 1829 г. он с женой Луизой и сыном Львом переехал из Мемеля (Клайпеды) в Москву.

Как мы видим, предыдущие поколения рода Бианки отличались музыкальностью и не имели отношения к естественным наукам.

Начальный интерес Валентина к птицам, а потом его любовь и стремление к их изучению, были новым в роду направлением деятельности, образом жизни.

Наследственная любовь к природе Федора Карловича, его работа лесничим, удачно совпали с интересом племянника. У дяди с тетушкой Валентин пользовался летом полной свободой. Здесь весь день можно было пропадать в лесу, на озере. Дядюшка много интересного рассказывал и показывал племяннику. Он доверил Валентину ружье, и юноша охотился не только на пернатую дичь, но и на косуль. Их рога долго украшали его комнату. Это увлечение он сохранил на всю жизнь, выезжая на коллективные охоты с друзьями и коллегами. Все наблюдения, сделанные в природе у дяди, Валентин тщательно записывал, и через много лет ссылался на них, публикуя материалы по распространению амфибий и некоторых млекопитающих. Видимо, с приобретением собственного ружья, он начал осенью 1876 г. собирать коллекцию птиц в окрестностях С.-Петербурга (Бихнер, 1886).

По мере взросления Валентина, его связь с Федором Карловичем ослабевает. Знание лесничим птиц и зверей ограничиваются прослушанными в свое время учебными курсами и поверхностными знаниями, приобретенными при работе в природе. А Валентину хочется знать больше, у него возникают вопросы, на которые дядя не может ответить. К тому же в 1983 г. Федора Карловича увольняют с работы за попустительство подчиненным. В следующем году уходит из жизни Валентина Валентиновна. Последующее восстановление Федора Карловича на работе в прежней должности уже не способствует упрочению связи с племянником. К тому же появляется новая жена дяди, Аста Константиновна Гильдеман, семейная обстановка меняется. Да и болезни не оставляют лесничего. В январе 1896 г. он просит отпуск для лечения за границей хронического воспаления почек. В феврале 1900 г. в возрасте 66 лет Федор Фабиан увольняется с работы по состоянию здоровья.

Любовь Валентина к природе, юношеский интерес к животным перерастают в дело жизни. Из всего многообразия природы основным объектом его увлечения остаются птицы, к которым потом присоединились насекомые. По крайней мере, начиная с 1875 г., посещения птичьего рынка становятся для него все более

интересными и важными для познания птиц. Птицеловы хорошо знают, где и когда держатся те или другие виды, их привычки и поведение, все то, что необходимо для успешной их поимки. Их знания основываются на детальном многолетнем наблюдении птиц в местах их обитания. Они много интересного рассказывают любознательному юноше. Он узнает, как меняется их поведение и предпочтение мест обитания, питание в течение сезонов. Этот подход виден в эколого-фаунистических описаниях Бианки птиц района Ушаков, потом Тверской губернии, сделанное уже далеко не молодым человеком, «кабинетным ученым», как некоторые коллеги его считали.

Вернувшись из Прибалтики в сентябре 1876 г., Валентин приобретает у птицеловов редких под Питером воробьиного сычика и белую лазоревку-князька. Он трогательно обустроил сычика в просторной клетке. Заботясь, чтобы он не поранился о металлическую сетку, натянул нитяную, и устроил ему удобное дупло для отдыха. Маленький хищник иногда свободно летал по комнате, и Валентин провел целую программу наблюдений за ним, описывая не просто поведение, но и его сезонные изменения, способности решать различные задачи. Например, как сычик относится к животным различной величины, как самостоятельно учится делать дыры в нитяной сетке, чтобы выбраться из клетки. Валентин пришел к выводу, что сов несправедливо считают умственно ограниченными птицами. Его сычик совсем неплохо соображал, как достигнуть нужную ему цель, и быстро совершенствовался в ее осуществлении. Свои наблюдения Валентин оформил в виде рукописи.

Кроме того, молодой человек начинает собирать сведения о птицах, встречающихся в С.-Петербургской губернии. Он составляет список из 50 видов птиц Курляндии, которых наблюдал там летом, и сравнивает его с перечнем птиц С.-Петербургской губернии. В это же время штудировал Кесслеровские «Русскую орнитологию» (1847) и выпуски «Естественной истории губерний Киевского учебного округа» (1850–1856), выписывает себе описания способов ловли птиц, какие при этом используются орудия и особенности передержки в неволе пойманных птиц. Знания, приобретенные у птицеловов, проявляются здесь в его размышлениях, хотя интересы уже намного шире и разнообразнее. Он подробно выписывает приметы погоды, таблицы для определения млекопитающих, рептилий и птиц. Учится их составлению.

Историки считают рубежи 1850-х–1860-х и 1870-х–1880-х гг. периодами «революционных ситуаций». Во время первого из них Валентин был еще ребенком и, вероятно, не воспринимал напряжение в обществе, тем более, что оно касалось преимущественно деревенских взаимоотношений. Второй же период, когда обострилась напряженность между государственной властью и обществом (Шмидт, 2000) пришелся на его молодость. К тому же добавлю, что в это время были значительные студенческие волнения. Это не могло не коснуться Валентина, хотя бы косвенно, что видно по его высказываниям.

Товарищ Валентина по гимназии, впоследствии широко известный историк С. В. Платонов писал, что читая книгу Л. Бюхнера «Kraft und Stoff», которая по словам Фанкельберга служила гимназистам для удовлетворения потребности в свободомыслии, они вели с Валентином бесконечные споры. «Он (В. Л. Бианки. — В. Б.) оказался гораздо ближе к материализму, чем я, и тогда уже смотрелся естественником в той же мере, в какой я — филологом. Если товарищеское общение с В. Л. Бианки поддерживало во мне умственную энергию, то не меньше значило для меня в этом отношении и знакомство с новым нашим преподавателем русской словесности В. Ф. Кеневичем» (Платонов, 1921). Так Платонов оценивал споры с Валентином, которые помогали оттачивать самосознание, сравнивал их с влиянием учителя гимназии.

Валентин уже в отрочестве «с головой ушел в природу». Однако это не мешало ему, конечно, иметь свой взгляд на проблемы государства и общества. 12 сентября 1877 г., используя сведения из сочинений историка и публициста Н. В. Шелгунова (1824–1891), он доказывал в гимназическом сочинении «Война, ее темные и светлые стороны», что война оказывает несравненно больше отрицательного влияния на общество, государство в целом, чем положительного. «Война есть зло, часто неизбежное, но всегда громадное, — пишет он. — Войны „из-за идеи“ не допустимы, т. к. „идею нельзя заставить принять насильно“. Народ принимает новую идею в результате войны только потому, что будучи измучен войной материально и нравственно, стремится к спокойствию». И дальше, «Исключительно желание освободиться из-под непосильного гнета может если не извинить, то по

крайней мере оправдать ведение войны, ...когда восстание угнетенных вырывается наружу, ...как всякое искреннее чувство, а не готовится искусственно. Отсюда симпатия к нынешней войне...», освободительной войне славян 1877–78 гг. на Балканах против мусульманского владычества.

Той осенью, будучи в последнем классе гимназии, Валентин писал и др. сочинения. Например, 10 октября он второй раз излагал свое видение «борьбы, как условия жизни». Если в первый раз на экзамене при переходе в 8-ой класс, он доказывал наличие борьбы в жизни животных, то теперь обратился к людскому обществу. В своем рассуждении он использовал теорию Томаса Мальтуса о народонаселении, военные столкновения народов и естественное биологическое неравенство индивидуумов. Физическая борьба, писал Валентин, необходима для выживания и совершенствования людей. Нравственная же борьба в обществе совершенствует умственные способности, закаляет характер, приучает думать и владеть собой, что развивает человека. Умственные же способности, физическое строение и общественный инстинкт сделали человека господствующим на Земле.

Интересно и сочинение Валентина на тему: «Мой идеал», написанное 28 ноября 1877 г. Рассуждая, он приходит к выводу, что под идеалом часто понимают нечто «высшее», к чему можно только стремиться, а достигнуть нельзя, т. к. он удаляется по мере приближения к цели. «Надо быть идеалистом, чтобы вечно гоняться за идеалами. На это способны только Рудины» («Рудин» И. С. Тургенева). Не достижимые для данного человека «идеалы» вредны. Для себя же Валентин отождествляет идеал с мечтой и целью в жизни, которые достигаются «энергией, силой воли и характера». Недостижимая мечта — вредна, т. к. «отучает от работы и расстраивает нервы». С другой стороны каждому человеку необходимо определить для себя полезную мечту-цель и добиваться ее. Ничего, что жизнь коротка. Начатое нужное дело могут продолжить и закончить другие. И Валентин принимает для себя идеалы самые достижимые, изменяющиеся во времени, исповедуя «теорию последовательного, строгого и расчетливого эгоизма и неразрывно связанную с ней теорию общечеловеческой солидарности, общей пользы». Он отрицает поговорку «плеть обухом не перешибешь», противопоставляя ей другую — «вода камень точит».

«Пользою я называю, — пишет он, — все то, что необходимо, вредом — что не нужно; разумеется относительно, а не абсолютно. Поэтому ни в чем, никогда, никому не отказываю, в том, что человеку нужно и наоборот. Занятия и работу считаю нужным находить такие, которые любишь, иначе является недостаточно рачительное отношение к делу, что ему только вредит. Удовольствия признаю только такие, которые в состоянии дать отдых, как уму, так и телу, и которые не вредят. Все излишнее признаю вредным и, следовательно, не допускаю ни под каким видом».

Дальше идет его понимание идеалов:

Философский — не иметь никаких идеалов. Быть не получеловеком, а человеком, т. е. работать над своим развитием, познать самого себя и окружающих, уважать мнение других и уважать всех людей.

Государственный — «изменяется сообразно с развитием народа; мало развитый народ нуждается в монархическом управлении».

Политический — естественное объединение народностей. Разрешение международных споров — мирным путем, а не войной и другим насилием.

Нравственный — все, что на пользу и согласно природе человека. Счастье — «вносить в жизнь людей как можно больше света и тепла». «Честным называю все то, что никому не причиняет убытка, что согласно с общей пользой». Требую полнейшего равноправия женщин с мужчинами и полного равноправия в семейном быту.

Валентин считал, что идеалы меняются под влиянием изменений окружающей среды. Таково было кредо молодого человека, оканчивающего гимназию и решающего для себя вопросы женитьбы на любимой девушке, обеспечения будущей семьи и работы по любимой специальности.

После окончания гимназии в 1878 г., Валентин отправился с одноклассником, Иваном Новоторцевым, обладавшим выдающимися музыкальными и математическими способностями, к его родителям в г. Ржев Тверской губернии. Там он познакомился с отцом Ивана, купцом Петром Новоторцевым, посмотрел новые места, даже удалось поохотиться. А вот наблюдать за птицами и др. животными, видимо, не пришлось. Вернувшись из Ржева, Валентин поступил в Медико-хирургическую академию (с 1881 г. — Военно-медицинская академия).

Такое решение на первый взгляд кажется неожиданным. Молодого человека интересовала биология, он преуспел в познании окружающей живой природы, много читал о зверях и птицах, знал их и их латинские, научные названия, самостоятельно ставил и проводил наблюдения. Уже приобрел собственный исследовательский опыт. Он писал, что: «Кроме естественных наук меня ничто не интересовало». Это было время, когда, как писал потом И. П. Павлов (1949): «Под влиянием литературы 60-х гг., в особенности Писарева, наши умственные интересы обратились в сторону естествознания».

Однако в сочинении на тему «Мой идеал» Валентин писал, что «мечтаю изучить, кроме естественных наук, медицину и историю...» Возможно, изучая медицину, он хотел как следует познакомиться с анатомией и физиологией человека для лучшего понимания птиц и зверей. Биология и медицина в XIX в. еще не разошлись так далеко, как в XX в., еще происходили общие съезды Естествоиспытателей и врачей, на которых их разделение происходило на уровне секций. Без сомнения, выбор высшего учебного заведения, был сделан Валентином обдуманно и вполне оправданно. Будучи гимназистом, он полюбил Клару (Эмма, Матильда) Бланк (1850–1915). Сохранились записи об их знакомстве и объяснении с Klarой в августе-ноябре 1877 г., их рассуждения о прочитанных «Отцах и детях» И. С. Тургенева, одобрительные высказывания обоих об отношениях Базарова к своим родителям.

Все родственники Валентина были против этого выбора. Даже брат Иво перестал помогать Валентину. И все же в мае 1880 г. женитьба Валентина Львовича состоялась. Молодых людей не остановили возникшие трудности и различия в возрасте, вере и подданстве (Клара — старше на 7 лет, лютеранка, немецкая подданная, Валентин — православный и швейцарский подданный). Родные перестали материально поддерживать Валентина. Не было помощи и от родных жены. Ни от отца Klarы, Иоганна Генриха Бланка (Johann Heinrich Blanck), содержавшего гостиницу в С.-Петербурге и ресторан в Берлине, где он жил с супругой — Эммой-Матильдой (Emma-Mathilde), урожденной Шнбах (Schenbach).

Не помогал и ее брат Густав Бланк — первая скрипка Мариинского театра, у которого девочкой жила Клара. Семи лет от роду ее привезли к нему в С.-Петербург, где она закончила в октябре 1866 г.

Вознесенскую женскую гимназию, и получила свидетельство о правах «домашней учительницы». Она работала гувернанткой в немецких семьях в Петербурге и ездила с одной из них в Швейцарию.

Студент-медик

Будучи вынужден материально рассчитывать только на себя, Валентин предполагал, что окончив Военно-медицинскую академию и став дипломированным врачом, он не останется без работы и сможет обеспечить свою будущую семью. С университетским же образованием, на это трудно было сразу рассчитывать. В Зоологическом музее в то время было всего пять штатных единиц ученых хранителей и четыре — препараторов. Возможность занять одну из них сразу после окончания университета была слишком мала. Обычно в штат музея приглашали уже состоявшихся ученых. И только проработав несколько лет без зарплаты внештатными, известным специалистам удавалось перейти в штатные. К тому же зарплата была слишком мала, чтобы без дополнительных доходов содержать семью. Не исключено, что для поступления в университет были и другие препятствия. Во всяком случае, пришлось бы отложить женитьбу по крайней мере до устройства на работу после окончания учения. Это для Валентина Львовича не подходило. Он без сомнения предвидел грядущие сложности, не боялся их и планировал их преодоление. Как мы увидим дальше, только медицинское образование, без университетского, не помешало ему стать профессиональным зоологом, но несколько усложнило и отдалило достижение этой цели. Он оказался в Зоологическом музее единственным «лекарем» по образованию, успешно занимающимся исследовательской работой зоолога в АН. Обычно в таких случаях молодые люди старались получить «второе образование». Например, Н. А. Холодковский, окончив Медико-хирургическую академию, экстерном сдал выпускные экзамены в университете, а И. М. Павлов после университета поступает на III курс Медико-хирургической академии.

В Медико-хирургической академии была кафедра Зоологии и сравнительной анатомии, которой руководил профессор Э. К. Брандт, а в учебном плане студентов — курс зоологии. Это позволяло Валентину не только получить систематические знания о животных в сравнительном аспекте, но расширить и углубить их,

занимаясь на кафедре. Кроме того, и детальное знание анатомии человека, работы его органов и их лечения только помогали ему в познании особенностей животных, в частности птиц.

Путь первичного познания природы Валентина был обычен в то времена для молодых людей небольшого достатка. Так же начинали многие будущие биологи и путешественники. Например, известный сподвижник и продолжатель дела Н. М. Пржевальского, Всеволод Иванович Роборовский (1856–1910) в гимназические годы тоже занимался сбором коллекций растений и животных в С.-Петербургской и Тверской губерниях. Выбор же пути после гимназии определялся семейными традициями и возможностями. В. И. Роборовскому пришлось закончить юнкерское училище, и только благодаря товарищу по гимназии он был представлен Н. М. Пржевальскому, с которым и отправился в марте 1879 г. в его третье путешествие по Центральной Азии (Козлов, 1910).

Как видим, начало жизненного пути у молодых людей сходно, хотя после гимназии они получили разное образование. Не исключено, что уже гимназистами они, погодки, были знакомы. В дальнейшем, в 1886–1887 гг. они должны были встречаться в Зоологическом музее, когда В. И. Роборовский совершенствовал там свои знания по зоологии. Такое обучение путешественников специальным знаниям и навыкам было необходимо. Например, путешественник по Центральной Азии, ученик и преемник Н. М. Пржевальского П. К. Козлов пишет: «Годы оседлой жизни на родине я посвящал усовершенствованию в естественных науках, этнографии и астрономии. После Н. М. Пржевальского, самое большое участие в моем дальнейшем развитии принимали <... >, по специальным отделам естествознания В. Л. Бианки и Е. А. Бихнер (зоологи)» (Козлов, 1947).

Профессором кафедры Зоологии и сравнительной анатомии Медико-хирургической академии с 1874 г. состоял Эдуард Карлович Брандт (1839–1891), доктор медицины и магистр зоологии, широко эрудированный биолог, крупный ученый-энтомолог, прекрасный лектор и педагог. Возглавляемая им кафедра пользовалась авторитетом в ученых кругах. В 1857–1863 гг. Эдуард Карлович прослушал не только курс Медико-хирургической академии, но и лекции Ф. Ф. Брандта, С. С. Куторги и Л. С. Ценковского в С.-Петербургском университете, а потом неоднократно выезжал

за границу для совершенствования своих знаний по зоологии Среди публикаций Эдуарда Карловича есть несколько учебников, работы по строению и сравнительной анатомии пресмыкающихся и землероек, но большинство их посвящено строению насекомых (Брандт, 1878). Его магистерская диссертация: «Сравнительная анатомия и метаморфология нервной системы перепончатокрылых». С 1879 г. он состоял президентом Русского энтомологического общества и был членом-учредителем С.-Петербургского общества естествоиспытателей.

Под руководством Э. К. Брандта уже на первых курсах Валентин Львович занимался научной работой. Еще в гимназическом сочинении осенью 1877 г. он писал, что «...требует от студента заниматься делом, а не дурить». В 1879 г. он составляет список птиц, встречающихся в Европейской части России. В нем было указано, где вид впервые был встречен, кем и когда впервые описан, характер его пребывания — гнездится, только пролетает и т. д. Таблица занимает общую тетрадь. В другой тетради перечисляются все земноводные и пресмыкающиеся с характеризующими их данными. Учитывая состояние изученности в то время позвоночных животных и далеко не полные орнитологические сводки П. С. Палласа (1811), И. А. Двигубского (1831) и К. Ф. Кесслера (1847), это была большая и серьезная работа не только для студента.

В составленной Валентином Львовичем видовой картотеке птиц С.-Петербургской губернии имеются отдельные записи, сделанные в 1876 г. когда он был гимназистом. В основном же это наблюдения в 1878 г. студента в Лигово под С.-Петербургом и более многочисленные в 1879–1882 гг. Все каникулярное время с 2 июня по 24 августа 1881 г. он вел там регулярные наблюдения, которые продолжил в последующие два года. Кроме того, Валентин Львович вел фенологические наблюдения в городе, посещал с этой целью птичий рынок. Кроме Лигова, в картотеке есть записи о птицах, встреченных в Большой Ижоре и Мартышкине. Не ограничиваясь своими наблюдениями, он использовал материалы Н. Ф. Гуна, полученные в 1877 г., Ф. Д. Плеске — в 1881 г. в Гдовском уезде, а также устные сообщения и коллекционные экземпляры проф. Э. К. Брандта (ЛО Архива РАН, ф. 309, оп. 2, ед. хран. 8).

Соднокурсником Николаем Федоровичем Гуном Валентин Львович подружился в академии. Они вместе ездили за город, наблюдали

птиц, собирали их коллекцию. В последствие Николай Федорович был не только близким человеком, но и домашним врачом семьи Бианки. Они с женой, Софьей Андреевной, часто бывали гостями у Валентина Львовича и Клары Андреевны, как ее звали в России. Н. Ф. Гун работал врачом в Елизаветинской клинике для малолетних детей и при Институте путей сообщения. Работа врача позволяла иметь дачу в Териоках (Зеленогорске) на северном берегу Финского залива, где он завел даже небольшой зверинец.

Самостоятельно начатая Валентином Львовичем коллекция тушек птиц окрестностей С.-Петербурга стала теперь пополняться вместе с Н. Ф. Гуном. К 1883 г. их собрание состояло из 370 шкурок птиц, которых они добыли сами или приобрели на птичьем рынке. До 1878 г. в ней преобладали мелкие воробьиные, а начиная с 1879 г. значительно пополнялась куликами, дятлами, дневными и ночными хищными и другими неворобьиными птицами. Коллекционеры, видимо, добывали их во время экскурсий на о. Голодай (Декабристов) в дельту Невы, на побережье Финского залива в район Ораниенбаума (Ломоносова) и в других местах близ Петербурга. Охотничьих птиц у них было мало.

Уже в 1883 г. собранные ими сведения о птицах были востребованы: ученый хранитель Зоологического музея Е. А. Бихнер готовил к публикации сводку о птицах С.-Петербургской губернии. Валентин Львович и Николай Федорович предоставили ему свою коллекцию и многочисленные наблюдения за разными видами в природе. Кроме того, В. Л. сделал подробное описание гнезд садовой камышевки, которое составной частью вошло в работу Е. А. Бихнера (1884, Дополнения, с. 612–614).

Петербуржцу Евгению Александровичу (Альфредовичу) Бихнеру (Bichner, 1861–1913) с братом перешел по наследству каменный дом в Санкт.-Петербурге и имение Харламова Гора в Гдовском уезде недалеко от Пскова. Братья были дружны с Федором Плеске, и в студенческие годы вместе экскурсировали по окрестностям имения и близ С.-Петербурга. Хорошее знание птиц позволило им, еще будучи студентами, опубликовать в 1881 г. наблюдения за птицами, сделанные у Харламовой Горы и в различных местах Петербургской губернии, преимущественно близ столицы.

Будучи на 4 года младше Валентина Львовича, Евгений Александрович в один год с ним закончил высшее учебное заведе-

ние, только не Военно-медицинскую академию, а университет и был принят сверхштатным ученым хранителем Зоологического музея. Это позволило ему продолжить работу над птицами, начатую гимназистом. Кроме собственных наблюдений, теперь он мог использовать коллекции, хранящиеся в Зоологическом музее и в музее Зоологического кабинета Петербургского университета. Дополнительно он собирал наблюдения любителей. Других претендентов на эту работу не было. Плеске уехал на Дальний Восток, Бианки занимался врачебной работой для обеспечения семьи. Оба предоставили в его распоряжение свои материалы, которые пришлось очень кстати и составили значимую часть подготовленной Бихнером сводки. В книге помимо обычной благодарности автор выразил дружескую признательность В. Л. Бианки и Ф. Д. Плеске за оказанную ему помощь словом и делом.

Публикуя сводку о птицах Петербургской губернии, Бихнер ставил одной из своих задач ревизию сведений, ранее опубликованных разными авторами. Как он считал, в них было много не проверенных и ошибочных данных, которые надо было исключить из дальнейшего использования. В итоге он описал пребывание в Петербургской губернии 251 вида, дополнив материал новыми сведениями о 100 видах, полученными в период печатания рукописи. Эту работу Бихнера надо считать первой научной сводкой о птицах Петербургской губернии. В 1897 г. автор дополнил ее публикацией о новых и редких видах.

В основном же Евгений Александрович обрабатывал материалы, поступающие от экспедиций, в частности Н. М. Пржевальского, занимался систематикой млекопитающих Кавказа и Центральной Азии. В 1897 г. директор Зоологического музея В. В. Заленский поручил Е. А. Бихнеру заведовать отделением млекопитающих. Хорошие отношения с Плеске и Бианки, естественно, помогали в работе. Однако, дальше рабочих взаимоотношений дело не пошло. Свое время холостяка Евгений Александрович делил между работой и развлечениями. Поэтому его исследования млекопитающих были более скромными, чем могли бы быть. В 1899 г. он был вынужден выйти в отставку по состоянию здоровья.

В ноябре 1883 г., закончив академию, Валентин Львович получил степень лекаря. Профессор Д. И. Кошляков — эрудированный, отличный врач и лектор — взял его ординатором в свою

клинику внутренних болезней, что было большой честью. Однако этого оказалось недостаточно, пришлось по совместительству стать дежурным врачом в Мариинском родовспомогательном доме проф. М. И. Горвица.

Вхождение в жизнь

Не сразу пришло материальное благополучие в семью Бианки и возможность Валентина Львовича посвятить себя научной работе в Зоологическом музее АН. Трудно было студенту начинать семейную жизнь без поддержки родственников. Родилась дочь, надо было обеспечивать семью. И после окончания академии у него не было возможности подготовиться и сдать экзамены за курс университета. Только увлеченность, бескорыстная и полная отдача любимому делу, высокая работоспособность, самодисциплина и поддержка жены, помогли стать общепризнанным специалистом. Уже работая заведующим Орнитологическим отделением Зоологического музея, Валентин Львович не позволял себе отвлекаться от работы даже вечерами, проводя их дома за письменным столом. Все посещения театров, концертов, откладывались на пенсионный период. Не интересовал его и спорт. Впоследствии младший сын Валентина Львовича, Виталий, писал: «высок духом, строг и светел был мой отец — суровый жрец Афины Паллады».

Впрочем, самостоятельно пробиваться в жизнь нелегко было и молодому специалисту с университетским образованием. Об этом, например, говорит жизнь хорошего знакомого Бианки по академии И. П. Павлова (1849–1936). Окончив университет в 1875 г., Иван Петрович поступил на 3 курс Медико-хирургической академии и стал ассистентом у профессора К. Н. Устимовича на кафедре Физиологии Ветеринарного отделения. Затем с декабря 1878 г. 10 лет проработал лаборантом Физиологической лаборатории у профессора С. П. Боткина, хотя в 1879 г. сдал в академии выпускные экзамены.

После женитьбы Павлова в 1881 г. на Серафиме Васильевне Карг знакомство Валентина Львовича и Ивана Петровича стало семейным. Однако, оба были людьми занятыми, увлеченными своей работой, в гости друг к другу ходить не хватало времени. Из детей Валентина Львовича чаще других в семье Павловых бывал старший, Лев. Он учился в одном классе гимназии с их сыном. Друже-

ские отношения между семьями Бианки и Павловых проявились и в трудные 30-е гг., когда Иван Петрович оказывал помощь семье младшего сына Валентина Львовича, Виталия.

Летом 1884 г. Валентин Львович поехал с Н. Ф. Гуном в окрестности ст. Ушаки. Это была его первая самостоятельная научная экспедиция для изучения гнездящихся птиц. Там, на границе Новгородской и Петербургской губерний они отметили 84 вида, из них 56 лесных и 28 птиц открытых ландшафтов (18 видов были редкими в Новгородской губернии). В результате подробных записей о встречах птиц и их гнезд, выяснялись требования разных видов птиц к условиям жизни: во время гнездования, вождения выводков, при смене оперения в конце лета. Ведь у каждого вида свои особенности и возможности, соответственно предпочтения и требования к месту устройства гнезда, питанию, отдыху. Каждый вид, каждая особь по-своему старается спастись от врагов и избежать конкуренции. Для этого наблюдения за птицами сочетались с описанием ландшафта и растительности, в которых держались птицы.

Кроме непосредственных наблюдений, молодые исследователи разработали методику определения степени насиженности яиц воробьиными птицами по состоянию развития эмбриона. При выдувании яиц, взятых в коллекцию, они делили их содержимое на 7 категорий от «совсем жидкого» до эмбриона, полностью занимающего полость яйца. Зная продолжительность насиживания, формирования и роста птенцов в гнезде, появлялась возможность рассчитывать дату начала откладывания яиц, вылупления птенцов и их вылета из гнезда. Так выяснялись подробности гнездовой жизни воробьиных птиц.

Собранные материалы Валентин Львович опубликовал в 1888 г., дополнительно включив в них отдельные наблюдения Э. К. Брандта, сборы В. Е. Андриевского и наблюдения в окрестностях о. Ильмена А. Е. Петрова (1885). Их материалы хранились в С.-Петербургском университете. Объединив их наблюдения со своими, Валентин Львович считал, что в Новгородской губернии отмечено всего 184 вида птиц. Кроме того, он сравнил новгородские материалы со сведениями из С.-Петербургской губернии.

В июле 1884 г. В. Л. Бианки принял русское подданство.

Напряженная практическая работа на медицинском поприще не позволяла Валентину Львовичу уделять достаточно времени

естественным наукам, тем более наблюдениям за птицами в природе. В начале 1885 г. по совету мужа сестры Сидонии и своего товарища по гимназии Ивана Петровича Новоторцева, он уезжает в Старицкий уезд Тверской губернии земским врачом. Семья Новоторцевых жила по соседству в г. Ржеве и расположенном невдалеке с. Соколове на р. Сишке. Места были знакомы, туда Валентин Львович ездил раньше с Иваном. Семья Сидонии и Ивана состояла из двух сыновей, Алексея (1880–1962) и Владимира (ум. 1942) и дочери Ольги (1886–1990). Иван принял от отца купеческую эстафету, и часто разъезжал по делам. Кроме того, он имел дело с фабрикой Фабианов.

Участок врача Бианки находился на левом берегу Волги, жил он в с. Берново на р. Тъме. Ландшафты здесь были разнообразны: высокоствольные участки леса, лиственные рощи чередовались с лугами, богатыми разнотравьем, верховыми болотами. Соответственно и птичье население не было одинаковым и в течение лета птицы перемещались из одного участка в другой. Многим из них для гнездования нужны одни условия, при вождении выводка — другие, а потом для смены оперения взрослым птицам — третьи. Благодаря природному разнообразию Валентину Львовичу удалось собрать неплохой материал по встречаемости и размещению птиц в разные периоды лета. Была возможность и поохотиться, наблюдать охотничьих виды. Только весенний прилет птиц, к сожалению, не удалось проследить полностью. С 22 апреля по 3 мая пришлось съездить в С.-Петербург.

Недалеко от Старицкого уезда в Тверской губернии бывал и Плеске. Он тоже, конечно, записывал все наблюдения за птицами, которые передал потом Бианки, когда он описывал птиц Тверской губернии. Приезжал в конце июня и Е. А. Бихнер. Добрые отношения с коллегами в музее сохранялись и летом за его пределами.

Врач Бианки, конечно, познакомился с владельцами расположенных поблизости имений, и их родственниками. Рядом с селом Берново находилось одноименное имение М. Н. Вульфа и «сельцо» Е. П. Вульф — представителей известного рода Вульфов, к которым в свое время заезжал А. С. Пушкин, а также А. П. Керн. Теперь же из С.-Петербурга на лето приезжала сестра Михаила Николаевича, Анна Николаевна Бубнова с дочерьми. Знакомство поддерживалось и зимой. Связующим звеном между семьями был

старший сын Валентина Львовича, Лев, судовольствием танцующий на вечеринках с младшей дочерью Бубновых, Анной (1890–1983). Теперь в с. Бернове заказник и музей А. С. Пушкина и сестер Бубновых: одна стала известной скрипачкой, другая — художником.

Видимо, родственник Д. К. Бубнова, мужа Анны Николаевны, сообщил Валентину Львовичу о том, что ему удалось добыть на охоте редкого там черного аиста. Такие сведения Валентин Львович собирал всю жизнь.

Валентин Львович проработал в Старицком уезде с 20 января до 11 сентября 1885 г., когда был приглашен проф. Э. К. Брандтом на должность ассистента в Военно-медицинскую академию. В дальнейшем он еще дважды, в 1891 и 1893 гг., приезжал сюда со старшим сыном Львом, совмещая посещение родных людей и естественный для него сбор научного материала — увлекательную ловлю бабочек, других насекомых, наблюдения за птицами. Лева уже 6–7-ми летним мальчонкой пристрастился к собиранию насекомых, пронеся любовь к ним через всю жизнь. В первое лето в Тверской губернии он ловил бабочек для отца, а во второе, девятилетним, составил свою небольшую коллекцию. Фауна Тверской губернии была очень слабо исследована, хотя находилась рядом с мощными научными центрами Москвы и Петербурга. В Ржеве и Соколове Валентину Львовичу помогали родственники, а в Берново — Вульфы, за что он и благодарил их в своих публикациях (Бианки, 1892).

На кафедре у Э. К. Брандта занимался студент Николай Холодковский (1858–1921), который был на III курса старше Валентина Львовича. При всей разности характеров, интересов и деятельности, судьбы Валентина Львовича и Николая Александровича переплетались. Родители Н. А. Холодковского были врачами, и в Медико-хирургическую академию он поступил по семейной традиции, хотя с детства увлекался сбором насекомых, шахматами, имел выдающиеся лингвистические способности, увлекался переводом «Фауста» В. Гёте и других произведений. После окончания в 1880 г. академии Николай Александрович сдал экстерном выпускные экзамены за физико-математический факультет Петербургского университета и получил степень кандидата естественных наук (Смирнов, 1981). Так получали второе, университетское образование, университетский диплом.

Профессор Э. К. Брандт пригласил его ассистентом на свою кафедру Зоологии и сравнительной анатомии. Однако, из-за участвовавших в стране террористических актов и усилившихся студенческих волнений прием студентов в Медико-хирургическую академию в 1879 г. был закрыт. Закрылась и кафедра Брандта, а сам профессор был переведен на кафедру Зоологии Ветеринарного отделения. Восстановлена кафедра Зоологии и сравнительной анатомии была в декабре 1883 г. Теперь Н. А. Холодковский смог занять по предложению Э. К. Брандта должность ассистента. Однако они не работали, и в 1885 г. Николай Александрович перешел доцентом зоологии в Лесной институт. На освободившееся место Э. К. Брандт и пригласил В. Л. Бианки. Это была работа, обеспечивающая занятия со слушателями академии по зоологии, непосредственно связанная с животными. Начав работать в Военно-медицинской академии, Валентин Львович восстановился в должности дежурного врача Мариинского родовспомогательного дома. Этот приработок он сохранял и после смерти Брандта, когда его преемником в 1891 г. стал Холодковский.

Зоологический музей в XIX в.

Зоологический музей АН начинался как кунсткамера, организованная в 1714 г. Петром Первым. Экспонаты для нее собирали на Руси и покупали за границей. Со временем большинство их стало поступать от экспедиций, описывавших огромную территорию России, а также с других материков. Все увеличивающиеся фонды и возрастающее посещение населением выставочных залов привело к тому, что во второй половине 20-х гг. было решено создать на основе материалов кунсткамеры специализированные музеи. Усилиями Ф. Ф. Брандта, приглашенного для создания Зоологического музея, 4 июля 1832 г. были открыты для посетителей первые три выставочных зала в одном из зданий АН в Таможенном переулке. Через 50 лет, в 1882 г. Зоологический музей располагался в 32 залах. В это время в его штате было три человека — директор и два хранителя-препаратора — энтомолог Э. Менатрие (1826–1861) и орнитолог Г. Шрадер. Музей представлял собой, как писал А. А. Бялыницкий-Бируля (1925), лабораторию заведующих им академиков-зоологов, и научная деятельность музея выражалась преимущественно их трудами.

В XIX в. особенно богатые сборы поступали от экспедиций Географического общества. При специальном финансировании покупали и получали в дар частные коллекции. Массу новых материалов надо было сохранять, разбирать, систематизировать и описывать. Это требовало увеличения штата и помещения. В 1875 г. Ф. Ф. Брандту удалось увеличить штат музея на три единицы ученых-хранителей и четыре — препараторов. В 1879 г. музей принял А. А. Штраух (1832–1893). Учеными-хранителями Зоологического музея становятся хорошо зарекомендовавшие себя выпускники Петербургского и других университетов — обычно достаточно состоятельные люди. Это и заставило Валентина Львовича учиться в Военно-хирургической академии, а потом, работая врачом, зарабатывать на жизнь. Чтобы войти в круг ученых, ему пришлось «по совместительству» приобрести необходимое признание своими исследованиями.

С 1879 г. по 1885 г. ученым хранителем и первым заведующим Орнитологическим отделением музея состоял Модест Николаевич Богданов (1841–1888). В 1864 г. он окончил Казанский университет и в 1871 г. получил степень магистра зоологии за большой труд «Птицы и звери черноземной полосы Поволжья и долины средней и нижней Волги», который он представил в Петербургский университет. Вскоре Модест Николаевич был избран его штатным доцентом зоологии, а в 1879 г. — и ученым хранителем Зоологического музея.

Вся жизнь и развитие музея как самостоятельного учреждения шла благодаря беззаветной преданности его служебного персонала (Бялыницкий-Бируля, 1925). Коллекции Зоологического музея АН были тогда одними из богатейших в мире, а состав палеарктических животных в нем лучшим. Одних птиц в музее находилось 24 000 экз. Сборы продолжали поступать. Только от третьей экспедиции Н. М. Пржевальского в 1881 г. было передано 4 809 наземных позвоночных, в том числе 3 425 птиц (Наумов, 1980).

Коллекция птиц Зоологического музея позволяла приступить к общему описанию птиц России и обрабатывать отдельные систематические группы. Войдя в штат Зоологического музея, М. Н. Богданов (1881) тщательно описал сорокопутов России и их сородичей, а также начал описание орнитофауны России. В 1884 г. был опубликован подготовленный им «Перечень птиц Российской империи (*Conspectus avium imperi Rossici*). Русская

орнитология. Вып. 1». В этой работе рассматривались вопросы систематики, в частности внутривидовой изменчивости и критерия вида (Даревский, Лоскот, 1982). В дальнейшем эту работу продолжил преемник Богданова Плеске, а потом и Бианки.

Однако распространение птиц даже не вдалеке от культурных и научных центров было не всегда достаточно известно. В 1880 г. с помощью Петербургского общества естествоиспытателей

М. Н. Богданов организовал экспедицию на ближайший Север — Белое море, Мурман и Кольский полуостров. В ее состав вошли студенты университета Ф. Д. Плеске, С. М. Герценштейн, (1854–1894), А. М. Никольский (1858–1942) и др. В дальнейшем трое этих зоологов стали известными специалистами и работали в Зоологическом музее. Однако только один из них занимался птицами — Федор Дмитриевич Плеске. Соломон Маркович Герценштейн занимался морскими беспозвоночными и рыбами. В 1879 г. он начал работать в Зоологическом музее и был первым заведующим отделением рыб. Среди студентов он слыл ходячей энциклопедией. После его ранней кончины заведующим отделением рыб, земноводных и пресмыкающихся стал А. М. Никольский. Перед этим он преподавал в Петербургском университете.

Вернемся к Федору Дмитриевичу Плеске. Сын Валентина Львовича, Виталий писал о нем (Бианки, 1993): «...вспомнился учитель отца — начитанный, выдержанный Федор Дмитриевич Плеске — зоолог, мудрый охотник.» Учитывая его роль в создании в Санкт-Петербурге прекрасного Зоологического музея мирового уровня и значения, близкого коллеги Валентина Львовича и после такого отзыва знавшего его Виталия Валентиновича, надо уделить Ф. Д. Плеске необходимое внимание.

Федор Дмитриевич Плеске (1858–1932)

Будучи сыном достаточно состоятельных родителей-дворян, Федор Дмитриевич (Эдуардович) мог уже мальчишкой познакомиться с природой различных мест Европейской России. Он родился в Петергофе под Санкт-Петербургом и с 11 лет начал собирать орнитологическую коллекцию на Южном Урале под Оренбургом (1869–1873), в С.-Петербургской (1874–1876), Уфимской (1877) и Гродненской (1877) губерниях, в Эстляндии (1871).

В 1878 г. он наблюдал птиц в Вышневолоцком уезде Тверской губернии, немного севернее тех мест, где позднее бывал Валентин Львович. В этом же году Ф. Д. Плеске был принят действительным членом Петербургского общества естествоиспытателей, а в 1880 г., как мы знаем, участвовал в экспедиции М. Н. Богданова на Кольский полуостров. В университете (1878–1882), Ф. Д. Плеске славился умением препарировать животных. Перед экспедицией М. Н. Богданов попросил его научить этому искусству А. М. Никольского и В. А. Хлебникова.

На основании материала, собранного на Кольском полуострове, и литературы, касающейся этого района, Федор Дмитриевич написал монографию «Критический обзор млекопитающих и птиц Кольского полуострова» (1887). Это была хорошая критическая сводка, всех известных сведений о зверях и птицах региона. Однако опыта написания подобной сводки у него еще не было, и она подверглась серьезной критике. Дело в том, что кроме обычной повидовой характеристики, Ф. Д. Плеске описал размещение птиц по вертикальным растительным поясам Кольских гор, хотя это пришлось делать, в основном, по литературным данным. В результате в тексте оказалось довольно много неточностей (Гёбель, 1903).

После получения диплома об окончании университета в 1882 г. Федор Дмитриевич был направлен на Дальний Восток секретарем Южно-Уссурийского переселенческого управления Приморья. Однако уже в сентябре 1883 г. он оставил эту работу по состоянию здоровья (ЛО Архива РАН, ф. 4, оп. 4, ед. хран. 1 087 и 5 545), а также из-за невозможности заниматься сбором орнитологических коллекций (Богданов, 1889), и вернулся в С.-Петербург. Лето 1884 г. он провел в Гдовском уезде в имении братьев Бихнеров Харламова Гора.

В январе 1886 г. Ф. Д. Плеске был определен сверхштатным ученым хранителем и заведующим Орнитологическим отделением Зоологического музея. Таким образом, он стал преемником М. Н. Богданова. Как мы увидим позже, они с Валентином Львовичем одновременно, хотя и на разных условиях, начали работать в этом богатейшем хранилище зоологических коллекций с демонстрационными залами для широкой публики. Федору Дмитриевичу раньше, чем Валентину Львовичу, и эффективнее удалось реализовать свое стремление профессионально заниматься

орнитологическими исследованиями. Будучи заведующим отделением, он обработал большую часть сборов Н. М. Пржевальского и издал 3 выпуска в серии «Научные результаты путешествий Н. М. Пржевальского по Центральной Азии» (1889, 1890, 1894). В 1887–1891 гг. Федор Дмитриевич подготовил детальное описание семейства Славковых и в 1889–1891 гг. опубликовал его в пяти выпусках второго тома сводки «Ornithographia Rossica. Орнитологическая фауна Российской империи». Это была вторая, после М. Н. Богданова (1884) попытка монографического описания птиц Российской империи.

В первом томе он хотел дать орнитологическую библиографию, историю исследования и орнитогеографию России, а также ключ для определения отрядов и семейств. Не успел. В 1893 г. скончался академик А. А. Штраух, и Плеске стал заведующим Зоологическим музеем. Закрутили заботы о новом здании музея, обустройству его помещений для экспозиции, хранения коллекций и работы научных сотрудников. В мае 1893 г. его избрали экстраординарным академиком. Вскоре он стал статским советником, а также был директором или членом ряда научных и других обществ.

Видимо, Федор Дмитриевич нередко бывал в доме Бианки. Их роднили и дела, и интересы. Кроме птиц, оба занимались насекомыми и были признанными специалистами по тем группам, которыми интересовались — Федор Дмитриевич двукрылыми (мухами), а Валентин Львович полужесткокрылыми (клопами), поденками и веснянками. Оба интенсивно занимались обработкой поступавшего в музей орнитологического материала, нередко сами организовывали его сборы и проводили их. Думаю, что Федор Дмитриевич был просто более опытным и уважаемым товарищем Валентина Львовича, чем его учителем, как был назван писателем В. В. Бианки. Ведь они были почти одногодки — разница в один год!

Женился Ф. Д. Плеске в 1888 г. на Ольге Александровне Аменитской. У них было два сына, потом от второй жены еще сын и дочь. К сожалению, как уже говорилось, здоровье Федора Дмитриевича нередко его подводило. Работая с коллекциями Зоологического музея, он тридцатилетним в марте 1889 г. подал прошение о выделении ему пособия для лечения на юге в связи с хроническим отравлением мышьяком при работе с коллекциями (ЛО Архив РАН, ф. 4, оп. 4, ед. хран. 1087). С 24 января по 9 июня 1994 г. он опять болеет и возлагает заведование Зоологическим музеем на Е. А. Бихнера

(ПО Архива РАН, ф. 4, оп. 4, ед. хран. 57). В феврале 1894 г. врачи предписали ему отдых от умственной работы.

В связи с директорскими заботами музея и трудностями, вызванными состоянием здоровья, в октябре 1893 г. Ф. Д. Плеске ходатайствует о привлечении В. Л. Бианки и А. М. Никольского к продолжению начатой им в конце 80-х гг. сводки «Ornithographia Rossica. Орнитологическая фауна Российской империи», оставляя за собой ее редактирование. Но ни В. Л. Бианки, ни А. М. Никольский это издание не продолжили. Полное описание птиц Европейской части России, правда, на другом уровне, было впервые выполнено профессором Московского университета М. А. Мензбиром. Его двухтомник «Птицы России» увидел свет в 1893–1895 гг. и столетия служил настольной книгой российских орнитологов.

Кроме сложностей со здоровьем, у Федора Дмитриевича был острый конфликт с А. П. Семеновым (1866–1942; с 1906 г. по отцу Семенов-Тянь-Шанский) и сложности в отношении к нему некоторых ученых, в частности академика А. О. Ковалевского. Последний невысоко ставил его научные заслуги и добивался, чтобы в руководстве академическими институтами стояли русские по национальности ученые (Никольский, 1966; Пилипчук, 2003). Ковалевский держался правила Петра I: «Должно пользоваться искусными иностранцами, принимать их в службу, но не давать им предпочтения перед рускими, и важнейшие места в управлении занимать исключительно последними» (Енишерлов, 1980), которое распространял и на выросших в России обрусевших иностранцев. Все это вынудило Ф. Д. Плеске в 1896 г. уйти в отставку. Но научную работу он не оставил, хотя в его публикациях стали преобладать не птицы (но и они тоже), а насекомые, что стало особенно заметно в 10-х гг. нового столетия. В 1906 г. он даже напечатал брошюру, в которой писал, как наладить организацию многострадального петербургского Зоологического сада.

После революции 1917 г. Федор Дмитриевич, как и все, лишился своего состояния и был вынужден поступить на работу. В результате 5 сентября 1918 г. он был принят в Зоологический музей ученым хранителем, а с октября 1926 г. переведен на должность старшего зоолога. В этой должности Плеске и проработал в музее до декабря 1929 г. (СПБО Архива РАН, ф. 4, оп. 4, ед. хран. 5 545). О его работе в музее мы еще узнаем в последней главе этого повествования.

Между двух академий

Поступив на должность ассистента Военно-медицинской академии, Валентин Львович стал внештатно заниматься в Энтомологическом отделении Зоологического музея. Сохранившиеся записи Валентина-гимназиста говорят о его интересе к наземным позвоночным — птицам и млекопитающим, меньше рептилиям и земноводным. Записей о насекомых нет. Знакомство и интерес к ним, видимо, проявились в Военно-медицинской академии, где насекомыми занимался Э. К. Брандт. В январе 1886 г. преемником М. Н. Богданова в заведовании Орнитологическим отделением был принят Ф. Д. Плеске, место оказалось занятым, да Бианки — официально дипломированный лекарь — и не мог составить конкуренцию зоологу с университетским образованием. Отказываться же от возможности работать в Музее, хотя бы с насекомыми, было не в правилах Валентина Львовича. Однако то, что Плеске, давний знакомый, стал заведующим Орнитологическим отделением музея, помогло ему начать работать с коллекциями птиц. Штатных специалистов было мало и помощь «сторонних» приветствовалась. Увлеченность же Бианки, его знание птиц, эрудиция были известны.

Еще в конце 70-х — начале 80-х гг. активизировалось изучение миграций птиц. Толчком к этому послужили публикации А. Ф. Миддендорфа о миграционных путях птиц Северной Азии и J. A. Palmen'a о миграционных путях птиц в Европе. Первый Международный Орнитологический конгресс (1882 г., Вена) в своем решении обратился к правительствам стран, представители которых участвовали в конгрессе, с просьбой о помощи в организации орнитологических станций для наблюдения за перелетами птиц (I Междунар. орнитол. конгресс, 1884). В связи с этим в Вене был организован Международный Орнитологический комитет. В России для реализации решения конгресса АН создала 7 марта 1884 г. комиссию под председательством академика Л. И. Шренка. В нее вошли директор Зоологического музея академик А. А. Штраух, ученый секретарь Ф. Д. Плеске и Е. А. Бихнер. Участие в заседаниях принимал и В. Л. Бианки. Однако дальше составления и обсуждения положения о станциях дело не пошло (ЛО Архив РАН, ф. 309, оп. 2, ед. хран. 22).

С гимназических лет Валентин приходил в выставочные залы Зоологического музея для совершенствования своих знаний. Ког-

да же у молодого лекаря, знающего птиц и зарекомендовавшего себя надежным работником, появилась возможность и желание заняться обработкой коллекции, академик А. А. Штраух дал ему птиц, собранных в западных отрогах Памира и Алая экспедицией Г. Е. Грум-Гржимайло. В руках Валентина Львовича оказалось 388 шкурок 136 видов птиц из мало обследованного в орнитологическом отношении района Центральной Азии. Небольшая часть этой коллекции была раньше собрана В. Руссовым и А. Регелем. При обработке полученных птиц В. Л. Бианки не отказывался от дружеских советов Ф. Д. Плеске. Среди кратких характеристик видов, сделанных Валентином Львовичем, выделяется сравнительно подробное описание пеночек-пересмешек и ястребов — перепелятника и тювика. 8 июня 1886 г. готовая рукопись была передана в редакцию Бюллетеня АН, где и была опубликована.

В том же академическом бюллетене появилась другая его орнитологическая статья, с описанием сорокопутов из коллекции музея, собранных в Персии. Валентин Львович описал новый вид, названный им в честь М. Н. Богданова *Otomela Bogdanowi*. Он сравнивал окраску оперения описываемого вида с оперением сорокопута *Otomela Romanowi*, который описал М. Н. Богданов, и жулана, *Lanius collurio*, описанного еще К. Линнеем. То было еще время описания орнитологами всего мира новых видов птиц, которых передавали в научные учреждения многочисленные экспедиции, исследующие новые территории Земли. В дальнейшем нередко оказывалось, что птица была описана раньше или ее отличия не означали видового статуса. Так и в последней сводке птиц России Л. С. Степаняна (1990) фигурирует только один из этих видов — линнеевский жулан. Остальные два вида считаются гибридными формами, возникающие у границы распространения соропута-жулана (*Lanius collurio* L., 1758) и рыжехвостого жулана (*Lanius isabellinus* Hemprich et Ehrenberg, 1833).

В апреле 1887 г. Валентин Львович занял должность сверхштатного ученого хранителя Энтомологического отделения и был принят членом С.-Петербургского общества естествоиспытателей. С сентября 1890 г. он, наконец, штатный ученый хранитель, но все еще «энтомолог». Работа в Зоологическом музее теперь основная, а ассистентская в Военно-Медицинской академии — приработок. Насекомые, эта обширная и интереснейшая группа беспозвоночных,

заинтересовала и увлекла молодого зоолога. Но и ответственность за работу с ними возросла. Достиженные результаты при обработке избранных групп и описании поступающих от экспедиций видов, говорят об интересе, а также тщательности и ответственности в работе. Одновременно с результатами работы с насекомыми публикуются и орнитологические статьи.

В 1892 г. В. Л. Бианки опубликовал материалы по фауне дневных бабочек Тверской губернии, собранных им в Ржевском и Старицком уездах в июне–июле 1891 г. Хотя погода тогда была неблагоприятная: в мае еще случались морозы и снегопады, а во второй половине июля шли дожди. Однако он считал, что удалось собрать около 60 % встречающихся там видов бабочек. В марте 1896 г. вышло в свет описание двух новых видов растительноядных клопов р. *Nabis* из китайских сборов — 1895 гг. В. Г. Потанина и М. М. Березовского и водомерок сем. *Gerridae*. В 1899 г. была опубликована ре-визия семейства *Phymatidarum*. В апреле 1897 г. напечатан анализ систематического положения и распространения растительноядного клопа, привезенного Г. Г. Якобсоном с Новой Земли, и опубликовано состояние изученности этих насекомых в С.-Петербургской губернии. В этом описании Валентин Львович использовал не только свои материалы за 1896–1899 гг., но и сборы сына Льва, племянника Алексея Новоторцева и других. Насекомые были собраны также в соседних губерниях, что позволило более обоснованно говорить о распространении этих клопов. В 1898 г. он опубликовал библиографию публикаций за последнее столетие (1798–1897) по фауне полужесткокрылых (клопов) России.

В 1895 г. Валентин Львович был принят в члены Русского энтомологического общества.

В конце XIX в. в Европе появляются сводки с описанием различных групп животных и их местообитаний. Российские ученые переводили их, а некоторые из них брали за основу, вносили в них материалы, полученные при исследованиях в России, и издавали таким образом значительно расширенные, более полные и ценные сводки. Так на основании фундаментальной работы Р. Тюмпеля (*R. Tumpel*) «*Die Geradflieger Mitteleuropas*», 1901), В. Л. Бианки и Г. Г. Якобсон подготовили сводку «Прямокрылые и ложносетчатокрылые Российской империи и сопредельных стран» (1905). Перу Валентина Львовича, как указано в книге, принадлежит обзор

стрекоз и малоизученных веснянок и поденок. Книга «...представляла монографическую обработку очень разнообразных насекомых, которых в современной системе относят к дюжине отрядов — поденок, стрекоз, прямокрылых, палочников, тараканов, богомолов, термитов, уховерток, веснянок, эмбий, сеноедов и, наконец, ручейников. Эта сводка... включала очень много сведений по фауне России, собранных авторами и ранее не публиковавшихся. Появление этой книги резко активизировало в России исследования по охваченным группам, особенно по прямокрылым» (Крыжановский, 2002).

В русском издании книги К. Ламперта «Животные и растения пресных вод, их жизнь, распространение и значение для человека» (1900) Валентин Львович написал III главу «Насекомые» (кроме жуков). Эту книгу с дополнениями применительно к русской фауне и флоре готовили Н. А. Холодковский и И. Д. Кузнецов.

В 1923 г. был издан четвертый выпуск курса Практической энтомологии — «Насекомые полужесткокрылые», автором которого были В. Л. Бианки и А. Н. Кириченко. Во введении выпуска редактор профессор-энтомолог Н. Н. Богданов-Катьков и А. Н. Кириченко писали, что этот том был подготовлен к печати на основании рукописи В. Л. Бианки «Определитель клопов Северной и Средней России»: «Она относится приблизительно к 1896 г. и является завершением деятельности В. Л. Бианки в энтомологии, главным образом гемиптерологии, перед переходом в орнитологическое отделение. Полужесткокрылыми Валентин Львович занимался с 1894 по 1899 год, заведая частью Энтомологического отделения. Статьи, посвященные систематике и фаунистике, большое число рукописей (посвященные сем. *Agadidae*, роды *Aelia* и др.), библиография этого подотряда и прекрасная коллекция полужесткокрылых С.-Петербургской губернии, собранная им и его сотрудниками и точно определенная, ставят имя Валентина Львовича в один ряд с именами В. Ф. Ошанина и В. Е. Яковлева, а также западноевропейских ученых, работавших над русской фауной».

Василий Федорович Ошанин (1844–1917) и Василий Евграфович Яковлев (1839–1908) принадлежали к известным русским ученым. В. Ф. Ошанин с 1872 по 1906 г. работал в Туркестане. Живя в Ташкенте, он подготовил «Каталог палеарктических полужесткокрылых». Познакомившись с этим капитальным трудом, директор

Зоологического музея академик А. А. Штраух его одобрил, но попросил перевести на латынь. В. Ф. Ошанин перевел текст на немецкий язык, и представил свой труд новому директору Зоологического музея академику В. В. Заленскому. Теперь хвалебный отзыв о Каталоге в 1904 г. написал Валентин Львович. В результате работа Ошанина была издана в 1906–1910 гг., как приложение к «Ежегоднику Зоологического музея». В это время автор Каталога, будучи на пенсии, жил в С.-Петербурге и постоянно работал за своим столом в Зоологическом музее, В. Е. Яковлев после окончания университета работал вначале в Астрахани (1865–1886), потом в Иркутске (1886–1898), где, кроме насекомых, исследовал местных рыб. Выйдя на пенсию, он с 1899 по 1908 г. жил в Евпатории и занимался насекомыми. Главнейшими «энтомо-фаунистическими работами» Василия Евграфовича А. П. Семенов-Тян-Шанский (1910) называет одиннадцать публикаций по полужесткокрылым. «Имя В. Е. Яковлева — пишет он, — тесно связано с успехами зоографии и, особенно, энтомографии России, и в истории самостоятельного нашего изучения русской фауны занимает почетное место».

Кроме непосредственной работы с коллекциями, Валентин Львович переводил изданный на немецком языке солидный том барона Герхарда Майделя «Путешествие по северо-восточной части Якутской области в 1868–1870 гг.», которое затем было издано в 1894 г. в «Записках Академии Наук» В 1903 г. А. Ф. Девриеном была издана еще одна книга в переводе Бианки: В. Кобельт «Географическое распределение животных в холодных и умеренных поясах Северного полушария».

Интенсивно работая над фауной и систематикой насекомых, Валентин Львович, конечно, постоянно следил за издающимися работами, переписывался с западными энтомологами, посылал им и получал от них статьи и книги. Так создавались личные библиотеки ученых. При разборе в 1920 г. оставшихся после В. Л. Бианки книг, А. Н. Кириченко нашел 81 оттиск энтомологических публикаций, отсутствующий в библиотеке Зоологического музея и ходатайствовал об их приобретении для гемиптерологического отделения (Протокол № 122 заседания Совета Зоомузея от 29 марта 1920 г.; ПО Архива АН, ф. 55, оп. 1, ед. хран. 4).

Однако вернемся в первые годы работы Валентина Львовича в штате Зоологического музея, когда работая в Энтомологическом

отделении он не забывал и птиц. В 1888 г. были изданы его наблюдения, сделанные вместе с Н. Ф. Гуном в Новгородской губернии летом 1884 г. в бассейнах р. Ушачки, Тигоды и Тосны близ станции Ушаки.

Осенью 1889 г. он выезжал в краткосрочную командировку за границу и одновременно сопровождал на лечение во Францию ослепшего зятя, И. П. Новоторцева. В Париже Валентин Львович осмотрел коллекции в музее Естественной истории для сравнения находящихся там экземпляров с фазанами и другими птицами из сборов Г. Н. Потанина, П. К. Козлова и Н. М. Пржевальского, а также с их описанием, которое было сделано французским миссионером Давидом Арманом. Это требовалось в ходе обработки сборов Ганьсуйской экспедиции Г. Н. Потанина, которую Валентин Львович проводил вместе с М. М. Березовским, требовали и др. работы.

Многочисленные виды фазанов живут в тропической и субтропической местах Евразии — от Черного моря до Японского архипелага и южного Китая. Высокие горы и безводные пустыни делят эту территорию на отдельные места обитания фазанов в лесах и кустарниковых зарослях, между которыми эти оседлые птицы практически не общаются. Таким образом возникает обилие местных изолированных форм, незначительно различающихся между собой внешним видом. Описанию фазанов Валентин Львович уделил много внимания, сравнивая и анализируя птиц из сборов, поступающих от различных экспедиций по Центральной Азии, с уже имеющимися в литературе сведениями. В 1908 г. С. Алферки и В. Бианки описали 31 форму фазанов, различающуюся мелкими особенностями окраски оперения. Эти формы они объединили в 21 вид, которые разделили на две группы в зависимости от рыжеватого или зеленоватого преобладающего цвета задних перьев надхвостья. Авторы считали, что произвели предварительное деление, так как оно основано только на внешнем виде самцов.

Теперь во всем подсемействе фазанов, куда входят дикие курицы, павлины, аргусы и др. птицы, различают 16 родов и 48 видов, живущих преимущественно в Южной Азии (Галушин и др., 1991; Каргашев, 1974). Фазанов же, обитающих на территории прежнего СССР, относят к одному виду *Phasianus colchicus* L., в который входит 30 подвидов. Из них 12–13 подвидов, обитающих в бывшем СССР (Потапов, 1987; Степанян, 1990), соответствуют 12 формам

7 видов первой группы фазанов, описанных С. Алфераки и В. Бианки. Кстати, одна из них, живущая в районе Таджикистана, названа С. А. Бутурлиным (1904) в честь В. Л. Бианки — *Phasianus chrisomelos* (теперь *colchicus*) *bianchii*.

Кроме решения деловых вопросов, Валентин Львович посетил в Париже VIII Всемирную выставку, к открытию которой была построена знаменитая Эйфелева башня. На обратном пути в С.-Петербург он осмотрел в Берлине птиц в коллекции университетского музея.

В декабре 1911 г. ему сообщили об избрании его действительным членом Московского общества испытателей природы.

Создание нового музея

Вероятно, заграничная командировка была связана также с музейными делами. К концу 80-х гг. часть поступающих коллекций не была разобрана, принимать новые поступления было некуда. Требовалось больше помещений для выставочных залов и для хранения коллекций, а также для работы с ними специалистов. Зоологический музей задыхался в тесноте.

А грандиозное по своему масштабу познание природы и народов нашей огромной страны и прилежащих к ней земель и морей, начатое в XVIII в., продолжалось. Великие географические экспедиции в Центральную Азию, знакомство с природой Средней Азии, Сибири, Дальнего Востока открывало для науки свой своеобразный животный и растительный мир. Развитие железнодорожного транспорта делало перемещения людей и грузов намного проще и быстрее. Многие из этих экспедиций организовало Географическое общество, которое передало многочисленные собранные ими экспонаты в Зоологический музей АН. В научные хранилища Зоологического музея АН, Московского университета и др. учреждения шли сборы экспедиций, а также более скромные, но тоже ценные сборы из ближайших губерний, сделанные профессионалами и любителями. Описывая, сравнивая, анализируя сходство и различие животных и растений из сборов, поступающих в научные учреждения, ученые шли к объективному познанию современного им окружающего мира и его эволюции. Новые данные все больше подтверждали справедливость теории Ч. Дарвина о эволюции животного мира и ее причинах.

Важное значение имел и показ в выставочных залах многообразия животного мира. Вероятно, благодаря распространению в народе теории Ч. Дарвина и описанию в периодических изданиях экспедиций Н. М. Пржевальского, В. И. Роборовского, П. К. Козлова и других в обществе широко развивался интерес к природе. Горожане начинали понимать необходимость бережного отношения к ней. Исторический момент был очень благоприятный для создания одного из лучших зоологических музеев Европы и Северной Америки (Бялыницкий-Бируля, 1925).

Начавшийся при академике А. А. Штраухе поиск подходящего здания для Зоологического музея, привел к образованию в 1890 г. межведомственной комиссии для его переустройства. В 1891 г. началась передача музею освобождавшегося помещения таможни, которая переехала поближе к морскому порту (Материалы..., 1917), а также бывшего дома таможенных чиновников (Слепкова, 2001). В 1893 г. с исключительной энергией занялся переоборудованием полученных помещений и новой экспозицией музея преемник А. А. Штрауха академик Ф. Д. Плеске. Началась перестройка помещения для выставочных залов музея, разрабатывался новый план экспозиции и его технического исполнения. Будучи близок к Министерству финансов, Ф. Д. Плеске добился значительных ассигнований на перестройку и оборудование выделенного музею бывшего таможенного пакгауза и «Дома выставок», а также организации новой экспозиции.

Кроме заботы о выставочном значении музея, Федор Дмитриевич добивался значительного увеличения его научного потенциала. В 1895 г. было утверждено Положение о Зоологическом музее. Он перестал быть только собранием представителей различных животных для их показа любознательной части населения и учащимся. Коллекции Зоологического музея достигли такого состояния, что можно было проводить детальные фаунистические и зоогеографические исследования, совершенствование систематики и др. научные работы. До этого научный персонал — «ученые хранители» — понимался именно как хранители, которые разбирают и сохраняют новые поступления. Теперь появился и постепенно разрастался новый отдел музея, научный, который со временем стал главным и музей превратился в институт. Выставочная же часть музея, не потеряв своей привлекательности и большой значимости, стала его

отделом. Однако до этого прошло еще три с половиной десятилетия, а Россия превратилась в Союз Советских Социалистических республик.

Это преобразование происходило постепенно, и в 1895 г. было закреплено Положением о Зоологическом музее. В нем были приняты новые должности — вместо «хранителей» появились «старшие и младшие зоологи», соответственно изменены их обязанности и повышены оклады. На три должности «старшего зоолога» были оформлены Е. А. Бихнер, В. Л. Бианки и А. П. Семенов. На следующий год вместо А. П. Семенова старшим зоологом был избран А. А. Бялыницкий-Бируля (1864–1938). Главной задачей ученого персонала по Положению была «разработка систематики и географии животного царства и в особенности в разрешении вопросов, касающихся отечественной фауны». Потребовался и регулярно издаваемый печатный сборник, в котором должны были публиковаться результаты научных работ. В 1896 г. им стал вновь созданный «Ежегодник Зоологического музея Императорской академии наук». Позже появились еще «Записки» и «Известия» академии (Материалы для истории..., 1917). В дальнейшем научный коллектив музея постепенно продолжал увеличиваться, что обычно происходило с приходом нового директора музея.

В 1895 г. закончилась перестройка нового помещения музея, и началась подготовка к его переезду. Членами комиссии по внутреннему устройству музея в январе этого года были определены Ф. Д. Плеске и В. Л. Бианки, а в 1896 г. Валентин Львович стал заведовать внутренним устройством экспозиции музея. Новое помещение выходило одной стороной в Таможенный переулок напротив старого здания музея. Для перенесения экспонатов между домами построили мостки на высоте второго этажа, по которым и перетаскивали все имущество. В новом помещении систематическая коллекция и экологические группы экспозиции были размещены по разные стороны залов. С тех пор прошло больше ста лет, а экспозиция музея сохраняется, претерпевая, естественно, добавления, усовершенствования и улучшения.

Для создания биологических групп, в которых животные должны были находиться в естественных условиях — сидеть на ветке дерева, или на земле под ним, в сосняке или в смешанном лесу, в степи, на берегу водоема или в воде и т. д. требовалось много но-

вых материалов и экспонатов. В их заготовке около пос. Лебяжьего на берегу Финского залива Валентин Львович принимал непосредственное участие. Собранные им с препаратором шкурки, гнезда, кладки и др. экспонаты грузили на финские лайбы и водой доставляли прямо к дверям Зоологического музея (Бианки, 1965). В 1898 г. Валентин Львович передал музею свою коллекцию, состоящую из 154 гнезд и 459 яиц, собранных им главным образом в Петербургской и Тверской губерниях.

Преемником Ф. Д. Плеске на посту директора Зоологического музея в 1897 г. стал протеже и хороший знакомый А. О. Ковалевского, дарвинист-эмбриолог академик В. В. Заленский (1847–1918). До этого он успешно занимался эмбриональным развитием главным образом беспозвоночных животных и стерлядей (два тома его работ опубликованы в 1878–1880 гг.). В 1878 г. Владимир Владимирович был избран профессором Казанского университета, в 1882 г. — Одесского университета. В 1897 г. его избрали академиком и директором Зоологического музея Императорской АН.

Все усилия нового директора были направлены на продолжение создания новой экспозиции музея. После поездки в 1897 г. в Западную Европу для знакомства с зоологическими музеями ряда стран, В. В. Заленский настоял, чтобы герметические чугунные шкафы-витрины для музея были заказаны в Германии, где имелся опыт их изготовления. Там они и были сделаны (Отчет..., 1898). Шкафы полностью себя оправдали. Прошло уже больше 100 лет, а выставленные в них чучела и экспозиции находятся в отличном состоянии. Кроме того, при непосредственном осуществлении экспозиции в новых шкафах пришлось несколько усовершенствовать ее предварительный план. Масса разнообразных экспонатов для создания новой экспозиции музея потребовала организации в 1899 г. специальной технической лаборатории. Руководить ею пришлось заведующему обустройством экспозиции В. Л. Бианки, который и возглавлял ее до 1905 г. Кроме того, в 1901 г. был издан новый путеводитель по музею. Его готовил весь коллектив сотрудников. Валентином Львовичем были написаны разделы: «Птицы» и часть раздела «Насекомые». Значительную часть путеводителя подготовили также В. В. Заленский и А. М. Никольский. Через четыре года, в 1904 г. путеводитель был переиздан. Новое издание было иллюстрировано фотографиями И. И. Панова. Текст остался

почти без изменений. Еще через шесть лет, в 1910 г. был издан новый путеводитель, написанный Н. М. Книповичем. На его обложке красовалось уникальное, единственное в мире чучело мамонта.

Обустройство экспозиции музея было успешно закончено коллективом музея с В. В. Заленским во главе к 1901 г. Его первыми посетителями была императорская чета с придворными, для которых на ступеньках лестницы был имитирован «пикник на природе». Валентин Львович в специально для этой церемонии сшитом официальном мундире должен был давать пояснения императору Николаю II. Но они не встретились. В подошедшей к Валентину Львовичу группе дам, он не узнал императрицу и разговаривал с ней без должного почтения и этикета. Он выразил неудовольствие условиями научной работы в холодных, сырых полуподвальных помещениях музея. Если выставочные залы располагались на втором этаже в светлых, хорошо отремонтированных помещениях, экспозиция музея поражала своим богатством и высочайшим качеством биологических групп и чучел в систематических витринах, то научные коллекции и сами ученые теснились в совершенно не приспособленных полутемных полуподвальных помещениях, в которые при наводнениях проникала вода. После окончания посещения императорской четы с придворными Валентин Львович получил устный выговор от В. В. Заленского. Только через шесть лет, при следующем директоре музея в 1907 г. было возбуждено ходатайство о выделении средств на постройку третьего этажа музея и еще через пять лет, в 1912 г. на третьем этаже разместились научные коллекции, и научные сотрудники стали работать в светлых просторных кабинетах.

С уходом из музея Ф. Д. Плеске, руководителем Орнитологического отделения стал В. Л. Бианки. Продолжилась обработка коллекционных материалов. Он публикует заметки по систематике с описанием новых форм, результаты обработки фаунистических сборов и обобщающие работы по биологии, но в основном из-под его пера выходили тщательно выполненные монографии по систематике отдельных родов, семейств и отрядов птиц (Иванов, 1950). Продолжается ведение полной орнитологической библиографии России, которую вел Федор Дмитриевич (Афанасьева и др., 1972), и, как уже говорилось, организация на мировом уровне музейной экспозиции в новом здании. Кроме того, завершение энтомологических исследований потребовало еще не один год. Пришлось по-

святить им лето 1897 г. (Бианки, 1914), а обработка и публикация материалов продолжалась еще в 1898 и 1899 гг.

Однако Бианки постоянно занимался и обработкой своих любимых птиц. Правда, возможности для этого было мало. Работа с насекомыми, а тем более переустройство музея отнимали массу время и сил. И все же в 1897 г. вышла в свет обработка Валентином Львовичем группы видов рода Чечевиц, или Розовых снегирей (*Caprodacus*). Он писал, что эту группу недавно систематически обработал Р. Б. Шарп, но у него было мало материала из Китая. Поэтому на более обширном материале Зоологического музея Императорской АН можно сделать более надежные выводы, хотя и они пока еще не абсолютны. Валентин Львович составил определительную таблицу и описал внешность 19 видов, их которых 5 — встречаются в России и 9 — в непосредственной близости от ее южных границ в нагорной Азии. Российские экспедиции собрали там значительный материал. Этой статьей было положено начало разработки систематики многих родов и семейств птиц, чем Валентин Львович интенсивно занимался в дальнейшем. Как и многие его публикации, на следующий год эта статья была опубликована в немецком орнитологическом журнале. Обработка следующей группы видов, уларов, была опубликована в 1898 г. Характер научной работы изменился, обработка коллекций сменилась научной разработкой групп животных.

Дела семейные

У Валентина Львовича и Клары Андреевны родилось пятеро детей. В марте 1881 г., когда Валентин Львович учился в академии, родилась дочь Соня. Она росла живой способной девочкой, любимицей отца. Соня уже начала проявлять хорошие способности к языкам, когда в конце 1889 г. заболела брюшным тифом. Все усилия любящего отца-врача были бесполезны. Ее смерть была страшной трагедией для него и разочаровала в возможностях медицины. В честь любимой дочери Валентин Львович назвал в 1895 г. ее именем описанный им новый вид скворца *Sturnus sophiae*. В статье «О двух новых для русской фауны видах птиц» (1896) он писал, что назвал его в честь «дочери, имевшей некоторое отношение к добыче первого экземпляра» в Тверской губернии. Позже название *Sturnus sophiae*, так же как и название, данное этой птице

М. А. Мензбиром (1892) — *Sturnia ruthenus* и потом С. А. Бутурлиным (1904) — *Sturnus vulgaris jitkowi* вошло в синонимику обыкновенного скворца *Sturnus v. vulgaris* L. (Дементьев, 1937; Спангенберг, 1954;).

Последующие дети Валентина Львовича и Клары Андреевны были мальчиками. Лев родился в феврале 1884 г., Валентин — в мае 1887 г., Анатолий — в январе 1892 г. и Виталий — в феврале 1894 г. (по новому стилю). Из четырех сыновей второй — Валентин — скончался в возрасте 5 лет, в марте 1892 г. от крупозного воспаления легких. К сожалению, гибель детей от различных заболеваний до применения антибиотиков была не редкостью. Погиб первенец и у Павловых. После гибели двух детей от простудных заболеваний Валентин Львович стал бояться сквозняков. Когда открывали форточку при проветривании комнат, требовал, чтобы плотно закрывали дверь. Следил, чтобы дети правильно одевались, собираясь на улицу.

После избрания Валентина Львовича штатным ученым хранителем Энтомологического отделения, семья получила в 1893 г. казенную квартиру во флигеле Академии на Университетской набережной в доме 5. На этой же лестнице жила семья ученого хранителя Ботанического музея АН Дмитрия Ивановича Литвинова, с которой сложились дружеские отношения. Первоначально в квартире Бианки было пять комнат, потом от соседней квартиры присоединили еще две. Это давало простор для игр младшим сыновьям. Они могли кататься дома даже на трехколесном велосипеде. На стене в их комнате висели большие картины с прекрасным цветным изображением многочисленных обычных в средней Европе птиц. Они располагались согласно их биологическим особенностям: одни на ветках деревьев, другие на земле.

Зимние месяцы проходили в городе довольно однообразно. Валентин Львович весь день был в музее, да и вечером постоянно работал за своим столом, который находился в проходной комнате. Это давало ему возможность быть в курсе всех семейных дел, а шум и движение ему не мешали. Будучи немногословен дома, он мог долго обсуждать научные вопросы с коллегами. При безграничной любви к детям, он не вмешивался в их воспитание, хотя не терпел непослушания. Избегая наказаний, Валентин Львович приводил сыновей в повиновение повышением голоса, очень рассердившись,

мог кричать, назвать мелким пакостником, хулиганом. «Старших надо слушаться, а подражать им нельзя», — говаривал Валентин Львович. Самое сильное наказание, оставшееся в памяти сыновей — запрещение Леве за драку во дворе Зоологического музея выходить из его комнаты в течение трех суток. Даже еду ему приносили туда (Бианки, 1965). На вопрос: «Почему Вы никогда не хвалите сына?», Валентин Львович обычно отвечал: «Зачем? Если он неправильно, нехорошо делает, надо указать ему на это, разъяснить. Если хорошо сделал, так и надо. Похвала только голову вскружит». И хотя каждый член семьи был предоставлен самому себе, Валентин Львович следил, чтобы за стол всегда садились строго в определенное время, обедать — в пять часов, ужинать — в десять. «Кристально сух был воздух родного дома. Уклад жизни его был строго рационален» — писал впоследствии сын Виталий.

Клара Андреевна вела дом — руководила кухаркой и горничной, занималась детьми, играла с ними в домино, лото, карты и др. настольные игры. Только редкие семейные праздники, а также Рождество и Пасха скрашивали повседневную жизнь сыновей, пока они были маленькими. Кроме того, было традиционное праздничное развлечение детей в «День крещения» 13 января. Младшие дети поднимались на хоры первого зала музея, где находилась энтомологическая коллекция, и наблюдали оттуда за спектаклем, который разыгрывался на льду Невы. Между Дворцовым мостом и ростральными колоннами выстраивалась батарея пушек, салютовавшая во время крещения воды на «Иордани» — в беседке, построенной на льду реки против иорданского подъезда Зимнего дворца (ныне подъезд Эрмитажа). Крещение воды производил митрополит в присутствии царя. В такой торжественный день 1905 г. в одну из пушек кто-то заложил боевой заряд, которым будто бы повредил Иордань.

Сыновья росли, младшие становились отроками, старший, Лев — юношей. Клара Андреевна готовила их к поступлению в гимназию. Однако, педагогическими способностями она, видимо, не обладала, часто раздражалась. При свободном владении русским языком, произношение у нее было не чистым. Все это сердило старшего сына, Льва и, может быть, способствовало его раннему отчуждению от дома. В филологической гимназии университета, где учились мальчики, много внимания уделялось языкам — уже с первого класса

изучали латынь и немецкий, с третьего — греческий и французский. У Льва оказались хорошие способности к языкам и интерес к ним. После окончания университетского курса биологии, он поступил на Славяно-Русское отделение Историко-Филологического факультета и в дальнейшем занимался как биологией (насекомыми), так и вопросами филологии (фонетикой).

Надо сказать, что занятия Валентина Львовича той или иной группой животных оказывало влияние на развитие интересов его сыновей, падая на благоприятную почву их индивидуальных особенностей и характера. Старший, Лев, рос, когда отец занимался главным образом насекомыми, и стал энтомологом (и филологом), хотя хорошо знал птиц. Младший, Виталий, рос, когда отец занимался птицами, и соответственно стал орнитологом (и писателем). Правда, средний сын, Анатолий увлекался фотографией, но не настолько, чтобы заниматься ею профессионально. Он стал метеорологом, чем Валентин Львович профессионально никогда не интересовался. Однако эту специальность ему определила судьба в послереволюционные годы, а не мальчишеский интерес.

Учение в гимназии старших сыновей не доставляло родителям неприятностей, только младшего, Виталия, были вынуждены перевести в частную гимназию С. А. Столцова на Невском проспекте, так как он отказался учиться в старших классах филологической гимназии. В гимназии Столцова Валентин Львович вошел в родительский комитет, и ему приходилось мирить сына с нелюбимыми им преподавателями, убеждать его окончить это образовательное учреждение.

Клара Андреевна была гостеприимна, любила принимать гостей, хотя происходило это не часто. Ей очень хотелось наладить дружеские отношения с семьей Павловых. Женщин сближала гибель первенцев, а остальные дети были мальчиками примерно одного возраста. Обменялись визитами с семьей профессора Военно-медицинской академии А. И. Таренецкого, Однако близких отношений, как между мужчинами, достичь не удалось. Валентин Львович нередко приводил обедать знакомых по музею. Среди них бывал исследователь Средней Азии М. М. Березовский, соавтор по обработке и публикации материалов по птицам, собранных Г. Н. Потаниным во время Ганьсуйского путешествия в 1884–1887 гг. Приходил Петр Кузьмич Козлов, которого они с Е. А. Бих-

нером учили зоологии, препарированию и другим, необходимым в экспедиции естественнонаучным знаниям и навыкам. Орнитологические материалы, собранные П. К. Козловым во время Монголо-Сычуаньской экспедиции 1907–1909 гг., В. Л. Бианки опубликовал в 1915 г. в «Ежегоднике Зоологического музея». Бывал в доме Бианки и революционер-народник, археолог и этнограф Д. А. Клеменц, будущий директор Этнографического музея в С.-Петербурге, приходили другие петербуржцы и приезжающие в Зоологический музей специалисты из других городов. Отношения с людьми складывались легко и доверительно. Да и как могло быть иначе, если Валентин Львович говаривал: «Я его не знаю, как же я могу ему не верить?»

Хорошие отношения сложились с семьей Черских. В 1885 г. они — Иван (Ян) Дементьевич, Мавра Павловна и их сын Александр — приехали в С.-Петербург, где Иван Дементьевич (1845–1892) работал в Зоологическом музее, обрабатывая собранные в Сибири материалы. Они жили на В. О. недалеко от Смоленского кладбища и часто бывали в семье Бианки. «Неизменное и горячее участие в судьбе семьи Черских принимали в то время председатель Русского Географического общества П. П. Семенов (будущий Тянь-Шанский) и зоолог В. Л. Бианки» (Воробьев, 1954). Сохранились письма Ивана Дементьевича из экспедиции, где он вспоминает «...наши веселые чайные заседания в Зоологической лаборатории», в которых участвовали С. М. Герценштейн, Е. А. Бихнер, В. Л. Бианки и др.

О «застольном» объединении сотрудников Зоологического музея для отдыха и подкреплении своих сил, около 1910 г. писал и В. Ф. Ошанин: «В середине рабочего дня устраивался перерыв на час-полтора для завтрака, за одним общим столом собирались зоологи различных специальностей: ихтиолог Лев Семенович Берг и Николай Михайлович Книпович, орнитолог Валентин Львович Бианки, энтомологи А. П. Семенов-Тянь-Шанский, Н. Я. Кузнецов, Г. Г. Якобсон. Н. Н. Аделунг и др. Завязывались оживленные беседы на самые разные темы. Эти завтраки за общим столом были как бы своеобразным „академическим клубом“» (Ошанин, Азатьян, 1961).

Сам Черский, еще будучи гимназистом в г. Витебске, принял участие в польском восстании 1863 г. После его подавления он был

сослан в Омск и отдан в солдаты. После освобождения в 1869 г. от службы по болезни, Черского перевели на поселение. Интересуясь геологией, палеонтологией, зоологией и другими естественными науками, он сделал интересные палеонтологические находки, о которых написал в Восточно-Сибирское отделение Русского Географического общества. На него обратили внимание и пригласили в 1871 г. в Иркутск работать в Географическом обществе. Появилась возможность заниматься геологией берегов Байкала, в чем он и преуспел: установил закономерности эволюционного развития рельефа. Кроме того, изучал ископаемую фауну млекопитающих. Вот и появился немалый горный хребет Черского восточнее Байкала.

В 1881–1882 гг. Иван Дементьевич провел экспедиционные исследования в бассейнах р. Яны, Колымы и Индигирки. С августа 1882 г. по август 1883 г. принял деятельное участие в проведении Международного полярного года. Чтобы провести запланированные наблюдения по полной программе, ему пришлось оборудовать станцию на левом берегу Нижней Тунгуски.

После непродолжительного нахождения в С.–Петербурге, в феврале 1891 г. Черские вновь отправились в экспедицию для геологических и палеонтологических исследований в бассейнах р. Яны, Индигирки и Колымы. Перед отъездом в доме Бианки был организован прощальный вечер. Предполагалось, что сын Черских Александр останется в С.–Петербурге, где будет жить в семье Бианки и учиться в гимназии, а потом и в университете. Однако в последний момент родители передумали и взяли его с собой.

Здоровье Ивана Дементьевича уже было сильно подорвано и не выдержало тягот экспедиции. В июне 1892 г. он скончался на берегу Колымы и был похоронен в Омолоне. Духовное завещание И. Д. Черского (1890 г.) было подписано директором Зоологического музея академиком А. А. Штраухом, ученым хранителем С. М. Герценштейном и ассистентом Военно-медицинской академии В. Л. Бианки. Вернувшись после гибели отца в С.–Петербург, Александр учился в гимназии и в университете вместе со Львом, старшим сыном Бианки. После окончания университета Александр Иванович (1879–1921) уехал на Дальний Восток, где занимался орнитологическими исследованиями.

С 1908 по 1915 г. он работал во Владивостокском музее и организовал планомерные орнитологические сборы для изучения орнито-

фауны Уссурийского края. Все это время между ним и Валентином Львовичем поддерживалась переписка. С помощью препараторов А. И. Черский собрал значительную коллекцию, более 2 000 экз. позвоночных животных. Для обработки орнитологических сборов он обратился к В. Л. Бианки и С. А. Бутурлину за помощью. Валентин Львович не смог уделить должного времени такой значительной коллекции, и ее обработал С. А. Бутурлин, описав 5 новых подвигов. Публикация Александра Ивановича собранных материалов занимает XIV том «Записок Общества изучения Амурского края» (1915). Среди других животных, собранных им, Л. С. Берг нашел и описал в его честь 2 новых вида и один подвид рыб, а С. И. Фгнёв — неизвестного раньше зверька, крошечную бурозубку (Воробьев 1954). В 1915 г. А. И. Черский уехал работать на Командорские острова, где скончался в 1921 г.

Каждое лето Валентин Львович вывозил семью за город. Не всегда это было просто. Медику иногда было трудно летом освободиться от работы, угнетала хроническая нехватка средств. Не занимаясь частной врачебной практикой, непросто было должным образом содержать семью. В 1885–1887 гг. выезжали не дальше пригорода. Например, лето 1888 г., видимо, провели в Коэрово (Койрово) около Лигова, Балтийской железной дороги. Однако, если для детей это было неплохо, то для зоологических наблюдений нужны были другие, более отдаленные от города, относительно малонаселенные места. В 1893 и 1894 гг. семья жила в большой деревне Лопухинке, Петергофского уезда, лежащей на дороге между Петергофом и Копорьем. Следующие два года — в Серезине, имении на р. Луге, расположенном ниже по реке станции Преображенское (Толмачев; Бианки, 1965).

Постепенно улучшалось материальное положение. Как уже говорилось, в начале 90-х гг. у Валентина Львовича появилась возможность организовать экспедиции в знакомые места Тверской губернии для сбора насекомых. С собой он брал сына Льва, а с Klarой Андреевной оставались Валентин и Анатолий. Лев уже «заразился» от отца интересом к насекомым и старался помогать ему.

Во второй половине 90-х гг., простите за прозу, годовое жалование Валентина Львовича составило 1 800 р., плюс стол — 700 р. и казенная квартира. Кроме того, после 25 лет службы брат Иво Львович выхлопотал ему пенсию — 1 800 р. Валентин Львович и не

знал о такой возможности. Иво Львович был один из немногих Бианки практичный, деловой человек, чему, наверное, дополнительно способствовала его работа у Эммануэля Нобеля (1859–1932), возглавлявшего семейные предприятия в России. Такое финансовое дополнение сделало семью Валентина Львовича достаточно обеспеченной. Сам он освободился от работы врача и с головой отдался работе в музее. Клара Андреевна могла развернуть свое хлебопечение, которое особенно проявлялось летом, когда на дачу к Бианки часто приезжали родственники и знакомые, нередко жившие по долгу.

Лебяжье

Начиная с 1897 г., Валентин Львович вывозил семью в Лоцманское селение, на южном берегу Финского залива. В течение пяти лет там снимали на лето дом одного из лоцманов. Первый раз добирались туда сложно, через Кронштадт, со многими пересадками. Из Петербурга ехали на пароходе до о. Котлина. Там перебрались на извозчике на другой берег острова, где сели на небольшой пароходик, который довез до окруженной дамбой гавани в километре от материка. Здесь еще одна пересадка в большие весельные лодки.

Уже из лодки можно было различить 15 домиков, стоящих вдоль берега моря. Их соединяли дощатые мостки. Затем рассмотрели в парке за речкой еще 12 домов, которые протянулись вдоль большой дороги, а дальше был виден лес. Местное население, состоящее в основном из семей лоцманов, было небольшое, дачников сюда приезжало мало. На следующий год Бианки добирались до Лоцманского поселка опять через Кронштадт, а потом ездили по суше через Ораниенбаум. Это позволяло весной перевезти на подводах всю живность, содержащуюся в клетках в городе, а особенно осенью — набравшуюся за лето.

В связи с выпускными экзаменами в гимназии старшего сына Льва, лето 1902 г. пришлось провести поближе к городу в имении Ольгино, под Ораниенбаумом. Здесь всем очень не понравилось, до моря было далеко, да и лето выдалось холодное и дождливое (Бианки, 1965).

В 1903 г. лоцман — хозяин дачи — отказался сдать ее семье Бианки, сославшись на то, что в доме содержали змеевидных желто-

пузиков и других животных. Пришлось искать другое помещение. Сняли двухэтажную дачу Е. П. Свинойной в соседнем поселке Лебяжье. Дача стояла около устья речки Лебяжьей в светлом березнячке, отделенном от моря низкими, поросшими соснами дюнами. Дом был просторный — четыре комнаты с кухней внизу и три — наверху. Внизу находился кабинет Валентина Львовича, столовая, спальня родителей и младших сыновей, наверху — комната старшего сына и кухарки с горничной. Одна комната предназначалась для приезжающих. Например, летом 1905 г. приезжал двоюродный племянник, Володя Новоторцев, а в 1911 и 1912 гг. — троюродная племянница Мара из Москвы. В этой «желтой» даче, как называли дом Е. П. Свинойной, прожили четыре года.

Поселки Лоцманское и Лебяжье были окружены частными землями. Чтобы Валентин Львович мог наблюдать за гнездованием птиц и собирать необходимый материал для музея, надо было поддерживать хорошие отношения с их хозяевами — принцессой Е. Г. Саксен-Альтенбургской, герцогами Мекленбург-Стрелицкими, а также с О. П. фон-Лайминг, Е. П. Свинойной, О. К. Ливеровской и другими. Невдалеке от Лебяжьего находились хорошие охотничьи угодья, где устраивали коллективные охоты. Кроме местных охотников и дачников в них участвовали приглашенные петербуржцы. Приезжал начальник Военно-медицинской академии академик А. И. Таренецкого (1845–1905). С ним Валентин Львович был хорошо знаком по академии. Александр Иванович родился и вырос в Веймаре (Саксония), где его отец работал в русском посольстве. Окончив гимназию, А. И. Таренецкий в 1864 г. поступил на медицинский факультет Йенского университета. Но осенью переехал в С.-Петербург и поступил в Медико-хирургическую академию. Здесь на втором курсе он стал специализироваться по анатомии у профессора В. Л. Грубера. В декабре 1869 г. Александр Иванович закончил академию и был оставлен при ней.

Способного и увлеченного исследовательской работой молодого человека хватало на многое. Он успевал учиться сам, а потом учить других, заниматься научными изысканиями и общественной работой. В 1874 г. он защитил докторскую диссертацию и с 1884 г. стал читать курс лекций. В апреле 1887 г. его избрали ординарным профессором кафедры нормальной анатомии, а в 1901 г. он возглавил Военно-медицинскую академию.

А. И. Таренецкий любил охоту и неплохо знал птиц и зверей. Это сближало его с Валентином Львовичем, которому он сообщал интересные наблюдения, сделанные в охотничьих угодьях. В 1891 г. Александр Иванович стал преподавать анатомию в Академии Художеств, а в мае 1893 г. основал Антропологическое общество. Хуже сложилась семейная жизнь Александра Ивановича. Его дочь ослепла в результате перенесенной в детстве скарлатины, а старший сын погиб в Цусимском сражении. Это повлекло нервное расстройство несчастного отца, и он скончался в 1905 г.

В Лебяжьем летом жили семьи небольшого круга петербургской интеллигенции. Сюда вывозил семью из Кронштадта военный врач Эдуард Давыдович Гаген-Торн. Здесь проводили лето семьи его сыновей — Оскара Эдуардовича (1852–1926) и Ивана Эдуардовича (1867–1932). Это наследственно дачное место Гаген-Торнов и близость охотничьих угодий А. И. Таренецкого сыграло не последнюю роль в выборе места для летнего проживания семьи Валентина Львовича. Хотя старший, Оскар Эдуардович завершил курс Военно-медицинской академии в 1875 г., за три года до поступления в нее Валентина Львовича, по демократичности взглядов они были близки. Между семьями Оскара Эдуардовича и Валентина Львовича сложились самые теплые отношения, которые поддерживались и в последующих поколениях. Иван Эдуардович, будучи слушателем в академии, учился и у Бианки. Потом он имел собственную дачу в Большой Ижоре, не доезжая Лебяжьего.

В 1907 г. семья Бианки «переселилась» на дачу П. П. Григорьева в Петровском хуторе. Это было связано с отъездом Свиных из Лебяжьего. Другую дачу П. П. Григорьева снимали Гаген-Торны. Здесь же между Петровским хутором и Лебяжьем снимал дачу Л. С. Берг с матерью и двумя маленькими дочерьми. Отношения с Львом Семеновичем были самые товарищеские, благодаря общности взглядов на многие биологические вопросы: на естественную историю, развитие органического мира и др. Л. С. Берг неоднократно ссылался в своих трудах на теоретические положения, разрабатываемые в публикациях В. Л. Бианки. Разъезжаясь, обменивались письмами, информируя друг друга о делах и планах. Невдалеке в Малой Ижоре и в Силломягах летом жила семья Павловых.

Небольшое населения Лебяжьего, сочетание моря, леса, лугов и полей, массовая остановка весной на прибрежных мелководьях

лебедей, а также других водоплавающих и прибрежных птиц во время сезонных миграций — все создавало Валентину Львовичу хорошие возможности для ведения различных наблюдений. Легко определяя птиц в природе, зная особенности их образа жизни, он учил этому сыновей. Пока они были маленькими, отец казался им лесным божеством, который всех и все знает, все может найти, пользуясь самыми незначительными приметам. Недаром сыновья научились не только узнавать птиц по голосам, полету, поведению, не говоря уж о внешнем виде, но и находить их гнезда, узнавать породы деревьев, цветов, собирать растения и насекомых. Летом в клетках держали обычно много птиц: пойманных в западни или взятых из гнезд птенцов. Для их кормежки приходилось ловить различных насекомых, собирать муравьиные куколки и растительные корма. Кроме птиц, в клетках и на свободе жили белки, ежи, черепахи, а одно лето даже желтопузик. Однажды пришлось выращивать двух косуль, принесенных местным жителем сосунками. Они выросли совсем ручными. Козлушка была очень ласковая, а козел чуть что больно бодался, хотя рогов у него еще не было. Осенью, перед отъездом в город, их отдали в зверинец Н. Ф. Гуну, который прислал за ними лодку из Териок.

Весной 1905 г. в лесу случайно нашли маленького лосенка и принесли его Бианки. Пришлось взять его и выкармливать. Лоська благополучно рос и любил общество людей, отдавая предпочтение Кларе Андреевне, которая его кормила. Он ходил за ней по поселку, пугая незнакомых людей, заглядывал в окна, мог схарчить со стола котлеты или еще что-нибудь вкусненькое. Перед отъездом в Петербург его пришлось отправить в зоосад.

Вот как описывает «дачу» Бианки лебяженец и «литературный сын» писателя Виталия Бианки А. А. Ливеровский (1990): «Неподалеку арендовал дачу старший хранитель Петербургского Зоологического музея АН — Валентин Львович Бианки. Дача Бианки недалеко от моря, — в штормовую погоду в комнатах слышны гул и всплески прибоя. В доме всегда звенят птичьи голоса. Птицы местные, за исключением нескольких канареек, привезенных из города. Живут в клетках во всех комнатах и в вольере на веранде. Некоторые свободно летают по всему дому.

Во дворе много ящиков и клеток. Там ежи, лисята и прочая лесная живность. Громко просят есть птенцы ястреба. В большой

притененной клетке светятся круглые глаза филина... Над двором, на вершине сосны, сидит ворона. Сидит и не улетает, хоть палкой на нее махни. Это свой вороненок-выкормыш. На плечи садится большая уже сорока и клянит подачку. Огромная мохнатая голова тычет в спину — не бойтесь, не страшно, это свой лосенок. Для нас, ребят, попасть „на дачу Бианок“ было приключением — и еще каким! — надолго запомнишь».

Занятия в Зоологическом музее далеко не всегда позволяли Валентину Львовичу проводить летом постоянные наблюдения в природе. Директор музея академик В. В. Заленский постоянно оставлял его своим заместителем на «каникулярное время», во время командировок и при других отъездах. Например, Валентин Львович замещал директора в июне-августе 1896 г. и в июле 1897 г. Кроме того, лето 1897 г. он почти исключительно занимался энтомологическими исследованиями. В 1900, 1902, 1904, 1905, 1910–1913 гг. либо совсем не был в Лебяжем, либо не мог регулярно экскурсировать по его окрестностям и записывал в дневник только случайно увиденное. Нередко на лето приходились и командировки.

В 1891 г. в Будапеште состоялся II Международный Орнитологический Конгресс, на который был командирован Е. А. Бихнер, опубликовавший после возвращения отчет о его работе. В 1900 г. в Париже прошел III Международный Орнитологический конгресс. Из России на нем присутствовали Г. И. Радде и А. Ф. Миддендорф, а также, видимо, Д. Н. Кайгородов. На IV Международный орнитологический конгресс, который состоялся 12–17 июня 1905 г. в Лондоне, был командирован В. Л. Бианки. Он выехал туда 20 мая. В результате и этот сезон был потерян для наблюдения за гнездованием птиц в Лебяжем.

Председательствовал на конгрессе Р. Б. Шарп, с которым сложились хорошие рабочие отношения. В течение ряда лет В. Л. Бианки сотрудничал с ним, участвуя в составлении мирового списка родов и видов птиц, который издавался в Лондоне Британским музеем. Такое сотрудничество обеспечило высокую точность сведений о птицах Восточной Палеарктики, признанным знатоком которых был Бианки (Иванов, 1950). Будучи в Лондоне, 28 июня он докладывал на собрании Британского орнитологического клуба об описанном им новом виде оляпки *Cinclus przewalskii* и, обосновывая самостоятельность вида, сравнивал его с другими формами оляпок.

Большой интерес у присутствующих вызвали впервые привезенные им яйца и пуховые птенцы исландского песочника, доставленных с Таймыра и Новосибирских островов.

Почти совсем выпал из наблюдений 1910 г. С 10 мая по 15 июня Валентин Львович был командирован в Берлин на очередной, V Международный орнитологический конгресс с последующим посещением Лондона, Парижа и Турина для работы с орнитологическими коллекциями. На август он еще ездил в Грац на Международный съезд зоологов. Кроме того, весной и летом тяжело болел воспалением легких старший сын Лев и пришлось много времени пробыть в городе в связи с его лечением. После перенесения нескольких операций, наконец, наступило благополучное выздоровление. В августе Льва выписали из больницы и после недолгого пребывания в Лебяжьем, его отправили на сентябрь для восстановления сил к отдыхавшему в Крыму Н. Ф. Гуно.

Если Валентину Львовичу не удавалось летом получить отпуск, он приезжал в Лебяжье в пятницу вечером и оставался до утра понедельника. Там он много экскурсировал по окрестностям, иногда ездил на охоту, но большую часть времени все же работал за письменным столом. К этому времени он имел штучное, сделанное по особому заказу четырехствольное ружье. А. А. Ливеровский (1990) описывает его так: «Два боковых ствола — обычные дробовые, нижний нарезной — для стрельбы пулей на дальние расстояния, верхний гладкоствольный малокалиберный — для коллекционирования мелких птиц. Заряжается этот ствол «дунстом» — дробью, похожей на россыпь маковых зерен».

Отпуск Валентина Львовича обычно составлял полтора — три летних месяца, которые он почти безвыездно проводил с семьей. Соответственно достаточно полно, как он писал, удавалось провести летние наблюдения в Лебяжьем. В 1908 г. Валентин Львович находился в экспедиции на Камчатке, а наблюдения проводил младший сын Виталий. Он больше других помогал отцу в наблюдениях за птицами. Уже с 7 мая по 14 июля 1904 г., будучи десятилетним мальчонкой, он занес в свою тетрадь сведения о 113 гнездах, а летом 1905 г. добыл первую интересную для отца птицу — поползня. В следующие два года Виталий составил список птиц сада Петровского хутора в Лебяжьем и с 19 июня по 28 августа добыл 75 птиц. Среди обычной добычи у него были и редкие на пролете

виды куликов. В 14 лет Виталий самостоятельно проводил наблюдения по «полной» программе, которую оставил отец перед отъездом на Камчатку. Значительно реже в работах Валентина Львовича упоминаются наблюдения старших сыновей — Льва и Анатолия. Как уже говорилось, Лев больше интересовался насекомыми, Анатолий занимался фотографией.

Увлекаясь с товарищами охотой, Виталий добывал для отца «документированный» материал. В фаунистических публикациях Бианки о птицах Петербургской губернии, кроме фамилий известных орнитологов Плеске, Бихнера, Исполотова, Алфераки, упоминаются сведения, полученные от Н. Ф. Гуна, А. И. Таренецкого и других любителей. Среди них часто мелькают фамилии лебяженской молодежи — Александра и Ореста Оскаровичей Гаген-Торнов, Григория и Сергея Евгеньевичей Рахманиных, Евгения Николаевича Фрейберга.

Дружеские отношения младшего поколения лебяженцев, их общие занятия спортом, охотой и другими развлечениями сыграли большую роль в становлении их мировоззрения, характеров, увлечений. Недаром, став писателем, Виталий Бианки неоднократно возвращался в своих произведениях к случаям, происшествиям, впечатлениям лебяженской юности. Описывают события там в начале XX в. также А. А. Ливеровский (1984) и В. П. Того (1999).

Бурные волны общественно-политической жизни в России того времени, видимо, по-своему сказывались в академических кругах. Стремление к переменам в стране, недовольство самодержавием увеличивалось весь XIX в. Оппозиционные волны обострились к его концу, и в начале XX в. вырвались наружу. Возникнув в середине XIX в., интеллигенция играла в оппозиции значительную, если не главную роль. Недаром в начале XX в. ее называли «дрожжами» русской истории (История отечества, 1992).

В Лебяжьем собралось близкое по демократическим взглядам общество петербуржцев — ученых, врачей, инженеров. В семье Валентина Львовича открыто осуждалось самодержавие и в особенности шовинизм, который расцвел во время русско-японской войны. Интеллигенция критично относилась к действиям главнокомандующего генерала Куропаткина, предвещала крах эскадры адмирала Рожественского. В январе 1906 г. состоялся первый съезд партии кадетов, учрежденной в конце предыдущего года. В нее вошли верхи образованного общества — профессора, юристы, врачи и др. Они

призывали к ограничению самодержавной власти, принятию конституции, к проведению социальных реформ. Ее называли «профессорской партией», а П. А. Столыпин окрестил ее «мозгом страны» (Тыркова-Вильямс, 1998). Валентину Львовичу были близки чаяния кадетов, их внеклассовость, стремление к «конституционной монархии», дисциплина членов партии, наконец, признание равноправия женщин. Вспомним, что в 1877 г. Валентин требовал в гимназическом сочинении равноправия женщин и мужчин и писал: «Малоразвитый народ нуждается в монархическом управлении». Поэтому понятно, что даже такой аполитичный человек, как Валентин Львович, не отказавшись от взглядов молодости, в 1905 г. вступил в партию умеренно-демократических слоев интеллигенции — партию конституционных демократов, и стал читать только газету «Речь». Однако увлечение партийными делами было «сиюминутным», поверхностным и, соответственно, не продолжительным. Замечу, что старший сын Валентина Львовича, как и подобает молодому человеку, был настроен более радикально и некоторое время состоял членом партии социал-революционеров. Но и у него интерес к партийным делам скоро пропал.

Естественно, биологи меньше участвовали в деятельности оппозиции, чем юристы, экономисты и др. группы интеллигенции, непосредственно связанные с жизнью народа. Однако, занимаясь изучением фауны, распространением и филогенией животных, развитием дарвинизма и другими вопросами биологии, ученые не были изолированы от общества, подобно гротескному Паганелю. В 1905 г. профессора и др. ученые обратились к правительству с «Запиской о нуждах просвещения», которую подписали 342 человека, в том числе и В. Л. Бианки.

Профессор М. А. Мензбир в 1911 г. уволен из Московского университета вместе с другими профессорами, подписавшими протест против введения в работу вузов реакционных порядков (Росина, 1985). В результате он был вынужден, по-видимому, продать Зоологическому музею АН свою прекрасную коллекцию птиц, насчитывающую 12 600 экз. (Материалы..., 1917). Для ее приобретения, как и для приобретения коллекции Н. А. Северцева, состоящей из 13 280 птиц, Государственное Казначейство целевым назначением отпустило по 20 тыс. р. Это были самые большие поступления в Зоологический музей в начале XX в.

Птицы Петербургской губернии

Как уже упоминалось, сводку о птицах Петербургской губернии в 1884 г. опубликовал Е. А. Бихнер с добавлениями в 1887 и 1897 гг. Бианки участвовал в сводке своим материалом и небольшим очерком о гнезде и яйцах садовой камышевки. В 1897 г. Евгений Александрович дополнительно опубликовал наблюдения за новыми и редкими здесь видами. Уволившись в 1899 г. из Зоологического музея, он больше в этой теме не возвращался. Она естественно перешла к Валентину Львовичу, старшему зоологу Зоологического музея — единственному профессионалу-орнитологу, постоянно живущему и работающему тут.

Собранные в течение многих лет материалы о птицах Санкт-Петербургской губернии, В. Л. Бианки начал публиковать в 1903 г. Вначале это были наблюдения за новыми и редкими видами, дополняющие публикации Бихнера. Время шло, сведения копились, нужна была новая сводка. Для нее — «Списка птиц С.-Петербургской губернии» — Валентин Львович определил две основные задачи. Первая — вызвать критику на указанные в публикации сроки и характер пребывания птиц, т. е. получение дополнительных сведений, имеющихся у любителей. Вторая — дать любителям правильные научные названия и систематическое положение видов. В сводку вошло 262 вида, из которых 237 было «нормально» встречающихся и 25 — случайно залетных. Из этих 237 видов, 172 вида он считал гнездящимися, из которых 57 видов были оседлыми и 115 — мигрирующими, прилетающими на лето и улетающими на зиму. Не гнездящихся было 65 видов — 55 пролетных, 9 — зимующих и один летающий, но не гнездящийся. Таким образом, читающему любителю было легко оценить его материал, какого количества видов он еще не отметил и насколько интересны его данные. Сводка, опубликованная в 1907 г, была оформлена в виде таблицы.

Кроме названной работы, тогда же были изданы наблюдения Валентина Львовича за прилетом птиц в Лебяжьем весной 1907 г. и еще одна сводка «Птицы города С.-Петербурга», в которую вошел 91 вид. В дальнейшем он продолжал собирать новые и дополнительные сведения о птицах города и губернии и публиковал их в статьях-дополнениях. Увидели свет четыре дополнения к списку птиц С.-Петербургской губернии и одно к птицам города. Четвертое и последнее дополнение к списку птиц губернии было под-

готовлено в 1918 г., но опубликовано только четыре года спустя, уже после смерти автора. В нем он писал, что подготовил к печати новый список птиц Петроградской губернии, но считает нужным предварительно опубликовать четвертое дополнение к списку 1907 г. Были и др., главным образом фаунистические материалы о птицах губернии, которые Валентин Львович публиковал в это время. Постоянные наблюдения в районе д. Лебяжьей Петергофского уезда позволили опубликовать список встреченных там 171 вида птиц, с краткой характеристикой пребывания. На следующий год пришлось сделать дополнение, т. к. появились новые интересные сведения, а 5 видов были встречены там впервые. В 1909 г. он подготовил список птиц, собранных около 1890 г. Д. К. Глазуновым и хранящихся в университете.

В 1916 г. Валентин Львович писал, что почти за 40 лет ему удалось собрать сведения более чем о 1 100 гнездах птиц. Кроме того, еще о 133 гнездах были аналогичные сведения, собранные В. В. Баровским, В. Е. Спешневым и другими. В литературе о птицах Петербургской губернии к этому времени находилось описание 300 гнезд, т. е. в четыре раза меньше. У Валентина Львовича накопились материалы о гнездовании 91 вида, из которых о 26 не было данных в литературе. С другой стороны в публикациях были данные о 88 видах, среди которых о 23 видах не было материалов у Бианки. Таким образом, в сумме накопились сведения о гнездовании 114 видах из 184, гнездование которых было отмечено в Петербургской губернии. Из 70 остающихся видов только 26 были более или менее обычны, а остальные — случайными и редкими. Собранный материал заслуживал и требовал обработки и публикации.

Начало было положено обработкой сведений о гнездовании видов рода Славки в статье «Опыт обработки наблюдений над гнездованием птиц Петроградской губернии» (1918). В статье были использованы материалы по 20–60 гнездам каждого из 4 описываемых видов славки и дополнительно о 8 гнездах ястребиной славки. Таким образом, можно было охарактеризовать все гнездящиеся здесь виды этого рода. В работе приводятся сроки гнездования каждого вида. Для этого произведены расчеты дат начала откладывания яиц, вылупления и вылета птенцов. Чтобы это сделать, была необходима достаточно точная фиксация степени насиженности яиц при проверке гнезда и степени развития птенцов. Эти возможности,

как мы помним, Валентин Львович отрабатывал еще при орнитологических наблюдениях летом 1884 г. в Ушаках.

Несмотря на то, что количество данных было достаточное, Валентин Львович воздержался от того, чтобы дать графическое изображение сроков гнездования этих видов. Он привел только таблицу с перечнем гнезд и сроков гнездования, считая, что обобщение делать рано, т. к. наблюдения были сделаны случайно, и не представляли собой планомерного исследования, равномерно охватывающего весь период гнездования.

Кроме того, Валентин Львович пишет, что не уверен в том, что избранный им способ обработки и публикации сведений о гнездах «достаточно удовлетворителен». Поэтому данная статья является пробной. Интересно, что для нее он использовал материал по славкам, такой сложной группы для визуального определения видов. Едва ли ему существенно помогало определение их по пению самцов у гнезда. «Внук знаменитого певца, он (Валентин Львович. — В. Б.) не обладал музыкальным слухом. Ему трудно было издать различить бравурную — в мажоре — песню зяблика, от минорной песенки веснички: мелодии их схожи», — писал сын Виталий. К этому напомним, что дядя Валентина Львовича Иво Валентинович был профессором Петербургской консерватории, а тетя — Валентина Валентиновна — известной оперной певицей. Выбор же группы птиц для статьи, по всей видимости, определялся количеством имеющегося материала и желанием провести сравнение сроков и других особенностей гнездования близких видов. Славки же в этом отношении были удобным материалом. Недаром еще в публикации Е. А. Бихнера «Птицы С.-Петербургской губернии» 1884 г., Валентин Львович дает описание гнезд садовой камышевки — вида из этого же семейства Славковых. Остальной материал по гнездованию других птиц в С.-Петербургской губернии, имевшийся у В. Л., так и остался неопубликованным.

Кроме постоянного сбора материала по птицам Петербургской губернии и публикации новых сведений, Валентин Львович опубликовал в 1909 г. заметки о млекопитающих, рептилиях и амфибиях. Не собирая целеустремленно материал о встречах этих животных, он мог, однако, охарактеризовать их присутствие здесь. Например, 34 вида млекопитающих, сведения о которых у него собрались, он считает значительным количеством для береговой полосы Финско-

го залива, протяженностью в десять верст и шириной в три версты. Кстати, если по остальным группам зверей собранные сведения действительно близки к полным, то материалы только по 2 видам полевок и землероек, которые он приводит, явно далеки от полноты этих групп. Критически относясь к более ранним сообщениям о пресмыкающихся и земноводных в Петербургской губернии, автор перечисляет 12 видов, достоверно встреченных здесь.

При подготовке к печати сведений о птицах Новгородской губернии у Валентина Львовича меньше было материалов, полученных от других зоологов, любителей и тем более случайных данных, чем по Петроградской. Одним из таких фактов в тексте упоминается добыча А. А. Бубновым 20 апреля 1903 г. близ станции Любани черного аиста. Столь большая и заметная птица, как черный аист, конечно, вызвала рассказы о его добыче, которые дошли до Бианки, а вид птицы легко определялся по описанию, если она и не была передана в музей.

Категория вида

В конце XIX в. наука переживала важный эволюционный период, заканчивалось общее познание природы Земли. В биологии кончалось описание природы, на смену шел исторический метод, эксперимент. Продолжалась борьба за учение Ч. Дарвина, шло развитие эволюционного учения. «Однако не полемикой, не спорами вокруг учения Дарвина знаменита Россия в истории дарвинизма, — говорит Н. Н. Воронцов (1999, с. 348), — а тем позитивным вкладом, который был внесен ее учеными в развитие новых ветвей эволюционного учения».

Сотрудники Зоологического музея АН продолжали описывать фауну России и сопредельных стран, разрабатывали и совершенствовали систематику животных, закономерности их размещения. Задачи и направление работ исследовательского института всегда ограничено определенными рамками, их сотрудники используют в своих исследованиях широкую эрудицию и последние достижения науки. В своей области сотрудники Зоологического института сделали очень много для познания природы, систематического упорядочения и географического распространения животных. Накапливалась фактическая основа наших знаний об окружающем животном мире, утверждались эволюционные идеи Ч. Дарвина.

Описывая фауну мира, зоологи постоянно сталкивались с неопределенностью систематических единиц. Как обычно, система и ее критерии разрабатывались постепенно. Нередкая размытость биологических границ вида, не идентичность особей, вызывала описание экземпляров одного и того же вида из разных мест под разными названиями. Известные виды делили на более мелкие категории. Проблемой вида биологи занимались еще весь XX в., приближаясь к истине. В результате из 18 000 так называемых морфологических видов птиц, признаваемых в начале XX в., к его середине осталось только 8 500 видов (Гептнер, 1958). Русские зоологи одними из первых приняли широкую концепцию вида как комплекса подвидов или рас, и этот шаг был подготовлен и теоретически обоснован рядом выдающихся зоологов-систематиков XIX и XX вв.: М. М. Усова, А. П. Семенова-Тян-Шанского, В. Л. Бианки и других (Гептнер, 1947). Среди яркой плеяды русских ученых — естественников конца XIX — начала XX в. имя Валентина Львовича Бианки находится в тени. Он не опубликовал броских обобщающих работ, вошедших в учебники, и не создал своей школы. Значительную часть наиболее плодотворного возраста вместе с коллегами занимался созданием прекрасного Зоологического музея новой экспозиции, а периодически и административно-хозяйственным заботам, не говоря уж о материальном обеспечении семьи. Кроме того, у него не было помощников, штаты музея были очень ограничены. Только с 1900 по 1914 г. в технической работе ему помогала М. К. Ремпен. Однако, по-видимому, эта помощь была незначительна. Как уже говорилось, за 7 лет нахождения В. В. Заленского директором музея Валентин Львович замещал его без малого половину летнего времени. В результате только с середины пятого десятка лет он мог полностью отдаться исследовательской работе с птицами. Но это был период нарастания политического возбуждения в народе, потом мировой войны и революции.

Не получив университетского диплома, В. Л. Бианки не имел ученых степеней и званий. К чести его надо сказать, что это его мало интересовало. У него была возможность отдаться своей любимой исследовательской работе с птицами. Увлеченно он проработал много лет и с несколькими группами насекомых. Вернувшись с конгресса северных натуралистов и врачей, Валентин Львович писал 4 июля 1902 г. П. К. Козлову, отвечая на его письмо: «...Я ни на

что не рассчитываю, и желал бы только, чтобы меня не отрывали от моих любимых отделов — птиц, клопов и стрекоз. Вероятно, до Вас дошли какие-то слухи в Москве, о которых мне ничего не известно и которые вызвали в Вас желание мне полного устава».

Перу Валентина Львовича принадлежат многочисленные монографии по систематике птиц (уларов, фазанов, вьюрковых, жаворонков, синиц, снегирей, мухоловок и других), серия публикаций по обработке коллекций Зоологического музея, собранных участниками экспедиций в Среднюю и Центральную Азию, на Север и в другие места (Даревский, Лоскот, 1982). Кроме того, он считал необходимым публиковать результаты обработки небольших сборов, поступавшие из малоисследованных мест России и других территорий. Эти тщательно выполненные работы характеризовали его как высоко эрудированного широкого специалиста, публикующего абсолютно достоверный материал. В зоогеографическом отношении ему безусловно помогало и знание насекомых. Обобщающие же работы, выполненные Бианки остались в рукописях.

Занимаясь описанием коллекций, поступающих в музей с огромной территории России и прилежащих стран, описывая новые виды, разрабатывая систему многих родов и семейств, Валентин Львович выработал четкое понятие вида и его составляющих. А. И. Иванов (1950) пишет по этому поводу: «В своих работах по систематике птиц Валентин Львович нередко разбирает ряд принципиальных вопросов систематики, в частности очень убедительно, твердо и последовательно отстаивая существование естественных группировок. Некоторые из монографий Валентина Львовича, например, посвященная систематике и филогении снегирей, по своей обоснованности и тщательности выполнения вполне могут называться образцовыми».

Еще в январе 1910 г. А. П. Семенов-Тян-Шанский просил Валентина Львовича поддержать на зоологической конференции в Гарце его взгляды, высказанные в статье «Таксономические границы вида и его подразделения», которая печаталась в Берлине. «Я знаю, что Вы равнодушны к затронутым мной вопросам, и что мы очень близки во взглядах» — писал Валентину Львовичу Андрей Петрович. В этой публикации Семенов-Тян-Шанский дает определение вида, называет три его категории: «древние», «неустойчивые» и «полиморфные». Более мелкие подразделения вида он называет

расой и племенем, считая их географическими категориями, имеющими свой ареал. Самые мелкие подразделения, не закрепленные генетически и не имеющие своего ареала, называет морфой и аберрацией. Разработка Андрея Петровича была поддержана ихтиологом Л. С. Бергом.

В 1916 г. Валентин Львович писал в «Русском зоологическом журнале»: «В новейшее время, для прояснения представления о виде были применены три принципа — географический, химический и физиологический». Однако, ни один из них не гарантирует полное единство особей одного вида или их принадлежность к разным видам. Вид должен определяться стойкостью и постоянством его признаков, отличающихся от других видов, без промежуточных особей. Квалификация довидовых группировок организмов, приводимых Бианки, практически аналогична той, которую приводил А. П. Семенов-Тян-Шанский. Их тоже четыре. Первые два — подвид и племя — имеют наследуемые признаки. Более низкие — морфа и раса — не имеют наследуемых признаков. Несоответствие некоторых названий у А. П. Семенова-Тян-Шанского и В. Л. Бианки, видимо, определялось их изменением за те годы, которые прошли между публикациями.

Северные экспедиции

В середине XIX в. значительно увеличился международный интерес к Северному Ледовитому океану. Государства Западной Европы были заинтересованы в использовании богатств Севера и искали более короткие пути в Тихий океан и Индию. С августа 1882 по август 1883 г. было решено организовать Международный Полярный год, во время которого планировали метеорологические наблюдения в ряде мест северного побережья Азии. В России их провели опытные исследователи: А. А. Бунге — в районе р. Яны, И. Д. Черский — на левом берегу Нижней Тунгуски и другие.

В 90-х гг. была построена Транссибирская железнодорожная магистраль, которая обеспечила связь Европейской части России с югом Сибири и великими сибирскими реками, текущими на север. Она во многом решила вопрос транспортировки грузов по территории Сибири, а также вывоза товаров в Европу и к побережью Тихого океана. Однако огромные северные территории Сибири остались не связанными с Европой надежными транспортными путями. Со-

здание морского пути вдоль северного побережья Евразии становилось очень желательным. Эта проблема интересовала не только предпринимателей, но, конечно, и военных.

В 1894 г. после жестокого шторма на Мурмане был создан Комитет для помощи поморам русского Севера. Комитет организовал «Северную комиссию» и выбрал ее секретарем Н. М. Книповича (1862–1939). Его усилиями в 1898 г. на судне «Помор» был проведен разведочный рейс, а в 1899 г. начала работать научно-промысловая экспедиция, которой он руководил в первые годы. За 1899–1901 гг. участники экспедиции — Н. А. Смирнов, Ф. А. Матисен, Г. Ф. Гёбель и др. — собрали и передали в Зоологический музей 175 птиц, 64 яйца и несколько птичьих гнезд. Эти материалы были использованы как для биологических групп в музее, так и для пополнения научной коллекции (Бианки, 1902). Приемником Книповича в руководстве Мурманской научно-промысловой экспедицией с 1902 г. стал его заместитель Леонид Львович (Людвиг-Готтлиб) Брейтфус (1864–1950). Экспедиция проработала до 1908 г., но новых поступлений от нее в Зоологический музей не было. Задачи исследований изменились, как и ее состав.

В 1899 г. Петербургское отделение Императорского общества для содействия русскому торговому мореходству было преобразовано в Императорское общество судоходства. 12 февраля 1899 г. состоялось организационное собрание. На нем вице-председателем был избран академик Ф. Н. Чернышев (председатель — Великий Князь Александр Михайлович), а делопроизводителями Н. М. Книпович и А. М. Никольский. Функции Северной комиссии перешли к Промысловому отделу нового общества. Общество издавало журнал «Русское судоходство». Открывая заседание 27 марта 1899 г. Ф. Н. Чернышев сказал, что главные направления деятельности отдела будут научное и экономическое (Протокол заседания от 27 марта 1899, 1900). Еще летом 1897 г. в низовья Волги был направлен член общества А. М. Никольский для выяснения вопросов, связанных с рыболовством. В 1899 г. Валентина Львовича избрали действительным членом общества Судоходства, что определялось, вероятно, его участием в научной деятельности общества: подготовке программ для исследований, обработкой собранных орнитологических материалов.

Начиная с конца XIX в., состоялись несколько больших морских комплексных экспедиций. В 1899–1901 гг. на Шпицбергене

работала «Градусная» экспедиция АН, которая по общему плану с аналогичной шведской экспедицией проводила топографические измерения для подтверждения сфероидальной формы Земли. По настоянию одного из организаторов и руководителей экспедиции, академика Ф. Н. Чернышева, русская экспедиция была комплексной. Кроме геодезистов, астрономов и физиков, в нее вошли известный полярный исследователь доктор медицины А. А. Бунге (1851–1930), зоологи А. А. Бялыницкий-Бируля, М. Н. Михайловский (1877–1904) и др. По плану и инициативе адмирала С. О. Макарова был построен первый мощный ледокол «Ермак», который в июне 1899 г. совершил свой пробный рейс к Шпицбергену, доставляя туда экспедицию.

Летом 1899 г. А. А. Бялыницкий-Бируля собирал птиц и проводил другие исследования наземной и морской фауны и флоры. Кроме него, птиц и их яйца собирали доктор А. А. Бунге, М. Н. Михайловский, врач А. Н. Волкович и студент-геолог О. О. (Хельге Гётрик) Баклунд. Всего было собрано и передано в Зоологический музей 148 шкурок 20 видов птиц и 57 яиц 10 видов. Особо ценил Бианки переданный ему дневник А. А. Бунге, который вел фенологические и др. наблюдения с лета 1899 до осени 1900 г. К обработке коллекции птичьих яиц Валентин Львович привлек известного, специалиста по птичьим яйцам, оолога и исследователя Мурмана Г. Ф. Гёбеля (1844–1910). В общей сложности описание птиц Шпицбергена получилось значительно полнее, чем описание птиц Мурмана по материалам экспедиции Н. М. Книповича, хотя коллекционные сборы были меньше. Издание трудов Градусной экспедиции удалось осуществить за 15 тыс. р., пожертвованных Э. Л. Нобелем (Извлечение из протоколов..., 1915).

В 1899 г. началась подготовка к Первой русской полярной экспедиции АН под начальством геолога барона Э. В. Толля (1858–1902). До этого, в 1886 и 1893 гг., он участвовал в экспедициях на Новосибирских островах и в опытном рейсе ледокола «Ермак» по Баренцеву морю. В комиссию по снаряжению экспедиции вошли академики Ф. Б. Шмидт — председатель, Ф. Н. Чернышев, О. А. Баклунд, А. П. Карпинский и др., всего в начале четырнадцать, затем восемнадцать человек (ЛО Архив АН, ф. 14, оп. 1, ед. хран. 76). От Зоологического музея в ней были директор, академик В. В. Заленский, А. А. Бялыницкий-Бируля и Н. М. Книпович. Секретарем комис-

сии был избран В. Л. Бианки. Деятельность в этом качестве заняла у него много времени и сил не только в период организации экспедиции, но и позже (ЛО Архив РАН, ф. 14, оп. 1 и 2). Практически вся переписка и организационные дела шли через ученого секретаря. Он же был держателем финансов. Барон Э. А. Толль писал 6 мая 1900 г.: «В комиссию для снаряжения Русской Полярной Экспедиции для исследования Земли Санникова и других о-вов выдавать аванс секретарю Экспедиции В. Л. Бианки по израсходованию имеющихся у него на руках денег в размере 1 000 руб.» (сохранено оригинальное правописание).

В экспедиции Э. В. Толля птицами должен был заниматься врач Г. Э. Вальтер. Для него Валентин Львович разработал программу наблюдений, познакомил с встречающимися там видами, учил сохранять добытых птиц и их яйца. Подробно обсудили детали жизни птиц, на которые следовало обратить особое внимание. Участник экспедиции, многоопытный зоолог широкого профиля А. А. Бялыницкий-Бируля должен был проводить гидробиологические исследования. Конечно, он записывал свои наблюдения и за другими животными. После гибели в 1902 г. доктора Г. Э. Вальтера, Бируля, как он часто сокращал свою фамилию в публикациях, особенно тщательно собирал сведения о птицах. Наблюдения Вальтера, сделанные в 1900–1901 гг. на западном побережье Таймыра, сразу были опубликованы (Walter, 1902). В 1907 г. А. А. Бируля издал свои «Очерки из жизни птиц полярного побережья Сибири». Детальная обработка собранной коллекции, которую должен был произвести Валентин Львович, затянулась.

За первую навигацию 1900 г. Толль не смог на шхуне «Заря» обогнуть Таймыр, и 26 сентября экспедиция была вынуждена зимовать в Карском море у западного берега полуострова близ архипелага Норденшельда. Место оказалось зимой совершенно пустынным. Первую птицу — белую сову — увидели 17 апреля. В апреле же появились одиночные тундряные куропатки и пуночки. Только в конце мая число птиц значительно увеличилось.

В марте, когда стало достаточно светло, Э. В. Толль поручил лейтенанту Ф. А. Матисену произвести маршрутную съемку архипелага Норденшельда, который лежал к северу от места зимовки. При съемке маршрута Ф. А. Матисен нанес на карту куполообразный остров, получивший название в честь ученого секретаря комиссии

по снаряжению экспедиции В. Л. Бианки. Остров занимает центральное положение в группе Восточных островов архипелага Норденшельда близ северо-западного побережья Таймыра.

Э. В. Толль называл вновь открытые земли в честь русских ученых, внесших значительный вклад в изучение Севера, членов Географического общества, русских гидрографов, в честь членов комиссии, снаряжавшей экспедицию и лиц, способствующих ее организации. В дальнейшем картографические работы Русской полярной экспедиции подверглись уточнению и исправлению. Оказалось, что островом Бианки была названа целая группа островов, которые издали выглядят как один крупный остров (Троицкий, 1968; Попов, Троицкий, 1972). Действительно, Матисен не подходил к острову и нанес его на карту издали. С 1939 г. название «Бианки» стало относиться к наиболее крупному острову в этой группе с координатами $76^{\circ}44' - 47'$ с. ш., $97^{\circ}09' - 40'$ в. д. Его площадь составляет 3 600 га, а протяженность с востока на запад — 13 км (топографическая карта М 1:500 000), Наибольшая высота острова, как и всей группы островов, равняется 89 м.

Через столетие, в 1993 г. остров Бианки вошел в составе архипелага Норденшельда в Большой Арктический государственный природный заповедник. В зоологическом отношении остров до сих пор почти не исследован, как и все Восточные острова архипелага. Известно, что северо-западнее его, на о. Русском находится значительная колония черных казарок. Еще А. А. Бялыницкий-Бируля (1907) писал, что море здесь очень бедно птицами, встречаются только 3–4 вида чаек.

В июне 1901 г. четыре члена экспедиции во главе с Э. В. Толлем отправились в санно-шлюпочную экспедицию к острову Беннета для выяснения существования легендарной Земли Санникова — суши севернее Новосибирских островов. К концу навигации они не вернулись. При отсутствии в те времена радио, связи с группой Толля не было. Ввиду задержки экспедиции были сделаны склады продовольствия по их вероятному пути возвращения. Однако никто из группы так и не вышел.

В начале декабря 1901 г. участники, остававшиеся на шхуне «Заря», вернулись в С.-Петербург. Началась подготовка к спасательной экспедиции. Ее должен был возглавить участник экспедиции лейтенант А. В. Колчак. Из своего имени в Прибалтике при-

езжала хлопотать о поисках мужа Эммелина Толль. Она бывала в доме Бианки и запомнилась как «грустная худенькая женщина» (Бианки, 1965). Валентин Львович принимал деятельное участие в организации поисковой экспедиции. Через него шла активная переписка Колчака с руководством комиссии по подготовке экспедиции, различные хлопоты по ее техническому снаряжению и обеспечению подходящими людьми.

После окончания экспедиции по поискам Э. В. Толля, 24 февраля 1904 г. А. В. Колчак написал из Иркутска В. Л. Бианки о результатах поисков и просил сообщить их баронессе Э. Толль. Также он просил передать ей описание бароном о. Беннета, геологическую коллекцию и др. вещи, найденные на острове, на месте последнего пребывания пропавшей группы. Кроме того, он просил Валентина Львовича «не оставить их (пять человек его вельботной команды. — В. Б.) без Ваших распоряжений относительно выдачи им содержания... ..Прошу Вас иметь в виду, что я считаю необходимым увеличить содержание четверем мезенским поморам до 60 р. за каждый месяц, проведенный на службе моей экспедиции... Я прошу Вашего ходатайства о награждении всех участников моей экспедиции медалями, и если возможно, то и деньгами» (Синюков, 2000).

В итоге все четверо, а также члены команды яхты «Заря» были награждены золотыми медалями «За усердие». Сам же Александр Васильевич, отчитавшись за экспедицию и отправив все найденные вещи, коллекции и документы в С.-Петербург, направился из Иркутска в Порт-Артур, на эскадру Тихого океана, считая себя обязанным участвовать в боевых действиях против Японии (Синюков, 2000).

Отмечая важнейшую роль Валентина Львовича в делах экспедиции, о чем свидетельствуют и письма казначея АН В. А. Рышкова, А. В. Колчак подарил ему шкуру белого медведя, которая долго лежала под роялем в квартире семьи Бианки. При подготовке дневника Э. В. Толля к печати, Эммелина Толль просила В. Штакельберга, В. Л. Бианки и К. А. Волосовича (участника экспедиции) просмотреть рукопись и поблагодарила их в своем послесловии, написанном в Дерпте (Тарту) в октябре 1908 г. (Толль, 1959).

В 1901 г. была создана Русская полярная комиссия, секретарем которой был определен В. Л. Бианки, а в 1907 г. — Международная Полярная комиссия. В 1914 г. в АН появилась Постоянная

Полярная Комиссия, которая просуществовала до 1919 г. В. Л. Бианки был их членом. Основной задачей академической комиссии было научное исследование полярных стран вообще и русского севера в частности. На нее ложился критический анализ планов будущих экспедиций, которые предлагали организовать частные лица и заинтересованные группы предпринимателей (Толмачев, 1915). А ими были прежде всего сибирские предприниматели, заинтересованные в доставке из Сибири различных товаров. Как уже было сказано, построенная на грани XIX и XX вв. железная дорога, пересекающая юг Сибири, недостаточно обеспечивала хозяйственное использование этой огромной территории, особенно ее северной части.

Для дальнейшего исследования Северного Ледовитого океана у берегов Сибири, в 1908–1909 гг. были построены «гидрографические ледоколы» «Таймыр» и «Вайгач», которые отправились из Балтийского моря во Владивосток через Индийский океан. Дальше их путь лежал в Северный ледовитый океан для гидрографических исследований. Вначале их арктическими плаваниями руководил И. С. Сергеев, потом – Б. А. Вилькицкий. За годы исследования Северного Ледовитого океана было описано побережье Восточной Сибири, открыты архипелаг Северная Земля и др. острова. В 1914 г. направляясь в Белое море, ледоколам пришлось зазимовать западнее Таймыра. В сентябре 1915 г. в Архангельске экспедиция была расформирована.

Зоологические материалы собирали судовые врачи «Таймыра» и «Вайгача» Л. М. Старокадомский и Э. Е. Арнгольд. В Зоологический музей были переданы умело собранные и сохраненные 309 птиц 68 видов и 56 их яиц 12 видов, не считая многочисленных экспонатов других групп животных. Полученные коллекции получили очень высокую оценку директора музея академика Н. В. Насонова (1916). Все материалы были разобраны специалистами музея по группам и определены. По мнению Валентина Львовича наиболее интересными в этой коллекции были шкурки очковой гаги и кулика-лопатоноса, а также длиннохвостая синица, добытая на Камчатке, где их раньше не встречали. Кроме того, музейный интерес представляли 3 взрослые белые чайки и одна молодая, добытые западнее Таймыра. На открытых экспедицией Земле Императора Николая II, островах Вилькицкого и Врангеля были добыты 6 ку-

ликов, чаек, чистиковых и ворон. Предполагалось, что В. Л. Бианки обрабатывает этот материал (Насонов, 1916). Но его рукопись «Орнитологические материалы гидрологической экспедиции в Северный Ледовитый океан 1910–1915 гг.» не была опубликована и пропала.

В книге «Птицы Чукотского полуострова и острова Врангеля» Л. А. Портенко пишет, что в Зоологический музей было передано около 175 шкурок птиц, которые он и обработал.

Участник экспедиции Г. Я. Седова к Северному полюсу доктор П. Г. Кушаков передал Зоологическому музею 27 птиц и 28 их яиц, собранных летом 1913 г. на Новой Земле и 7 марта — 8 сентября 1914 г. на Земле Франца Иосифа. Перечень этой небольшой коллекции был опубликован Валентином Львовичем в 1917 г.

Общую сводку материалов по птицам Северного ледовитого океана, подготовил Ф. Д. Плеске и опубликовал ее в 1928 г. в г. Бостоне (США). Однако материалы, собранные экспедицией на ледоколах «Вайгач» и «Таймыр», в нее не вошли. Позже, в 1949 г. фундаментальный труд по «Птицам Арктики» подготовил С. И. Снигиревский, но и он остался неопубликованным. Видимо, до поры до времени материалы по птицам Арктики не вызывали интереса и не могли пробиться на печатные страницы для знакомства с ними широких кругов специалистов. Только книга С. М. Успенского «Птицы Советской Арктики» была издана в 1958 г. Однако это было издание другого характера, и в него не вошли многие материалы, накопленные до этого многочисленными исследователями.

На Камчатке и Командорских островах

30 января 1906 г. на заседании Совета Географического общества было доложено письмо Ф. П. Рябушинского, в котором он обращался с предложением организовать вместе с АН и Императорским обществом любителей естествознания, антропологии и этнографии научную экспедицию на Камчатку. Федор Павлович — один из младших братьев промышленников и финансистов Рябушинских — предлагал финансировать двухгодичную экспедицию для изучения Камчатки в археологическом, антропологическом, этнографическом, географическом, геологическом, ботаническом и зоологическом отношениях. Он собирался ежегодно выделять по 100 тыс. р., всего 200 тыс. Совет Географического общества образовал комиссию для выяснения условий экспедиции и выдвинул не-

преклонное условие — участие в ней только русских ученых (Журнал заседаний, 1906).

В 1908 г. экспедиция состоялась в составе пяти отрядов — этнографическом, метеорологическом, геологическом, ботаническом и зоологическом. В последний отряд вошел и В. Л. Бианки, который просил направить его на Камчатку для непосредственного знакомства с ее природой и птицами в частности, а также поправки своего здоровья в связи «с постоянным пребыванием в атмосфере хранилища музея, насыщенной мышьяковистым углеродом и нафталиновыми парами». В результате было получено командировочное свидетельство с определением срока поездки — с половины апреля по октябрь 1908 г.

12 апреля 1908 г. геологический, ботанический и зоологический отряды экспедиции Рябушинского, как она стала называться, выехали из С.-Петербурга в специальном вагоне II класса почтового поезда и, немного задержавшись в пути из-за весеннего размыва железнодорожной насыпи р. Ишимом, 10 мая прибыли во Владивосток. Здесь окончательно определился состав зоологического отряда: П. Ю. Шмидт (1872–1949) — ихтиолог и начальник, В. Л. Бианки — орнитолог, А. Н. Державин — энтомолог и лимнолог, В. Н. Лебедев — гидробиолог и метеоролог, Людвиг Бэр — препаратор из Мюнхенского музея, а также штурман Н. И. Алмазов — помощник-доброволец. В команде были также четыре русских матроса и китаец Чжан-ки-синь — кок и бой. Всего одиннадцать человек.

Во Владивостоке немного задержались, т. к. пароход, на котором должны были ехать, не дождался экспедиции и ушел. Пришлось добираться на почтово-пассажирском пароходе и военном транспорте, разделившись на две группы. Первая из них, в которой находился Валентин Львович, добралась до Петропавловска-Камчатского 26 мая. Здесь задержались еще на 5 дней. Но это уже была Камчатка, можно было начинать работу. Стоял второй период весны — местами еще лежали пятна снега, у травянистых растений только началась вегетация, летующие птицы все прилетели. Экскурсируя в окрестностях города, Валентин Львович отметил 37 видов птиц.

В Усть-Камчатске — первом пункте запланированного рабочего маршрута — выгрузились 7 июня и пробыли 13 дней. Погода стояла дождливая и ветреная. Развитие весны здесь немного отставало от окрестностей Петропавловска-Камчатского. Несмотря на непогоду, Валентин Львович довольно полно обследовал местную авифауну

и отметил значительное количество гнездящихся уток. Большинство птиц уже насиживало кладки.

Дальше все члены экспедиции направились к Нерпичьему озеру, а Валентин Львович один — по р. Камчатке в с. Ключевское. Это решение было принято потому, что со слов местных жителей в районе Нерпичьего озера предполагался ландшафт, сходный с окрестностями Усть-Камчатска, и тот же период весны. Внутри же материка за меридиональным Восточным хребтом, на Центральнокамчатской низменности уже начиналось лето, деревья покрылись листвой. Орнитологу очень важно было быстрее попасть туда, чтобы не упустить короткий период гнездования местных птиц.

20 июня В. Л. Бианки выехал на катере из Усть-Камчатска и 23 июня, проплыв по реке 125 км, прибыл в Ключевское. В дороге останавливались только на ночлег, поэтому не было возможности экскурсировать и добывать птиц. Приходилось с борта судна наблюдать за изменением ландшафта, а он из тундрового постепенно становился таежным: с березняками, участками осинников, ивняков, елово-пихтовым и лиственничным лесом. Птиц было видно мало и, конечно, главным образом, попадались водоплавающие и прибрежные. В одном месте увидел легко доступное гнездо белоплечего орлана, которое потом сфотографировал П. Ю. Шмидт. И только немного не доезжая Ключевского, появилось довольно много орланов, стали встречаться тюлени. Весной они поднимались по реке за лососями больше чем на 200 км и возвращались в море только осенью.

В с. Ключевском местные жители были заняты хозяйственными делами и только в конце июня, когда закончился ход нерки, некоторые из них соглашались на отдельные экскурсии. Поэтому Валентину Львовичу пришлось работать без помощников. Это значительно уменьшило протяженность и продолжительность экскурсий, т. к. все снаряжение приходилось носить самому. В результате смотренная площадь оказалась ограниченной радиусом в 5–10 км. Поэтому, как писал в отчете Валентин Львович, не удалось побывать на Двуроточной реке, где гнездились 4 вида гусей и на охоте на линяющих уток, которую местные охотники отложили на начало августа из-за высокого уровня воды. Местные жители добывали уток без ограничения, безжалостно стреляя даже по самкам с маленькими утятами, а добыча линяющих уток напоминала настоящую бойню.

Несмотря на трудности с помощниками и приезд уже в середине гнездового периода, Валентину Львовичу удалось отметить тут 62 вида птиц, почти треть от числа видов, известных для всей Камчатки, и собрать достаточно полный материал об их летней жизни.

19 июля в с. Ключи прибыли остальные члены зоологической партии, кроме Л. Бэра, погибшего 18 июня при попытке перепрыгнуть через бурный поток. Постепенно продвигаясь вверх по р. Камчатке, 5 августа экспедиция достигла с. Козыревки. К этому времени гнездование птиц закончилось, их количество в лесу значительно уменьшилось. Приближалась осень.

Чтобы вернуться к зиме в С.-Петербург, Валентину Львовичу пришлось повернуть обратно. Остальные члены экспедиции продолжали путь вверх по реке к с. Шилково, а он с двумя матросами и китайцем направился 10 августа вниз по течению к морю. Так и не удалось ему побывать в верховьях р. Камчатки и в области ельников, о чем он очень жалел.

Как и предвидели, обратный путь проходил с длительными остановками в ожидании транспорта. Это позволяло орнитологу проводить экскурсии в окрестностях населенных пунктов и наблюдать осенний пролет птиц. 17 августа прибыли в Усть-Камчатск.

В его окрестностях во второй половине августа — начале сентября летели к югу различные кулики, чайки и мелкие воробьиные, держались утки. На вороничниках ягодами вороники (шикши) кормились стаи дальневосточных и средних кроншнепов, молодые короткохвостые поморники. Масса мигрантов схлынула ко второй половине сентября. Лес совсем опустел, берега водоемов — тоже. Только водоплавающих еще оставалось довольно много.

За четыре с лишним месяца пребывания на Камчатке Валентин Львович относительно хорошо познакомился с природой тех мест, которые удалось посетить, собрал с помощью Л. Бэра около 300 птиц 121 вида, 120 яиц и 15 гнезд. Однако для мало-мальски полного и серьезного исследования он считал необходимым проработать здесь не менее 4 лет, т. к. южная Камчатка, западное побережье и северная часть требовали специального посещения.

По наблюдениям В. Л. Бианки на Камчатке были богато представлены птицы, связанные с водоемами: пластинчатоклювые, чайки и кулики, отчасти гагары и бакланы, а на море — трубконосые и чистиковые. Остальные экологические группы были бедны ви-

дами. Например, по его наблюдениям количество видов врановых, вьюрковых, синиц, славковых, дроздовых, дятлов, сов, дневных хищных и куриных в сумме здесь встречалось вдвое меньше, чем в небольшой по площади Петербургской губернии. Многие восточно-сибирские семейства птиц оказались не представлены на Камчатке совсем, их виды сюда не проникли. И дело не в суровых климатических условиях, считал Валентин Львович, а в экологической изоляции Камчатки. Таежным птицам сложно мигрировать на полуостров через Охотское море с запада, по цепи Курильских о-вов с юга или, тем более, через тундру с севера. Этой изоляцией он объяснял и «...несомненную склонность здешних птиц образовывать местные формы». Отметил он и массовость особей ряда видов, которые нашли тут подходящие условия.

Кроме того, Валентин Львович писал в отчете о командировке на Камчатку (1909), что местное население, особенно аборигены, находятся в бедственном состоянии.

Сохранилась толстая большая тетрадь с твердой обложкой и перенумерованными страницами — «Орнитологический дневник Камчатской экспедиции 1908–1909 гг.». Виды в ней расположены в систематическом порядке. Каждому виду отведена страница, на которой собрано все о нем, что удалось получить в результате экспедиции. Наверху страницы указано латинское и местное название вида. Дальше в хронологическом порядке идут авторские дневниковые записи, потом наблюдения других участников экспедиции, перечень добытых птиц и иные сведения. Если страницы не хватило, то внизу указан номер страницы-продолжения, где находятся не поместившиеся сведения.

В дальнейшем Валентин Львович подготовил в 1915–1916 сводку «Птицы Камчатки», которая не была издана. В советское время, как пишут S. Bergman (1935) и Е. Г. Лобков (1982), рукопись пропала. В настоящее время большая ее часть найдена в бумагах Л. А. Портенко и находится в Орнитологической лаборатории Зоологического института РАН. Сохранились страницы с 273 по 792. Они включают подробное повидовое описание пребывания на Камчатке куриных, куликов, чайковых, чистиковых, кукушек, сов, стрижей, дятлов и воробьиных птиц. Из сохранившейся части рукописи ясно, что кроме В. Л. Бианки и Л. Бэра, материалы о птицах собирали и др. члены зоологического отряда, а также некоторые

участники ботанического отряда. Особенно много в рукописи ссылок на наблюдения А. Н. Державина.

Кроме части самой рукописи, сохранились три приложения: список тиц, приводившиеся для Камчатки ошибочно (77 видов); список литературы по авифауне Камчатки и Командорских островов (83 публикации, начиная с работы С. П. Крашенинникова (1756) и кончая статьей С. А. Бутурлина (1913); маршруты экспедиции по Камчатке препаратора Зоологического музея И. Г. Вознесенского в 1844 и 1846–1948 гг.

Все члены экспедиции Рябушинского по возможности собирали материал не только по своей группе животных. Так и в сборах Валентина Львовича был материал по другим группам, в частности, по насекомым. Например, только своих излюбленных полужесткокрылых, клопов, он собрал представителей 21 вида, что составило 47 % видов всех сборов (всего 45) экспедиции и 37 % всех известных там видов (57 видов). Интересно, что фауна этих насекомых Камчатки оказалась ближе не к фауне клопов территорий Восточной Сибири, лежащих на одной широте с нею, а к фауне Якутии севернее Северного полярного круга. Так писал А. Н. Кириченко (1926), при обработке небогатых сборов полужесткокрылых Камчатки, имеющих к 1923 г. в Зоологическом музее.

В ожидании парохода, на котором можно было бы выехать из Усть-Камчатска в Петропавловск-Камчатский, Валентину Львовичу представилась возможность посетить Командорские острова. Туда шел пароход «Котик» Камчатского торгово-промышленного общества, работники которого оказывали экспедиции разнообразную помощь. Валентин Львович еще в С.–Петербурге предполагал побывать на Командорах, и такая возможность появилась.

Поездка заняла 6 дней — с 6 по 11 сентября, по 3 дня на остров. На о. Беринга он совершил три довольно продолжительные экскурсии. На о. Медном погода не благоприятствовала, экскурсии были кратковременными и мало результативными. Кроме знакомства с природой, ему удалось встретиться со знакомым по С.–Петербургу энергичным исследователем Анадырского края Н. П. Сокольниковым. С 1905 г. он занимал должность начальника Командорских островов. Они договорились, что Сокольников соберет возможно более полные материалы по авифауне Командор и будет вести фенологические наблюдения.

Несмотря на кратковременность посещения Командорских островов, Валентин Львович опубликовал в 1909 г. обзор их фауны, в основу которого положил капитальный труд Л. Штейнегера (Stejneger, 1885, 1887), обследовавшего острова в 80-х гг. XIX в. Кроме того, Валентин Львович использовал находившиеся в Зоологическом музее сборы Вознесенского, Гребницкого, Гриневецкого, Слюнина и особенно Н. П. Сокольниковца, всего около 200 шкучок. В общей сложности он перечисляет 153 вида птиц, которых разделил на «нормальных» и «ненормальных». К первым он отнес 18 оседлых, 40 летучих, 17 пролетных и 11 зимующих видов. Ко вторым — 61 залетный вид и 6 — сомнительных. В видовых очерках, по возможности, привел фенологические сведения и местные названия птиц. В более поздней публикации Г. Х. Иогансен (1934) пишет, что к 145 видам птиц в списке Л. Штейнегера, Валентин Львович прибавил 5 видов — черноклювую гагару, большого песочника, клокутуна, пестроногого турпана и ласточку-береговушку, в результате чего фауна птиц Командорских островов, исключая синонимы, стала включать 150 видов.

Кроме новых птиц, Валентин Львович описывает изменения, которые произошли за 20 лет со времени посещения островов Л. Штейнегером. Например, значительно уменьшилось количество белоголовых орланов, бакланов и местных крапивников — «лимашинок». Белых сов, наоборот, стало больше на о. Беринга, где размножились случайно завезенные с материка полевки. Последние в свою очередь, по-видимому, отрицательно повлияли на количество крапивников.

После поездки на Командорские острова, выехать из Петропавловска-Камчатского удалось только 9 октября на том же пароходе «Котик», и не во Владивосток, а в Японию. За время вынужденного пребывания в Петропавловске-Камчатском Валентин Львович познакомился с человеком, который согласился собрать коллекцию птиц, необходимую для выяснения самостоятельности их местных форм. Сделать это было совсем не так просто. Птицы были нужны в свежем перье и в достаточном количестве для описания динамики нарядов. Таким человеком оказался В. А. Сапожников, который должен был работать вместо Л. Бэра под руководством одного из членов Зоологического отряда Камчатской экспедиции, А. Н. Державина. Кроме того, Валентин Львович, конечно, экскурсировал

по окрестностям города. Однако птиц встречалось мало, и экскурсии приносили больше разочарования, чем радости. Только водоплавающих в Авачинской губе можно было наблюдать в значительном количестве. 17 октября «Котик» прибыл в Иокогаму, откуда Валентин Львович переехал в Цуругу на западном берегу о. Хонсю и 24 октября добрался, наконец, до Владивостока. На следующий день он сел в поезд и 5 ноября прибыл в С.-Петербург.

Во Владивостоке его догнало оптимистичное письмо П. Ю. Шмидта из Толбачека, в котором говорилось, что наконец удалось достать помощников и лошадей для похода на Кроноцкое озеро. Кроме того, Петр Юльевич передавал в С.-Петербург просьбы к своей жене и телеграмму в Географическое общество. Однако позже, 24 ноября 1908 г. П. Ю. Шмидт писал из Милкова с Камчатки Валентину Львовичу в С.-Петербург, что для работы экспедиции до осени 1909 г. средств не хватит и просил ходатайствовать перед Ф. П. Рябушинским о выделении еще хотя бы 2–3 тыс. р. Однако получить дополнительное финансирование не удалось, и 16 апреля 1909 г. пришлось телеграфировать на Камчатку, что средств нет (ЛО Архив РАН, ф. 309, оп. 2, ед. хран. 8). И в дальнейшем переписка членов экспедиции тоже шла через Валентина Львовича.

В марте 1910 г. после полугодовой болезни Ф. П. Рябушинский скончался на двадцать шестом году жизни (А. Д., 1911). Дела Камчатской экспедиции продолжила его жена Татьяна Константиновна. 24 сентября 1910 г. она пригласила В. Л. Бианки для переговоров по поводу обработки собранных материалов и коллекций и редактирования предполагавшихся к изданию трудов. В 1912 г. удалось организовать выставку привезенных экспонатов и публикацию полученных материалов (Журнал, 1912; ЛО Архив РАН, ф. 309, оп. 2, ед. хран. 20).

«Фауна России и сопредельных стран»

В 1901 г. скончался Александр Онуфриевич Ковалевский, освободилось место академика-зоолога. На это место адъюнкт АН Ф. Б. Шмидт выдвинул Е. А. Бихнера. Но В. В. Заленский дал резко отрицательную характеристику его научной и музейной деятельности и представил на это место Н. В. Насонова (1855–1939: ЛО Архива РАН, ф. 6, оп. 1, ед. хран. 21, Ю № 55), человека разносторонне проявившего себя в различных направлениях научной деятельно-

В.Л. Бианки (1857–1920)

Отец – Лев Валентинович Бианки (1827–1889)

Мать – Елизавета Евдокимовна Бианки
(1828-30?–1895)

В.Л. Бианки в молодости

Жена – Клара Андреевна Бианки – в молодости
(1850–1915)

Валентин Львович Бианки

Клара Андреевна Бианки

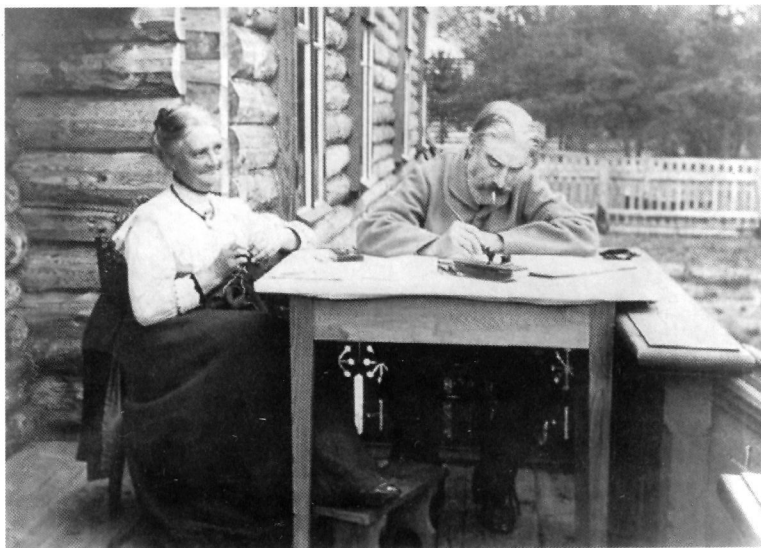
Вале́нтин Льво́вич дома за столом

Семья В.Л. Бианки

Семья Бианки в Лебяжье

Клара Андреевна и Валентин Львович за столом

Валентин Львович в дамском обществе
в Лебяжьем

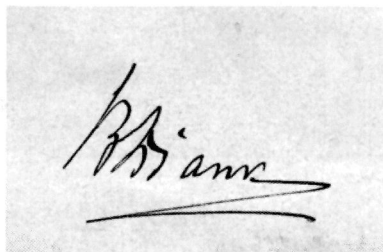

В.Л. Бианки и Гунн

Медицина для определения родов и видов.

- а. Число ребра... длина, нечетные карды... $\frac{2}{3}$, $\frac{1}{3}$, $\frac{3}{3}$
 Но́дри выделаются на четной полнотности... $\frac{2}{3}$, $\frac{1}{3}$ рода Placatus
 Предметы адл. 39-42.5 мм.; убо, она основана на-
 руженно хрост до бурного ок. 37 мм P. auritus
- а' Число в 3-4 ряда, самое больше в 2 ряда карды...
 нечис. Но́дри выделаются на четной полнотности...
 ени носа.
- б. Упоряд. зидни... $\frac{1}{2}$ или $\frac{1}{2}$.

Образец почерка В.Л. Бианки

Подпись В.Л. Бианки

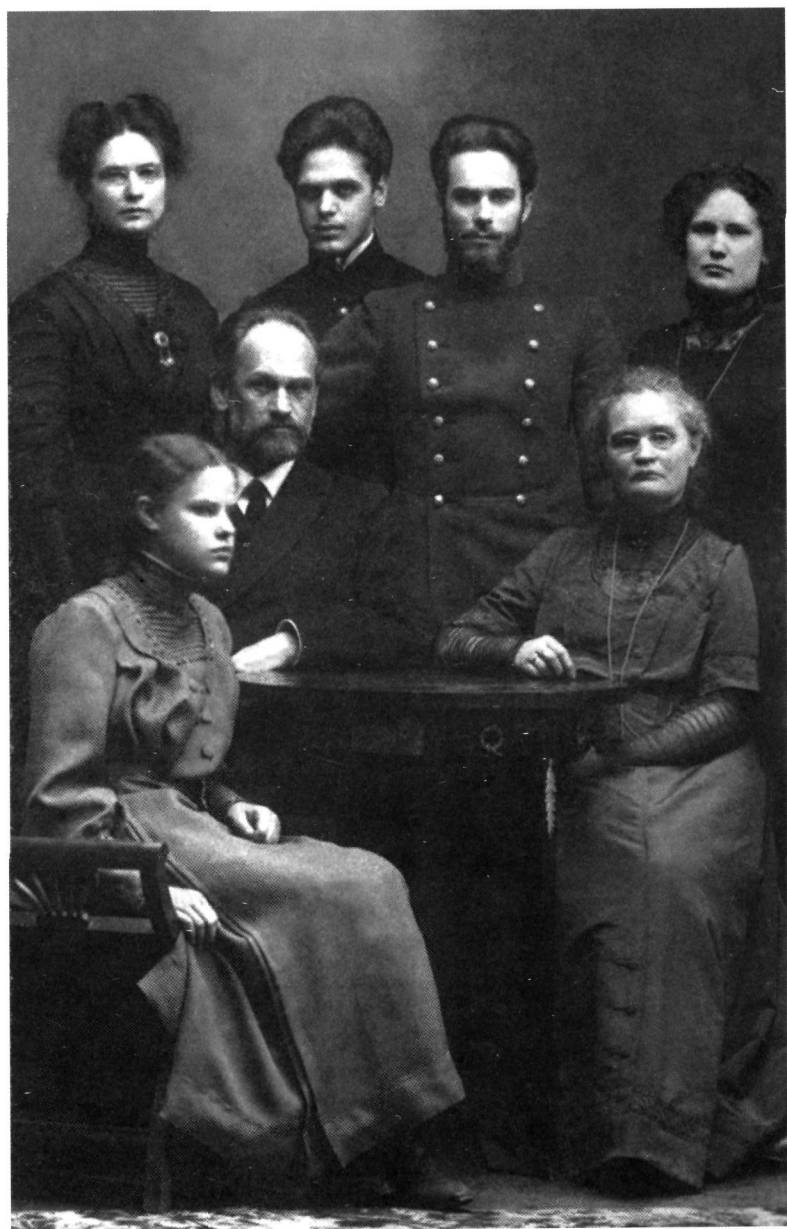
Заседание Ученого совета в Зоологическом саду.
Слева направо: В.Л. Бианки, И.Д. Стрельников, Н.А. Головин, А.А.
Бялыницкий-Бируля, Н.П. Танасийчук,
Н.М. Книпович, В.А. Догель

Отдых в пути, на Кавказе

Остров Бианки в архипелаге Норденшельда

Семья Гаген-Торнов (фрагмент)

Сидят (слева направо) П.К. Козлов (1863–1935),
Н.М. Пржевальский (1839–1888) и
В.И. Роборовский (1856–1910)

Лоцманский поселок (Лебяжье)

сти. Николай Викторович после окончания в 1878 г. Московского университета, преподавал в нем с перерывами до 1885 г. В 1884 г. он занимался в лаборатории Одесского университета у А. О. Ковалевского. Его экспедиции охватили Средиземное и Красное моря, где он работал на биологических станциях. В 1889 г. Насонова пригласили в Варшавский университет, где он значительно расширил Зоологический музей, организовал Зоологическую лабораторию и издание ее трудов. Все это время он вел интенсивную исследовательскую работу, часто непосредственно связанную с практикой, в частности помогал развитию пчеловодства, исследовал сверлящие губки на Черном море.

В 1906 г. В. В. Заленский сдал музей новому директору, академику Н. В. Насонову. При нем научный коллектив музея в 1912 г. был увеличен до 7 старших и 7 младших зоологов, нескольких научных хранителей, препараторов и других сотрудников (Наумов, 1980). Кроме того, Николай Викторович организовал издание серии трудов «Фауна России и сопредельных стран». Первыми были подготовлены к печати и изданы в 1911 г. «Птицы» В. Л. Бианки (первый полутом и в 1913 г. второй), «Рыбы» Л. С. Берга (том I, и в 1912 — 1914 г. том III) и «Гидроиды» А. К. Линко (том I и в 1912 г. том II).

Том I «Птицы (*Aves*). *Colymbiformes* и *Procellariiformes*» включал главы: Зоогеографическое деление Земного шара; объяснение систематических терминов, значков и сокращений; деление класса птиц *Aves* на два подкласса, деление подкласса типичных птиц на два отдела, обзор высших групп отдела *Palaeognathae* и, наконец, отдел *Neognathae*. В него вошли: обзор высших групп, таблица для определения отрядов, подотдел I *Colymbomorphae* и таблица для определения отрядов. Отряд I *Colymbiformes*, гагарообразные, таблица для определения подотрядов и семейств. Дальше следовало описание подотряда гагар, семейства гагаровых и рода гагар. После определительной таблицы шло описание пяти видов. Поганки или чомги входили в следующий подотряд *Colymbi*. Семейство поганковых делилось на пять родов. Отряд *Procellariiformes*, Трубноносых включил четыре семейства с пятнадцатью родами

Видовой очерк включал разделы: «Руководящая литература» «Диагноз», «Характеристика» (описание внешнего вида), «Область распространения», «Местопребывания», «Образ жизни», разделение вида на подвиды и таблица для их определения. Затем шло

описание подвидов, которое начиналось с его названия у разных авторов и фаунистической литературы, касающейся России, потом шел перечень экземпляров Зоологического музея, местные названия и описание типовых экземпляров. Библиография работ, упомянутых в тексте, давалась сокращенно внизу страницы.

Заметки о зоогеографии

Еще в 1902 г., будучи на XI Конгрессе северных естествоиспытателей и врачей в Гельсингфорсе, Валентин Львович выступил с докладом «О первостепенных зоогеографических единицах и южной границе Палеарктической области». В 1905 г. в журнале «Естествознание и география» доклад был напечатан. Затем в томе I «Птицы», «Фауны России и сопредельных стран» он повторил эту схему. В 1918 г. Валентин Львович пересмотрено свое зоогеографическое деление Старого Света. Отдав должное разработкам 1851–1870 гг. Sclater'a, который установил естественные границы в географическом распространении организмов, палеонтологу Rutimeyer — критиковавшего разработки Склятера, но неожиданно подтвердившего их на другом материале, и Huxley — оценившего родственные отношения между группами организмов, Валентин Львович все же считал, что в основу деления фауны Земного шара должны быть положены все три названных принципа — физиономический, исторический и эволюционный. Таким образом, учитываются родственные отношения между группами организмов, распространение организмов во времени и обусловленная им преемственность и качественное различие фаун в зависимости от числа сохранившихся примитивных форм. Разрабатывая зоогеографическое деление суши, Валентин Львович неоднократно говорил, что это приходится делать главным образом на основании хорошо изученных млекопитающих, а из птиц использовать только гнездящихся.

Деление суши на зоогеографические подразделения он производил не только на основании их характеристик по различию систематических единиц животных, но и учитывая историю эволюционного развития животных. В три первые порядка зоогеографических единиц он включил понятие «Суша» (Geae), «Царство» (Regnum) и «Область» (Regio). Основной единицей он считал зоогеографическую область, которая наиболее доступна изучению, а более крупные общности надо складывать из областей. Причем оговорился,

что берет ответственность только за деление царства Четвертичной суши и континентальной части Индомалайского царства, над которыми он работал. Субтропическое царство он разделил на Нагорноазиатскую, Средиземноморскую и Сонорскую области, а Борарктическое царство — на Борамериканскую и Боревразийскую области:

A. Archigaea. Вторичная суша

I. Антарктическое царство

1. Антарктическая область

II. Новозеландское царство

1. Новозеландская область

III. Австралийское царство

1. Австралийская область
2. Новогвинейская область
3. Полинезийская область
4. Гавайская области

IV. Неотропическое царство

1. Патагонская область
2. Бразильская область
3. Центрально-американская область
4. Вестиндская область

V. Мадагаскарское царство

1. Мадагаскарская область
2. Сейшельская область
3. Маскаренская область

B. Mesogaea. Третичная суша.

VI. Эфиопское царство

1. Южно-африканская область
2. Западно-африканская область
3. Восточно-африканская область

VII. Индомалайское царства

1. Южно-индийская область
2. Передне-индийская область
3. Китайско-гималайская область
4. Индо-китайская область
5. Малакко-зондская область

6. Филиппинская область

7. Целебесская область

C. Hologaea. Четвертичная суша

VIII. Субтропическое царство

1. Нагорноазиатская область

2. Средиземноморская область

3. Сонорская область

IX. Борearктическое царство

1. Борамериканская область

2. Боревразийская область

В Зоологический музей постоянно продолжали поступать сборы, сделанные на территории России различными экспедициями и энтузиастами. Если они были достаточно представительными и сделаны в малоисследованных местностях, Валентин Львович считал необходимым обрабатывать их и публиковать, чтобы ими могли пользоваться коллеги. Это занимало немало времени, но входило в обязанности работника музея. Поручить было некому, приходилось делать самому. Например, в 1901 г. после окончания работы по подготовке к открытию Зоологического музея, он обработал сборы, сделанные в 1899 г. в Акмолинской губернии П. Г. Игнатовым, руководившим экспедицией Западно-Сибирского отдела Географического общества по исследованию озер Степного края. В сборах было 367 шкурок птиц, представлявших главным образом местную гнездящуюся фауну. Кроме фаунистического материала, эта коллекция представляла интерес и для описания состояния оперения, т. е. линьки птиц. В 1906 г. А. Мольтрехт собрал в бассейне р. Анадыря небольшую коллекцию из 78 экз. 40 видов птиц. К сожалению, сборы представляли собой птиц, засушенных с мясом и внутренностями или плохо препарированные шкурки, не очищенные от жира. Поэтому большую часть этого сбора не удалось сохранить. В 1911 г. вышел в свет «Иллюстрированный путеводитель по р. Каме, Вишере и Колве» П. В. Сюзева. В его создании участвовали различные специалисты. Рыб бассейна р. Камы описывал Л. С. Берг, птиц — В. Л. Бианки. Материалов было недостаточно для полноценного описания орнитофауны, поэтому пришлось составить предварительный список, в который вошли 270 видов

с указанием характера их пребывания. Еще 11 видов упоминались как вероятно встречающиеся, но пока не найденные. В настоящее время далеко не все из этих птиц признаются орнитологами самостоятельными видами.

Поступали в Зоологический музей сборы птиц, сделанные вне Российской территории. Например, Н. А. Дмитриев передал коллекцию (141 экз.), собранную в 1898–1899 гг. у восточного берега Африки, в Абисинии и близ ее границ, с дополнениями А. В. Каховского (16 экз.). Авторы просили, чтобы у каждого их экспоната 117 видов были указаны место его находки и дата сбора. Так и было сделано.

В 1914 г. Центральную Африку посетили В. А. Догель и И. И. Соколов, собиравшие главным образом беспозвоночных, в том числе паразитических. С этой целью они добыли некоторое количество птиц, шкурки которых для определения были переданы Валентину Львовичу (Мазурович, Полянский, 1980).

20 ноября 1910 г. группа членов Географического общества — Л. С. Берг, А. А. Бялыницкий-Бируля, А. И. Воейков, Ю. М. Шокальский, В. Л. Комаров и др. ходатайствовали перед Советом общества об образовании постоянной биогеографической комиссии. Кроме членов общества, в состав комиссии изъявили желание войти сотрудники Зоологического музея В. Л. Бианки, Н. Я. Кузнецов, А. С. Скориков и Г. Г. Якобсон, ученый хранитель Ботанического музея АН В. А. Траншель и др. Одновременно они просили принять их в члены-сотрудники общества (Журнал, 1910). Комитет был создан, и 26 ноября 1910 г. состоялось первое заседание, на котором выбрали его руководителей. На втором заседании 17 декабря была образована подкомиссия по выяснению спорных вопросов номенклатуры, в которую вошли Берг, Бианки, Бялыницкий-Бируля и др. 2 марта 1911 г. биологи, начавшие работать в биогеографической комиссии, были приняты членами-сотрудниками общества (Журнал, 1911). Присутствуя на заседаниях, Валентин Львович, как обычно, был активен и часто выступал при обсуждении различных вопросов.

31 января 1912 г. на заседании Совета Географического общества при обсуждении кандидатур для присуждения наград общества выступил Л. С. Берг. Он высоко оценил работу Валентина Львовича по обработке зоологических коллекций, собранных многочисленными экспедициями общества, а также разработанное им на орнитологическом материале зоогеографическое

деление суши с определением центров развития фауны представило его к награде. Совет присудил членам Общества за 1911 г. шесть малых золотых медалей Географического общества, в числе награжденных был и В. Л. Бианки (Журнал, 1912).

Валентин Львович постоянно следил за газетными публикациями о птицах, получая из них дополнительный материал, и, случалось, обобщал его в той или иной форме. Поэтому естественно его участие в публикации серии инструкций и наставлений по этим вопросам, подготовленных Зоологическим музеем для «постоянных сотрудников и корреспондентов Музея Императорской АН, а так же для лиц, которые пожелали бы любезно содействовать пополнению коллекций Музея». Причем посылки, адресованные на музей весом до пуда, принимались на почте бесплатно.

Занимаясь обработкой коллекций, которые передавали Зоологическому музею участники экспедиций и просто любители природы, а также собирая сам материалы для новой экспозиции Зоологического музея и его научной коллекции, Валентин Львович достиг в этом, как и в других делах, которыми занимался, высокого профессионализма. Не имея в юности учителей и начиная по книгам с нуля, он знал все трудности, с которыми сталкиваются любители. Кроме того, постоянная работа со сборами других исследователей выявила обычные при этом недочеты и ошибки. В то же время желательным было привлекать к коллекционированию и наблюдениям в природе побольше любителей всех возрастов.

Первая инструкция вышла в журнале «Природа в школе» в 1907 г. — «К постановке наблюдений над птицами в природе». Затем была напечатана в 1908 г. расширенная инструкция «О наблюдениях над жизнью птиц в природе», которая вошла в «Программы и наставление для собирания коллекций по естественной истории», издаваемые С.-Петербургским обществом естествоиспытателей. В следующем, 1909 г. в подготовленном Зоологическим музеем «Наставлении для собирания зоологических коллекций», выходит в свет «Инструкция для собирания птиц, их яиц и гнезд», а в 1913 г. ее переработанный и расширенный вариант снова переиздается Обществом естествоиспытателей. Как видно из этого перечня, потребность в таких изданиях была большая.

В 1912 г. Валентина Львовича командировали на съезд естествоиспытателей и врачей в Тифлис. Воспользовавшись возможностью

увидеть Кавказ, он позвал с собой сына Анатолия, увлекающегося фотографией. До Владикавказа доехали на поезде, потом, как пишет Анатолий Валентинович в Автобиографических записках (1965), автобусом по Военно-Грузинской дороге. Доклады оказались мало интересны, но красоты горных пейзажей и завораживающее впечатление от них, вполне оправдали ожидание. На обратном пути поднялись в Бакуриани на альпийские луга горы Цхра-Цхаро. Подъем по мокрой и крутой тропе был труден, но Валентин Львович прошел по ней легко. Дальше проехали в Батуми, где сели на пароход, идущий до Севастополя, и оттуда поездом домой. «Фотографический отчет» сына занял небольшой альбом и надолго сохранил в памяти эту поездку.

В 1913 г. в Москве при Отделении орнитологии Русского общества акклиматизации животных и растений был создан Русский орнитологический комитет, членом которого был избран и В. Л. Бианки. С 1916 г. комитет стал издавать под редакцией профессора А. Н. Северцова и приват-доцента В. С. Елпатьевского «Русский зоологический журнал». В его первом номере была помещена статья Валентина Львовича о виде.

В. Л. Бианки был уже орнитологом с мировым именем, членом-корреспондентом, действительным и почетным членом Европейских и Американского орнитологических обществ: Британского орнитологического союза Лондонского зоологического общества (с 1900 г. член Союза, в 1914 г. — избран почетным членом), Венгерского (с 1909 г.), Немецкого (с 1913 г.), и Американского орнитологического союза (с 1916 г.). А также имел все полагающийся безупречному государственному служащему гражданские чины и награды. Они включали чин «статского советника», полученный в 1899 г., ордена «Святой Анны» II и III степени, «Святого Станислава» II степени и «Святого Владимира» IV степени, полученный в 1907 г., а также «Серебряную медаль в память царствования Александра III» и «Светлую бронзовую в память 300-летия царствования Романовых». Чин действительного статского советника, дающего потомственное дворянство, он не получил.

Орнитогеография северо-запада Европейской России

Не выезжая в дальние экспедиции, Камчатская была исключением, В. Л. Бианки постоянно собирал сведения о птицах С.-Петербургской и окрестных губерний. Это было его общение с природой,

с любимыми вольными птицами, одним из направлений исследовательской работы. Здесь он начал свои наблюдения гимназистом, продолжил и расширил их студентом, постоянно вел потом. Не ограничиваясь своими возможностями, он привлекал к сбору наблюдений за птицами любителей, птицеловов и охотников, используя полученный ими материал. Этому способствовали опубликованные Зоологическим музеем инструкции по сбору, этикетированию и сохранению собранных животных, да и прекрасная музейная экспозиция. Конечно, все это было связано опосредованно, но нет сомнения в их глубинной связи.

Валентин Львович высоко ценил работу Д. Н. Кайгородова (1846–1924), который организовал широкую сеть наблюдателей за фенологическими явлениями в С.-Петербургской и соседних губерниях. Дмитрий Никифорович с детства интересовался птицами. Будучи артиллерийским офицером, он прослушал в С.-Петербурге курс Земледельческого (Лесотехнического) института и в 1873 г. вышел в отставку. С 1875 г. он уже читает студентам лекции по лесной технологии, в 1875 г. становится профессором и с 1887 г. — заместителем директора института. Кайгородов не ждал, пока фенологические данные накопятся для их обработки за много лет, а постоянно, начиная с 1888 г., публиковал их в различных широко доступных для населения изданиях. Так население постоянно получало информацию о сезонных изменениях в природе. Для облегчения введения его публикаций в научный обиход, Бианки опубликовал в 1915 г. библиографию его фенологических заметок и широко использовал их в своих работах, например в «Птицах Тверской губернии». В этой рукописи приводятся не только опубликованные в газетах и журналах, но и не опубликованные еще сведения о весеннем прилете птиц, переданные ему Дмитрием Никифоровичем.

Выяснение населения птиц Тверской, Петербургской и соседних губерний проходило, по-видимому, вне плановой работы профессиональных орнитологов. Официально рабочее время выделялось в лучшем случае на обработку накопившегося материала и предоставлялась возможность опубликовать его на страницах научных изданий. Постоянно собирая и публикуя сведения о птицах Петербургской губерний, а также зная состав орнитофауны Новгородской и Тверской губерний и обрабатывая поступающие в музей коллекции, у Валентина Львовича естественно появилось желание

и потребность анализа фауны птиц северо-запада Европейской части России. Необходимый для этого материал, как уже упоминалось, постепенно накапливался.

В 1884 г. сводку о птицах С.-Петербургской губернии опубликовал Е. А. Бихнер, дополненную в 1897 г., затем В. Л. Бианки издал «Список птиц С.-Петербургской губернии» с дополнениями. Были и другие, главным образом фаунистические материалы о птицах губернии. Если имя автора не входило в название статьи, Валентин Львович называл его во введении. Сводка о птицах Новгородской губернии была опубликована Валентином Львовичем в 1910 г., и в 1915 г. увидело свет первое и единственное дополнение к ней.

О птицах Финляндии была опубликована солидная работа А. J. Мела (Mela, 1909); по Прибалтике — Г. В. Лоудона (H. Loudon, 1909) о птицах Псковской губернии — Н. А. Зарудного (1910); Московской губернии — К. А. Сатунина (1892); и Смоленской губернии — В. В. Станчинского (1915), по Новгородской губернии самого Валентина Львовича. По Олонецкой и Тверской губерниям сводок не было, но в Тверской губернии неоднократно приходилось бывать и наблюдать птиц самому. Кроме того, были небольшие публикации различных авторов.

Кстати, о птицах Смоленской губернии Валентин Львович писал, что есть только наблюдения в 1909 г. С. И. Огнёва по ее северо-восточной части, и отдельные фенологические заметки. Это вынудило его в 1915 г. опубликовать сборы 44 видов Б. Л. Броневского, сделанные в 1908–1912 гг. в Ельнинском и Рославльской уездах. Одновременно, как мы видим, вышла в свет сводка В. В. Станчинского, которую можно было использовать.

Учитывая ситуацию, летом 1911 г. Валентин Львович предпринял кратковременную поездку в Олонецкий край — нынешнюю Южную Карелию. Поехали вчетвером: О. Э. Гаген-Торн с сыном Александром и Валентин Львович с сыном Анатолием. Обязанности распределялись следующим образом. Валентин Львович и Шура должны были собирать коллекцию птиц, Толя фотографировать, а Оскар Эдуардович выполнял роль художника. До Петрозаводска добрались на пароходе, затем на лошадях и лодках, не торопясь, двинулись дальше на север, любуясь красотами карельских пейзажей — р. Суной, водопадами Кивач, Пор-порог и Гирвас, озерами и выходами скал. Вели наблюдения за птицами, искали их

гнезда, добывали нужных в коллекцию. Возвращались тем же путем. В орнитологическом отношении поездка оказалась мало интересной, птиц оказалось немного, и еще меньше удалось добыть. Однако собственные впечатления всегда ценны, тем более для биолога и были описаны в краткой публикации «Птицы, наблюдавшиеся в Олонецкой губернии в июне 1911 г.» (1914).

Позже, в «Сводке по авифауне Олонецкой губернии» (Рукопись. Архив ЗИН, 1916) Валентин Львович напишет, что, кроме его материалов, известны 68 публикаций, касающихся птиц губернии, из которых две — были ему недоступны и шестнадцать — мало интересны. В ней он дает подробный исторический очерк изучения орнитофауны Олонецкой губернии. Общий список встреченных в губернии птиц составил 198 видов, и еще 24 — вероятных, а также детализируется их встречаемость по уездам, характер пребывания и др. сведения.

Видимо, в 1916 г. Валентин Львович подготовил к печати рукопись «Птицы Тверской губернии». Бывая в 1874, 1885, 1891 и 1893 гг. в Ржевском и Старицком уездах, он собрал там некоторые материалы. Наиболее полные сведения были получены в 1885 г., когда служил земским врачом в Старицком уезде. «Тверская губерния исследована значительно хуже соседних с ней губерний — писалон, — относительно исследованы были Тверской, Старицкий, частично Новоторжский, Ржевский и Вышневолоцкий уезды, а сведения об остальных были крайне отрывочны. Число публикаций о птицах губернии приближалась к тридцати. Из них специальные орнитологические исследования, которые можно использовать, находились в 8 работах». Дополнительно Ф. Д. Плеске передал Валентину Львовичу сведения о птицах, которых он наблюдал в окрестностях местечка «Буславль», севернее Вышнего Волочка. А Д. Н. Кайгородов передал рукопись, с фенологическими наблюдениями, собранными в 1895–1916 гг. корреспондентами, организованной им сетью фенологов. Это были 283 бюллетеня, наиболее многочисленные за 1903–1914 гг.

Всего Валентин Львович называет 215 видов птиц, достоверно встреченных в Тверской губернии. Из этого количества 57 видов были оседлы и 123 — летующими. Кстати, 11 видов из них были частично пролетные, а один вид к тому же мог зимовать. Только пролетными были 26 видов, из которых часть птиц двух ви-

дов частично зимовали. Восемь видов названы зимующими. Еще 38 видов он считал, что в дальнейшем должны быть встречены, т. к. их наблюдали в соседних губерниях. В опубликованном в 1959 г. «Животном мире Калининской области» авторы называют 236 видов (Шапошников и др., 1959, с. 130), т. е. на 17 меньше, чем считал Бианки, не приводя даже конкретных материалов о них. В книге «Болота Верхневолжья. Птицы», изданной в 2000 г., В. И. Николаев говорит о 202 видах, встречающихся на болотах. К сожалению, и у этого автора видовые очерки настолько малы, что в них не помещались конкретные наблюдения. Ни в той, ни в другой книге почти нет упоминания о дореволюционных публикациях. Их авторы незнакомы с архивной рукописью В. Л. Бианки.

Описание большинства видов составляет у Валентина Львовича около 0,05 печатного листа и насыщено конкретным материалом. Об охотничьих видах, особенно о вальдшнепе и тетереве, сведений больше. При описании луней он дает определительную таблицу, принимая за видовые признаки форму опахал первостепенных маховых перьев, величину плюсны и клюва:

А. Наружное опахало 5-го первостепенного махового и внутренне-го опахала 4-го без резкой вырезки на наружном краю, суживаются к вершине пера постепенно.

б. Начало вырезки на внутреннем опахале 1-го махового и на наружном опахале 2-го первостепенного махового удалены от конца кроющих маховых не менее, чем на 25 мм. Длина плюсны короче 63,5 мм — *C. pygargus*.

б*. Начало названных вырезок приходится почти у конца кроющих перьев первостепенных маховых. Плюсна длиннее 63,5 мм — *C. macrurus*.

В. Наружное опахало 5-го и внутреннее опахало 4-го первостепенного махового разом сужаются к вершине, благодаря резкой вырезке на его наружном крае.

с. Хорда клюва от края восковицы на коньке до вершины верхней челюсти значительно короче 19 мм — *C. suapeus*.

с*. Хорда клюва от края восковицы до вершины верхней челюсти не короче 19 мм — *C. aeguginosus*.

При описании гусей, Бианки дает не только видовые очерки, но и сведения о гусях, неопределенных до вида, считая, что «Сведения о гусях вообще, без указания вида, не имеют, конечно, научного

значения, но местному наблюдателю они могут быть так или иначе полезны, хотя бы для ориентировки, где и когда искать гусей и добыть, таким образом, знания об отдельных видах».

Общий объем рукописи около 12 печатных листов. Она не только характеризует уровень знаний орнитологов о птицах Тверской губернии начала XX в., но и служит базой для определения произошедших за столетие изменений. Как это нередко бывает, после смерти автора подготовленная сводка о птицах Тверской губернии осталась в виде рукописи, написанной мельчайшим почерком В. Л., лежать в архиве Зоологического музея-института. Этой рукописью Валентин Львович закончил описание птиц губерний, входящих в северо-запад Европейской части России и, опираясь на публикации других авторов, получил возможность подготовить обобщающую работу. Кроме вышеперечисленных работ, он использовал: сводку о птицах Кольского полуострова Ф. Д. Плеске (1887) и др. Были также более мелкие статьи, характеризующие пребывание разных видов птиц на северо-западе Европейской России и неопубликованные наблюдения.

Имеющиеся сведения позволили Валентину Львовичу подготовить рукопись о распространении птиц на северо-западе Европейской России. Она была готова к концу 1916 г. и 8 декабря представлена в редакцию Ежегодника Зоологического музея. Однако из-за трудностей с изданием научных трудов, связанных с военным и послереволюционным временем, оказалась опубликованной только в 1922 г. Этот XXII том Трудов Зоологического музея вобрал в себя материалы, накопившиеся за несколько лет. В северо-запад Европейской России у Бианки вошли Лапландия, Финляндия, прилежащая к ней часть Архангельской губернии, Олонецкая, Новгородская, Петроградская, Прибалтийские, Псковская, Тверская, Московская и Смоленская губернии. Автор сожалеет, что из-за недостаточной изученности птиц литовско-белорусских губерний (за исключением Минской), а также Витебской и Могилевской включить их в описываемую территорию было невозможно. Анализируя имеющихся сведений о распространении птиц, Валентин Львович разделил исследуемую территорию на 10 округов, входящих в подобласти тундры и тайги Бореоевропейской области:

1. Лапландский тундровый.
2. Лапландский лесной
3. Финляндско-поморский.

4. Финляндско-южный.
5. Ладожско-Северо-Двинский.
6. Белозерско-Волжский.
7. Ладожско-Валдайский.
8. Прибалтийский.
9. Западно-Двинский-Днепровский.
10. Волжско-Окский.

В этой работе он не только привел таблицу встречаемости 360 форм, как тогда предпочитал называть Валентин Львович виды птиц, в десяти губерниях северо-запада Европейской России, но и разделил их по характеру пребывания. В округах оказалось по 35–54 оседлых, 122–148 летующих, 5–48 пролетных и по 2–13 других «форм». По 7–64 формы были залетными, т. е. как называл их Валентин Львович «не нормальными». Кроме постоянного сбора материалов о птицах С.-Петербургской губернии и публикации новых сведений, Валентин Львович опубликовал в 1909 г. заметки о млекопитающих, рептилиях и амфибиях. Не собирая целенаправленно материал о встречах и образе жизни этих животных, он смог охарактеризовать их присутствие здесь. Например, 34 вида млекопитающих, сведения о которых у него были, он считает значительным количеством для береговой полосы Финского залива протяженностью в 10 верст и шириной в 3 версты. Кстати, если по остальным группам зверей, собранные сведения действительно близки к полным, то материалы по двум видам полевок и двум видам землероек, явно далеки от сведений о встречаемости всех представителей этих семейств. Об остальных видах этих зверьков он не упоминает. Критически относясь к ряду более ранних сообщений о пресмыкающихся и земноводных в С.-Петербургской губернии, автор перечисляет 12 видов, достоверно здесь обитающих.

Военное время

В годы Первой мировой войны сборы зоологического материала и его поступления в Зоологический музей, конечно, проводились меньше, чем до этого, но продолжались. Например, летом 1916 г. участники экскурсии Тобольского музея С. Кузнецов и Г. Садовников собрали в бассейне р. Надым небольшой, но полноценный материал из 68 птиц разного возраста 41 вида. Из этого удаленного района раньше не было материалов. Сборы были точно фиксированные

по месту и дате, сильно поврежденные птицы и сильно насиженные яйца сохранялись в спирте, а к собранным яйцам и птенцам были приложены тушки родителей.

Не обследованными или далеко недостаточно обследованными продолжали оставаться в начале XX в. и относительно недалекие территории. Например, по Вологодской губернии в 1856 г. был издан только список птиц А. Межакова по ее юго-западной части. Список явно устарел. Поэтому Валентин Львович публикует в соавторстве с В. Д. Андреевым, его наблюдения и сборы 105 видов, сделанные в 1908 и 1909 гг. в Усть-Сысольском уезде.

Начавшаяся в 1914 г. война не могла не сказаться на жизни и работе Валентина Львовича. Кроме общих изменений, которые происходили в России и в общества, были и непосредственно изменившие всю семейную жизнь. В 1915 г. скончалась Клара Андреевна. Она мучительно переживала войну между родиной, где оставались родные, и Россией, где она выросла, прошла вся ее жизнь, где стали взрослыми ее сыновья. Ей трудно было примириться с той волной поношения всего немецкого, которую подняли в России. Даже первоначальное названия города, где она жила, «С.-Петербург», заменили на российское звучание «Петроград».

После похорон Клары Андреевны на Шуваловском кладбище рядом с дочерью и сыном, мужчинам не хотелось ехать на опустевшую дачу в Лебяжье. Надо было пережить потерю жены, матери и хозяйки дома. Ушел родной, очень близкий человек. Решили поехать на Кавказ к Шелковникову, который приезжал в Зоологический музей для определения своей коллекции и пригласил к себе Валентина Львовича. Живя под Евлахом на берегу Куры в богатом винограднике имени Шелковниковых, каждый занимался своим делом: Валентин Львович с Виталием — птицами, Лев — насекомыми, Анатолий собирал гербарий и фотографировал горные пейзажи. Через полтора месяца вернулись в Петроград. Летом в 1916 и 1917 гг. Валентин Львович жил на даче И. Э. Гаген-Торна в Приморском хуторе близ Большой Ижоры. Семейные заботы по быту выполнял Анатолий. В 1915 г. Виталий закончил гимназию и поступил в университет, но в 1916 г. был призван на военную службу. В ноябре после четвертого курса университета ушел в армию вольноопределяющимся Анатолий, но уже через год демобилизовался. Лев, как швейцарский подданный, призыву не подлежал. Он родился до

того, как отец принял российское подданство, и был швейцарским гражданином. Жизнь и работа продолжались. Валентин Львович опубликовал библиографию орнитологической литературы по Петроградской губернии, включив в нее фенологические заметки Д. Н. Кайгородова, о чем уже упоминалось. Потом занялся обработкой материалов по летучим мышам С.-Петербургской губернии и России. В «Диагностике летучих мышей (Chiroptera) Европейской России» (1918) он писал, что «сведения о рукокрылых находятся в плачевном состоянии», а полные списки есть только для Финляндии и Прибалтийским губерниям. Это и вызвало необходимость публикации названной работы, в которой автор говорит о 32 видах (38 формах) и не сомневается, что в дальнейшем видовой список летучих мышей будет увеличен. Кроме того, им была составлена сводка по летучим мышам внетропической части Палеарктики, оставшаяся неопубликованной. Список неопубликованных рукописей дает дополнительное представление о том, чем занимался, над чем работал в последний трудный период Валентин Львович. К сожалению, помещение в архив, а не публикация, готовых не опубликованных рукописей ушедших специалистов, грустный обычай того времени.

В 1917–1918 г. В. Л. Бианки временно заведовал Зоологическим музеем. Возможности заниматься научной работой стало значительно меньше, да и условия не то, что мало располагали, а просто не давали ею заниматься. Надо было сохранить музей, его коллекции, коллектив и выжить самим. В неотопливаемых помещениях температура была +3 °R. Быт осложнился до крайности. 15 мая 1918 г. Валентин Львович сдал заведование А. А. Бялыницкоме-Бируде, который окончательно принял этот пост в 1921 г. (Юрьев, 1982). Еще более трудное положение, чем в Зоологическом музее, было в зоосаду. В 1917 г. последний арендатор С. Новиков уехал, 26 апреля 1918 г. зоосад был национализирован, его хозяином стал Комиссариат городского хозяйства, а заботой о зверях занимались рабочие зоосада. Животных надо было кормить, а такие экзотические представители как человекообразные обезьяны, слон, бегемоты, жирафы, ленивцы, требовали не только большого количества, но и особого корма. В сентябре 1918 г. во главе зоосада становится Ученый Совет под председательством А. А. Бялыницкого-Бируды, в который вошли В. Л. Бианки, В. И. Генерозов, Н. А. Годовин,

В. А. Догель, Д. В. Соловьев, И. Д. Стрельников, Ф. Д. Плеске и Н. А. Холодковский. Управляющим зоосада стал Н. П. Танасийчук. Зоосад выжил и стал культурно-просветительским учреждением. Ученый Совет пытался вести научную работу, организовывать экспедиции для пополнения коллекции российскими животными. Была создана комиссия под председательством В. Л. Бианки для подыскания нового места для зоосада. Рассмотрев различные варианты, комиссия предложила Удельный парк. Он был на окраине города, т. е. легко достижим для посетителей и на достаточно высоком месте, чтобы вода не заливала его во время наводнений. Еще в 1906 г. Ф. Д. Плеске писал, что зоосад надо перенести в другое место, где он расположился бы на более просторной и не заливаемой при наводнениях территории, рассчитал необходимые на это затраты.

Однако хорошее предложение осуществить не удалось. Денег на это не нашлось. В сентябрьское наводнение 1924 г. территорию зоосада залило холодной водой, и, несмотря на самоотверженные действия работников зоосада, 88 животных утонуло. Многие простудились и пали позже (Александров, 1965; Гречук, 1996).

В холодные и голодные послереволюционные зимы жизнь большинства научных коллективов еле теплилась. Температура на рабочих местах и в квартире нередко была отрицательной. Несмотря на тяжелейшие условия Валентин Львович подготовил к изданию Каталог птиц России и их определитель. Сохранилась часть определителя, написанная по-английски — воробьиные птицы. В конце 1919 г. автор решил передать Зоологическому музею готовые рукописи и свою библиотеку. 3 января 1920 г. Совет музея известил его, что с благодарностью принимает это «ценное приношение».

Наступившая очередная зима облегчения не принесла. У Валентина Львовича не было дополнительных возможностей выжить. Средний сын Анатолий писал младшему Виталию (с сокращениями).

Зима 1919/20 г. была самая страшная. Демобилизовавшись из армии, я поступил в Павловскую магнитно-метеорологическую обсерваторию, где кое-как удавалось поддерживать свое существование, благодаря огородной артели и обмену вещей на молочные продукты у крестьян. Отец, живя слевой в своей академической квартире, нередко приезжал ко мне в Павловск. Лето 1919 г. мы прожили с отцом, как на даче, около обсерватории; мне удалось подкормить его молоч-

ком. Однако, питание к зиме ухудшилось, не стало даже конских голов, которые выручали нас в предыдущую зиму. Кроме неочищенного овса в городе ничего нельзя было достать. От времени до времени я наезжал в город и возил нашим (Валентину Львовичу и Льву Валентиновичу. — В. Б.) своих овощей.

Чтобы сэкономить тепло, мы сосредоточились в двух первых комнатах нашей большой квартиры, отапливаемой одной печкой, но и в них так холодно, что из шуб не вылезали.

Встречать новый — 1920 год отец приехал в Павловск и в поезде простудился, однако не остался у меня, как я ни просил его, а вернулся в город. Я поехал с ним. Кашель все усиливался, появились боли в груди. Домашние средства не помогали. Вызвали академического врача. Он определил воспаление легких. Больницы не действовали, оставалось лечить дома. Лекарства тоже трудно было доставать. В постель отец не ложился, уверяя, что сидеть ему легче. В последние дни он сидел в кресле, укутанный енотовой шубой и дышал с трудом. Нам с трудом удавалось подкармливать его, аппетит пропал. В последние бессонные ночи отец впадал в полузабытье и время от времени требовал света. Сидели с мигалкой. Керосина не было. 9-го он начал бредить. Силился вспомнить название какой-то птицы; сердился, что не подсказывали ему латинского названия. Жизнь уходила, но мозг продолжал работать все в том же направлении.

За несколько дней до кончины он сказал: «Это первая в моей жизни серьезная болезнь!» ...даже с моей помощью он не мог встать и бессильно опустился в кресло, издал легкий хрип и поник головой. Я взял его руку. Пульса не было. Я разбудил Леву и попросил дать зеркало. Дыхания тоже не было.

10-го отца не стало. Академический врач написал свидетельство о смерти, и я стал хлопотать о похоронах. Похоронные бюро не действовали. Благодаря знакомству, Леве удалось достать в Зоологическом саду пару пони. Откуда-то раздобыли простой, некрашенный гроб и на санках пони отвезли его в Шувалово. Похоронили, как он завещал, без лишних церемоний, без венков и попов.

Анатолій

Некрологами отозвались журналы «Естествознание в школе» (1920, № 1/2, с. 64. Б. Р.(айков)), «Наука и ее работники» (1921, № 3, с. 41. Без подписи), журнал Британского орнитологического

союза «Ibis» (1922). Авторы отмечали исключительную преданность делу, трудолюбие и высокие достигнутые результаты. Не просто некрологом, а обзором наиболее значимых для сибиряков орнитологических публикаций, отозвался на смерть В. Л. Бианки Г. Э. Иогансен. К тридцатилетию со дня смерти В. Л. Бианки А. И. Иванов опубликовал в журнале «Природа» и более полно в Трудях Зоологического института описание его деятельности.

Заключение

После смерти Валентина Львовича 20 января Ученый Совет Зоологического музея обратился к известному орнитологу Петру Петровичу Сушкину с предложением занять освободившееся место заведующего Орнитологическим отделением. До получения ответа временным заведующим назначили Федора Дмитриевича Плеске (протокол 115 Уч. Сов.; СПбО, Арх. РАН. Ф. 55, оп. 1, № 4), который представил Ученому Совету программу работ в Орнитологическом отделении, где он указывает на исключительное богатство орнитологической коллекции музея и считает одной из важнейших задач музея, ее обработку. «Много в этом направлении сделал В. Л. Бианки. — писал Ф. Д. Плеске — Благодаря своей исключительной работоспособности, за четверть века он опубликовал ряд капитальных работ в виде обзоров отдельных семейств и в виде тома многотомной монографии «Фауна России», ряда фаунистических работ, подготовленного каталога и определителя палеарктических птиц, над которыми он работал в последнее время. Для своих работ, требовавших огромное число библиографических справок, В. Л. Бианки пользовался превосходно составленным и очень полным рукописным библиографическим аппаратом. (Начало его было положено самим Федором Дмитриевичем при работе над «Ornitographia Rossica» и доведено до 1895 г. В. Б.) Этот библиографический аппарат, значительно расширенный В. Л. Бианки, надо приобрести для музея и опубликовать» Свою задачу Ф. Д. Плеске видит в подготовке на должность Заведующего Орнитологическим отделением молодого орнитолога, которого надо принять в музей, Первыми задачами он считал следующие.

1. Чтение корректур работ В. Л. Бианки, сданных в печать, и законченных им по «Орнитофауне Камчатки», а также готовые части Каталога и Определителя Палеарктических птиц.

2. Расположение всех научных орнитологических коллекций по законченному ныне каталогу Британского музея, и разборка коллекций, поступивших в последнее время.

3. Составление программы для переустройства выставочной коллекции музея, и постепенное осуществление этой программы. Выставочная часть коллекции музея несомненно устарела за 25 лет и не отвечает новейшим требованиям, в особенности научно-педагогическим.

4. Дополнение и издание библиографического аппарата покойного В. Л. Бианки.

О своей работе Ф. Д. Плеске писал, что должен закончить для энтомологических томов «Фауны России» описание мух родов *Stratiomyia* и *Odontomyia* из семейства Львинок, а также обработку орнитологической коллекции Русской Полярной экспедиции (СПБО Архива РАН, ф. 55, оп. 1, л. 132–134). Видимо, только одно из этих четырех задач Ф. Д. Плеске удалось завершить — опубликовать фауну птиц тундр Евразии (1928), изданную в Бостоне, США.

В случае отказа П. П. Сушкина занять должность заведующего Орнитологическим отделением, на нее хотел претендовать С. А. Бутурлин (Козлова, 1997; с. 83). Однако, хотя и с опозданием к сроку, указанному Ученым Советом Зоологического музея, но П. П. Сушкин приехал. 1 августа 1921 г. он вступил в должность заведующего. Перед этим Петр Петрович с 1909 г. был избран профессором Харьковского университета. Он родился в Туле и, окончив в 1889 г. Московский университет, был оставлен при нем для подготовки к профессорскому званию. Там он и защитил докторскую диссертацию: «Сравнительная остеология дневных хищных птиц и вопросы классификации». Алтай привлек его столкновением фаун Центральной Азии и Сибири. Проведя на Алтай две экспедиции, он собрал там 2 000 птиц, 120 млекопитающих, около 100 рыб и 5 500 насекомых, из которых 2 000 бабочек. Преемник В. Л. Бианки на посту заведующего Орнитологическим отделением Зоологического музея был известный, эрудированный специалист.

Продолжилось естественное развитие Музея. Его научное значение стало значительно превалировать над выставочным отделом. Намного увеличился научный коллектив. Только в Орнитологическом отделении появилось три новых сотрудника и аспиранты. Завершающее событие произошло через 10 лет, в 1930 г. Музей превратился в Зоологический институт АН СССР с подчиненным

ему музеем. Так за два столетия петровская кунсткамера, пройдя этап Музея, превратилась в институт. Сотрудники Музея все силы отдали работе с его коллекциями. В. Л. Бианки занимался обработкой вновь поступающих материалов, описывал новые формы, публиковал данные по биологии, систематике и филогении ряда родов и семейств, по географическому размещению птиц и насекомых Палеарктики. Одна из важнейших его заслуг — монографическое описание гагар, поганок и трубконосых в I томе «Фауны России и сопредельных стран», которому не было аналогов.

Библиография

1. *Сыщиков А. Д.* Памяти Ф. П. Рябушинского // Изв. ИРГО. 1911. Т. XLVI. С. 369–370.
2. *Афанасьева Л. А.* Птицы СССР. Библиографический указатель. 1881–1917 гг. / А. И. Иванов, Э. А. Кононова, А. Д. Сыщиков. — Л. : Наука, 1972. — 105 с.
3. *Берг Л. С.* Marsipobranchii, Selachii и Chondrostei : Рыбы // Фауна России и сопредельных стран, преимущественно по коллекциям Зоологического музея АН : СПб. : тип. АН, 1911. Т. I. — 335 с.
4. *Берг Л. С.* Ostariophysii. Рыбы // Фауна России и сопредельных стран, преимущественно по коллекциям Зоологического музея АН. Вып. 1 : СПб. : тип. АН, 1912. Т. III. — 846 с.
5. *Бианки А. В.* Автобиографические заметки. — Архив семьи Бианки, 1965.
6. *Бианки В. В.* Из Осинской тетради // Виталий Бианки в Прикамье : Оса. — Росстани, 1993. С. 23–42.
7. *Бианки Е. В.* Я весь вырос из Блока // Чело. 2004. № 1. С. 78–79.
8. *Бируля А.* Очерки из жизни птиц полярного побережья Сибири // Зап. АН по физ.-мат. отд-нию : 1907. Сер. 8. Т. 18, № 2. — С. 1–157.
9. *Бируля А.* Зоологические результаты русских экспедиций на Шпицберген : Биологические наблюдений над птицами Шпицбергена // Ежегод. Зоол. музея Имп. АН : 1910. Т. 15, — С. 167–206.
10. *Бихнер Е.* Птицы С.-Петербургской губернии. Материалы, литература и критика. Дополнения // Тр. СПб общ-ва естествоисп : СПб., 1884. Т. XIV. Вып. 2. С. 359–624.
11. *Богданов А.* Материалы для истории научной и прикладной деятельности в России по зоологии и соприкасающимся с нею отраслям знаний, преимущественно за последнее тридцатилетие (1850–1888 г.) // Изв. О-ва любителей естествозн., антропол. и этногр. : в 57 т. М., Тр. Зоол. отд. о-ва, 1889. Т. 2. Т. 4.
12. *Богданов М. Н.* Карл Федорович Кесслер (19 ноября 1815 — 3 марта 1881 гг.) : Биография. — СПб., 1882. — С. 1–64.
13. *Богданов М. Н.* Перечень птиц Российской империи = Conspectus avium Imperii Rossici. — Изд. Имп. АН, СПб., 1884. Вып. 1. 122 с.
14. *Брандт Э. К.* Сочинения профессора Э. К. Брандта. — СПб., 1878. — 5 с.
15. *Бутурлин С. А.* Птицы острова Медного. Из группы Командорских // Птицевед. и птицеводство. 1913. Вып. 2. С. 79–94; Вып. 3. с. 169.

16. *Бялыницкий-Бируля А. А.* Отчет зоолога Экспедиции А. А. Бялыницкого-Бирули о пребывании и научных результатах на острове Новой-Сибири летом 1902 г. : Отчет о работах Русской полярной экспедиции, находящейся под начальством барона Толля // Изв. ИАН, 1903. Т. 18. № 3. С. 91–94.
17. *Бялыницкий-Бируля А. А.* Зоологический музей АН // Природа. 1925. № 7–9. С. 171–182.
18. Воробьев К. А., 1954. Птицы Уссурийского края. — М. : Изд-во АН СССР, 1954. — 360 с.
19. *Воронцов Н. Н.* Развитие эволюционных идей в биологии. — М. 1999. — 640 с.
20. *Галушин В. М.* Фауна мира : Птицы : Справочник. / Н. Н. Дроздов, В. Д. Ильичев, В. М. Константинов, Е. Н. Курочкин, С. А. Полозов, Р. Л. Потапов, В. Е. Флинт, В. Е. Фомин. — М., «Агропромиздат, 1991. — 312 с.
21. *Гёбель Г. Ф.* Материалы по орнитологии Лапландии и Соловецких островов // Тр. С.-Петербур. о-ва естествоиспыт. Отд. зоол. и физиол. 1903. Т. 33. Вып. 2. С. 97–137.
22. *Геттнер В.* Проблема вида в современной зоологии // Э. Майр. Систематика и происхождение видов с точки зрения зоолога. М., 1947. С. 5–22.
23. *Геттнер В. Г.* Предисловие к русскому изданию // Вид и его эволюция. М., Инстр. литер., 1958. С. 5–11.
24. *Даревский И. С., Лоскот В. Н.* Лаборатория орнитологии и герпетологии // Зоологический институт : 150 лет. Л., Наука, 1982. С. 68–83.
25. *Давыдов К. Н.* Летние орнитологические экскурсии по Ржевскому уезду Тверской губ. // Тр. С.-Петербур. о-ва естествоисп. 1897. Т. 27. Вып. 1. Протокол засед. за 1896 г. С. 231–267.
26. *Двигубский И. А.* Опыт естественной истории всех животных Российской империи. Ч. 2. Птицы : М., 1831. — 224 с.
27. *Денисенко Е. Е.* От зверинцев к зоопарку. История Ленинградского зоопарка. — СПб. : Искусство, 2003. — 381 с
28. *Енишерлов В.* Александр Блок. Штрихи судьбы. — М. : Современник, 1980. — 304 с.
29. *Журнал* заседаний Совета ИРГО 30 января 1906 года // Изв. ИРГО. 1906. Т. XLII. С. 49–55 (отдельная нумерация).
30. *Журнал* заседаний Совета ИРГО 20 ноября 1910 г. // Изв. ИРГО. 1910. Т. XLVI. С. 45–49 (отдельная нумерация).

31. *Журнал* заседаний Постоянной Биогеографической комиссии ИРГО 1911 года // Изв. ИРГО. 1911. Т. XLVII. С. 37–42 (отдельная нумерация).
32. *Журнал* заседаний Совета ИРГО 31 января 1912 года // Изв. ИРГО. 1912. Т. XLVIII. С. 17–19; 5 марта 1912 года. С. 19–22 (отдельная нумерация).
33. *Зарудный Н. А.* Птицы Псковской губернии // Зап. АН по физ.-мат. отд. 1910. Сер. 8. Т. 25. № 2. С. 1–181.
34. *Иванов А. И.* Памяти Валентина Львовича Бианки // Природа. 1950. № 11. С. 85–86.
35. *Иванов А. И.* Памяти Валентина Львовича Бианки : К тридцатилетию со дня смерти // Тр. Зоол. Инст. АН СССР. 1952. Т. IX. Вып. 4. С. 957–963.
36. Извлечение из протоколов заседаний АН. Физ.-мат. отд. I заседание 7 января 1915 года // Изв. Импер. Акад. наук. Сер. VI. Т. 9. С. 471–475.
37. *Иоганзен Г. Э. В. Л.* Бианки и его значение для орнитологии Сибири // Вест. Томского орнитол. о-ва. 1921. Кн. 1. С. 281–290.
38. *Иогансен Г. Х.* Птицы Командорских островов // Тр. Томского гос. университета. 1934. Т. 86. С. 222–266.
39. *История* отечества : Краткий очерк, вып. 1. — М. : О-во «Знание» РФ, 1992. — 96 с.
40. *Карташев Н.Н.* Систематика птиц // М., Высшая школа, 1974. — 368 с.
41. *Кесслер К. Ф.* Руководство для определения птиц, которые водятся или встречаются в Европейской России. — К. : 1847. — 412 с.
42. *Кесслер К. Ф.* 1851. Птицы. 1) — Воробьиные птицы. 136 с., Вып. 2; 2) — Хищные птицы. 40 с. Вып. 3; 3) — Куриные птицы. 16 с. Вып. 3; 1852. 4) — Голенастые и водяные птицы. 100 с. Вып. 4.
43. *Кириченко А. Н.* Полужесткокрылые (Hemiptera-Heteroptera) Камчатки // Ежегодн. Зоол. музея АН СССР. 1926. С. 9–28.
44. *Козлов В. П.* Жизнь и деятельность Петра Кузьмича Козлова — путешественника, исследователя Центральной Азии. // В книге П. К. Козлов. Монголия и Кам. Трехлетнее путешествие по Монголии и Тибету (1899–1901 гг.). Изд. 2-е. М. ОГИЗ. 1947. С. 9–32.
45. *Козлов П. К.* Всеволод Иванович Роборовский (20.IV.1856–23. VII.1910). Некролог Роборовского // Изв. ИРГО. 1910Т. XLVI. С. 357–367.
46. *Козлова М., 1997.* Перо розовой чайки : Страницы жизни и деятельности С. А. Бутурлина. — Ульяновск, 1997. — 140 с.

47. Крашенинников С. П. Описание Земли Камчатки. — СПб., 1756. — Т. 1. — 438 с., Т. 2. — 319 с.
48. Крыжановский О. Л. Энтомологи Зоологического института // Отечественные зоологи. Тр. Зоол. инст. РАН. 2002. Т. 191. СПб. С. 5–58.
49. Ламперт К. Жизнь пресных вод. Животные и растения пресных вод, их жизнь, распространение и значение для человека. СПб., 1900. — 880 с.
50. Ливеровский А. А., Лебяженец Бианки // Охотничье братство. Сов писатель. 1990. С. 7–46.
51. Линко А. К. Haleciidae, Lefoeidae, Bonneviellidae и Campanulariidae. Гидроиды. Т. I. (Фауна России и сопредельных стран, преимущественно по коллекциям Зоологического музея АН). — СПб.: Акад. наук, 1911. — 250 с.
52. Линко А. К., 1912. Plumulariidae, Campanulinidae, Sertulariidae. Гидроиды. Т. II, вып 1. (Фауна России и сопредельных стран, преимущественно по коллекциям Зоологического музея АН) СПб, тип. Акад. наук. — 132 с.
53. Лобков Е. Г., 1982. Камчатка // Птицы СССР. История изучения. Гагары. Поганки. Трубноносые. М. С. 180–187.
54. Мазурмович Б. Н., Полянский Ю. И. Валентин Александрович Догель, 1882–1955. — М.: Наука, 1980. — 176 с.
55. Масси Сюзанна Земля Жар-птицы. Краса былой России. СПб.: Лики России: Сатись, 2000. — 512 с.
56. Материалы для истории Академических учреждений за 1889–1914 гг. Ч. 1. Зоологический музей. 1917. П. С. 179–217.
57. Мензбир М. А., 1893–1895. Птицы России. Т. 1–2. М., тип. Т-ва И. Н. Кушнеров и К°. Т. 1 — CVIII, — 1 — 836 с.; Т. 2 — XV, 837–1120 с.
58. Мензбир М. А. Орнитологическая география Европейской России. Ч. 1. М. Университет. тип., 1882. — 525 с.
59. Насонов Н. В. Зоологические коллекции, собранные гидрографической экспедицией Северного Ледовитого океана на «Таймыре» и «Вайгаче» в 1910–1915 годах и предоставленные Зоологическому музею Императорской АН // Изв. АН. 1916. Сер. 6. № 16. С. 1492–1504.
60. Наумов Д. В. Зоологический музей АН СССР. Краткая история и описание экспозиции. — Л.: Наука, 1980. — 112 с.
61. Научные результаты путешествий Н. М. Пржевальского по Центральной Азии. Отдел зоологический. Т. 2. Птицы. Обработал Ф. Д. Плеске. Вып. 1. С. 1–80; Вып. 2. С. 81–144; Вып. 3. С. 145–192.

62. Николаев В. И. Болота Верхневолжья. Птицы. — М. : Русский университет, 2000. — 209 с.
63. Никольский А. М. Биографические заметки. Из воспоминаний зоолога Александра Михайловича Никольского // Из истории биологических наук. 1966. Вып. I. С. 79–104.
64. Отчет по Зоологическому музею Императорской АН за 1897 г. // Ежегодн. Зоол. музея Имп. АН. 1898. Т. 3. С. 51.
65. Отчеты о работах Русской полярной экспедиции, находящейся под начальством барона Толля. V. Отчет зоолога экспедиции А. А. Бялыницкого-Бирули о пребывании и научных работах на острове Новой Сибири летом 1902 г. // Изв. АН Сер. 5. 1903. Т. 18. № 3. С. 91–94.
66. Ошанин Л. В., Азатьян Василий Федорович Ошанин. Очерк жизни и деятельности. — М. : Географгиз, 1961. — 95 с.
67. Павлов И. П. Полное собрание трудов, 1949. Т. V. С. 371.
68. Pallas P. Zoographia Rosso-Asiatica. Petropoli. 4°. 1811. Т. 1 — 568 с. Т. 2 — 374 с.
69. Памяти Георгия Георгиевича Якобсона // Русское энтомолог. обозрение. 1928. Т. XXII, № 1–2. С. 1–19.
70. Петров А. Е. Материалы для списка птиц Новгородской губ. (Область Ильмена) // Тр. СПб. о-ва естествоисп. 1885. Т. 16, вып. 2. С. 505–528.
71. Пилипчук О. Я. Александр Онуфриевич Ковалевский 1840–1901. — М. : Наука, 2003. — 184 с.
72. Пинхенсон Д. М. Проблема северного морского пути в эпоху капитализма. — Л. : Морск. трансп., 1962. — 766 с.
73. Платонов С. Ф. Несколько воспоминаний о студенческих годах // Дела и дни. 1921. кн. 2. С. 104–130.
74. Плеске Ф. Д. Критический обзор млекопитающих и птиц Кольского полуострова. — СПб. : Тип. Имп. АН, 1887. — 536 с.
75. Плеске Ф. Д. Ornithographia Rossica. Орнитологическая фауна Российской империи. 1889–1891. Т. 2. Вып. 1–5. Sylviinae. СПб. 3. 13. VIII. 665 с.
76. Плеске Ф. Д. К вопросу о создании в Санкт-Петербурге научного Зоологического сада. — СПб. : Город. типогр., 1906. — 10 с.
77. Pleske Th. Birds of the Eurasian tundra // Boston. Memoirs Boston Soc. Nat. Rist. 1928. Vol. 6. 485 p.
78. Попов С. В., Троицкий В. А. Топонимика морей Советской Арктики // Географ. общ-во СССР, Географ предприятие ММФ. Л. 1972. С. 316.

79. *Портенко Л. А.* Птицы Чукотского полуострова и острова Врангеля. — Л. : Наука, 1972. — 424 с.
80. *Потанов Р. Л.* Отряд Курообразные // Птицы СССР. Курообразные. Журавлеобразные. — Л. : Наука, 1987. С. 7–260.
81. *Протокол* заседания от 27.III.1899, 1900 года // Тр. Имп. общ-ва по судоходству. Ч. I. Промысловый отдел. Вып. 1. С. 1–6.
82. *Р. (Райков Б. Е.)* Естествознание в школе. 1920. № 1/2. С. 64.
83. *Росина Михаил Александрович Мензбир.* 1855–1935. (Орнитолог и зоогеограф. — Л. : Наука, 1985. — 223 с.
84. *Русев Л.* Династия // Смена. 2001. № 2, февраль. С. 64–77.
85. *Сатунин К. А. Aves* // В кн. Опыт каталога представителей Московской фауны. 2-е изд. Кн. I. А. Dwigubsky. Primitiae Faunae Mosquensis. 1892. М. 132 с.
86. *Семенов-Тянь-Шанский А. П.* Таксономические границы вида и его подразделений. Опыт точной категоризации низших систематически единиц // Записки Имп. АН. 1910. Сер. VIII. в XXV т., Т. 1. С. 29.
87. *Семенов-Тянь-Шанский А. П.* Василий Евграфович Яковлев (28.I.1839–2.VIII.1908) // Тр. Рус. энтом. об-ва. Май 1910. С. 57
88. *Сенотрусов А. И.* Лоцманское селение и Лебяжье — малая родина Виталия Бианки // Матер. научно-практич. конф. «Виталия Бианки — писатель, ученый, педагог». 2005.
89. *Синюков В.В.* Александр Васильевич Колчак, как исследователь Арктики. — М. : Наука, 2000. — 326 с.
90. *Слепкова Н. В.* На Васильевском острове у Дворцового моста. — СПб. : изд. Зоол. инст. РАН, 2001. — 84 с.
91. *Смирнов О. В.* Николай Александрович Холодковский 1858–1921 — М. : Наука, 1981. — 128 с.
92. *Спангенберг Е. П.* Семейство Скворцовые Sturnidae // Птицы Советского Союза. Т. V. М. 1954. Советская наука. С. 108–142.
93. *Станчинский В. В.* Список птиц Смоленской губернии // Тр. Общ-ва изучения Смоленской губ. 1915. Вып. 2. С. 31–74.
94. *Степанян Л. С.* Конспект орнитологической фауны СССР. — М. : Наука, 1990. — 728 с.
95. *Тимофеев-Ресовский Н. В., Яблоков А. В., Воронцов Н. Н.* Краткий очерк теории эволюции. — М. : Наука, 1969. — 407 с.
96. *Того В.* Лоцманское селение. — СПб. : Европейский дом, 1999. — 175 с.
97. *Толль Э. В.* Плавание на яхте «Заря». — М., 1959. — 339 с.

98. *Толмачев И. П.* Записка об учреждении Постоянной полярной Комиссии // Изв. Импер. Акад. наук. 1915. Сер. VI. 476–481 с.
99. *Троицкий*, Путь яхты «Заря» в Карском море и маршруты Э. В. Толля у берегов Таймыра // Летопись Севера. М. Мысль. 1968. Вып. 4. С. 182–210.
100. *Тыркова-Вильямс* То, что больше не будет. — М. : Русские мемуары, 1998. — 560 с.
101. *Успенский С. М.* Птицы Советской Арктики. — М. : Изд-во АН СССР, 1958. — 166 с.
102. *Шапошников Л., Головин О., Сорокин М., Тараканов А.,* Животный мир Калининской области. — Калинин, 1959. — 460 с.
103. *Шмидт С. О.* Сергей Федорович Платонов (1860–1933) // Портреты историков. Время и судьбы. Т. 1. Отечественная история. 2000. М.; Иерусалим. Университетская книга. С. 100–135.
104. *Юрьев К.* Исторический очерк // Зоологический институт 150 лет. Л. Наука, 1982. С. 13–41.
105. *Bergman S.* Zur Kenntnis nordasiatischer Vögel. Ein Beitrag zur Systematik, Biologie und Verbreitung der Vögel Kamtschatkas und der Kuriles // Stockholm, A. Bonniers Förlag. 1935. — 268 S.
106. *Büchner E., Pleske Th.* Beiträge zur ornithologie des St. Petersburger Gouvernements. Bietr. Kennt. Russ. Reiches. Fol. 2. Bd. 4 — 1881. S. 53–178.
107. *Büchner E.* Die Vögel des St.-Petersburger Gouvernements // Bietr. Kennt. Russ. Reiches. 1887. Fol. 3. Bd. 32. 150 S.
108. *Büchner E.* Über neue und seltene Arten der ornithologischen Fauna des St.-Peterburger Gouvernements // Ежегодн. Зоол. музея Акад. наук. 1897. Т. 2. № 4. С. 453–462.
109. *Buturlin S. A.* On the geographical distribution of the true pheasants (Genus Phasianus sensu stricto) // Ibis. Ser. 8. 1904. Vol. 4. P. 377–414.
110. *Erster internationaler ornithologen Congress in Wien, 1884.* 8 S.
111. *Yohansen H.* Die Vogelwelt des Gouvernements Twer // Ornithol. Jahrbuch. 1894. Yg. 5, H. 1. S. 1–13.
112. *Loudon H.* Vorläufiges Verzeichnis der Vögel der russischen Ostseeprovinzen Estland, Livland und Kurland // Ежегодн. Зоол. муз. АН. 1909. Т. 14. № 3–4. С. 192–222.
113. *Mela A. J.* Suomen Luurankoisset. Vertebrata Fennica. Toinen kokonaan uudisettu painos toimittanut K. E. Kivirikko. Porvoossa. — 1909. 532 s.

114. *Stejneger L.* Results of ornithological explorations in the Commander Islands and in Kamtschatka // Bull. U. S. Nat. Mus. 1885. № 29. 382 p.
115. *Stejneger L.* Contributions to the natural history of the Commander Islands. № 7. Revised and annotated catalogue of the birds inhabiting the Commander Islands // Proc. U. S. Nat. Mus. 1888. Vol. X. 117–145 p.
116. *Tumpel R.* Die Geradflügler Mitteleuropas. – 1901. 308 s.
117. *Walter H.* Ornithologische Beobachtungen an der westlichen Taimyrhalbinsel vom September 1900 bis August 1901. // Ежегодн. Зоол. муз. АН. 1902. Т. 7. С. 152–160.

ВКЛАД В. Л. БИАНКИ В ОРНИТОЛОГИЧЕСКУЮ НАУКУ

Оценивая тот огромный вклад, который был сделан В. Л. Бианки в развитие орнитологии как науки, нельзя не поражаться исключительной эффективностью его исследовательской работы именно в этой области, учитывая тот сравнительно небольшой срок, который он смог этому уделить. Достаточно вспомнить, что первоначальное образование, полученное В. Л. Бианки, было медицинским, что он сравнительно долгое время не мог уделять внимание орнитологическим исследованиям, работая сначала ассистентом при кафедре зоологии и сравнительной анатомии в Военно-медицинской академии, а затем ученым хранителем энтомологического отделения Зоологического музея. Достаточно напомнить, что первая его самостоятельная орнитологическая работа была опубликована только в 1886 г., когда В. Л. Бианки было уже 29 лет! Но когда кипучая деятельность этого выдающегося ученого была прервана 10 января 1920 г. болезнью, голодом и холодом, он оставил нам в наследие более сотни (115, если быть точным) печатных работ по орнитологии, большая часть которых явилась капитальными исследованиями по систематике и фаунистике самых различных групп птиц, вошедшими в золотой фонд орнитологической науки. И это все — за 34 года, да еще при том, что не все написанное В. Л. Бианки удалось опубликовать, как, например, рукопись сводки «Птицы Камчатки». Кстати, эта рукопись, которая считалась погибшей (и не кем-нибудь, а А. И. Ивановым, заведовавшим тем же самым орнитологическим отделением Зоологического музея—института в 1949—1969 гг. (Иванов, 1952)), все же нашлась — была обнаружена в архивных залежах того же отделения в конце 80-х гг. прошлого века. Теперь остается только надеяться, что современные научные руководители Зоологического института РАН поймут, что эту рукопись необходимо публиковать, более не откладывая.

Столь эффективной научной деятельности В. Л. Бианки прежде всего способствовало то обстоятельство, что, начиная с 1896 г. и до самой своей кончины, он возглавлял орнитологическое отделение Зоологического музея (впоследствии — Зоологического института

АН СССР, а далее — Зоологического института РАН). И не просто возглавлял, но буквально жил им! К моменту прихода В. Л. Бианки орнитологические коллекции музея уже были одними из крупнейших в мире и содержали богатейшие сведения (прежде всего по птицам Палеарктики), нуждавшиеся в обработке и осмыслении. В. Л. Бианки ушел в эту работу целиком, и это в значительной степени объясняет столь малую толику его собственных полевых исследований. Изучению птиц в природе В. Л. Бианки посвящал короткие летние досуги и концентрировал их в легко доступных районах поблизости от С.-Петербурга и Новгорода, и только в 1908 г. В. Л. Бианки участвовал в крупной экспедиции по изучению природы Камчатки и Курильских островов, организованной Русским географическим обществом. Однако же автором настоящей статьи ставится совсем иная задача — не описание творческого процесса В. Л. Бианки, а оценка его вклада в развитие именно мировой орнитологии.

Сейчас уже смело можно утверждать, что на пороге XX столетия орнитологов такого уровня во всем мире можно было пересчитать по пальцам, и В. Л. Бианки, вне всяких сомнений, в эти годы входил в десятку крупнейших орнитологов нашей планеты, наряду с Е. Хартертом, Б. Р. Шарпом, Г. Е. Дрессером, Э. Штреземанном, Р. Риджудеем. Переходя к конкретной оценке научной деятельности В. Л. Бианки, мы должны прежде всего отметить ее многогранность. Основные работы В. Л. Бианки были связаны, во-первых, с орнитогеографией вообще и с фаунистикой, в частности, а во-вторых, им были разработаны различные аспекты изучения систематики птиц — как крупных таксонов, так и на видовом и подвидовом уровне. В последнем случае таксономические вроде бы проблемы решались именно в том ключе, который добрых полвека спустя стал одним из главных при изучении микроэволюционных процессов и который в настоящее время перешел уже на молекулярный уровень.

В области орнитогеографии и фаунистики основной заслугой В. Л. Бианки явилось прежде всего изучение фауны птиц Палеарктики. Оно базировалось в основном на тщательном изучении прежде всего коллекционных орнитологических сборов, которые к этому времени скопились в хранилищах Зоологического музея Императорской АН. Эти сборы стали поступать сюда еще даже до учреждения Зоологического музея как такового, в Зоологический

кабинет Кунсткамеры, который впоследствии и стал основой этого нового музея. Поступления эти шли из самых различных точек земного шара, но в наибольшем числе — все-таки из Палеарктики, особенно с территории России и сопредельных стран. Этот обширный материал, продолжавший ежегодно увеличиваться, уже давно ждал своих исследователей — исследователей с широким кругозором и обширными зоологическими познаниями, исследователей энергичных и целеустремленных, отдававших бы все свое время, всю свою энергию и свой талант для извлечения и познания содержащейся в нем огромной информации. И В. Л. Бианки оказался именно таким исследователем.

В. Л. Бианки, конечно же, не был в музее первым орнитологом (первым был М. Б. Богданов, а после него — и Е. Бихнер, автор первой обширной сводки по птицам С.-Петербургской губернии, и Ф. Д. Плеске, обрабатывавший уже материалы, собранные Н. М. Пржевальским), но по эффективности своей работы он, безусловно, превзошел всех своих предшественников в Зоологическом музее, вместе взятых.

Один из главных источников, использовавшихся В. Л. Бианки, — это результаты работы наших знаменитых путешественников, исследователей Центральной Азии, этой почти неизвестной тогда области земного шара (Н. М. Пржевальского, П. К. Козлова, В. И. Роборовского, Г. Н. Потанина, М. Березовского и др.), и не только их коллекционных сборов, но и всех их дневников и имевшейся на то время географической литературы. Достаточно для этого просмотреть работы В. Л. Бианки, содержащие результаты обработки коллекционных сборов и дневниковых записей того же П. К. Козлова (Бианки, 1907).

В связи с этим нелишне упомянуть, что к началу XX столетия границы основных зоогеографических областей земного шара были установлены только в общих чертах, и в целом ряде случаев их положение было определено весьма приблизительно. Это касалось, в частности, юго-восточных границ Палеарктики, где в зональное распределение животного и растительного мира серьезно вмешивалась вертикальная составляющая ландшафта, благодаря наличию здесь крупнейших горных систем.

Большое число публикаций В. Л. Бианки сделало его общепризнанным авторитетом во всем, что касалось палеарктических птиц,

в том числе и авифаунистических границ данной области. Свое мнение по целому ряду зоогеографических проблем В. Л. Бианки высказывает в 1905 г. в небольшой, но очень содержательной работе «Основные понятия о зоогеографических единицах вообще и внутропических Старого Света (т. е. Палеарктики. — *Р. II.*) в частности». Статья эта содержит основные положения доклада В. Л. Бианки, сделанного им на XI съезде русских естествоиспытателей и врачей в 1901 г. под названием «О первостепенных зоогеографических единицах и южной границе Палеарктической области».

Несмотря на некоторый оттенок популярности (что, несомненно, объяснялось спецификой журнала, где статья была опубликована), эта работа содержала важные зоогеографические обобщения. Прежде всего В. Л. Бианки впервые дал внятное объяснение сложному составу фауны Гималаев, базируясь, кстати, не только на орнитологических, но и на энтомологических материалах. Он подошел к анализу этой фауны по высотным поясам — совершенно новому тогда подходу к фаунистическому анализу в зоогеографических исследованиях. В результате такой анализ убедительно показал палеарктический характер фауны верхних поясов этой огромной горной страны, индомалайский — нижних и уже вполне эндемичный, гималайский — среднего пояса гор. При этом оказался учтенным и относительный возраст таких фаун: наиболее древний из них оказался внизу, наиболее молодой — в самых высоких поясах, где и «не пахло» никаким эндемизмом. Примечательно, что более чем полвека спустя геологические исследования, определявшие примерный возраст, появление и темпы роста гималайской системы, полностью подтвердили возрастные характеристики гималайских фаун, данные В. Л. Бианки.

Однако же важнейшим положением этой работы явилось выделение новой зоогеографической подобласти, названной автором нагорно-азиатской. Именно коллекционные сборы центральноазиатских путешественников (и прежде всего российских) дали возможность обнаружить, охарактеризовать и оконтурить эту новую зоогеографическую единицу. В. Л. Бианки была предварительно показана самобытность этой подобласти, о чем свидетельствовал целый ряд эндемичных таксонов вплоть до родового уровня, но в то же время подчеркивал ее общий палеарктический характер и ее

кардинальные отличия от расположенной южнее индо-малайской области. Буквально через 2 года в своем капитальном монографическом труде «Материалы для авифауны Монголии и Восточного Тибета» (результат обработки сборов тибетской экспедиции ИРГО под руководством П. К. Козлова в 1899–1902 гг.) В. Л. Бианки более точно конкретизирует границы этой новой подобласти и дает ее подробный анализ.

Весь этот богатый фактический материал не только убедительно показывает реальное существование зоогеографической границы высокого ранга между палеарктической и индо-малайской подобластями, но и ее географическое положение, в частности прохождение ее по водоразделу между истоками Хуанхе и Янцзы. И, что особенно важно, здесь было сделано всестороннее фактическое обоснование реального существования этой самой «нагорно-азиатской» зоогеографической подобласти-области.

Из других важных теоретических заключений зоогеографического характера, сделанных в этой работе, следует отметить также несомненную близость авифауны Гобийского Алтая не к таковой главной горной системе Алтая (русский и монгольский Алтай), а к авифаунистическим комплексам Восточной Монголии в целом и пустыни Гоби в частности.

Не лишним будет напомнить, что эта монография была по достоинству оценена современниками и получила престижную премию и малую золотую медаль от императорских АН и Русского географического общества.

Возвращаясь к этой зоогеографической работе 1905 г., следует отметить еще один очень важный вывод, который, к сожалению, почти начисто забыт (или проигнорирован) современными исследователями. Речь идет о понятии «Голарктика», под которой сейчас понимается зоогеографическая область, занимающая большую часть суши Северного полушария, а именно — евразийскую Палеарктику и североамериканскую Неарктику. Но, как указал в разбираемой нами работе В. Л. Бианки, это — абсолютная нелепость. С гораздо большим основанием, по его словам, можно было бы объединить в единую область палеарктическую и индо-малайскую области! И современным профессионалам-фаунистам в этом плане трудно не согласиться, по крайней мере, в том, что касается птиц. Действительно, в Северной Америке есть немало представителей

явно палеарктического происхождения, но они буквально тонут в массе выходцев из неотропической области, т. е. из Южной Америки. К этой глобальной научной проблеме — зоогеографическому делению наземной биоты на основные составляющие части В. Л. Бианки снова возвращается через довольно значительное время. В 1918 г. опубликована его основная работа по зоогеографии земного шара, которая и была взята за основу многими российскими биологами (см., например: Дубинин, 1953 и др.). Эта работа явилась результатом дальнейших исследований В. Л. Бианки, о чем красноречиво говорит ее название — «Пересмотр положений и взглядов, высказанных в моей статье „Основные понятия о зоогеографических единицах вообще и о внутропических Старого Света в частности“». Следует учесть одно важное обстоятельство, вызванное языковым барьером и мешавшее англоязычным и прочим иноязычным исследователям знакомиться с научными работами их русских коллег. Идеи, высказанные в данной работе, во многом совпадали (а во многом и значительно опережали) со взглядами, высказываемыми по проблемам глобальной зоогеографии П. Склетером, Г. Сибомом, Бланфордом, Рютимейром и рядом других авторитетов в начале XX в. Будь эта работа опубликована на одном из европейских языков, она вызвала бы самый живой отклик зоогеографов того времени.

В своей полемике с зоогеографами того времени В. Л. Бианки в данной работе динамично отстаивает основной принцип, который должен быть положен в основу при выделении той или другой зоогеографической единицы. Этот принцип — комплексность подхода, при котором должны быть в равной степени использованы три группы характеристик: оценки родственных отношений между группами организмов; оценки распространения организмов во времени и обусловленной им преемственности фаун и определения качественного различия фаун в зависимости от большего или меньшего числа уцелевших в них наиболее примитивных, реликтовых форм. В настоящее время именно эти характеристики и учитываются при анализе того или иного фаунистического комплекса в зоогеографическом аспекте. И при этом надо помнить, что все зоогеографические исследования и теоретические построения созидались тогда на старых основах неизменности лика планеты, буквально накануне исследований Вегенера — родоначальника мобилизма.

Обработка музейных коллекций позволила В. Л. Бианки внести также большой вклад в изучение других региональных фаун Палеарктики. В работах такого рода В. Л. Бианки на практике продемонстрировал действенность своих подходов к изучению зоогеографических проблем. Здесь и совершенно к тому времени не изученные Командорские о-ва (Бианки, 1909), и Шпицберген (Bianchi, 1902), и Манчжурия (Бианки, 1902), и п-ов Ямал (Бианки, 1909) и северо-восточная Африка (Bianchi, 1901), и казахский мелкосопочник (Бианки, 1902) и целый ряд других районов, не говоря уже о многочисленных публикациях по фауне птиц ближайших к С.-Петербургу территорий — С.-Петербургской и Новгородской губерний. Примечательно в этом отношении высказывание Г. Э. Иоганзена (Иоганзен, 1921) о вкладе В. Л. Бианки в изучение орнитологии Сибири: «Я остановлюсь только на тех из них (работах. — Р. П.), которые имеют отношение к Сибири, которые важны для каждого из орнитологов, без знакомства с которыми немислима плодотворная научная работа». Совершенно то же самое можно сказать и о всех регионах, так или иначе затронутых В. Л. Бианки.

Но главный вклад в развитие авифаунистики Палеарктики и прежде всего России состоял в том, что В. Л. Бианки вместе с Л. С. Бергом и А.К. Линко участвовал в создании крупнейшего в мире периодического издания по фауне отдельной страны — «Фауна России и сопредельных стран, преимущественно по коллекциям Зоологического музея АН». В 1911 г. были выпущены первые три тома этой знаменитой серии, издание которой продолжается до сих пор, и среди них — написанный В. Л. Бианки первый том по птицам, состоявший из двух полутомов, посвященных отрядам гагарообразных и трубконосых (Бианки, 1911, 1913). Это издание продолжается до сих пор, причем по птицам было выпущено за это время всего 12 томов, последние из которых были опубликованы в 1985 и 2003 гг. (Потапов, 1985; Фирсова, 2003).

Первые два полутома этой серии, опубликованные В. Л. Бианки, явились прекрасным образцом монографического описания фауны птиц обширного региона (в данном случае — территории России), где региональный материал дается с глобальных позиций и отнюдь не ограничивается географическими рамками. Комплексный подход к описанию и диагностике таксонов различного уровня дает наглядный пример истинно систематического подхода (систематики

с большой буквы), когда для характеристики крупного таксона используется максимальное количество данных. Здесь мы видим как глубоко проанализированные сравнительные характеристики внешней и внутренней морфологии описываемых крупных таксонов — отрядов гагар и поганок (в том числе особенностей скелета, мускулатуры, кровеносной системы), так и характеристики распространения, образа жизни, питания и т. п. Повсеместно приводятся имевшиеся на то время данные о палеонтологических находках.

Описанию каждого надвидового таксона предшествует классический (выполненный по-латыни) диагноз, дается его общая характеристика (описание окраски оперения, яиц и линьки), географическое распространение, характеристика мест обитания, образ жизни. В описании родовых таксонов приводится еще краткая характеристика входящих в него видов и подвидов, определительная таблица для них (взрослых и молодых птиц, пуховых птенцов и яиц). Описание монотипичного вида дается по строго определенной схеме и включает основную литературу, синонимику, литературу по описаниям пуховых птенцов, яиц и гнезд, фаунистическую литературу о данном виде в пределах России (подчас огромные списки!), список всех экземпляров данного вида, использованных автором, с указанием пола, возраста, даты и места добычи и фамилии коллектора, список местных русских названий, диагноз по латыни и на русском языке, подробное описание внешнего вида (прежде всего — окраски оперения) самцов и самок, возрастных нарядов вплоть до нательного, а также яиц, географического распространения, мест обитания, экологических данных (голосовых реакций, сроков и характера весенних и осенних миграций, гнездования, послегнездовых перемещений и линьки). Если же вид представлен на территории России несколькими подвидами, то описания их, следующие одно за другим, даются по тому же плану, что и описание монотипичного вида, и в таком случае подробное описание вида в целом отсутствует.

Я так подробно останавливаюсь на содержании этой первой работы по фауне птиц России, чтобы яснее показать поистине энциклопедический характер сведений, приводимых автором по каждому таксону этой фауны. Столь капитального характера не достигал более ни один из последующих выпусков «Фауны России», посвященных птицам. В уже упоминавшейся работе Г. Э. Иоганзена он

пишет, что «эти два тома обстоятельнейшей сводки всего того, что известно об указанных отрядах пернатых, навсегда останутся образцом, как следует писать монографии».

Другой областью работы В. Л. Бианки по развитию орнитологической науки явились проблемы таксономии и систематики, в основном в области видовой и подвидовой таксономии. Как и все высококвалифицированные профессионалы-орнитологи первой половины XX в., В. Л. Бианки великолепно разбирался во всех тонкостях индивидуальной изменчивости птиц как в окраске, так и в различных деталях внешней морфологии. Прекрасно понимая важность изучения начальных этапов видообразования, он уделял самое пристальное внимание первым этапам становления новых форм, которые обычно приводят к возникновению подвидовых таксонов. Как и многие другие первоклассные орнитологи того времени (такие, как, например, Н. А. Зарудный, С. А. Бутурлин, а несколько позже — Л. А. Портенко и мн. др.), В. Л. Бианки существенно занижал уровни дифференциации для таксонов как подвидового, так и видового ранга, придавая, (и довольно часто) хорошо дифференцированным подвидам видовой статус.

Однако и здесь в те времена анархии не допускалось; в частности, свои принципы таксономической диагностики птиц В. Л. Бианки хорошо обосновал в специальной работе о самом понятии вид и подчиненных ему таксономических формах (Бианки, 1916). Даже сейчас, много лет спустя, читая эту работу, нельзя не удивляться прозорливости автора, уже тогда разглядевшего ограниченный и вспомогательный характер того, что сейчас берется многими таксономистами (подчас категорично и бездумно) как нечто универсальное и неоспоримое, из методов молекулярной биологии. Нередко в таких случаях таксономист, не являясь специалистом-генетиком, становится, как говорят, «большим католиком, чем сам папа». В этой полемической по сути работе автор отстаивает принцип всесторонности оценок при определении таксономического статуса формы от видового уровня и ниже и четко восстает против односторонних категорических оценок, базирующихся на абсолютизации какого-либо одного принципа — географического, генетического, морфологического или какого-то еще. В этой статье есть спорные моменты, но с таким главным принципом ее нельзя не согласиться. Содержание статьи показывает, насколько глубоко

вникал В. Л. Бианки в тончайшие процессы микроэволюции (хотя и термина такого в то время еще не было), насколько хорошо он понимал разнообразие взаимодействия дифференциации и интеграции и как четко сознавал значение генетических (именуемых им наследственными) факторов. И никак нельзя в должной степени недооценить своего рода наставление, высказанное в этой работе автором в адрес тех натуралистов-любителей, которые ратовали за максимальное упрощение таксономической иерархии вплоть до полного отрицания подвидовых таксонов: «...любителей же нужно поднимать на высоту понимания научных терминов, а не термины приспособлять к ограниченному кругозору любителей». До чего же злободневны это слова и в наше «просвещенное» время, когда любители с капиталом так называемых бэрд-вотчеров (наблюдателей за птицами) подчас становятся чуть ли не светилами орнитологической науки!

В этой же статье В. Л. Бианки, если так можно выразиться, «узаконил» квадриномиальную номенклатуру в тех случаях, когда имеются формы, произошедшие вторично, от подвида, а не прямо от вида, с ареалом формы внутри ареала подвида. Этим приемом мало кто пользовался, особенно во второй половине прошлого века, когда отдельные исследователи сугубо экологического профиля считали излишним даже подвидовые определения. Однако же в настоящее время эта таксономическая единица («племя, *natio*», по определению автора), снова начинает применяться как отечественными, так и зарубежными специалистами, особенно в тех случаях, когда главное внимание уделяется именно микроэволюционным процессам. Известности этой важной работы В. Л. Бианки немало способствовало опубликование ее двумя параллельными текстами — на русском и английском языках. Это перспективное начинание получило сравнительно недолгое продолжение, полностью заглохнув в 30-х гг., но сейчас вновь воскресает.

Возвращаясь к проблемам таксономии, разрабатывавшимся В. Л. Бианки в чисто практическом плане, при изучении в полном объеме целого ряда таксонов родового уровня, нельзя не оценить должным образом и той лепты, которую он внес как в характеристику, так и в методологию изучения понятия «род» в орнитологии. Многие публикации В. Л. Бианки целиком были посвящены монографическому описанию отдельных родов с подробной характери-

стикой входящих в него видов и внутривидовых таксонов. В. Л. Бианки решительно выступал против тех систематиков (в частности, против взглядов одного из крупнейших европейских орнитологов — Е. Хартерта), которые шли на создание крупных родовых объединений, включающих виды с заведомо различными эволюционными линиями развития. Подобная практика не только не помогала, но, наоборот, сильно затрудняла изучение подлинных филогенетических взаимоотношений между отдельными видами в пределах такой сложной искусственной группы. Все это В. Л. Бианки убедительно изложил в написанной по-английски работе «In defence of natural genera» (Bianchi, 1907). Впоследствии против таких взглядов Хартерта выступал и П. П. Сушкин.

Мы имеем сейчас хорошую возможность в полной мере оценить, как применялись высказанные В. Л. Бианки концепции в его практической работе (орнитолога-систематика), где тонкие таксономические анализы давали прекрасный материал не только для понимания таксономической структуры той или иной родовой ветви, но и ее филогенеза. И неудивительно, что даже полвека спустя многие его работы в этом плане остаются непревзойденными. Некоторые из них, к примеру, посвященные ревизии форм рода снегирей (Бианки, 1906), «по своей обоснованности и тщательности выполнения вполне могут называться образцовыми» (Иванов, 1952). Данное высказывание признанного мэтра в области фаунистики и систематики птиц непосредственно относилось к небольшой по объему, но чрезвычайно емкой по смыслу работе, посвященной ревизии форм снегирей *Pyrrhula*. Знакомясь с этой работой, невольно поражаешься ювелирной точности анализа окраски оперения, с которой в основном оперирует автор, и неотразимой логике, основанной на этом анализе, с какой он реставрирует не только облик родоначального предка, но и общий ход филогенеза рода.

В. Л. Бианки наглядно демонстрирует в такого рода работах продуктивность аналитического исследования всех нарядов той или иной формы в процессе онтогенеза, которое дает для понимания филогенеза таксона гораздо больше, чем столь модное сейчас секвенирование митохондриальной ДНК. И если при молекулярных анализах такого рода орнитологу приходится иметь дело со своего рода не понятными по смыслу иероглифами, то в работе с развитием окраски того же оперения смысловое значение того

или иного признака является гораздо более очевидным и доступным для понимания. Тем более, что в расчет берется подчас не только окраска оперения, но и строение таких важных морфологических структур, как хвост. Например, в этой же работе о снегирях В. Л. Бианки обнаружил, что уже на второй стадии развития гнездового наряда по характеру формы хвоста все 16 форм снегирей четко делятся на две группы без всяких переходов, т. е. с четким хиатусом между ними. Все эти достоинства таксономических работ В. Л. Бианки вытекали, на наш взгляд, из его глубокого проникновения в классическую работу Геккеля, обосновавшую биогенетический закон, и несмотря на то, что ссылок на эту знаменитую работу мы у В. Л. Бианки нигде не найдем, все его классические анализы онтогенетического развития морфологических особенностей того или иного таксона построены именно на этой всепроникающей идее. Нет никакого сомнения, что В. Л. Бианки прекрасно сознавал всю сложность взаимосвязей онтогенеза и филогенеза и невозможность построения здесь четких формул, подобных математическим, и именно поэтому он чисто интуитивно постоянно стремился к вовлечению в анализы такого рода как можно больше различных признаков, в большинстве случаев как окраски, так и формы оперения. Капитальное исследование В. Л. Бианки гагар, поганок и трубконосых убедительно показывает глубокое знание им всех анатомо-морфологических особенностей птиц, но он, тем не менее, отдает очевидный приоритет значению именно внешних морфологических признаков, позволяющих наиболее полно выявить действительно наследуемые особенности среди широкого спектра индивидуальной изменчивости, подчас столь основательно их маскирующие. Ведь до сих пор приходится сожалеть, что при классических филогенетических изысканиях, построенных на скелетных особенностях, используются буквально по 1–3 скелета от сравниваемых таксонов, как бы принимая при этом априори отсутствие здесь индивидуальной изменчивости, не говоря уже и о изменчивости возрастной, половой или географической.

Еще одна крупная заслуга В. Л. Бианки перед мировой орнитологией, безусловно, состоит в создании им целого ряда своего рода мини-монографий по отдельным (большей частью родовым) таксонам птиц, в основном центральноазиатских, до тех пор совершенно

не изученных. Все эти работы базируются на богатом коллекционно материале, собранном целой плеядой российских исследователей Центральной Азии конца XIX — начала XX в. Это — либо отдельные работы, как уже упоминавшееся выше исследование рода снегирей, а также таких родов, как *Leucosticte* и *Fringillauda* (Бианки, 1908), *Ithaginis* (Бианки, 1903), *Tetraogallus* (Бианки, 1898), или же отдельные главы в работах, анализирующих экспедиционные сборы исследователей.

Примером последней может быть анализ географического распространения, индивидуальной, возрастной и географической изменчивости центральноазиатских видов родов *Ithaginis*, *Caccabis*, *Crossoptilon* и ряда других, а также описания новых родовых таксонов, таких как *Kaznakowia*. Примечательно, что для выделения совершенно нового вида, добытого П. К. Козловым в верховьях истоков Меконга, в новый род обширного тропического семейства тимелий (кустарниц), насчитывающего к данному времени около 280 видов и представленного в фауне России только одним видом (*Garrulax lineatus*) на юге Средней Азии, нужно было великолепно знать все видовое разнообразие этого семейства. И этим знанием В. Л. Бианки владел в полной мере, дав четкий диагноз как нового, добытого П.К. Козловым вида, так и выделенного им же (на основании этого нового вида) монотипичного рода. Род был назван автором в честь члена данной Тибетской экспедиции А. Н. Казнакова, а вид — в честь его первооткрывателя, П. К. Козлова, *Kaznakowia kozlowi*. Впоследствии сторонниками укрупнения родовых группировок этот род был сведен в синонимы рода *Babax*, но настоящей глубокой ревизии этого семейства до сих пор не сделано, и судить о том, насколько прав был в своем выделении нового монотипичного рода В. Л. Бианки, еще рано.

Такое глубокое знание мировой фауны птиц делало особенно ценными все таксономические исследования В. Л. Бианки, и прежде всего это касалось палеарктических птиц, в отношении которых он слыл непререкаемым авторитетом. Международному авторитету В. Л. Бианки особенно способствовало его знание европейских языков, в особенности немецкого и английского, на которых в то время выходило подавляющее большинство серьезных зарубежных исследований в области орнитологии. На английском и немецком языках В. Л. Бианки было опубликовано несколько важных работ

как в иностранной периодике, так и в отечественных журналах. Особенно полезным в этом отношении было опубликование статьи параллельно на русском и иностранном языках, как уже упоминавшаяся выше работа о виде, или переводы некоторых его важных работ на английский и немецкий языки с публикацией их в соответствующих изданиях.

Не менее важной была совместная работа В. Л. Бианки с зарубежными орнитологами, особенно с известным британским орнитологом Б. Шарпом, которому он оказывал существенную помощь в его работе над составлением списка родов и видов птиц, издававшихся Британским музеем. По мнению А. И. Иванова, которое мною полностью разделяется, сотрудничество В. Л. Бианки обеспечило высокую точность сведений о птицах восточной части Палеарктики, признанным знатоком которых он был. И когда на шестьдесят третьем году жизни больной и голодный В. Л. Бианки скончался в своей нетопленной квартире холодной зимой 10 января 1920 г., именно английские орнитологи послали в адрес советских властей официальный запрос о судьбе своего коллеги — виднейшего русского орнитолога.

Полтора века уже прошло со дня рождения В. Л. Бианки, много лет минуло с тех пор, как его не стало, но труды его — многочисленные статьи и книги, добытые им коллекционные экземпляры и этикетки на многих других экземплярах с начертанными его рукой подвидовыми определениями — все это постоянно востребуется молодыми и пожилыми специалистами, и год от года этот живой интерес к работам крупнейшего русского орнитолога не ослабевает. И именно в этом прежде всего отражается та огромная роль, которую сыграл В. Л. Бианки в отечественной и мировой орнитологии.

Библиография

1. Бианки В. Л. Обзор видов рода *Tetraogallus* Gray // Ежегодн. Зоол. музея Имп. АН. 1898. Т. 3. № 2. С. 111–123.
2. Бианки В. Л. К орнитофауне Манжурии // Ежегодн. Зоол. музея Имп. АН. 1902. Т. 7. С. XIV–XVI.
3. Бианки В. Л. Материалы для орнитофауны Акмолинской области // Ежегодн. Зоол. музея Импер. Акад. Наук. 1902. Т. 7. С. 10–30.
4. Бианки В. Л. Обзор форм рода *Ithaginis* Wagler (Fam. Phasianidae, Galliformes) // Ежегодн. Зоол. музея Имп. АН. 1903. Т. 8, № 1. С. 1–10.
5. Бианки В. Л. Основные понятия о зоогеографических единицах вообще и внутропических Старого Света в частности // Естествознание и география. 1905. Т. 7. С. 1–12.
6. Бианки В. Л. Ревизия форм рода *Pyrrhula* сем. Fringillidae, их филогеня и географическое распространение // Изв. Акад. Наук. 1906. Сер. 5. Т. 25. № 3. С. 159–198.
7. Бианки В. Л. Материалы для авифауны Монголии и Восточного Тибета // Монголия и Кам. Тр. экспедиции ИРГОб, совершенной в 1899–1901 гг. под рук. П.К. Козлова. 1907. Т. 5. 251 с.
8. Бианки В. Л. Формы родов *Leucosticte* Swains. и *Fringillauda* Hodgson, сем. Fringillidae // Ежегодн. Зоол. музея Имп. АН. 1909. Т. 13. № 1–2. С. 28–61.
9. Бианки В. Л. Краткий обзор авифауны Командорских островов // Ежегодн. Зоол. музея Императорской АН. 1909. Т. 14. № 1–2. С. 48–76.
10. Бианки В. Л. Columbiformes и Procellariformes. Полутом 1 // Фауна России и сопредельных стран, преимущественно по коллекциям Зоологического музея Имп. АН. Птицы (Aves). 1911. Т. 1, полутом 1. С. 1–384.
11. Бианки В. Л. Columbiformes и Procellariformes. Полутом 2 // Фауна России и сопредельных стран, преимущественно по коллекциям Зоологического музея Имп. АН. Птицы (Aves). 1913. Т. 1, полутом 2. С. 385–979.
12. Бианки В. Л. Вид и подчиненные ему таксономические формы // Рус. зоол. журнал. 1916. Т. 16. Вып. 9–10. С. 287–297.
13. Бианки В. Л. Пересмотр положений и взглядов, высказанных в моей статье «Основные понятия о зоогеографических единицах вообще

- и о внетропических Старого Света в частности» // Изв. Рос. АН. 1918. Сер. 6. Т. 12, ч. 1, № 1. С. 29–56.
14. *Дубинин В. Б.* Некоторые закономерности географического распространения и эволюции перьевых клещей в связи с эволюцией их хозяев // Тр. ЗИН АН СССР. 1953. Т. 13. С. 289–309.
  15. *Иванов А. И.* Памяти Валентина Львовича Бианки // Труды ЗИН АН СССР. 1952. Т. 9. Вып. 4. С. 95–963.
  16. *Иоганзен Г. Э. В. Л.* Бианки и его значение для орнитологии Сибири // Вестник Томского орнитологического общества. 1921. Кн. 1. С. 281–290.
  17. *Потапов Р. Л.* Отряд курообразные (Galliformes). Ч. 2. Семейство тетеревиные. (Tetraonidae). Фауна СССР. 1985. Т. 3. Вып. 1. Нов. серия. № 133. 637 с.
  18. *Юдин К. А., Фирсова Л. В.* Ржанкообразные Charadriiformes. Ч. 1. Поморники, сем. Stercorariidae и чайки подсем. Larinae. Фауна России и сопредельных стран. 1996. Т. 2, вып. 2. Нов. серия, № 146. 667с.
  19. *Bianchi V.* Fundorte der Vogel, die durch die Herren N.A. Dmitriew und A. W. Kachowski in den Jahren 1898–99 in Nordwest-Afrika gesammelt wurden // Ежегодн. Зоологич. Музея Имп. АН. 1901. Т. 6. № 4. С. 425–434.
  20. *Bianchi V.* Zoologische Ergebnisse nach Spitzbergen. Uber die in den Jahren 1889–1901 auf Spitzbergen gesammelten Vogel // Ежегодн. Зоол. музея Имп. АН. 1902. Т. 7. Р. 305–334.
  21. *Bianchi V.* In defence of natural genera // Изв. Импер. АН. 1907. Сер. 6. Т. 1, полутом 1. № 11. С. 369–376.

В. Л. БИАНКИ КАК ЭНТОМОЛОГ

Достижения В. Л. Бианки в орнитологии столь велики, что они оставили в тени его деятельность в качестве энтомолога, однако свою работу в Зоологическом музее С.-Петербурга он начал именно как энтомолог и успел много сделать и в этой области.

В 1886 г. он поступил на должность ассистента кафедры зоологии и сравнительной анатомии Военно-медицинской академии и с января того же года начал заниматься в энтомологическом отделении Зоологического музея. В 1887 г. он был принят на должность сверхштатного ученого хранителя этого отделения, в 1890 г. становится штатным ученым хранителем, а 19 апреля (ст. ст.) 1895 г. получает звание старшего зоолога. В том же году он был принят в члены Русского энтомологического общества. В 1896 г., наряду с заведованием коллекциями *Lepidoptera*, *Rhynchota* и *Orthoptera*, В. Л. Бианки замещает заведующего орнитологическим отделением Ф. Д. Плеске во время его болезни, а после выхода Плеске в отставку назначается заведующим этим отделением, но еще в 1897 г. продолжает курирование коллекций *Lepidoptera* и *Rhynchota*. Целый ряд энтомологических работ выполнен и опубликован В. Л. уже в период его интенсивных занятий орнитологией.

Упорядочение энтомологической коллекции

Основной обязанностью В. Л. Бианки в первоначальный период его работы в музее было приведение в порядок энтомологической коллекции и прежде всего этикетирование накопившихся и вновь поступающих материалов.

История энтомологической этикетки достаточно сложна. В XVIII и начале XIX вв. владельцы коллекций не подкалывали никаких этикеток под экземпляры: все сведения о местах поимок держались в памяти или в лучшем случае заносились на донную этикетку, поэтому обычным явлением были случаи грубых ошибок или отсутствия в работах сведений о распространении. Затем стали возникать крупные государственные коллекции, в которые вливались частные; их необходимо было объединять, и вопрос об этикетках

встал очень остро. Первым решением было обозначать матерички бумажками разного цвета, которые подкалывались под экземпляр. Иногда на этих бумажках печатали или писали название страны или большой территории. Впервые такая система была введена в Берлинском музее тогдашним куратором М. Г. К. Лихтенштейном, а в С.-Петербургском музее ее с небольшими изменениями принял куратор энтомологической коллекции Э. Менетрие (Ногн, 1937, с. 433). Нередко такую «этикетку» подкалывали только под первый экземпляр в серии, при перестановках и переопределениях часть экземпляров могла оказаться без всяких этикеток.

Следующий этап — этикетирование каждого экземпляра рукописным номером с записью расшифровки номеров в специальной книге (в ЗИНе она известна как «зеленая тетрадь»). Работать с этими записями было неудобно, особенно когда число сотрудников и проходящих в музей сторонних специалистов возросло. К тому же в нумерации нередко случались ошибки, а утеря тетради могла бы обесценить весь материал. В этот же период в других российских коллекциях (в том числе частных) применялись и другие, самые разнообразные способы этикетирования (печатные номерки, цветные бумажки разной формы и т. п.).

Во второй половине XIX в. в некоторых зарубежных музеях появляются печатные этикетки современного типа, с точным указанием места и даты поймки и фамилии коллектора, которые подкалывались на булавку под экземпляр. В. Л. Бианки имел прямое отношение к внедрению таких этикеток в коллекции С.-Петербургского музея. В отчете о деятельности музея за 1894 г. (Плеске, 1896) указано: «До примеру заграничных музеев и нам необходимо поэтому снабдить каждый экземпляр нашей коллекции печатною этикеткою, на которой имелись бы подробные сведения о месте и времени сбора и фамилия коллектора. В. Л. Бианки... занимался приготовлением к печати означенных этикеток, проверяя каждую из них как по научной литературе, так и по географическим картам. Часть этикеток уже напечатана, и постепенно производится во всех отделах энтомологической коллекции замена старых номеров новыми этикетками». Принятый тогда стандарт (размер этикетки, расположение данных, шрифты) неуклонно соблюдался более 100 лет, и такими этикетками снабжена подавляющая часть насекомых в коллекции. Лишь в последние годы, в связи с изготовле-

нием этикеток на компьютерах, появились некоторые отклонения. Характер проведенной Бианки работы можно пояснить на примере разобранных им материалов А. Беккера — известного коллекционера растений и насекомых, который рассылал свои сборы во многие музеи и регулярно отправлял часть из них в С.-Петербург. К каждой посылке Беккер прилагал письмо с пронумерованными списками видов, причем нумерация в каждом письме повторялась, начинаясь с номера один. Соответствующие номера подкалывались только под первый экземпляр в серии вида. Одни и те же виды с разными номерами могли содержаться в разных посылках, и одним и тем же номером в разных посылках обозначались разные виды. Хотя большая часть материала происходила из окрестностей Сарепты, где жил Беккер, часть экземпляров была собрана им в Астрахани и на Северном Кавказе, но эти сведения содержались только в тексте писем. Естественно, что работать с этими обширными и ценными материалами, включавшими и типы описанных Беккером видов, без предварительного этикетирования и сортировки было невозможно. По-видимому, разобраться со сборами Беккера было достаточно сложно, под некоторыми экземплярами сохранились написанные В. Л. Бианки временные этикетки с указанием рядов и порядковых номеров экземпляров в коробках (аккуратный и характерный мелкий почерк Бианки легко опознаваем, к тому же он обычно писал чернилами, а не тушью). В итоге все экземпляры получили стандартные этикетки с указанием местности, фамилии коллектора и присланного Беккером определения.

В 1894 г. в музее начинают вести записи новых поступлений в коллекцию насекомых. На каждый поступивший материал заполняли отдельный лист, причем указывалось не только общее число экземпляров, но и число их по отрядам. Эти подсчеты выполнял в 1894 и 1895 гг. В. Л. Бианки — записи сделаны его рукой. В конце года листы и сшивали вместе и переплетали, а содержащиеся в них сведения публиковали в отчетах по музею. Такие книги поступлений велись до 1972 г.

В 1894 г. в энтомологическом отделении впервые появляется лаборант (тогда они назывались препараторами). Это была А. И. Чекини, в обязанности которой входило монтирование и этикетирование поступающих и (по возможности) скопившихся за прежний период коллекций насекомых. Однако новые поступления были

велики, а несмонтированный материал скопился за 20 лет, поэтому уже в 1895 г. была принята в качестве лаборанта еще и А. Н. Кавригина.

Характерно, что именно с 90-ми гг. XIX в., т. е. с периодом директорства Ф. Д. Плеске (см. например: Слепков, 2006) и работы в энтомологическом отделении В. Л. Бианки, связывают переломный момент в развитии энтомологических коллекций музея: «В 90-х гг. энтомологические коллекции (музея в С.-Петербурге — И. К.) развивались чрезвычайно быстро, и затем наступил блистательный подъем, причем, к счастью, развитие до сих пор проходит естественно, и фауна огромной Российской империи представляет основное сокровище коллекции» (Ногн, 1937).

Сбор насекомых для коллекции

Самые ранние сборы В. Л. Бианки, отмеченные в коллекции института, относятся к 1891 г. Они сделаны в бывшей Тверской губернии. Значительно большие материалы (около 20 000 экз. из разных отрядов) собраны им в 1894–1899 гг. на территории нынешней Ленинградской области. Одной из задач этих сборов была подготовка выставочной справочной коллекции насекомых С.-Петербургской губернии по всем группам для посетителей музея, заинтересованных в определении материала (Плеске, 1896). Основные места, где В. Л. проводил сборы, — Лопухинка, Серезино и Лебяжье (теперь — в Ломоносовском и Кингисеппском районах), а также непосредственные окрестности С.-Петербурга, многие из которых ныне вошли в черту города. Начиная с 1895 г., в этих сборах преобладают полужесткокрылые, или клопы (Heteroptera), к систематике и фауне которых у В. Л. Бианки сформировался особый интерес. Он сам монтировал, этикетировал и определял свои сборы, которые положили начало научной коллекции полужесткокрылых насекомых в музее (до В. Л. такой отдельной коллекции не существовало). Ныне, в основном благодаря многолетней работе профессора А. Н. Кириченко, это — одна из крупнейших и полнейших коллекций в мире. При постановке гетероптерологической коллекции института материалы В. Л. Бианки, выделяющиеся аккуратностью препарирования, были помещены в начале постановки по каждому виду.

Н. Н. Богданов-Катьков и А. Н. Кириченко писали: «Главная заслуга В. Л. Бианки в области гемиптерологии состоит в изучении

фауны настоящих полужесткокрылых С.-Петербургской губернии, представляющей по своей методике и в особенности конечным результатам классический образец, как должна исследоваться фауна какой-либо местности... Чрезвычайно полно собранная коллекция полужесткокрылых Петроградской губернии была настолько точно определена В. Л., что позднейшие ревизии тех или других определений его могли обнаружить буквально единичные ошибки. При этом нужно помнить, что помимо литературы, В. Л. при определении не мог воспользоваться никаким сравнительным коллекционным материалом, так как основной коллекции полужесткокрылых в Зоологическом музее в то время совершенно не существовало и почти единственным определенным материалом по Hemiptera-Heteroptera в Музее, которым В. Л. мог воспользоваться, была небольшая коллекция финляндских полужесткокрылых (по 1–2 экз. каждого вида), полученная стараниями В. Л. от J.R. Sahlberg'a. Для выявления своих талантов систематика В. Л. избрал другое поприще, но сказанное достаточно характеризует его как гемиптеролога» (Бианки, Кириченко, 1923, с. IV–V).

Активнейшее участие в работах В. Л. по изучению фауны С.-Петербургской губернии принимал его сын Лев. Им была подготовлена рукопись о полужесткокрылых насекомых этой губернии. Она не опубликована, но данные из нее вошли в каталог Ошанина (Oshanin, 1910).

1906 г. Л. В. Бианки опубликовал статью о полужесткокрылых Новгородской губернии по сборам Ф. А. Зайцева. В дальнейшем Л. В. Бианки передал в Зоологический институт РАН свои обширные сборы полужесткокрылых насекомых из Эстонии, Московской и Рязанской областей, Крыма, Закавказья, южного Казахстана, Средней Азии и Якутии. Его наблюдения по биологии отдельных видов неоднократно приводил Кириченко (1913, с. 295–297; 1923, с. 41). Деятельными помощниками В. Л. в сборе полужесткокрылых насекомых в С.-Петербургской губернии были также его племянник А. Новоторцев и многие зоологи, работавшие в тот период в С.-Петербурге (Г. Г. Яковсон, А. А. Силантьев, М. Н. Римский-Корсаков и др.).

Небольшой материал был собран В. Л. в 1896 г. в Харламовой Горе на территории нынешней Новгородской области (в этом селе была дача его друга Е. А. Бихнера). В 1908 г. В. Л. принял участие

в Камчатской экспедиции, организованной Русским географическим обществом на средства Ф. П. Рябушинского. Хотя основной его обязанностью было изучение птиц, он попутно собирал и насекомых. Сборы экспедиции и др. материалы с Камчатки были опубликованы Кириченко (1926). Из 57 указанных в его работе видов полужесткокрылых 19 были собраны Бианки.

Энтомологические публикации

Первая статья В. Л. (Бианки, 1892) была о дневных бабочках Тверской губернии, где он собирал насекомых в 1891 г. в окрестностях Ржева и Бернова (в последнем В. Л. работал в 1884 г. земским врачом). В статье приведены данные о 53 видах, что по оценке автора составляет около 60 % фауны. По систематике полужесткокрылых насекомых В. Л. опубликовал три статьи, которые целиком или отчасти были основаны на обработке материалов экспедиции Г. Н. Потанина в Южный Китай.

Первая гетероптерологическая статья (Бианки, 1896) содержала описания двух новых родов и видов водомерок: *Heterobates dohrandti*, обитающего на крупных среднеазиатских реках, и *Potamometra berezowskii*, собранного в Сычуани. В той же статье были описаны еще два новых рода для видов, ошибочно отнесенных к роду *Halobates* другими авторами. Бианки не ограничился описаниями этих таксонов: он пересмотрел разделение Gerridae на подсемейства, выделил новые подсемейства *Halobatinae* и *Ptilomerinae* и дал определительную таблицу родов *Halobatinae* (это подсемейство понималось им шире, чем принято теперь).

Во второй статье (Бианки, 1896) были описаны два новых вида *Nabis* из Сычуани. Известный гетероптеролог О. М. Ройтер свел одно из этих названий в синонимы, однако дальнейшее изучение подтвердило правоту Бианки: оба описанных им вида — самостоятельные.

И, наконец, еще одна статья (Бианки, 1899) содержала описания новых родов и видов *Phymatinae* (Reduviidae), собранных экспедицией Потанина. В нее включены три новых рода (два из них позднее были сведены в синонимы) и пять новых видов.

Судя по коллекционным материалам, В. Л. планировал опубликовать еще и обзор собранных Потаниным видов *Coptosoma*, однако эта работа не была завершена, и намеченные новые виды были

описаны много лет спустя китайскими авторами. Была также начата, но не завершена работа по семейству Aradidae и роду Aelia.

На основе своих сборов в С.-Петербургской губернии В. Л. опубликовал предварительную заметку, в которой дал исчерпывающий обзор предшествующих публикаций по этой фауне, оценил по семействам число ранее известных, добавленных и ожидаемых видов и указал наиболее интересные из впервые найденных видов (Бианки, 1897). Он оценил число найденных видов в 311 (против 158 известных ранее). Сейчас в фауне Ленинградской области известно почти 400 видов.

Еще одна заметка была посвящена биологии арктического вида сальдид *Calacanthia trybomi* (Бианки, 1897). Она содержала обзор распространения этого вида (с рядом новых местонахождений) и наблюдения Г. Г. Якобсона о местах обитания этих насекомых на Новой Земле. Однако своей основной задачей В. Л., очевидно, считал подготовку определителя полужесткокрылых. В качестве исходного материала для такого определителя он издал аннотированную библиографию работ, содержащих сведения по российской фауне или необходимых для определения входящих в ее состав видов, а также содержащих сведения по фауне сопредельных территорий (Бианки, 1899). К работе приложен указатель работ по основным регионам. Эта библиография отличается исключительной продуманностью и полнотой.

Рукопись определителя полужесткокрылых С.-Петербургской губернии (с включением видов, известных из прилегающих районов) была подготовлена В. Л. Бианки приблизительно к 1896 г. В 1914 г. он передал ее В. Ф. Ошанину и А. Н. Кириченко. Последний дополнил ее 60 видами, так чтобы определитель охватил всю территорию северной и средней полосы европейской России, составил для нее общий обзор отряда, библиографию и таблицы распространения видов, а также внес некоторые изменения в номенклатуру, накопившиеся после окончания рукописи. В таком виде (с авторством В. Л. Бианки и А. Н. Кириченко) работа была опубликована в 1923 г., уже после смерти В. Л. Это — первый определитель полужесткокрылых на русском языке, который послужил основой для всех последующих кратких и полных региональных определителей. Книга включает обширную морфологическую характеристику отряда, библиографию по общим вопросам

(морфология, анатомия, биология, палеонтология и т. п.) с более чем 500 ссылками, краткий обзор основных каталогов и монографий по систематике, определительные таблицы для приблизительно 600 видов и таблицы распространения этих видов по губерниям северной и средней полосы европейской части России и сопредельным странам (Финляндия, Эстония, Латвия, Литва, Белоруссия). В таблицах распространения учтены не только опубликованные к тому времени данные, но и многие неопубликованные, основанные на обширной уже тогда коллекции ЗИНа.

Зоологический музей в конце XIX и начале XX в. имел в разных регионах России широкую сеть добровольных помощников, которые собирали для него коллекции животных. В помощь этим людям были изданы инструкции о специфике собирания разных групп. По насекомым такую инструкцию опубликовал Якобсон (1898), но в ее составлении приняли участие и др. энтомологи, в том числе В. Л. Бианки, написавший раздел о сборе полужесткокрылых. Эта инструкция с некоторыми дополнениями трижды переиздавалась в последующие годы.

Широкие энтомологические познания В. Л. Бианки и его тщательный подход в полной мере проявились уже в период его интенсивной работы в качестве орнитолога, когда он принял участие в двух фундаментальных изданиях.

Первое из них (Бианки, 1900) было переводом известной книги Ламперта «Жизнь пресных вод». Как тогда было принято, к переводу были сделаны различные дополнения, адаптировавшие книгу для русского читателя. В. Л. Бианки в этой книге курировал всех насекомых, кроме жуков. Его добавления к основному тексту были невелики и в основном касались полужесткокрылых насекомых, для которых он поместил также определитель родов, встречающихся в России. Значительно важнее были оригинальные таблицы распространения видов по территории России, составленные В. Л. для чешуекрылых с пресноводными гусеницами (10 видов), полужесткокрылых (68 видов), ручейников (256 видов), стрекоз (102 вида), поденок (31 вид) и веснянок (51 вид), а также обширная библиография по большинству групп водных насекомых.

Вторая работа (Бианки, 1904–1905) была совместной с Г. Г. Якобсоном объемистой монографией о прямокрылых и ложносетчатокрылых насекомых Российской империи. Она выходила семью вы-

пусками с 1902 по 1905 гг. Бианки описал в ней веснянок, стрекоз и поденок, и его часть была издана в шестом и седьмом выпусках в 1904 и 1905 гг. В подзаголовке книги первоначально было указано «По Dr. R. Tumpel, Die Geradflügler Mitteleuropas», но в более поздних выпусках к этой характеристике добавили «и по всей наличной литературе». В действительности из книги Тюмпеля (Timpel, 1901) были заимствованы большинство рисунков и часть морфологических и биологических характеристик отрядов, остальной текст совершенно оригинален, а объем библиографии и систематической части не сопоставим с таковым у Тюмпеля. Так, библиография Тюмпеля включала для веснянок, стрекоз и поденок 17, 24 и 18 работ против 244, 946 и 166 у Бианки. Определительные таблицы родов включали у Тюмпеля 24 рода стрекоз и 18 родов поденок, а у Бианки — 107 родов стрекоз и более 40 родов поденок.

По всем трем отрядам В. Л. включил в определитель как палеарктические, так и неарктические роды. В определители видов для веснянок включены все палеарктические виды, а для стрекоз — еще и виды с граничных территорий (Нубии, Гималаев, о-вов Рюкю и т. п.); для поденок В. Л. ограничился списком палеарктических видов. Для веснянок были даны достаточно подробные описания и многочисленные, заимствованные из литературы рисунки гениталий. По всем трем отрядам для каждого вида были приведены синонимика и основная библиография и указано распространение (более подробно для Российской империи), для веснянок также перечислены неарктические виды. По мере возможности были даны сведения о личинках и таблицы для их определения.

Крыжановский (2003) писал об этой книге: «Монографическая обработка очень разнообразных насекомых, которых в современной системе относят к дюжине отрядов»; «Эта сводка ... включала очень много сведений по фауне России, собранных авторами и ранее не публиковавшихся», «превосходные для своего времени определители семейств и родов», «Появление этого труда резко активизировало в России исследования по охваченным группам».

Библиография

Энтомологические публикации и рецензии В. Л. Бианки

1. Бианки В. Л. К фане Rhopalocera Тверской губернии // Записки Императорской АН. 1892. Т. 70. Прил. 1. С. 1–17.
2. Bianchi V. On two new forms of the Heteropterous family Gerridae // Ежегодник Зоологического музея Императорской АН. 1896. Т. 1. Вып. 1–2. С. 69–76.
3. Bianchi V. De speciebus duabus novis generis Nabis Latr. // Ежегодник Зоологического музея Императорской АН. 1896. Т. 1. Т. Вып. 1–2. С. 113–116.
4. Бианки В. Л. О состоянии наших познаний фауны Hemipter С.-Петербургской губ. // Ежегодник Зоологического музея Императорской АН. 1897. Т. 2. Вып. 2. С. I–IV.
5. Бианки В. Л. Acanthia (Calacanthia) trybomi (J. Sahlb.) с Новой Земли // Ежегодник Зоологического музея Императорской АН. 1897. Т. 2. Вып. 3. С. 362–364.
6. Bianchi V. Enumeratio operum opusculorumque ad faunam Hemipterorum—Heteropterorum Imperii Rossici pertinentium. 1798–1897 // Ежегодник Зоологического музея Императорской АН. 1899. Т. 3. Вып. 3–4. (1898). С. 289–323.
7. Bianchi V. Ad cognitionem Phymatidarum Mundi Antiqui // Ежегодник Зоологического музея Императорской АН. 1899. Т. 4. Вып. 2. С. 221–236.
8. Бианки В. Л. Дополнения к разделу Насекомые (кроме жуков) // Ламперт К. Животные и растения пресных вод, их жизнь, распространение и значение для человека. 1900. С. 147–252, XXXVII.
9. Бианки В. Л. Стрекозы, Веснянки и Поденки // Якобсон Г. Г. и Бианки В. Л. Прямокрылые и ложносетчатокрылые Рос-сийской империи и сопредельных стран. 1904–1905. С. 502–890, 930–934
10. Бианки В. Л., Кириченко А. Н. Насекомые полужесткокрылые. (Общие черты строения и определительные таблицы) // Практическая энтомология. Руководство к практическим занятиям по энтомологии 1923. Вып. 4.
11. Бианки В. Л. Рец. на: Шарп Д. Насекомые. Перевод и дополнения Н. Я. Кузнецова. 1902–1907 // Критическое обозрение. 1908. Т. 8. Вып. 3. С. 74–76.
12. Бианки В. Л. Рец. на: Якобсон Г. Г. Жуки России и Западной

Европы. Руководство по определению жуков. 1905—1907 // Критическое обозрение. 1908. Т. 8. Вып. 3. С. 76—78.

Другие цитируемые работы

1. *Кириченко А. Н.* Dysodiidae и Aradidae. Фауна России и сопредельных стран, преимущественно по коллекциям Зоологического музея Императорской АН. 1913. Насекомые полужесткокрылые (Insecta Hemiptera). Т. 16. Вып. 1. IV+II+302 с.
2. *Кириченко А. Н.* Инструкция для собирания полужесткокрылых насекомых (Hemiptera—Heteroptera) и исследования местных фаун. Пгр. 46 с. (Петроградский с.-х. ин-т. Энтомолог. станция. 1923. Сер. В, вып. 4).
3. *Кириченко А. Н.* Полужесткокрылые (Hemiptera—Heteroptera) Камчатки. Ежегодник Зоологического музея АН СССР. 1926. Т. 27. Вып. 1. С. 9—28.
4. *Крыжановский О. Л. Г. Г. Яковсон (1871—1926).* Труды Зоологического института Российской АН. 2003. Т. 292. 2002. С. 12—17.
5. *Плеске Ф. Д.* Отчет по Зоологическому музею Императорской АН за 1894 год. Известия Императорской АН. 1896. Т. 4. Вып. 1. С. 1—30.
6. *Слепкова Н. В.* 2006. Материалы к биографии Ф.Д. Плеске (1858—1932) // Энтомологическое обозрение. Т. 85. Вып. 4. С. 948—963.
7. *Яковсон Г. Г.* Инструкция для собирания насекомых / Наставления для собирания зоологических коллекций, издаваемые Зоологическим музеем Императорской АН, II. Изд. 2-е, 1907, 21 с.; изд. 3-е, 1910, 21 с.; изд. 4-е, 1912, 22 с.
8. *Horn W.* Uber die Entwicklung der Entomo-Museologie (besonders im Abendlande) // Entomologische Beihefte aus Berlin-Dahlem. 1937. Bd 4. S. 431—471.
9. *Oshanin. B.* Verzeichnis der palaearktischen Hemipteren mit besonderer Berucksichtigung ihrer Verteilung im Russischen Reiche. III. Band. Nachtrage und Verbesserungen zum I. und II. Bande // Ежегодник Зоологического музея Императорской АН. 1910. Т. 15. С. XVI, 1—217.
10. *Tumpel R.* Die Geradflugler Mitteleuropas. Eisenach: M. Wilckens. 1901. 308 p.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ: ВТОРОЕ ПОКОЛЕНИЕ БИАНКИ-ЕСТЕСТВЕННИКОВ

ЛЕВ ВАЛЕНТИНОВИЧ БИАНКИ (1884–1936)

Вит. Вит. Бианки

КРАТКОЕ ЖИЗНЕОПИСАНИЕ ЛЬВА ВАЛЕНТИНОВИЧА БИАНКИ

Лев Валентинович Бианки родился в феврале 1884 г. и был старшим сыном в семье Бианки. Учиться он начал под руководством матери, занимавшейся с ним русским и немецким языками, арифметикой и Законом Божьим. Учился охотно, но занятия с матерью всегда были тягостны.

Когда ему разрешили в 7 лет осенью 1891 г. самостоятельно читать «Робинзона Крузо», чтение скоро превратилось в страсть, непрерывно росшую до 12–13 лет. Позже проявилась и склонность к поэзии, писал стихи. Особенно ему нравились и заучивались наизусть такие вещи, как «Баян» или «Гонец» Пушкина. От обучения игре на фортепиано решительно отказался.

Пяти-шестилетним ребенком проявил живой интерес к насекомым и с этого возраста (с 1889 г.) каждое лето запоминалось какими-либо сильными энтомологическими впечатлениями. С 7–8 лет начал интересоваться птицами, изучив чуть ли не наизусть книгу «Из царства пернатых» Д. Н. Кайгородова и составляя «описания» птичьих шкурок, которые приносил иногда отец. Очень любил держать в неволе животных. В 6 лет самой любимой была клетка с домовыми мышами. В 8 лет завел террариум с ящерицами и тритонами и т. д.

Осенью 1893 г. Лев Валентинович поступил в подготовительный класс гимназии при историко-филологическом институте. Учение давалось легко (кроме заучивания на память). В первом классе —

вспоминал он в дальнейшем — ему особенно нравились география и латинский язык, из языков преподавали еще греческий, немецкий и французский. В гимназии он считался очень способным к языкам, особенно древним, и не особенно способным к математике. В третьем классе гимназии в связи с изучением грамматики церковно-славянского языка у Льва Валентиновича возник особый интерес к фонетике, он пытался делать наброски по церковно-славянской и русской фонетике, но, не встретив поддержки, бросил их. Интерес к русскому языку появился очень рано, с одной стороны, под влиянием неправильностей в русской речи матери, оскорблявших его слух, с другой — под влиянием диалектологических особенностей прислуг, служивших в доме родителей. Уже в десятилетнем возрасте (летом 1894 г.) он начал разрабатывать «план» словаря русских говоров. Но потом увлекся энтомологией. Впоследствии главный интерес от учения перешел к природе: зима стала ожиданием лета с его свободой и возможностью собирать насекомых.

Лето 1891 г. Лев провел с родителями в Тверской губернии, где экскурсировал с отцом в окрестностях Ржева и Бернова. В 1893 г. снова ездил с отцом в имение Соколово на р. Сишке Старицкого уезда Тверской губернии, где собирал насекомых и составил первую свою коллекцию. По-видимому, они посетили и Михаила Николаевича Вульфа в селе Берново на р. Тъме. В 20–30-е гг. XIX в. с этой семьей был дружен Пушкин. Будучи гимназистом, Лева танцевал в С.-Петербурге с внучкой М. Н. Вульф, будущей скрипачкой Анной Дмитриевной Бубновой.

До 1895 г. Лев собирал только бабочек, помогая отцу в сборах по другим отрядам насекомых. С 1895 г. начал собирать клопов, которые стали его главным увлечением на много лет. В конце 1890-х гг. после краткого увлечения семействами Curculionidae и Longicornia, взялся за Сетчатокрылых, которых не бросил и в 20-х гг., несмотря на временный отход от естественной истории в филологию.

Будучи в старших классах гимназии, Лев, как пишет брат Анатолий, был на особом положении в семье. Ни отец, ни мать не могли найти ключ к его сердцу. В эти годы он, видимо, для утверждения себя среди сверстников, переплыл р. Неву между Дворцовым и Николаевским мостами (около 300 м). Его другом был старший сын Оскара Эдуардовича Гаген-Торна, Владимир.

Гимназию Лев Валентинович закончил в 1902 г. с золотой медалью. Выпускные экзамены продолжались весь май и отец решил провести лето в имении Ольгино под г. Ораниенбаумом. Лето было холодное и дождливое. Ребятам приходилось много сидеть дома. Лева занимался с братом Анатолием латинским и греческим алфавитами, диктовал ему диктанты, собирал в окрестностях с. Ольгино коллекцию моллюсков и насекомых, которую передал осенью 1902 г. в дар Зоологическому музею (отчет по Зоологическому музею ИАН за 1902 г.). В этом же году Лев поступил на естественно-историческое отделение физико-математического факультета С.-Петербургского университета, который окончил в 1909 г. Был хорошо знаком с В. А. Догелем, будущим профессором, который был на два курса старше. Это знакомство продолжалось потом много лет.

Во время революционного подъема 1904–1905 гг. Лев Валентинович придерживался программы социал-революционеров. Позже отошел от политических партий. Политические взгляды Льва Валентиновича того периода хорошо характеризует его стихотворение.

На новый 1906 год

Пусть же будет новый год,
Пусть же справится с ненастьем
Обездоленный народ!
Пусть когда-нибудь настанут
Для народа счастья дни
И кусать его устанут
Самовластные слепни!
Пусть не пьют народной крови
Проходимцы всех мастей,
Пусть не гадают русской нови
Звяком новеньких цепей!

В 1908 г. Лев Валентинович ездил с Львом Васильевичем Ошаниным, будущим энтомологом Зоологического музея (его отец был также известным энтомологом), Е. С. Соколовым и другими студентами на производственную практику на Север, на Мурманскую биологическую станцию в г. Александровске. Тем летом там побывало шесть научных сотрудников в том числе — Е. С. Зинова, Г. А. Клюге, Ю. А. Филипченко и тринадцать студентов. Студенты познакомились с составом фауны Кольского залива и методами отлова животных,

прошли морской гидробиологический спецкурс по оболочникам, иглокожим, моллюскам, червям и гидроидам. Кроме того, Лев собирал материал для своей работы по систематике полихет и анатомии *Travisia*, а также другим группам и темам (Аверинцев, 1908). Там же он познакомился с Екатериной Павловной Лебедевой, которая была на 20 лет старше его. В дальнейшем многие годы между ними сохранялись дружеские отношения. Она писала о нем в своем дневнике: «Бианки говорит, что страстно любит людей и стремится к ним всей душой. Говорит, что люди его единственная страсть и задушевные отношения с ними тоже... Лев Валентинович верно сказал про себя, что он человек страдающий, т. е. человек, органически стремящийся к этому состоянию... Он мягкий, деликатный человек, инстинктивно отбрасывающий не только грубое, но и резкое. Леву все любят, потому что он — светлое явление в жизни. Он всегда все видит, все знает, всегда распутывает чужую беду, всегда кого-нибудь спасает. Душа у него ласковая, по-детски застенчивая».

В 1909–1914 гг. Лев Валентинович прошел курс славяно-русского отделения историко-филологического факультета Петербургского университета. После окончания курса имел специальности зоолога и филолога (историка русского языка). Знал пятнадцать иностранных языков. В языкознании Лев Валентинович интересовался: историей русского языка, диалектологией великорусского наречия и, в частности, его восточного поднаречия. Весной 1913 г. Лев Валентинович был командирован академиком А. А. Шахматовым в Михайловский уезд Рязанской губернии для записи особенностей народных говоров. Перед поездкой в экспедицию Лев Валентинович занимался разоблачением провокатора — студента Дианина.

В 1914 г. Лев Валентинович познакомился с Татьяной Николаевной Книпович, дочерью известного биолога Н. М. Книповича. Она предлагала ему поехать вместе на фронт: она — медсестрой, он — санитаром. Но Лев Валентинович отказался. Будучи швейцарским подданным, он не подлежал в России воинской повинности.

В 1911–1915 гг. Лев Валентинович активно занимался переводами. Это связано с тем, что в эти годы впервые на русском был издан адаптированный к знаниям того времени многотомник А. Брема «Жизнь животных». Видимо, в конце 1910 г. Лев Валентинович начал переводить «Жизнь животных» на русский язык.

Немцы присылали еще только печатающиеся в Германии верстки томов 4-го издания (1-е издание в 1863–1869 гг.). Лев Валентинович увлекся новой для него работой, тем более что это помогало самоутверждению «вечного студента». Видимо, перевод Льва Валентиновича занял в изданном под редакцией Н. М. Книповича многотомном издании Брема не менее 117 страниц 10-го тома (с. 447–515 и 535–584). Кроме «Жизни животных» Брема Лев Валентинович перевел два тома труда П. Мендусса (Mendousse) «От дрессировки к воспитанию» (перевод с французского, редакция. Изд-во газеты «Школа и жизнь» Петроград. 1918) и книгу Dr. В. Bavink «Einführung in die allgemeine Chemie» (Verlag von Feubner. Leipzig-Berlin, 1917. (Seiten 2–108) из серии «Aus Natur und Geisteiwelt. Sammlung wissenschaftlich – gemeinverständlich Darstellungen». 582 Bändchen, напечатана «Научным книгоиздатрезервом»).

В 1918–1920 гг. Лев Валентинович занимал должность библиотекаря Зоологического музея РАН, был членом Бюро Международной библиографии РАН, а также работал в Экскурсионной секции отдела Внешкольного образования Народного Комиссариата Просвещения. Был членом Энтомологического общества и, возможно, Географического.

В качестве библиотекаря Лев Валентинович курировал вопросы: библиологии, библиотековедения, вопросы каталогизации ученых библиотек. По библиотековедению готовил к печати: инструкцию библиотекарям Зоологического музея Российской АН (с подробно разработанными «Правилами для составления алфавитного и систематического карточного каталогов для библиотеки Зоологического музея» и с руководящими библиографическими указаниями для библиотекарей Зоомузея, а также очерк истории возникновения и развития библиотеки Зоологического музея Российской АН.

В январе 1920 г. Лев Валентинович входил в комиссию по разбору наследства отца, Валентина Львовича. В августе – сентябре 1920 г. был секретарем Совета Зоологического музея АН. В 1920–1924 гг. выполнял обязанности заведующего Саблинской научно-экскурсионной станцией Губполитпросвета. В 1921–1924 г. состоял членом Естественно-Исторического отдела Экскурсионного института.

Будучи научным сотрудником Зоологического музея РАН, интересовался: зоологией и зоогеографией, энтомологией – системати-

ка, география, постэмбриональное развитие, Hemiptera-Heteroptera (клопы) северной России. Neuroptera-Plauipennia (настоящие сетчатокрылые), включая и Panorpata (скорпионниц), главным образом распространенных в Европейской России, Крыму, Кавказе и Закавказье.

В 1923/24 учебном году вместе с другими энтомологами Зоологического музея преподавал на Высших курсах (Институте) Прикладной зоологии и Фитопатологии, вел курс «Методики и техники коллектирования насекомых». Там же преподавали Н.И.Вавилов, Е.Н.Павловский и др. известные ученые (Отчет, 1925).

В 1925–1927 гг. работал ученым специалистом по зоологии Якутской экспедиции РАН (ученый специалист-зоолог Алданского отряда Научной экспедиции для изучения Якутской республики). В 1925 г. — заместитель председателя комиссии А. А. Бялыницкого-Бирули, собирал насекомых и млекопитающих.

В 1926–1927 гг. Лев Валентинович был назначен начальником Биологического отряда Якутской экспедиции (председатель комиссии — академик Ф. Ю. Левинсон-Лессинг). Задачи отряда состояли в научном и прикладном изучении животного мира ЯАССР, в том числе и сборе вредных и полезных животных, изучении их образа жизни и т. д. Работа экспедиции (до августа 1925 г.) охватила: речные террасы правого берега долины р. Лены на протяжении 100 км к югу от г. Якутска и долину р. Амги на протяжении 200 км, два пересечения таежного района Ленско-Амгинского плато, отстоящие друг от друга на 100–200 км.

Будучи также научным сотрудником Государственного института Научной педагогики и опираясь на естественно-историческое и историко-филологическое образование, Лев Валентинович занимался: психологией и этикой, психологией человека, т. н. «индивидуальной» психологией, многочисленными вопросами психологии личности в их связи с личной этикой и общественной нравственностью. В последние годы жизни, в 30-х гг., Лев Валентинович работал в ВИЗРе. В научной области псевдонимами не пользовался. Единственное напечатанное стихотворение (сб. «Грядущий день», Петербург, 1900) подписано полным именем. Публицистические и мелкие литературные заметки и статьи подписаны разными псевдонимами.

Лев Валентинович был дважды женат. Первая жена (август 1919–1925 гг.) — Вера Исааковна Громова (1891–1973, по первому

мужу, в девичестве Бродская). С Верой Исааковной Бродской Лев Валентинович познакомился летом 1910 г. В. И. Бродская родилась в семье юриста в г. Гольдингене. В 1908 г. Вера Исааковна закончила гимназию с золотой медалью и поступила учиться на естественное отделение Петербургских высших женских курсов. Знакомство с Львом Валентиновичем перешло в любовь. Но он не ответил ей тем же, хотя зимой 1910/11 г. постоянно бывал у нее. Дружба Веры Исааковны с Львом Валентиновичем продолжались, по-видимому, до лета 1911 г., когда она перевелась на женские курсы в Москву.

В 1912 г. Вера Исааковна вышла замуж за М. С. Громова. 13 июня 1913 г. у них родился сын Игорь, будущий известный териолог (работал в Зоологическом институте АН СССР). В 1915 г. родился второй сын Лев, будущий филолог (в 30-х гг. был направлен в Испанию и участвовал в войне). В 1918 г. Вера Исааковна закончила учения на курсах, в 1919 г. переехала в Петроград и поступила работать в Зоологический музей АН, где проработала 23 года и прошла путь от препаратора и ученицы А. А. Бялыницкого–Бирули до заведующей Osteологическим отделением. В августе 1919 г. она вышла замуж за Льва Валентиновича. После того, как Лев Валентинович и Вера Исааковна разошлись, знакомство с ней постоянно поддерживал Анатолий Валентинович Бианки.

Вторая жена Льва Валентиновича (с 1925 г.) — Лидия Львовна Бианки (1899–1988; в девичестве Ратновская), с ней он познакомился в Саблино, на Экскурсионной станции. Дети от второй жены: сын Всеволод (1928–1998) и дочь Валентина — (род. в 1929 г.).

Библиография

1. *Архив* РАН, СПб. Отд., фонд 47, опись 4, ед. хран. 3; фонд 55, опись 1, ед. хран. 166.
2. *Архив* семьи Бианки.
3. *Бианки Л. В.* 1927. Предварительный отчет о работах Биологического отряда в Якутском округе в 1926 г. // Якутская экспедиция АН СССР. Л. Изд-во АН СССР. Стр. 263–280.
4. *Дневник* Екатерины Павловны Лебедевой за 1908–1915 гг.
5. *Ответы* на «Опросный лист для получения сведений о деятелях науки в России», разосланный «Бюро для учета деятелей науки, литературы и общественности в России» (Архив Е. В. Бианки).
6. *Отчет* Курсов (Института) Прикладной Зоологии и Фитопатологии за 1923–1924 учебный год // Известия Курсов Прикладной Зоологии и Фитопатологии. Вып. II. С. 41–77.
7. *Отчет* по Зоологическому музею Имп. АН за 1902 г. // Ежегодн. Зоол. Музея ИАН. 1903. Т. VIII. С. 1–52.
8. *Палеонтологический институт 1930–2000.* 2000. М. 144 с.
9. *Трофимов Б. А.* 70-летие Веры Исааковны Громовой // Палеонтологический журнал. 1961. № 1. С. 3–5.

ЛЕВ ВАЛЕНТИНОВИЧ БИАНКИ

Это воспоминание дочери и размышления об отце. Необходимое пояснение. Мой отец умер, когда мне не исполнилось семи лет. Я смутно помню его облик и, естественно, не была свидетелем его научных занятий. Вдобавок после блокады из нашей ленинградской квартиры на В. О. исчезло все, что могло бы напоминать о хозяине — вещи, документы, рукописи, переписка, публикации, даже библиотека, которая всегда может многое рассказать о своем владельце. Словом, в моем распоряжении имеется лишь крупницы собственных впечатлений да сведения, почерпнутые из рассказов друзей и коллег; кстати сказать, их после Отечественной войны осталось совсем немного.

Но, думается мне, может быть, не так уж и страшно, когда груз фактов не давит на автора, а наоборот, дает возможность свободнее осмыслить жизнь и внимательнее вглядываться в лицо родного человека.

Попробую сделать это.

Насколько помню, яркого следа в науке Лев Валентинович не оставил. Статьи, посвященные отдельным проблемам энтомологии, орнитологии, фонетике; переводы с немецкого на русский сочинений Альфреда Брема (ряд глав для отечественного издания многотомника «Жизнь животных»), участие в северных экспедициях, работа в Зоологическом институте АН. Вот, кажется, основное. Но, кроме того, отец занимался и увлекался — вразброс — многим. Он вообще любил учиться. Таких людей с оттенком легкой иронии называли «вечным студентом», — вероятно за непрактичность и пониженное внимание к реальным сторонам быта. При этом утверждали, что отец владеет четырнадцатью иностранными языками, некоторые уточняли, что пятнадцатью (среди них, конечно, были латынь и греческий).

Лев Валентинович учился последовательно на двух факультетах Петербургского университета: изучал биологию и лингвистику, но, вроде бы, не всегда утруждал себя получением «корочек». Почему же? Меня долго занимал этот факт, в нашем опыте ведь без справки или диплома шагу нельзя ступить! Однако припомнилось любопыт-

ное свидетельство Д. Гранина. В повести «Зубр» он рассказал: когда в начале 20-х гг. прошлого века советское правительство отправляло молодого Тимофеева-Ресовского в Германию «учить немцев генетике», вдруг выяснилось, что у того вообще не имеется никакого диплома, а ведь он всю свою юность «грыз науку», переходя от одного источника знаний к другому. Здесь, конечно, не сравнение, а лишь отчетливая примета времени.

Отечественная и зарубежная культура, жизнь природы и общества, интерес к философии, в том числе и к восточной, чрезвычайно занимали молодую русскую интеллигенцию на переломе веков. Эти веяния захватывали и отца. Он увлекался Индией, читал «Тайную доктрину» Елены Блаватской, штудировал современных мыслителей, даже таких парадоксальных, как Н. Федоров, размышлявших, в частности, о возвращении жизни всем умершим; вникал в политику, хорошо знал отечественную литературу, сам писал стихи.

Книга, которую сейчас листает читатель, посвящена естествоиспытателям семьи. Но если проанализировать ее историю, легко заметить в ней и другую тенденцию, другой след. Родоначальником «русской ветви» фамилии стал певец Томас Бианки, он начал свою карьеру в Швейцарии, а позже блистательно гастролировал почти во всей Европе. Спустя десятилетия на столичной сцене царила Валентина Бианки, обладательница уникального сопрано; для нее композитор Алябьев оркестровал своего бессмертного «Соловья»; другой композитор, А. Серов, в расчете на ее голос написал партию Юдифи в одноименной опере. Многие годы в Петербургской консерватории служил профессор Иво Бианки...

Из поколения в поколение в роду появлялись незаурядные люди; одаренные талантами широкого спектра, чьи достижения заметны в пространстве русской науки и культуры. Все эти люди, разумеется, формировались на благодатной семейной почве. Их предшественники многим интересовались, многому учились, много трудились. Это обстоятельство не стоит недооценивать. И здесь я тоже вспоминаю своего отца.

Библиография

1. *Д. Гранин*. Зубр. — Л. : Советский писатель. С. 58–70.
2. *Ежегодник* памятных музыкальных дат и событий. Справочное пособие. — М. : Музыка, 1983.
3. *Жизнь* и творчество Виталия Бианки. — Л. : Детская литература, 1967. — С. 196–199.

АНАТОЛИЙ ВАЛЕНТИНОВИЧ БИАНКИ (1891–1972)

А. В. Бианки

АВТОБИОГРАФИЯ

» »

Анатолий Валентинович Бианки родился 20 декабря 1891 г. в С.-Петербурге. Умер 8 октября 1972 г. в Ленинграде. Анатолий Валентинович был метеорологом. Писал под псевдонимом Аббе. Отец был известным зоологом, а брат Виталий — писателем. Учился в гимназии (1901–1910), затем — на физико-математическом факультете Петроградского университета (1910–1916). Военную службу проходил как вольноопределяющийся в Электротехническом батальоне в Петрограде (1916–1918). С 1918 г. работал в Павловской магнитно-метеорологической обсерватории. Организовал метеостанцию в Бийске, на которой был единственным работником (1920–1922). В 1922 г. вернулся в Петроград, работал в отделе сетей станций Главной геофизической обсерватории. С мая 1925 г. — инженер-гидрометеоролог Колонизационного отдела Управления Мурманской железной дороги. В 1925–1927 гг. организовал 10 метеостанций, магнитную обсерваторию в Кандалакше. После 1929 г. основал снегозащитную опытную станцию в районе Хибиногорска. Одной из причин увольнения из Мурманской железной дороги послужило то, что он возражал против строительства Хибиногорска в том месте, где город находится сейчас. После возвращения в Ленинград работал инженером, заведующим лабораторией в Государственном гидрологическом институте (с июля 1936 г.), в Арктическом НИИ (с 1939 г.). В феврале 1942 г. эвакуировался с институтом в Красноярск. В 1944 г. участвовал в инспекции сети полярных станций вместе с комиссией Главного управления Северного морского пути, после ее окончания вернулся в Ленинград. Был членом Высокоширотной экспедиции на ледоколе (1946). Продолжил работу в Арктическом НИИ. С 1959 г. на пенсии.

А. В. Бианки

АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

*Моей единственной, горячо любимой
ДОЧЕРИ-ДРУГУ
с детьми и будущими внуками.
ОТЧЕТ О ЖИЗНИ отца и деда*

Введение

Не понимаю своих современников, горько жалующихся на свою судьбу: «и надо же мне было родиться в такую эпоху, пережить две революции, четыре войны, голод, эвакуацию, „культ личности“ и прочие ужасы!»

Много интересного можно найти в каждой эпохе, но первая половина XX в., по-моему, является самой интересной из всей истории России. Жить в эту эпоху временами было нелегко, но не только не скучно, а даже очень увлекательно!

О нашем времени написано много книг — беллетристических, биографических и научных, но еще больше будет мемуаров, биографий, описаний, исследований и романов в будущем, когда наши потомки с благоговейным уважением и завистью будут возвращаться мыслью к свершениям своих отцов, дедов, прадедов, сумевших своим трудом, энергией, кровью перевернуть старый мир!

Известно, что историки, описывая ту или иную эпоху, находят много для себя полезного даже в бесхитростных описаниях жизни рядовых наблюдателей данной эпохи; то, что нам кажется самым обыкновенным и нестоящим даже упоминания, может оказаться ключом к пониманию процессов исторического развития общества или добавить существенную черту к характеристике того или иного деятеля.

Это заставило меня, рядового обывателя, случайного свидетеля великой эпохи, пользуясь досугом пенсионера, взяться за перо, чтобы поделиться с моими потомками теми событиями, которые мне пришлось пережить, сообщить факты о своей жизни, а также о людях, мне близких и оставивших след в моей памяти.

Взвесив свои возможности, я пришел к выводу, что должен составить записки для своих внуков и правнуков, не претендуя на их

издание, так как личные мои свойства, главным образом, плохая память и значительная замкнутость, не позволяют сделать мою автобиографию общеинтересной.

Я избрал форму автобиографии, как наиболее удобную для изложения известных мне фактов, не потому, что считаю себя интересным для кого бы то ни было объектом изучения, а лишь имея ввиду тот исторический фон, на котором прошла моя жизнь. Постараюсь при изложении фактов быть возможно более объективным и придерживаться точной интерпретации событий, насколько позволит мне память. При этом я, конечно, не буду касаться вопросов интимного характера, которые доверялись мне по секрету или стали случайно известны. Элементарная этика не позволяет разглашать сугубо личное не только о живых, но и об усопших. Как непреложную заповедь сохранил я на всю жизнь завет отца:

De mortuis aut bene, aut nihil! О мертвых или хорошо или ничего!

Глава I

Раннее детство. Дошкольные годы

Я родился в конце 1891 г., 20 декабря по ст. ст., в С.-Петербурге. Почти все, что я могу рассказать о первых годах своей жизни в семье моего отца старшего зоолога Зоологического музея АН Валентина Львовича Бианки, известно мне из слышанных уже в школьном возрасте рассказов матери, Клары Андреевны Бианки, урожденной Бланк.

Ко времени моего рождения у моих родителей было два сына: Лев, родившийся 16 марта 1884 г. и Валентин, родился в 1886 г., а единственная их дочь, Сонечка, скончалась за два года до моего появления на свет, в возрасте 8 лет. Вскоре после моего рождения умер и брат Люша.

Отец, в конце 1890 г. избранный на должность штатного хранителя коллекции Зоологического музея АН, в 1893 г. получил квартиру в здании Академии на Университетской набережной, д. 5, где 30 января 1894 г. появился на свет мой младший брат Виталий.

Таким образом, к началу моей сознательной жизни семья состояла из пяти человек. Товарищем в моих детских играх был только Витя, так как Лева был на 8 лет старше меня и, поступив в гимназию, естественно, считал игру с малышами не интересной.

Виталий, имевший в раннем детстве прозвище Бибишка, хотя и был на 2 года моложе меня, но, отличаясь более живым темпера-

ментом, плохо подчинялся моему авторитету, часто задирали и дразнили меня, что, как водится, вызывало постоянные ссоры и драки.

Игры наши, насколько помню, носили подражательный характер: мы воображали себя то одними, то другими знакомыми и занимались свойственными им делами: ходили в лавки, торговали и покупали, стряпали и угощали, ходили в гости и т. п. Ярким событием в нашем детстве было получение мною на праздник Рождества трехколесного велосипеда. Квартира отца была большая, (сначала было пять комнат, потом появилось еще две, за счет соседней квартиры) и позволяла целыми днями кататься и вдвоем и поодиночке. Когда мать находила время заняться с нами, мы играли с ней в карты, в домино, хальму, лото и в др. настольные игры. Позже, уже в средних классах гимназии, мы увлекались шашками и шахматами. В общем, жизнь наша зимою протекала довольно однообразно и поэтому в памяти осталось много меньше, чем в летние месяцы. В начале мая отец всегда вывозил семью на дачу. Пригородных дачных мест отец не любил. Мы уезжали всегда в малонаселенные места Петербургской губернии. В 1893 и 1894 гг. мы жили в Лопухинке — большой д. Петергофского уезда, лежащей на тракте Петергоф—Копорье. Потом два лета провели в Серезине — имении на р. Луге, ниже ст. Преображенской (ныне Толмачево). А с 1897 г. мои родители облюбовали чудное местечко на берегу Финского залива, в 20 верстах за Ораниенбаумом (ныне г. Ломоносов) — Лебяжье. Первые два места я знаю лишь со слов родителей. Свои первые шаги я сделал в Лопухинке. Моей матери на всю жизнь запомнился связанный со мною эпизод из жизни в Лопухинке.

Деревня Лопухинка лежит вдоль глубокого оврага, в котором из ключей берет начало речка Рудица. Крутые склоны оврага, поросшие густым высоким лесом, создают довольно мрачное впечатление. То лето было, к тому же, исключительно дождливым, на земле не просыхали лужи. В один из редких погожих дней в доме вдруг спохватились маленького, недавно научившегося владеть ногами, но еще не умеющего говорить Толеньки. Никто не видел, как и куда он ушел. На зов не откликнулся. Мать сразу же представила себе страшный обрыв за огородом. Если малыш добрался до него, он мог не удержаться и разбиться. Все взрослые бросились к оврагу. Кричали, искали и... не нашли! А тем временем маленький Толик забрался в соседний огород и наслаждался одиночеством среди ло-

пухов. Потом ему надоело, он вышел на дорогу и был приведен кем-то из соседей домой. Крутой и мрачный овраг так ярко описывался мне мамой, что мне хотелось посмотреть его. Это желание удалось осуществить только через 14 лет, когда я с двумя товарищами совершил свой первый турпоход из Лебяжьего через Калищи в Копорье и обратно возвращаясь, зашел в Лопухинку. Овраг мне очень понравился своей величавой красотой, но не вызвал никаких ассоциаций с детством и не показался страшным!

Первые туманные картинки из дачной жизни связаны у меня со вторым летом в Серезине, когда мне шел 5 год. Мое описание большого серого дома в парке на берегу Луги, в котором мы жили, нашло через много лет подтверждение матери. Там же в моей памяти запечатлелась гроза с сильным ливнем, застигнутые которым мы бежали из лесу через большой луг домой. На меня особенно сильное впечатление произвела не так сама гроза, как необычное поведение взрослых, спасавшихся от дождя под задранными на головы юбками.

Более яркие картины в моей памяти относятся к лету 1897 г. первого года нашей счастливой жизни в Лоцманском селении. Огромное впечатление произвела на меня, пятилетнего мальчика, сама поездка на дачу: посадка на «морской корабль» на Неве, за Николаевским мостом, Кронштадт — городок среди моря, переезд на извозчике на другой конец острова, где мы снова сели на пароход, но уже маленький; его сильно качало. На меня качка не действовала — ни страха, ни тошноты; но многих, в том числе Витю, укачало. Все облегченно вздохнули, когда катер вошел в гавань — небольшую дамбу квадратной формы, сооруженную в открытом море, на банке, в километре от берега. Качки вдруг не стало; мученья кончились, но... не надолго! В гавани пассажиров ждали большие лодки — баркасы. В них набилось по 20–25 человек, шесть мужчин село в каждой на весла и доставили плоскодонки на берег, к построенной в середине Лоцманского селения пристани. Качка не мешала мне с восхищением разглядывать медленно приближавшийся берег. Пятнадцать ярко-желтых домиков с красными крышами, с садиками, за зелеными и синими заборами стояли вдоль песчаного пляжа, резко выделяясь на фоне темно-зеленого парка.

«Нашей» оказалась самая крайняя справа дача, под № 1. Четыре комнатки и кухня. Вид на море, до которого рукой подать! Маленький садик на песке, обнесенный штaketной изгородью, веранда.

Все пятнадцать домов соединены мостками. Параллельно им протекает маленькая речка, за ней парк, в котором, вдоль большой дороги стоит еще двенадцать домов; а дальше лес, большой огороженный участок которого тоже относится к Лоцманскому селению.

Все дома его заселены семьями лоцманов, служащих в Кронштадте. Ни одно судно, как объяснил отец, не может пройти в Кронштадт и обратно, не зная дороги, которая по морскому называется фарватером. Указать эту дорогу, провести судно так, чтобы оно не село на мель, должен лоцман. Должность важная, а зарплата не велика: большинство лоцманов были вынуждены сдавать свои дома на лето дачникам, приезжавшим, главным образом, из Кронштадта, а также и из Петербурга. А сами лоцманы с семьями переселялись на летние месяцы в соседнюю деревушку Лебяжье, где за комнаты в избах платили пустяки.

Таким образом, Лоцманское селение на лето превращалась в дачный поселок. Дачники скоро знакомились друг с другом, молодежь играла, купалась, каталась на лодках, а по вечерам устраивала концерты и танцы в помещении домашней лоцманской церкви.

Пять лет, прожитых в Лоцманском селении, (1897–1901) и 12 лет (1903–1915) в Лебяжьем, оставили у меня и моих братьев самые теплые, самые лучшие впечатления детства, того безмятежного светлого периода жизни, когда человек знакомится с природой, познает мир и счастье любви и дружбы.

Жизнь в Лоцманском селении протекла у меня с Витей в дошкольном возрасте, когда мы еще полностью ограничивались кругом семейных интересов, довольствуясь обществом друг друга и родителей. Старший брат и тут был на особом положении. Будучи уже в старших классах гимназии, он серьезно занимался сборами насекомых, а остальное время посвящал теннису, увлекался танцами и вечеринками с девочками. Уже тогда он не имел почти никаких связей с семьей, и ни отец ни мать не могли найти ключа к его сердцу.

Мы с Витей пользовались полной свободой и проводили все свободное от сна и еды время или на лодке, которою отец нанимал на все лето, или на пляже. Мы рано научились грести, и в тихую погоду нам разрешалось кататься около берега вдвоем.

Непосредственно за нашей дачей на дюнах росли кусты черемухи и жимолости, березки, ольха, ива. В этом направлении никто не ходил и мы с Витей любили играть одни на этих невысоких песча-

ных холмиках, воображая себя владельцами горных лесов. Много интересных и счастливых дней провели мы в «наших местах», как называли этот уютный уголок между речкой и морем.

Однако, никак нельзя сказать, что мы были оставлены без внимания родителей. Мать всегда знала, где мы и чем заняты. По вечерам она читала нам интересные книжки, русские и немецкие, последние пофразно переводила. Отец, приезжая из города, ходил с нами на экскурсии в лес, учил различать голоса птиц, узнавать породы деревьев, цветы, собирать растения и насекомых. У нас в клетках всегда жило много птиц, которых отец или ловил в западни или брал птенчиками из гнезд для выкармливания. Иногда число таких птиц считалось десятками. Для кормления их требовалось много пищи. Мы ловили сачками мух, но их, конечно, не хватало. Отец приносил в мешке муравьиные кучи, вместе с муравьями и их яйцами. Содержимое мешков вываливалось на песок между досками. Спасая свои яички от солнца, муравьи быстро растаскивали их и складывали под досками. Чистенько отобранные таким образом от хвои и прочего мусора яйца оставалось только, отсеяв через решето от мелкого песка, складывать в банки на корм птенцам.

Одно лето у нас прожили две дикие козочки, найденные сосунками в лесу. Они были совсем ручными и никогда не пытались уйти за ограду, но любили заходить на веранду, чтобы получить вкусный кусочек из рук людей. Перед нашим отъездом с дачи обе козы, ставшие уже большими, были посажены в клетки и отправлены через Финский залив в Терриоки, откуда приятель отца, доктор Гун, прислал лодку. У доктора Гуна в саду при собственной даче был маленький зверинец.

Жили у нас в Лоцманском селении также белки, ежи, черепахи и желтопузики — безногие, змееобразные ящерицы. Они явились официальной причиной отказа отцу продлить контракт на дачу на шестой год.

В гости к нам нередко приезжали родные и знакомые, жившие по несколько дней, а иногда и неделями. В Лоцманском селении мои родители познакомились и подружились с семьей Оскара Эдуардовича Гаген-Торна, главного врача Обуховского завода, и с семьей его брата Ивана Эдуардовича — известного в Петербурге хирурга, позже бывшего профессором Военно-медицинской академии.

Из двенадцати детей Оскара Эдуардовича и Елены Павловны я знал шесть дочерей и трех сыновей (остальные умерли до нашего знакомства). Вся семья отличалась большой спаянностью, хотя

члены ее отличались разными характерами. Все были симпатичными и умными людьми. Мой брат Лев дружил со старшим сыном Оскара Эдуардовича, Владимиром, моим сверстником был Александр, Витиным Орест (Оська). Только две девочки были младше нас — Лида и Женья. В настоящее время живы лишь внуки Оскара Эдуардовича, из которых дочь Жени, Алла, вышла замуж за моего племянника, Витино сына Виталия. Алла врач-невропатолог, Виталий пошел по стопам своего деда — орнитолог. Таким образом, дружба семейств Бианки и Гаген-Торн в первом и втором поколениях перешла в родство в третьем.

Доктор Иван Эдуардович Гаген-Торн студентом Военно-медицинской академии был учеником моего отца, который преподавал до поступления в Зоологический музей зоологию в Академии. Иван Эдуардович прожил в Лоцманском селении только одно лето с женой Верой Александровной и годовалой дочерью Ниночкой. Потом они уехали в Тамбов и наше знакомство прервалось до 1908 или 1909 г., когда, вернувшись в Петербург, Иван Эдуардович снял дачу в Лебяжьем поблизости от нашей.

Живя в Лоцманском селении, отец несколько раз в лето ездил с генералом Таринецким, начальником Военно-медицинской академии, на охоту за зайцами и лесной дичью. Я хорошо помню этого высокого и тучного генерала в охотничьем костюме, не умевшего хорошо говорить по-русски. В качестве образца его речи, отец привел как-то рассмешившую его фразу: «Да как вам сказать? Он не умный, но и не глупый человек, а так, полоумный!» Слово «полоумный», видимо, не было знакомо генералу и он не подозревал, что сказал каламбур. Сын Таринецкого был много старше нас, увлекался парусным спортом, но считался очень ограниченным мальчиком. Большую жалость вызывала его младшая сестренка, очень красивая девочка, но лишившаяся после скарлатины зрения. Даже у самых видных врачей того времени дети не были гарантированы от эпидемий и самых тяжелых их последствий.

Из местных жителей родители посещали помещиков Ливеровских и Якубович, а также командира Красногорского маяка Куприянова. Эти знакомства носили более или менее официальный характер: отцу они были нужны, чтобы ему не чинили препятствий при сборе орнитологических коллекций для Зоологического музея.

На месте бывшего маяка на Красной Горке теперь построена кре-

пость форт «Красная Горка». Тогда это было местом постоянных пикников лебяженских дачников. Несколько раз в лето ездили мы на Красную Горку, чтобы полюбоваться прекрасным видом с маяка на Финский залив, как в сторону Кронштадта, так и далеко на запад. Маяк служил одновременно и оптическим телеграфом передавал знаками на высоких мачтах сигналы в Кронштадт о появлении на горизонте того или другого корабля. Позже, в начале XX в., оптический телеграф был заменен электромагнитным. Очень гостеприимные старики Куприяновы всем укладом своей уединенной жизни напоминали старосветских помещиков. Когда Куприяновы ездили в Кронштадт, они обязательно заезжали к нам в Лоцманском селе. Их почти уже взрослая дочь Оля снимала нас своим «Кодаком». Одна ее фотография, изображающая меня с Витей, кормящих козочку, кажется, сохранилась до сих пор.

Уезжая в конце августа 1901 г. с дачи, мы не предполагали, что больше никогда не вернемся в милое это местечко. В сентябре мне надлежало поступить в приготовительный класс гимназии. Этим начинался новый период моей жизни, о котором я расскажу в III главе. Но предварительно хочу сообщить некоторые сведения о моих родителях и предках.

Глава II

Моя предбиография. О тех, кто жил до меня

Мне известны две версии происхождения нашего рода: по словам отца я всегда считал, что наши предки были швейцарцами и итальянская фамилия *Бианки* чисто-случайного происхождения; отец приписывал появление этой фамилии желанию одного из наших предков скрыться от вербовщиков в армию Наполеона. Отец утверждал, что наша фамилия была *Вейс*, что по-немецки, как и по-итальянски Бианки, значит «белый». Под новой фамилией сей швейцарский гражданин эмигрировал в Италию, где Бианки — самая обыкновенная фамилия, а когда и в Италии почувствовал себя неуютно, переправился в Россию.

Мой старший брат, будучи студентом, очень интересовался нашей генеалогией и в результате своих изысканий пришел к выводу, будто наш род идет от карбонария Томаса Бианки, которому пришлось из Италии бежать в Швейцарию. Он поселился в кантоне Тюргау, (в местечке Бишофсцелл), приняв швейцарское подданство.

В Швейцарии наш предок женился на отдаленной родственнице основателя лютеранской веры М. Лютера, от которой имел сына Валентина. Последний переселился в начале XIX в. в Прибалтику, а затем в Москву, где у его сына Льва Валентиновича 18 февраля 1857 г. родился мой отец Валентин Львович Бианки.

Откуда мой брат Лев взял имя Томас Бианки, будто бы принимавшего участие в движении карбонариев, мне не известно. Во всем же остальном его версия подтверждается сохранившимися документами и доподлинно известными мне фактами.

У меня имеется метрика деда моего, выписка на латинском языке, сделанная монахом Доминиканского ордера из метрической книги о крещении в Ревельской приходской церкви.

Младенца по имени Синезиуса Льва, рожденного в двадцатый день сентября сего года сына от законных супругов: отца — благородного господина Валентина Бианки и матери Луизы, уржд. БОЭН

Дано в Ревеле в 1828 году. 23 Июля

Год крещения и рождения указан в выписке ошибочно тот же (1828), вместо 1827. (Это ясно, т. к. выписка не могла быть сделана раньше крещения, произведенного «в девятый день Ноября».)

Другой документ выдан в г. Мемеле (ныне город Клайпеда) 27 июля 1829 г. на немецком языке. Это подорожная, выданная

учителю музыки, господину Валентину Бианки, родом из Рудольфцелля в кантоне Тюргау, с его супругой Луизой, сыном Львом 11/2 лет и прислужгой Шарлоттой Боровской, едущим через Тильзит и Смоленск в Россию.

В этом «Reise-Pass» указывались «Signalement» (внешние признаки) владельца паспорта.

1) Религия: католик, 2) Возраст: 34 года, 3) Рост: 5 футов 3 дюйма, 4) Волосы: черно-коричневые, 5) Лоб 6) Брови: 7) Глаза: голубые, 8) Нос и рот: широкие, 10) Борода: коричневая, 11) Подбородок: 12) Лицо: 13) Цвет лица: здоровый, 14) Фигура: 15) Особые признаки.

Как владельцу паспорта, «выданного в Ревеле 23 июня 1828 г, узаконившего его благонадежность», всем гражданским и военным властям предписывалось содействовать беспрепятственному путешествию с оказанием в случае необходимости, защиты и содействия.

Итак, младенец Лев (Синезиус) Бианки в 1829 г. приехал со своими родителями в Россию; надо думать что в Москву, поскольку его первенец, Валентин, родился в Москве. Лев был католиком, но же-

нился на православной украинке Елизавете Евдокимовне, урожденной Сидоренко. Поэтому по царским законам их дети Валентин, Иво и Сидония были крещены по обряду православной церкви. Вероятно, по желанию бабушки Елизаветы, женщины очень религиозной, дед мой Лев за 3 недели до своей смерти

тысяча восемьсот восемьдесят девятого года, Апреля пятнадцатого дня из католиков присоединен к Православной Греко-Российской Церкви с оставлением того же имени в память Св. Льва Папы Римского, празднуемого Церковью 18 Февраля.

Прекрасный пример лояльного сосуществования церквей, ранее враждовавших между собой не на живот, а на смерть! В прошлом веке правительство Российской империи относилось к иностранцам более благожелательно, чем теперь. Даже от состоящих на государственной службе не требовалось в обязательном порядке менять подданство на русское. Известно, например, что основатель нашей государственной метеослужбы академик Вильд, директор главной Физической обсерватории, был до конца своей многолетней службы в России швейцарским гражданином. Так и мой отец, как сын швейцарского гражданина, до 1885 г. оставался швейцарским подданным и мог бы, вероятно, не принимать русского подданства, если бы не поступил ассистентом в Военно-медицинскую академию. Родившийся до этого перехода отца брат мой Лев тоже считался швейцарским гражданином и поэтому не подлежал воинской повинности. Он принял русское подданство лишь когда началась вторая империалистическая война.

Мой отец никогда не рассказывал ни о своих родителях, ни о родственниках вообще; исключение составляла лишь его тетка, сестра Льва Валентиновича, известная солистка Мариинского театра Валентина Бианки. (См. о ней: Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона). Специально для нее композитор А. Н. Серов (1820–1871г.) написал партию Юдифи в опере «Юдифь». У бабушки моей было драматическое сопрано очень широкого диапазона. Серов так писал о ней: «А у нас новая певица драгоценная находка для сильно-драматических партий госпожа Валентина Бианки. Мейерберову музыку она исполняет лихо! Говорит, что в Германии певала и Вагнера, даже просматривала и „Изольту“. Голосом, игрою и даже блестящей сценической наружностью это будет и „Юдифь“ хоть куда. Скорёхонько примусь разучивать с нею всю роль».

По сведениям, раздобытым братом Львом, профессиональным певцом (тенором) был и Томас Бианки, наш пращур. Гастролируя по всем европейским странам, он выступал и в С.-Петербурге. Умер он, будто бы, в своем имении под Варшавой. Брат Валентины Бианки, Иво Валентинович Бианки, был профессором Петербургской консерватории.

С их смертью и до сих пор никто из потомков не унаследовал даже рядовых музыкальных способностей, но по соматологическим особенностям итальянский тип лица еще сохранился у моего брата Виталия и его дочери Елены, а в облике моего лица при желании можно найти сходство с Гарибальди.

Мой дед, Лев Валентинович, до конца жизни сохранял связь с Прибалтикой. Его сестра Валентина ушла со сцены, так-как вышла за муж за остзейского барона Фабиана; а его сын, мой отец, учившийся в Петербургской гимназии (1868–1878) в летнее каникулярное время гостил у своего дяди, курляндского лесничьего, (возможно Фабиани), где собирал коллекции по зоологии и ботанике.

Окончив гимназию, отец в том же 1878 г. поступил в Военно-медицинскую академию, которую окончил в 1883 г. К тому времени у него была уже двухлетняя дочь. Не имея возможность обеспечить материально семью, он уезжает земским врачом в г. Ржев Тверской губернии, но проработал там всего 8 месяцев, т. к. был приглашен в сентябре 1885 г. на должность ассистента Военно-медицинской академии по кафедре зоологии.

11 сентября 1890 г. отец был избран и приказом от 6 ноября 1890 г. утвержден на должности штатного ученого хранителя Зоологического музея АН. Пять лет (до 1 сентября 1895 г.) отец работал в двух академиях, после чего полностью перешел в зоологический музей.

Здесь он становится активным участником реорганизации петровской Кунсткамеры в современный Зоологический музей, которому было отведено большое здание таможни между Биржей и зданием АН. Я до сих пор хорошо помню, как через Таможенный переулок был построен виадук, соединивший вторые этажи здания Академии, где находилась Кунсткамера, и нового музея. По этому крытому переходу без повреждения переносились шкафы с коллекциями и художественными экспонатами. Это было, когда мы жили на даче еще в Лоцманском селении. Отец приносил из лесу целые кусты и вырезки из древесных стволов с гнездами птиц, кладки яиц

и много птиц. Из Музея был командирован препаратор, снимавший шкурки птиц, с тем, чтобы затем сделать чучела для музейных групп и отдельных экспонатов в зеркальных шкафах. Все сборы тщательно укладывались в ящики, которые на специально нанятых финских лайбах перевозились по Финскому заливу и Неве прямо к зданию Музея.

Открыть музей должен был царь. Открытие было закрытым, были приглашены только родичи царя и его свита. Церемонии придали характер пикника на природе: для гостей был сервирован завтрак прямо на ступенях широкой лестницы. После завтрака начался осмотр музея, весьма беглый. К отцу, ожидавшему царя в специально пошитом золотом мундире для дачи пояснений по орнитологическому отделению, подошла небольшая группа дам, которых он принял за придворных. Одна из дам обратилась к отцу с замечанием: «Однако, у вас тут довольно-таки холодно!» Отец не без раздражения ответил: «Вы побегаете и уедете, а нам тут ежедневно работать приходится!» После приема отец получил от директора выговор: «Во-первых, Вы должны были, отвечая царице, обратиться, как полагается, со словами „Ваше императорское величество», а во-вторых, Вы могли бы быть повежливее!» С самим царем отцу так и не пришлось перемолвиться ни словом, а золотой мундир, стоивший более 100 р., никогда больше не надевался!

В день Крещения 6 января (ст. ст.), мы детьми ежегодно ходили на хоры первого зала музея, где расположены энтомологические коллекции. Оттуда открывается красивый вид на Неву и на Зимний дворец. Между Дворцовым мостом, тогда деревянным, и роstralным маяком выстраивалась батарея пушек, своими залпами отдававшая салют во время крещеная воды на Иордани в беседке, построенной на льду реки против иорданского подъезда Зимнего дворца. (Теперь через этот подъезд входят в Эрмитаж.) Крещение воды производил митрополит в присутствии царя. Мы не могли, конечно, видеть, что и как происходит в этой беседке на противоположном берегу Невы; нас больше привлекал процесс заряжания и стрельбы из пушек. В один из этих торжественных дней, то было в 1905 или 1906 г., в пушку, направленную на Иордань, кем-то был заложен, вместо холостого, огнестрельный заряд, которым будто бы повредило Иордань. Полиция, предполагая, что это был ружейный выстрел, сделала обыск в Музее. Был ли найден виновник, не знаю: этот инцидент замолчали, благо никто не пострадал.

Начиная с 1896 г., отец неоднократно заменял директора музея во время его отъездов или болезней. Три раза отец был командирован академией на международные орнитологические конгрессы: в Гельсингфорс в 1902 г., в Лондон на IV интернациональный орнитологический конгресс в 1905 г. и в Грац на съезд зоологов в 1910 г. В 1908 г. отец принял участие в Камчатской экспедиции, организованной на средства московского негоцианта Рябушинского. На обратном пути отец заезжал в Японию.

Наряду с традиционными в дни семейных праздников на Рождество и на Пасху по приглашению отца у нас иногда обедали известные путешественники, с которыми отец был знаком через музей. Среди них я хорошо помню П. К. Козлова, ученика и соратника Пржевальского, среднеазиатского путешественника Ж. М. Березовского, революционера Клеменца, после возвращения из эмиграции ставшего директором Русского Этнографического музея, молодых участников полярной экспедиции, снаряженной АН для поисков барона Толля, лейтенантов Колчака и Маттисена. Помню и грустную худенькую женщину, вдову барона Толля, приезжавшую из своего имения в Прибалтике хлопотать о поисках мужа. Мой отец по совместительству был секретарем Полярной Комиссии АН.

О своей матери мне известно немного, она не любила говорить о своем детстве и юности. Я знал только, что она родилась в Берлине, 18 лет приехала в Петербург, отсюда ездила гувернанткой в Швейцарию, а потом на 30 году вышла замуж за моего отца, который был на 6 лет моложе ее. При свадьбе приняла русское подданство, но осталась лютеранкой.

Сохранилось свидетельство о крещении 30 ноября 1850 г. родившейся у гражданина Иоханна Генриха Бланк и его жен Эммы-Матильды, урожденной Шенбах, 4 октября 1850 г. дочери, получившей три имени: Клара, Эмма, Матильда (последние два, вероятно, по матери). В России мать именовалась всегда Кларой Андреевной.

Не могу сказать, можно ли назвать брак моих родителей счастливым. По-моему, они мало имели общего и семейные узы держались лишь на чувстве долга по отношению к своим детям, которое у обоих было очень сильным. У матери были две прислуги — кухарка и горничная. Руководство ими, воспитание детей, прием гостей, вышивание вот круг обязанностей, лежавших на матери.

Глава III

Школьные годы

Мы жили, как я говорил, в здании АН, рядом с Университетом, а следующим за последним зданием на Университетской набережной был Императорский Историко-филологический институт, независимое тогда от университета высшее учебное заведение. При нем, во дворе, была классическая гимназия, в которой учился мой брат Лев и куда отдали меня. Курс учения обнимал восемь классов и, кроме того, был подготовительный класс. В последний принимали знающих азбуку и немножко счет. Поэтому меня готовили к поступлению в гимназию еще в предыдущую зиму. Почему-то со мной занималась мать, а не старший брат, что было бы, вероятно, лучше, так как мама никакими педагогическими способностями не обладала, да к тому же не достаточно хорошо владела русским языком. Ее уроки были просто мучением как для меня, так и для нее. Все, что требовало запоминания, мне не давалось. Это ее раздражало, она начинала сердиться, чем и вовсе отнимала у меня способность соображать. Вынес я из этих занятий с матерью только одно: убеждение в своей неспособности. Это очень подавляло мою психику и в дальнейшем мешало мне учиться. Особенно трудно давалось мне все, что требовало механического запоминания.

После повторения в сентябре 1901 г. приобретенных в предыдущем учебном году знаний, мать отвела меня в гимназию, где я с грехом пополам сдал вступительный экзамен, не сумев без ошибки написать собственную фамилию (поставил «и» вместо десятичного «я»). А дальше произошло для меня чудо: ученье в школе оказалось гораздо более легким и интересным, чем было дома! Я учился в подготовительном классе на 4 и 5 и был переведен в первый класс с отличными отметками. Дело, очевидно, было в Сергее Прокофьевиче — моем первом учителе, преподававшем русский язык, арифметику и чистописание. Это был добрый и симпатичный старик, пользовавшийся общей любовью учеников.

В год, когда я учился в подготовительном классе, мой брат Лев был уже в восьмом. Он окончил гимназию с золотой медалью. Выпускные экзамены продолжались весь май и поэтому отец решил, что лучше поехать на дачу не в Лебяжье, а под Ораниенбаум и снять дачу в имении Ольгино. Хорошо помню это лето 1902 г., нашу дачу и ближайшие ее окрестности. После Лоцманского селения в Ольгино

всем нам очень не понравилось: море было далеко и недоступно, берег заболоченный, лето холодное и исключительно дождливое; гулять приходилось редко и мы, принужденные сидеть дома, скучали. Два события, связанных с Витей, особенно врезались в мою память. В один из редких солнечных дней к нам на собственном автомобиле приехал из Петергофа мамин родственник. Это само по себе было сенсацией, т. к. автомобили были тогда у нас редкостью. К тому же хозяин машины пожелал покатать нас, мальчиков, и, посадив меня с Витей на заднее сиденье, покатил по парковым дорожкам. На одном крутом повороте дверца машины открылась и брат кубарем вылетел на дорогу. Это сальто мортале обошлось ему вполне благополучно. Другой случай кончился довольно печально. Витя был исключительно живым, как мы считали, храбрым мальчиком; он ничего не боялся, всюду лез первым. Ему было тогда 8 лет. Раз он забрался без разрешения, конечно, на лошадь, стоящую у крыльца. Седлавший ее конюх положил на спину седло и, не закрепив его как следует, пошел за чем-то в конюшню. Улучив момент, Витя залез с крыльца на лошадь и сел в седло. Лошадь вздрогнула и сбросила седока вместе с седлом, которое проломило Вите череп. Рана не была опасной, но все лето Витя проходил с завязанной головой, неоднократно его возили в город на перевязки.

Обычные наши летние занятия — экскурсии, коллекционирование, игры на воздухе были в это ненастное лето редко доступны и, чтобы занять нас, мать заставляла нас читать и учиться; я под Левиным руководством изучал латинский и греческий алфавиты, писал под диктовку. В нашей гимназии главное внимание обращалось на языки. Латынь изучалась с первого класса, как и немецкий, греческий и французский языки — с третьего. Кроме того, в курс русского языка входило изучение основ славянского. Древние языки выносились и на выпускные экзамены. Зато в программе не было никаких естественно-исторических предметов, не преподавалось ни черчение, ни ручной труд. Из точных наук сравнительно хорошо были поставлены математика и физика. Алгебра начиналась в третьем, геометрия — в четвертом, а физика — только в шестом классе. С первого класса для каждого предмета был свой учитель. Из всех гимназических преподавателей оставили у меня благодарную память только двое: старый опытный учитель русского языка Орлов и молодой инициативный преподаватель физики

и математики в старших классах Максименко. Остальные почти все были «педагогами в футлярах»: вели уроки очень скучно, заботясь больше всего о дисциплине и не могли внушить никакого интереса к своему предмету.

Дисциплина у нас была строгая. Помню, как в первый же день поступления в подготовительный класс мой товарищ Сергей Гальперсон был поставлен в угол только за то, что в перемену захотел побегать, а при вторичной попытке сделать то же был оставлен на час после уроков. На переменах полагалось чинно ходить вокруг по залу и при том обязательно против часовой стрелки. За уроками ученики не могли без разрешения сойти с места до старших классов включительно. В редкие дни хорошей и теплой погоды, только осенью и весной, старшим классам разрешалось выходить между уроками погулять во дворе. Но несмотря на все строгости, гимназисты находили способы поразмяться. Чаще всего борьба происходила во время перемены в классах, хотя оставаться в них при проветривании и запрещалось: во избежание недоразумений перед дверью выставлялся караул.

Меньше всего гимназическое начальство заботилось о каких-либо коллективных мероприятиях, направленных на развитие самодетельности и чувства товарищества. Не устраивали никаких походов или экскурсий, если не считать посещений лучшими учениками театров по билетам, выдававшимся в виде награды в дни тезоименитства императора и императриц — молодой и старой. Не бывало в гимназии диспутов или, тем более, встреч с учащимися других школ. Обучение было раздельным: мальчики и девочки обучались в разных школах, что нередко порождало нездоровый интерес друг к другу.

На основании циркулярного распоряжения министерства Просвещения один раз в год в гимназиях устраивался благотворительный вечер, чистый доход от которого поступал на стипендии малоимущим ученикам. Чаще всего этот вечер бывал в один из дней двухнедельных рождественских каникул, между 24 декабря и 6 января. Обычно вечер устраивался в помещении гимназии. Тогда он начинался днем, часа в три — четыре, включал в программу выступления учащихся, иногда знакомых артистов, родственников преподавателей или учеников. С помощью родителей устраивался благотворительный буфет и продажа программ вечера. Программы оформлялись учащимися

старших классов. Один раз успешно разбирались публикой мои фотооткрытки с приклеенными к ним программами.

В восьмом классе нам разрешили самим составить программу вечера, но первое же предложение нашего лучшего ученика Аксея, пожелавшего продекламировать стихи Ломоносова из его «Оды на день восшествия на всероссийский престол Ее Величества Государыни Императрицы Елизаветы Петровны, ноября 35 дня 1747 года», было категорически отвергнуто без объяснения причины. Вот эти строфы, теперь известные немногим, а тогда печатавшиеся во всех школьных хрестоматиях:

О вы, которых ожидает
Отечество от недр своих,
И видеть таковых желает,
Каких зовет от стран чужих;

О, ваши дни благословенны!
Дерзайте, ныне ободренны,
Раченьем вашим показать,
Что может собственных Платонов
И быстрых разумом Ньютон
Российская земля рождать!

Науки юношей питают,
Отраду старым подают,
В счастливой жизни украшают,
В несчастный случай берегут;
В домашних трудностях утеха
И в дальних странствах не помеха,

Науки пользуют везде —
Среди народов и в пустыне,
В градском шуму и наедине,
В покое сладком и в труде!

Эти звучные стихи революционера от науки, осмелившегося в эпоху реакции и преклонения перед иностранцами призывать к научной деятельности выходцев из русского народа и прославлять отечественную науку, считались в годы подавления рабочих забастовок и крестьянских восстаний неуместным «вольнодумством».

К тому же еврей Аксель был на подозрении как брат репрессированного студента.

В период политических волнений 1904–1906 гг. и в годы последовавшей за ними реакции царизма преподавателей и воспитателей, в особенности классных наставников, обязывали следить за «моральным» состоянием учащихся, не допускать никаких разговоров на политические темы, никакого, Боже упаси, «вольномыслия» среди молодежи! Основания для этих опасений, безусловно, были: в разных передовых петербургских гимназиях имели место политические выступления, оканчивавшиеся увольнением учащихся, «зачинщиков бунтов», как их тогда называли. Но наша гимназия отнюдь не была передовой и никаких политических «скандалов» у нас не было, но, тем не менее, как раз в эти годы в нашем классе произошел небывалый в истории Филологической гимназии случай итальянской забастовки, правда, на академической, а не на политической почве.

В шестом классе немецкий язык преподавал старый немец, плохо изъяснявшийся по-русски, что от него не требовалось, и отличавшийся весьма скверным характером. Он плохо и неясно говорил, больше брюзжал, не любил объяснять, но придирался к ответам и особенно к поведению учеников, скучавших на его уроках. Мы жаловались на него классному наставнику, но он не нашел лучшего довода как указать нам на преклонный возраст «немца», которому-де необходимо дослужить до пенсии. Это соображение не убедило нас: молодежи больше свойственно заботиться о своих интересах, чем о пенсиях стариков! Видя, что от начальства ничего не добьешься, мы сговорились своими средствами изгнать «ненавистного немца». Мы воспользовались для этого своим легальным правом с согласия родителей отказываться от изучения одного из новых языков. Один из слабых учеников принес заявление родителей с просьбой освободить сына от занятий по немецкому языку ввиду недостатка времени. Его без разговоров освободили. Тогда еще несколько учеников сделали тоже. Когда заявления стали приносить и хорошо успевающие ученики, начальству стало ясно, что «немец» может оказаться на мели. На прямой вопрос классного наставника мы дали откровенный ответ: «да, не хотим больше страдать!» Тогда вызвали в школу некоторых родителей, в частности моего отца. Видимо, все отвечали примерно так, как он: если преподаватель не может завоевать авторитета и больше придирается, чем учит, ему не должно быть

места в школе! Во избежание скандала было решено освободить весь класс от немецкого урока и в гимназию вызвали родителей тех учеников, которые еще не подали прошений об освобождении с тем, чтобы побудить их к этому! Остаток учебного года прошел без немецкого языка, а на следующий год нам дали нового, молодого преподавателя, с которым все без всяких «заявлений» охотно занимались.

Привыкнуть к дисциплине в казенной гимназии, смириться с нею могли лишь дети спокойного темперамента, а плохо поддающиеся влиянию учителей и родителей большей частью конфликтовали в школе и нередко покидали ее. К таким «трудновоспитуемым» принадлежал мой брат Виталий. Обладая очень живым, неустойчивым характером, он быстро, прямо на лету, схватывал новые знания, но если они не заинтересовывали его, не давал себе труда продумать их до конца и закрепить в памяти. Не удивительно, что в схоластической, с ее мертвыми языками, Филологической гимназии Виталий не находил для себя ничего интересного и, с трудом дойдя до старших классов, совсем отказался учиться. По совету директора отец перевел Витю в частную гимназию Столбцова, которая помещалась на Невском. Там он увлекся уроками литературы, но по-прежнему игнорировал математику. Отцу, принимавшему активное участие в работе родительского комитета, стоило много труда мирить сына с преподавателями и убедить его в необходимости окончить гимназию. Но и у меня, никогда не имевшего за поведение отметки меньше 5, гимназия не оставила никаких светлых воспоминаний; в младших классах я учился под некоторым нажимом родителей, с трудом подчиняясь всем требованиям; в старших стал «сознательным», поставил себе задачу хорошо учиться, чтобы беспрепятственно выбрать себе профессию по своим склонностям. Но интересные занятия и развлечения можно было иметь только вне школы. И мы находили их как зимой, так, в особенности, и в летние месяцы, когда весь день был в нашем распоряжении. О нашей свободной жизни в школьном возрасте на даче надо рассказать подробнее, так как она определила в значительной мере наше будущее.

Глава IV **В Лебязьем**

Лучшие годы нашей жизни, какими принято считать отрочество и юность, лучшие летние месяцы этих беззаботных лет протекли

в с. Лебяжьем и ближайших его окрестностях. В 1902 г. лодман, хозяин дачи № 1 Лоцманского селения отказался сдать отцу свой домик, а другого снимать там нам не хотелось и отец обратился к владелице небольшого именища в д. Лебяжье, Евгении Павловне Свиной, которая охотно сдала свою двухэтажную дачу. С юга и востока это имение прилегало к деревне, с запада к имению О. П. Якубович. Муж Ольги Павловны купил большое имение у писателя-сатирика Салтыкова-Щедрина, который описал свою жизнь в Лебяжьем в романе «Мон герос» («Мон репо» по-французски значит «мой отдых»). В этом довольно скучном произведении упоминается ростовщик-лавочник, сыновья которого торговали еще при нас, один в с. Лебяжьем, другой в версте дальше, где владел под д. Новая Красная Горка большим участком земли и несколькими домами — «Петровским Хутором», как его называли по имени хозяина Петра Прокопиевича Григорьева.

В желтой даче, как называли дом Свиной, в котором мы прожили четыре лета подряд, было четыре комнаты с кухней внизу и три наверху, большая застекленная веранда с балкончиком над ней. В первом этаже была наша столовая, папин кабинет и две спальни: в одной жили отец с матерью, в другой — я с Витей. Наверху разместились с комфортом кухарка с горничной и старший брат. Одна комната предназначалась для гостей. Позже я приспособил ее под фотолабораторию. Дача стояла в светлом березовом лесочке, отделенном от берега моря низкими, заросшими соснами дюнами. Участок берега Свиной лежал между устьем речки Лебяжьей и мысом Якубович, образовавшим бухточку, у берега заросшую камышом. Длинные мостки вели в купальню, вынесенную на более глубокое и свободное от зарослей место. Там же привязывались лодки дачников.

Сочетание моря, лесов, полей и лугов, малонаселенность края, немногочисленность дачников все вместе составляло для нас главную прелесть Лебяжьего как дачного места. Сейчас и само селение Лебяжье увеличилось в несколько раз и в диких когда-то лесах появились запретные, за колючей проволокой, зоны, и даже само море стало менее доступным, так как не разрешается пользоваться лодками. Тогда это была настоящая деревня, теперь скорее дачное место.

В Лебяжьем определились наши характеры, интересы и склонности. Большое воспитательное значение, несомненно, имел пример

отца, большого любителя природы, охотника, естествоиспытателя, коллекционера. С другой стороны, все три брата обладали разными темпераментами и различно воспринимали жизнь. Мне трудно судить, как формировался характер старшего брата, поскольку он был на 8 лет старше меня, но ретроспективно, уже в зрелом возрасте, я понял, что я резко отличался от него, как и от Виталия, не только темпераментом, но и по складу ума, отсутствием эмоционального мышления, почти полностью вытесненного логическим.

Лева с детства много занимался насекомыми и, не смотря на различные отвлечения другими занятиями, на любовь к литературе, склонность к поэзии (я прочел его стихотворенья лишь через 20 лет после его смерти!), несмотря на его романтический душевный склад и постоянные увлечения людьми, из Левы выработался профессиональный энтомолог.

Витя тоже много увлекался в детстве футболом и девушками, потом охотой и литературой, но дилетантство было его чертой с детства и отсутствие систематических, глубоких знаний страшно мешало ему потом, когда он стал писателем.

Впервые четко и определенно выявились расхождения между мной и Витей в Лебязьем, когда мне было 12, а ему 10 лет. Отец передал в наше пользование свое весьма оригинальное духовое ружье. По внешнему виду это была палка, но она стреляла мелкой дробью, если дунешь в отверстие наверху, как дуют в дудку. И стреляло это «ружье» так, что можно было на расстоянии 2–3 десятков шагов убить птицу. Сначала мы научились стрелять в цель. А потом пошли на охоту. И вот тут-то и выявилось наше различное отношение к этому занятию. Я, почти случайно убив чирка (мелкая дикая утка), скорее огорчился, чем обрадовался и больше ружья не брал в руки. Витя же с увлечением охотился все лето и был на седьмом небе, когда однажды принес с охоты сразу трех уток.

Когда мне исполнилось 13 лет, отец подарил мне на Рождество ящичную фотокамеру с условием: я должен был изучить фотопроект по руководству за полгода и начать снимать только летом. Условие было принято. Получив большой курс фотографии Ермилова (тогда фотоучебников для школьников не было), я внимательно прочитал его, сделал необходимые выписки и к весне уже ясно представлял себе весь процесс фотографирования. Не знаю, как пошли бы мои занятия на практике, потому что никто из домашних

помочь мне не мог, но мне повезло сделать первые шаги под руководством опытного фотографа-любителя Н. А. Егунова. Первые же снимки на даче получились отлично и я очень увлекся фотографией, подружившись на этой почве со своим учителем, который был по крайней мере на 20 лет старше меня.

Кроме Егуновых, к нам часто приходили в гости из Лоцманского селения Гаген-Торны, с которыми мы продолжали дружить; очень симпатичная семья Скаловских, дети адмирала Вирен. В компании сверстников, мальчиков и девочек, мы играли а футбол, входивший тогда в моду, в казаки-разбойники, пятнашки, ходили на прогулки в лес за ягодами, за грибами катались на лодках; в те годы я научился плавать на байдарке, которая мне много больше понравилась, чем обыкновенная, тяжелая и неуклюжая лодка.

Лето 1905 г. у нас прожил лось. Совсем маленьким сосунком нашел его знакомый в лесу и подарил нам, когда мы, как всегда, в начале мая приехали на дачу Свинойной. Мы кормили лося молоком, хлебом и разными листьями. Он очень привязался к моей маме, как жеребенок бегал всюду за ней и не делал никаких попыток убежать в лес, который был рядом, за канавой. Лоська любил общество людей, снимался с нами в группе с гостями. В конце августа, перед отъездом с дачи, отец решил подарить лося зоосаду, т. к. он не мог бы просуществовать зиму в лесу, а никто из соседей не взялся его кормить. Из Петербурга приехала подвода с клеткой и увезла нашего лося. Осенью и зимой мы с матерью неоднократно посещали нашего лоську в зоопарке и он, как нам казалось, всегда узнавал нас.

За нашей дачей, в березовом лесочке, был плетеный из сучьев курятник. Отец держал в нем своего филина, с которым изредка ходил на охоту. Мы кормили филина сырым мясом, лягушками и гадюками: последних много было в соседнем лесу. Гостивший у нас двоюродный брат Владимир Новоторцев в солнечные дни, когда змеи любят погреться на опушке, любил охотиться на гадюк и приносил иногда по 2–3 штуки в день. Раз кто-то принес нам зайчонка. Я взялся кормить его. По совету отца зайчонка поместили на балконе во втором этаже дачи. Он стал совсем ручным, ел из моей руки овощи, особенно любил капусту. Когда зайчонок подрос, он однажды ночью ухитрился перескочить высокую ограду балкона. Это я обнаружил утром, когда пришел кормить своего питомца. Предпринятые вокруг поиски ничего не дали. Видимо, заяц не повредил при падении ног и убежал в лес.

Привольная наша жизнь на даче кончалась 30 или 31 августа — мы уезжали в город позже всех дачников. Тем не менее, всегда было очень грустно расставаться с просторами моря, зеленью лесов и, главное, с прелестью свободы, сменив их на булыжные мостовые города среди каменных же домов, на обязательное хождение в школу, приготовление уроков и пр. обязанности учебного года.

Принужденные к более тесному общению в стенах одной комнаты, мы с Витей, не находя общего языка, все больше расходились, часто ссорились и даже дрались. Разобщению способствовал весь уклад жизни семьи. Отец, если не был в Музее, всегда работал за письменным столом. Мать не умела заставить нас заняться каким-нибудь общим делом. Каждый член семьи был предоставлен себе и обязан был соблюдать лишь строго установленный домашний регламент: вовремя встать, чтобы не опоздать в школу, в пять часов (точно!) садиться обедать, потом делать уроки и в десять часов ужинать. В первых классах мать проверяла выполнение школьных заданий и следила за тем, чтобы мы вовремя ложились спать, а потом и этого не могла делать.

Мать любила общество, любила принимать гостей. Для поддержания знакомства и мы должны были ходить в гости. Пока мы были маленькими, эти выходы и выезды с родителями нравились нам, т. к. вносили разнообразие в жизнь, но уже в средних классах гимназии совместные визиты стали скучной повинностью и не приводили к желательным для матери результатам. Маме очень хотелось, например, чтобы установились дружеские отношения между нами и семьей И. П. Павлова. Его старший сын окончил курс Филологической гимназии вместе с моим братом Львом, а два младших Павловых были ровесниками Виталия и меня. Мы несколько раз были у них на Введенской улице, но почему-то дружбы не завязалось.

Помню также неудачный обмен визитами зимой с Таринецкими. Мы с матерью ездили к ним в Военно-медицинскую академию поздравить с Днем рождения Сонечку. Она с матерью приезжала к нам в здание АН на день моего рождения. Этот визит чопорной дамы запомнился мне по весьма странной манере делать подарки. Сидя в гостиной, мадам Таринецкая попросила меня принести ей стакан воды. Отпив немного, она сунула мне в руку серебряный рубль. Кроме чувства неловкости и жалости к слепой девочке этот визит ничего не оставил в моей памяти.

Ничего не вышло у матери из настойчивых попыток сделать из своих сыновей музыкантов. По желанию мамы отец купил рояль. Лев наотрез отказался учиться, а нас с Витей не спрашивали. Приходившая два раза в неделю фрейлейн Мирам обучала нас игре. Если у Вити, может быть, и были какие-то способности к музыке, то мне, видимо, «медведь уши отдал»: я не обладал ни слухом, ни музыкальной памятью. В старших классах меня могла заинтересовать теория гармонии, но наша учительница не обладала в этой области знаниями, да и вообще не могла заинтересовать музыкой ни с какой стороны. После 8 лет бесплодных усилий занятия были оставлены. Виталий взрослым любил бывать на концертах и сам немного играл на рояли. У меня любовь к музыке только платоническая.

Дружеские связи в течение всех лет учения у меня были с Сергеем Гальперсоном, у Виталия — с Павлом Литвиновым, младшим сыном известного ботаника, зав. Ботаническим музеем АН, жившего с семьей по той же лестнице, где мы. Старший брат Павла Иван был очень замкнутым юношей. В восьмом классе его вдруг арестовали и по делу анархической организации, совершившей несколько диверсий, приговорили к 10 годам каторги. Не знаю, каким образом, но матери Ивана удалось добиться пересмотра дела и он был освобожден на поруки родителей. Эта история все-таки испортила ему всю жизнь. Гимназии окончить ему не дали, пришлось поступить на бухгалтерские курсы. Так он и умер бухгалтером.

Революционные события 1904–1906 гг. и предшествовавшая им война с Японией переживались мною, мальчиком 12–14 лет, сквозь призму разговоров взрослых. В семье отца всегда открыто ~~в~~оща-лось как самодержавие, так, в особенности, шовинизм и иудеобство. Отец равно не терпел и всякие проявления шовинизма, ярко расцветающие во время войны, и двусмысленные высказывания, прозрачные намеки на роль евреев. Обычное тогда слово «жид» было совершенно исключено в нашей семье. Вспоминаю критическое отношение интеллигенции того времени к действиям царской армии, к главнокомандующему Куропаткину, с каким возмущением читались шовинистические статьи «Нового времени» и как предсказывался крах эскадры адмирала Рождественского, нашедшей своею бесславную кончину в Цусимском проливе.

Хорошо помню, какой подъем вызвал манифест о конституции 1905 г., об учреждении Государственной Думы. Помню, как я рвался

пойти с родителями, но не был взят ими на Невский проспект, с каким интересом слушал я на следующий день рассказы о том, что там творилось в ту ночь, о «ликновании народа», столь несвойственном чинной петербургской публике. Но на следующий же день я сам был свидетелем обратной картины разгона студенческой демонстрации около Университета. Выступавшие товарищи призывали народ не верить «кровавому царю», предупреждали, что конституция лишь жалкая подачка, за которой последуют жестокие репрессии, если народ не возьмет власть в свои руки. Так говорили и социал-демократы (эсде) и социалисты-революционеры, (эсэры), выступавшие тогда общим фронтом против царизма.

Брат Лев придерживался программы эсэров, отец вначале верил в Думу и вступил в партию ка-дэ (конституционно-демократическая партия умеренно-демократических слоев интеллигенции царского времени). Отказавшись от реакционного «Нового Времени», отец стал читать только газету «Речь».

Летом 1907 г. отец снял дачу П. П. Григорьева в Петровском хуторе. Почему мы изменили даче Свиньиной, я уже не помню. Семьи Свиньиной к тому времени здесь уже не было, т. к. муж Евгении Павловны получил назначение в Никольск-Уссурийский, и вся семья переехала к нему. Поселиться в Петровском хуторе нас соблазнили, кажется, Гаген-Торны, раньше нас снявшие другую дачу П. П. Григорьева, а затем даже купившие ее.

Вдачном поселке между д. Лебяжьей и Петровским хутором снял большую дачу брат Оскара Эдуардовича хирург Иван Эдуардович Гаген-Торн. Там же снимал дачу сослуживец отца Лев Семенович Берг, живший там со своей матерью и двумя малышами: Симочкой и Раечкой. Ихтиолог по основной своей специальности, Лев Семенович был одновременно выдающимся географом, климатологом и геоморфологом; позднее он стал профессором ленинградского университета, был избран академиком АН СССР и президентом Всесоюзного Географического общества. Экскурсируя со Львом Семеновичем, я помогал ему делать барометрическую съемку, с интересом слушая его рассказы об истории Силлурийского плато в окрестностях Ораниенбаума. Широта его познаний, его память вызывали во мне удивление и восхищение!

Экскурсировать с целью каких-либо сборов, фотографирования или просто для ознакомления с новыми местами с ранне-

го детства мне очень нравилось. Первый свой турпоход я сделал в 16 лет из Петровского хутора. Я подговорил двух товарищей Шуру Гаген-Торн и Юру Казина пойти со мною в Копорье — старинную крепость Петровского времени, лежащую километрах в шестидесяти к юго-западу от Лебяжьего. Тогда подобные многодневные походы ни в школах, ни среди молодежи вообще не были приняты и на меня смотрели как на чудака. Нас самих удивило, что родители не запретили нашу необыкновенную прогулку. В первый день, нагруженные тяжелыми рюкзаками, мы шли с большим напряжением и заночевали под кустом, постеснявшись попроситься в деревне на ночлег. Осмотрев на следующее утро Калищенский стеклодувный завод, мы спустились по правому берегу речки Коваш до его устья, попросили рыбака перевезти нас через реку и по берегу Копорского залива пошли на юг. Вторую ночь мы провели на сеновале в д. Систо-Палкино, на третий день дошли до крепости Копорье, которая нам очень понравилась. Мы впервые видели такие древние стены, сложенные из песчаника, с огромными башнями. Крепость окружает глубокий ров, когда-то, очевидно, наполненный водой. Со стен открывались синие дали окрестных лесов. Я несколько часов фотографировал крепость со всех сторон, изнутри и снаружи. К ночи мы пришли в имение к родственникам лебяженского знакомого и переночевали у них на сеновале. Ранним утром тронулись в обратный путь и прошли за этот четвертый день около 40 км. Вечером в д. Лопухинке, где пятнадцатью годами раньше я сделал свои первые шаги, а теперь фотографировал «мрачный овраг», нас задержал патруль и доставил в штаб армии; оказалось, что здесь проходили маневры, и в нас заподозрили шпионов. Поверив нам на слово, ибо никаких документов у нас не было, офицер отпустил нас, строго приказав быстро возвращаться домой. Из-за этого инцидента остаться в Лопухинке на ночь, как планировалось, не удалось и мы отмахали еще километров девятнадцать до следующей деревни, а к ночи следующего дня были уже в Петровском хуторе на день раньше, чем нас ждали.

Этот первый в моей жизни турпоход остался у меня в памяти во всех деталях; позже, уже студентом, я повторил, в другой компании, тот же маршрут, но уже плохо помню подробности.

В те годы наиболее популярной игрой стал футбол, но в нем принимали участие только дачники, крестьянская молодежь не бывала

даже зрителями, никому даже в голову не приходило пригласить крестьянских детей в нашу компанию; теперь я бы назвал это словесной дискриминацией, а тогда даже слова такого не придумали! Среди дачников сформировались постоянные футбольные команды, носившие название по деревням. Наша лебяженская команда соревновалась с борковской, ижорской и лимузинской. На состязания стекались большие массы болельщиков семьи футболистов и их знакомые, которые задолго до начала игры располагались вокруг футбольного поля сплошными шпалерами.

Я мало увлекался футболом и в соревнованиях не участвовал, но Виталий был первым форвардом (нападающим, как теперь говорят) лебяженской команды вместе с Орестом Гаген-Торном. Постоянных участников соревнования знали все дачники в округе. Отсюда пошла популярность Виталия, которой способствовала не только внешность красивого мальчика итальянского типа, но и его ловкость в игре, его общительность. У Виталия появилось много мне совсем неизвестных товарищей и знакомых; наши пути все больше расходились. Я продолжал увлекаться фотографией, учился кататься на велосипеде; он участвовал в вечеринках с танцами, в коллективных охотах, в играх. Своими эмблемами Витя считал тогда ружье и футбольный мяч, с которыми в руках и был однажды сфотографирован мною. На вечеринках, на прогулках в веселой компании Виталия распевались разные ухарские песенки. Когда мы были уже взрослыми, Витя вспомнил как-то один куплет из своей песенки того времени, тщателью скрывавшейся от меня, не посвященного в их похождения.

Весна 1910 г. ознаменовалась в нашей семье двумя событиями: я окончил курс гимназии с золотой медалью и поступил в университет, а брат мой Лев, серьезно простудившись на прогулке, очень тяжело болел воспалением легких, осложнившимся гнойным плевритом. Его спас от смерти И. Э. Гаген-Торн, который дважды делал ему резекцию ребер для удаления гноя. Здоровый организм, хоть и с трудом, но справился в конце концов, с тяжелыми болезнями и Леву привезли поправляться в Петровский хутор. Все лето за ним ухаживала мама с помощью друга нашей семьи Феодосии Ивановны. Это было четвертое и последнее лето в маленькой дачке на шоссе. Хозяин хутора решил построить к следующему лету большую дачу ближе к морю и предложил отцу занять ее, распланировав, как нам удобнее.

В этой даче мы прожили еще четыре, последние в Лебяжьем, года. Это был двухэтажный дом с пятью комнатами внизу и четыремя наверху, с большой стеклянной верандой и открытым балкончиком перед ней. Дача стояла вдали от шоссе, на песчаной гряде у опушки лесочка. Небольшой сад был огражден штакетным забором. До берега моря за две — три минуты мы добежали до моря, хорошо видного со второго этажа. Каждый член семьи имел отдельную комнату; свою я превратил в фотолабораторию и рабочий кабинет; Витя устроил оригинальное приспособление, заменявшее ему будильник: через окно своей комнаты во втором этаже он пропустил шнурок, опускавшийся почти до земли; другой конец шнурка он привязывал, ложась спать, к своей ноге; в условленный ранний час приятели подходили под окно и без всякого свиста или шума будили Витю за шнурок. Он вставал, спускал с помощью того же шнурка свое ружье и тихонечко вылезал через то же окно, чтобы присоединиться к товарищам. В дни, когда Витя не собирался на охоту, разбудить его было невозможно!

Жизнь на большой даче Григорьева была периодом наибольшего благосостояния, и, если можно применить это слово, внешнего расцвета семьи моих родителей. Отец получал к тому времени, кроме основного оклада, также и пенсию, почти удвоившую его доход. Это позволяло матери всю развернуть свое хлебосольство. У нас постоянно гостили родные и знакомые, в праздники собиралось большое общество. Мама удивляла всех хозяек своими кулинарными изделиями... Но внутри семьи, незаметно для посторонних, нарастали противоречия и семья, как целое, явно шла к упадку, чего не могли предотвратить ни авторитет отца, ни безграничная любовь матери, ни материальное благополучие. Распад ускорила война и завершила смерть матери. Эти события относятся уже к следующему периоду моей жизни — к годам студенчества.

Но прежде, чем рассказывать об этом счастливом вначале и страшном в конце периоде своей жизни, мне хочется посвятить несколько слов памяти отца.

Глава V

Отец

Природой так устроено, что до известного возраста, очень различного, в зависимости от условий воспитания и характеров дети не способны объективно относиться к окружающему и все видят

сквозь свою субъективную призму; свое «я» всегда на первом месте! Этот «детский» эгоизм обычно свойствен в другой форме и юношам, которые так много энергии затрачивают на свое физическое и умственное развитие, что *не могут* много думать о других. Так случается, что самые близкие люди, как и вся окружающая нас с детства обстановка, остается вне нашего внимания, а тем более изучения. Мы привыкаем к ним, принимая такими, как они есть. Не так легко поэтому бывает задним числом восстановить в памяти образ отца или матери, особенно если они рано умерли, обычно какие-либо события, не связанные с ними, заслоняют этот образ. Так было и в моей жизни.

Отец был исключительно трудоспособным человеком, очень любил свою специальность и отдавал ей почти все свое время. Весь рабочий день он проводил в Музее. Вечером, пообедав, продолжал работать дома и, не вставая, писал и писал до ночи. Ложился спать позже всех в доме и только в кровати прочитывал газету.

Отец был довольно замкнутым человеком, не любил много говорить, предпочитая ограничиваться краткими репликами. Однако, при разговоре с товарищами по специальности мог говорить часами. Он был нервным, но умел сдерживаться. Старался не вмешиваться в воспитание детей. Если же обстоятельства заставляли принимать активное участие в семейной жизни, не терпел непослушания. Никогда не применял силы, избегал наказаний, приводя к повиновению только повышением голоса. Очень рассердившись, даже кричал, но никогда не ругался. Самыми сильными его выражениями были: мелкий пакостник и хулиган при обращении к детям, а говоря об отсутствующих взрослых, не стеснясь присутствием детей, мог обругать чертом, мерзавцем или стервой.

Хотя по образованию отец был врачом, он, однако, всегда избегал лечить своих детей, предпочитая приглашать практикующего врача. Нашим домашним врачом был Николай Федорович Гун, товарищ отца по Военно-медицинской академии, бывший врачом при институте Путей Сообщений. Разные медицинские процедуры производила мать.

Однако, нельзя сказать, что отец не интересовался семейными делами. Сидя в проходной комнате, он по вечерам видел, кто к кому идет, кто уходит из дому. На вопрос знакомых, как он может работать на проходе, он отвечал: «Я хочу знать, что происходит в моем доме; а шум мне не мешает!» О происшествиях за день его инфор-

мировала мать, никогда, впрочем, не прибегая к его помощи в воспитательных целях.

Помню лишь один случай, произведший на нас, маленьких, очень большое впечатление. Старший наш брат, бывший в шестом или седьмом классе, был наказан отцом за то, что затеял на дворе Зоологического музея драку с чужими мальчишками, которые камнем разбили окно в Музее. Большое зеркальное стекло стоило очень дорого, объяснила нам мать. Наказание заключалось в том, что Леве было запрещено в течение трех дней выходить из своей комнаты; даже еду приносили ему туда, не допуская к общему столу.

Летом отец имел то полтора, то три месяца отпуска, которые почти безвыездно проводил с нами на даче. В остальное время (мы жили на даче почти четыре месяца) отец приезжал в пятницу вечером и оставался на даче до утра понедельника. Он много экскурсировал, изредка ездил на охоту, но большую часть времени проводил, работая за письменным столом.

Отец никогда не купался и не занимался спортом; говорил, что любит музыку, в особенности оперу, но я не помню, чтобы он ходил в театр или на концерты. Когда знакомые удивлялись, что он не знаком с новейшей литературой, он ссылался на отсутствие времени: «Вот выйду на пенсию, тогда почитаю!» — говорил он.

Летом 1911 г. я предложил отцу совершить экскурсию в «страну непуганных птиц», в Олонецкий край. Тогда сообщение с Петрозаводском осуществлялось только пароходами. Было решено, что мы поедем с доктором Оскаром Эдуардовичем Гаген-Торном и его сыном, моим сверстником Шурой. Отец взял, на всякий случай, бумагу от Зоологического музея, в которой «за подписью с приложением печати» удостоверялось, что мы едем для сбора коллекций птиц. У меня была раздвижная фотокамера с 12 дюжинами пластинок 9x12, треножником и специально сшитым по моему заказу мешком для перезарядки кассет. Тяжелое это было снаряжение, но все же более легкое, чем охотничья амуниция отца и Шуры. Оскар Эдуардович выполнял роль художника, вез свой мольберт с красками и складным стульчиком. Но вот палатки достать нам не удалось и пришлось ограничиться легкими матрасиками с одеялами. Путь по Неве, Ладоге, Свири и Онежскому озеру занимал тогда более двух суток. По обоим озерам пароход шел ночами. Наиболее ярко врезались в память Шлиссельбургская крепость — этот Шильонский

замок русских царей, затем городок на Свири — Лодейное Поле, получивший свое название от заложенных здесь Петром I верфей, красивые берега р. Свирь и, наконец, панорама города Петрозаводска с приближающегося к берегу парохода. Город Петрозаводск оказался маленьким, довольно грязным и пыльным, с единственным большим зданием, где жил губернатор и помещалась его канцелярия. Здесь, думалось, когда-то жил сам Гавриил Романович Державин, бывший олонецким губернатором, воспевший в известном стихотворении «Водопад» Кивач. Этот водопад и был первой целью нашего путешествия. Переночевав в единственной тогда гостинице и посетив на следующий день большой рыбный рынок на берегу озера, мы договорились с крестьянином на базаре, согласившимся погрузить на свою телегу наши чемоданы, и пошли за ней олонецким грунтовым трактом на север. Так мы передвигались, не спеша и дальше, иногда на лодках по узким и длинным озерам, меридианального направления, ночевали в крестьянских избах, питались «чем бог пошлет» в деревенских харчевнях или у крестьян. Лишь в одном большом селе, куда мы пришли поздно ночью, от нас потребовали доказательства, что мы не шпионы. Тут очень пригодился открытый лист, полученный отцом. Урядник, откозыряв, удалился.

Красота страны озер и скал произвела на всех нас очень большое впечатление и до сих пор в моей памяти воскресают иногда виды седого и дикого водопада Кивач, водопадов Пор-Порог и Гирвас на той же р. Суне и высокая скала над маленьким озером у деревни Тивдии, где добывался белый и розовый мрамор для петербургских дворцов и храмов. Тут мы неожиданно расстались с Гаген-Торн, т. к. они захотели возвращаться в Петрозаводск на лодках, а мой отец не пожелал ехать с ними и мы вернулись с ним вдвоем на перекладных. Весь обратный путь до Петрозаводска и на пароходе отец молчал и я так и не получил от него ответа, почему он отказался ехать с Гаген-Торнами на лодках.

Из этого путешествия я привез много интересных фотографий, составивших затем большой альбом, а отцу с Шурой ничего интересного добыть не удалось, т. к. ни зверей, ни птиц мы почти не встречали! К моему сожалению, олонецкий мой альбом погиб вместе с другими вещами в нашей квартире, оставленной в 1942 г. при эвакуации из осажденного Ленинграда. Тогда же пропал и другой мой альбом, сделанный год спустя как иллюстрация поездки на

Кавказ. Отец получил командировку на съезд естествоиспытателей и врачей в Тифлис и пригласил меня с собой.

Это была очень интересная поездка! Мы доехали поездом до Владикавказа, а потом автобусом по Военно-Грузинской дороге. Промелькнувший, как сон, Главный Кавказский хребет плохо запечатлелся в моей памяти. Время, к сожалению, не позволило ехать на лошадях. На съезде было мало интересных для меня докладов, что дало мне возможность познакомиться со столицей Грузии. Очень понравилась мне азиатская часть Тифлиса, с ее узкими переулочками, глинобитными домиками и оригинальными балконами. Побывали мы с отцом в Ботаническом саду, который показался тогда мне гораздо более интересным, чем 50 лет спустя. Поднимались на фуникулере на гору св. Давида, с которой открывается чудесный вид на город, но не успели попасть в храм, где похоронен Грибоедов.

В честь съехавшихся со всей России членов съезда в большом тифлисском театре был дан концерт грузинской музыки. Мы с отцом получили два билета в ложу. Сидя во втором ряду, нельзя было видеть сцену. Отец предложил мне сесть в первом. Я, естественно, отказался и первое действие мы простояли оба, а в антракте серьезно поругались, пока я не пригрозил уйти из театра, если он «желает выставлять меня всем на посмешище!» В своих заботах о детях отец забывал, что они уже студенты!

Из Тифлиса мы поехали в Боржом, а оттуда по узкоколейке в Бакуриани, где совершили подъем на гору Цхра-Цхаро, чтобы полюбоваться альпийскими лугами, горными далями и солнечным восходом. Подъем по мокрой и очень крутой тропе, в густом тумане, был труден. Отец шел легче меня и подтрунивал надо мною. Когда же в сплошном тумане стали появляться «окошки», через которые открылись дивные виды, усталость с меня как рукой сняло! Хотя после бессонной и холодной ночи на вершине горы, нам не повезло — восход солнца был закрыт тучами, подъем на Цхра-Цхаро до сих пор сверкает яркой звездой в моей памяти! Спустившись на следующий день в Бакуриани, мы были вынуждены полдня ждать отхода поезда, которой задерживали в ожидании с охоты великого князя. (Если не ошибаюсь, это был Михаил Александрович.) Я выражал по этому поводу свое возмущение: целый поезд народа принужден ждать одного пассажира, пусть даже самого «великого!» Отец, к моему удивлению, нисколько не удивлялся, говорил даже, что это

совершенно естественно! А вот, когда я на следующий день, заблудившись в незнакомом Боржомском парке, опоздал к ужину, отец очень сердился и ругал меня, как маленького, хотя не мог не видеть, что я был немало смущен. Тут сердиться было, с его точки зрения, «естественно»!

Однако, в общем, мы с отцом всегда жили дружно, считаясь с настроениями и желаниями, и, конечно, уважали и любили друг друга.

Назад мы ехали через Батум, на пароходе по Черному морю до Севастополя, а оттуда на поезде вернулись домой. Таким образом, Крым я видел в тот раз только с моря и его горы показалась мне, после Кавказа, мизерными.

В последующие мои путешествия по Алтаю, Уралу, Карпатам, на Сихотэ-Алинь Уссурийского края, я видел много замечательных горных видов, но Кавказ был первым и к тому же навсегда связан в моем представлении со светлой памятью отца!

В основу моего образа жизни навсегда лег пример отца. Хотя он никогда никому не навязывал своего *modus vivendi*, но давал прекрасный пример всем, кто хотел его видеть и подражать ему. Этот *modus vivendi* вошел в меня как-то подсознательно. Только к старости я стал вспоминать некоторые факты, которые, хотя и не прошли совсем незамеченными, но не были должным образом объяснены и восприняты. Бесполезно было, действительно, ругать великого князя, но не вредно за дело выругать сына! Я всегда жил так, как подсказывала жизнь, не лез, как говорят, на рожон. В этом я, конечно, не оригинален, но это первое условие сохранения нервной системы.

Во-вторых, во мне заложена большая любовь к людям, к человеку вообще, но эта любовь не имеет самодовлеющего значения. Это помогает мне переживать неизбежные иногда разочарования в людях и даже смерть близких. Никогда, даже в самые тяжелые минуты, не забываю я истины:

Mortui non revertentur, vivi vivendi sunt! Умерших не вернешь,
живые должны жить!

Поэтому я сознательно борюсь с душевными слабостями, не даю себе распускаться. Это, конечно, самовнушение, своего рода автопсихотерапия. Но я убежден, что люди часто сами разрушают свою нервную систему тем, что дают волю своему «мефистофелю» нащепывать разные пакости то о внешних событиях, то в отноше-

нии близких, то о тебе самом. Так, вероятно, возникает пизофрения и др. психические заболевания. Пока это в моих силах, я стараюсь бороться со злом, но если прихожу к сознанию, что ничего сделать невозможно, я умею убедить себя в необходимости найти наиболее безболезненный выход, из создавшегося положения. В этом мне помогает завет отца, никогда не писанный и даже не выслушанный, но тем не менее воспринятый: самое важное в жизни любимое дело, которому ты посвящаешь свой творческий труд. Одного труда мало, он обязательно должен быть соединен с инициативой. Самое сложное — это уметь сохранять эту инициативу при разных, даже самых трудных жизненных обстоятельствах.

Итак, я верю, что человек сам кузнец своего счастья, даже когда он физически не полноценен. Для меня не гиперболой, а непреложной истиной, призывом к действию звучат слова известной песенки Лебедева-Кумача:

Силой воли достигнешь всего
И судьба твоя ей покорится!
Знай, что счастья нет лишь у того,
Кто его не умеет добиться!

Глава VI

Студенческие годы. Кончина матери

Выбор профессии и высшего учебного заведения производился мною, как и моими братьями, вполне самостоятельно, без давления со стороны. Если для моих братьев выбор этот был предreshен с детства, то мне надо было решать этот вопрос лишь к окончанию гимназии. Хотя в детстве я занимался с удовольствием гербаризированием и сбором бабочек, меня не тянуло ни к ботанике ни к зоологии. Уже в последних классах гимназии я отдавал себе отчет в том, что профессию необходимо выбирать соответственно личным склонностям и способностям, чтобы работа была не в тягость, а удовольствием. Школа научила меня работать, точнее говоря умственному труду, но она же показала, что далеко не всякий умственный труд дается мне легко. Наиболее успешно усваивались мною математические предметы, требующие, в основном, логической памяти, а все, что надо было запоминать механически — названия, имена, годы — с большим трудом укладывалось в моей памяти и доставляло мне много неприятностей. Именно это заставило меня, в конце

концов, после долгих размышлений, отказаться от естественно-исторических наук и делать выбор среди математических, «точных», как тогда они назывались. Из последних наиболее интересной казалась мне физика с ее широкими объектами исследования индуктивными методами. Выбору физико-математического факультета способствовал, в какой-то мере, мой преподаватель физики Максименко, сумевший заинтересовать своим предметом. Окончательный толчок дал выслушанной мною как-то спор между двумя зоологами, мнение которых было для меня одинаково авторитетно. Разговор проходил между отцом и Львом Семеновичем Бергом на тему, какая наука интереснее и шире: естественно-исторические ли дисциплины или физика, отец защищал первые, Берг доказывал, что задачи физики шире и методы исследования более точные, более научные. Мнение Л. С. Берга казалось мне более веским.

Я подал заявление на физмат, куда окончившие гимназию принимались без экзаменов, в то время как в технические вузы требовалась сдавать весьма трудные конкурсные экзамены. В сентябре 1910 г. начался мой первый учебный год в университете. Я занимался с увлечением! Предметная система не требовала обязательного посещения всех лекций, читаемых по курсу, и давала возможность слушать любую лекцию как на своем, так и на других факультетах. Вначале я не пропускал ни одной лекции по своей специальности, но вскоре убедился, что слушать многих лекторов бесполезно, и освободившиеся часы использовал для посещения лекций по биологии, анатомии и даже по истории русской литературы, которую очень интересно читал профессор Венгеров. В первый год я сдал все полагающиеся по I курсу экзамены, т. к. не отвлекался никакими посторонними делами. Но на следующий год, наряду с занятиями в лабораториях и слушанием большего числа лекций, которые всегда записывал, я стал посещать занятия Физического кружка и заниматься английским языком (который не проходил в гимназии) на частных курсах Берлица. Изучение языков тогда не входило в программу физмата. Я позволял себе изредка даже в театр ходить, слушал Шаляпина! В результате, времени на все не хватало и к окончанию лекций по основной программе я не был подготовлен к сдаче всех экзаменов, приходилось переносить часть на следующий семестр. Так начался завал, увеличивавшийся с каждым годом. Неуверенность в своих знаниях, обусловленная плохой па-

мутью, большая требовательность к полноте знаний не позволяли мне идти «на авось» и я шел на экзамен лишь когда не сомневался в получении хорошей отметки. Поэтому в моем матрикule стояли только «весьма» и это, в свою очередь, как бы обязывало меня по традиции держаться на высшем уровне.

Из лекторов по физике в мое время наибольшей популярностью пользовались Орест Данилович Хвольсон и Иван Иванович Боргман. Первый славился логичностью изложения и красотой, своеобразной певучестью речи. Второй тоже был хорошим лектором, но особенно выделялся постановкой опытов. Однако, большинство профессоров не удовлетворяло минимальным требованиям студентов читать ясным, понятным языком и так, чтобы прослушанное, связанное общей логической нитью, легко запоминалось. В результате разочарования слушателей посещаемость в первые же месяцы резко падала и многие лекторы дочитывали свои курсы в аудиториях с десятком-другим студентов. Из таких профессоров могу назвать профессором физики Булгакова и профессором математики Пташицкого. Обладая незаурядной памятью и хорошо зная свой предмет, оба читали лекции как вызубренной урок. Булгаков был много моложе Пташицкого. Читая, он ходил по аудитории, быстро записывая нужные формулы на доске. Опытгов ставил мало и невразумительно. Я старался записывать все лекции, но из этого ничего не получалось: записывать дословно, при большой скорости его речи, было невозможно, а записывать лишь основные мысли не удавалось, т. к. отсутствовали логические переходы от одной к другой.

Пташицкий вел себя на лекциях совсем иначе. Он не здороваясь входил в аудиторию, усаживался в приготовленное кресло, всегда в профиль к слушателям, и ровным монотонным голосом, точно пономарь Евангелие, читал свою лекцию. Когда надо было, подходил к доске, молча исписывал ее своим четким почерком математическими формулами, после чего, снова усевшись боком к аудитории, продолжал свое скучное изложение аналитической геометрии. Понятно, что студенты предпочитали заучивать предмет по стенографическим лекциям, которые издавались на гектографе. С Булгаковым дело было хуже: его лекций не могли записать даже стенографисты и на экзамен к нему шли почти ничего не зная. Но экзаменатор и не требовал знаний, легко ставя кому «хорошо», а кому «весьма». На III курсе я с большим интересом слушал лекции

профессора А. И. Воейкова по метеорологии, посещал практические занятия по приборам, ездил на экскурсии в Лесной институт, где преподавали метеорологию профессора Оболенский и Любославский. Я намеревался посвятить себя изучению теоретической метеорологии, но обстоятельства сделали из меня практика; всю жизнь я занимался прикладной метеорологией, которая тоже оказалась очень интересной.

Среди моих сверстников было немало талантливых юношей, но фамилии не удержались в памяти, а бури последовавших событий не позволили проследить их дальнейшую судьбу. Помню молодого Термена, который в 20-х гг. прославился изобретением первого электрзвучкового музыкального инструмента, названного впоследствии «терменовоксом». Со мною учился также Петр Иванович Лукирский, сделавшийся позже выдающимся советским физиком, профессором и академиком. Он, к сожалению, рано умер (1894–1954). Большими симпатиями и авторитетом среди товарищей пользовался очень умный, живой и способный студент Борис Осипович Флеккель. После войны я узнал, что он погиб где-то на Волге во время гражданской войны.

С каждым годом пребывания в университете общественная работа все больше захватывала меня. Этому способствовал, конечно, подъем революционного духа студенчества того времени. Самое невинное начинание академического характера, чествование профессора, даже гражданские похороны приобретали сплошь и рядом политическую окраску.

Моя общественная деятельность началась в Физическом кружке Университета. Прочитав сообщение о Павловской Магнитно-Метеорологической обсерватории (тогда она называлась Константиновской) я организовал, по просьбе товарищей, экскурсию в эту обсерваторию. За ней последовал ряд экскурсий в другие научные учреждения и на заводы. Круг участников экскурсий вскоре вышел за пределы физмата, так как мы посещали, преимущественно, такие предприятия, куда доступ для частных лиц был закрыт. Так, например, несмотря на военное время, мне удалось организовать для студентов университета многолюдную экскурсию на Путиловский сталелитейный завод, работавший целиком на военные нужды. Одной из наиболее для меня интересных экскурсий было посещение завода Айваза — единственной тогда, на заре радиос-

вязи, полупроизводственной и полужэкспериментальной фабрики радиоприемников, передатчиков и оборудования. К изобретению А. С. Попова царское правительство относилось, как известно, довольно равнодушно и наибольший технический прогресс в этой области имел место на частных предприятиях, к которым принадлежала и концессия Айваза. На этом заводе была очень интересная выставка радиоаппаратуры, показывавшая историю развития радиосвязи. Радиотелеграф, т. е. передача звуковых сигналов с помощью азбуки Морзе, тогда был уже на вооружении царской армии, но радиотелефон известен не был. Было приятно услышать на мой вопрос заявление руководившего экскурсией инженера-радиота, что не далеко то время, когда мы сможем слушать по беспроводному телефону не только сигналы, но и голос человека и любую музыку. События революционного времени надолго прервали работу русских ученых в этой области. Первые радиотелефонные аппараты были изобретены в Италии.

Кроме экскурсий мне приходилось устраивать выставки физической аппаратуры иностранных фирм при Физическом институте, принимать участие в организации научных съездов по физике. Это расширяло круг моих знакомств и сблизило меня, в частности, с инициативной группой организации студенческого кооператива «Просвещение», одним из инициаторов которой был товарищ Б. О. Флеккель, я исполнял обязанности секретаря и казначея орггруппы. Кооператив по форме должен был преследовать экономические цели, а попутно проводить культурно-просветительную и политическую работу среди студенческих масс. Поэтому инициаторы считали необходимым с самого начала вовлечь в организацию кооператива возможно более широкие круги революционно-настроенного студенчества, объединив все главнейшие вузы столицы. Мы отдавали себе ясный отчет в том, что из кооператива как такового при тогдашних обстоятельствах едва ли может что получиться и рассматривали организационную стадию как легальный повод для митингов и дискуссий, которые устраивали и в университете и на Бестужевских высших женских курсах. Расхождения в некоторых принципиальных вопросах между сторонниками главнейших тогда революционных партий эсэрами и эсдеками не давали повода к антагонизму и какой бы то ни было нетерпимости. Кооператив, конечно, правительство не утвердило, что вызвало ряд возмущенных статей в студенческой и общей прессе.

Вскоре после этого мне пришлось оставить университет, поступив в армию. Так я потерял связь со своими товарищами.

Первая империалистическая мировая война, как она теперь называется, началась, как известно, в июле 1914 г. Мы жили на даче в Петровском хуторе. Я был на III курсе, Виталий перешел в восьмой класс, Лев, сменивший в 1912 г. Естественно-исторический на Филологический факультет, бродил где-то по Тверской или Новгородской губернии, собирая фольклор. Война была полной неожиданностью не только для народных масс, но и для большинства русской интеллигенции. Казалось невероятным, что из-за террористического акта в Сараеве (убийстве в Боснии австрийского эрцгерцога Франца Фердинанда) может разгореться мировая война. Большинство газет обвиняло кайзера Вильгельма с его юнкерами. Передовые слои русского общества глубже смотрели на первопричины войны между капиталистическими странами и осуждали вспыхнувший вдруг в Петербурге и других городах воинствующий шовинизм. Наиболее революционные элементы студенчества применили к войне ту же формулу, которая широко бытовала у нас применительно к министрам народного просвещения: «чем хуже, тем лучше!» Эсэры, как и социал-демократы, говорили: «Война, конечно, страшное зло, прежде всего для народа, но надо надеяться, что она нам поможет свернуть шею главному виновнику народных бедствий — самодержавию!»

Много студентов ушло в первые же дни войны на фронт, многие из них погибли в лабиринтах Мазурских озер, где немцы окружили и легко перебили передовые части нашей гвардии. Студентки проходили ускоренные курсы сестер милосердия и тоже уезжали на фронт. Но были и убежденные противники войны, не признававшие толстовской формулы непротивления злу и считавшие необходимым обеспечивать, в первую очередь, единство революционного фронта внутри страны. Одной из форм легальной деятельности такого рода явились общественные комитеты помощи жертвам войны и семьям мобилизованных рабочих. Кроме студентов, составивших основной контингент, в них работали учителя, инженеры и лица свободных профессий. Один из таких комитетов под руководством профессора Герда развил широкую деятельность за Нарвской заставой, в районе Путиловского завода. Меня привлек туда тот же товарищ Флеккель. Нашей задачей было взять на учет

все оставшиеся без кормильцев семьи и оказывать им возможное содействие как материальное (государственные пайки), так и моральное. Комитет организовал также вечернюю школу для рабочих. Я преподавал в ней арифметику. Полиция открыто следила за нашей работой, но запретить ее правительство не смело. Экономическая разруха увеличивалась с каждым месяцем, давая повод к забастовкам на заводах и к «голодным бунтам» женских очередей у магазинов.

Очень тяжело, конечно, переживала войну моя мать. Ее ближайшие родственники должны были покинуть Россию как немецкие подданные. Она тревожилась за них, не имея возможности узнать, как они доехали и устроились в Германии. Еще больше волновалась мать за своих детей. В начале 1915 г. мать слегла. Врачи предупреждали, что состояние ее сердца внушает серьезные опасения. В начале мая ей стало, как будто, несколько лучше и отец рискнул вывезти ее на дачу. Там к ней вернулись силы, она снова начала ходить. Четырнадцатого мая мама, как всегда, легла вечером спать, легко заснула, а утром отец, спавший на соседней кровати, обнаружил, что она заснула навсегда... Лучший способ расстаться с жизнью!

В тот день я был в городе. Отец вечером приехал за мной и на следующий день мы отвезли в Петровский хутор гроб, а восемнадцатого тело привезли в Петроград, гроб установили в Лютеранской Петрикирхе. На отпевание собралось очень много знакомых. Пастор произнес прочувственную речь. Состояние войны с немцами не мешало говорить с кафедры по-немецки! К вечеру маму похоронили на Шуваловском кладбище, рядом с ее детьми, Сонечкой и Люшей, и с родителями моего отца. В ограде осталось лишь одно место, предназначенное отцом для себя.

Возвращаться в Лебяжье, где все напоминало о матери, не хотелось и мы решили принять приглашение знакомого моего отца, грузинского помещика Шелковникова, и поехали вчетвером в его имение под Евлахом, которое называлось «Геок-Тапа». В парке росли старые тополя, грабы, платаны; были заросли бамбука, большой огород и баштаны, где выращивались артишоки, спаржа, разных сортов дыни, тыквы, арбузы, помидоры и пр. Но главное богатство имения составляли виноградники, славившиеся на всю округу. Шелковников был культурным, образованным помещиком. Знакомство его с моим отцом произошло в Зоологическом музее, куда он привозил для определения свои коллекции. Шелковников собрал также

богатый гербарий местной флоры. Виноградорство также было поставлено по всем требованиям науки.

Мы прожили в Геок-Тапе месяца полтора, совершили несколько интересных экскурсий в Боз-Даг (один из закавказских хребтов) и др. окрестности имения. Отец с Витей занимались, главным образом, птицами, я собирал гербарии, фотографировал ландшафты, Лева коллекционировал насекомых. По просьбе Шелковникова, я занимался с сыном его кухарки, мальчиком лет четырнадцати, который получил переэкзаменовки по математике. Он делал успехи и осенью сдал в Тифлисской гимназии экзамены, а позже поступил в университет. Однако, при всей своей культурности Шелковников все же оказался настоящим восточным деспотом. Разочаровавшись в способности сына (которому тогда было всего 16 лет!) продолжать дело отца, Шелковников решил выдать свою дочь за какого-то богатого винодела из Прибалтики, который, по его мнению, мог стать настоящим хозяином виноградников в Геок-Тапе. Дочь безропотно покорила судьбе, хотя почти не знала жениха, бывшего намного старше ее. Но ее брат пробовал протестовать, выступить против воли отца, за что был им наказан. Брат Лев, обладавший горячим нравом, вступился за мальчика. На этой почве у него произошла с Шелковниковым стычка, что вынудило нас ускорить свой отъезд из Геок-Тапы.

Началась вторая военная зима, первая без матери. Функции по ведению хозяйства целиком легли на меня. Стало очень трудно добывать продукты, приходилось рыскать по всему городу в поисках конины (точнее, конских голов и костей), овса и дуранды, заменявших крупы. Мы голодали.

Виталий поступил в Университет, но занятия там шли плохо. Он занимался больше своим любимым футболом и знакомыми, совсем «эмансипировался». И вдруг (как гром на голову!) в начале 1916 г. Виталий сообщил отцу, что женится! «На ком же?». «Ее зовут Зиной Захаревич». «Давно ли вы знакомы?» «Недавно, но решение мое твердо!» Доводы логики, ссылка на возможную в ближайшем будущем мобилизацию в армию, просьбы отложить свадьбу были, как обычно в таких случаях, безрезультатны...

Отец, не оправившийся еще от смерти жены, подавленный всеми событиями, решил прибегнуть к «плебисциту»: пригласив к ужину невесту с ее родичами, у которых она жила, поставил на голосование

вопрос о возможности свадьбы. Меня очень удивило выступление Левы в пользу Вити. Я отговаривал, отец на этом этапе воздержался. Большинство голосов вопрос был решен положительно. Отец остался и тут верен своему принципу не мешать детям жить, как хотят... Да и мог ли бы он поступить иначе?

Свадьбу организовали Крашенинниковы — родственники Зины, которым хотелось скорее избавиться от трудновоспитуемой племянницы. Венчались в какой-то частной, необыкновенно уютной церковке на Бассейной. Свадебный обед был сервирован в квартире Крашенинниковых. Молодые поселились с нами, в квартире отца.

Вскоре после свадьбы Виталия мобилизовали и направили в юнкерское училище, быстро «выпекавшее» прапорщиков. Зина продолжала жить у нас. Летом поехали на дачу, в Приморский хутор под Большой Ижорой. Дача принадлежала Ивану Эдуардовичу Гаген-Торну. Осенью Зина родила сына, но он умер еще в больнице от потницы.

В начале 1917 г. Виталий в чине прапорщика был назначен в артиллерийскую часть, стоявшую в Царском Селе. Получив там маленькую квартирку, он поселился в ней с женой и Сашенькой. Так звали служившую с 1912 г. у отца горничную Александру Ефимовну Кольцову, ставшую няней всех детей Виталия и другом нашей семьи. В Царском Селе их застала революция 1917 г.

Глава VII

1917 год

Осенью 1916 г. правительственным декретом было предложено студентам, пользовавшимся до тех пор отсрочкой по призыву в армию, закончить курс университета и сдать государственные экзамены в течение текущего учебного года. Не сдавшие подлежали мобилизации в общем порядке. Сдавать экзамены наспех я не был готов, вся обстановка никак не способствовала учению, да и вообще в нем было мало смысла. Если по окончании войны останешься жив, можно будет, казалось, вернуться в университет и, не торопясь, закончить курс. Поступив в армию добровольцем, я имел возможность выбрать по своему усмотрению род оружия. Дождавшись же общей мобилизации, был бы принужден служить там, куда пошлют. Я взял свидетельство о прослушивании четырех курсов и подал рапорт в Запасный Электротехнический батальон, которой

находился на Инженерной улице. Как имеющего физико-математическое образование меня тотчас же зачислили вольноопределяющимся и направили, прежде всего, в «роту молодых солдат» для обучения строю и уставам. Эта рота «стояла» на Крестовском острове. Два месяца, до конца января 1917 г., я «нес солдатскую службу» без права выхода из казарм: считалось недопустимым разрешать солдатам появляться вне казарм в штатском и еще более рискованным допускать недообученных солдат в форме нарушить воинскую дисциплину, т. е. правила чинопочитания. Дисциплина в роте была серьезная, но, хотя сложные строевые построения и, особенно, прыжки через «кобылу» мне не давались, все как-то сходило с рук и за оба месяца я не получил ни одного взыскания.

Два раза, в дни допуска родных, ко мне приходил отец. Он приносил вести извне, из совершенно отрезанного от нас мира. Я узнавал о положении на фронте, о горячих дебатах в Государственной Думе и о все усиливающихся возмущениях среди самых широких слоев населения командованием Армией, во главе с Николаем II, неспособностью его правительства наладить снабжение армии и тыла и скандальными историями с аферистом Распутиным, убитым в декабре 1916 г. группой монархистов во главе с молодым великим князем.

В феврале 1917 г., окончив строевое обучение и сдав уставы, я вернулся на Инженерную улицу. Здесь имеющим в городе квартиры разрешалось ночевать дома. Приятно было после нар снова лечь в чистую постель! Вечерами приходили друзья, разговоры сводились, главным образом, к назревающей революции. Дисциплина в воинских частях падала, занятия в роте постоянно нарушались. Двадцать пятого февраля началась всеобщая забастовка под лозунгами: «Хлеба!», «Мира!», и «Долой царя!» Двадцать седьмого февраля (ст. ст.) восставшие рабочие, поддержанные многими частями петроградского гарнизона, арестовали царских министров, захватили арсенал, главный телеграф и городскую телефонную станцию, разгромили петроградские тюрьмы и передали власть Временному правительству, во главе которого стал председатель Государственной Думы князь Львов. Это правительство направило на фронт, где находился император Николай II, делегацию. Она просила царя отречься от престола. Он передал власть брату своему Михаилу, но это, конечно, никого не устраивало и Михаила заставили отказаться от престола. Временное правительство объявило, что впредь до

созыва Учредительного Собрания, всю полноту государственной власти берет на себя. Одновременно Временное правительство подтвердило свою верность союзникам и взятым царским правительством перед ними обязательствам, т. е. обещало продолжать войну с немцами до победного конца. В этом была допущена непоправимая ошибка! Народ требовал мира, а у правительства не было ни сил, ни средств продолжать войну. Решительно против войны действовали только большевики и этим они привлекли на свою сторону многих рабочих, поддерживавших раньше эсэров. В стране пала власть царя, был разрушен административный аппарат, во Временном правительстве не было единства, начиналась анархия. Единственной реальной силой оставалась армия, но она была привязана к фронту и нуждалась в снабжении из тыла, которое с каждым днем ухудшалось. Большевики использовали все силы, чтобы восстановить солдатские массы против командования. Как ни старался Керенский, принявший на себя власть главнокомандующего, своими зажигательными речами поднять боевой дух армии, из этого ничего не вышло. Правительству Керенского приходилось бороться на три фронта: с немцами, с контрреволюцией и с большевиками. Началось брожение и на фронте, многие дезертировали из армии, укрываясь в лесах (поэтому они получили прозвание «зеленой армии»), в городах продолжались, усиливаясь, выступления рабочих, все больше переходивших от эсэров к большевикам и требовавших прекращения войны. Это кончилось свержением Временного правительства и приходом к власти Совета народных комиссаров во главе с В. И. Лениным в ночь на 25 октября (ст. ст.) 1917 г. Были провозглашены лозунги: «Вся власть Советам!», «Долой войну!», «Мира и хлеба!». Вскоре с немцами был заключен сепаратный мир.

Выборы в Учредительное собрание, организованные еще Временным правительством, состоялись уже при советской власти, которая надеялась получить в Собрании большинство, но когда оказалось, что эсэров, меньшевиков и кадетов значительно больше, чем большевиков и созданное в Таврическом дворце Учредительное собрание отказалось подтвердить власть Советов, оно было распущено решением ВЦИКа от 6 (19) января 1918 г., хотя многие организации и воинские части (в их числе и Электротехнический батальон) платонически поддержали «избранников народа» круглосучными манифестациями против Таврического дворца.

Весной 1917 г., когда Временное правительство еще силилось продолжать войну, меня направили в команду слухачей, помещавшуюся на Аптекарском острове. Нас обучали там приему сигналов по азбуке Морзе на слух и знакомили с несложной радиоаппаратурой того времени. Занятия шли кое-как. Не закончив курса, мы снова были переведены в команду полевых формирований и направлены для полевой практики в г. Клин.

Пребывание летом 1917 г. в Клину носило скорее характер дачного отдыха, чем военной службы. Это лето запомнилось мне не столько работой на радиостанциях, где дежурства были редки и никаких знаний не дали, сколько прогулками в окрестностях Клина, катанием на лодке и посещениями Льва Семеновича Берга, который жил на даче с матерью и маленькими детьми (Симой и Раечкой) рядом с Климентием Аркадиевичем Тимирязевым. Пользуясь бесплатным в первые годы революции для военных проездом по железным дорогам, я ездил в свободные от занятий дни в Петроград и в Москву.

По возвращении нашей команды в Петроград вольноопределяющимся было предложено, живя дома, готовиться к сдаче экзаменов на прапорщиков инженерных войск. Последний экзамен я сдал 24 октября накануне падения Временного правительства. Пришедшие к власти большевики отменили всякие чины и звания, поэтому ни присяги, ни производства в офицеры не состоялось и я остался унтер-офицером, т. е. рядовым с двумя нашивками! Стремясь избавиться от кадров царского времени, Советское правительство охотно шло на демобилизацию. Воспользовавшись этим, я подал рапорт об освобождении меня из армии по причине... хронического катара желудка; в околотке мое заявление подписал военврач, меня признали непригодным и подчистую освободили от воинской повинности.

Глава VIII

Поступление на работу. Смерть отца. Отъезд в Бийск

Наступил голодный, страшный 1918 г., год становления власти Советов, год борьбы с контрреволюцией и начала интервенции западных держав. Самым страшным была полная неопределенность, невозможность сказать, что будет завтра, чем все кончится. Вместе с политическими из тюрем были выпущены уголовники. Одновременно с конфискациями товаров шли грабежи. Полиция (городовые, пристава и пр. эмблемы царской власти) ушла в подполье, спа-

саясь от преследования народа. Население принимало собственные меры защиты, каждый дом выставлял на ночь дежурных, дежурило по списку все мужское население. Запомнилась одна такая ночь на дворе здания АН, проведенная мною вдвоем с непременным секретарем АН С. Ф. Ольденбургом. Город спал, но время от времени в разных местах раздавались ружейные выстрелы. Мы с Сергеем Федоровичем разговаривали о текущих событиях, мне хотелось знать его мнение о будущем, но он сам ничего не мог сказать: «Одно мне ясно, как историку, — сказал С. Ф., — какая бы власть не была, но она должна быть русской. Не дай Бог, чтобы мы оказались под властью немцев или других иностранцев!»

Однажды ночью у нас в квартире был произведен обыск, после которого арестовали отца. Его продержали в Василеостровском отделении милиции с неделю и по ходатайству АН освободили. Причиной ареста, как выяснилось, был список кандидатов в Городскую Думу от партии каде. В этом списке почему-то значился и мой отец. Списки были предварительными, выборы в Городскую Думу, намечавшиеся Временным правительством, не состоялись. Последствий для отца этот арест не имел, если не считать конфискации охотничьей трехстволки и царских орденов.

По демобилизации я долго безуспешно искал работу. Заработок отца при катастрофическом обесценивании валюты не позволял и думать о продолжении учения, да и занятий в Университете почти что не было. Мой старший брат Лев поступил на работу в библиотеку Зоологического музея, младший Виталий был со своей батареей внезапно послан на Волгу, связь с ним потерялась.

Третьего апреля 1918 г. при помощи жены моего товарища Сергея Гальперсона-Баранова, Евгении Гавриловна Барановой, я поступил на должность инструктора по внешкольному образованию в Северный союз потребительских обществ. При этом Союзе был отдел народного образования, в задачи которого входила культпросветработа среди членов объединяемых Союзом кооперативов. Кроме малостоящей зарплаты мы изредка получали там по государственным ценам такие ценные продукты как масло, сыр и пр., которых в лавках тогда не было.

Летом, как и в 1917 г., мы жили на даче И. Э. Гаген-Торна в Приморском хуторе, куда я ежедневно ездил после работы — час на поезде и полчаса на велосипеде. Однако, работа в Оптосоюзе меня не удовлетворяла и поэтому я с радостью принял предложение

знакомого моего брата Льва физика Павловской Магнитно-Метеорологической обсерватории, Евграфа Евграфовича Федорова (сына известного кристаллографа, директора Горного института Евграфа Степановича Федорова), поступить в Обсерваторию на должность вычислителя отдела «Атмосферного электричества». Заведовал этим «отделом», в котором поначалу было только два человека, Павел Николаевич Тверской. С ним мы дружно работали более года с 1 марта 1919 по сентябрь 1920 г. Моя работа сводилась, в основном, к уходу за самопишущими приборами, регистрирующими состояние электрического поля атмосферы, и к расшифровке (интерпретации) записей этих приборов. Попутно я знакомился с литературой по новой тогда отрасли геофизики — атмосферному электричеству и по совету П. Н. Тверского перевел с немецкого книжку К. Келера «Атмосферное электричество». Благодаря С. С. Баранову, заведовавшему организованным им «Научным Книгоиздательством», перевод был издан в 1920 г. и вторично в 1923 г.

В эти годы энергичную деятельность в Павловской обсерватории развивал также аэролог П. А. Молчанов. Он организовал исследования высоких слоев атмосферы при помощи шаров-пилотов и запуска метеорографов на змеях и на шарах-зондах. Молчанов впервые в мире применил для зондирования атмосферы изобретение А. С. Попова, приспособив легкую радиопередаточную аппаратуру к своим остроумным датчикам давления, температуры и влажности воздуха. Внедрение нового метода радиозондирования атмосферы встречало, как всегда, массу трудностей и в значительной мере проводилось при помощи энтузиазма изобретателя и его помощников. К обработке метеорограмм привлекались все желающие сотрудники Обсерватории, я также принимал участие в интерпретации аэрологических наблюдений.

В семье Федоровых, взявшей меня на полный пансион, было три мальчика 6, 7 и 9 лет. Прокормление такой семьи представляло в те годы невероятные трудности. Основной жизненный ресурс составляли овощи с собственного огорода, т. к. по пайкам выдавалось только по 100 г хлеба в сутки и небольшое количество крупы на месяц. Изредка удавалось добыть у крестьян в обмен на вещи, мясо, масло, яйца. Вместе с родителями детей я работал в огородной артели, организованной при Обсерватории.

Екатерина Ивановна, жена Евграфа Евграфовича Федорова, увезла своих мальчиков на юг, к своим сестрам в Севастополь, но

когда и там стало трудно жить, привезла их обратно в Павловск. Зима 1919/20 г. была особенно трудной. Истощенные недоеданием, дети часто хворали. Весной 1920 г., когда все трое болели корью, Павловск был оккупирован войсками Юденича. Наблюдения в Обсерватории не прекращались даже под обстрелом. К счастью, оккупация продолжалась всего несколько дней и вскоре снова была восстановлена связь с Петроградом.

Совершенно неожиданной для всех была смерть моего отца в начале 1920 г. Возвращаясь от меня в город, отец простудился в поезде и, проболев несколько дней, скончался у меня на руках в ночь на 10 января 1920 г. В свидетельстве о смерти врач указал как причину смерти воспаление легких. Организм, ослабленный жестокой дистрофией, сам справиться с болезнью не смог, а тех сильных средств, которые теперь спасают много жизней, в то время не было.

Нам с братом не удалось достать не только лекарств, но даже дроги: похоронные бюро были закрыты, а лошадей вообще в городе не осталось. По знакомству нам прислали из Зоологического сада простые дровни, запряженные парой пони. Они и отвезли гроб в Шувалово. Эти похороны совсем не были похожи на похороны матери! Очень мало людей могли проводить отца в его последний путь; не было ни богослужений, ни речей...

Вскоре после смерти отца от брата Виталия пришло письмо, первая весточка после его внезапного отъезда из Петрограда. Он писал из г. Бийска, куда эвакуировался с Волги. Писал, что там можно жить не голодая и звал к себе. Сообщив о кончине папы, я запросил Витю, стоит ли привезти в Бийск детей Федоровых, которым грозит смерть от голода. Получив удовлетворительный ответ, я стал уговаривать Федоровых уехать на Алтай. Евграф Евграфович сам ехать отказался, отпустить жену (Екатерину Ивановну, сыновья Евгений и Элий. — В. Б.) с тремя детьми так далеко и при полном расстройстве железнодорожного транспорта не решался. Тогда я предложил себя в провожатые, на что оба охотно согласились.

Трудно было мне уволиться из Обсерватории, еще труднее было достать денег на дорогу. Я продал свой огородный пай с несобраным еще урожаем, Евграф Евграфович добыл некоторую сумму денег в долг и выхлопотал мне у директора увольнение.

В августе 1920 г. мы впятером отправились в общем вагоне III класса (других не было) на восток, в далекую и незнакомую Сибирь...

Поезда шли медленно, подолгу простаивая на станциях. Народная милиция неоднократно проверяла документы и багаж. Однажды, где-то под Пермью нас всех чуть не высадили из поезда, приняв меня, по-видимому, за шпиона. Поводом к этому послужила моя записная книжка, где некоторые записи были сделаны по латыни. Почему-то бдительный контролер, услышав третий звонок, передумал и выскочил из поезда, оставив нас ехать дальше. Через неделю дотащились до Новосибирска, который тогда назывался еще Ново-Николаевском. Дальше надо было ехать на юг по новопроложенной Барнаульской ветке. По ней ходили только товарные составы, оборудованные нарами. Поездка до Бийска с пересадкой на ст. Алтайской заняла еще 2 дня. Поданную мною телеграмму брат не получил и нас не встретил. Мы явились к нему неожиданно. Комната, приготовлена не была и нам пришлось в первое время жить в музее, в котором работал Виталий.

Все неудобства и волнения длинного пути были, однако, вознаграждены возможностью получать сытную и здоровую пищу в ближайшей столовой и на рынке. Дети начали поправляться, но вскоре по приезду в Бийск все мы переболели жестоким гастритом.

Жизнь наладилась лишь через два месяца, когда мне удалось снять комнату в частном доме и поступить учителем в одну из бийских школ. Большой неожиданностью для меня было сообщение Виталия, что он развелся с женою, которая уехала от него с сыном Михаилом, родившимся в Вольске в 1916 г. Причиной развода был тяжелый характер Зинаиды Александровны: ее неискренность, истеричность и ревность. Во-вторых, выяснилось, что Витя считается демобилизованным из царской армии офицером и принял фамилию-псевдоним Белянин, чтобы избежать мобилизации в армию Колчака. В-третьих, Витя сообщил, что напечатал в местных газетах несколько фельетонов на злободневные темы, успех которых навел его на мысль заняться литературным трудом.

Все три новости можно было только одобрить. Я поздравил Виталия с освобождением от Зины и пожелал ему успехов как в научной, так и в научно-популярной работе. Однако, в бийских условиях эта деятельность не обеспечивала существования и вскоре Вите пришлось взять еще уроки по естественной истории в школе. Затем он стал завучем и перетащил меня в свою школу. На следующий год нас знало уже много бичан, я получил уроки математики

в кавалерийском училище и частные уроки по математике и латыни. Их оплачивали не керенками, а натурой: кто какими мог и хотел продуктами: один ученик принесет за месячное с ним занятия курочку, другой бутылку постного масла, третий муки или пшена. Моя хозяйка все принимала с благодарностью, так как надо было накормить пять ртов! Желающих учиться оказалось много, таксы никакой у меня не было.

Найдя некоторые приборы бывшей когда-то в Бийске метеостанции, я запросил Обсерваторию и получил от нее недостающие приборы, бланковый материал и мандат на открытие новой станции. Отдел народного образования тоже пошел мне навстречу, предоставил в мое распоряжение пустовавший дом около кладбища на горе над Бийском вместе с охранявшим его сторожем. Весною 1921 г. мы переехали на гору, когда сошел снег, поставили приборы и станция начала работать.

Я исполнял обязанности и наблюдателя, и вычислителя и заведующего. Екатерина Ивановна заменяла меня в сроки наблюдений, которых я не мог произвести сам. Работа эта была «для души», никем не оплачивалась. Но станция дала нам возможность обзавестись своим хозяйством, без которого существовать было тогда очень трудно. При доме был большой огород. Через знакомых мне удалось приобрести корову, поросенка, на базаре купили несколько кур. Екатерина Ивановна успешно справлялась с этим хозяйством. Потом, войдя в аппетит, выменяла у уезжавшего на родину эстонца на мои золотые часы молодую лошадь, но это было уже зря: ухаживать за ней никто из нас не умел, она заболела, пришлось лечить и, в конце концов, продать за бесценок.

Вокруг был простор степей с тихими колками (березовыми рошицами) в оврагах. Летом мы ходили гулять далеко вверх по р. Бие, правый обрывистый берег которой порос облепихой и другими кустарниками. Ездили в бор к бывшему монастырю, где собирали грибы и сосновые шишки.

В школе Виталий познакомился с преподавательницей французского языка Верой Николаевной Клюжевой и сделал ей предложение. По желанию матери, Софии Ивановны Клюжевой, бракосочетание состоялось в церкви (13 мая 1921 г.). Молодые поселились в доме метеостанции. Пятого февраля 1922 г. у них родилась дочь, которую назвали Аленой. Когда Аленушка начала говорить, она

сама назвала себя Ноникой, ей так было, очевидно, удобнее. Это имя прижилось в семье и вытеснило метрическое на долгие годы.

Роды Веры Николаевны были первыми и проходили очень тяжело. Врачи опасались даже за ее жизнь. Пропало молоко. Ухаживая за дочерью, серьезно заболела и Софья Ивановна. Мы с Екатериной Ивановной взяли новорожденную племянницу из больницы и кормили ее из рожка, пока мать не выздоровела.

Летом 1922 г. мы совершили с Виталием очень интересную поездку на Алтай: по Катуню до Улалы (ныне Горно-Алтайск), от него через горы перевалили на Телецкое озеро, по которому на лодках прошли до устья Чулышмана поднялись по нему до Балыкчи, слезали на вершину покрытой кедровыми и буковыми лесами горы, где начинается буйная травянистая растительность алтайских лугов, и снова тем же путем спустились к истоку Бии; там дождались сплава очередного плота и спустились на нем до Бийска.

С нами в экспедицию ездил наш ученик по школе, сотрудник Бийского музея Александр Иванович Иванов. Позже он приехал с Виталием в Ленинград, работал на Саблинской экскурсионной станции, которой заведовал мой брат Лев, и поступил в университет. В настоящее время он уже доктор зоологические наук, зам. директора Зоологического института АН СССР. Он занимает также должность заведующего Орнитологическим отделением, на которой до самой смерти был наш отец.

Еще интереснее карьера другого Витиного товарища по Бийскому музею датчанина Ганса Христиановича Иогансона. Не помню уж, как он, сын датского консула, оказался в Бийске, кажется, поехал собирать птиц на Алтай. Среди молодых людей, сотрудников Музея, он выделялся не только своей дикцией и внешностью (высокий красивый парень с богатой шевелюрой и очень добрыми глазами), но и исключительным энтузиазмом, с которым он коллекционировал птиц, заразной энергией жизни.

Из Бийска Ганс Христианович поехал в Томск, преподавал в Томском университете. Путешествуя по Алтаю, женился на ойротке, потом ездил для сбора коллекций на Командорские острова и лишь тогда решил вернуться на родину, захватив по дороге свою дочь из Улалы. Жена не пожелала поехать с ним в Данию. Не получив сразу заграничной визы для дочери, Ганс Христианович оставил ее временно в семье Виталия и она прожила в Ленинграде

целый год, пока отец, выхлопотав разрешение, не увез ее в Копенгаген. Там она получила образование и вышла замуж. Уже будучи матерью, в 1962 г. на приезжала в СССР, чтобы посетить свою мать на Алтае и познакомиться со своими забытыми родственниками.

В Дании Г. Х. Иогансон продолжал заниматься своей любимой орнитологией как научный сотрудник Копенгагенского университета, купил островок в Каттегате, экскурсировал по многим странам Европы. Выйдя на пенсию в возрасте около 70 лет, Ганс Христианович посетил Чили, был в Патагонии и на Огненной земле. «Кордильеры, — писал он Виталию, — очень красивы; почти также прекрасны, как Алтай!»

Вскоре после нашего поселения на Бийской метеостанции ко мне явился неожиданный посетитель — Павлуша Свиньин, сын Е. П. Свиньиной, на даче которой в Лебяжьем, мы жили в начале XX в. Тогда Павлуше было около трех лет. Судьба забросила его с матерью и сестрой в Сибирь случайно. Военская часть, в которой он служил, была переброшена в Бийск и здесь расформирована. Прерванное войной и революцией знакомство возобновилось, нечаянно-негаданно, в Бийске! Мы очень подружились и остались с Павлушей друзьями до самой его смерти в 1962 г.

На фоне тихой, обывательской жизни Бийска ярко выделялась деятельность Виталия. В музее, которым заведовал М. И. Крот, Виталий организовал группу энтузиастов. В школе организовал драмкружок, выступавший в зале городского театра. Только в его школе издавался рукописный литературный журнал, проводились экскурсии. Все это было новостью на заре нового строя. При энергичном участии Виталия образовался кружок любителей музыки и поэзии из учителей и прочей интеллигенции города. Они давали эстрадные представления, которые тогда еще не назывались «музыкальной самодеятельностью», но были именно таковой. Арестованный по чьему-то доносу, Виталий не унывал даже в тюрьме. Шутками, охотничьими рассказами, песнями поднимал он настроение среди товарищей по камере, не допуская, чтобы они падали духом. Его вскоре отпустили за отсутствием каких-либо улик.

В летнее время, когда большинство биечан было занято полевыми работами или уезжало в отпуск, Виталий организовывал небольшие экспедиции на Алтай для сбора материалов в коллекции музея. Каким авторитетом пользовался Виталий среди своих учеников и товарищей,

можно судить по тому, что за ним приехали в Ленинград четыре абитуриента и два учителя, чтобы продолжить свое образование.

Двухлетнее пребывание в Бийске оставило глубокий след в нашей жизни. Там я впервые твердо стал на ноги, почувствовал себя способным к педагогической деятельности и обрел в лице Екатерины Ивановны близкого друга. Благодаря полному совпадению наших взглядов на воспитание детей, на отношения к общим знакомым, на текущие политические события, жизнь текла гладко, несмотря на разные трудности, обусловленные экономической разрухой и политической неустойчивостью. Даже такие события, как болезнь (у меня в 1921 г. был приступ аппендицита, а у Е. И. в 1922 г. — брюшной тиф) и арест Виталия, не оставили черных пятен на светлой памяти бийской эпохи.

Глава IX

Возвращение на Родину. Работа в главной геофизической обсерватории

Зимой 1921/22 г. к нам в Бийск приезжал Е. Е. Федоров (Евграф Евграфович, 1880–1965, климатолог, отец — Федоров Евграф Степанович, 1853–1919, минералог и кристаллограф. — В. Б.) и прогостил несколько дней в нашем доме на горе. Он привез разные ленинградские новости, доходившие тогда до Сибири очень медленно, так как связь работала плохо, а радио вообще не было. Всех очень интересовала «новая экономическая политика», положение советской власти внутри страны и в международном аспекте. После долгих обсуждений было решено, что если и дальше советское правительство будет укреплять свою власть и налаживать народное хозяйство, то можно будет вернуться в Ленинград осенью 1922 г. На обратный путь надо было собрать порядочную сумму денег. Продав все лишнее, ликвидировав свое благоприобретенное хозяйство, мы выехали из Бийска в сентябре 1922 г. В Перми на перроне вокзала я неожиданно встретился с бывшим зам. директора Главной Геофизической обсерватории Николаем Аркадиевичем Коростелевым. Он возвращался из командировки в Свердловск на том же поезде, в котором ехали мы. Коростелев предложил мне место у себя в Отделе сети станций. Узнав, что в Ленинграде нетрудно найти квартиру, я охотно принял это приглашение.

На Московском вокзале нас встречал Е. Е. Федоров и пригласил к себе в Павловск. Не желая мешать Екатерине Ивановне выяснить

свои взаимоотношения с мужем, я не поехал с ними. На следующий день она вернулась с детьми, так как окончательно порвала отношения с мужем. Неладья между ними началась еще задолго до нашего отъезда в Бийск. Я знал это, но думал, что временная разлука поможет нормализации отношений. Вышло же наоборот. За два года раздельной жизни оба пришли к решению о необходимости развода. Эгоист в душе, плохой семьянин, Евграф Евграфович охотно оставил своих детей на попечение матери, пообещав ей временную материальную помощь. Оформление развода и регистрация моего брака с Екатериной Ивановной не потребовали ни много времени, ни существенных расходов.

Шестнадцатого сентября 1922 г. я начал работать на должности адъюнкта ГГО и одновременно искал квартиру. Уже через 3 дня мы поселились во втором этаже двухэтажного дома на набережной Лейтенанта Шмидта, на углу 13-й линии. Дом принадлежал выселенному в начале войны немцу и после конфискации поступил в ведение горжилотдела. Никаких ограничений площади тогда еще не было, квартплата была очень маленькая и я нанял пустовавшую шестикомнатную квартиру, которую никто не брал именно из-за ее больших размеров. Три огромных комнаты выходили окнами на Неву, одна на 12-ю линию и две маленькие смотрели во двор. Первая же зима показала, что нам не по силам отапливать больше трех комнат, так как дрова доставать было очень трудно и они были слишком дороги. Пробовал я найти среди знакомых и сослуживцев желающих разделить со мною эту большую квартиру, но всех отпугивали размеры комнат. В 1923 г., как было сказано, в Ленинград приехало несколько наших бийских учениц, чтобы поступить в высшие учебные заведения. Они заняли одну из больших комнат. В другой поселились Свиныны Евгения Павловна с сыном Павлом Николаевичем и дочерью Марусей, которые тоже приехали из Бийска по моему приглашению. Жизнь, из-за дороговизны и отсутствия продуктов была очень трудной, карточная система не удовлетворяла потребностей, но образовавшаяся у нас коммуна облегчала продовольственный вопрос и делала жизнь веселее.

Много разнообразия вносили частые посещения Виталия и его друзей. Это была молодежь, стремившаяся, как и он, создать новые направления в литературе. Часто выступал со своими стихами молодой поэт Георгий Ку克林. Через своего школьного товарища

Ильюшу Маршака Витя познакомился с его старшим братом Самуилом Яковлевичем, и пригласил его к нам прочитать свое новое стихотворение «Пожар». Много раз после приводилось мне слушать с эстрады это стихотворение, но никто не умел прочесть его так захватывающе-выразительно, как автор. Его манера читать, мимика, интонация были очень оригинальны. Позже Виталий познакомился с Б. С. Житковым. У них было много общего в характерах и они быстро подружились. Житков тоже бывал у нас на 13-й линии.

По возвращении в Ленинград Виталий всецело посвятил себя детской литературе. Первой, насколько помнится, была напечатана его книжка «Лесные домишки» в «Научном Книгоиздательстве», которым руководил мой школьный товарищ С. С. Баранов. Затем Виталий заключил договор с частным издательством «Радуга», где напечатали его книжки с картинками «Чьи это ноги», «Кто чем поет», «Чей нос лучше» и др.

Моя работа в Главной Физической обсерватории резко отличалась от Павловской и, тем более, бийской. В основе новой работы лежала организация метеостанций и руководство местностью. Здесь мне очень пригодились как опыт по наблюдениям и обработке на бийской метеостанции, так и моя педагогическая работа. Поэтому я вскоре оказался в должности физика Обсерватории, руководителя группы инструкторов и инспектора станций. Сперва я посещал пригородные станции, потом был командирован в Карелию. Весной 1924 г. я ездил на Кольский полуостров. Во время войны была проложена железная дорога до Мурманска. Мурманск тогда только рождался как город. На берегу Кольского фиорда был рыбацкий поселок, около железнодорожной станции железнодорожный поселок, а между ними болото. Я посетил и Александровск (теперь порт Полярный) в устье Кольского залива, где, кроме метеостанции, работала знаменитая Мурманская океанологическая биостанция, возглавляемая Г. А. Клове. На обратном пути я побывал на одной из старейших русских метеостанций в Коле. Потом с железнодорожной станции Пулозеро проехал на оленях в административный центр Кольского полуострова в большое с. Ловозеро, где восстановил ранее работавшую там метеостанцию; по рекомендации сельсовета наблюдателем этой станции я поставил ловозерского священника Распутина, однофамильца сибирского афериста. Как человек наиболее образованный и культурный в поселке, Рас-

путин пользовался уважением не только прихожан, но и поселковой администрации.

Работу в Обсерватории я совмещал с литературной, которая мне нравилась и давала приработок. «Научным книгоиздательством» было выпущено несколько авторизованных мною переводов популярно-технических брошюр для юношества и книжка «Как снимать» — пособие для фотолюбителей. В 1924 г. я написал вместе с Е. Е. Федоровым большую статью «Климат Европейской России в сельскохозяйственном отношении» для «Справочника» издательства «Мысль». Принимая участие в общественной жизни Обсерватории, я был избран ее первым делегатом на Ленинградскую конференцию Секции научных работников, только что организованной Союзом работников просвещения в декабре 1924 г.

На первом общем собрании Конференции, происходившем в Митинговом зале Дворца труда 24 декабря 1924 г., присутствовал и выступал с программной речью Зиновьев. Эта речь и, особенно, многочисленная свита личных охранников большевицкого «вождя» произвели на многих из присутствующих неблагоприятное впечатление. В прениях после выступления Зиновьева приняли участие многие из видных ученых; некоторые из них критиковали правительство (в части помощи научным работам). Тогда это было еще сравнительно безопасно для выступавших с кафедры. На почве моей общественной и организационной деятельности в Обсерватории у меня вскоре появились неблагожелатели среди консервативно настроенной администрации. На меня был послан донос в ОГПУ, но ложное обвинение меня в членстве партии эсэров не было подтверждено и донос не возымел действия. Тогда директор Обсерватории предложил мне своего рода почетную ссылку — поехать в Свердловск на должность заведующего отделом Свердловской магнитно-метеорологической обсерватории. К тому времени я был не только отчимом трех школьников, но и отцом новорожденной дочери. Поэтому, посоветовавшись с женою, я отклонил ультиматум и предпочел совсем уйти из системы Гидрометслужбы. Меня охотно приняли на штатную должность инженера-гидрометеоролога в Управление Мурманской железной дороги, где я в течение года до этого состоял консультантом после покинувшего эту должность профессора П. И. Броунова. Я оставил ГГО «по собственному желанию» 1 мая 1925 г.

Екатерина Ивановна родила 23 сентября 1924 г. дочь, которую мы назвали Нереей по имени морского бога Нереея в память об исключительном наводнении, имевшем место в Ленинграде в день ее рождения.

Появление младенца, которого мы боялись простудить в нашей холодной квартире на набережной Невы, и введение новых правил оплаты жилплощади заставило меня искать другую квартиру, что в 1924 г. было уже очень трудно. Пришлось забраться на шестой этаж большого дома на углу 14-й линии и Большого проспекта В. О., разделив с товарищем по обсерватории его квартиру на две. Большим преимуществом этой квартиры было наличие центрального отопления. Я получил зал с тремя окнами во двор и кухню с видом на Неву. С помощью друзей, я сделал из зала три комнаты, которые мог оплачивать в нормальном размере. Все мы были тогда молоды и не особенно задумывались над вопросом о лестнице на шестой этаж и прочих неудобствах квартиры. С нами переехала с 13-й линии только Галя Мышкина. Остальные студентки-биечанки поселились в общежитии, а Свиныны получили комнату через завод Электроаппарат, где работал Павел Николаевич.

Глава X На Мурманке

Мурманкой в просторечье называлась Мурманская железная дорога, построенная во время Первой империалистической войны. Она соединила Мурманский незамерзающий порт с Ленинградом через ст. Званку (теперь Волховстрой), Петрозаводск, Кемь и Кандалакшу. Это позволяло круглый год поддерживать связь с Англией и Америкой.

Постройка велась в ускоренном темпе с помощью военнопленных. В последующие годы производились укрепления и выпрямления трассы. С постройкой электростанции на р. Неве началась электрификация тяги, осуществленная сейчас на Кольском полуострове.

В 20-х гг. Мурманская железная дорога была на совсем особом положении среди других советских дорог. На ее правление были возложены функции колонизации совсем еще дикого тогда Карело-Мурманского края. Поэтому при Правлении существовал Колонизационный отдел. Он занимался гражданским строительством в населенных местах вдоль дороги, постройкой фабрик и заводов,

эксплуатацией лесов, развитием рыбных промыслов, организацией опытных сельскохозяйственных станций, в его же ведении первоначально находилось и обеспечение климатографическими справками.

С утверждением меня штатным метеорологом было решено организовать метеослужбу на Мурманской железной дороге, для чего в течение 1925–1927 гг. я организовал десять метеостанций и занимался руководством ими до 1929 г., когда вся сеть ведомственных станций перешла по решению Совета министров в ведение Главного управления Гидрометслужбы. После этого я выполнял лишь инспекторские обязанности, издавал для службы движения бюллетень погоды и организовал опытно-исследовательские работы в Кандалакше (магнитную обсерваторию и в Хибиногорске снегозащитную опытную станцию). Для осуществления тесного контакта с Бюро Погоды Ленинградского управления ГМС я работал (по совместительству) синоптиком в этом Бюро Погоды.

За время моей работы на Мурманской железной дороге (переименованной позже в Кировскую) приходилось встречаться и работать со многими людьми; память сохранила лишь наиболее симпатичных. Большое удовлетворение дала мне организация метеостанции при Хибинском опытном поле, которое создал талантливый и очень энергичный агроном, эстонец по национальности, И. Г. Эйхфельд. Он первый доказал на деле, собственными руками, возможность земледелия на Кольском полуострове и в северной Карелии. До него там не росла даже картошка, а ученые агрономы подводили под скептицизм местных хозяйственников и их «научные» обоснования.

Эйхфельд начал с малого: при весьма ограниченной материальной помощи Колонизационного отдела МЖД (Московской железной дороги) организовал группу в несколько человек таких же энтузиастов, как он, и начал возделывать хибинские супески, перекапывая и удобряя их химикатами и привозным навозом. Затем они занялись селекцией наиболее продуктивных в условиях северного климата сельскохозяйственных культурных растений. В первые же года были получены хорошие урожаи картофеля, овса и ряда огородных культур. Аборигены дивились красивым цветам, украшавшими опытный участок, а Иоган Гансович демонстрировал в Ленинграде и Москве полученные за полярным кругом урожаи. Так, постепенно разрушая неверие и консерватизм, он все увеличивал засеваемую площадь своей опытной станции и число изучаемых

растений. Результатом его работ была организация больших совхозов на станции Апатиты и на ст. Лоухи, где я тоже посещал И. Г. Эйхфельда. Когда я в 1963 г. приехал на ст. Апатиты, я не мог узнать местности. Бывшие сплошные лесные массивы были превращены в поля, засеянные овсом, рожью, пшеницей и другими злаками! Своими работами на севере, И. Г. Эйхфельд приобрел широкую известность в научном мире, был позже директором Всесоюзного института растениеводства и президентом Эстонской АН.

К тому же периоду 20-х гг. относится открытие в Хибинах богатого месторождения апатита и нефелина, а позже редких минералов. Это привело к созданию треста «Апатиты» для добычи и обогащения полезных ископаемых вокруг озера Вудъявр. В Колонизационном отделе МЖД был поставлен вопрос, где лучше строить рабочий поселок для работников рудника и обогатительной фабрики. Приглашенный на совещание как климатолог, я доказывал, что намечаемая на южном берегу о. Вудъявр площадка по своему микроклимату не годится для строительства поселка, так как расположена в долине, где свирепствуют усиленные тесниной норды, создавая за преградами снежные заносы. Но решающими оказались транспортные соображения и Хибиногорск был построен как-раз в самом ветреном месте — между горами Вудъяврчорр и Айкуайвентчорр! Много затруднений принес этот выбор строителям, еще больше огорчений доставил жителям и, в конце концов, через 40 лет (!), пришли-таки к необходимости перенести г. Кировск (бывший Хибиногорск) к ст. Апатиты.

В 1925 г. я предлагал строить поселок у ст. Титан, на несколько километров восточнее ст. Апатиты. Теперь и там идет большая стройка и у самой станции Апатиты построен городок для Кольского филиала АН, основанного в 20-х гг. ак. Ферсманом на о. Малый Вудъявр.

Железнодорожная ветка под ст. Кировск подвергалась обвалам со склонов горы Вудъяврчорр. Для изучения обвалов и средств борьбы с ними мною была организована Хибинская снегозащитная станция, которой несколько лет заведовал М. И. Анисимов, собравший большой материал наблюдений и замеров снежных лавин, использованный потом сотрудниками метеостанции комбината «Апатит» для борьбы с лавинами.

Интересна и характерна для нашей революционной эпохи судьба этого аполитичного, но преданного науке и родине человека. Аре-

стованный по какому-то ложному доносу в начале 20-х гг., он был интернирован в концлагере на Соловках. Сначала его использовали там как писаря, а затем сделали курьером для доставки спецпочты в Москву и Ленинград. По освобождении он долго не мог найти работу, был рекомендован мне общим знакомым и оформлен наблюдателем в Кировск. Проявив себя очень инициативным и добросовестным работником, вскоре был назначен начальником снегозащитной метеостанции.

Когда началась вторая война с немцами, Анисимова арестовали, как бывшего политссыльного, и отправили в Сибирь, в глухое село, где он чуть не умер от голода. Когда ему предложили переехать в Норильск, он охотно согласился, потому что там мог получить работу. Он организовал метеослужбу в Норильском Комбинате и заведовал ею, затем перешел на должность заведующего метеостанцией МВД при его совхозе под Красноярском.

Я неоднократно пытался устроить М. И. на работу в Теплоэлектропроект, где работал к тому времени сам, но без ленинградской прописки отдел кадров оформить его не мог и предложил назначить наблюдателем в одну из уральских изыскательных партий. М. И. проработал у нас в партиях до 60 лет, когда новый закон о пенсиях дал ему возможность уйти на пенсию и поселиться в Минусинске. Лишь в 1961 г. дело Анисимова было пересмотрено, он был полностью реабилитирован и получил возможность вернуться в Ленинград.

В 1927 г. Коллегия НКПС решила организовать метеослужбу на всех железных дорогах СССР. Организация была поручена службе связи. В связи с этим я был переведен в Отдел Связи и Электротехники МЖД. В Москве появился у меня новый начальник, в лице главного Гидрометеоролога НКПС. Централизация метеодела на железных дорогах несколько затруднила работу, но, благодаря содействию начальника отдела, у меня шла в первые годы неплохо.

В 1930 г. метеослужбу передали в ведение службы пути. Хотя эта служба, казалось бы, является наиболее заинтересованной в изучении метеорологических и гидрологических факторов, затрудняющих строительство и работу железнодорожного транспорта, но фактически именно в этой службе метеодело пошло к упадку. Это можно объяснить только невежеством и безразличием большинства начальников как отделов пути в правлениях, так и начальников участков пути. Многие из них смотрели на метеорологов только как

на подсобников бухгалтеров, которые должны обосновать непроизводительные расходы по строительству зданий и расчистке путей неблагоприятными метеорологическими условиями. Но когда метеорологи отказывались покрывать бесхозяйственность, им приходилось выслушивать замечания вроде: «ветрогонам нечего делать на железной дороге!» или «очень нужно заниматься изучением прошлогоднего снега!» Работать стало очень трудно...

Помогать не помогали, но и отпустить не соглашались: железные дороги считались тогда военизированными и служащие на них военнообязанными. В 1930 г. мой сослуживец по Бюро погоды, П. Н. Адамов, был назначен начальником Гидрометкомитета при Совнаркоме Белорусской ССР и настойчиво приглашал меня переехать в Минск. Во время очередного отпуска я съездил туда, познакомился с условиями жизни и работы и дал принципиальное согласие с условием, чтобы через СНК устроили мой перевод и предоставили в Минске квартиру. Однако, НКПС не согласился на мой перевод, как не согласился и начальник отдела пути на мою личную просьбу о содействии.

Мне пришлось остаться на Кировской железной дороге и продолжать борьбу с бюрократизмом и косностью инженеров-путейцев. Эта борьба, стоившая мне много нервов, неожиданно окончилась после одного моего выступления на производственном совещании с критикой начальства. Первого июля 1936 г. мне прислали извещение отдела кадров об увольнении «за ликвидацией должности старшего инженера-гидрометеоролога». Личная направленность приказа о сокращении была совершенно ясна, так как на других железных дорогах никаких сокращений не было, а на Кировской железной дороге остались должности линейных гидрометеорологов, которые работали под непосредственным моим руководством.

При таких условиях я не считал нужным обратиться за разъяснением к начальнику отдела или с протестом в местком профсоюза и без разговора подписал «приятное» извещение отдела кадров.

Так протекала и внезапно закончилась моя одиннадцатилетняя работа в области Метеорологии на железнодорожном транспорте. За эти годы мне приходилось участвовать (и выступать с сообщениями) во многих совещаниях и съездах как в Главной Геофизической обсерватории, так и специальножелезнодорожных, часто бывать в Москве и в командировках по Мурманской железной дороге.

Во внеслужбное время мною написано за эти годы много научных и научно-популярных работ, из которых 10 было напечатано в журналах и сборниках и 6 вышли отдельными изданиями (в «Научном книгоиздательстве»). Многие работы остались по разным причинам в рукописях и пропали во время Второй мировой войны. Такая литературная деятельность стала возможной только благодаря Кате, почти полностью освободившей меня от работ по домашнему хозяйству.

В 1931 г. я был избран в действительные члены Географического общества СССР, заседания Климатологической комиссии которой (под председательством С. И. Савинова) начал посещать еще в 20-х гг. Параллельно с активной работой в ГГО и на МЖД своим чередом шла семейная жизнь, о которой необходимо рассказать хотя бы в общих чертах.

Вскоре после нас, как я уж говорил, приехал из Бийска Виталий с семьей и А. И. Ивановым. Они поселились в Саблине, на даче Экскурсионного бюро, которой заведовал наш брат Лев. Когда Виталий нашел квартиру на 3-й линии В. О. (угол Малого проспекта), они слевой разделили эту квартиру на две неравные части. Виталий с семьей и А. И. Ивановым поселились в четырех, Лев в двух комнатах.

В 1926 г. Лев женился на Лидии Львовне, урожденной Ратновской; в 1928 г. у них родился сын Всеволод, в 1929 г. — дочь Валентина. Им было всего 7 и 6 лет, когда от двустороннего воспаления легких скончался их отец. Леву похоронили 6 февраля 1936 г. на Смоленском кладбище.

У Виталия с Верой на 3-й линии родились два сына Виталий (12 января 1926) и Валентин (18 февраля 1932). В начале 1926 г. Виталий был арестован и в административном порядке выслан в Уральск. Ему инкриминировали принадлежность к партии социалистов-революционеров, которых тогда преследовали независимо от их деятельности.

После безуспешных попыток в Ленинграде добиться освобождения, мы с женою поехали в Москву, где получили возможность встретиться с Надеждой Константиновной Крупской, бывшей уже вдовой. Она работала в Комиссариате просвещения по библиотечному делу. Обстановка у нее на работе очень напомнила мне Вольное Экономическое общество, где мне приходилось бывать по делам комплектования библиотечек для армии и где я видел таких же старушек, а раз встретил А. Ф. Керенского.

Надежда Константиновна, очень пожилая, но бодрая на вид, любезно выслушала нас, но сказала, поговорив с кем-то по телефону, что к сожалению, ничего конкретно сделать сейчас не может, но будет иметь это дело в виду.

Летом 1926 г. Вера Николаевна с маленькой Ноникой и грудным Таликом приехали к Вите в Уральск. Я посетил их там в начале следующего, 1927 г. В 1927 г. Виталия от официального надзора освободили, но не разрешили вернуться в Ленинград. Он переехал с семьей в Великий Новгород, где пробыл около двух лет, пока не были сняты «минусы». С тех пор и до самой смерти Виталий жил в своей квартире на 3-й линии В. О., ежегодно выезжая на лето в деревню.

Еще до ареста мы проводили лето с ними вместе: в 1924 г. жили на хуторе под г. Бологое, а в 1925 г. в городке Мышкине на Волге. В 1926 г., пользуясь правом бесплатного проезда с семьей по железной дороге, я отвез своих на Алтай в курорт Белокуриху (75 км от Бийска), где жила семья Мышкиных. Катя с детьми прожила там два месяца.

В 1927 г. тяжело заболел мой пасынок Графочка Федоров. Долго врачи не могли установить причину болезни и только в августе приглашенный мною Иван Эдуардович Гаген-Торн твердо поставил диагноз туберкулез. По предложению Ивана Эдуардовича мы сразу же вывезли Графочку в Приморский хутор, но ему не мог уже помочь и свежий сосновый воздух; Графочка скончался 13 сентября 1927 г.

На зиму 1927/28 г. Екатерина Ивановна по совету И. Э. Гаген-Торна осталась с трехлетней Нерочкой на даче: это была профилактическая мера против туберкулеза. Я с двумя мальчиками (Геней и Элей) жили в ту зиму на 14-й линии одни; они ходили в школу, хозяйство вела рекомендованная нам женщина.

Геня окончил школу (тогда была девятилетка) весной 1928 г., в 1929 г. работал на Путиловском заводе и осенью 1930 г. поступил в Горный институт. Элий, учившийся в школе много хуже своих братьев, перешел в техникум, который окончил в 1932 г.; он должен был, согласно правилам, 3 года отработать на производстве, но устроился на рабфак Горного института, с которого через год был переведен на очный факультет.

Геня окончил Горный в 1935 г. и в тот же год (8 октября) женился на Нине Андреевне Никоновой, окончившей Геологический институт в Москве. Летом 1935 г. они случайно попали в одну партию, работавшую по изысканию нефти на Украине, и там познакомившись,

решили пожениться. 12 ноября 1936 г. у них родилась дочь Аленушка, а 9 января 1940 г. сын Евгений, которого за узкий, монгольского типа разрез глаз мы звали Женьшенем. Элий окончил Горный институт в 1938 г., женился 21 декабря 1940 г. на дочери профессора Горного института Валерии Феликсовне Шклярской. Это было уже после окончания Советско-Финской войны и за 6 месяцев до начала Второй империалистической, т. е. Великой Отечественной войны с Германией.

Но прежде, чем перейти к повествованию об этих войнах, мне придется вернуться к 1936 г. и рассказать о том, что делал я после ухода с Мурманской железной дороги.

Глава XI

Вынужденные скитания. В поисках интересной работы

Итак, в июне 1936 г. я неожиданно оказался безработным. Выручил меня мой сослуживец по ГГО Н. Г. Николаев. С его помощью я сразу поступил в Государственный Гидрологический институт на должность куратора гидрометеорологического кадастра. Мои обязанности заключались в сборе и последующем руководстве обработкой метеорологических наблюдений, необходимых для гидрологических исследований.

Осенью 1936 г., а также в 1937 г., я был своего рода коммивояжером — разъезжал по управлениям Гидрометслужбы СССР, выяснял наличие материалов наблюдений в их архивах и заключал договоры на выписку необходимых для ГГИ данных. С этой целью я побывал в Москве, Воронеже, Курске, Симферополе, Минске, Свердловске, Куйбышеве и Саратове. Довести до конца обработку собранного материала мне не удалось, потому что Главная Геофизическая обсерватория вдруг спохватилась, что ГГИ отбивает у нее хлеб, выполняя не свою работу. Издание кадастра было передано в ГГО, а я занялся климатологической обработкой наблюдений метеостанций Каспийского моря и составил монографию о температуре и влажности всего побережья Каспия. Затем мне поручили составление библиографии работ о морском волнении. Эта моя работа была напечатана в «Трудах» ГГИ, но не доставила мне удовлетворения; когда мне поручили работу по волнению, я воспользовался формальным предлогом и добился освобождения с переводом в Отдел сети станций Ленинградского Управления Гидрометслужбы. Но и там работа оказалась неинтересной и еще менее перспективной.

Поэтому, подыскивая себе подходящую работу, я по совместительству преподавал в Военно-морском Краснознаменном училище имени Н. В. Фрунзе, где читал курсы Метеорологии и Океанографии, а также руководил практическими занятиями по морской метеорологии на учебном корабле, курсировавшем по Балтийскому морю и Финскому заливу. Приватным преподавателем училища Фрунзе я был с 10 ноября 1936 по 15 сентября 1936 г., а затем поступил на должность консультанта по климатологии в институт «Спецгидропроект» (тоже по совместительству).

Тридцатые годы были очень тяжелой эпохой в истории СССР не только из-за экономических трудностей, но, главным образом, вследствие неустойчивой внутренней политики партии, терроризировавшей всю страну. Отсутствие элементарного доверия к человеку проявлялось во всех отношениях. В каждом работнике видели потенциального вора и скрытого контрреволюционера. Доносы, даже анонимные, широко поощрялись. Этим часто пользовались для сведения личных счетов. В большинстве случаев за решетку сажали совершенно невинных людей. Следствие велось с предвзятым решением, недозволяемыми в культурных государствах методами, вплоть до избиения. Многие, не выдерживая таких допросов «с пристрастием», малодушно подписывали протокол с самообличением. Тех, кто продолжал отрицать свою вину, не могли выпустить из застенка, так как тем самым изобличалась бы незаконность ареста и методов дознания. Таких лиц отправляли в концлагерь в административном порядке или после инсценированного закрытого суда. Многих ценнейших для родины во всех областях знаний деятелей погубили в тюрьмах по ложным доносам, в том числе и по фальшивкам, сфабрикованным иностранной контрразведкой. Так погибли мой школьный товарищ С. С. Гальперсон-Баранов, мои университетские товарищи А. А. Иванов и Б. И. Флеккель, мои сослуживцы по ГГО Вангенгейм, Пуйше, профессор аэролог Молчанов и др. Все это были способные и полезные работники, никак не контрреволюционеры.

Убедившись в своем бессилии уничтожить в России советскую власть с помощью контрреволюционных правительств Юденича, Врангеля, Колчака и др. и путем открытой интервенции на севере и востоке, правительства капиталистических стран старались задуть нашу молодую республику изнутри, внушая подозрения друг на друга среди руководящих деятелей и организуя диверсии разного рода, а также путем экономической блокады страны в целом.

Мюнхенское соглашение 1938 г. явно поощряло Гитлера к Drang nach Osten (агрессии на восток). Но свой удар Гитлер ловко замаскировал, поймав на удочку Сталина, заключившего с ним пакт о ненападении. Я не знаю, верил ли сам Сталин в прочность этого соглашения или, как объяснял потом, хотел просто выгадать время для подготовки к борьбе, но русская интеллигенция с самого начала весьма скептически относилась к этому шагу советской дипломатии.

Крайне напряженная международная обстановка, вызывала еще большее напряжение внутри страны. Этот самый трудный период истории СССР совпал по времени с моей работой в Арктическом научно-исследовательском институте.

Глава XII

Работа в Арктическом институте. Война с Финляндией.

Начало Второй Отечественной Войны

Я поступил в Арктический НИИ 1 июня 1939 г. на должность руководителя отдела камеральной обработки наблюдений полярных метеорологических станций. В моем отделе было четыре группы, состоявших из трех работников каждая: физика и двух техников-вычислителей. Кроме того, в моем непосредственном распоряжении был техник, выполнявший разные подсобные работы. Я застал в отделе ненормальную обстановку. Руководители групп, уже довольно пожилые женщины, резко враждовали друг с другом, хотя по работе ничем не были связаны. Главной трудностью руководства ими было не допускать расширения конфликтов, которые возникали по всяким пустякам, поскольку все сидели в одной комнате. В этом я всегда имел поддержку со стороны своего непосредственного начальника профессора Е. И. Тихомирова.

В производственном отношении мне была предоставлена полная самостоятельность. До моего поступления в отделе была введена сдельная оплата труда, вещь, как известно, взаимоострая и не практиковавшаяся в научных учреждениях. На мне лежало составление норм выработки и их модернизация, разработка методики обработки и оценки работы, выдача заданий, учет и приемка работ. Каждые полгода расценки пересматривались и снижались. Это приходилось делать так, чтобы и нормировщики Планового отдела были довольны и исполнители работы не протестовали. Редактирование ежегодников, составление пояснений к ним и указателей, сношение

с типографией, переписка с наблюдателями тоже было моей обязанностью.

Мне удалось ликвидировать образовавшиеся до меня завалы и наладить регулярный выпуск изданий. За 2 года было выпущено 5 ежегодников и обработаны наблюдения ледокольного парохода «Седов». Кроме того, я напечатал в журнале «Проблемы Арктики» 5 статей по методике наблюдений и обработки метеонаблюдений.

Судя по официальным благодарностям и денежным премиям, которые я часто получал, начальство было моей деятельностью вполне довольны. С сослуживцами у меня также установились хорошие отношения. Но внешняя обстановка становилась все более напряженной.

Правительству стало известно, что Гитлер заключил с Финляндией соглашение о нападении на Ленинград. На Финской границе сосредотачивались большие военные силы, а граница проходила тогда по р. Сестре, в каких-нибудь 30 км от Ленинграда. Необходимо было отодвинуть линию нашей обороны к северу. Советское правительство пыталось добиться дружественных отношений с буржуазным правительством Финляндии. Когда это не удалось, предложило Финляндии в обмен на Карельский перешеек вдвое большую площадь на востоке, в Карелии, но Финское правительство отказалось вести переговоры на эту тему, доказав тем самым свои агрессивные намерения. На финско-русской границе начались так называемые «инциденты», приведшие к началу развернутых военных действий 30 ноября 1939 г.

Об этом сообщили по радио, на работе днем. Было приказано во всех домах устроить затемнение. Город погрузился на ночь в полную темноту, ожидали налетов.

Во время войны с Финляндией занятия у нас ни на один день не прерывались, рабочий день был удлинен с шести до восьми часов, соответственно пришлось пересмотреть нормы выработки, так как фонд зарплаты не увеличился. Но резко возросли административные строгости; пользуясь военным положением, правительство начало подтягивать дисциплину. При этом, как всегда, не обошлось без пересаливания. За небольшое опоздание на работу администрация должна была увольнять или предавать суду. Суд приговаривал к принудительным работам с вычетом части зарплаты. Говорили, например, «он получил шесть двадцать» или «три сорок». Это значило: приговорен на 6 (или 3) месяца принудительных работ с вычетом

20 % или 40% из зарплаты. Строгости доходили до абсурда. Одна моя пожилая сослуживица, очень добросовестный работник, из-за нарушения движения городского транспорта опоздала на двадцать минут на работу и была тотчас же уволена, несмотря на мои энергичные хлопоты и поддержку профессора Тихомирова. При этом говорили «счастливо отделалась!», так как за подобные нарушения дисциплины нередко предавали суду, который приговаривал к тюремному заключению не только мужчин, но и женщин, в том числе и кормящих матерей; их сажали в тюрьму вместе с младенцами!

К счастью, война длилась сравнительно недолго — окончилась 12 марта 1940 г. Прекратилось бессмысленное истребление людей на фронте, было снято военное положение и появилась надежда на уменьшение строгостей. Но... последнего не произошло!

Напряжение между государствами продолжало расти. Проглотив в 1939 г. Польшу и всю Чехословакию, присоединив к Германии Австро-Венгрию, Гитлер в апреле 1940 г. внезапно оккупировал Данию и Норвегию, в мае занял Бельгию, Нидерланды и Люксембург, вторгся во Францию и 14 июня 1940 г. без боя занял Париж. 22 июня президент-предатель Петэн в Компьенском лесу подписал акт о капитуляции Франции. В апреле 1941 г. под натиском немцев пала и Югославия. Обеспечив себе столь широкий плацдарм, Гитлер начал сосредотачивать войска на восточной границе.

В воскресенье 22 июня 1941 г. была хорошая погода, и я поехал с дочкой на ст. Сиверскую проведать родственников и погулять в лесу. Пассажир, севший в наш вагон в Гатчине, сообщил, будто по радио только что сообщили о начале войны с Германией. На ст. Сиверской несколько человек подтвердили, что Германия, нарушив договор, вероломно напала на СССР.

Дойдя до дачи, (где жили Н. Н. Ванина с тетей и маленькой дочерью), чтобы договориться, что предпринимать, мы сразу же вернулись на станцию. Уехать в Ленинград оказалось гораздо труднее, чем приехать: на вокзале царил хаос, расписание поездов было нарушено, толпа дачников хлынула в город. Мы с трудом попали в проходящий поезд.

В Ленинграде шла мобилизация. Снова военное положение. Не зажигались уличные фонари, завешивали окна. Но нарушения порядка в первые дни не наблюдалось. Немецкая авиация была занята бомбардировкой западных городов и на Ленинград налетов не совершала. Однако, продвижение немецких армий было так

быстро, что уже в июле осада города стала вполне возможной и началась эвакуация детей, инвалидов и материальных ценностей. Моих пасынков в Ленинграде не было: Геня в начале войны был в Баку, где его мобилизовали, Элий работал в геологической партии где-то в Сибири. Мы с женой решили отправить Неру (ей шел 17 год) с ее двоюродной сестрой, Надеждой Николаевной Ваниной, которой было поручено вывезти в Ярославль группу детей писателей. Проводив их, мы стали ждать эвакуации Арктического института.

В противоположность тому, что было в Финскую войну, работа в нашем институте была нарушена. Много сотрудников ушло в армию; кто по призыву, кто добровольцем. Оставшиеся копали «щели» (окопы для укрытия от бомб) в саду института, срочно проходили военную подготовку (обучались стрельбе, метанию гранат и пр.), дежурили на постах противовоздушной обороны и на крышах (в институте и дома). Мне поручили упаковку нашего «золотого фонда» архивов наблюдений. В августе МЖД была перерезана немцами, но путь через Званку на восток еще оставался. Почему-то вместо эвакуации по этому пути всех сотрудников было решено отправить в Красноярск только архивы. Сопровождать их в товарных вагонах были назначены только два человека: один гидролог и я. Нам было разрешено ехать с семьями и необходимейшими вещами. Однако, накануне назначенного дня отъезда директор Буйницкий, человек молодой и недавно выдвинутый на этот ответственный пост, поверив доносу, сделанному на меня одним склочником, отменил мою командировку и нам с женой пришлось распаковать свои чемоданы...

Потянулись скучные, трудные и опасные для жизни дни блокады. Немцы разбомбили склады продовольствия в первый же месяц бомбежки, в результате чего продовольственные пайки сразу резко уменьшились и были введены продовольственные карточки. Налеты производились и днем и ночью.

Немцы блокировал Ленинград дугой с юга от Финского залива через Пулковку и Колпино до Ладожского озера. Левый берег Невы был занят немецкой армией, правый нашей. На севере, поперек Карельского перешейка, проходил финский фронт. Связь с Россией сохранялась только через Ладожское озеро, где самолеты противника обстреливали и нередко топили наши суда и баржи.

Из-за недостатка угля вышли из строя электростанции, город лишился света и транспорта. Началась аномально-холодная зима

(температура держалась около -20°), центральное отопление прекратилось, достать дрова не было возможности. Домашние запасы керосина, у кого он был, позволяли освещаться только «мигалками» — самодельными лампочками, которые давали мало света и сильно коптили. Отапливались с помощью «буржук» — маленьких железных печек, жгли мебель, книги... В результате охлаждения домов в трубах замерзла вода и прекратилась не только подача ее, но и сток по фановым трубам. В ход пошли параши. Помойные ямы не очищались, дворы превратились в клоаки...

За водой ходили на Неву, где у прорубей выстраивались длинные очереди. Ночью хождение по улицам разрешалось лишь по специальным пропускам, но уже с вечера, после пяти, наступала кромешная тьма, так как все окна были тщательно завешаны (случайные щели света принимались за сигналы!), в пасмурные дни (а в Ленинграде зимой все дни пасмурные!) не было видно дальше, чем на 2–3 шага, легко было натолкнуться и на столб и на прохожего, ходили как слепые...

Но самым страшным злом была не темнота, не холод, не обстрелы, а голод. Он уносил гораздо больше жертв, чем бомбардировка. Люди падали на улицах от измождения и замерзали, так как никому было помочь подняться. Санитарные команды не успевали вывозить трупы. Когда умерла одна малознакомая женщина, я не был в силах похоронить ее, но хотел сообщить о ее смерти сыну; в воскресенье пошел с Васильевского на Петроградскую сторону и по дороге видел несколько трупов в разных положениях, а на набережной Б. Невки трупы были сложены поленницами, как бревна. За отсутствием работы (материалы все вывезены!) и средств, за невозможностью эвакуировать сотрудников, директор АНИИ принял соломоново решение: с 1 октября 1941 г. почти все работники были уволены. Это лишало нас не только зарплаты, но и, самое главное, продкарточек, т. е. права на хлеб и другие продукты, которых купить в осажденном городе было негде. Иначе говоря, увольнение с работы было для многих приговором к смерти!

Я хотел вернуться в ГГИ или в ЛУГМС, где работал до поступления в АНИИ, но там тоже не было работы, не могли нанимать новых сотрудников. С 1 по 28 октября искал я работу, пока не узнал, что из Кронштадта переехала в Ленинград Морская обсерватория КВФ. Она временно занимала верхний этаж здания Гидрологического

института. Там меня приняли на должность старшего инженера. Мне было близко ходить на работу с 14-й 2-ю линию В. О. Некоторые же товарищи жили на Охте и на Выборгской сторона, а транспорта никакого не было, ходили ежедневно, истощенные недоеданием!

Приведу выписку из своего дневника, который я вел с 1 января 1942 г. до эвакуации.

10 января. Вот уж последний день декады, а в магазинах до пор не получены даже скудные нормы выдачи продуктов на 1 декаду января. Продуктов нет, как не было их и в декабре. В столовых кормят с каждым днем хуже: суп, сваренный из зеленых листьев капусты (так называемый «хряп») без крупы, продается с вырезом из карточек талона на 25 г крупы. Суп горький с каким-нибудь отвратительным растительным жиром или вообще без всякого. Отвар из лапши, который бывает редко, кажется уже вкусным супом и без жира. На второе дают котлеты из дуранды; маленькая котлетка берет еще 25 крупы из продкарточки. За кусочек вареной конины, в 22–23 г весом, вырезают талон в 50 г мяса. Но второе, вообще, бывает далеко не каждый день. Чаше весь «обед» состоит из одного, с позволения сказать, «супа».

23 января. Я получил вчера в военторге (этим привилегированным магазином я получил право пользоваться, как работник военной обсерватории) январские продукты на Катю и на себя. Простоял в очереди три часа, в том числе час на морозе. Оба пайка стоили 4 р. 90 к. В них входило: 100 г масла, 106 г пшена (остальная часть полагающихся по пайку круп «съедена» в столовых, т. е. талончики вырезаны при выдаче супа, обычно не содержащего никаких круп), 100 г сахарного песка и 100 г повидла, которое выдается за недостатком сахара в том же весовом количестве. Да, еще: маленький кусочек кухонного мыла. Этим пайком даже один человек и дня сыт не будет, а нам, кроме перечисленного не выдавали ничего с 1 декады декабря...

Действительно, теперь мне, прожившему самый голодный период блокады в Ленинграде, кажется невероятным, как можно было выжить! Нас с Катей в первые месяцы выручали небольшие продовольственные запасы, которые мы всячески растягивали; кое-что Кате удавалось выменять на вещи (очень мало!), но жиров не хватало и парциальное голодание вероятно довело бы нас до больницы и смерти, если бы у нас не было горячего желания соединиться с детьми и мы позволили бы себе падать духом. Однако, одной силой воли все же в таких условиях долго продержаться нельзя. Нас

вывезла, как говорят, кривая: 4 февраля был, наконец, решен вопрос об эвакуации сотрудников Арктического института и Тихомиров предложил мне ехать с ним в Красноярск.

Глава XIII

Эвакуация. Жизнь и работа в Красноярске

Все произошло неожиданно быстро. В один день мне удалось оформить увольнение из Морской обсерватории и восстановление в старой должности в Арктическом институте. Всю ночь при свете последних свечей и при температуре -10° мы с Катей выбирали самое необходимое из вещей, а 6 февраля утром добрались с чемоданами на детских санках до Гидрологического института, откуда днем нас вывезли на грузовике на Финляндский вокзал. В поезд удалось попасть лишь на следующий день, а пошел он лишь ночью на 8 февраля. В эти дни немцы стремились разбомбить Литейный мост. Фугасные снаряды падали в районе вокзала, было много убитых, но нам повезло.

Утром восьмого приехали на ст. «Ладожское озеро», девятого благополучно проехали по «ледяной дороге жизни». В этот день немцы не бомбили, а накануне наш эшелон был задержан на берегу, потому что несколько машин было спущено под лед. Ст. Войбокала, куда нас привезли, была уж за линией фронта. Там нам выдали по 500 г хлеба и накормили настоящим обедом — супом и кашей!

На Ладожском озере, сидя в неудобней позе на вещах открыто грузовика, я отморозил себе правую ногу, а потом в Войбокале валенком содрал кожу с подъема этой ноги. Началось нагноение, из-за которого много мне пришлось помучиться и в дороге, и после. Сильная боль не позволяла ходить. В пульмановском вагоне с нарами было много народа, почти все больные. Один умер в вагоне, другой в Вологде. Питания налажено не было, маленькая железная печка не нагревала всего вагона, было очень холодно.

До Вологды ехали 3 дня. Тринадцатого нас высадили на перроне Вологодского вокзала и перевезли для чего-то на машинах в город, где устроили в холодных бараках. Вещи сложили штабелем на платформе под открытым небом, в камеру хранения не принимали. Многие потом не досчитали своих мест. У нас пропал рюкзак и одна корзина с не очень нужными вещами.

Если бы мы с Катей имели силы, надо было бы пробираться на восток индивидуально, но пришлось придерживаться эшелона,

который отправили на юг только через 6 дней. Еще через 4 дня мы доехали до Ростова (Ярославского), куда поезд пришел двадцать третьего утром.

Устроили нас в общежитии Ростовторга, где было тепло и стояли обыкновенные кровати. Пищу приносили четыре раза в день очень маленькими порциями из столовой. Благодаря этому уменьшилось число гастрических больных, но на почве дистрофии у многих обострились разные другие болезни, у меня не заживали раны на ноге. Доктора дозваться не удалось, бывал фельдшер, но у него не было лекарств. В обмен на папиросы удалось достать риваноль для компрессов на ногу, что уменьшало боли, но ходить я не мог и целый месяц пролежал в кровати.

После многих телеграмм, посылавшихся нами в НКПС и ГУСМП было, наконец, получено разрешение выехать из Ростова в Красноярск, но по дороге нам пришлось еще 2 недели провести в одной из Ярославских школ и на место назначения мы прибыли лишь 13 апреля. Меня сразу же с поезда отправили в больницу для лечения ран на обмороженной ноге и сильной дистрофии.

Зная, что наша дочь находится в Перми, мы посылали ей телеграммы и из Ростова и из Ярослава, но она их вовремя не получала и хотя часто бегала на вокзал, но наш эшелон все же прозевала и выехала из Перми лишь 23 апреля, получив нашу телеграмму уже из Красноярска. С помощью беженцев, разными поездами она зайцем добралась к 5 мая до Красноярска, где к тому времени жена получила комнату в общежитии Арктического института.

Я пролежал в больнице почти 3 месяца и лишь 4 июля был выписан с незажившей еще до конца раной, а 6 декабря вышел на работу. Трудная передо мною была поставлена задача: восстановить обработку наблюдений полярных станций с наново набранным штатом сотрудников. Это были бывшие учителя, медицинские работницы и, главным образом, девушки, только окончившие школу и ранее нигде не работавшие; никто из них не знал Метеорологии и не был метеонаблюдателем. С ними приходилось заниматься и коллективно и индивидуально, обучать азбуке практической метеорологии и одновременно требовать выполнения плана. С этой трудной задачей я один, конечно, не справился бы, если бы, кроме зеленой молодежи не было несколько человек среднего возраста, которые понимали значение работ и поддерживали трудовую дисциплину.

Я ежемесячно выдавал записочки с индивидуальными заданиями с указанием сроков выполнения. Мне очень помогло в этом наличие норм времени для всех стадий обработки метеонаблюдений. На ежемесячных производственных совещаниях подводились итоги выполнения плана и обсуждались причины отставания и перевыполнения плана. По желанию техников-новичков месячные планы были заменены декадными. О сдельной оплате труда в Красноярске даже вопрос не поднимался! Большинство работников еле укладывались в нормы времени.

По вечерам я занимался составлением руководства для обработки метеонаблюдений полярных станций и сборника вспомогательных таблиц, облегчающих работу наблюдателей и вычислителей. Обе книжки были напечатаны еще во время войны; тогда находились силы и средства для изданий трудов, не имеющих непосредственного значения для победы над противником! В Первую мировую войну не было ничего подобного.

Жизнь в Красноярске была значительно труднее, чем в Бийске 20-х гг. Хотя я получал, кроме зарплаты, продовольственную карточку I категории, а жена и дочь II категории, приходилось покупать кое-что на рынке, а когда вещей на обмен больше не стало (не много удалось привезти из Ленинграда!), жене пришлось временно поступить на завод. Летом 1943 г. на горе над городом нам отвели участки земли под картофель, а на полученных у знакомых грядках пойменного огорода мы высадили рассаду помидор и посеяли овощи. Обработка огородов стоила мне гораздо больше сил, чем привычная работа за столом, несмотря на помощь жены и дочери. Но зато осенью мы еле справились с уборкой обильного урожая. Такой огромной картошки, таких прекрасных помидор и овощей мне никогда, даже в Бийске, не приходилось видеть!

С большим удовлетворением вспоминаю успехи нашей дочери, Нерочки, проявленную ею в годы войны исключительную инициативность и энергию в достижении самой себе поставленных целей.

Весной 1941 г. она перешла в десятый класс средней школы № 17 на В. О. Осенью того же года, несмотря на трудные условия жизни вне своей семьи в эвакуации, поступила в Краснокамскую среднюю школу, где хорошо училась до марта 1942 г. Приехав в Красноярск, Нера сразу же поступила в школу № 10 и летом того же 1942 г. окончила полный курс средней школы, получив аттестат зрелости

круглого отличника, который по действовавшим правилам давал ей возможность поступить в любой вуз без вступительных экзаменов. Но в Красноярске не было ни одного института, в котором Нера хотелось бы учиться, а оставлять родителей в такое время она не считала возможным. Поэтому Нера поступала на должность техника в Арктический институт, в Геомагнитное отделение. Все это делалось ею без всякой помощи со стороны родителей. Работа в Институте с самого начала пошла настолько успешно, что уже через полгода ее перевели в старшие техники. Летом 1943 г. Институт откомандировал Неру в порядке обязательной общественной работы в Подкаменную Тунгуску, на рыбный промысел. Намечавшегося трехмесячного срока Нера, однако, там не проработала: убедившись в бесполезности своего участия в бригаде, плохо организованной, не снабженной необходимым орудием лова, она через два месяца вернулась в Институт.

Осенью 1943 г. в Красноярске возобновил свою работу Ленинградский Гидрографический институт Главсевморпути и Нера поступила на I курс Гидрометеорологического факультета. Там мы с ней встретились как преподаватель и студент, а летом 1944 г. мы были на практических занятиях по Метеорологии и Геодезии, организованных институтом в Красноярском заповеднике «Столбы».

Все сотрудники Арктического института участвовали в разных субботниках и воскресниках, в занятиях по истории партии и по диалектическому материализму. Я не пропускал ни одной лекции по истории международных отношений и о современном положении. Лекции читались как красноярскими лекторами, так и приезжими из Европы. После освобождения Сталинграда началось контрнаступление советских войск и одна за другой приходили радостные вести о прорыве блокады Ленинграда и освобождении городов Орла, Белгорода, Киева и, наконец, пришло сообщение о полном освобождении Ленинграда 27 января 1944 г.!

Летом 1944 г., после мощных ударов советской армии в районе Карелии и на Карельском перешейке, было решено реэвакуировать Арктический и Гидрографический институты в Ленинград. С этой целью в Красноярск был прислан специальный железнодорожный состав из классных и товарных вагонов, составлялись списки пассажиров-реэвакуантов по вагонам. И вдруг меня вызывает директор Буйницкий и приказывает через день вместе с начальником Геофизического отделения, профессором Е. И. Тихомировым, вылететь

на гидропланах по Енисею на о. Диксона, чтобы принять участие в инспекции сети полярных станций вместе с комиссией ГУСМП. Поручив родных заботам товарищей и наскоро собравшись, мы приехали в назначенное время в Красноярский речной аэропорт с тем, чтобы уж более не возвращаться в Красноярск.

Глава XIX

На гидросамолетах в Арктику. Возвращение в Ленинград.

Реставрация метотдела в АНИИ. Работа в ЛАУ

После двухчасового ожидания нас пригласили занять места в стоявшей у причала лодке с крыльями. В тесной и низкой каюте можно было передвигаться только согнувшись. Коек для лежания не было, из-за вещей и сидеть было неудобно. Люки задраены, иллюминаторов вообще нет. Почти полная темнота. Вентиляции никакой. Взлет и посадка на воду сопряжены с сильной встряской, хуже чем трясет на ухабах при быстрой езде на телеге. Такими были в то время маленькие речные гидропланчики.

Первый этап нашего полета в полуденное время сопровождался частыми провалами в ямы. Но самое неприятное ощущение вызывали отработанные газы бензинового двигателя; мне казалось, что я вот-вот задохнусь: форменная душегубка!

Когда гидроплан приводнился у Енисейска, открыли люк и разрешили вылезти из каюты на воздух, я едва добрал до песчаного склона берега могучей реки и не менее часа лежал, пока снова обрел способность нормально дышать, говорить и двигаться. Но следующий этап — перелет от Енисейска до Подкаменной Тунгуски оказался менее мучительным. Солнце ли после полудня меньше нагревало кабину или улучшили вентиляцию в ней, не знаю, но дышать стало легче и качало меньше. В Верхне-Имбатском мы пересели на более сильный и с более свободной каютой американский гидроплан, стало совсем хорошо.

В Игарке ночевали на пристани, в комнате для пассажиров. На следующий день осмотрели «город» Игарку — большое селение на правом берегу Енисея, с длинными улицами, сплошь замощенными бревнами, как гать. Деревянная столица Нижне-Енисейского края, поставляющая лес в Западную Европу. Дом культуры, кино, библиотека — все как полагается!

Вечером перелетели в Дудинку, где за отсутствием пристани самолет прирулил к песчаной косе. Пассажиров и вещи переправляли

с борта на лодках. Чемоданы оставили лежать на берегу без всякого присмотра — «никто не возьмет!», а сами пошли за километр в здание речного пароходства, где пришлось прожить 3 дня в ожидании летной погоды. Хотелось съездить в Норильск, тогда еще молодой, но многообещающий комбинат, только что соединенный с Дудинкой железнодорожной веткой. Но нельзя было отлучаться, так как с часу на час ждали посадки на самолет.

Но вот мы снова в полете. Через маленькие иллюминаторы под нами раскрывается величественная панорама широкого, могучего Енисея с его бесчисленными островами, островками и мелями. Настроение приподнятое: это последний этап затянувшегося перелета на Диксон, скоро увидим Северный Ледовитый океан, встретимся с товарищами, ожидающими нас на полярной станции. И вдруг по радио приказ: сесть в Гольчихе, на полпути от о. Диксона; к острову нагнало много льдин, нельзя сделать посадку.

После растущих новостроек Игарки и Дудинки Гольчиха произвела особо-удручающее впечатление. В голой, холодной тундре выстроен длинный ряд жалких хибарок, населенных рыбаками с семьями, ни кустика кругом; полярное солнце лишь летом невысоко поднимается над горизонтом; зато ветер властвует над поселком круглый год, нанося сугробы снега. Поселок был заселен переселенцами — так называемыми «раскулаченными» с Прибалтики. Одетые в разное отрепье, не имея ни необходимого орудия лова, ни специальной экипировки, эти изгои не могли обеспечить себя рыбой даже для самопропитания, а должны были выполнять «государственной план улова», чтобы получать предметы первой необходимости и снаряжение. Гольчиха осталась у меня в памяти, как поселок обреченных...

Лишь на шестой день нашего вылета из Красноярска, покружив в бухте против полярной станции Диксон, наш гидроплан опустился на рейде. Мотобот доставил нас к пристани, от которой поднималась деревянная лестница на скалистый остров. Несколько двухэтажных деревянных домов, своя электростанция, рация, большая столовая, клуб с кинотеатром, маленькая банька, соединенные деревянными мостками, стояли на голых скалах южного конца острова. Узкий пролив отделяет его от материка. На южном берегу пролива расположен полярный порт Диксон. Уже тогда порт занимал большую площадь и был окружен порядочным поселком. Теперь, говорят, порт Диксон неузнаваем.

В ожидании задержавшейся московской комиссии мы с Евгением Ивановичем Тихомировым прожили у гостеприимных полярников 2 недели. Я имел возможность не только детально проверить всю работу метеостанции, но и познакомиться с бедной природой острова. Вся его поверхность — это обнаженная или замшелая скала, лишь кое-где покрытая тонким слоем почвы со скудной травянистой растительностью. Изредка в расщелинах скал попадаетеся полярная березка (*Betula nana*) — низкий, стелющийся по земле кустарник с мелкими зубчатыми листьями.

Между наклонными плоскостями скал я даже в августе обнаружил фирновые поля — участки, покрытые плотным крупнозернистым снегом, не успевающего до конца растаять в течение короткого полярного лета. Измерив плотность фирна, я нашел, что во многих местах она достигает $0,50 \text{ г/см}^3$, т. е. половины плотности воды. Из-под фирна ручейком текла талая вода — настоящий ледник в миниатюре!

Когда, наконец, прибыл долгожданный самолет (большой, человек на сорок!) с москвичами, мы через несколько дней смогли вместе с ними продолжить путь на восток. Долго летели через Пясинский залив, вдоль берега Харитона Лаптева, на котором где-то лежала маленькая полярная ст. Мыс Стерлегова. Пролетая над ней, мы не знали тогда о разыгравшейся на ней трагедии. Одна из немецких подводных лодок, которые крейсировали не только в Баренцевом, но и в Карском море, высадила десант и захватила немногочисленный персонал метеостанции, застигнутый врасплох. Изъяв нужные им документы и продукты, немцы сожгли станцию, а полярников хотели было расстрелять, но передумали и увезли в трюме лодки, как «языков». Сначала их доставили в один из норвежских лагерей, а затем перевезла в Германию, где в 1945 г. они были освобождены одной из частей советской армии.

Дойдя до архипелага Норденшельда с его островами, названными в честь Вилькицкого, Пахтусова, Бианки (моего отца) и др. исследователей Арктики, наш гидроплан взял курс на юг по долине р. Таймыры. Над Таймырским озером порывом ветра сорвало одну из наружных дверей самолета и нагнетаемым в тамбур воздухом начало так трясти массивную внутреннюю дверь, что, казалось, она тоже выскочит из петель. Навалившись всей тяжестью своего тела, я немного сдерживал вибрацию двери, пока самолет не опустился в Хатанге. Там тоже была наша станция, с которой из-за недостатка времени мне пришлось познакомиться довольно поверхностно.

На следующий день мы снова поднялись в воздух и, пролетев мимо Нордвика, через Оленёкский залив над дельтой р. Лены, с ее бесконечным числом русел, колен и протоков, поздно вечером опустились на водную гладь бухты Тикси. Большая геофизическая станция Тикси находится южнее поселка, на южном берегу губы Буорхая моря братьев Лаптевых. Туда нас доставил катерок.

Кроме полной программы метеорологических наблюдений в Тикси велись актинометрические, аэрологические, гидрологические, магнитные и ионосферные наблюдения. Проверка всех работ, инструктаж, производственные совещания заняли 10 дней. К концу этого срока выяснилось, что лететь дальше на восток, как предполагалось, мы не можем, так как у берегов появился припай, затрудняющий посадку гидроплана. Прожив в Тикси еще с неделю, пока ремонтировали наш самолет, и не дождавшись улучшения ледовой обстановки, мы взяли курс на Архангельск с приземлениями в Хатанге, Дудинке и Каре. Этот перелет на гидроплане проходил полностью над материком. Мы пересекли Северо-Сибирскую и Западно-Сибирскую низменности, представляющие собой с воздуха сплошную сеть озер, рек и паутина мелких протоков на фоне совершенно безлесной, но разноцветной тундры. Большеземельская тундра Архангельской области все же перемежается участками леса, растущего вдоль рек и оврагов. За весь дневной перелет от Кары до Архангельска мы видели только одно большое поселение г. Нарьян-Мар в устье Печоры.

На четвертый день по вылете из Тикси мы спустились в устье Северной Двины около Архангельского речного порта. Поезд ушел ночью и мы с Евгением Ивановичем решили не оставаться в Архангельске на следующий день, но все же я успел вечером проехаться на трамвае по главной улице города.

Медленной и нудной кажется езда на поезде после самолета, особенно по скучной, однообразной, заболоченной архангельской тайге! Но зато большим комфортом было мягкое купе вагона! На Московском вокзале Евгения Ивановича встречала его жена, меня — моя Нерочка. Она привезла меня в новый дом полярников у Финляндского вокзала, где Арктический институт временно предоставил нам комнату, так как за время нашего отсутствия наша квартира на Васильевском была занята.

В 1945 г. я начал судебный процесс для возвращения моей старой квартиры на 14-й линии В.О. К осени состоялось решение суда

и мы вернулись в свою квартиру, ставшую уже коммунальной: ее снова соединили с другой половиной, а в моей половине мне разрешили занять только три комнаты из четырех.

В Арктическом институте меня ждали реставрационные работы: надо было снова создать коллектив для обработки наблюдений полярных станций: из Красноярска приехало лишь два моих сотрудника, столько же вернулось из тех, которые работали у меня в отделе до эвакуации. Остальных надо было найти и обучить заново. Но это оказалось более легким делом, чем было в Красноярске. Во-первых, был более широкий выбор кандидатов, во-вторых, мой опыт больше. Вскоре после моего возвращения из Арктики оттуда стали поступать посылки с материалами наблюдений и наша машина снова заработала!

В конце 1944 г. меня пригласили по совместительству работать в ЛАУ, вновь организованном Ленинградском арктическом училище. Это было сначала двухлетнее училище для окончивших среднюю школу, а затем стало четырехлетним техникумом для подготовки наблюдателей и телеграфистов полярных станций.

Техникум помещался в здании ВМУ (Высшего арктического морского училища), в котором продолжала учиться моя дочь, на Заневском проспекте в Малой Охте. Теперь этот техникум находится в Стрельне.

В 1945/46 учебном году Нера решила перейти на физфак Ленинградского университета, который окончила в 1948 г., не потеряв ни одного года, хотя программа Физмата больше и труднее.

Глава XV

Окончание войны. Ее последствия

Зимой 1944/45 г., когда мы жили уже в Ленинграде, война еще продолжалась, хоть и вдали от нас. Сводки с фронтов приходили все более утешительные, радостные. Красная армия неудержимо рвалась на запад. Уже в августе 1944 г. была отвоевана Молдавия и советские войска вступили в Румынию. В сентябре были освобождены Болгария и Эстония, в октябре Латвия и Югославия, в декабре Венгрия, в январе Варшава. Наши войска вступили в Германию... И вот, 8 мая 1945 г. в Берлине подписан акт о безоговорочной капитуляции Гитлеровской Германии! Как и о начале войны, весть о конце ее молниеносно распространялась стоустной молвой; я услышал эту радостную весть тоже не дома, а утром 9 мая в трамвае. Вечером весь Ленинград любовался грандиозным фейерверком на Неве.

С фронта приехали мои пасынки: сначала Элий, потом Геня. Геня был серьезно ранен на украинском фронте. Ему ампутировали левую руку. Его жизнь висела на волоске. Спасло его лишь неоднократное переливание крови; здоровое сердце помогло организму справиться с заражением крови.

Генина семья, Нина с детьми, провела всю войну в изыскательских партиях. Сначала Нина работала на Сев. Кавказе, потом в Гурьеве. К возвращению Гени все собрались на 14-й линии. Погостив у нас, они уехали в Саратов.

Элия война застала в Сибири, где он работал в геологической экспедиции. После его мобилизации бывшая с ним жена, Валя, приехала к нам в Красноярск, а затем уехала в Черемхово, куда были эвакуированы ее родители. По демобилизации Элий продолжал работать в Геолкоме (ЦНИГРИ) и жил с нами на 14-й линии. Первый ребенок у Вали родился 7 июня 1946 г. Я узнал об этом во Владивостоке.

Во время нашего пребывания в эвакуации почти все наши вещи, оставленные в квартире на 14-й линии, были расхищены или сожжены. Лишь небольшую часть мебели удалось реставрировать. По требованию акта я составил опись пропавшего во время блокады имущества, но дальше акта за № 1008 дело не пошло: некому было предъявить иск! Личные потери, конечно, ничтожны по сравнению с колоссальным ущербом, причиненным стране в целом. Миллионы жизней и калек, разрушенные города и бесчисленные селения, заводы и фабрики, все это дезорганизовало народное хозяйство, особенно сельское, торговлю, снабжение населения предметами первой необходимости. Карточная система распределения сохранялась еще долго после окончания войны. Ограниченность зарплаты не позволяла покупать продукты у частных лиц по рыночным ценам, а получать товары по государственным ценам можно было в магазинах в весьма ограниченном количестве, по карточкам. Только в Арктике не было никаких лавок, а питание и обмундирование, как в армии, предоставлялось всем служащим бесплатно, так что зарплата оставалась нетронутой до выезда на «большую землю». Сотрудники ГУСМП, выезжая в командировку в Арктику, получали теплую одежда по государственным ценам, а на полярных станциях питались вместе со всеми полярниками бесплатно.

К последствиям войны следует отнести и усиление влияния Сталина. Если в первую мировую войну наши войска боролись «за царя», то вторая война, можно сказать, прошла под лозунгом «за

Родину, за Сталина!» Сталину было присвоено звание Верховного главнокомандующего, Сталин выступал от имени всего русского народа, Сталину приписывались все наши победы (а об его стратегических ошибках умалчивалось), Сталину была предоставлена власть самодержца и он широко пользовался этой почти неограниченной властью после войны, единолично расправляясь со своими действительными и воображаемыми врагами. Диктатура и террор, широко практиковавшиеся по всей стране, не только ни пресекались, но и поощрялись Сталиным, везде и во всем видевшим измену себе лично и революции.

Число жертв этого режима, получившего после смерти Сталина название «культ личности», значительно увеличило число погибших на войне и, что не менее важно, затормозило ликвидацию причиненных ею разрушений и прогресс в области хозяйства, науки и искусства.

Можно удивляться, как меня миновала участь многих моих друзей, родных и знакомых, попавших в рубрику «репрессированных», т. е. насильно изолированных от своего общества людей. Думаю, что и я не избежал бы той же участи, если бы был немного активнее в отношениях с властью имущими. Под последними надо понимать в данном случае не только государственной властью облеченных, но и всех начальников и даже завистников, способных на ложный донос. Ни один человек из известных мне людей, пострадавших во время «царствования» Сталина, не был действительным врагом советской власти, все были репрессированы по ложным доносам.

Так, еще в 30-х гг., уехала на Колыму Н. И. Гаген-Торн, «пришитая» к какому-то ей неизвестному «делу». Вернувшись через 10 лет на родину, она нашла в себе силы защитить кандидатскую диссертацию и работала в Этнографическом институте АН. Но и там нашелся доносчик, благодаря которому ее снова посадили на 5 лет в концлагерь, а затем выслали в Красноярский край на неопределенное время.

Нине Гаген-Торн удалось, к счастью, пережить Сталина и дожидаться полной реабилитации, а мой школьный товарищ С. С. Гальперсон-Баранов, вторично арестованный после войны в Москве, так и погиб в каком-то якутском концлагере...

Упомянутая выше биечанка Г. В. Мишкина, окончив в Ленинграде Первый медицинский институт, весьма успешно практиковала в провинции, пользуясь любовью и репутацией знающего врача

у пациентов, но нашлись-таки мерзавцы, которые подвели ее под 58 статью У. К. («измена Родине»). Получив 25 лет, она наверное так и погибла бы в сибирских лагерях, если бы, благодаря смерти Сталина, ее не реабилитировали через 8 лет мучений. Таких примеров можно привести много. Те из моих знакомых, кто не умер в тюрьме, все оказались реабилитированными, многих продолжают посмертно реабилитировать и до сих пор, что, конечно, имеет только моральное значение для родных. Но еще больше людей, чем было в СССР репрессировано, пострадало материально и нравственно из-за неустойчивости и непоследовательности внутренней политики. Хотя правительство всех составов беспрестанно провозглашало своим лозунгом «все для человека!», но человеку-то и не доверяли, не умели ценить, поддерживать и беречь...

Глава XVI

На «Северном Полюсе». К полюсу недоступности

Материалом для настоящей главы послужил мой экспедиционный дневник, в котором, кроме технических записей, имеются и хронологические данные.

В апреле 1946 г. начальник Геофизического отделения АНИИ профессор Тихомиров неожиданно выдвинул мою кандидатуру в члены комплексной высокоширотной Восточной экспедиции на ледоколе «Северный Полюс». Начальником экспедиции был назначен И. В. Максимов, его заместителем по научной части М. М. Сомов. Кроме них в экспедиции участвовало тридцать семь научных работников и восемь студентов. Целью экспедиции ставилась всестороннее обследование района «полюса относительной недоступности», расположенного в высоких широтах Чукотского моря севернее Берингова пролива, а также северных участков Восточно-Сибирского моря и, если позволит ледовая обстановка, проход с востока на запад, от Чукотки до Мурманска.

Приказом № 9152 по АНИИ Главсевморпути от 4 мая 1946 г. я был назначен руководителем метеорологической группы экспедиции. Кроме метеорологии в программе были следующие специальности: океанография, гидрология, гидрография, гидрохимия, ледоведение, геофизика, биология, ботаника, аэрология и актинометрия. В состав экспедиции входили также три синоптика (служба погоды), художник, фотограф, кинематографисты, врач, инже-

нер-конструктор приборов и студенты ВАМУ и ЛГУ.

Основной состав экспедиции (двадцать два специалиста и шесть студентов) выехал 28 мая в мягком вагоне скорого поезда из Ленинграда, остальные позже прибыли во Владивосток из Москвы.

Наш поезд пришел во Владивосток в ночь на 11 июня. На следующий день мы разместились по каютам ледокола «Северный Полюс», стоявший для ремонта в сухом доке в вершине бухты «Золотой Рог». Это был американский дизель-электроход, полученный нами в порядке lend lease (в аренду). Ледокол этот имеет очень большой радиус действия, позволяющий без снабжения топливом пересечь весь Северный Ледовитый океан. Скорость его до 20 узлов (узел — 1,852 км/ч). Ледокол снабжен разными техническими новинками от электролага и эхолотографа до полной радиофикации и подачи теплой и холодной воды в каждую каюту.

Ремонт ледокола закончился лишь в конце июня, 6 июля ходили на ходовые испытания, 11 и 12 июля производилось размагничивание корпуса корабля (во избежание столкновения с плавающими минами) и лишь 20 июля, определив девиацию компасов, мы вышли, наконец, в плавание. Такое начало (задержка во Владивостоке на четыре декады) не сулило успехов нашей экспедиции, организация которой оставляла желать лучшего.

Уже в первые дни курсирования для испытаний ледокола по Японскому морю у меня произошел конфликт с руководством экспедиции по вопросу, определявшему качество предстоявших метеорологических наблюдений. По приказу Начальника, не согласованному со мною, на вахту для метеорологических, гидрологических, ледовых и актинометрических наблюдений было назначено девять человек (семь студентов и две женщины-гидролога). Ни один из них с метеорологическими наблюдениями знаком не был и большинство знакомиться не желало. Я просил ради обеспечения однородности и полной добросовестности наблюдений выделить метеовахту, для которой дать мне четырех студентов. Максимов с этим не согласился, наблюдения производились из рук вон плохо и почти полностью легли на меня одного. Лишь 8 августа, когда мы находились в Чукотском море, мне удалось через Сомова убедить Максимова в необходимости зафиксировать постоянный состав метеонаблюдателей, освобожденных от несения других вахт. Но на круглосуточную вахту начальник назначил только двух студентов

и меня, при- чем на нас троих возложили также актинометрические наблюдения и часть гидрологических. В то же время актинометрист и гидрологи были освобождены от вахты под предлогом необходимости вести методическую работу. В условиях арктического плавания, при ежечасных наблюдениях, между которыми надо срочно обработать записи, зашифровать и отправить синдепешу, восьмичасовой рабочий день без выходных был очень труден как для меня, так и для студентов. Неся ответственность за метеочасть работ в целом, я должен был, кроме несения вахты, обучать и проверять студентов, а также вести работу по методике судовых наблюдений, которая разработана много хуже, чем для наземных стационарных наблюдений. Надо было выяснить влияние вибраций корабля на показания приборов, зависимость наблюдений от местоположения приборов на палубе ледокола и пр. вопросы. В других группах тоже было немало неполадок из-за неопытности и упрямства Максимова. Хотя срыв программы работ в целом зависел не от начальника экспедиции, но и за два месяца ее работ можно было сделать значительно больше и лучше, если бы удачнее был подобран состав работников, если бы они хорошо сработались и более организованно выполняли работы.

Приведу вкратце хронологию плавания Высокоширотной экспедиции 1946 г. АНИИ.

20.VII вышли из Владивостока, курс на бух. Провидения.

22.VII прошли пр-в Лаперуза, отделяющий Японское море от юга Охотского моря.

24.VII прошли через четвертый пролив между Курильскими о-вами и вышли в Тихий океан.

25.VII в виду южных берегов Камчатки легли в дрейф для производства первой глубоководной станции. Далеко на западе виднелись белые конические сопки Камчатских вулканов.

29.VII бросили якорь в бух. Провидения на Чукотском п-ве.

31.VII вышли в арктический рейс.

1.VIII прошли Берингов пр-в. Чукотское море встретило нас семи-балльным штормом. Взяли курс на норд по меридиану $170^{\circ} W = 190^{\circ} E$.

4.VIII вошли в тяжелые торосистые льды. Для работы на льду впер-вые сошли с корабля магнитологи и ледовики. Впоследствии эти выходы на лед часто повторялись; для производства методических наблюдений и для измерения снежного покрова на паке выходил и я.

Только в высоких широтах можно видеть такое разнообразие красок,

которые дают полярные льды: от прозрачных как стекло или молочно-белых, до ярко-синих и ярко-зеленых оттенков. В то время мы не располагали еще цветными пленками, а самые лучшие черно-белые снимки не дают представления о льдах разного происхождения и возраста.

6.VIII видели белого медведя; в Восточно-Сибирском море они встречались неоднократно.

7.VIII достигнув 75° с. ш. и, убедившись в невозможности форсировать паковые льды в северном направлении, «Северный Полюс» повернул на юго-запад.

14.VIII хорошо видели на юге горы о. Врангеля. На льдинах небольшие лежбища моржей. Убив двух моржей, подняли с помощью лебедек, туши на палубу. За обедом желающие могли попробовать моржатинку. Я не нашел ее вкусной. Точно испорченная и жесткая говядина!

Плавание в В-С море, из-за скопления севернее острова Врангеля паковых полей, было очень трудным и без помощи самолеторазведки, указывавшей ледоколу наиболее легкий фарватер, нам, может быть, пришлось бы застрять в этих льдах надолго. Получая с самолетов информацию, мы ежедневно сообщали по эфиру свои наблюдения над погодой. На языке полярников-наблюдателей проведение таких частых наблюдений для передачи в закодированном виде по радио называется «гонять погоду».

Ледовая обстановка на северной полярной трассе в 1946 г. вообще была не из легких. Около м. Шмидта и острова Андрея два самых мощных (в то время!) ледокола «Сталин» и «Микоян» не могли вызволить из ледового плена целый караван торговых судов. Из ГУСМП была послана специальная комиссия для ледовой разведки. Комиссию возглавлял профессор Н. Н. Зубов. От него 25 августа Максимов подучил приказ включиться на ледокол «Северный Полюс» в оперативную работу на трассе Севморпути в районе В-С моря. Тем самым срывалась программа экспедиционных работ.

26.VIII сломалась лопасть левого винта нашего ледокола, что заставило взять курс на Певек, где надеялись починить или сменить винт. Форсировать тяжелые льды с одним правым винтом было не легким делом и мы часто принуждены были ложиться в дрейф, дожидаясь развода льдов. С Большой Землей все время поддерживалась служебная и частная радиосвязь. Я получил из дому несколько депеш с весьма лаконичным адресом: «Северный полюс, Бианки».

6.IX отдали якорь на рейде Певека в Чаунской губе, но починиться в Певеке не удалось, пришлось возвращаться в бух. Провидения...

С 11 по 21.IX стояли у пирса в бух. Провидения, пока заменяли винт

и чинили вмятины, полученные во льдах. Приказ о поступлении в распоряжение штаба проводки оставался в силе, что лишало смысла дальнейшее пребывание членов научной экспедиции на борту ледокола. Поэтому я обратился к Максимову с просьбой откомандировать меня с попутным самолетом на сеть полярных станций, однако мое предложение было понято как попытка дезертировать и пришлось его снять.

22.IX нас снова трепал шторм в Чукотском море. Студенты лежали пластом, я один вел наблюдения при девятибалльном шторме для информации штаба проводки. По палубе передвигаться при сильней качке приходилось по протянутым канатам. Очень интересно наблюдать, как ледокол то ныряет в волну, то взлетает на гребень, как перекачивается вода через нижнюю палубу (все люки задраены!), а брызгами обдаёт даже на штурманском мостике, на верхней палубе многоярусного корабля.

С 25.IX ледокол «Северный Полюс» начал проводить «либерти» (транспортные суда американского производства) между мысом Шеллагским и Медвежьими островами.

4.X в четыре часа ночи меня разбудил вахтенный: срочно вызывал начальник экспедиции. Мне было приказано передать за мною числившееся экспедиционное имущество одному из членов команды ледокола и быть готовом к пересадке на ледокол «Микоян», который шел во Владивосток.

Так бесславно закончилась многообещавшая, многоликая Высоко-Широтная экспедиция и мы, ее члены, внезапно превратились в случайных пассажиров! Однако, наше возвращение оказалось не просто отдыхом после напряженной работы, как мы предполагали. «Микоян» имел задание доставить зимовщикам полярных станций о. Колючин и Ванкарем ящики с припасами на предстоящую зимовку. Пробиваясь через тяжелые льды, ледокол подошел к о. Колючину

6.X. с выгрузкой спешили, она продолжалась всю ночь при свете прожекторов, а когда утром попытались сняться с якоря, оказалось, что ледокол в плену непробиваемых льдов; их прижало нордом к берегу. Лед взрывали аммоналом, но за два дня маневрирования удалось лишь развернуться и стать кормой к берегу, удалившись от него не больше, чем на длину корпуса судна.

Пока ледокол стоял, его окружали аборигены, чукчи сидели на торогах, закурив полученные от команды папироски. Курили все мужчины, женщины и даже маленькие дети! А на рассвете, когда люди спали, мне

удалось повидать других гостей, тоже рассчитывавших на угощение: то была семья белых медведей, которые исследовали отбросы с корабля.

Воздушные разведчики рисовали мрачную картину: расстояние до кромки льдов за неделю увеличилось с 15 до 28 миль, из них миль двадцать предстояло пройти по торосистым льдам. Команда ледокола предсказывала вынужденную зимовку, но утешала нас тем, что, когда ледяной покров окончательно установится и все щели замерзнут, можно будет по льду пройти до ст. Ванкарем, а оттуда зимой улететь на самолетах. Более знакомые с режимом льдов вокруг своего острова чукчи обещали, что ветер должен еще перейти на южный, который отгонит и разрежит льды, тогда ледоколу удастся уйти.

11.X нам удалось пробиться метров на сто от острова.

А 14.X вдруг резко потеплело до -2° , остров Колючин скрылся в тумане, подул юго-восточный ветер, отгоняя льды, и мы снова начали понемногу пробиваться к северо-востоку.

16.X еще потеплело, при сильном ветре повалил снег. Шторм в Чукотском море разбил лед у кромки, облегчая задачу ледокола.

17.X подошли к кромке и, не выходя на чистую воду, несколько дней чинили винты и бортовые повреждения ледокола.

Лишь 21.X нормальным ходом пошли на восток. Дул сильный ветер. Плоскодонный ледокол очень качало. Забавные сценки можно было наблюдать в обеденный час в кают-компани. Входящие вдруг, как невесомые, летят через весь салон и плюхаются на колени сидящих на диване. Буфетчица лавирует с тарелкой в руке и вдруг становится на колени, а тарелка с супом оказывается лежащей вверх дном на мягком кресле. Тарелки нельзя оставлять на столе, даже в ячейках специальной рамы. Их выдают в руки; едят стоя, балансируя всем телом.

Один из таких веселых обедов (еще на ледоколе «Северный полюс») засняли наши кинооператоры. Зимой 1947 г. этот фильм демонстрировался в ГУСМП. Мне посмотреть его не удалось, а видевшие товарищи говорили, что видели на экране, как я ловко обедал.

23.X утром увидели по правому борту знакомые уже скалы Берингова пролива. Синяя вода в море сменилась зеленой. Чукотское море осталось для меня навсегда позади!

23.X днем пришли в бух. Лаврентия, а 24 перешли в бух. Эмма. Берега были покрыты снегом, но вода в бухтах при южном ветре, нагнавшем фитопланктон с моря, стала светло-оливковой с матовым оттенком.

25.Х праздновали присуждение «Микояну» переходящего вымпела ГУСМП, перешедшего с ледокол «Сталин» за лучшие результаты соревнования.

26.Х члены экспедиции устроили вечер самодеятельности, неплохой концерт с сольными и хоровыми выступлениями, с танцами после ужина. В это время команда ледокола пьянствовала в своем кубрике. Так было во всех портах и на «Северном Полюсе». Это было одной из главных причин моего решения отказаться от участия в полярных экспедициях в будущем.

Ремонт, бункеровка, забор пресной воды заняли в бух. Провидения целых 8 суток. Пользуясь свободным кубриком студенты, обрабатывали свои наблюдения, я составлял технический отчет о работе метеогруппы с рядом предложений по методике наблюдений на судах, принимал участие в работе на полярной метеостанции.

В ночь на 1 ноября всех пассажиров ледокола разбудили и выгнали из кают и кубриков для проверки документов, на что ушло два с половиной часа. Не знаю, достигали ли эти проверки цели — выловить «зайцев», сомневаюсь... но на законных пассажиров эти загоны действуют пренеприятно! Не знаю, как делается там теперь, но тогда эту процедуру проделывали как при выходе всех судов из гавани, так и перед спуском пассажиров на берег.

В четырнадцать часов 1.ХІ «Микоян» дал три протяжных гудка, обозначавших: «Ухожу, до свиданья!» Каждое из стоявших на рейде судов поочередно ответило такими же гудками: «Счастливого Вам пути!» и каждому «Микоян» вежливо отвечал коротким гудком — «Благодарю!», получая в ответ такой же сигнал «Всего!» Эта манера прощаться занимает много времени...

Нам предстоял нешуточный путь в 2 470 миль, т. е. около 4 500 км по бурному в осенние дни океану. На памяти многих членов нашей экспедиции была гибель незадолго до отечественной войны сотрудников Арктического института, возвращавшихся из Арктики и утонувших на этом переходе вместе с кораблем. Никто не пришел им на помощь, ни один человек не спасся!

Но нам исключительно повезло. Сильного ветра не было. С 6 по 9 ноября мы провели в бух. Моржовой на восточном берегу полуострова Камчатки. Здесь «Микоян» набирал воду из родника и очищал от накипи котлы. Мы совершили экскурсию на «китобойную матку», стоявшую на якоре в той же бухте, осмотрели приспособления на ней для разделки

туш кашалотов и обрабатывающий завод на том же судне с его котлами и центрифугами для приготовления консервов и китового жира.

Двадцать девятую годовщину Октябрьской революции мы встретили, таким образом, на Камчатке. После торжественного подъема флагов с салютом гудками состоялось общее собрание с подобающими случаю речами, а затем нас накормили праздничным обедом. Каждый из членов экспедиции послал поздравительные телеграммы родным и товарищам. Затем большинство сотрудников сошли на шлюпках на берег Моржовой бухты. Окружающие ее крутые склоны заросли густым кустарником с пахучими и клейкими, как у нашего тополя, почками. Я думал, что это камчатский вид тополя, но наш ботаник, научный сотрудник Мурманской ботанической станции Е. В. Лимберг, назвала этот кустарник камчатской березой. Он совсем не похож на нашу березку! Выше на склонах растет кедрач — невысокий, метров в четыре — пять, очень плотный (густой) кустарник. Без помощи топора через него не пробраться. Шишки этого кедрача много меньше, чем у сибирского кедра, но также вкусно пахнут смолой. Там же рос и особый камчатский вид рябины с ягодами кисловатого вкуса.

На берегу валялось много костей кашалотов, выброшенных морем медуз, морской капусты и других водорослей.

Расставаясь с суровой Камчаткой, наши доморощенные пииты перефразировали популярную песенку и с увлечением распевали ее:

Моржовью бухту покидаем впопыхах
с веселой песней на устах:
Мы знаем чудный городок —
Владивосток, Владивосток —
Желанный очень городок, городок!

Уже хотим в вагоне мы сидеть
и Арктике далекой петь:
До свиданья, дорогая,
Мы надолго уезжаем
И вернемся ли, не знаем;
А пока прощай!
И нас ты не забудь...
Нам предстоит далекий путь,
Нас встретит ленинградская заря,
Но... только после Ноября!

Прогноз чуть-чуть не оправдался: мы были дома в последних числах ноября. Айвачинскую губу прошли ночью, в Петропавловск, к сожалению, и на обратном пути не зашли. Я не заметил, как миновал один из проливов между Курильскими островами, мы оказались в Охотском море.

В ночь на 11 ноября была удивительно теплая погода, воздух как-то особенно чист и вкусен, темно-синее море вокруг корпуса ледокола красиво светилось бледными фосфорическими огоньками потревоженных медуз, а когда взошла луна, все море заблестело дорожкой под ее матовыми лучами. Подошедший ко мне матрос указал на смутно выступавшие слева по борту очертания остроконечных вулканов Курильской гряды. На вершине самой высокой из них горел буровато-красный огонек. По первому впечатлению — точно искаженная у горизонта рефракцией Луна выглядывала через окошечко в облаках. Но при длительном, пристальном всматривании было видно, что это светлое пятно временами становится ярче, меняет очертания, а когда горизонт прояснился, я заметил длинную полосу дыма, стелющегося от вершины вдоль горизонта. Огонь стал заметнее.

На следующий день мы узнали по радио, что виденный мною вдали вулкан называется Матуа. Всем ближайшим судам был дан приказ идти к острову для спасения его трехтысячного населения.

12.XI вечером, обогнув юго-восточный мыс о. Сахалина, прошли через пр-в Лаперуза в Японское море. Остров Хоккайдо виден не был, так как наш курс лежал близко к Сахалину. Горы его покрыты красивыми лугами и зеленым лесом.

14.XI через залив Петра вошли в бух. Золотой Рог и стали на рейде вблизи вокзала. В тот же день после нудной полицейской процедуры проверки паспортов я был на Почтамте. Как приятно получить после длительного отсутствия кучу писем; узнать, что дома все здоровы, все благополучно! Обратный путь по Великому Сибирскому пути нисколько не походил на комфортабельный проезд во Владивосток. С большим трудом удалось получить билеты, но лишь в жестком вагоне, в котором пришлось разместить весь экспедиционный багаж. Было и тесно, и душно, а главное, настроение у всех подавленное. Поезд опаздывал на все станции; купить было почти нечего, в ресторан-вагоне кормили плохо и все было дорого, не вкусно...

26.XI поздно вечером поезд пришел в Москву с запозданием на шесть часов. Билетов на Ленинград уже не продавали. Я решил задер-

жаться в Москве на 2 дня по делам издательства, которое выпускало второе издание моих таблиц для полярных станций.

29.XI, через полгода после отъезда я снова обнял родных, а на следующий день пошел в Институт. Вторая поездка в Арктику позволила мне ближе познакомиться с нею, но полюбить ее, как любят многие полярники, я не мог и нисколько не жалею, что не пришлось побывать там в третий раз. Труды экспедиции были на следующий год напечатаны и мой отчет занял в томе значительное место.

Глава XVII Взлет и падение

Третий «квартал» моей сорокалетней работы в государственных учреждениях (1918–1959) приходится на АНИИ. Десять лет жизни (1939–1949) отданы мною Арктике.

Это десятилетие явилось кульминационным пунктом во всей моей служебной карьере. В АНИИ я получил официальное признание своих заслуг, широкую популярность и наибольшее удовлетворение от своей работы. И, когда, казалось, мое служебное положение достигло наибольшей устойчивости, оно оказалось несовместимым с системой «культы личности» и я вдруг очутился «у разбитого корыта», подобно старухе из «Золотой рыбки»: За 10 лет работы в АНИИ мне пришлось трижды заново налаживать работу отдела. За успешное выполнение работ я неоднократно получал в приказах благодарности от Дирекции Института, «похвальные грамоты» от ГУСМП и даже орден от имени Президиума Верховного Совета СССР. Он давал право на бесплатный проезд на трамваях во всех городах СССР и на получение 5 р. в месяц. Однако, года через два эти «привилегии» были отменены! В связи с активным участием в организации выставки к десятилетию АНИИ, меня наградили в 1947 г. «медалью за трудовое отличие» и «значком почетного полярника». Дважды мне предоставлялись бесплатные путевки для поправки здоровья в доме отдыха ГУСМП. Мне доверяли преподавание на курсах повышения квалификации наблюдателей-полярников, в Арктическом училище, руководство учебной практикой и прикомандированных к АНИИ студентов университета. Меня неоднократно приглашали в Москву для чтения лекций находящимся в отпуске полярникам и для участия в технических совещаниях, в научных съездах. Помимо текущей служебной деятельности,

отнимавшей целиком восемь часов в сутки, я находил время для научно-исследовательской и изобретательской работы. Из предложенных мною усовершенствований и приборов удалось реализовать в виде образца лишь один «горизонтограф», остальное осталось на бумаге, не хватило времени и энергии добиться реализации.

Придя к убеждению, что существующие методы кустарной обработки все увеличивающегося количества наблюдений лимитируют дальнейшее развитие научной мысли, я добился согласия Дирекции на опытную механизацию обработки с помощью машинно-счетной фабрики. В 1947 г. я разработал проект перфокарты, в следующем году начал налаживать работу на фабрике, завершить которую мне не дали.

Наступил 1949 г., год крайне напряженной внутриведомственной обстановки, перепроверки кадров государственных служащих, массовых увольнений.

Решением Правительства Арктический институт был приравнен к военно-морским учреждениям; была назначена переквалификационная комиссия в ГУСМП, изучавшая персональные дела сотрудников нашего института и присуждавшая соответствующие чины. Я получил чин инженер-капитана II ранга. Летом 1949 г. на лестнице парадного подъезда АНИИ была вывешена доска почета, в центре которой находился мой портрет со следующей подписью:

А.В. БИАНКИ

Его знает вся Арктика, он с любовью готовит кадры полярных станций и руководит их работой по окончании Арктического училища; по его «Руководству» работают метеорологи всех полярных станций.

Хороший товарищ, пользующийся уважением всех сослуживцев по Институту.

Из ГУСМП, вместе с медалью за доблестный труд во время войны, мне прислали почетную грамоту за долголетнюю работу в Институте. Казалось, мне надо стремиться только к одному: продолжать работать в том же духе. И хорошо, что я не зазнавался!

Осенью того же 1949 г. из Москвы нагрянула правительственная комиссия для ревизии Института. Работа Комиссии носила секретный характер. В комиссию вызывали на допрос лишь немногих сотрудников Института. Меня вызвали как начальника отдела и задали лишь один вопрос: «Каково ваше мнение о желательности передачи обработки наблюдений полярных станций в Москву, в ГУСМП?» Я ответил, что считаю работу своего отдела неотдели-

мой от института, осуществляющего все научное руководство сетью полярных станций. Когда комиссия выбыла, не подведя официально никаких итогов обследования, в Институте начались сокращения отдельных сотрудников. Делалось это так. Начальника отдела вызывали в отдел кадров и предлагали предупредить такого-то своего сотрудника, что дальнейшая его работа в институте невозможна; ему предоставляется право подать заявление об уходе по собственному желанию или он будет уволен по сокращению штатов. Меня дважды вызывали в отдел кадров: сначала об увольнении старшего техника, через неделю относительно пожилого научного сотрудника. Я пробовал протестовать перед директором, ссылаясь на заслуги увольняемых. Директор «по секрету» сказал мне, что увольнение связано с личными анкетами и носит политический характер, против чего мы бессильны. На мой вопрос, который из предлагаемых способов увольнения более «приличен» с точки зрения получения работы в другом месте, мне разъяснили, что уход с работы по собственному желанию рассматривается сейчас как «летунство» и, с этой точки зрения, лучше быть «сокращенным». Так я и посоветовал своим двум подчиненным, как мне ни жаль было с ними расставаться.

Через месяц по сокращении моих товарищей я сам получил предложение сдать в трехдневный срок дела отдела ввиду передачи его функций в ГУСМП. Было совершенно ясно, что приказано избавиться от меня лично, т. к. в противном случае могли бы найти мне работу и в других отделах или, хотя бы для приличия, предложить переехать в Москву.

Увольнения шли в массовом порядке. Некоторые товарищи пробовали протестовать перед дирекцией и непосредственно в ГУСМП, но совершенно безрезультатно. Это была система «чистки», основанная на формальном рассмотрении биографий и отрицавшая сталинский же принцип «сын за отца не отвечает». Оказывалось, что практически многие страдали не только за отца, но и за братьев и за других родичей!

Начались поиски работы. Прежде всего, я обратился в Главную Геофизическую обсерваторию, директор которой, зная меня по выступлениям на съездах, просил меня подать заявление о приеме на работу: «Для Вас всегда должность найдется, но надо оформить через отдел кадров». После нескольких отсрочек тот же Будыко дал мне отрицательный ответ: «Нет, к сожалению, свободных вакансий!» Я посетил за октябрь в поисках мало-мальски подходящей

работы до двадцати различных учреждений научных, проектных и других, где, очевидно, не могли поверить в мою невинность: весь мой стаж, мой послужной список явно шли в разрез с возможностью увольнения по сокращению штата, а я не мог привести более правдоподобного объяснения своего вынужденного ухода! Месяц, в течение которого можно было без перерыва стажа оформить на другую работу, подходил к концу, когда вдруг в проектном институте «Теплоэлектропроект» меня согласились принять на должность инженера-гидрометеоролога отдела изысканий. 27 октября 1949 г. я был зачислен на штатную должность, безоговорочно согласившись на все условия, не смущаясь ни снижением оклада, ни переходом из Шереметевского дворца на Фонтанке в подвал на Греческом проспекте, ни предстоящей незнакомой работой.

Глава XVIII

Последний «квартал». Уход на пенсию

В Ленинградское отделение института «Теплоэлектропроект» я поступил без надежды найти интересную работу и поставил себе только одну цель — дослужить до пенсии, которая позволила бы как-нибудь существовать с женой. Но новая работа так увлекла меня, что вместо трех лет я пробыл в ЛОТЭП почти десять!

Здесь я впервые в жизни оказался в среде «изыскателей», людей особого рода, работников, по характеру своей деятельности резко отличных от чиновничьего мира многих государственных, в том числе и научных, учреждений. Тут тоже имеются квартальные и годовые планы, но они состоят из отдельных заданий, выполняемых частично «в поле», т. е. на месте изысканий, частью в разных учреждениях (сбор и согласование данных) и, наконец, «камерально», т. е. в своем институте (обработка материалов, составление выводов, издание записок).

Каждый из этих этапов работы представляет большое поле для личной инициативы и не может укладываться в стандартные рамки. Поэтому мелочный контроль почти отсутствует, но каждый работник знает, что к назначенному сроку с него потребуется качественный результат и видит практическое значение своей работы, выливающейся в формы «технических отчетов» и «записок» для проектантов. В дальнейшем эти записки тут же в Институте превращаются в проекты, на основании которых воздвигаются электростанции с рабочи-

ми поселками, линии передачи и связи, подъездные пути и пр. Каждый сотрудник проектного института чувствует себя строителем новой жизни, маленьким колесиком в большом государственном строительстве. Людей здесь ценят не по зарплате и занимаемой должности, не по умению угодить и подладиться к начальству, а только по работе, и по качеству и по количеству работы. Лодырям, кое-как работающим, несамостоятельным работникам в изыскательских партиях нет места, их не терпят! И наоборот, инициативных работников, особенно хороших товарищей по работе стараются сохранить, даже когда нет вакансий, зачисляя на временную работу.

Очень скоро, познакомившись с требованиями проектировщиков, я понял, чего им не хватает в арсенале казенной климатологии, в каких областях надо прокладывать новые пути. Наиболее слабыми местами оказались данные о сильных ветрах, обледенении проводов и испаряемости с поверхности водохранилищ. В этих направлениях пришлось больше всего поработать и самому и направить внимание работников главных научных центров Гидрометслужбы Главной Геофизической обсерватории и Государственного Гидрологического института.

Ежегодно я ездил в командировки для организации временных метеостанций в изыскательских партиях. Был в Щекине Тульской области (по дороге заезжал, конечно, в Ясную Поляну), в Риге, Нарве, Мурманске, на Урале в Златоусте, Челябинске, Аргаяше, Шаблине и Свердловске, в Сибири (Новосибирск, Белово, Новокузнецк, Абакан, Минусинск, Красноярск, Ирша-Бородинское месторождение) и однажды слетал на Дальний Восток, посетил Хабаровск, Владивосток, Арсеньев.

Во время очередных отпусков я всегда старался посетить такие места, куда не посылали для работы: несколько раз бывал на Черноморском побережье Кавказа, по туристской путевке посетил Закарпатский край и г. Львов. Когда был утвержден новый закон о пенсиях (в размере 50 % от заработка), я стал усиленно готовить себе заместителя, чтобы не оставлять любимого дела безнадзорным. Обучил четырех молодых специалистов, но обстоятельства складывались так, что все мои ученики или оказывались неподходящими или уходили по тем или другим причинам из института. Поэтому, переходя в июне 1959 г. (в возрасте 68 лет) на пенсию, я предложил начальнику отдела свою помощь на будущее без оплаты. Мое предложение

было охотно принято с условием, что я буду продолжать курировать в Институте метеорологические работы по мере надобности, оформляясь на работу только на 2 месяца в год (что по закону было разрешено без потери права на пенсию). При этом было оговорено, что выполнять работы я буду, в основном, дома.

Многие боятся уходить на пенсию, считая эту перемену губельной для здоровья. Иногда так бывает, но надо быть косным «чиновником», чтобы не найти себе занятия, более интересного, чем выполнявшееся на службе. Я, наоборот, освободившись от должности и связанной с нею ответственности, почувствовал себя в полном смысле вольным человеком. Это чувство свободы делать что хочешь, когда хочешь и как хочешь захватило меня особенно сильно вероятно еще и потому, что ко времени выхода на пенсию я жил один: никто обо мне не беспокоился и я мог ни о ком каждодневно и ежечасно, как бывало, не заботиться.

Однако, довольно о себе самом! Надо вернуться к делам семейным.

Еще в марте 1947 г. мы совершили обмен комнат и переехали с 14-й линии В. О. на Фонтанку, где поселились втроем с Катей и Нерой, в двух комнатах рядом с Н. Н. Ваниной (племянницей моей жены) в большой коммунальной квартире.

В 1948 г. Нера окончила курс Университета (физфак) и поступила на работу в научно-исследовательский институт Военно-медицинского ведомства. Там она познакомилась со своим будущим мужем Лазарем Савельевичем Хлавно. Тридцатого декабря 1950 г. состоялась регистрация их брака. Тридцатого сентября 1951 г. у них родилась Катюша. В 1952 г. комнату, в которой жили молодые, не имея на нее ордера, у нас отняли (в порядке уплотнения) и они предпочли переселиться в комнату Хлавно, на ул. Правды. Там у них родилась 9 января 1954 г. Нонна.

Около этого времени у Кати (Екатерины Ивановны) развилась стенокардия и началась прогрессирующая гипертоническая болезнь, приведшая ее в могилу. Катя скончалась утром 15 июня 1958 г. после длительной болезни, почти полностью лишившей ее памяти и физической силы. Последнюю ночь мы с Нерочкой не отходили от постели, но Катя не приходила в сознание до последнего вздоха. Мы похоронили ее на Успенском кладбище в Парголово. На похоронах было много друзей.

После Катиней смерти не прошло и года, как 9 июня 1959 г. скон-

чался мой брат Виталий. Переживя в 50-х гг. два инфаркта, паралич (инсульт — кровоизлияние в мозг), диабет, Витя умер от рака милиарного характера (множественное образование злокачественных опухолей в разных органах). Наличие рака обнаружилось только в последние дни, когда Витя был госпитализирован в больницу Эрисмана.

В Доме Писателей 12 июня состоялась гражданская панихида. С последним словом над открытым гробом выступали многие его друзья и товарищи, отмечая его заслуги перед советской детской литературой. Тело предали земле на Богословском кладбище. Через два года на могиле Виталия был поставлен красивый мраморный монумент, изображающий простую девочку, задумчиво наблюдающую природу; на плече девочки сидит бурундучок. На фундаменте памятника выгравировано:

Виталию Валентиновичу БИАНКИ
Человеку и писателю
1894–1959.

Стильная чугунная оградка вокруг посыпанного песком партера хорошо выделяет его могилу из числа ее окружающих могил. И вот я остался один... Но, как ни странно, никакой пустоты вокруг я не ощутил ни тогда, после похорон, ни позже. Да и какая может быть пустота, если у тебя остались дети, есть внуки, друзья и, главное, любимое твое дело! Я всегда смотрю вперед, только вперед! Пусть погибнет все, что связывает меня с прошлым, но, если впереди мелькают огни лучшего будущего, если посеянное нами может быть использовано нашими потомками для улучшения их жизни, то все в порядке, все идет согласно законам Природы и прошлое — зародыш светлого будущего, не может быть мрачным! Великий римский поэт Овидий сказал:

Dum spiro, spero! Пока живу, надеюсь!

В этих трех словах подразумевается четвертое: meliora (лучшее) Надежда на лучшее — великий стимул хорошего в настоящем! Да простят мне родные и все, у кого хватило терпения и времени прочитать эту мою биографию, ее эгоцентризм! Если бы, как мне кажется, моя жизнь не была типичной для пережитого мною времени, я не писал бы своих воспоминаний вообще. Создать же эпопею, шире освещающую нашу интересную эпоху, я, к сожалению, не в силах.

Feciant meliora potentes! Пусть это сделает, кто может!

Вам, мои любимые внуки и правнуки, посвящаю я свой труд и надеюсь, что ваша жизнь будет еще интересней и, безусловно, полезней моей.

Залогом этого должна быть любовь к работе, проявление инициативы в любом взятом на себя деле. Если работа будет у вас превалировать над эгоистическими чувствами, если других вы будете любить не меньше, чем самих себя, никакие переиетии жизни вам не опасны и судьба ваша будет в ваших руках!

*Отец и отчим,
дед и прадед А. Бианки.
июнь 1963 – июнь 1965*

ВИТАЛИЙ ВАЛЕНТИНОВИЧ БИАНКИ (1894–1959)

Е. В. Бианки

ВИТАЛИЙ ВАЛЕНТИНОВИЧ БИАНКИ: БИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

Детство и юность

Трудно писать о детстве и юности отца, избегая цитат и не пересказывая брата и друзей его юности, вспоминаю рассказы самого отца.

В Петербурге на В. О. у берега Большой Невы — здание АН (архитектор Джакомо Кваренги). Прочитирую из записной книжки отца: «Прекрасно это здание, как греческий храм. Оно расположено квадратом... Взамкнутом квадрате здания — два прохода, в них железные ворота. И храм похож на крепость. Это и есть и храм, и крепость — храм Афины Паллады, собор ее и крепость. Я тут родился в семье жреца этого храма...» Теперь все так же, только вместо жилых квартир — Институт теоретической астрономии и Институт истории естествознания и техники АН...

Поясню: квадрат образуют здания самой АН и п-образного ее Музейного флигеля, в котором — со стороны Таможенного и Биржевого переулков и Университетской линии — в течение многих лет размещался Зоологический музей. А со двора — служебные квартиры сотрудников Академии. Квартира деда немаленькая — пять комнат, но ведь и семья большая: родители, Виталий и его старшие братья Лева и Толя, с ними бабушка; были и две прислуги. Через какое-то время квартиру увеличили еще на две комнаты за счет соседней.

Необычность квартиры запомнилась Виталию на всю жизнь: «Неимоверно толстые стены в этом доме. Такие толстые, что маленький мальчик, хорошо знакомый с книгами сказок и приключений, не мог не заподозрить в таких стенах потайных ходов». В столовой и в спальне родителей не было окон в стенах — «с потолка лил лунный свет: в этом старинном доме, во внутренних его

комнатах, были открыты окна в потолке — сквозь чердак и крышу — как колодцы».

В справочнике того времени адрес квартиры, где жила семья Валентина Львовича Бианки и где в 1894 г. родился младший сын Виталий, значился как Университетская линия, д. 1, кв. 27, а адрес АН — Университетская набережная, д. 5. Валентин Львович получил жилье в «квартирном флигеле» АН, когда был определен на должность ученого хранителя коллекций Зоологического музея АН, т. е. в 1890 г.

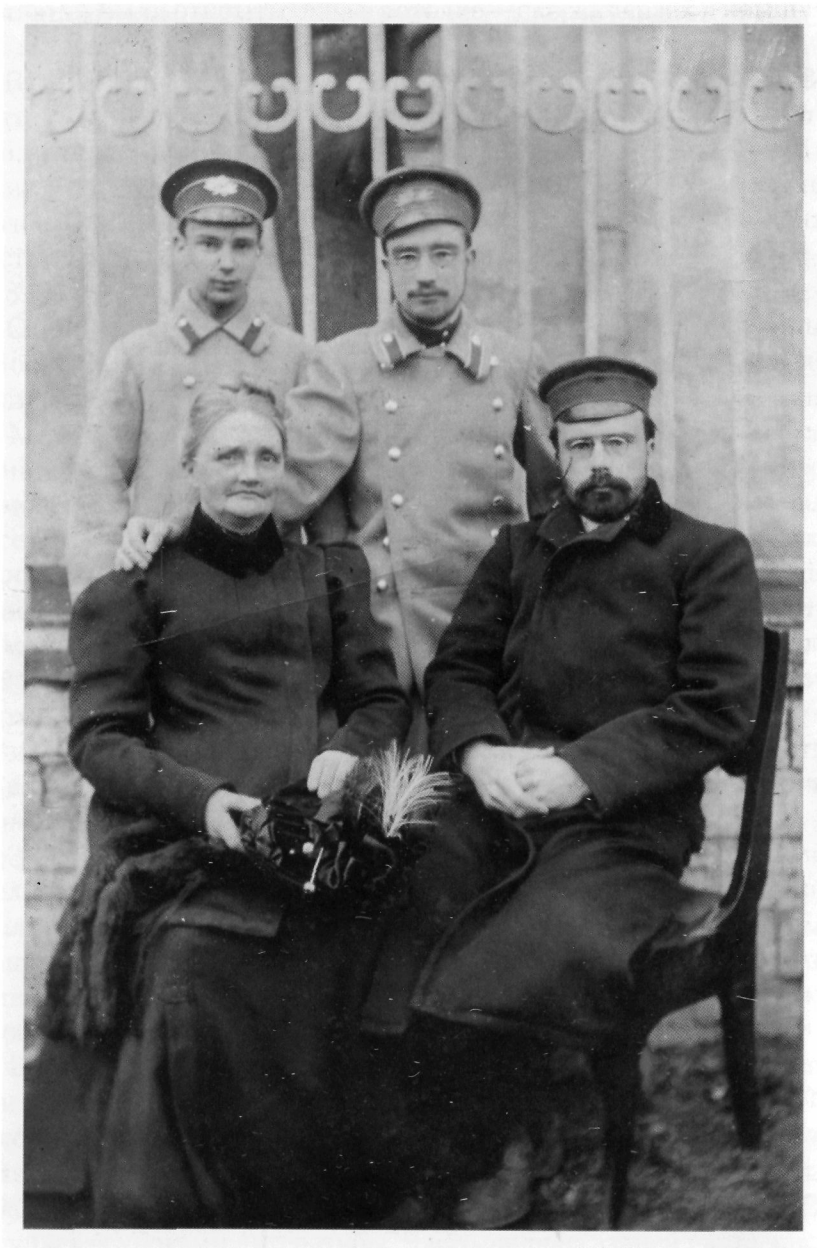
Отец, Валентин Львович, много сил отдавал делам, связанным с Зоологическим музеем. В конце XIX в. музей получил большое количество материалов, в том числе — собранных в путешествиях Н. М. Пржевальского и др. Размеры экспозиции также надо было принципиально увеличивать. Возникла необходимость в новом помещении для Зоологического музея. Под него использовали соседнее здание пакгауза на Стрелке Васильевского острова, которое тогда служило выставочным залом. Пакгауз и Музейный флигель разделял лишь небольшой Таможенный переулок. Над ним был сделан переход, соединивший вторые этажи для более сохранного перемещения коллекций, экспонатов и витрин. Музей торжественно открыли для посещения в феврале 1901 г., но работы над экспозициями продолжались еще долго. В 1914 г. Валентин Львович получил чин статского советника, а с ним — личное дворянство.

Зоологический музей вошел в жизнь семьи, события в музее были и семейными событиями. В 1901 г. сенсацией в ученом мире стала находка на р. Березине, притоке Колымы, почти целого мамонта. Доставка мамонта, подготовка его к экспозиции в музее живо интересовали всю семью, а братья потом рассказывали, как пробовали суп из мамонятины (чрезвычайно невкусный).

Братья Бианки учились поблизости, в Филологической гимназии при Историко-филологическом факультете университета. Лев закончил ее с золотой медалью, Анатолий учился очень хорошо, а Виталий, с трудом дойдя до старших классов, совсем отказался от учебы. Отец перевел Виталия в частную гимназию Столбцова. Там он увлекся уроками литературы. Часто, сидя на задней парте, писал стихи. Сохранился листок с пометкой «в школе, зимой, на последнем уроке, в сумерки. 1913 г.»:

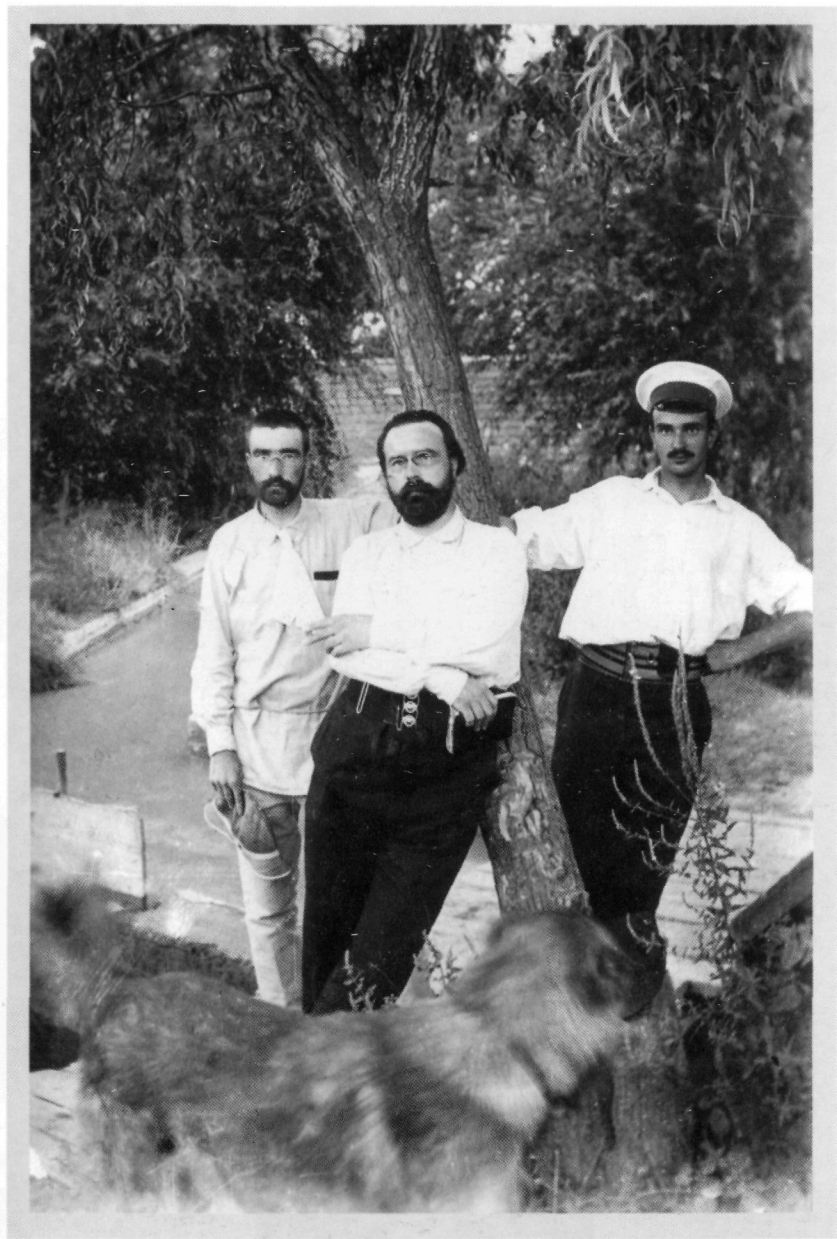

Семья Бианки,
(конец 1890-х годов)

К.А.Бианки с сыновьями,
(Санкт-Петербург, 1906 г.)

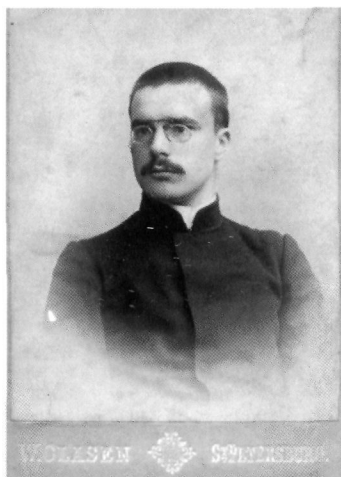

Братя Бианки, (1915 г.)

Лев Валентинович Бианки и Александр Иванович Иванов
в экспедиции в окрестностях Верхоленска, (1925 г.)

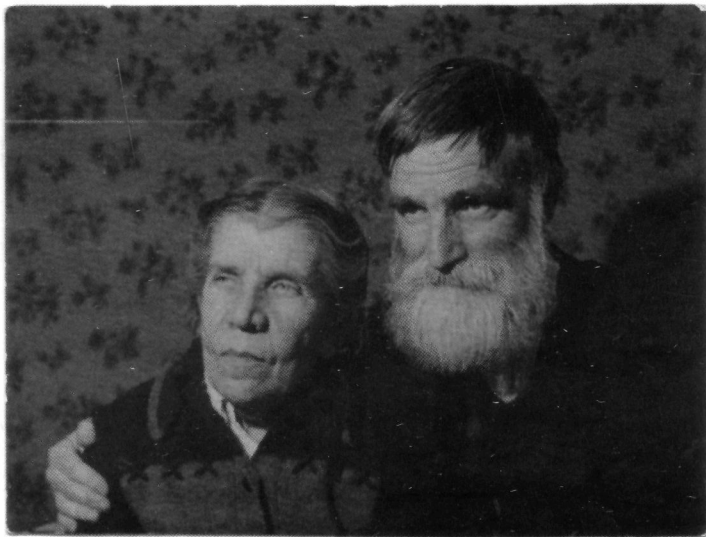
Лев Валентинович Бианки,
(Санкт-Петербург, около 1900 г.)

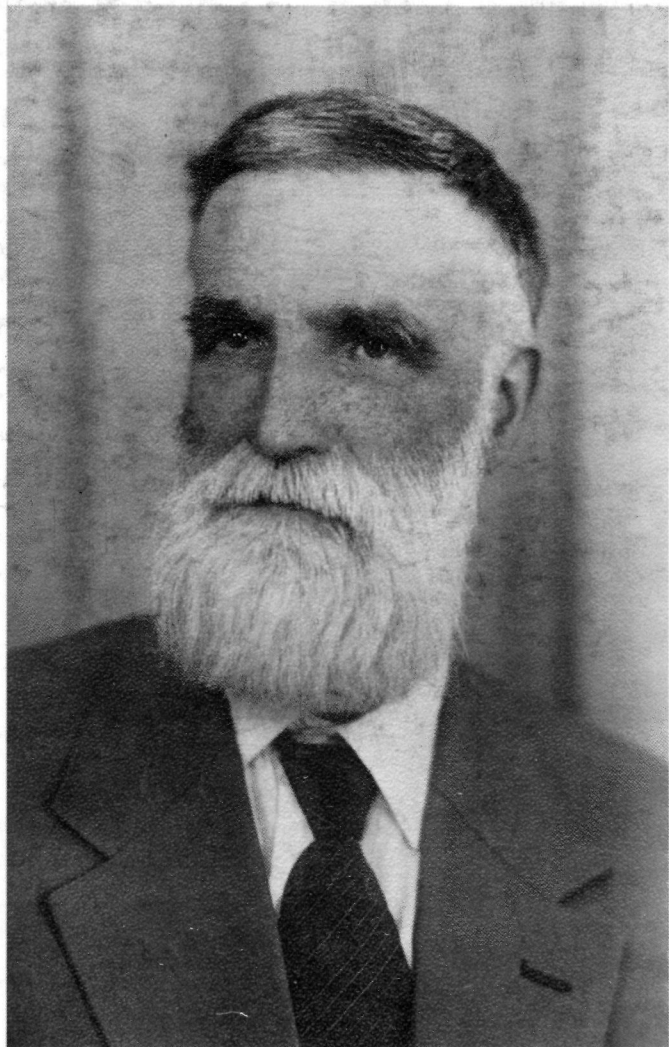
Лев Валентинович Бианки,
(Ленинград, март 1935 г.)

Анатолий Валентинович Бианки с дочерью Нереей,
(1928 г.)

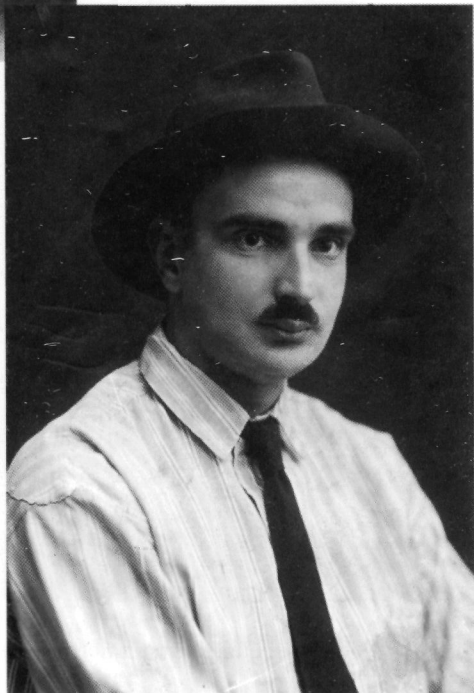
Анатолий Валентинович Бианки с женой Екатериной Ивановной,
(Ленинград, 1954 г.)

Анатолий Валентинович Бианки,
(Ленинград, 1961 г.)

Вера Николаевна Кложева,
(Бийск, 1920 г.)

Виталий Валентинович
Бианки, (первая половина
1920-х годов)

В.Н.Бианки, В.В.Бианки с дочерью Еленой,
(г. Мышкин, лето 1925 г.)

Студия детских писателей, Ленинград, 1925 г. (вторая в верхнем ряду слева –
В.Н.Бианки, справа крайний – В.В.Бианки, в центре – С.Я.Маршак)

Виталий и Анатолий Бианки на р. Волхов, (В.Новгород, 1928 г.)

В.В.Бианки со спаниелем Джимом, хутор Сосенка, 1934 г.

В.В.Бианки, (д. Михеево, 1938 г.)

В.В.Бианки с ирландским сеттером и В.И.Курдов с пойнтером,
(Ленинград, вторая половина 1930-х годов)

В.Н.Бианки и В.В.Бианки с сыном Виталием,
(д. Михеево, 1938 г.)

В.В.Бianки за письменным столом, (Ленинград, 1937 г.)

В.В.Бianки и В.Н.Бianки, (Комарово, 1954 г.)

В.В.Бианки и В.Н.Бианки, Ленинград, (конец 1950-х годов)

Г.П.Гроденский и Вит.Вит.Бианки, (Ленинград, 1956 г.)

В.В.Бианки, Вит.Вит.Бианки и Г.Х.Иогансен, (Ленинград, январь 1956 г.)

В.В.Бианки, Н.И.Сладков, художник В.Г.Шевченко, (Ленинград, 1956 г.)

В.В.Бианки с детьми, (Ленинград, середина 1950-х годов)

В.В.Бианки с женой и дочерью, (конец 1950-х годов)

Дон Кихот

Образ страдальческий в сумерках серых

Часто является мне:

Полный безумной отваги и веры

Рыцарь на тощем коне.

В толпы уродливых призрачных теней

Метит подъятым копьём.

И непонятно, безумье иль гений

Правят бессильным конем.

Интерес к литературе, языку, даже стихи — у старшего и младшего братьев оказалось много общего. Ведь после окончания гимназии Виталий тоже поступил на естественное отделение Университета. Велико было влияние отца-зоолога!

Гимназия Столбцова, в которой последние годы учился Виталий, была достаточно необычной, а если назвать весьма известные имена учившихся в ней, то невольно возникает желание познакомиться с ее историей ближе. Помещалась гимназия во дворе д. 102 по Невскому проспекту, вернее, занимала утром классные комнаты вечерних Высших коммерческих курсов.

Академик С. В. Аничков в книге «На рубеже двух веков» вспоминает о своей юности и о гимназии С. А. Столбцова. Аничков, старше отца по возрасту, поступил и окончил гимназию, когда революционный настрой молодежи был особенно силен. Но, думаю, отец воспринимал гимназию так же, поэтому просто цитирую С. В. Аничкова: «Изгнанные из казенных гимназий и реальных училищ учителя и ученики объединились: в 1906 г. была создана новая частная средняя школа. Основал ее образованный в 1905 г. Родительский союз, в который вошел ряд прогрессивных лиц, стремившихся изменить систему образования и воспитания... Программа полностью соответствовала программам казенных гимназий и реальных училищ, но царившие здесь порядки коренным образом отличались от тех, что были установлены в государственных школах... В этой школе ученики почти все свое свободное время проводили в бурных собраниях. Обсуждались взаимоотношения между преподавателями и учениками — методы преподавания, проверки знаний и весь школьный режим... Бурно обсуждались и политические вопросы. Вся масса учеников стихийно делилась на две группы: эсдэ и эсэр (социал-демократов и социалистов-революционеров. — Е. Б.). Считалось

неприличным не принадлежать к тому или другому революционному направлению». И дальше добавляет: «Много юношеского энтузиазма, но много и мальчишества. Однако мы сами считали, что ведем настоящую политическую работу».

У Виталия из-за нелюбви к точным наукам были и здесь трудности. С Ильей Маршаком (в будущем писателем М. Ильиным) отец сидел за одной партией, Илья помогал ему с физикой и математикой, летом даже приезжал для этого в Лебяжье. Дружба эта сыграла большую роль не только в гимназической судьбе моего отца, но и в судьбе литературной — ведь Илья был братом Самуила Яковлевича Маршака.

Виталий Бианки окончил гимназию весной 1915 г., в 21 год. Осенью он уже студент. Тут политика уже не «мальчишество» — дело серьезное. Она отзовется позже в жизни этой молодежи, и не один раз, как и у отца. Естественно, что на становление человека, его принципы и интересы такая гимназия и предреволюционные годы не могли не повлиять и повлияли несомненно. Но любовь к природе, стремление к научному ее изучению, воспитанные Валентином Львовичем, имели еще большее влияние на отца и остались с ним на всю жизнь.

С миром животных Виталий Бианки познакомился еще в детстве, и проходило это знакомство очень по-разному. Конечно, в первую очередь — Зоологический музей, куда сын старшего зоолога Валентина Львовича Бианки имел неограниченный доступ и где проводил много времени. Но этот мир был мертвым, и мальчик мечтал его оживить: «Найти бы такое волшебное слово!» Дома-то все живое — в аквариумах, террариумах, клетках; для птиц в одной из комнат была даже сделана вольера, где они могли немного летать. Но как тяжело, сложно было на летние месяцы перевозить все это население за город! Приходилось вызывать подводы, грузить клетки, укрывать рогожами (их запах Виталий запомнил на всю жизнь). Тащились подводы не спеша, 60 верст до дачи.

Своей дачи у семьи Бианки не было. Летом ездили много лет подряд на южный берег Финского залива, где лес у моря, — места не сугубо дачные, население больше местное. Сначала снимали небольшое помещение в Лоцманском селении, у самого берега залива, потом в Мартышкине под Ораниенбаумом, последние 12 лет — в Лебяжье. Некоторое неудобство состояло в том, что поездом в начале XX в. можно было доехать только до Ораниенбаума,

а остальные 20 верст приходилось добираться на извозчике. Возможно, эти затрудняющие обстоятельства сыграли и положительную роль: немногие горожане настолько ценили жизнь у леса и моря, чтобы не считаться с трудностями дороги. А в тех, кто постоянно приезжал в Лебяжье или имел там свой дом, семья Бианки нашла не только единомышленников, но и друзей. Для молодежи Лебяжье стало настоящей малой родиной. Тут рождались новые интересы, закреплялись полученные навыки, знакомства переходили в дружеские отношения на долгие годы. Помню слова отца, звучавшие как пароль: «Мы оба из Лебяжьего». Хорошо знаю семьи, где не только дети тех лебяженцев, но и внуки их продолжают поддерживать дружеские связи. Да и я сама поздним браком вышла за друга отца по Лебяжьему Алексея Ливеровского. Им написана, среди других, детская книга «Тихий берег Лебяжьего», а в другой — «Охотничьем братстве» — первая глава посвящена Бианки-лебяженцу.

Семья Бианки стала снимать дачу в Лебяжьем, когда Виталию исполнилось 9 лет. Кругом лес, но и до моря недалеко. С 1903 по 1906 г. снимали дачу у Е. П. Свиньиной. С 1907 г. Бианки жили возле деревни Новая Красная Горка у Петра Григорьева, владевшего большим участком земли и несколькими домами — Петровским хутором, как называли его по имени хозяина. Сначала снимали небольшую дачу недалеко от шоссе. Эта дача до сих пор сохранилась, только рядом вырос огромный глухой забор, скрывающий новый «самострой». Не могло не произойти перемен за столько лет, уже в 50-е гг. Лебяжье так изменилось, что я часто думаю: как хорошо, что отец после 1915 г. там не бывал, и Лебяжье в его памяти осталось прежним «лесом у моря».

Приезжая из города на субботу и воскресенье, Валентин Львович заботился и о пополнении музея: приносил из леса целые кусты и части древесных стволов с гнездами, яйцами птиц. Из музея был командирован препаратор, снимавший шкурки с птиц, чтобы затем сделать чучела. Сборы тщательно укладывались в ящики, перевозили их на специально нанятых финских парусниках-лайбах по Финскому заливу и Неве прямо к зданию Зоологического музея.

Для Виталия уже сам переезд из города имел огромное значение. Он писал: «Два мира, два времени года, две жизни». И о море: «В детстве родители на все лето увозили меня на берег моря... Кто вырос у моря, век его не забудет. И пусть потом вся жизнь его пройдет

в сухопутных скитаниях — все ему будут сниться морские дали, и плеск морской волны о берег, и корабли, и чайки». Впрочем, никто из семьи и родственников Бианки не был связан с морем, а вот лес — лес другое дело: «Отец рано начал брать меня с собой в лес. Он каждую травку, каждую птицу и зверюшку называл по имени, отчеству и фамилии. Учил меня узнавать птиц по виду, по голосу, по полету, разыскивать самые скрытые гнезда. Учил по тысяче примет находить тайно от человека живущих зверей». Тут еще надо добавить, что Валентин Львович научил сына записывать свои наблюдения, и это вошло у него в привычку на всю жизнь. Став писателем, он находил в своих записных книжках сюжеты для рассказов, потому что в его творчестве так много биологической правды.

Когда Виталию исполнилось 13 лет, отец подарил ему двустволку. Из настоящих охотничьих ружей он стрелял и раньше, но это было собственное, новенькое. Ничего удивительного нет в том, что он рано стал охотником. Стоит посмотреть на фотографии тех лет, на общество солидных людей, в котором он оказался: гордился, наверное. К тому же надо было добывать корм и для привезенного «зверинца»: не соглашались поститься лисята и птенцы ястреба, а филин, прося пищу, дробно щелкал клювом.

В охотнике единство противоположностей проявляется особенно ярко: любить и убивать. Но чем теснее жизнь человека соединена с жизнью природы, тем естественнее он становится охотником. И тут нет противоречия, так как жизнь природы пронизана охотой: охотится не только волк, но и божья коровка. Настоящий охотник (не браконьер!) строго придерживается установленных правил и запретов, выработанных для сохранения численности того или иного вида животных. Надо заметить, что искусственно созданная полная безопасность для какого-нибудь вида животных ведет к его вырождению, что подтвердил опыт. А еще у истинных охотников есть ряд положений: «так принято», «так не принято», которые диктуют дополнительные самоограничения. И могу добавить, что отец имел право на так называемый «научный отстрел», но никогда им не пользовался. Для охоты он держал спаниелей, которые только отыскивают и поднимают на крыло птицу, а не замирают над притаившейся птицей в стойке, поджидая охотника.

Охотой в Лебяжьем увлекались и старшие, и молодежь. Леса были полны дичи, но принадлежали они герцогам Мекленбург-Стрелиц-

ким и охранялись егерями-эстонцами. Так что охотиться можно было только на арендных условиях и только на землях крестьянских общин. «Старшие смирялись с таким порядком легко, молодежь повально браконьерствовала. Считалось большим шиком, даже доблестью, тайком забираться в герцогский лес и добыть там глухаря или дикого козла, благо и тех и других было там превеликое множество... Несомненно, что здесь к охотничьей страсти присоединялся и социальный протест, молодежь в те годы была настроена весьма революционно...» — вспоминает Алексей Ливеровский.

«Кроме охоты и рыбалки, мы увлекались футболом, — продолжает Ливеровский. — Футбольная команда была не лиговая, а региональная, называлась „Лебедь“ и существовала только летом, во время студенческих и школьных каникул... Матчи с Кронштадтом считались уже междугородними и назначались редко». О Виталии Бианки Ливеровский пишет: «Он был „сам“ не только для мальчишек. В „Лебеде“ в те годы играло несколько петербургских лиговых игроков; несмотря на это, Виталий резко отличался от всех по классу игры. Его клубом был „Ун[и]тас“... Бианки играл с левого края, в этом же амплуа его ставили в сборную города. Он бил с обеих ног, славился резким рывком и точной прострельной передачей... При других обстоятельствах Виталий несомненно сделал бы большую футбольную карьеру». Возможно, и это увлечение что-то дало будущему писателю, но точно знаю, что интерес к футболу отец сохранил на всю жизнь. Ходил на матчи, благо стадион был рядом — только Тучков мост перейти. Однажды и меня, девчонку, взял с собой. Играл, кажется, «Электрик», но, может быть, ошибаюсь — давно было. Потом, когда в 50-х гг. появился телевизор, отец всегда смотрел матчи.

Было в Лебяжьем место, куда молодежь привлекали и другие интересы, — дом Ливеровских. Отец Алексей Васильевич, морской военный врач, летом всегда был в плавании, а мать Мария Исидоровна, филолог (кстати, первая в России женщина, получившая в 1918 г. в только что созданном — на основе эвакуированного петроградского — Самарском университете звание профессора), принимала в Лебяжьем друзей — Б. М. Эйхенбаума, В. М. Жирмунского и других, уделяя много внимания и молодежи. Большое помещение сарая-риги разделено было на помост-сцену и зал со скамьями для зрителей. Ставили «живые картины» и спектакли. А Мария Исидоровна знакомила молодежь со стихами современных поэтов:

А. Блока, А. Ахматовой, О. Мандельштама, С. Городецкого и др. Заметив интерес Левы Бианки к литературе, она подарила ему, надписав, книжечку со своим переводом «Vita nuova» («Новая жизнь») Данте. Поэзия Александра Блока с юных лет и на всю жизнь стала для моего отца близкой и необходимой. Но как произошло первое с ней знакомство — в гимназии, когда, по словам С. Аничкова, «среди учащихся старших классов стали популярными различные литературные кружки», или тут „вина“ Марии Ливеровской, или просто эпоха, — не знаю.

Помню одну встречу участников тогдашней компании отца: в 50-х гг. в Ленинград приехал Юрий Алексеевич Ливеровский, в то время уже профессор МГУ. Воспользовавшись его приездом, у отца собрались старые лебяженцы — как жаль, что их беседы-воспоминания не были записаны. Оказались тогда за одним столом у писателя-биолога: географ-почвовед Юрий Ливеровский, братья Рахманины — Георгий, писатель-охотовед, и художник Сергей, этнограф и поэт Нина Гаген-Торн, геолог Алексей Васьковский, моряк-полярник Евгений Фрейберг и инженер-химик (тогда еще только начинающий писатель) Алексей Ливеровский — люди, много путешествовавшие и много повидавшие. «Что посеешь в детстве — взрастишь в зрелые годы», — сказано в дневнике у отца.

Хороши были все эти увеселения-развлечения — стихи и охота, футбол и швертбот, на котором плавали до Кронштадта и даже северного берега Финского залива. Но это летом, в каникулы. А зимой в городе, у себя дома, Виталий и его братья благодаря отцу тоже встречались с очень неординарными людьми. С Иваном Петровичем Павловым, другом и соучеником отца по медицинской академии, и его семьей были «знакомы домами»; родители хотели, чтобы мальчики их подружились, но это почему-то не сбылось. Бывал у Бианки энтомолог Андрей Петрович Семенов-Тянь-Шанский, а друг семьи биолог Лев Семенович Берг также снимал дачу в Лебяжем, что, конечно, сближало его с семьей Бианки. Берг долгое время стоял во главе Географического общества, членами которого в свое время стали и братья Бианки. Чуть не забыла упомянуть, что знаменитый «землеоткрыватель» Сибири Иван Дементьевич Черский, его жена и сын тоже были знакомы с домом Бианки.

В Зоологический музей к Валентину Львовичу поступали материалы экспедиций Пржевальского, а его соратник П. К. Козлов в 1923 г. во время организации трехгодичной экспедиции в Монго-

лию и Тибет приглашал принять в ней участие и Виталия Бианки. Предложение было заманчивым, но... пришлось отцу моему отказаться: на руках тогда уже была молодая семья.

Мною перечислены люди, даже кратчайшее знакомство с которыми могло повлиять на подрастающее поколение дома Бианки. Тут кстати мысль Сент-Экзюпери (одна из занесенных в конце жизни отцом в записную книжку): «Восхищения прежде всего достойна почва, на которой замечательные люди выросли... В детстве у них можно найти зачатки тех устремлений, которые определяют позднее их судьбу». Я бы еще заметила, что начало XX в. — Серебряный век не только в поэзии, но и в науке.

Впрочем, Виталия точные науки не увлекали. Хорошо, что преподаватель математики в гимназии Столбцова В. И. Смирнов (в будущем академик) смотрел на явного гуманитария снисходительно. А вот музыка сильно занимала нерадивого школьника. До сих пор лежат дома чудом сохранившиеся его билеты на оперные спектакли, концерты, программки (например, выступления Ф. Шаляпина), даже ноты студенческой песни «Крамбамбули» — все говорит о большом увлечении. Есть такое признание: «Когда мне было 17 лет, я записал в своем дневнике: „Стоит мне побывать на симфоническом концерте или на хорошей опере — и две, три недели я хожу под впечатлением услышанной музыки, и вся жизнь преломляется через нее у меня в душе. Музыка действует на меня так сильно, что, звучи она для меня ежедневно, — я стал бы совершать под ее влиянием подвиги“». А в дневнике уже 1941 военного года: «Я хочу домой — сесть к роялю. Музыка — самое глубинное из искусств — всегда была для меня святыней. Я всю жизнь не мог решиться заглянуть дальше преддверья этого храма...» Приходится заметить, что даже если бы отец и решился, вряд ли жизненные обстоятельства того времени позволили бы ему отдать себя музыке.

Кстати сказать, в моем детстве дома у нас музыка тоже присутствовала. Мама аккомпанировала на рояле, отец пел. У него был баритональный тенор очень приятного тембра. Пел романсы и песни — забыть невозможно! — «Сурок», «Спи, моя радость, усни», «Рыцарский романс», а хранящийся у нас толстый том с нотами открывает «Моим солнцем» ди Капуа: «Я знаю солнце еще светлей...»

Весна 1915 г. Тяжелый год для семьи. Клара Андреевна волновалась за сыновей, особенно за Виталия. Сохранилась такая открытка: «Дорогой Витя, как долго надо ждать, чтобы узнать, как тебе

повезло? Завтра будет русский — ну, там тройку, думаю, получишь, а как по латыни? Может быть, успею получить ответ еще сегодня». Приписка на полях карандашом: «Ура, ура, вот, наконец, повезло... Буду теперь спокойнее». (По поводу латыни я могу сказать, что латинские названия птиц отец знал прекрасно, а в дневниках его можно встретить множество латинских изречений.) Волновалась Клара Андреевна и за ближайших родственников, которые должны были покинуть Россию как немецкие подданные. Болезнь уложила ее в постель, но в начале мая стало лучше, муж решил вывезти ее на дачу. Силы вернулись, она стала ходить. 14 мая легла вечером спать, легко заснула, а утром... утром муж, спавший на соседней кровати, обнаружил, что она заснула навсегда.

В Лебяжье семья Бианки больше не ездила. Это и был конец детства и конец целой эпохи — уже шла Первая мировая, не за горами были Октябрьская революция и Гражданская война. Впереди ждала совсем другая жизнь.

Начало взрослой жизни. Гражданская война и пребывание на Алтае

После смерти матери отец увез сыновей на Кавказ, в имение Шелковникова в районе ст. Евлах. Там он с Виталием занимался птицами, Лев коллекционировал насекомых, Анатолий собирал гербарий и фотографировал.

Заметим — для Виталия птицы — уже тогда главный интерес. Сильное впечатление произвела поездка на него — не само имение Шелковникова, а горы, горы, конечно. Через 12 лет после этой поездки отец свои впечатления и наблюдения уже как писатель использует в рассказе «Черный сокол». Комментируя его в письме О. И. Капице, замечает, что «дело происходит в Азербайджанской степи... Книжка будет о пернатых хищниках и о разных их характерах; и о соколиной охоте...» Вспоминал, что когда писал «Черного сокола»: «...на руках выступал холодный пот от страха, и мне пришлось положить на стол скользящее в пальцах перо, когда я описывал гибель Гассана в главе «Над пропастью». Кончил рассказ осенью 1928 г., первое издание в ГИЗе с рисунками Ев. Чарушина в 1929 г.

Возникает недоумение: как возможна была тогда для молодых людей такая длительная и, в общем-то, развлекательная поездка? Ведь шла война, и Россия в ней участвовала! Да, Первая мировая,

а наше поколение пережило Вторую, и потому мы задаемся вопросами, исходя из другого жизненного опыта. В 1915 г. старший брат отца Лев не был военнообязанным как имевший иностранное подданство (Валентин Львович при его рождении еще не сменил свое швейцарское подданство на русское). Анатолий — студент, Виталий после окончания гимназии тоже зачислен на естественное отделение физико-математического факультета университета. А студенты тогда призыву в армию не подлежали.

Учиться Виталию почти не пришлось. Вся обстановка того времени не способствовала получению образования, да и сам Виталий уделял ему мало внимания. Казалось, что сейчас это не главное, учиться можно будет и позже. Виталий увлекся «новыми знакомствами» (дома были уверены, что он состоит в эсерской боевой дружине) и почти не бывал дома. В начале II курса университета, осенью 1916 г. Виталия мобилизовали — ведь давно шла Мировая война — и, как студента, направили в Артиллерийское училище.

Многие годы я прожила вместе с отцом, но о многих событиях его жизни ничего не знала. Казалось бы, так просто было спросить и получить от отца прямой, серьезный ответ. Официальная, все охватывающая лож оставалась за порогом нашего дома, черное не называлось белым — и рассказ отца был бы безусловно честным... Но — молчание в те годы дороже золота. «То гул набата заставил заградить уста» — сказал Блок, любимый поэт отца. Старшие не обременяли младших дополнительными сведениями, а мы и не спрашивали. И не потому, что были «ленивы и нелюбопытны» или поглощены личными проблемами — так диктовал страх, пронизывающий жизнь. Он проникал всюду, и дети вырастали в этой данности. На поверхности жизни общества страх частенько принимал причудливые формы: гражданин судорожно стремился доказать свою лояльность режиму, он — «за», «за», «за!» и «долго не смолкающие аплодисменты». В семейных ячейках — по-другому, тихо, даже трагедии не выплескиваются наружу, и подружка-школьница не задаст во всеуслышание бестактный вопрос. Теперь, когда поколение родителей ушло, приходится соединять ниточки, распутывать узелки — сопоставлять чужие свидетельства с тем, что знаю и помню сама.

В начале XX в. в молодежной среде считалось неприличным не принадлежать к тому или другому революционному направлению, и уж молодые офицеры тем более были членами партий. Виталий Бианки стал эсером. В биобиблиографическом справочнике

«Писатели Ленинграда. 1934–1981 гг.» сказано, что В. Бианки «после Февральской революции был избран солдатами в местную Городскую думу и Исполком Царскосельского Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов» от партии левых эсэров. И — по собственному его признанию в позднем письме К. И. Чуковскому — активным членом партии. Так что не совсем преувеличены «семейные легенды»...

Но, пожалуй, нам об этом лучше расскажет письмо-анкета отца, хранящееся в Государственном архиве Российской Федерации, в ф. 8409. Приведем ее полностью, так как важно, что и как считал он нужным рассказать следователю при аресте. Отец был четыре раза арестован и — как говорил мне когда-то — прошел все тюрьмы Питера и Москвы и таких анкет, наверно, заполнил множество.

Родился в 1894 г. в семье старшего зоолога Зоологического музея АН. Род мой из Итальянской Швейцарии. В Россию переселился мой прадед. Отец перешел в российское подданство за несколько лет до моего рождения. Как видный ученый в 1914 или 1915 г. получил чин статского советника и с ним — личное дворянство.

В мае 1917 г. под личным влиянием прапорщика Вик. Вик. Соколова записался в партию СР. В дальнейшем В. В. Соколов стал членом Военной Комиссии СР. Так как я был при нем, то вынужден был выполнять его поручения: при организации «демонстрации защиты Учредительного Собрания» я дежурил при одной военной части (в Ротах; названия части не помню). Мне было поручено вывести эту часть на улицу. Но солдаты отказались выйти, — и тем моя роль была исчерпана. Так ли было и все ли сказано в анкете? Нет, конечно. Но в партийный архив я не обращалась...

В бурные предреволюционные годы отцу чуть больше 20 лет. Темпераментный, свободолюбивый, красивый — в общем, заметный молодой человек этот студент. Но уже в 1916 г. положение в воюющей стране изменилось. Как пишет в анкете отец:

В конце 1916 г., будучи студентом, я был мобилизован и к 1917 г. выпущен прапорщиком. Служил в I-й батальоне I-го дивизиона I-й Западной тяжелой артиллерийской бригады в Детском (Царском) Селе.

Где и застала меня, — пишет он в 1949 г. в другой биографической справке, — Февральская революция.

В личной жизни у Виталия тоже перемены: он женится на Зине Захаревич. Сначала они живут в квартире отца, потом в Царском

Селе. Семья не приняла этот стремительный брак, считала его «революционным заданием партии». Тем более что Зина была беременна и не от Виталия (ребенок умер вскоре после родов). Еще больше мой дед был напуган политической активностью младшего сына, считал, что тот состоит в Боевой дружине партии. Через много лет Анатолий Валентинович рассказывал, что как-то в их квартире на столе отца нашли письмо от давно не показывающегося дома Виталия, которое никто не принимал от почтальона, и семья сочла, что его подбросил партийный агент...

Какие рассказы отца о 1917 г. я помню сама? Всего два. Первый — о том, что Февральская революция была светлая, радостная, что незнакомые люди готовы были обниматься на улицах. И погода была такая же. Интеллигенция увидела в феврале свершение и завершение своих надежд. Но мало, очень мало было тех, кто сумел тогда увидеть начало периода катаклизмов, ожидавших Россию. Отец не был столь прозорлив. А второй — о Максиме Горьком. Как-то на вопрос о причине весьма прохладного его отношения к Горькому, отец рассказал, как молодые военные, его товарищи, пригласили Буревестника Революции к себе в Царское Село. Они хотели услышать его отношение к происходившим событиям и получить для себя совет к действию. «За ним бы пошли тогда» — говорил отец. Определенного совета не услышали — ожидания не оправдались.

О следующих годах можно с уверенностью сказать, что ему не до наблюдений в природе. Об этой части биографии отца мы почти ничего не знаем. В стране шла Гражданская война и нам трудно представить себе этот ужас. Уж, по крайней мере — это не война «хороших» красных с «плохими» белыми советских учебников. Отец в одном месте описывает свою жизнь так:

Я уехал из Петрограда в начале 1918 г. и отсутствовал 4 года. Побывал на Волге, Урале, в Омске, в Томске, пересек Казахстан от Аральского моря через степи до Атбасара, Кокчетова и Петропавловска.

Внуку В. Бианки рассказывал, что за это время дважды болел тифом, что в военных действиях не участвовал. Но какова степень открытости в рассказах мальчишке в 50-х гг. — понятно.

Весной 1918 г. со своей частью В. Бианки оказался на Волге в г. Вольске, на территории, подвластной самарскому правительству Комитета членов Учредительного собрания, состоявшего из представителей самых разных политических партий. Но власть

правительства достаточно условна — каждая партия организывает свои вооруженные отряды. А еще и чешская армия... Противоречия стремительно нарастают.

У нас есть только четыре факта из жизни В. Бианки в 1918 г., в которых мы можем быть хоть как-то уверены. Первый мы упомянули. Второй: вместе с ним жена Зина (вновь беременная) и Сашенька Кольцова, приехавшая им помогать из Петрограда. В июле в г. Вольске на Волге у Зинаиды и Виталия родился сын Михаил и это вторая из дат семейной истории. По-видимому, именно в это время происходит еще одно важное событие в жизни В. Бианки — он разочаровывается в политической деятельности и выходит из партии эсэров.

Судьба распорядилась так, что есть и еще одна привязанная к Самаре семейная дата. Но она пока еще не имеет отношения собственно к отцу: перед самым взятием города большевиками (7 октября 1918 г.) из него в железнодорожном вагоне выехала семья самарского врача, полковника медицинской службы российской армии Николая Семеновича Ключева с женой и тремя детьми. Его дочь Надежда рассказывала — когда поезд остановился над Самарой, они видели, как начинаются пожары в городе... Вскоре семья Ключевых окажется в Бийске, где Николай Семенович будет работать врачом, дочь Вера — в гимназии, Надежда уедет в Томский университет на медицинский факультет учиться. Их сын Виктор, бывший студент Политехнического института в Петербурге, где-то в армии. Младший сын Владимир неизлечимо болен.

Вернемся к семье Виталия Бианки. После долгих дорожных мытарств в конце 1918 г. вся семья — отец, Зина, Сашенька и маленький Миша — попадает в Бийск. И это последняя известная дата в семейной хронике этого страшного года.

В Бийске начинается другая жизнь, трудная, голодная, но — по крайней мере — оседлая. Как пишет в уже цитированном письме-анкете отец: «При Колчаке жил на нелегальном положении под фамилией Белянин. Летом 1919 г. был мобилизован в колчаковскую армию, скрыл свое офицерство, пошел рядовым (был писарем в я артиллерийском парке), бежал при первой же возможности. Жил в Бийске. С момента прихода на Алтай Советской власти, объявил свою настоящую фамилию (с тех пор в документах значусь Бианки-Белянин)». Своевременно отец сменил фамилию — что бы было, если бывший полярный исследователь узнал бы в молодом

прапорщике сына лично хорошо известного ему секретаря Полярной комиссии АН В. Л. Бианки, у которого он бывал дома в Петербурге? Дорого бы стоило и тогда, и потом отцу это знакомство... А тогда он под другой фамилией счел нужным дезертировать из армии и скрыться в горах у партизан. Заметим еще, что фамилия эта — перевод на русский итальянской фамилии Бианки.

Что привело именно в Бийск? Различные жизненные обстоятельства диктовали «направление движения», но, вероятно, повлияло и романтическое представление об Алтае, интерес к малоисследованной дикой природе, ну, и вполне житейское упование на более сытую жизнь. Трудно теперь нам, особенно молодому поколению, представить себе, какие голодные годы переживала страна, и только в некоторых районах — в том числе и на Алтае — было сравнительно лучше с едой. Скорее всего, действовала и конкретная политико-географическая причина — движение на запад невозможно (фронт), на территории Транссибирской магистрали — активные военные действия, а здесь, в ведущем на юг железнодорожном тупике, относительная тишина.

В Бийске семья поселилась в Заречье. Куда мог приложить он свои силы и знания? Чем зарабатывать? Как естественно для него было вести биологические и фенологические наблюдения, так же закономерен и приход в краеведческий музей. Состояние его совершенно неудовлетворительно — Бийский музей только начали создавать в январе 1920 г. Этому способствовало появление в Бийске приезжей интеллигенции, а музей дал возможность получить им интересную работу. Музей занимал второй этаж каменного дома, конфискованного у богатого купца. Дом большой, недостроенный. В первом этаже — какие-то склады. Очень плохо было в городе с отоплением, на зиму приходилось закрывать не только музей, но и многие школы.

И сразу же, еще не зная, чем и как будут жить, Виталий Бианки начинает вести орнитологический дневник: «...в сосняке около своего дома видел...» — привычка, воспитанная с детства. Знакомится с птицами Томской губернии по научным статьям, составляет список птиц с их латинскими, местными русскими и алтайскими названиями. Вскоре в газете «Алтайский край» появляются заметки отца: в феврале 1919 г. — «Чем интересен Алтай зоологу», в марте — «Интересные явления из жизни местных птиц»; в апрельском номере журнала «Народные думы» напечатана статья: «Что нужно знать сельскому хозяину о птицах». Заметки подписаны фамилией

Белянин или просто буквами В. Б., есть и стихи с такой же подписью. Также благодаря газете мы знаем, что В. В. собирается принять участие в научной экспедиции как орнитолог. Намечен тысячеверстный маршрут. Но в конце марта газета сообщила, что «ввиду мобилизации лиц с образовательным цензом» большинство членов экскурсии-специалистов будут лишены возможности принять в ней участие». Среди перечисленных участников экспедиции нет студента-орнитолога В. В. Белянина.

Виталий Валентинович все реже бывает в Заречье — окончательно портятся отношения с женой. Ночует часто прямо в музее — спит на снятой с петель двери. «Сегодня еще раз убедился, как сильно ненавижу ложь... Кажется, я больше всего на свете стал ценить человеческую доброту» — из письма тех дней, что-то говорящее о причинах конфликта. Вскоре он официально разводится с З. Захаревич. Мальчик остался, конечно, с матерью. С ним и няня Сашенька. Зина вскоре вышла замуж за Н. Терентьева и Миша получил фамилию отчима.

С начала декабря 1919 г. в Бийске советская власть. «С 10 декабря 1919 г. товарищ Белянин-Бианки Виталий Валентинович служит в Бийском городском отделе народного образования, занимая должность инструктора по внешкольному образованию (специально по музейному делу)», — так говорится в приказе. И преподает в бийской гимназии курс естествознания. А с апреля 1920 г. «назначен временно заведующим Бийским совмузеем с оставлением в прежней должности». Теперь и музей, и гимназия носят имя Виталия Бианки.

В музее же в начале 20-х гг. Виталий Бианки познакомился с Гансом Иогансенем, датчанином по происхождению, родившимся в Таллинне в 1896 г., тогда — студентом Томского университета. Он стал для отца ближайшим другом навсегда. Правда, жизнь разъединяла их — как иностранному подданному в 30-х гг. Иогансену не разрешили жить в СССР и он уехал в Данию. Стал всемирно известным орнитологом. Через 20 лет при жизни отца приехал в Ленинград и вновь побывал в квартире на 3-й линии. Сохранилась их многолетняя переписка, она дала мне возможность рассказать об их «Незамутненной дружбе» (журнал «Нева», № 7, 1994). Там много и о жизни отца.

Через несколько лет, в один из своих приездов из Томска, где он тогда профессорствовал в университете, Ганс Христианович рассказал другу Виталию о Командорских островах, откуда недавно вернул-

ся. Решено было использовать его записи и сделать книжку для детей о бобрах и котиках, живущих на Командорах, в «Стране зверей». В июне 1933 г. Бианки занес в дневник, что кончил сверять и править, а в 1935 г. книга вышла в ДЕГГИЗе с рисунками Г. Е. Никольского. По выходе книги Виталий Валентинович написал О. И. Капице, как всегда отдавая ей отчет о своей работе: «Страна зверей», можно сказать, не моя книга: каждое слово контролировалось моим ученым другом — развернуться не было никакой возможности».

Другое бийское знакомство, перешедшее в дружеские отношения на долгие годы, было опять-таки на «птичьей почве». В школе, где преподавал отец, один мальчик увлекся работой в музее и птицами. Это — Александр Иванов, «застенчивый юноша», у нас дома его звали Сашун. Из Бийска он уехал вместе с семьей Бианки, долго жил в нашей квартире в Петрограде в большой комнате, разделенной шкафами. Окончил биофак университета, работал в орнитологическом отделе Зоологического института, защитил докторскую диссертацию. Виталий Валентинович с радостью и гордостью за него отметил в дневнике, что наш Сашун работает теперь на месте его отца, Валентина Львовича — заведующим орнитологическим отделением Зоологического института. Но это в Ленинграде и уже в 40-х гг.

А тогда, в 20-х, в жизнь отца «вошли школьные и литературные интересы и люди» — он начал преподавать в школе естествознание (в том числе и физику, которую так не любил в свое время). Гимназия была реорганизована в «школу второй ступени», введено совместное обучение девочек с мальчиками. Учителя все новые, и среди них «молодой мужчина, высокий, красивый, — вспоминает одна из учениц. — Тогда у нас была лекционная система преподавания — свои лекции Виталий Валентинович читал с воодушевлением, с большой любовью. Сначала он познакомил нас с гипотезами о космическом пространстве, потом с основными законами жизни на нашей планете. Он рассказывал нам понемногу обо всем, все о многом. Мы получили от него любовь к природе, любовь к жизни».

Можно было бы привести еще много восторженных слов и в воспоминаний его бывших учеников, которым он стал «старшим товарищем, большим другом». Активность учителя передавалась ученикам: начали издавать классный журнал, устраивали по воскресеньям литературные вечера. Организовали литературно-музыкально-драматический кружок и выработали его устав. А время

для школ было очень трудное: не было ни учебников, ни тетрадей, ни карандашей, даже мела. Учителя на заработанные тогдашние миллионы ничего не могли купить, роптали на собраниях. Виталий же Валентинович жил «над бытом» и увлекал за собою других. Виталий Валентинович пишет 27 января 1921 г. Г. Х. Иогансену: «...Ухожу из дому с утра, прихожу к ночи к полночи еще занимаюсь. За полной невозможностью заниматься в музее совершенно забросил орнитологию и с головой ушел в школу. Школа моя считается лучшей в городе и одна из всех функционирует сейчас (остальные стоят из-за отсутствия дров и преподавателей). Удастся поддерживать ее существование, лишь отдавая ей все свое время, что мы и делаем с Верой Николаевной (Клюжевой — преподавателем французского и немецкого языков. — Е. Б.) и Анатолием Валентиновичем». Трудные дни и для музея, и для школы, и самое страшное — в Бийске свирепствует тиф, обе его формы: сыпной и брюшной. И все-таки летами многочисленные, иногда многодневные экспедиции в горы (их тогда называли «экскурсии»); участники привозят материалы для музея и дневники наблюдений.

Еще в августе 1920 г. по настойчивому совету брата в Бийск приезжает брат Анатолий Валентинович. С ним Екатерина Ивановна Федорова, вскоре ставшая его женой, и три ее сына от первого брака с Е. Е. Федоровым. Этот трудный и длинный путь из Петрограда — ради спасения от голода. Анатолий Валентинович в Петербурге служил в Главной Геофизической обсерватории. По приезде в Бийск он возобновил действовавшую в царское время при одной из бийских школ метеостанцию. Стал заведующим метеостанцией и наблюдателем, работал бесплатно, но и за жилье ничего не платил. С начала 1921 г. приступил к систематическим наблюдениям; в дневные часы в школе преподавал физику. Приезд брата Анатолия — большая радость, интересно было познакомиться с Екатериной Ивановной, умным, добрым и очень правдивым человеком. Самые лучшие отношения у них сохранились до конца ее жизни; она была общей для всех нас «тетей Катей».

Не случайно так часто и хорошо отец мой вспоминает бийские годы: там для него было все ново и интересно — и собственная активная деятельность, и окружающие люди, и конечно, удивительная алтайская природа, и «далекие — как мечты — горы». В Бийске же была и самая главная в его жизни встреча. В школе, где он преподавал,

давал биологию, и какое-то время был заведующим (слово «директор» ввели позже) он познакомился с Верой Николаевной Клюжевой. Она преподавала иностранные языки. Особенно хорошо знала французский, так как для усовершенствования (после окончания Курсов в Петербурге) ездила во Францию, в Гренобль, где окончила двухгодичные курсы французского, получила международный сертификат. И с огромным трудом — через Англию, Шотландию, вокруг Исландии, Норвегию — вернулась домой после начала войны в 1914 г. Отличалась женственной миловидностью, спокойным, уравновешенным характером, дочь врача. Отцу Николаю Семеновичу Клюжеву обещали работу в загородном санатории. По приезде из Самары он работал врачом в городе, позже был заведующим здравотделом. В 1920 г. во время санитарного обследования заразился сыпным тифом и умер.

Младшая его дочь, Надежда, оканчивала в Томске медицинский институт и узнала о смерти отца, только вернувшись в Бийск. Ко времени встречи с Виталием Валентиновичем Вера Николаевна жила с матерью Софьей Ивановной и младшим братом Владимиром.

Трудно мне, их дочери, рассказывать о том, как познакомились и полюбили друг друга родители. Шестого мая 1921 г. они регистрировали свой брак, тринадцатого, по настоянию ее матери, венчались, и позже не забывали отмечать эту дату как день свадьбы. Был ли счастлив их брак? Безусловно, был. Характеры разные, даже противоположные, но, возможно, именно это сделало их брак таким устойчивым; они всегда были нужны друг другу, во всем друг другу доверяли, вместе преодолевали явные и скрытые жизненные пороги.

В следующем учебном году Вера Николаевна не вернулась в школу и всю дальнейшую жизнь посвятила семье и, главное, мужу, ограждала его, как могла, от всех житейских забот. Я родилась в феврале 1922 г. Жили теперь в Бийске Бианки-Клюжевы в одном доме на горе у метеостанции и кладбища — к дому ведет лестница в 200 ступенек — в мороз, весной в оттепель, осенью в слякоть — подниматься по ней было не в радость, а школа, где работал отец, была на другом краю города. Соединились три семьи, но хозяйством заниматься в тех трудных условиях никто не умел. Достаточно рассказать, как выменяли на часы корову, а потом голодная, с отмороженным хвостом корова давала 1–2 стакана молока — новорожденному ребенку и то не хватало.

Но, несмотря на мороз и все жизненные трудности, Виталий Валентинович продолжает увлекать учащихся и педагогов. Устраивал и литературные вечера. Январь 1922 г. наполнен репетициями — готовили вечер памяти Александра Блока (Блок был любимым поэтом отца), который оказался столь удачен, что был проведен дважды.

Литература и биология, два пристрастия, попеременно занимают мысли Виталия Валентиновича. Не покидает мысль и о возвращении в Петроград. С чем он туда вернется? Рассказывает Иогансену: «...подготавливаюсь к отъезду в Питер. Мы (с Сашуном. — Е. Б.) составили каталог нашей коллекции шкурок с Алтая... Как видишь, если принять во внимание подробные орнитологические дневники и отмеченные в них 210 наблюдавшихся в данном районе птиц и четыреста документов — шкурок, получается солидный материал для труда. Обработать этот материал мы с Александром Ивановичем едем в Питер... Напечатаем труд, который ляжет в основу нашего дальнейшего исследования Алтая. Этому можно и стоит посвятить несколько лет жизни». В письмах Иогансену отец подробно рассказывает о маршрутах поездок. О том, что это лето использовали для сборов, но работать было чрезвычайно трудно, пришлось и поголодать, а главное, порча ружей скоро прекратила возможность сборов... В этом году они сделали около 700 верст по Алтаю...

По возвращении из экспедиции оба брата стали готовиться к переезду домой в Петроград — надо учиться, работать. Опять из письма Иогансену: «...Я сейчас почию и продам свое ружье: как это ни больно, но это единственная возможность купить билеты до Питера... Едем в Питер настоящими пролетариями, т. е. без гроша в кармане и без всякого имущества...»

Но отъезд наступил неожиданно. «Охота к перемене мест» возникла не по прихоти: предупредили о планируемом аресте. П. Ф. Копаневич (заведующий Отделом народного образования и прямой начальник отца) получил в Барнауле «брошюру» для передачи в Бийский горком партии. Там упоминалась фамилия Бианки как неразысканного свидетеля. Копаневич не передав брошюру в Горком, вызвал В.Б. и предложил ему немедленно уехать вместе с семьей из Бийска: «В Петрограде или Москве быстро разберутся. У нас могут причинить много неприятностей. Я Вам дам командировку в Петроград и самую лучшую характеристику». Так отец успел уехать от грозившего ареста. Позже Павел Фомич Копаневич рас-

сказал об этой истории Александре Владимировне и даже показал стенографический отчет судебного процесса членов ЦК ПСР, который состоялся весной 1922 г. Правда, в семье бытовала и история о совершенно другом инициаторе ареста — новом муже Зинаиды, отчиму Миши, Н. Терентьеве.

Родители мои со мной, полугодовой, и Сашуном отправились в Петроград. Долго родные моей мамы не могли простить этот внезапный и несовместный с ними отъезд... Они-то должны были дожидаться смерти больного Володи (болезнь в «семейной истории» не названа и приехали позже, оставив в Бийске могилы Николая Семеновича и Володи. Вернулся и Анатолий Валентинович с Екатериной Ивановой и пасынками. Еще позже вернулась в семью Бианки Сашенька — когда у Виталия Валентиновича и Веры Николаевны родился второй сын, а Миша подросток. Но над ее кроватью всегда висела фотография мальчика с детской надписью «Любимой няне от Миши». Постепенно в Петрограде собрались и бийские ученики Виталия Валентиновича и Веры Николаевны, ставшие младшими друзьями дома.

При отъезде из Бийска багаж невозможно было взять с собой. Пришлось отправить с попутчиками. По дороге вещи где-то застряли, чтобы их найти и вернуть коллекцию, потребовались большие усилия, многое пропало. Еще около года волновала судьба книг и коллекции птиц, собранных ими и Иогансеном на Алтае.

Возвращение в Петроград. Начало литературной деятельности

В Петроград мы прибыли 20 сентября 1922 г. Снова в родном городе, но теперь отец обременен семьей и поисками заработка. Уже не было в живых Валентина Львовича. В январе 1920 г., возвращаясь из Павловска, он простудился в поезде и заболел воспалением легких. Ослабленный голодом организм не справился с болезнью. Его похоронили в Петербурге на Шуваловском кладбище, рядом с могилой старшего брата Иво Львовича, жены и скончавшихся маленькими детей, Сони и Валентина.

Отцу моему надо было устраивать жизнь заново. Все оказалось гораздо сложнее, чем представлялось из Бийска. Да и просто жить было негде — квартира Валентина Львовича считалась служебной, после его смерти пришлось ее освободить. Хорошо, что помог брат Лев — устроил Виталия за городом, в Саблино, на экскурсионной

базе университета, которой тогда заведовал. Найти постоянную работу в Зоологическом музее, предложив свои знания птиц Алтая, не удалось. Заведующий орнитологическим отделением П. П. Сушкин сам занимался этой темой и не нуждался в молодом сотруднике, а тем более — сыне В. Л. Бианки. Отец перебивался случайными заработками то тут, то там, по мелочам — за статейку или рассказец в журнале. Братья помогали материально, сколько могли, но это не меняло положения. В таких условиях отец не мог и мечтать о том, чтобы вернуться к занятиям в университете. «Приходится ставить крест на своей научной карьере», — жалуется он в письме другу-зоологу.

Обстоятельства помешали отцу стать ученым. Возможно, преодолеть их не удалось еще и потому, что его все больше тянуло к другому. Весной следующего года в письме к тому же другу уже нет сожалений:

Я, брат, далек от науки. Искусство гораздо ближе мне. В скором времени выйдет моя первая книжка. Книжка для детей про птиц, про всякую лесную нечисть. Что поделаешь, брат: осознал, что всю долгую жизнь свою делал не то, к чему всегда чувствовал призвание... Люблю я птиц, люблю лес, но разве все мои «экспедиции» и «музеи» это наука, а не чистая поэзия?..

Интерес к биологии остался у отца на всю жизнь, но в нем слились взгляды ученого и поэта-романтика, соединились противоположности: стремление к точной, даже сухой регистрации фактов, привитое всей атмосферой родительского дома, и поэтическое видение, образное восприятие, присущее ему самому с рождения и развитое любовью к литературе.

По возвращении определился отец и с выбором постоянного места жительства. Еще недавно он колебался между желаниями поселиться в лесной глуши или в большом городе. Всегда, до последних дней, он стремился весной из городских стен под открытое небо, к воде, лесу, траве под ногами. И все же — город, любимый Питер, стал его основным местом жительства. Тут были общение с близкими по духу людьми, издательские дела и связи, музеи, библиотеки; не говоря уже о музыке — концерты в филармонии и опера! Ведь со своим роялем в лес не переедешь. Конечно, отец мой оставался петербуржцем.

С жильем, наконец, устроилось: сначала заняли две, потом четыре комнаты в шестикомнатной квартире вдовы генерала Попо-

вицкого. А потом брат Лев выменял свои квадратные метры на две оставшиеся комнаты у бывшей квартирной хозяйки. В 1929 г. был сделан ремонт, квартиру разделили на две. Любимый брат отца Левушка теперь приходил к нему часто. В этой квартире в доме на углу 3-й линии и Малого проспекта (д. 58/4, кв. 11) В. О. отец прожил до конца жизни. В день столетия со дня его рождения под окном бывшего кабинета была открыта мемориальная доска.

Здесь Виталий Бианки поселился с женой, Верой Николаевной Клюжевой, ее матерью Софьей Ивановной, няней Сашенькой и мной. С нами жил приехавший из Бийска ученик родителей Александр Иванович Иванов (по семейному имени Сашун), ставший орнитологом и не только продолживший дело Валентина Львовича, но и занявший его должность в Зоологическом музее, теперь институте.

Пора рассказать о том, как Виталий Бианки сделал свои первые шаги по дороге писателя. В его записной книжке сказано: «Начал я писать для печати по газетам и журналам — в 1917 г. (в Бийске. — *Е. Б.*), книжки для детей — в 1923 г.». В конце 1922 г. при библиотеке детской литературы Педагогического института в Петрограде возник кружок — тогда он назывался студией — детских писателей. Родилась студия на гребне общественного подъема, а организатором ее была Ольга Иеронимовна Капица, библиограф и фольклорист, прекрасный знаток детской литературы. Студийцы по возрасту и степени подготовленности были различны, объединяло их стремление создать новую детскую литературу. «В кружке была та необходимая для начинающих среда, — вспоминал отец, — в которой — на совершенно демократических началах! — воспитывались и оттачивались взгляды начинавших тогда писателей». Любил и уважал отец О. И. Капицу, советовался с ней, часто в письмах — когда приходилось жить далеко от Ленинграда, — давая отчет в том, что и как пишет. Вот большая фотография студийцев. Со многими из них отец встречался и в позднейшие годы — хорошо помню у нас дома Екатерину Привалову, Елену Верейскую и Наталию Дилакторскую.

Наиболее опытным в литературном деле среди студийцев был Самуил Яковлевич Маршак. «Попал я к Маршаку, — вспоминал отец, — просто потому, что встретился в то время с Люсей (Ильей Маршаком, братом Самуила и одноклассником отца. — *Е. Б.*), а собирался я обратиться к К. Чуковскому». «Скажу по совести, а позже

говорил отец, — конечно, не имея до этого ни малейшего представления, „как делаются художественные произведения“, я получил первые уроки литературной техники у него. Положа руку на сердце: испытываю к Маршаку такое же чувство благодарности, как к своему учителю чистописания в подготовительном классе гимназии».

Не оставляло отца желание завершить образование — теперь уже литературное. Он поступил в знаменитый институт истории искусств, что на Исаакиевской площади Петрограда. Вот передо мной матрикул за 1924/25 учебный год, несколько квитанций о получении оплаты от слушателя словесного отделения В. В. Бианки-Белянина (вторая фамилия «приклеилась» в Гражданскую войну). Сохранилась толстая тетрадь с краткими, почти стершимися записями лекций карандашом. Лекции читали Б. В. Томашевский, В. М. Жирмунский, Б. М. Энгельгардт, В. П. Адрианова-Перетц. Последняя запись в этом конспекте — 16 февраля 1925 г. Почему, что послужило главной причиной прекращения посещения занятий? Возможно, просто не хватало времени. Две — три лекции в день (в пять часов, в половину седьмого и в восемь вечера). А в эту зиму отец не только пишет, но уже и печатается. Творческий процесс плохо укладывается в расписание по часам, частенько и ночь занимает (и это при том, что хозяйственные заботы отца и тогда, и потом не касались).

Виталий Бианки, естественно, начал писать на знакомые ему природоведческие темы. Читал свои работы в студии и сразу обратил на себя внимание, стал печататься. Самый-самый первый рассказ — «Путешествие красноголового воробья» — был опубликован в 1923 г. в журнале «Воробей» (позже переименованном в «Новый Робинзон»), а в ноябре 1923 г. в частном издательстве «Радуга» вышла первая книжечка «Чей нос лучше?» с рисунками П. Бучкина. Почти сразу написаны были еще несколько вещей, которые вошли в золотой фонд детской литературы, многократно издавались, были переведены на иностранные языки.

Интересно, как отец объяснял себе причину своего успеха у читателей и маленьких слушателей:

Отовсюду слышу, что «Лесные домишки» — любимейшая книжка дошколят. Что в ней угадано для маленьких? Мне кажется, большая уютность: у каждого домики, и один другого лучше, уютнее. Маленький герой — еще «глупенький», ничего в большом мире не знающий, всюду

тыкающийся носом, — как и сами читатели (слушатели). Может быть, то доброе, что встречает Береговушку — слабую и беспомощную — в этом огромном, но уже не чужом ей мире... Собственно, почти на ту же тему у меня «Приключения Муравьишки», «Мышонок Пик» — тоже.

Тогда же была написана и первая повесть «На Великом морском пути», также изданная «Радугой»; тема-то лебяженская — отец сидел за столом и писал в Саблине, а вспоминал берег Финского залива, пролетные стаи гусей...

Лучше всего говорят нам об авторе и времени сделанные Виталием Бианки надписи на только что вышедших из печати книжках. Он надписывал их и раздаривал (листочки с копиями тех надписей-обращений сохранились): «Ольге Иеронимовне Капице в знак глубокого уважения и благодарности, автор», «Другу горячо любимого отца Льву Семеновичу Бергу в знак глубочайшего почтения и любви, автор», «Кружку Мудрых Пеликанов от автора Мешконоса, старательно складывающего в свою кладовую критический улов кружковых собраний», «Милому Самуилу Яковлевичу — учителю и другу — новорожденный автор», «Милому Люсе (Илье Маршаку. — Е. Б.) с любовью и благодарностью, автор Витя». В списке с обращениями на даримых первых книгах более 25 имен адресатов. Тут надо учитывать даты дарственных надписей — с годами отношения могли меняться, но память о прежней дружбе осталась в них.

Удивительно, сколько было написано отцом и удалось напечатать за 3 года: с 1923 по 1925! Сыграли свою роль молодость, силы, желание работать и огромный интерес к литературному творчеству. В первых рассказах («Чей нос лучше?», «Чьи это ноги?», «Кто чем поет?») автор, задав простой вопрос и отвечая на него, не только привлекает внимание юного читателя, но и правильным ответом дает ему биологическое знание. Мой отец получил эти знания в детстве от своего отца-биолога, продолжал сам их накапливать в течение всей жизни, не пропуская возможности наблюдать жизнь природы. Так что темы для своих рассказов и сказок-несказок ему было легко находить — и, казалось, легко было писать и печатать. К сожалению, так только казалось. В 20-х гг. критика усердно боролась с очеловечиванием природы в детской литературе. Поэтому В. Бианки получал иногда от редакторов такие дружеские предупреждения: «„Хвосты“ берем... Будьте осторожны в границах анимизма. „Хвосты“ грешат антропоморфизмом, но очень хороши,

остроумны, сюжетны и поэтому мы с ними миримся. Вообще же антропоморфизм — жупел в большей или меньшей степени».

Повести, конечно, требовали от автора большого труда и времени, а для построения сюжета — какого-то неординарного случая из жизни героя. Если бы автор только рассказал читателям о своем «очень тяжелом впечатлении» при посещении Зоологического сада (как записано в дневнике 1924 г. по поводу создания «Мурзука») и не пожалел бы затворницу-рысь, не придумал в своей повести ей побег, то не было бы и «Мурзука».

Повесть эта стала первым произведением Виталия Бианки, переведенным на иностранный (английский) язык. А друг отца рассказывал, что видел в Краеведческом музее в Томске группу слепых школьников. Кто-то из них стал ощупывать чучело рыси и радостно воскликнул: «Мурзук, Мурзук!» Ведь повесть печаталась даже шрифтом для слепых.

«„Одинец“ — „монография“ о лосе (как „Мурзук“ — „монография“ о рыси), последнем лосе лебяженских лесов, о лосе, переплывшем Финский залив в поисках новых мест, где б не тревожили его вечно люди», — так отец рассказывает в письме к О. И. Капице о новой повести. И в следующем письме: «Пишу „Одинца“ — рассказ о лосе. Пишу захлебываясь. Увлекает и фабула, и то, что ярко вспоминаются встречи с лосями, охота, мой чудесный лосенок, пойманный и вскормленный своими руками». Весной 1927 г. той же Ольге Иеронимовне снова об «Одинце»: «Линия фабулы ломаная, с поворотами, тупыми и острыми углами и без точек там, где точка казалась бы необходимой. А это последнее окрашивает в другой смысл все уже рассказанное... Заканчиваю переделывать „Одинца“. <...> Я все же полагаю, что через 10 лет о людях писать буду. Кое в чем я очень упрям». Последнее замечание связано, видимо, с тем, что как-то сложилось мнение, будто Бианки может и должен писать только о природе, а не о людях. И, наверное, главное, что помогло начинающему писателю, а потом и окончательно выбравшему свой путь профессионала, — это то, что рядом с ним была друг и помощница, жена Вера Николаевна. Она не только освободила его от всех домашних забот, но и помогала в его писательском деле: переписывала рукописи (пишущей машинки еще не было), общалась с издательствами, разумно распоряжалась получаемыми мужем гонорарами. Во всем царило полное доверие друг к другу, взаимопо-

нимание при большой разнице характеров. И не случайно, конечно, отец писал, что если когда-то будет издаваться его собрание сочинений, то он хочет, чтобы оно было посвящено Верике, его жене.

С 1924 г. Виталий Бианки начал вести в журнале «Воробей» раздел о природе, названный им «Лесная газета»; многочисленные иллюстрации — художника и биолога А. Н. Формозова. А раздел «Как мы работаем» вел друг отца Борис Степанович Житков.

Встретились и подружились Бианки и Житков в недавно организованной детской редакции Государственного издательства (потом — ДЕТГИЗе) в здании бывшей компании «Зингер» на Невском. Борис Степанович стал ближайшим другом отца, старшим для него во многих отношениях, не только по возрасту. В журнале «Детская литература» в 1939 г. (к годовщине смерти) была опубликована статья Бианки «Борис Степанович Житков и его литературное наследие». В ней он характеризует Житкова как очень разностороннего человека, умельца на все руки, прекрасного рассказчика и, конечно, писателя. Я, хоть была маленькой, помню Бориса Степановича и у нас дома, и когда отец брал меня к нему в гости. А что рассказать могу? — да ничего. Запомнился больше всего желтый тряпочный абажур над круглым обеденным столом, вероятно, потому, что у нас в столовой была высоко у потолка люстра со стеклянными абажурами. Да и внешность Бориса Степановича запомнилась — наверное, тоже по контрасту: он был ростом гораздо ниже отца. Вот и все. К сожалению, о многих интересных людях, с кем в детстве я познакомилась через отца, ничего рассказать не могу, хотя след в моей душе они явно оставили.

Из друзей отца хорошо помню Евгения Львовича Шварца. Его пьесы ставились Акимовым в Театре комедии. Вообще родители мои любили и посещали театр Акимова больше, чем какой-либо другой. Прекрасные там были актеры: помню Юнгер, Сухаревскую и, конечно, Тенина. Помню и забавный случай того давнего, довоенного времени. На вечерние спектакли не пропускали детей до 16 лет, а мне было меньше. Очень хотелось пойти, да и родители были не против. Я попросила паспорт у дочери нашей дворничихи-татарки (фотографий в паспортах тогда не было) и превратилась в Мамлакат. Контроль прошла уверенно, контролер не усомнился, что мне уже 16 лет.

Помню Александра Гавриловича Бармина, хотя в военные годы у отца отношения с ним стали натянутыми. А вот Иван Сергее-

вич Соколов-Микитов был дорог моему отцу и как человек, и как спутник на охоте, потому наши семьи многие годы жили летом поблизости друг от друга на Новгородчине и в первый военный год вместе эвакуировались на Урал.

С Еленой Яковлевной Данько отец был дружен с начала детгизовских времен. Выписан у меня из письма отца его отзыв о ней: «Елена Яковлевна — мыслитель. Великолепная голова и по эрудиции, и — что особенно ценно — по способностям. Кроме того, Елена Яковлевна — художник. Комбинация, возносящая ее на огромную высоту». Конечно, я ее хорошо помню: высокая, худощавая и строгая. Помню и ее книжки — «Китайский секрет» о фарфоре, «Деревянные актеры» о театре марионеток. Жила она с сестрой на окраине Ленинграда, у Фарфорового завода. Сестра была скульптором, там работала, а Елена Яковлевна иногда раскрашивала ее скульптурки. Помню, что сестрами были сделаны фарфоровые статуэтки актеров Театра комедии в разных ролях, которые выставлялись за стеклом в фойе театра. Думается мне — не через Елену ли Яковлеву родители мои в первый раз попали в театр Акимова? А вот когда отец взял меня в гости к Елене Яковлевне, она сводила меня в Музей фарфора, что при заводе, — до сих пор помню некоторые выставленные там вещи.

Сохранилось несколько писем Елены Яковлевны к отцу моему, последнее из блокадного Ленинграда — о том, что живет она с матерью и сестрой в писательском д. 9 на канале Грибоедова. Умерла она по дороге в эвакуацию...

Письма Елены Яковлевны к Виталию Валентиновичу дают нам, я бы сказала, отрезвляющую оценку ДЕГГИЗа 30-х гг., роли в нем С. Я. Маршака, положения авторов печатающихся книжек. Конечно, это было давно, и те, кто теперь интересуется историей ДЕГГИЗа, представляют эти годы как его безусловный расцвет. В журнале «Нева» № 11 за 1987 год была статья Е. Жеглова с характерным заголовком «Дом, который построил Маршак». Что говорить, построил, ведь «материал» для постройки был хороший, а вот как шло «строительство» — вопрос другой. Несколько писателей, в том числе Б. С. Житков и с ним мой отец, осуждали диктатуру Маршака и сопротивлялись ей. Маршак царствовал как «некоронованный король» — официальной должности не занимал, но четверем молодым редакторам указания давал, а они действовали соответственно.

И, конечно, отец не повторил бы в поздние годы свою благодарственную надпись 1923 г. Возмутился, когда слышал, будто «Лесной газетой» он обязан Маршаку. Позволю себе привести здесь часть письма Елены Яковлевны Данько моему отцу от 13 декабря 1937 г. как неприятное свидетельство тех лет: «Последние события и факты, которые я недавно узнала, совершенно убедили меня в том, что для Самуила Яковлевича интерес „дела“ детской литературы стоит (и стоял все время) черт знает где позади... Каждый работавший с Маршаком заключил с ним негласный договор: он дает нам печататься, ставит на нас свою марку, а за это — наши книги должны служить ему пьедесталом, и в любое время, если ему понадобится, он может сказать, что это он написал их». Может быть, и правдиво сказала Елена Яковлевна. Субъективны были все они... Трудности с изданием книг у авторов возникали не только из-за требования следовать определенным идеологическим установкам государства, но также из-за взаимоотношений с редакцией.

С болью отец рассказывает об этом в письме Г. П. Гроденскому от 15 ноября 1937 г.:

Вот какие у меня дела: «Мышонок Пик» (сдан в апреле 1936 г.) и «Рассказы об охоте» (сборник для старшего возраста, старые и новые рассказы) сняты с плана. «Где раки зимуют» (сборник для младшего возраста — 8 печатных листов) вышел, пишут мне, тиражом в 25 000, вместо 50 или 100 тыс., как предполагалось. Новая андреевская (С. А. Андреев — директор «Детгиза». — Е. Б.) политика по отношению к моим книгам определилась: от чего еще не поздно отказаться — отказываются, что уже в наборе — издают минимальным тиражом, чтобы только покрыть расходы издательства. Идет кампания: «Довольно книг про зверюшек и пташек — дайте актуальные книги!» Это совершенно четко...

Я вот о чем: про «зверюшек и пташек» пишут Федорченки, Маршак («Усатый-полосатый», «Пудель»), Чуковский («Муха-цокотуха», «Крокодил», «Айболит») и кто угодно, — только не я! Неужели же ознакомление с нашей природой — это «зверюшки и пташки»?! Андреев явно думает так.

Абсурд. Валят в одну кучу руду и шлак.

Положение не только мое, а всех (особенно молодых) авторов, пишущих о природе, такое: писать об этом нельзя — иди, халтурь. А халтура вредна, если она между делом — настоящим, своим делом: она развращает художника. И халтура — смерть для художника, если он вынуж-

ден заниматься только ею. Право, положение очень серьезно. Я чуть не ежедневно получаю столько доказательств нужности моих книжек читателю, что не имею права в этом сомневаться. Я очень много работаю последние полгода и знаю, что написал такое, что раньше мне было непосильно написать. И знаю, что дальше — вот только закончу большую книгу, — напишу еще лучше.

Что ж, плюнуть на все и приниматься халтурить?

Аборты запрещены. А это — настоящий аборт.

Нет, надо бороться, надо доказать и показать, что рожденные и нерожденные «дети природы» необходимы. Но как это сделать? Ведь сам-то я, автор, не могу кричать (могу, да это на смех!): «Мой материал нужен, мои книги хороши!» А читатель, школа, библиотека? Они молчат. Молчит критика. Молчит моя переводчица на английский — Айви Лоу, жена М. М Литвинова, — которая сама выбрала мои книги для перевода и читает рецензии лондонских газет и журналов (мне прислали уже пять рецензий), в которых «Мурзук» восхваляется черт знает как. Ценитель молчит и меня же, будь он проклят, ругает, что нет моих книг. А что «Мурзук» перед двенадцатью крошечными рассказами, которые я написал только что? Детский лепет!.. Опять-таки: не во мне одном дело (хотя мне и до меня дело!). Вопрос в том, быть или не быть художественной литературе о природе для детей. Соколов-Микитов написал прелестный рассказ, предложил его Андрееву, а Андреев ему: «О природе пишете? Вы о чем-нибудь другом бы!» И нет и не будет Соколова-Микитова в детской литературе. Это — вопль? Да, вопль. Истошный вопль. Писать я все равно буду — хоть и в стол себе. Но для художника это оттяжка неизбежной смерти. И ведь я убежден: Косарев, секретарь ЦК А. А. Андреев (я их слушал на нашей конференции), Кремль вообще — совсем не думают так о «природоведческой» книжке для детей. Наоборот думают. Придет опять время — они заглянут в детскую литературу и спросят: «А почему нет книг о природе, о природе нашей Родины?»

В августе 1936 г. Виталий Валентинович пишет другу Ивану Сергеевичу Соколову-Микитову:

В Москве прожил пять дней... успешно провел все свои дела. Моей главной целью было извлечь все, до последней моей книжки, из Ленинграда (т. е. от Маршака), устроить их в Москве.

И все же нежелание печатать книги о природе — естественно, болезненно отзывавшееся в писателях-натуралистах, — еще не са-

мое страшное, что происходило в 30-е гг. К сожалению, разногласия внутри издательства, редакции с авторами шли на фоне растущего террора: многие авторы и редакторы были арестованы как «контр-революционная вредительская шайка врагов народа, сознательно взявших курс на диверсию в детской литературе» (так цитирует в 1989 г. в журнале «Нева» чье-то выступление тех лет одна из редакторов ДЕТГИЗа А. Любарская). Страшный период в жизни всей страны был таким и в деле детской литературы.

И еще одна важная тема. Опять я должна назвать имена близких отцу людей, так как это говорит и о нем. Среди них — много художников, ведь книга для детей имеет обычно двух авторов: писателя и художника-иллюстратора. И, несмотря на то что отец считал себя ответственным за всю книгу, вернее, именно поэтому, взаимопонимание с иллюстраторами было особенно для него важно. В те времена и издатели считали, что книги о природе должны иллюстрировать художники-анималисты, так что Мышонка Пика еще никому не приходило в голову нарядить в тельняшку, дятел не летал в галстук, а сова не походила на бомбу, как, к сожалению, бывает теперь. Из-за таких иллюстраций отец наверняка прекратил бы всякое общение с издательством. Хорошо помню, как отец говорил другу и любимому художнику Валентину Курдову: «Валя, разве ты не знаешь, что у зайца-русака хвост не такой, как у белыка?» А зайцы-то на рисунке всего сантиметра по три, а уж хвосты и совсем махонькие.

Отец считал, что в рисунке должна быть биологическая правда, как и в тексте. Если в сказках-несказках (автор нарочно прибавил слово «нёсказки») у него герои-животные разговаривают, то это сделано для того, чтобы читатели их понимали, а животные и без человеческого языка понимают друг друга.

Отец очень ценил иллюстрации Евгения Ивановича Чарушина к своим сказкам и рассказам, отмечая, что он умеет улыбаться в рисунке, а это очень важно. «Детям — доброе» — девиз отца. Помню, как понравились ему иллюстрации к «Сказкам зверолова» Аркадия Александровича Рылова (который был живописцем, а совсем не графиком-иллюстратором). Разделив книжку на отдельные странички, я развесила их на стене в нашей столовой. Все смотрели с удовольствием, отец улыбался. Одним из ранних иллюстраторов был А. Н. Формозов. Вот тут уже биологическая неправда

исключалась: Формозов был биологом. Брался за иллюстрации и друг-лебяженец Сергей Рахманин. В 1929 г. вышла книжка Бианки «Карабаш», первая, которую иллюстрировал Ю. В. Васнецов, потом — «Болото», а короткому диалогу Лиса и Мышонка Васнецов очень кстати добавил сказочности. Я перечислила тут далеко не всех иллюстраторов первых книг отца, даже из ленинградцев. В других городах, конечно, тоже печатались книги Бианки с иллюстрациями тамошних художников. В Москве ими были В. Ватагин, Г. Никольский, Е. Рачев.

Отец особенно ценил согласие художников жить летом где-нибудь поблизости, например, в соседней деревне, и тогда рассказы, построенные на местном материале, получали наиболее достоверные изображения героев, будь то маленький Муравьишка или Аришка-Трусишка с медвежонком. Сюжетная линия занимает маленького читателя или слушателя, автор же одновременно ненавязчиво знакомит его с птицами, зверями, насекомыми, их приспособленностью к условиям жизни. Той же степени условности, с точки зрения отца, должен придерживаться и художник-иллюстратор — никак не большей, иначе будет нарушено найденное автором равновесие между биологической правдой и принятой сказочной формой.

Годы ссылки. Уральск и Великий Новгород

И через несколько лет жизни в Петрограде — арест! Он говорил, что ожидал ареста уже в первые месяцы 1925 г., поскольку знал об аресте и ссылке двух своих бывших товарищей (один из них работал в издательстве «Синяя птица»). «Сидишь и думаешь: хоть бы скорее конец» — вспоминает слова Бианки Александра Владимировна Квачевская.

Вот передо мной клочок бумаги, на нем — рукой отца:

1925 г., 5.XII — Арест. Допрос в ГРУ. Вечер в ДПЗ (следователь Кудрявцев). По дороге мальчишки: «Вот повели — не вырвется! Растратчик, растратчик! Так ему и надо!». Сзади молодой солдат с винтовкой. В камере: успокоение в первый момент (привели, теперь можно и отдохнуть) — потом бурное отчаяние, реакция и сон. 30.XII. — Допрос. Следователь сообщил об отправке в Москву. Свидание (Толя). Дактилоскопические оттки, рост (грубый врач). Отправка. 2 «столыпинских вагона» — на Москву и на Кемь. Шпана. Колька-пионер и Аркашка-рваная ноздря.

1926 г. Москва. Таганка. Воровство. Камера № 1-бис. Иерусалимский. Граф Орлов-Давыдов, Мишин, Штейн. Надписи. Шахматы. Га-

зеты. 4.I. — «Черный ворон». Лубянка, 14. Камера № 9. Лурье, Максимов, Дьяченко. 9.I. — Лубянка, 2. «Внутренняя тюрьма». Камера № 5. О. Гурий (Васильев), Лехно, Орлов. «Фамилии на «А» и на «П» (Орлов и Бианки). 28.I. — Допрос (следовательница Хорошкевич). Студент Орлов. «Экономист» Щепкин. 1.II. — «Чёрный ворон» — Бутырки. Камера № 69, МОК. 4.II. — Постановление Особой комиссии подписал. 11.II. — 20 ч. 20 м. — из Москвы с Рязано-Уральского (Павелецкого) вокзала. 8.II. — Свидание (Толя и Катя). 13.II. — 8 утра. Саратов «Холодная». 15 ч. 30 м. Переправа через Волгу в теплушках. 21 ч. 30 м. из Покровска. 14.II. — 12 ч. 40 м. — прибытие в Уральск. 3 ч. дня — подписка о невыезде и «Вы свободны»...

Может быть, я зря привожу почти дословно эти записи — они говорят что-то только мне да тем, кто встретит тут знакомые фамилии. Вспоминаю слова отца, что нет в Ленинграде и Москве тюрьмы, где бы он ни бывал. Представляю себе, как маме тяжело было переживать арест и высылку мужа, тем более что они застали ее незадолго до рождения ребенка. Даже в день разрешенного свидания они не смогли повидаться — пошел Анатолий и его жена Екатерина Ивановна. «Приговор был не слишком суровый — пишет А. В. Квачевская, — может быть потому, что больше 6 лет как он отошел от политической деятельности. Это легко было доказать. При этом Виталию предложили на выбор три города: Пензу, Уральск и Троицк. „Я выбрал Уральск, потому что здесь были Вы: будет не так одиноко“... Но, по-моему, в Пензе ему было бы лучше... здесь степь, ветры — тоска смертная».

Надо мне сказать об Александре Владимировне Квачевской. В письме ко мне отец рассказывает:

...Познакомились мы с ней в Бийске. Потом вместе были в Институте истории искусств (она курсом старше меня, хотя годится мне в дочери). Потом вместе были в Уральске... Одним словом, — человек, с которым у меня связаны разные интересные и серьезные воспоминания. Чудачка, на вид несколько ненормальная; некрасивая, но чистая и пылкая душа. Интересно встретиться через 23 года... Встретиться, излиться в душевном разговоре и разъехаться, чтобы больше уже не встречаться. Люди мы почти одного поколения и похожей судьбы...

А мама, почувствовав себя достаточно окрепшей после рождения сына, сразу же бросилась за советом и помощью к мудрой и доброй Ольге Иеронимовне Капице. Ведь Вера Николаевна всегда была рядом с мужем, ходила с ним в Студию, знала всех студийцев и, естественно, Ольгу Иеронимовну. Та сразу же отозвалась, написала

своей влиятельной приятельнице — А. М. Калмыковой:

26 января 1926 г. Дорогая, дорогая моя Александра Михайловна, не сердитесь на меня, я все время была нездорова... как только поправлюсь, буду у Вас. К Вам придут две мои добрые знакомые. Очень прошу по возможности помочь им. Ведь это выдающийся детский писатель и он может еще много, много дать. Я уверена, что Вы отзоветесь на их просьбу. У В. В. жена только родила и ужасно убивается о муже. Крепко, крепко целую Вас, моя дорогая. *Ваша О. Капица.*

На оборотной стороне карандашом рукою А. М. Калмыковой написано: «Вит. Вал. Бианки на Лубянке. Справиться в Красном Кресте. Жена родила. Есть 4-х летняя дочь. Отзывы в книгах Ленингница..» Видимо, по совету А.М.Калмыковой было составлено ходатайство:

*В Общество помощи политическим ссыльным и заключенным
От группы ленинградских писателей
Заявление.*

Мы, ленинградские писатели, ходатайствуем о нашем товарище, Виталии Бианки, сосланном на 3 года в Уральск. С 1922 г. он был предан исключительно своей литературной работе, которая поглощала все его силы. Путем большого, неустанного труда он создал свой собственный стиль в наиболее ценной области детской литературы — в области художественного изображения мира животных. Критика горячо приветствовала Виталия Бианки, «русского Сеттона Томпсона», и выражала уверенность, что, когда талант этого молодого писателя созреет, он даст классические образцы прозы этого рода, которая до сих пор была представлена почти исключительно переводами и компиляциями. Общественная полезность работ Виталия Бианки была признана современной педагогикой, о чем свидетельствуют сочувственные отзывы в газетах.

Виталий Бианки вел в детском журнале «Ленинградской правды» постоянный отдел «Лесная газета». С тех пор, как он сослан в Уральск, в детской литературе образовался пробел, который невозможно заполнить. Для того чтобы продолжать свою работу Виталию Бианки нужно постоянно общение со специалистами, педагогами и учеными. А также как зоологу-орнитологу, ему необходимо наблюдать животный мир той полосы, изучение которой составляет его специальность.

Просим, в интересах малолетних читателей, освободить Виталия Бианки досрочно. О том, что за последнее время он всецело отдался литературе, свидетельствует большое количество написанных им за это

время книг и брошюр: «На великом морском пути», «Лесные разведчики», «Первая охота», «Росянка — комариная смерть», «Мурзук», «Кукушонок», «Кто чем поёт», «Чей нос лучше», «Чьи это ноги», «Лесные домишки», «Одnodневки», «Сборник рассказов», «По следам», «Лягушонок», «Снежная книга», «Сова», «Охотник на взморье», «Лесная газета», «Аскыр» и пр.

Виталий Валентинович Бианки арестован 5 декабря 1925 г. в Ленинграде. Переведён в Москву 30 декабря того же года. Приговорен по постановлению Особого Совещания ОГПУ от 29 января 1926 г. в высылке на 3 года в Уральск. Согласно постановлению препровожден 12 февраля 1926 г. за свой счет в Уральск.

Хорошая дата — день рождения отца! И длинный список писателей (правда, на сохранившемся экземпляре не все их росписи есть). Привожу его по алфавиту: А. Аничкова, Марк Басанин, М. Бекетова, Т. А. Богданович, М. Борисоглебский, В. Воинов, А. Ганзен, Илья Груздев, Елена Данько, Б. Житков, П. Я. Заволокин, Евг. Замятин, Мих. Зощенко, В. Калицкая, О. Капица, Мих. Козаков, Наталия Крандиевская, Ек. Леткова-Султанова, С. Маршак, Ник. Никитин, М. Слонимский, И. Соколов-Микитов, Федор Сологуб, Н. Тихонов, М. Толмачева, Алексей Толстой, Конст. Федин, Ольга Форш, М. Фроман (Фракман), Е. Шварц, Вяч. Шишков, П. Щеголев. Хочу обратить внимание на подписи под документом совсем так сказать «за здравие», а не «за упокой». Не совсем понимаю, как этот документ оказался у отца, но помню, что он его берег и говорил о нем с гордостью.

Сегодня мы с благодарностью поглощаем правдивые свидетельства — нам нужно, необходимо все знать. С ужасом и болью читаем о размахе репрессий, о нелегких — как теперь принято говорить — судьбах многих наших современников. Узнаем и имена тех, кто по убеждению, а кто по неведению или загипнотизированные призывами к борьбе, поднимали на собраниях руки и ставили подписи или того хуже...

В автобиографических его записках брата Анатолия Валентиновича сказано:

После безуспешных попыток в Ленинграде добиться освобождения Виталия, мы с женой поехали в Москву, где получили возможность встретиться с Надеждой Константиновной Крупской, бывшей уже вдовой. Она работала в Комиссариате просвещения по библиотечному делу. Обстановка у нее на работе очень напомнила мне Вольное

Экономическое общество, где мне приходилось бывать по делам комплектования библиотечек для армии... Надежда Константиновна, очень пожилая, но бодрая на вид, любезно выслушала нас, сказала, поговорив с кем-то по телефону, что, к сожалению, ничего конкретно сделать сейчас не может, но будет иметь это дело в виду.

Как видно, ходатайство писателей большой роли не сыграло. Но не это главное. Здесь важна отчетливо проявленная гражданская позиция. Никого них нет в живых — ведь прошло больше 60 лет, но доброе дело и доброе слово вечны, как говорит восточная мудрость. Рисковали ли подписавшие своим благополучием? Думаю, что да. Хотя это был еще 1926 год, а позже... Через 10 лет только очень редкие, действительно бесстрашные люди, подобно Петру Леонидовичу Капице, спешили на помощь пострадавшим, оклеветанным.

Сам он мало оставил записей об Уральске, но есть воспоминания Александры Владимировны Квачевской, ими и воспользуемся.

А тогда — 14 февраля 1926 г. в Уральске — встреча с Виталием была для нее совершенно неожиданна и радостна. С этого дня они виделись почти каждый день и говорили, говорили — общих тем было достаточно. Многие из этих разговоров Александра Владимировна записала, — огромное ей спасибо за это!

Виталий сразу же с гордостью сообщил, что у него родился сын, а он даже еще не видел его! Не знаю точно, когда отец узнал о рождении сына Виталия 12 января 1926 г. перед самым отъездом в Ленинграда или уже в Уральске догнало его это сообщение, но представляю себе, как тяжело, тревожно было ему расставаться с женой именно в эти дни. Ехал один с особым конвоем из Саратова, которого он должен был кормить и оплатить все путевые расходы. Зато путь от Москвы до Уральска занял меньше недели, а те, кто как Сандрочка (А. В. Квачевская. — Е. Б.), двигались этапом, не столько ехали, сколько сидели на пересылке в разных городах, окружным путем из Ленинграда до Уральска добрались через 3 месяца.

Сандрочка рассказала Виталию о том, что в Уральске находятся семнадцать политических ссыльных (не считая жен); бывшие офицеры шли под названием «к-р» (контрреволюционеры, каэры); лиц духовного звания не было. Самой большой была фракция эсэров (восемь — девять человек), во главе которой стоял Ев. М. Тимофеев, член ЦК, умный, волевой, широкообразованный и безупречно воспитанный. Он был осужден по процессу ЦК ПСР в 1923 г. на 10 лет. Квачевская была

удивлена, что вновь прибывший отец отнюдь не спешит повидаться с Тимофеевым, хотя и был с ним знаком. Получила ответ: «Это не к спеху... пока скажу Вам одно: я не считаю себя членом партии СР и вообще уже давно отошел от всякой политики». Как бы продолжая эту тему, Бианки ей позже сказал: «Но письма, которое оплевывает мою прежнюю партию, с раскаянием и обещанием исправить свою вину, не давал и никогда не дам. Уважаю ПСР, за многое ей благодарен, но я уже на другом пути, интересы мои лежат в другой плоскости...» Среди них был и студент из Москвы — Борис Кабанов. Отец нашел тогда в нем друга на многие годы. Помню, уже в послевоенные годы приезжал он к нам летом в новгородскую деревню, потом — Борис Николаевич — московский профессор-химик.

Не удержусь и дальше от цитат из записей Квачевской — они достоверны, да и нет у нас других сведений о тех днях, пережитых отцом. Тем более, как пишет Александра Владимировна,

Ему хотелось поговорить «по душам», а мне — слушать и спрашивать. Он подробно рассказывал о прошлогодних событиях (1925 г.): «Был у меня как-то откровенный разговор с Лилиной (заведующая Ленинградским ГорОНО и бывшая жена Г. Е. Зиновьева). Сидел я у нее в кабинете, беседовали о школе — где-то она меня просила выступить, я обещал — и потом вдруг решился рассказать ей про себя. Она только спросила, давно ли я отошел от ПСР, я ответил, „По моему — говорит, — Вам ничего особенно не грозит, но я при случае поговорю о Вас с Григорием Ефимовичем. Он сейчас болен“. Настроение у меня тогда было паршивое: точно топор над головой занесен, а когда упадет — неизвестно».

На следствии Виталий сразу занял твердую позицию: отвечать в самых общих чертах — на вопросы, касающиеся конкретно его, но не затрагивающие других; подтверждать лишь то, что было давно и официально установлено (процесс ЦК эсэров 1922 г.). Сообщать дополнительные подробности, вообще говорить о других лицах он наотрез отказался. Через несколько дней к нему в камеру на Лубянке явилась Андреева.

— Вы слышали про Андрееву, Сандрочка?

Да, про Андрееву рассказывали соловчане; она приезжала в Соловки вместе с другими членами комиссии после Соловецкого расстрела 1924 г. (мы прослушали несколько сообщений в 1925 г.). Андреева — работник ЧК, позднее член комиссии ОГПУ. Кажется — из эсэров. В 30-е гг. находилась в лагерях на Воркуте. Допрашивалась по одному лагерному процессу, когда «выявляли троцкистов»...

— Ну вот, пришла она в камеру и села у стола. «Почему Вы не хотите говорить с нами откровенно, Виталий Валентинович?» Вот, извините-с, даже по имени и отчеству называет! Я ответил, что сказал все, что считал нужным, а больше нам разговаривать не о чем. «Жаль, жаль, — говорит она, — впрочем, нам и без того все известно. Но... если бы мы побеседовали чистосердечно, можно было бы ограничиться для Вас легким наказанием или даже совсем освободить. Подумайте еще; можете не устно, а на бумаге изложить. Вот у Вас теперь сын родился...» Знаете, даже от этой мерзавки мне было радостно услышать такую новость. А потом меня прямо затрясло, я встал и говорю ей: «Уходите, слышите, уходите: Все-таки Вы женщина, а меня с детства учили уважать женщин. Будь Вы мужчиной, я бы за себя не поручился». Ну... она ушла.

Потом Виталий помолчал, пыхнул папиросой и сказал:

— Знаете, Сандрочка, на такой работе у женщин должна быть совсем растленная душа: в ней ни доброты, ни любви, ни мягкости — ничего не остается. Страшно с такими женщинами, они во много раз хуже мужчин.

Кажется, Андреева еще не раз пыталась чего-то добиться от Виталия, но он просто не стал отвечать. Вскоре был объявлен приговор: «3 года ссылки».

Пока Виталий Валентинович обустроивался в Уральске: подыскивал жилье — сначала совместное с ссыльными, позже, перед приездом жены, отдельное, знакомился с людьми, ну, и, конечно, с инструкциями от местного ОГПУ: запрещение выходить из дома позже десять часов вечера, необходимость приходиться отмечаться и т. п. В это время в Ленинграде делались попытки извлечь Бианки из ссылки.

Оказывается, отец мог выбрать! И выбрал не более близкую природу, а близких по духу людей, даже наличие всего одного человека, с которым можно говорить на языке, «на котором обычно не говорят попугаи» (отец любил это выражение). Как ни далек Уральск от Ленинграда, но мама летом 1926 г. взяла меня с братишкой и при помощи няни Саши привезла нас ненадолго к отцу. В Уральске я такая была еще маленькая, что запомнила только одноэтажный домик, в котором жил отец, перед ним пыльную площадь с церковью, и... верблюдов (как-то мимо дома проходили). Помню еще, что родители взяли меня на песчаный берег Урала, дали поплескаться в реке. А вообще-то отец не имел права далеко и надолго уходить из

города. Да, думаю, и не очень хотел — нет леса, степь вокруг Уральска. «Охотиться не дадут, буду работать, — говорил отец, — тошно мне от этой степи!». Вот Анатолий Валентинович продолжает вспоминать: «Я посетил его там в начале следующего, 1927 г.». Очень жаль, что без фотоаппарата (его постоянного спутника).

Многостраничные воспоминания А. В. Квачевской о жизни в Уральске касаются всего одного года — января 1926 по январь 1927 г. К своим записям она поставила эпитафю: «Из письма Вит. Бианки» — «деревянный степной городок без всяких далей». Да, это в Бийске отец писал о далеких как мечты горах, здесь не раз мечтаться. Причина попадания сюда Сандрочки? Та же, что и у отца, т. е. ссылка, но по другой, так сказать, линии — профсоюзной. Через 28 лет снова побывала в Петрограде-Ленинграде, еще через много лет прислала из Рославля тетради воспоминаний.

Сведения о жизни отца выбираю из записей Квачевской с трудом, но нахожу. Вот — о том, что получает он из Ленинграда от жены посылками книги для работы, о том, что часто ходит в библиотеку, что задумал повесть о саянском соболе (это «Аскыр»). Потом о болезни: «У Виталия была инфлюэнца (так называли грипп) и ангина, температура вскочила до 39°... Нестерпимо болела голова... почти все время был в сознании, один раз только бредил...» Все же одну регистрацию Виталий пропустил и представил в ГПУ справку от врача. Рассказывает Александра Владимировна и о том, что Виталий познакомился с семьей, в доме у которой было пианино. Виталий заходил к ним, играл на пианино, пел. «Пианино дрянное, расстроенное, но так хочется музыки!» — говорил он.

...Приехала Вера Николаевна, привезла еще книг, остальные записные книжки мужа, кроме того — договора с издательствами, которые он должен был подписать, а она — увезти обратно в Ленинград... Между тем «Аскыр» был почти закончен, и Виталий прочел его нам. Повесть хвалили; мужчины, побывавшие в Саянах, отмечали правдивость общего колорита. Нравился и язык.

Виталий рассказывал о знакомстве в Ленинграде с юношами-художниками, один из которых иллюстрировал «Мурзука», а другой, возможно, займется «Аскыром». Я запомнила только фамилию Чарушина. Для Виталия художник в его книгах играл очень важную роль; «по сути дела мы с ним вместе творим», — говорил он. Сразу после «Аскыра» он начал новую вещь — «Черный сокол».

Из всех обитателей Уральска Виталий получал, вероятно, самую большую корреспонденцию. У него установились приятельские отношения с нашим почтальоном.

Да, у отца была большая переписка и личная, и деловая и как бы лично-деловая с К. И. Чуковским, С. Я. Маршаком, О. И. Капицей. А с Б. С. Житковым обменивались не только письмами, но присылали друг другу на отзыв свои рукописи. «Человек и друг настоящий», — говорил отец о Житкове.

Много, плодотворно работает отец в Уральске. Начинает и заканчивает задуманную еще в 1925 г. в Ленинграде повесть о лосе — «Одинец», мысленно возвращаясь в леса на берегу Финского залива. «В ноябре 1926 г. — только что закончил «Мышонка Пика» — давно задуманную вещь» — записано в дневнике. Рассказ «Последний выстрел» написан осенью 1927 г. — «...тосковал по лесу... Вспомнил Алтай». А «Бун» — о горном Алтае. Алтай вспоминает отец не только в Уральске, но и гораздо позже. Алтайские впечатления дают темы для рассказов: «Роковой зверь» — 1934 г., «Она» — 1941 г., «Кувырк» — 1944 г.

Какой творческий подъем в Уральске! Чем его объяснить? Может быть тем, что успешное начало писательской деятельности, когда много и легко задумывалось и ждало претворения в рассказы, было жестко прервано в 1925 г. ожиданием ареста, столь неминуемого, что отец сам желал — скорее бы! А Уральск — сравнительно благополучное разрешение напряжения — дал ему возможность сесть за письменный стол и писать, писать, воплощая задуманное. Но на местную, связанную с Уральском тему у отца — только повесть «Карабаш». Сначала это был рассказ «Нечистая сила» — о бешеном волке, позже, уже в повести «Карабаш», тема детской беспризорности — на первом плане. Печатали сначала по главам в журнале, а в 1929 г. — отдельной книжкой с замечательными рисунками Ю. Васнецова.

Видимо, благодаря хлопотам, срок ссылки отцу был сокращен. В 1928 г. Виталия от официального надзора освободили, но не разрешили вернуться в Ленинград. Он выехал из Уральска в Великий Новгород (максимально близкое к Ленинграду разрешенное место проживания), был там уже 27 апреля 1928 г., где и прожил около 2 лет, пока не были сняты «минусы».

В декабре 1928 г. отец пишет:

*В Политический Красный Крест от административно высланного
Виталия Валентиновича Бианки*

Заявление.

Прошу возможно скорей дать мне справку, с какого момента считается моего «наказания»: со дня моего ареста (5 декабря 1925 г.), или со дня постановления Особого Совещания при Малой Коллегии ОГПУ (29 января 1926 г.), т. е. — зачтено мне предварительное заключение или нет? Вит. Бианки. 3 декабря 1928 г., г. Новгород, Московская, д. 87.

На этой же страничке (копия получена мной из архива), написанной рукою отца, добавлено пять машинописных строчек:

В ответ на Ваш запрос сообщаю, что согласно полученной из НКВД справке, высылка из Ленинграда будет отменена, — ввиду чего послано извещение о разрешении Вам проживания в Ленинграде до пересмотра дела.

Зачтено — не зачтено, а предписанные 3 года вне Ленинграда прошли-таки, хоть и хлопотали добрые люди о сокращении этого срока.

Конечно, арест и ссылка в Уральск и Новгород не самое худшее, что могло случиться. Позже, в более страшные годы — 30-е — отец вновь арестован, указано более страшное направление: Иргиз, в короткий срок и со всей семьей. Помог случай — мое заболевание скарлатиной — и доброта людей неравнодушных: врачи по просьбе мамы задержали меня — уже выздоровевшую — в больнице (ведь высылка «всей семьи!»), за это время отец успел съездить в Москву, попал на прием к Екатерине Павловне Пешковой. Высылка была отменена. Сегодня отменена, а завтра, послезавтра... могло повториться все снова, да и повторялось: слежка, опять обыск, арест. (До сих пор тяжело на душе, как вспомню, что как-то во время очередного ареста притворилась спящей, когда отец подошел проститься). «И ежедневно, ежечасно, трудясь, страшились тюрьмы», — пронзительно сказано О. Ф. Берггольц. Это и о моем отце. Понимаю теперь, что под этим гнетом он прожил почти всю жизнь. Не знаю только, помогал ли жизнелюбивый, эмоциональный характер отца преодолевать «страх знакомый, что по следам идущие — придут», как сказано у той же Берггольц, или его повышенная восприимчивость заставляла ощущать это положение особенно остро.

Его всегда спасала природа — это я знаю. Она не только звала к себе из города, его сутолоки и небезопасных встреч, но и успокаивала нервы, переносила внимание на себя, давала радость

и неисчерпаемое количество наблюдений, материал для претворения его в литературу. Рассказы и сказки-нёсказки для детей о природе хоть и подвергались в некоторые периоды гонениям — «опять о зверях и букашках, нужно о пионерских лагерях» — все же сравнительно легко проходили «Сциллу и Харибду» редакций и цензуры. Правда, случались, как у многих русских людей, и другие способы «борьбы со стрессом»... После пребывания в «местах не столь отдаленных», как тогда было принято говорить, отец не имел права сразу вернуться в Ленинград и с трудом получил возможность жить в Новгороде. Весной 1928 г. он писал в Москву своему другу Ивану Халтурину:

Друг мой, честь имею доложить: прибыл в Новгород, Славная (еще б не славная, если я на ней живу!), д. 18, кв. Ланской... 27/IV-28 г.

Здания этого теперь нет, нет у нас и его фотографии. Как выглядел дом, не помню.

Летом вся наша семья приехала к отцу на улицу Славную и мы вместе уехали из города — как всегда отцу хотелось, ближе к лесу. Жили на берегу Волхова в деревне Слутка, что напротив известного села Кречевицы. Помню, что дом был двухэтажный на краю деревни в сторону Новгорода, а деревня необычная: всего одна улица, зато длины километровой.

Приезжали на лето по приглашению отца родственники и друзья. Сохранилась фотография: на крутом берегу Волхова не только мои родители, но и тетя Надя, мамина сестра, Екатерина Петровна Привалова (знакомая отца по Литературной студии), Егор Куклин (начинающий писатель). Приезжал и брат Анатолий Валентинович с женой и фотоаппаратом. Его-то фотографии у нас и сохранились — они дают возможность увидеть ту, прошедшую жизнь, вспомнить почти забытое. Вот, пожалуй, самая ценная фотография того лета: гости и вся семья у дома; на руках у няни Сашеньки мой двухлетний братец Талик (Виталий). А эта моя самая любимая: отец, а рядом я сижу на заборе.

Редки были в то лето солнечные дни. Дожди превращали проезжую часть улицы в почти не преодолимое для меня, шестилетней, пространство, когда меня посылали за Екатериной Петровной Приваловой, жившей в доме напротив. В Слутке Виталий Бианки не оставлял письменного стола: продолжал писать начатую в Уральске повесть «Карабаш» и отсылал по главам в журнал «Пионер», где их сразу по получении печатали. В Слутке же был написан «Теремок», уже о жизни нашей природы. На рукописи «Черного сокола»,

также сочиненного там, помечено: «Кончил 10/X-28 г.». Не забывал отец и охоту. Как-то взял он меня на пролет уток: огромные стаи над Волховом на фоне вечернего неба. Осенью отец по-прежнему оставался в Новгороде — «минусы» не сняты. Мы с мамой жили дома в Ленинграде на 3-й линии В. О.; приезжавшие на лето друзья отца — по своим городским адресам.

Привозила мама меня в Новгород и зимой. В дневнике отец написал: «Сейчас у меня гостят жена и дочь. Борис (Б. С. Житков. — Е. Б.) недавно уехал, 9 дней у меня прожил... 21/XII-28 — провожаю Вериду и дочь». Вспоминается мне: зима, идем с отцом, встретили извозчика, сели в сани и лихо прокатились. На мое недоумение — почему не заплатил? — отец ответил, что это его знакомый, расплатится потом. Заходил со мной — и неоднократно — в книжный магазин. Помещался он на широкой улице у площади, занимал нижний этаж с витринами в большом каменном доме. Любезная продавщица встречала отца как хорошо знакомого. Может быть, это она предложила ему замечательную книгу М. В. Муравьева «Новгород Великий. Исторический очерк и путеводитель», на ней рукой отца поставлена дата покупки: «1/V-28 г.».

По возвращении из Slutki в Новгород отец вел активную переписку, как частную, так и с издательствами. Особенно важны его письма Ивану Игнатьевичу Халтуруину, редактору, — не на литературные темы, а насчет возможности вернуться в Ленинград. И вот 30 декабря из Москвы от Халтуруина приходит телеграмма: «Катись на все четыре стороны. Разрешено проживание всех городах». Тридцать первого Иван Игнатьевич и сам приезжает в Новгород к отцу; вместе фотографируются. Примерно через неделю у отца в дневнике появилась запись: «7/I-29 г. получение бумажек об освобождении и отъезд из Новгорода. 8/I — в Ленинграде».

Виталий Бианки на Новгородской земле.

Довоенные годы

Через год, ранней весной 1930 г., Виталий Бианки с семьей снова на новгородской земле. Теперь уже место выбрано ради охоты. Живем мы на хуторе Ксенофонтово, там, где течет речка Робейка, а лес начинается сразу за огородом хозяина. Хорошо помню этот хутор на высоком берегу речки «у самого синего леса», как говорил отец. Вероятно, отец заметил его, когда жил еще в Slutke.

Хозяева держали двух коров, одну звали Краля, другую — не помню как, а быка — Эдуард! И еще у хозяев был редкая вещь — сепаратор, ради которого приходила с молоком к ним и соседка Манефа. На хуторе все делали сливочное масло; помню — появлялся кубик в 400 г масла из деревянной формочки, когда нажимали снизу. Запомнилось это рождающееся на глазах масло. Масла было много, а вот хлеб, полученный в городе по нашим карточкам, посылали нам посылками по почте. Так что мы ели скорее масло с хлебом, а не хлеб с маслом: хлеба мало, да и вообще все продукты шли из Ленинграда по продуктовым карточкам. Понимаю, что все эти житейские подробности больше говорят о том времени, чем об отце, но уж очень они запомнились.

Отец, конечно, ходил на охоту. Иногда брал и меня с собой. Вот помню тихий весенний вечер, я иду за отцом сзади и чуть слева (уже понимаю — надо не помешать при выстреле). Отец выбирает небольшую полянку среди невысокого смешанного леса, усаживает меня у маленькой елочки. Сам стоит рядом, слушает голоса птиц и называет мне их. Постепенно голоса смолкают. Тут появляется новый звук: летит вальдшнеп, но далеко — отец не стреляет. Вот летит пара, отец стреляет во второго вальдшнепа, чтобы не убить самочку — она летит первой.

Приезжали той весной к отцу друзья-художники Женя Чарушин и Валя Курдов. Охотились, конечно. Я еще не успела сказать, что у хозяина был любимый красавец-конь, серый в яблоках Кобчик. Его всегда запрягали в двуколку (смотрю в словарь В. И. Даля — как отец шутя советовал, «в даль», — двуколка это повозка о двух колесах, маленькая, крестьянская), когда надо было встретить кого-то на пристани. И когда мы с мамой ехали из Ленинграда сюда — сначала на поезде до ст. Волхов-Мост, а дальше на пароходе до пристани со странным названием Собачьи Горбы (может быть, шуточным?), — нас тоже встречали на Кобчике. По просьбе хозяина Чарушин и Курдов нарисовали Кобчика. Поразило меня тогда, что художники рисовали одного и того же коня в одно и то же время, а на рисунках кони получились совсем разные — каждый художник видел его по-своему (боюсь, хозяин тоже). В то лето, в июле, отец с Валентином Ивановичем Курдовым отправились в путешествие в Зауралье — «на край света, на океан», как записал отец. Мы остались на хуторе. Об этом путешествии вышла целая книга под названием

«Конец земли» (черновое название автора — «По северам»), обильно иллюстрированная Курдовым. Ее текст приведен в другом томе собрания, где объединены рассказы о северных путешествиях отца.

Позже мы узнали, что в период коллективизации, когда правительство начало уничтожать хутора, хозяевам Ксенофонтова пришлось, чтобы избежать конфликта с властями (скажем так...), расстаться с деревенской жизнью и переехать в Ленинград.

Следующие два лета — 1931 и 1932 гг. — наша семья жила у знакомых на их даче под Ленинградом, за Вырицей, на ст. Третья платформа. В деревню уезжать нельзя было: мама ждала ребенка. В феврале 1932 г. у меня появился младший брат Валентин, Малыш, как его долго звали в семье.

В следующем, 1933 г. наша семья снова на новгородской земле. В начале января (в школьные каникулы) мы в Пестове, в гостях у Гали Васильевны Мышкиной, бийской ученицы моих родителей. Еще уезжая из Бийска, отец советовал молодежи продолжать образование в Ленинграде. Галя Мышкина приехала, окончила медицинский институт и получила работу в Пестове. И вот мы у нее в гостях. Но с нами ли мама? Вряд ли: Малышу нет даже года. Но за зимней поездкой последовала и летняя.

Кто-то из нашей семьи (не помню кто) на рынке в Пестове познакомился с женщиной, которая пригласила на лето к ней в деревню. Летом 1933 г. сразу с поезда мы пересели на телегу и лошадка — трюх-трюх — повезла нас в Комзово. Небольшая деревенька; вода только в колодцах, негде ни нам с братишкой поплескаться, ни уткам на пролете остановиться. У хозяев был сын Гонька — мой сверстник; мне позволялось с ним и другими ребятами отводить лошадей в поле на ночное — конечно, верхом. Как уже вошло в обычай, вслед за нашей семьей из города приезжал кто-то еще, не только родственники. Этим летом, как и прошлым на даче под Ленинградом, появился в Комзове старшеклассник Олег Баршев, сын приятеля моего отца, писателя Николая Валериановича Баршева. Видимо, Виталию Валентиновичу нравился молодой спутник в лесу и на охоте. Мне, признаться, Олег тоже очень нравился. В августе мы встречали очаровательную Людмилочку Крестинскую, бывшую жену Николая Валериановича. Я познакомилась с ней в Ленинграде, когда отец брал меня к ним в гости. В Комзове ходили мы с ней в походы до р. Мологи и потом еще на какое-то озеро. Если не ошибаюсь, приезжал и сам Баршев,

уже с другой женой. После этого лета знакомство с Людмилой Ильиничной Крестинской продолжалось много лет. А вот с Олегом... Он вскоре по собственной воле ушел из жизни, а отец его в 1937 г. был арестован, осужден и отправлен на Колыму, где и погиб.

Над чем отец работал в Комзове? Писал по материалам друга-зоолога Ганса Йогансена книгу о Командорских островах «Страна зверей». Перед очередным переизданием «Лесной газеты» просматривал и дополнял ее новыми заметками. Пришлось съездить в Ленинград, чтобы передать рукопись. В дневнике есть записи о том, как он рано — в пять часов тридцать минут — встает и садится за работу, пишет «Миграции животных». (Окончена эта монография не была, видимо потому, что не могла быть основана на личных наблюдениях, а требовала большого научного материала.)

Помимо писательской работы, отец занимался изучением местного говора. Внимание к фольклору было у него всегда, где бы он ни жил. Его интересовали и наши детские словечки. Все записано! В дневниках есть странички с записями местных слов. За 17 лет отцом собран большой материал, который может быть интересен не только лингвисту, но и историку — как отражение народной жизни. Например, есть такая запись:

Пестовские словеса

На футора (хутора. — Е. Б.) отошедши.

Закутай лазейку (закрой калитку).

Пахать комнату (подметать).

Накринулись, скринулись (сдвинулись).

Доктор на операцию повалил.

Воврело (всохло, например, марля в рану).

Записывал Виталий Бианки и частушки.

*Гоньки Бойцова 12 лет в д. Комзово Пестовского района
Ленинградской области. 13/V 1933 г.*

Скоро, скоро нас угонят

На высокие дома.

Откроем форточку, посмотрим,

Где родима сторона.

Из нагана пуля шла,

Тихо шевелилася,

До мазурика дошла,

Тут остановилася.

На этом же листочке отцом записано еще девять частушек.

В дневниках отца можно найти и записи поверий. Вот, например, о комарах:

До Ильина дня комара убьешь — их решето народится, после Ильи убьешь — решето их убавится.

Пожалуй, еще выше мне надо было заметить, что отец в рассказах с новгородскими сюжетами считал нужным не избегать местных слов, названий, а использовать их точность и органичность. Однако в редакциях пытались «исправить ошибки автора».

Следующее лето началось с оригинального решения: на том же рынке в Пестове нанять подводу или две, погрузиться и ехать до того места, которое понравится. Так и сделали. Потащились (по новгородским проселкам пешком и то скорее получается); километров через тридцать — с. Устюжское. На какое-то время мы остановились там, но вскоре хозяйка заброшенного хутора предложила поселиться в ее владениях. Хутор носил поэтическое название «Со-сенка» — две избышки-развалюшки в небольшом перелеске; рядом речушка. Родители мои были непритязательны относительно условий проживания и согласились. В избе, что побольше, — русская печка и наш обеденный стол, за перегородкой днем гора из сенников, которые на ночь раскладывались по полу в качестве спальных мест. В меньшей избе — «рабочий кабинет» отца и «спальня», т. е. стол и кровать. Только в середине лета мы заметили, что за обшивкой дома жили летучие мыши, а под полом была вода.

Но погода стояла хорошая, места вокруг нравились. Отец приглашал родных и друзей. Вот на фотографии: отец со спаниелем Джимом, я и няня Сашенька, бабушка моя Софья Ивановна, рядом старший из моих братьев Виталий, Талюша, а на руках у мамы наш Малыш. Тогда у нас гостили Анатолий Валентинович, мой дядя, и его дочь Неряя, Нера; с ними была еще одна гостья, которая всех и сфотографировала. Помню, в то лето ходили мы всей компанией на озеро Меглино — на его берегу в деревне Устье мы обследовали курганы, интересно было попробовать забраться. Местные говорили: «Литва шла, тут остановили. Вот и курганы».

За речкой в другой деревне жил художник Владимир Тамби. Не помню, на какой «почве» с ним познакомился отец. Тамби в то лето сделал иллюстрации к «Приключениям муравья» (таким было название в первом издании книги «Как Муравьишка домой спешил»).

Но было что-то жестко-неживое в его насекомых — видимо, потому, что художник специализировался на иллюстрировании книг по технике.

На хуторе, который находился за лесом на другом берегу реки, жила семья Гуцковых. В те годы отец увлекся кровным собаководством, посещал выставки охотничьих собак и однажды был даже помощником судьи. В 1929 г. и у нас появилась собака — всеми любимый спаниель Джим. Вероятно, как раз на «собачьей почве» отец и познакомился с Гуцковым — у него было два спаниеля. Конечно, с Гуцковым ходил отец на охоту.

Помню, что вслед за отцом и его друзья Евгений Чарушин и Валентин Курдов стали увлекаться собаками, главным образом, спаниелями. Посещали выставки и даже добились важной, как мне представляется, вещи: на выставке перед рингом стали выставлять плакат с изображением собаки эталонных пропорций — конечно, для подсказки публике, судьи-то давно утвердились в знании параметров.

Следующее лето, 1935 г., мы опять провели в новом месте, теперь в Мошенском районе. Он надолго станет «нашим», привычным, обжитым. А получилось это так: наша няня Сашенька предложила: раз всем так нравится новгородская деревня, поехать на лето в деревню Яковищи Мошенского района, где живет ее сестра. И здесь нельзя не рассказать о нашей няне, которая провела с нашей семьей всю жизнь и была очень близким и дорогим для нас человеком.

Саша, Александра Ефимовна Кольцова (1890), приехала из новгородской деревни в Петербург. Ее тетя Маланья служила горничной у Бианки (а дядя — швейцаром в Зоологическом музее) и, когда девочке стало трудно жить с матерью и ее новым мужем, позвала племянницу в город. Сначала Саша работала горничной в большом доходном доме на Черной речке (есть ее фотографии того года), а в 1906 г., когда ей было 16 лет, перешла к родителям моего отца Валентину Львовичу и Кларе Андреевне и всю дальнейшую жизнь провела в нашей семье. Были годы, когда Саша возвращалась в свою родную деревню Слизениху Мошенского района, но ее снова звали к нам в город, и она охотно возвращалась. Замуж она так и не вышла. Я не могу представить нашего дома без Няни (имя из нарицательного стало собственным). А с тех пор как мне пришлось принять на себя заботы по дому, гораздо меньшему, чем дом отца, я удивляюсь, как она могла все успевать, ведь тут и уборка кварти-

ры, и магазины, и кухня, и мы, дети. А ведь Саша с нами не только гуляла, но даже участвовала в наших играх и, что особенно запомнилось, — читала нам детские книги. (Позже, когда мы подросли, отец сам стал нам читать: сказки Андерсена, «Маугли» Киплинга, «Тома Сойера» Марка Твена, «Гайавату» Лонгфелло.)

Когда родился мой младший брат Валя, Саша сказала, что не сможет справиться с дополнительными обязанностями. Тогда пригласили к нам ее родственницу — тетю Грушу. Она жила у нас и каждое лето оставалась в городе, в военный год тоже. Умерла тетя Груша в блокадную зиму в нашей квартире. А Саша прожила всю жизнь с нами. С конца 1969 г. она долго болела, не вставала и умерла дома в августе 1974 г. Она и похоронена рядом с могилой моих родителей на Богословском кладбище в Петербурге.

Отвлеклась я от темы летнего местожительства. Итак, родители списались с нянинными родственниками, Дуней и Степаном Чистяковыми, и вызвали к поезду подводу — теперь уже на ст. Хвойную. Мы погрузились и отправились в деревню Яковищи. Тоже путь не близкий: километров тридцать; мы проезжали покосы, леса, четыре деревни, но больше всего запомнились в лесу гати — когда почва на дороге болотистая, ее покрывают лежащими поперек бревнами. Тут уж лучше не сидеть на телеге — растрясет.

Яковищи — сравнительно большая деревня: в ней был сельсовет, магазин и даже почта. Была речка Удина, но не у самой деревни. А около нее — жальник, заросший лесом холм с древними захоронениями. Поселились мы напротив дома Чистяковых, в «летней» избе у Никитиных. Ведь в новгородских деревнях избы обычно большие: зимняя и летняя половины разделены сенями. Нам сдавали летнюю половину, а хозяева жили в зимней. На это лето наша семья приехала из города вновь не одна. В соседней деревне жил мамин брат инженер Виктор Николаевич Ключев с семьей, к нам приезжал брат отца Лев Валентинович, ученый-энтомолог. Помню, я помогала ему ловить каких-то редких водяных клопов.

Видимо, отцу хорошо работалось в то лето. Он писал: «Живу здесь как в раю вот уже 3 недели с хвостиком... Встаю в 6–7 утра и сразу же за работу. За 3 недели сделал больше, чем за всю зиму...» Осенью все разъехались, остались только жена и младший сын, но отец мечтал провести в деревне и октябрь. «Мы с Шольбергом (любимое ружье отца. — Е. Б.) по-прежнему все в лесу да на озерах. Эх, хорошо!»

Почти все первое лето в Яковищах мы провели без мамы, ей пришлось вернуться в город, потому что бабушка Софья Ивановна — в больнице, заболела... Через некоторое время мы узнали, что бабушка умерла, а мама возвращается к нам. Трудное, тяжелое было это лето: и другие несчастья преследовали. По контрасту, наверное, запомнился тихий вечер вскоре по приезде. У нас опять гостит Людмила Крестинская (теперь литературный секретарь А. Н. Толстого). Сидя на крыльце, поют вместе с отцом:

Над полями да над чистыми
Месяц птицею летит...

Людмилочка — как ее звали у нас дома — советуется с моим отцом, принять ли ей предложение Алексея Николаевича стать его женой. Отец говорит, что жизнь с Алексеем Николаевичем Толстым может быть интересной. В итоге Людмила Ильинична вышла замуж за Толстого. Они какое-то время жили в Детском Селе (г. Пушкин), где Алексей Николаевич занимал двухэтажный деревянный дом. Бывала и я там с родителями в гостях. Потом Толстые переехали в Москву. В архиве отца сохранилось письмо от Алексея Николаевича с выражением дружеских чувств и благодарности (я его передала в музей А. Н. Толстого).

В городских условиях отцу всегда работалось хуже. А зима 1935–1936 гг. стала для него особенно тяжелой. Даже много лет спустя она отзывалась душевной болью: «Был у меня любимый брат, — писал отец другу, — он был на 10 лет старше и для меня — вроде как второй отец. Он умер — Левушка — в 1936 году... Так вот: я не успел поговорить с ним, как хотелось бы. О главном. И это все время меня мучает».

На следующее лето — 1937 г. — мы поселились в другой деревне, Михееве, в 3 километрах от Яковищ, ближе к станции Хвойной, где и прожили еще несколько лет — до 1942 г. Речка там та же — Удина. Деревня маленькая, рядом два озерка, которые отец назвал Полуночным и Полуденным. На краю деревни липовая аллея — когда-то посажены были липки у барского дома, теперь его нет, а липы выросли огромные. Это место так понравилось отцу, что через год в его дневнике появилась такая запись:

12.XII.1938 г. Вчера было общее собрание нашего колхоза. Я подал заявление с просьбой разрешить мне поселиться над озерком у аллеи, дать нам участок. Все — с удовольствием, один Костя Лебедев выдумывал разные «соображения», что б помешать дать участок. Общее

собрание постановило — дать. Единогласно при двух воздержавшихся. Свершилось. Неужели удастся под старость пожить «своим домком». Плохой я собственник, но перо, ружье и избу хочу иметь в полном своем владении, первые две вещи не делить ни с кем, а избу — только со своей семьей.

Через несколько дней продолжается запись на эту же тему:

Набираюсь идеи дома — охотзамка. Хочу как моллюск: умру, так чтобы хоть известковая покрывка (дом) осталась детям. Все хоть что-нибудь у них будет (а может быть, и не будет — отнимут). Как бы хорошо детям внушить такое же отношение к собственности (которую всерьез ненавижу — в больших масштабах), как у меня, т. е. «есть — чудесно; нет — еще здоровей!»

Не помню почему, но идея «охотзамка» не осуществилась. Ни там, ни в другом месте «своим домком» отцу пожить не удалось, да и больших усилий он к этому прилагать не хотел. В Михееве мы на этот раз занимали зимнюю половину избы. Дом принадлежал Кругловым, леснику Якову Михайловичу и его жене Антонине Никитичне; у них было два сына и дочь. Один из сыновей — Иван — потом женился на Шуре, жившей с родителями в соседнем доме; дружба с этой молодой семьей продолжалась долго. Они бывали у нас в Ленинграде, через много лет я с сыном жила у них в новой избе на другой окраине деревни. Дочери их Евгения и Тамара теперь в Петербурге.

Против дома нашего хозяина стоял сарай, а немного вниз под горку — баня и колодец. Перечисление может показаться ненужным, но за нашу долгую жизнь в Михееве эти строения сыграли свою роль: у сарая мы постоянно фотографировались, а в колодце утонул наш песик, спаниель Мартик. Конечно, кто-то из родных, друзей, знакомых приезжал в Михеево, просто ненадолго погостить или на все лето — устраивались где-нибудь поблизости. Отец зазвал наконец-таки своего друга, писателя и охотника Ивана Сергеевича Соколова-Микитова, который поселился с женой Лидией Ивановной и дочерьми Аринушкой и Аленушкой в деревне Тумашево на берегу о. Карабожа. Не так далеко, километра три по прямой, но надо было как-то перебираться через р. Удину, а до моста тоже не меньше трех километров и еще два оттуда до Тумашева. Вот когда Соколовы и мы завели лодки — стали чаще видаться, ведь Удина впадает в Карабожу, а там уж недалеко.

Через два лета Соколовы поселились уже рядом с нами, в соседней, совсем маленькой деревушке в лесу — в Морозове. Это почти совместное проживание в течение нескольких лет было дорого и важно — и отцу, и Ивану Сергеевичу. Несмотря на очень разные характеры, у них было много общего в пристрастиях и взглядах, им было о чем поговорить, что обсудить. А в затруднительных ситуациях — принять общее решение.

Когда отец задумал (даже подписал договор с ДЕТГИЗом) книгу об охоте в СССР, он написал Ивану Сергеевичу: «Это целая охотничья энциклопедия в живых и увлекательных рассказах и очерках. Я получил право приглашать для этой работы всех, кого найду нужным. И в первую голову имею в виду Вас и Николая Анатольевича (Зворыкина. — Е. Б.). Работа интересная — правда?» Предполагалась к книге и настенная карта с изображением популярных видов охоты в разных районах нашей страны. Не знаю, чем мотивировал Иван Сергеевич свой отказ, — может быть, намечал очередное дальнейшее путешествие или занят был другой работой, а возможно, просто не заинтересовался таким предложением.

Книга эта требовала специальных охотоведческих знаний и большой работы с литературой. Николай Анатольевич Зворыкин с его глубокими знаниями охотничьих и промысловых зверей был наиболее подходящим соавтором, он и принял участие в книге. Не менее ценным было согласие участвовать и Сергея Александровича Бутурлина, тогда уже известного ученого, разностороннего специалиста, автора «Настольной книги охотника» и многих др. публикаций.

О том, как создавалась книга об охоте, рассчитанная на юного читателя, как авторы договаривались, кто о каком виде охоты будет писать, я рассказывала в очередном новгородском Бианковском краеведческом альманахе. Вот строчки из письма Виталия Бианки 1938 г.:

Я почти не выхожу из дому: пишу, пишу, пишу. Ведь 20 печатных листов к 1 сентября! Н. А. Зворыкин тоже пишет не встает. Однако поспеть к сроку нет надежды...

Работа над книгой не была завершена — в ноябре 1937 г. внезапно скончался Н. А. Зворыкин, а в январе 1938 г. — С. А. Бутурлин.

Отец тяжело переживал эти события. Работа над книгой была прекращена. Только в 1953 г. в издательстве Всеармейского военно-охотни-

чьего общества была издана составленная А. А. Клыковым небольшая книга «Охотнику о зверях». В нее вошло ранее написанное Н. А. Зворыкиным и В. В. Бианки и тексты нового автора — В. В. Рябова.

Годы войны

В 1941 г. отец хотел попасть в деревню пораньше. Выехав в апреле, он с мамой из-за бездорожья застрял на ст. Хвойная на целых 3 недели: до Михеева 25 километров ни на санях, ни на телеге было не проехать. Однако он и на временном пристанище работал: написал рассказ «Черный» — про росомаху.

В июне, как всегда, в Михееве собралась вся наша семья, а в соседнем Морозове жил Соколов-Микитов с женой и младшей дочерью Аленушкой. С большой симпатией относился отец к Ивану Сергеевичу. Еще в 1937 г. он писал: «У меня гостил Иван Сергеевич, очаровательная душа! <...> Милейший и простой человек. (Еще очень умный и очень мрачный.)». Несчастья преследовали семью Соколовых... Милой, доброй Аринушки уже не было с нами — она умерла прошлой осенью в Крыму от туберкулеза горла.

Но вот в безоблачное утро ворвалось страшное известие: война! У нас — радиоприемник, единственный на все окружающие деревни; о начале войны все и узнали от нас, да и потом люди шли за известиями к нам. Но вскоре по распоряжению властей приемники, охотничьи ружья и велосипеды (не было у нас велосипедов!) было приказано сдать. Тогда поползли слухи и рассказы «очевидцев»... Отец по состоянию здоровья (больное сердце), а Иван Сергеевич по возрасту не были военнообязанными. Уезжать из тихого Мошенского района в Ленинград было явно неразумно, тем более из Ленинграда началась эвакуация детей именно в этот район. Так и остались мы жить в деревне. Отец продолжал писать, хоть и нигде не отсылал написанное, справедливо считая, что сейчас не время для выпуска детских книг. Но без работы он жить не мог. А мы, его семья, работали в колхозе, зарабатывали трудодни.

Наши отцы-писатели поддерживали контакт с Фадеевым, бывшим тогда секретарем Союза писателей. В октябре получили от него телеграмму: «Предлагаю эвакуировать семьи Молотовскую обл., где находятся дети ленинградских писателей. Самим выехать в Ленинград», — совет тогда трудновыполнимый. Но покинуть Новгородскую обл. было необходимо: фронт приближался.

Вот несколько строк из письма той зимы:

Если бы были «инструменты» (Охотничьи ружья. — *Е. Б.*), мы бы с Иваном Сергеевичем кое-как обеспечили бы семью весной. Сидеть же сложа руки и в бессилии своем видеть, как день ото дня тощат дети и будут тощать, пока их не свалит первая попавшаяся болезнь, — сидеть без заработка и без возможности пропитать семью, — больше невыносимо и просто преступно. Надо куда-то перебираться. <...> Мрачность нападает на меня, когда я не могу работать.

Сохранившиеся дневниковые записи отца того года, переписку (письма в то время играли огромную роль — так легко было потерять друг друга!) — я собрала для очередного выпуска «Бианковского краеведческого альманаха». Он издан в Новгороде под названием «Лихолетье»; позже книга вышла и в Петербургском издательстве «Блиц». Теперь, вспоминая тот первый военный год, я понимаю, какая тяжесть ответственности и необходимости принятия решения легла на плечи глав наших семей: нет достоверных сведений о положении на фронте, неизвестно, куда ехать, где нас ждут, да и денег нет. Быть может, разумнее переждать в тихом, знакомом месте эту страшную беду? Но вот мы получили телеграмму от Фадеева, а некоторое время спустя (долго шли!) — и по тысяче рублей на семью: едва хватило расплатиться с накопившимися долгами. Однако зимой не решились двинуться с места.

Готовясь к отъезду, отец передал на хранение в краеведческий музей в Боровичах ценные книги, привезенные в Михеево для работы. Написал в ОблОНО города Молотова (Пермь): «Оторванный от своего родного города — Ленинграда — и не имея возможности по состоянию здоровья принять непосредственное участие в войне с оккупантами, я хотел бы в это трудное для всей страны время наилучшим образом приложить свои силы и способности на пользу Родине... Готов немедленно переехать туда, где могу быть использован шире и лучше». Пока из Перми шел ответ, неожиданно появилась возможность попасть в блокированный Ленинград. 24 марта 1942 г. отец на «дугласе» вылетел из Хвойной в Ленинград. Разыскал друзей, знакомых, но мало чем мог им помочь. Обратном выехал 4 апреля — на одной из последних машин по слабому уже льду Ладоги. Тяжелейшее впечатление произвела на отца поездка в Ленинград. Он не рассказывал нам о виденном, неделю совсем молчал, уединялся, только приводил в порядок свои записи.

Через много лет мне удалось опубликовать их. Названы они у отца так: «Город, который покинули птицы». Думаю, не только потому, что птиц действительно было мало, но и потому, что для отца птица — синоним радости. Эти записки отца об увиденном в блокадном Ленинграде также включены мною в отдельный рассказ о первом военном годе.

Вскоре — 22 мая — двинулись в путь. За подводами с вещами пешком шла до Хвойной наша семья с няней А. Е. Кольцовой, семья Соколовых-Микитовых и приехавший из Ленинграда писатель А. Г. Бармин. «Едем до города Молотова (Пермь). Туда меня ОблОНО приглашает, и отделение нашего союза там. А крыши нет. Но ведь теперь лето», — замечает отец в письме с дороги. В Пермь приехали 7 июня. Бармин и Соколов-Микитов с семьей остались там, а мы с отцом, по совету местного уроженца и давнего знакомого отца, профессора В. А. Кондакова, поехали дальше: вниз по Каме в городок Осу, поближе к лесу. «Здесь тихо, красиво, отрешенно... И думаешь: есть ли на свете война?» — записывает отец в дневнике.

Конечно, после жизни в прифронтовой полосе тут было хорошо, спокойно, да и охотиться разрешено. Кстати, перед отъездом из Мошенского отцу вернули ружье. Он очень боялся, что потерял его навсегда: это была любимая и необходимая для него вещь, соединявшая его с жизнью природы. Да, от фронтов войны далеко — не то, что в Новгородской. Но жизненных трудностей и тут хватает. Жили в маленькой квартирке на втором этаже деревянного дома, летом — в деревенской избе. Огород и охота — дело сезонное; а вот продукты — по карточкам: у отца какая-то особая, у меня «рабочая» (я работала то в Лесхозе, то в Доме культуры), у остальных членов семьи — иждивенческие; карточкам спасибо. Правда, появились и коммерческие продуктовые магазины, но... с деньгами совсем плохо. Семья наша жила всегда на писательские гонорары отца. Получив возможность спокойно работать, отец за 2 месяца написал пять рассказов; но ведь надо было, чтобы они еще и напечатаны были...

Горячо, с энтузиазмом взялся отец помогать местному краеведческому музею. Сделал доклад — «Проект постановки краеведческого и музейного дела в г. Осе и Осинском районе». «Чтобы наша затея не показалась пустым донкихотством, — говорил Виталий Валентинович, — вспомните, товарищи: человек не может жить одними мыслями о войне и удовлетворении своих потребностей, — одним суровым настоящим. Человек жив мыслями о будущем...

значит, нам необходима культура, — необходимы знания, необходимо такое дело, которое даже сейчас — в самое трудное для нас время, — подготовляло бы это счастливое будущее».

В Осинском районе было много детских домов с эвакуированными детьми. Бианки встречался с воспитателями, читал ребятам свои рассказы, записывал истории из их жизни. Он мечтал «написать что-нибудь дельное о детях, вырванных из городских теплиц и пересаженных в суровую почву Урала» и для них. Рукопись с характерным названием «Эвакодетки» осталась в черновике.

Как всегда, где бы ни жил отец, если место ему нравилось, звал туда друзей. Вот и в Осу приезжал Иван Сергеевич Соколов-Микитов, московский друг писатель Борис Александрович Шатилов (он по совету отца перевез в Осу даже свою семью, эвакуированную в Елабугу). Удалось вызвать и устроить на работу в Лесхоз подлечившего полученные на фронте раны Андрея Меженного, моего друга еще с юннатских наших лет; приезжал из Перми для охоты на лося орнитолог В. А. Хахлов. И, конечно же, отец нашел друзей и на новом месте. Прежде всего — это директор местного лесхоза Николай Панфилович Катаев и его семья, а также лесник Дмитрий Алексеевич Хлебников. Очень большую роль в жизни всех нас играли письма и — прежде всего — с фронтов, из блокадного города. Огромным событием в жизни отца и всех нас было появление писем от сына Михаила, с которым он не виделся много лет. Теперь он на фронте, военный юрист с еще не оконченным образованием. Его мать умерла, сын носил фамилию и отчество по отчиму.

Война все же кончается. В марте 1945 г. у отца — вызов в Москву. Путь из Осы в Пермь — на почтовых лошадях, совсем как в старину. Из Перми — в поезде на багажной полке. В Москве отец пробыл больше месяца. Несмотря на военное время, получил от Наркомпроса предложение организовать и редактировать большую книгу о природе для дошкольных работников. По его замыслу — это особого рода хрестоматия. В ней должен быть один «герой» — любовь к природе. Только не «вообще любовь» — безотчетная, бездеятельная, а любовь наблюдательная и размышляющая, пытливая любовь.

Работа над этой книгой заставила думать о переезде в Москву, так как в Осе невозможно было делать такую сложную, включающую многих авторов книгу. В феврале 1944 г. отец снова по вызову Наркомпроса выехал в Москву. Но еще много месяцев прошло, пока

удалось найти хоть какое-то пристанище (в поселке с примечательным названием Заветы Ильича к северу от Москвы), послать вызов семье, сесть за работу. «Я совсем не приспособлен к такой жизни, — писал он другу — какую здесь приходится вести. Не могу без леса, все время на людях и вся голова в каких-то мелких и мельчайших заботах. Не могу без того, чтобы посидеть „под манговым деревом“ и привести свои мысли в порядок. Не могу без своей работы». И только осенью 1945 г. удалось вернуться в родной Ленинград.

Вновь на Новгородчине. Послевоенные годы

В первое послевоенное лето 1946 г. мы все снова отправились на любимую новгородскую землю. По совету давнего друга С. Н. Поршнякова на этот раз мы остановились в деревне Узмень. В письме отец рассказывал: «Что тут поражает — это, прежде всего, приветливость населения, своеобразие и разнообразие местности... Наше маленькое лесное море — Пирос — прекрасно... Охота здесь должна быть великолепной... Очень интересуется меня и своеобразный уклад жизни здешних рыбаков...» (15 июня 1946 г.).

Навещал отца на Пиросе С. Н. Поршняков, приезжал из Ленинграда друг и редактор его книг Г. П. Гроденский, позже написавший биографическую книгу о Виталии Бианки. С утра работали за письменным столом, на вторую половину дня уходили в лес. Из Узмени ездил Виталий Валентинович в Боровичи, выступал на районной учительской конференции. С. Н. Поршняков рассказывал: «Он весьма охотно отозвался на мою просьбу заехать в Боровичи и выступить на конференции... Виталий Валентинович не ораторствовал, а, скорее, размышлял вслух. Себе и слушателям задавал вопросы, приводил факты из виденного в местной природе, в жизни местных людей, высказывал свои соображения и обращал их вопросами к конференции. Внимание было абсолютное. Речь шла о краеведении. <...> Может ли учитель, воспитывающий создателя нового общества, не быть энтузиастом-краеведом?»

В письме Бианки к Поршнякову уже в следующем году (краеведение и педагогика всегда были для отца важным вопросом) говорится о том, что, по его убеждению, результатом преподавания зоологии и других природоведческих предметов в средней школе «должно быть превращение учеников (какую бы специальность в дальнейшем они себе ни выбрали) в исследователей окружающего

(в частности — живой природы), в людей пытливого ума и чувства, т. е. в краеведов».

Отец мой всегда охотно беседовал с приходившими к нему школьниками. Сохранились фотографии августа 1939 г., сделанные в Михееве: писатель среди пионеров из лагеря в деревне Сопины, с шуточными надписями — значит, настроение было хорошее. В письме к С. Н. Поршнякову отец упоминал: «19/VI.1946 были у меня юные путешественники — пионеры Петровского детдома. Народ славный».

Летом 1947 г. Виталий Валентинович снова жил на берегу озера — теперь о. Боровно Окуловского района Новгородской области. Там он провел несколько лет, пока позволяло здоровье ездить на лето в деревню. Что же рассказать о жизни Виталия Валентиновича на Боровно? Самые достоверные свидетельства — дневниковые записи, а их 12 блокнотов и тетрадей. Выбираю краткие записи, как мне кажется, о самом главном тогда для отца. Должна сказать, что в эти годы он уже не был подвижным, «легким на ногу» человеком. Ноги-то и болели, не давали долго ходить. Были и более серьезные болезни. Все это делало существенные поправки к образу жизни и влияло на настроение, на саму возможность работы.

Еще прошлой осенью в Боровичах Поршняков познакомил отца с Виктором Владимировичем Брейтвейтом, опытным охотником, хорошо знавшим леса и озера новгородского края. Тот сам во время отпуска жил на озере Боровно, посоветовал и отцу моему это озеро, даже встретил его с поезда в Боровичах и подвез на машине до озера. В первой деревне не нашли подходящего помещения. Не сразу, но все-таки добрались до местечка Погост — кладбище и церковь, несколько домиков на полуострове, школа. Остановились у Прасковьи Смородкиной, хозяйки бывшего поповского дома: две отдельные комнаты, светлые, с высокими потолками, в каждой комнате по электрической лампочке. В деревне с электричеством! Мало того, в километре оттуда было почтовое отделение, а там телефон — можно разговаривать с Ленинградом.

Буквально на следующий же день к писателю пришла экскурсия из Боровичской женской школы, потом — из Петровского детского дома. Он беседовал с ними, читал свои рассказы, дарил книги. Но Бианки изменил бы себе, если бы многие страницы его дневников не занимали записи наблюдений окружающей природы. Вот о том, что на чердаке дома жена обнаружила 67 бабочек-крапивниц: «Тут у них

зимовка», и о встрече с зайцем: «Увидел нас — и вскинулся на дыбашки, вытянулся на задних ногах: стоит как человечек, глаза на нас вылупил — не может понять, что мы такое: одушевленное или нет? Опасные?» О том, каких рыб здесь можно поймать — со слов лучшего местного рыбака. И, конечно же, о птицах. Наблюдения написаны так живо, любовно, что их можно посчитать за готовые рассказы для детей. Тут же в дневнике появляется запись о задуманном сборнике рассказов «Страна Див» — про новгородские леса и озера:

1. Собачьи горбы (Волхов)
2. Озеро Меглино и Бродское
3. На Мологе (Комзово)
4. Озеро Ямное
5. Озеро Карабожа
6. Озеро Пирос
7. Озеро Боровно

К сожалению, этот грандиозный план осуществлен не был: другая работа требовала продолжения и завершения.

Я сплошь сижу за столом и нигде еще, кроме нашего полуострова, не бывал. Все же отметил 57 видов птиц и веду ежедневные наблюдения над птенцами серой мухоловки в гнезде у меня под окном.

В том же письме Г. П. Гроденскому отец рассказывает кое-что о реальной жизни:

Как будем жить без хлеба и картошки — не знаю. Но щавеля много, рыбы тоже.. Только надо научиться ловить ее здесь... И еще на лодку надо хоть тыщонку поскорей. Эти 3 дня я тут лежал плашмя. А сегодня уже принимал экскурсию из Боровичей.

Лодка стала спасением для отца. Тихое движение по воде давало возможность все видеть вокруг себя, радоваться и мечтать. Красивый остров — «вот бы где себе построить домик с большими окнами на все четыре стороны света и общаться с Большими Миром только на лодке... Я вернулся — опаленный солнцем и с открытой душой».

И тут же о людях: самые близкие соседи — Павел Сергеевич Иванов и Наталия Константиновна Шенк, учителя местной школы, с которыми быстро подружилась наша семья. Приходил Виталий Всеволодович Гарновский — боровичанин, журналист. Они познакомились в 1946 г., подружились, отец помогал ему в литературных начинаниях и рекомендовал его в члены Союза писателей. Приезжали в гости из Москвы Л. И. Толстая, ее племянник

Ю. А. Крестинский, группа учителей-биологов. Приезжал и Г. П. Гроденский. Экскурсии школьников, выступления перед учениками местной школы, советы завучу организовать параллельно опытному участку школы заповедничек и устроить птичьи столовые — все это описано в дневнике. 14 сентября отъезд в город:

В семь часов утра выехали. В Окуловке начальник станции пожелал познакомиться. И дал билеты (несмотря на то, что касса для пассажиров даже не открылась: билетов нет!). В 17:14 были в Ленинграде.

В 1948 г. в Окуловку прибыли уже 5 мая в 7:50. «Специально за нами приехал из Боровна П. С. Иванов. И поехал с нами — присмотреть себе местечко для лета — М. И. Кукс. В Окуловке нас ждали с машиной... К десяти часам были дома.

10 мая. Все эти дни — счастье, счастье, точно вернулось детство и с ним — волшебная радость бытия. Утром хожу на погост слушать птиц. Вечерами с Павлом Сергеевичем за озеро».

Птицы, птицы — они всегда в центре внимания. Чуть выйдя из вагона поезда, отец уже отмечает: «Здесь встретили песнями: скворец, зяблик, весничка», перечисляет птиц, которых видел из машины. Многие страницы дневников полны записями наблюдений. Если что-то вызывает вопрос, под рукой том Мензбира (справочную литературу отец всегда брал с собой, даже летом в деревню).

В гости приезжает Елена Вячеславовна Лукина. Она орнитолог, работает в Колтушах в Институте физиологии им. И. П. Павлова АН. Включается в наблюдение за птицами. Но цель ее приезда — поработать с Виталием Валентиновичем над своей книгой «Птичий городок». После тщательного отцовского редактирования и «пробивания в печать» она была издана в ДЕТГИЗе. В дневнике у отца: «Ее книжка будет ценным вкладом в то дело, делать которое стремлюсь всю жизнь: в Напоминание о Природе». Иллюстрировать книгу было поручено мне.

И тут же в дневнике гимн охоте: «Какое это чудесное соединение ожидания и всегда неожиданных свершений!»

Со здоровьем совсем плохо. В жаркие дни у отца приступы обморочного состояния. Думает о смерти... Прочтя в газете об опыте по пересадке сердца собаке, записывает, грустно шутя:

Не предложить ли себя в качестве подопытного животного? Удается опыт — поживу еще с двумя сердцами: одним своим — усталым, отработавшим, — и другим собачим — молодым, полным сил и энергии. Сколько бы мог я тогда написать еще! Сколько бы по свету побродил еще!..

Утра — мои. Каждое утро для меня — Воскресенье. Каждое утро — весна. Светлая, свежая — святая. В просветленной душе просыпается детская жизнерадостность. Дышится легко. И — плохо ли, хорошо ли, — я живу. Утра еще мои.

И, конечно, идет работа, работа за письменным столом. На очереди маленькие вещи для маленьких и большая — «Летняя книга». То успешно движется, то стоит на месте работа.

Чтение. Выписки из прочитанного, заинтересовавшего. Тут и Герцен, и Достоевский, и Гёте (Эккерман «Разговоры о Гёте»), Оноре де Бальзак, Стендаль, Л. Н. Толстой. Записаны и собственные раздумья об эволюции, о природе пошлости и о многом другом.

Но вот Московское радио передает новые рассказы Бианки из сборника «Хоронушки» под названием «Рассказы старого охотника». Через неделю продолжение. Автор возмущен: «Все местные слова заменены общими, обесцвечено все!» И вот еще какая запись в дневнике:

22.IX.42 объявлен результат конкурса Минпросвещения на детскую книгу. Первые премии, конечно, Маршаку, Барто, Кассило, Михалкову и Мусатову. И дальше «Закончил свой многолетний труд „Лесная газета» старейший детский писатель Виталий Бианки — вторая премия». Не знаю, сколько это монет. А звучит жутковато: «старейший... «закончил свой многолетний труд».

Казалось бы, в 54 года слова «старейший» и «закончил свой труд» нужно понять как дань признания и уважения. Но у отца было плохо со здоровьем и ему слышалось в них другое...

С начала августа — сезон охоты. О ней много записей, но больше всего — не о своей. В совместных походах на охоту крепнет дружба с П. С. Ивановым. По-прежнему посещают друзья: живущая теперь летами на том же озере семья художников А. Н. Якобсон и М. И. Кукс с сыном Ильей; приезжает из Ленинграда Г. П. Гроденский и начинающий писатель с Урала Н. Иванченко.

И в это лето происходят неоднократные встречи с ребятами. Одна из них — за озером с детдомовцами: «Ребята живые, здоровые, весь коллектив с руководителем — сто человек».

Вот уже и осень:

1 октября. Восход чистый, яркое солнышко. Потом опять мокробесие: тучи запеленали небо в грязные пеленки, спрыснул дождь, — и вдруг опять синева и свет — по озеру побежали быстрые клочья тумана.

на, выглянуло солнце. <...> На днях в д. Мельнице волки зарезали двух жеребят и несколько овец.

Продолжаю выписки из дневника отца:

3.Х. Сильнейший West — настоящая «падора-сидора», — дождь, даже град. Сколько уже дней дует, дует, дует — и додула — достигла такой силы, что человека с ног валила, дунула еще — и повалила, проклятая, два электрических столба в поле по дороге к нам из Загубья. Ну и все, и кончена здешняя благодать, вечно висящая на ниточке: ни света, ни радио! Сиди в темноте... Сделала свое дело, проклятая, — и стихла, улеглась... Сидим, сбившись в кучку, с керосиновой бледной лампочкой. Невесело. И делать ничего нельзя. Пора ехать.

4.Х. Гаврилов с Алексеем Ивановичем срубили и окорили на Еловике три столба. Ветер доставил их на наш берег — на полог (Пологий берег против лужка, лога. — Е. Б.).

5.Х. После занятий группа небольших школьников под руководством Павла Титовича водрузила оба столба. В 18:30 у нас зажегся свет и заиграло радио — радость!

6.Х. Белое утро — мороз, синее, синее небо... Как не хочется уезжать отсюда!

10.Х. Выехали — уже рассвело... Приехали как раз вовремя, чтобы сесть на одиннадцатичасовой поезд.

1949 год, Ленинград. Весна, начало мая. Здоровье отца не улучшилось. Записывает в дневнике:

Живу из последних сил... Никому невдомек, что мне так скверно.

Завтра в лес. Ничего не чувствую. 7 мая. Ночью едем. 9 мая. Первый раз в жизни после переезда из города в лес просыпаюсь без трепетной радости. Погода плохая (холод, ветер, дождь), но не она тому причиной: здесь хорошо кругом при всякой погоде.

Дорога от Окуловки на этот раз была очень тяжелой. Выехали на грузовике, но по дороге застряли; вещи выгрузили, сами укрылись в первой избушке. Звонили на Боровно, нам выслали лошадь, но «на телегу погрузили только малую часть вещей и меня (очень плохо себя чувствую)... Хозяйка Паня, пилившая в это время дрова, не сочла нужным даже прервать своего дела. Добрая и совестливая Наталия Константиновна Шенк, вчуже мучась таким приемом, спешит загладить его гостеприимством и лаской». На другой подводе к вечеру подъехали остальные члены семьи. А вещи на следующий день привезли две подводы: с лошадьёю и «Му-2» (запрягали в те годы и быч-

ков). А вечером отец на тяге вальдшнепов. В дневнике записывает: «С изумлением чувствую: мне опять захотелось жить!» Да — жить, всегда хотелось жить, недаром так часто цитировал отец строки А. Блока:

О, я хочу безумно жить:
Все сущее — увековечить,
Безличное — вочеловечить,
Несбывшееся — воплотить!

Отец писал: «Может быть, весь высший смысл человеческого существования именно в том, чтобы себя (свое „я“) перевоплотить в мир». Но мучит, мешает нездоровье. В конце мая:

Слабость невероятная. Едва встану и напьюсь чаю — уже опять спать тянет! Приходится принимать феномин. Пока помогает... Приговор врачей: «облитерирующий эндоартрит, склероз сердца». Выбираться ужасно трудно. Сегодня (31.V) на рассвете проснулся от стука упавшей вещи. Гляжу — синица! Впорхнула, скинула со стола пузырек с валерьянкой и камфорой — и вмиг выпорхнула обратно в окно. Итак, долой лекарства! Яснее не скажешь...

2.VI Ужасный июнь! Вдруг скрылось солнце — и не показывалось почти три недели. Настал холод, много дней непрерывно шел дождь. Никогда еще так явно не ощущал я своей прямой зависимости от солнца... Сегодня в 3:40 разбудило меня солнышко. Сразу стало что-то задушиваться, потянуло к брошенной работе.

Радостное ожидание приезда из Москвы Михаила Петровича Малишевского, биолога и писателя. Отец его называл «мой светлый философ», очень ценил беседы с ним.

Приехал в гости и только что закончивший биофак Ленинградского университета Андрей Меженный. Он привез из города лисенка (где он его взял?). Михаил Петрович, давно занимавшийся изучением поведения животных (тогда мы и не слышали о новой науке — этологии), взял лисенка к себе, увез в Москву. Там лисенок жил с семьей Малишевских в их единственной комнате коммунальной квартиры и ходил на поводке гулять по Бульварному кольцу.

В дневнике этого лета много страниц с рассказом о Гоги — птенце гоголя. Не литературный рассказ — он был написан позже, — а запись о том, как утенок был пойман сачком, как жил дома: «Гоги так восприимчив и отзывчив, что, думается, его нетрудно было бы научить, как собачонка: — идти на зов (он уже и идет!), вставать и ложиться по команде, знать свое „место“ (он уже знает: в уголку на

сухой травке)». Позже Гоги был отправлен в Ленинград Е. В. Лукиной.

Конечно, страницы дневника постоянно заняты записями своих и чужих наблюдений вне дома: в лесу, в поле, на озере: «Рассказывают, что в этом году лось в начале июня переплыл к нам на полуостров, а с него прошлогодним маршрутом отправился вплавь мимо о. Еловика на тот берег. Медведица с двумя медвежатами все, будто, ходит возле деревни Луково». «Рассказывают», «будто» — потому что факты непроверенные, а записи натуралиста должны быть всегда точны. Отмечено в дневнике согласие А. Н. Якобсон передать по совету отца некоторые свои рисунки и акварели, сделанные на озере Боровно, в музей в Боровичах. Уезжают одни гости — приезжают другие, а иногда собираются одновременно. Люди неравнодушные вообще («Бойтесь равнодушных», — отец часто повторял этот призыв Бруно Ясенского), а к окружающей природе особенно. «Люди одного бога» — так называл единомышленников отец. Приглашает к себе и радостно встречает отец давнего своего приятеля еще по ссылке в Уральске, теперь московского профессора, химика Б. Н. Кабанова с женой. Сейчас не могу понять, как и где размещали гостей, как ухитрялись всех накормить и уложить спать. Но как всегда — отец приглашает, а мама принимает; отец решает, а она выполняет. Такое единение не только создало дружную семью, гостеприимный дом, но и помогло состояться писателю.

В дневниках отца об этом ничего нет, а вот то, что сын Валя видел сидящую на вершине сосны цаплю, записано. И очень гневные строки по поводу браконьерства:

Перебил выводок крякв некий Б-ов, зав. райживзаготконторы (!) со своим знакомым. Кому написать об этих районных диктаторах — чуть-чуть не императорах! — которые сами первые нарушают закон (летняя охота здесь объявлена нынче с 7-го августа (дата записи — 24.VII — Е. Б.) и как подают пример всему населению.

7.VIII Сегодня — день открытия охоты (официально) в Новгородской области. Но вряд ли во всем округе остался к сегодняшнему дню хоть один неразбитый выводок. Продолжается канонада: добивают шлепунцов, подранков...

В дневник вложены вырезки из «Новгородской правды» о сроках охоты и заметка П. А. Мантейфеля «Середина лета». Кстати сказать, отец вырезал и сохранял все фенологические заметки Мантейфеля.

Самому отцу не до охоты. Старается на лодке добраться до островка, постоять на берегу — все, что для него возможно, — но «озеро и лес почти мертвы... От лодки до дома дошел со страшной мукой: судорога обеих икр — ни идти, ни стоять, хоть плачь!» И все-таки почти каждый день отец отправлялся с П. С. Ивановым и М. И. Куксом куда-нибудь на лодке, непременно с ружьем. Но дичи мало, иногда и стрелять не приходится, зато и «ружье чистить не надо», — замечает отец. Несмотря на нездоровье, отец продолжает наблюдения:

Изумительный сентябрь! Осень где-то замешкалась — и край наш переживает «вторую молодость» в году... Интересно, что на певчих птицах такая разительная затяжка лета совсем не отразилась — улетели в свое время стрижи, ласточки, славки, камышевки, мухоловки — даже раньше своих обычных сроков.

Приближается время отъезда, который всегда проходит не без трепки нервов. Нарушается договоренность с машиной в Окуловку:

Но обещают завтра непременно. Осталось собрать последние вещи. А у Веры Николаевны — 37,9 температура. И все же необходимо ехать завтра: иначе рискуешь долго отсюда не выехать. И так — завтра в восемь утра кончается Солнечное время 1949 г. До весны?

1950 г. — последний год на Боровно. «Одинадцатого июня около девяти часов утра были в Окуловке. Лето. Увы, уже лето!»

Весной произошло два важных события. Виталий Валентинович записывает в дневнике:

14.III.50 — день долгожданный, пресветлый: Талюшкина (сына Виталия. — Е. Б.) демобилизация (6 лет и 8 месяцев в армии!).

Второе событие отмечено с гордостью за себя:

Мой героический поступок — никто не верил, что я смогу бросить курить. А я сказал и сделал. Курение на 90 % дело психологическое. Поймут ли когда-нибудь, что такое «художник», «поэт» — и что такое фантазия? Силой фантазии — могу вообразить себя... свободным от курения. Я и вообразил.

Снова доехать до Погоста было не так легко, хотя и машина (грузовик из совхоза «Путиловец») пришла вовремя, и утро было славное, теплое и ясное.

Тут хлынул дождь и лил всю дорогу. Меня в кабинке трясло и било (правую бровь в кровь!), ветки захлестывали в окно (стекло-то нет...) и лупили по щекам. Сидевшим в кузове было не веселей. Самое жуткое

место дороги — метров двести густым молодняком между «Путиловцем» и Загубьем. Кабы не опытный (каждый день здесь ездит!) шофер Иван Несторович — ни за что бы не пробиться на машине. Трясло и дождем слепило так, что не до наблюдений. Домой прибыли только к часу. Не в пример прошлому году, хозяйка встретила нынче очень приветливо... А после захода, в сумерки и дождь, как грянули соловьи!..

15.VI Все то же ненастье, холод. Все еще сижу дома. Ополдень сидел я в нашем Лисьем домике (так Виталий Валентинович называл пристройку к дому П. С. Иванова. — *Е. Б.*), шарил биноклем по озеру. Бинокль двенадцатикратный, французский (взятый на лето у Лили Лукиной). Между полуостровом и островом Еловиком плавали кучкой пять гагар... Идет по-прежнему наблюдение за птицами, то одним путем, то другим, то за ближними, то за дальними.

18.VI День пестрый: то дождь, то солнышко. Кругом полно пьяных (воскресенье); не выхожу из дому. А поле по ту сторону залива все желтеет и желтеет: вместо льна растет там сурепка.

6.VII Пошли на кладбище (приехал сын Виталий. — *Е. Б.*) — мой первый такой «далекий» выход из дому. Там слышали и видели...

Дальше следует перечень птиц, описание их поведения, а также упоминание о птице, чье отсутствие поразило, возможные причины этого. 22 августа сын уехал в Ленинград — занятия в Университете. Еще 7 лет назад отец писал, теперь мог повторить то же: «Я лишился в нем уже настоящего друга, товарища в орнитологических занятиях...»

От 4 августа — интересная запись рассказа Н. К. Шенк о ее разговоре с маленькой девочкой из Загубья, которая принесла малину. На вопрос «где собирала?» девочка рассказала целую историю («Только один медвежонок был. Он от меня на сосну — и спуститься побоялся»), которая послужила основой для рассказа Бианки «Аришка-трусишка». Книжку иллюстрировала А. Н. Якобсон, которая вместе с мужем М. И. Куксом была ближайшим другом отца в последние годы его жизни. Позже они купили избушку рядом с домом, где ранее жил отец, еще позже построили дом в деревне Котчино на другом берегу озера.

Дневниковые записи, где отмечаются погода, показания барометра, выходы в лес, наблюдения за зверями и птицами, охоты, занимают много толстых блокнотов. Но есть и тетради с записями другого рода. Тут, помимо краткой хроники (кто приехал, что делали и т. п.), есть пространные цитаты из прочитанных книг, описание деревен-

ских событий. Например, «Большой день на Боровно» (23.VI.50), о том, как было «единогласно принято решение об объединении в один большой колхоз шести мелких». Или: «Последнее время в Авдееве сильно безобразят волки: прямо на глазах у пастушки режут и уносят то овцу, то козу... Волк ежедневно выходит к авдеевскому стаду, но мер к тому, чтобы убить или отпугнуть, не принимают никаких». Есть записи под общим названием «Местные нравы» и грустная «Хроника внутренней жизни»:

Живу ли я?.. Мне часто кажется — плыву. Все лето в плавани. А не жил. Уютная каюта — мой кабинет. Тут мой рабочий стол, подсобная библиотека, тут электрическая лампочка и радио, связывающие с миром пароход, плывущий в безлюдных зеленых волнах. Из каюты своей я выхожу очень редко, если не считать посещения трижды в день кают-компании — для утреннего чая, обеда, ужина... И редко-редко бывает — только в штиль, ясными вечерами, в тепло, — спускаюсь я по трапу в лодку...

Длинный горький рассказ, который кончается словами:

Вот и вся моя жизнь, все мое плаванье на пароходе, который — и это грустнее всего! — никуда не идет, стоит, пришвартован, у той же пристани. Продолжение этой «Хроники...» в конце тетради:

За все лето ни одного рассказа, ни одной строчки не написал. Писал — и не мог написать. Какое это мучение! Когда пишешь — все забывается, весь отдаешься фантазии... Все большее и большее значение приобретает для меня переписка с друзьями. Они чаще всего и скорей всего утешают: «Ты еще нужен людям» (сознание, без которого нельзя жить!)». 7 октября 1950 г. в семь часов утра — отъезд. До «Путиловца» на лошадях, дальше на платформе, под которой вместо полозьев две колодины; тащит ее гусеничный трактор где дорогой, где целиной с полным ко всему равнодушием. Через полтора часа — в Окуловке, еще через двадцать минут — в поезде. В восемь часов вечера были дома.

Итак, четыре лета на Боровно. Что они дали отцу? Много хорошего. Позже он неоднократно говорил и писал об этом. Видимо, впечатления от окружающей природы и от встреч с друзьями, от знакомств с новыми людьми воспринимаются тем более остро и благодарно, чем меньше остается жизненных сил. Все это дает какую-то внутреннюю опору. Не об этом ли говорит запись 1950 г.:

В это время не только вышел из ужасного своего соннокошмарного состояния, но испытал необычайную вспышку творческого веселия, когда все дается так просто и радостно. За это время написал:

Совсем новое: «Аришка-трусиска», «Дятел и малиновка», «До чего ляки строги» (ляками на Оби называют диких гусей. — Е. Б.),

Заново: «Мастера без топора», «Умная голова».

Во всех рассказах хорошо чувствуется, что темы только что почерпнуты на Боровно. Ведь и «Латка», и «Соня Маша», и «Гогленок, или Три мира», и «Егоркины заботы» связаны с последними лесными и деревенскими впечатлениями писателя, а значит, и с Боровно. Собранные за многие годы отцом новгородские «словеса» и частушки могут составить целую книгу; а Александра Николаевна Яacobсон не только иллюстрировала рассказы Бианки, но делала эстампы на темы новгородских частушек.

В эти годы друг отца Алексей Ливеровский, живший летами в деревне Домовичи на озере Городно на границе Любытинского и Хвойнинского районов Новгородской области, предложил «строиться вместе». Алексей Алексеевич ставил дом на обрыве над озером, рядом было запланировано место для дома Бианки. Отцу очень понравилось предложение, он отвечал другу:

...хочу скорей на Городно, где в лесу лешаки, в озере русалочки, а на прекрасных болотах смешные разные шишиги и кикиморы. И пусть оно станет настоящей маленькой родиной моим внукам, какой было для нас когда-то Лебяжье, или Дедово-Внуково, чтоб было и мне где сложить свои усталые косточки в мать-сыру землю новгородскую. Давай строиться вместе: так удобнее, а понять — мы всегда пойдем друг друга, поскольку характеры у нас не вредные, мы оба любим одно и оба из Лебяжьего.

Но совсем плохое здоровье уже не позволяло отцу уезжать далеко от города. Летом приходилось жить в домах творчества писателей под Ленинградом или Ригой. На Новгородчине Виталию Бианки больше бывать не пришлось.

ПИСАТЕЛЬ ВИТАЛИЙ БИАНКИ КАК ОРНИТОЛОГ

Детство и отрочество будущего писателя проходило под сильным влиянием отца, Валентина Львовича Бианки. Раннее детство Вити (так звали Виталия Валентиновича в детстве) совпало с обустройством выставочных залов Зоологического музея АН в новом помещении и по новому плану. Валентин Львович — заведующий Орнитологическим отделением — был членом комиссии по внутреннему устройству музея. Будучи летом с семьей на даче, он не только — как всегда — вел разносторонние наблюдения за птицами, но и собирал материал для экспозиций музея.

С раннего детства отец брал любознательного сына на прогулки в лес, на берег Балтийского моря. Виталий Валентинович так писал о своем детстве: «Отец ... каждую травку, каждую птицу и зверюшку называл мне по имени, отчеству и фамилии. Учил меня узнавать птиц по виду, по голосу, по полету, разыскивать самые скрытые гнезда. Учил по тысяче примет находить тайно от человека живущих зверей. И — самое главное — с детства приучил все свои наблюдения записывать. Так приучил, что это вошло у меня в привычку на всю жизнь». В воспитании важно на самом деле все. И то, что отец приучил постоянно вести дневник и то, что познакомил с окружающей природой, с ее растениями, насекомыми, птицами, зверями и привил величайшую любовь к ним и удивление ими. Кроме того, он познакомил мальчика с научными способами познания окружающего мира, с методиками изучения птиц того времени. Сам Валентин Львович «заболел» изучением окружающей природы в отрочестве. Однако его путь к работе профессионала-орнитолога был долгим и сложным. Пришлось учиться не в университете, а закончить Медико-хирургическую (ныне Военно-медицинскую) академию и стать врачом. Даже уже будучи сотрудником Зоологического музея, он первое время был вынужден заниматься насекомыми, хотя его страстной любовью были птицы. Пройдя такой путь, Валентин Львович естественно вводил сына в свой мир любви и работы, упрощая его путь становления как специалиста.

В 1908 г., когда Валентин Львович собрался ехать в экспедицию на Камчатку, он оставил четырнадцатилетнего сына своим «заместителем» по наблюдениям за птицами в Лебяжьем, где на берегу Финского залива семья проводила каждое лето. Обладая зорким глазом музыкальным слухом, Виталий к тому времени не только хорошо знал птиц, но и легко узнавал их в природе. К тому же, увлекшись охотой, он хорошо стрелял и мог добыть нужную птицу для определения ее видовой принадлежности или в коллекцию музея. Валентин Львович мог спокойно оставить сыну на лето серьезную программу орнитологических наблюдений. А в 1914 г. отец публикует небольшой список птиц, которых наблюдал Виталий в июне 1913 г. в Оршанском уезде огилевской губернии. Это его первые самостоятельные наблюдения птиц в незнакомом месте. Виталий собирался стать, как отец, орнитологом. После окончания гимназии он поступил на естественнонаучный факультет Петербургского университета, но не закончил его — был призван в армию, потом революция, гражданская война...

Интерес к науке, к птицам, как и к другим животным, сохранился у него на всю жизнь. "Открытые на птиц" глаза и слух помогали ему видеть и слышать птиц, будь то на прогулке в деревне или в шумном большом городе. Когда судьба забросила Виталия Валентиновича на Алтай, в Бийск, где он работал в музее и преподавал в школе, где много и интересно рассказывал ученикам о животных. Там же в Бийске он познакомился и подружился с Гансом Христиановичем Иогансенем, будущим крупным орнитологом, в то время студентом Томского университета. На Алтае Ганс Христианович занимался «выживанием» в то сложное время и коллекционировал птиц. Летом друзья организовывали экспедиции в окрестности Телецкого озера для изучения фауны, работали в краеведческом музее в Бийске. Им удалось собрать значительную коллекцию, после обработки которой в Зоологическом музее Петрограда они надеялись опубликовать свою работу.

Однако судьба распорядилась иначе. В январе 1920 г. в Петрограде скончался отец, в следующем, 1921 г. Виталий Валентинович женился, а в 1922 г. был вынужден срочно уехать из Бийска с семьей в Петроград. Коллекция птиц была отправлена багажом по железной дороге. Однако до Петрограда она не дошла, пропав где-то в пути. К тому же ситуация в Зоологическом музее изменилась, поступить туда на работу не удалось. Семью же надо было кормить.

В Петрограде Виталий Валентинович начал серьезно заниматься литературным творчеством. Выходят его популярные статьи в журнале «В мастерской природы», также первые детские книжки об удивительном мире птиц и других животных. Желание поделиться своей радостью общения с птицами, с природой, рассказать о них любознательным слушателям, как уже упоминалось, проявилось еще в Бийске. Там слушателями были юноши и девушки, позже дети и школьники, наиболее восприимчивые к услышанному, увиденному и прочитанному. Однако Виталий Валентинович всегда говорил, что пишет и для взрослых, сохранивших в душе ребенка. Научные занятия птицами отошло на второй план, хотя вопрос, что для него важнее — литературное творчество или наука — долго оставался открым. Под рукой на столе и этажерке у писателя всегда была научная литература.

После трудных 20-х и начала 30-х гг. Виталий Валентинович с семьей постепенно утвердился в жизни летом в новгородской деревне, зимой — в Ленинграде. Вначале жили летом в Пестовском районе, в 1933 г. в деревне Комзово и в 1934 — на хуторе Сосенка близ села Устюцкого, потом в Мошенском районе — в 1935 и 1936 гг. — в д. Яковищи и наконец, в 1937–1942 гг. в Михееве. В деревню приезжали чаще всего в мае и жили до сентября, когда детям надо было в школу. Когда дети подросли, родители стали задерживаться на всю осень, а то и до окончания школьных зимних каникул. В деревне спокойней было жить, лучше работалось. Во время летних прогулок и охоты с любимым спаниелем или с гончей Виталий Валентинович постоянно фиксировал все встречи птиц. Их список постепенно увеличивался. Кроме "врожденного" интереса к животным и привычки записывать все наблюдения, была одна немаловажная причина их фиксации. В 1910 г. отец, Валентин Львович, опубликовал статью «Наши сведения о птицах Новгородской губернии» и в 1915 г. — «Первое дополнение к статье «Наши сведения о птицах Новгородской губернии» (обе в «Ежегоднике Зоологического музея АН»). Виталию Валентиновичу интересно было отметить максимум видов птиц, которые вошли в работу отца, выяснить, какие новые виды появились, каких нет в Мошенском районе, какие произошли изменения. Продолжалась как бы общая работа с отцом, начатая в счастливом детстве.

В середине 30-х гг. Виталий Валентинович познакомился с кружком юных натуралистов при Зоологическом институте,

которым руководил А. М. Котон. Экспедиция юннатов стала приезжать летом на Новгородчину и устраивалась невдалеке от Михеево, в одной из соседних деревень. Орнитологи работали под непосредственным руководством Виталия Валентиновича. Они разбивались на «двойки», каждая из них имела свой участок, на котором старалась найти все гнезда и провести за ними наблюдения. Часто наблюдали за утренним пробуждением птиц. Вся экспедиция занималась «открытием страны Див», краеведением. В ней были «специалисты» разных направлений; ботаники, энтомологи, териологии и гидробиологи. Всем хватало места и интересных объектов для наблюдения. Нередко кто-то юннатов-школьников или уже студентов оставался после отъезда основной группы, устраивался жить близ семьи Бианки и продолжал свои исследования. К тому времени и собственный сын Виталий, еще раньше «заболевший» птицами и другой живностью, подрос и стал осознанно относиться к своему увлечению. Научился узнавать птиц в природе, находить птичьи гнезда, вести за ними наблюдения. Подрастал помощник. Виталий Валентинович предложил интересный научный эксперимент в природе, который назвал «Кукид» — «кукушкина идея». Было интересно выяснить особенности родительского отношения воробьиных птиц к своим кладкам, к птенцам. Предполагалось подкладывать в гнезда яйца других видов. А если подложить яйцо, выкрашенное в ярко красный или черный цвет? А как они будут выкармливать чужих птенцов? Как это отразится на «пасынках» и «падчерицах»? В опытах участвовали зерноядные и насекомоядные птицы, виды с «хищными наклонностями». Обычно подкладывали по одному яйцу вместо изъятых. Но в гнезде у некоторых самок иногда оказывалось смешение яиц разных видов. Особенно часто это происходило в гнездах чечевич — они так самоотверженно, трогательно заботились о своих кладках и птенцах, принимая все чужие яйца.

Описание найденных гнезд, наблюдения за ними, проведенные опыты Виталий Валентинович вместе с юннатами тщательно записывал в тетради, где каждому гнезду отводилась особая страница. Отмечалась дата находки гнезда, его местоположение на дереве или на земле, величина кладки или число птенцов, состояние развития оперения и др. особенности птенцов, поведение родителей. Обычно тот, кто нашел гнездо и проводил за ним наблюдения, сам делал записи в общей для всех тетради. Материал собирался интересный.

В послевоенное время, в годы «сталинского преобразования природы», формирования лесополос на южных пахотных землях, орнитологи проводили похожие работы для скорейшего заселения птицами полезащитных полос.

Одновременно с наблюдениями за гнездами Виталий Валентинович собирал коллекцию птичьих яиц, стремясь показать характерную для каждого вида форму, окраску и ее варианты. Из гнезда брал одно яйцо, чтобы не нарушить кладку. В 50-х гг. коллекция была передана в Зоологический институт АН.

С годами копились тетради с записями о найденных гнездах, их судьбе. Научной обработкой собранных материалов Виталии Валентинович не занимался. Только в тяжелую первую военную зиму 1941/42 г., которую семья провела в Михееве, он написал и передал в музей рукопись с описанием птиц, которых удалось наблюдать за 7 лет пребывания в Мошенском районе.

Работа «Птицы Мошенского района» была адресована краеведам и сельским учителям и передана в Боровичский краеведческий музей.

В 1946 г. Виталий Валентинович семьей провел лето на озере Пирос, а потом — на о. Боровно. Его список птиц сразу пополнился 12 околотовными видами. На озере писатель наблюдал чомгу или большую поганку, волчка или малую выпь, степного луня, золотистую ржанку, зуйка-галстучника, кулика-сороку, травника или красноножку, как его любил называть Виталий Валентинович, куличка-воробья, чернозобика, малую и речную крачек. Уже больной, не имея возможности совершать длительные экскурсии, он продолжал совершать экскурсии, вел орнитологический дневник. Помогали ему местный учитель П. С. Иванов, живший в соседней деревне художник М. И. Кукс с сыном Ильей, приехавшие сыновья и Е. В. Лукина.

Несколько лет Виталий Валентинович решал загадку о поведении сизых чаек на о. Еловике, на о. Боровно. Во время гнездования чайки из года в год держались на острове, поросшем высокоствольным ельником, беспокоились, когда около гнезд появлялся хищник. Однако гнезд на берегу острова не было. Не было их и на небольшом болоте в лесу. Оставалось предположить, что чайки гнездятся в старых гнездах ворон. Такое необычное гнездование было известно для сизых чаек. К сожалению, удостовериться в своем предположении Виталий Валентинович не смог, не оказалось в нужное время умелого помощника.

Среди близких знакомых Виталия Валентиновича всегда были профессионалы-орнитологи. Это и Виталий Андреевич Хахлов, и Борис Карлович Штегман, и иллюстрировавший в 20-х гг. первые издания некоторых рассказов Александр Николаевич Формозов. Долгое время жил в квартире В. В. Бианки на 3-й линии В. О. в Ленинграде А. И. Иванов, первый ученик Виталия Валентиновича еще по Бийску, ставший крупным ученым-орнитологом, доктором наук и продолживший дело его отца в Зоологическом институте и орнитологии. Еще в 30-е гг., живя в Михееве, Виталий Валентинович приглашал поселиться на лето по-соседству не только друзей-литераторов, но и орнитолога С. К. Красовского. В 40-х гг. Виталий Валентинович близко познакомился через Елизавету Вячеславовну Лукину с известным зоологом Александром Николаевичем Промптовым — с ними его объединял интерес к изучению поведения птиц. В 50-х гг. в ленинградскую квартиру на 3-й линии В. О. регулярно приходил знаменитые зоологи Алексей Сергеевич Мальчевский и Константин Алексеевич Юдин. Обсуждались новые идеи, работы, публикации. Различной степени знакомства были и рядом других зоологов. Дома, за большим обеденным столом постоянно обсуждались проблемы биологии, находившейся в 30–50-е гг. в очень сложном положении. Виталий Валентинович всегда оставался исследователем, который знакомил с научно-достоверными результатами познания не узкий круг ученых-профессионалов, а широчайший круг читателей, закладывая в них любовь ко всему живому.

Сохранилась на всю жизнь и крепкая дружба Виталия Валентиновича с Гансом Иогансеном. Ими написана книга «Страна зверей» о Командорских островах, научно-популярная по стилю.

Виталий Валентинович жаловался на него в письме: «Не дает мне развернуться мой научный соавтор!» В 1937 г., будучи датским подданным, Г. Х. Иогансен был вынужден покинуть Советскую Россию. Несмотря на то, что после отъезда переписки не было и встретиться снова удалось только в январе 1956 г., дружба между ними осталась такой же прочной.

В 50-х гг. параллельно с литературной работой Виталий Валентинович увлеченно писал «Опознаватель птиц в природе». Это было давнее желание дать любителям птиц руководство к определению птиц в природе не только по их внешнему виду, но и по поведению,

голосу, другим проявлениям. Хотелось создать определитель, написанный художником слова и построенный на всестороннем восприятии птицы, встреченной в ее естественном месте обитания. Подталкивали на его создание и опубликованные А. Н. Промптовым пособия для любителей птиц, в которых он учил определять птиц в природе, вести за ними простейшие наблюдения. Особое место среди них заняла его книга «Птицы в природе. Руководство для определения и изучения птиц в природных условиях» 1937 г. Создание «Опознавателя» неоднократно обсуждалось с А. С. Мальчевским и К. А. Юдиным. Закончить его Виталий Валентинович не успел, хотя совсем, совсем немного оставалось сделать. До конца своих дней Виталий Валентинович оставался писателем-орнитологом, много и с любовью рассказывая людям об удивительном и прекрасном мире птиц.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ: ТРЕТЬЕ ПОКОЛЕНИЕ БИАНКИ

ЕЛЕНА ВИТАЛЬЕВНА БИАНКИ (1922–2009)

Вит. Вит. Бианки

**ЕЛЕНА ВИТАЛЬЕВНА БИАНКИ —
ХРАНИТЕЛЬ ПАМЯТИ
О ПИСАТЕЛЕ ВИТАЛИИ БИАНКИ**

Елена Витальевна Бианки всегда была истинной дочерью своего отца, начиная с детства. Будучи старшеклассницей, она возглавляла школьный юннатский кружок, затем стала членом кружка юных натуралистов при Зоологическом институте АН. Елена Витальевна окончила школу незадолго до начала войны, пережила с родителями военный год в новгородской деревне, эвакуировалась в Молотовскую (Пермскую) область, в маленький уютный городок Осу на берегу полноводной Камы. Поработала там в Доме культуры. После войны вся семья вернулась через Подмоскovie в Ленинград, в старую квартиру на В. О. После войны Елена Витальевна получила художественное образование.

Вся ее жизнь прошла вначале в доме отца, потом в «наследственно» его доме. Она старалась, чтобы все там дышало им, человеком и писателем Виталием Бианки. После его ухода из жизни надо было позаботиться об издании и переиздании его книжек, рассказать, как и где они создавались. И кому как не дочери-художнику это делать. Она прожила с ним без малого четыре десятилетия, иллюстрировала отцовские книги. Память об отце требовала активных действий.

Получив семейный архив, а в нем и всю богатейшую отцовскую переписку с друзьями, коллегами, учениками, издателями, его пожизненные дневники, она обрела уникальный материал о нем. Осталось использовать дочернюю любовь и прожитые под отцовским крылом годы, чтобы работать с издательствами, поддержи-

вать и углублять творческое влияние отца на читателей. А желания было не занимать... Труднее всего пришлось с иллюстрированием его книг. Отец всегда предъявлял особые требования к художникам-анималистам.

Виталий Бианки был писателем, обладающим не только поэтическим восприятием мира, но и ученым знанием зверей, птиц, насекомых на воле, в их среде обитания. Писателей, обладающих таким знанием ученого, очень мало. Да Аксаков, да Пришвин, да Сетон-Томпсон и Соколов-Микитов... Но одно дело вырасти в природе, любить ее, другое — знать ее знанием ученого. Добавим к этому трепетную необходимость делиться своим сокровенным знанием с людьми, стремиться передать им свою любовь к животным, воспитать уважение даже к самой малозаметной жизни... А делился он своим пониманием живого мира природы прежде всего с несмышленькими, человечками, еще не испорченными жизнью. Они сердцем поймут муравьишку, мышонка Пика или ласточку-береговушку, надолго запомнят историю Мурзука, Карабаша или тайну ночного леса. Взрослый читатель его произведений, сохранивший в душе ребенка, тоже отгадает душой, постарается уберечь и увеличить добро, любовь к «братьям нашим меньшим».

Звери и птицы сплошь и рядом изображаются ныне так уродливо, что смотреть страшно. Виталий Валентинович требовал от художника изображать героев его произведений с видовой, биологической точностью. Бианковский медведь — это не толстовские три медведя, три человека под личиной сказочных медведей, а лесной зверь с его природными особенностями. Его медведи не делят стулья и тарелки, садясь за стол, а лезут в дупло за медом. Где, кто поможет художнику стать анималистом душой, чтобы не только по-доброму, но и биологически точно изображать животных? Елена Витальевна всегда удавалось решить эту задачу, она находила таких художников, талант которых соответствовал представлениям отца об иллюстраторе-анималисте.

Все издательские отцовские дела Елена Витальевна также взяла на себя и успешно их вела. Она готовила тексты к изданию, писала предисловия, комментарии, рассказывала, как создавались его повести, рассказы, сказки. Сложно было писать о жизни В. Бианки, о времени, в которое он жил, о многом приходилось умалчивать. Но, имея богатый архивный материал, Елена Витальевна все же

делала это превосходно. И не просто перечисляла события и действия, а одевала формально событийный скелет эмоциональным мясом и жиром. Так, чтобы разобраться в вопросе о происхождении рода Бианки, она ездила в Италию и Германию, побывала в Швейцарии, нашла материалы, свидетельствовавшие о корнях фамилии Бианки.

Самая трудной заботой Елены Витальевны было создание музея-архива Бианки, или Бианки и Алексея Алексеевича Ливеровского, друга юности и соратника Виталия Бианки, последнего мужа Елены Витальевны. Ее мечты простирались и дальше — о создании дома-музея интеллигенции С.-Петербурга. Такого дома, в который можно было бы приходиться не только для знакомства с жизнью ушедших поколений интеллигенции, но и для работы с архивными материалами.

Трудное это дело, сохранение и совершенствование памяти о человеке. Елена Витальевна старалась не «просто» напоминать о том, что человек сделал, но и что это был за человек, как он жил, в каких условиях творил. Так и прошла до последнего дня жизнь Елены Витальевны под крылом писателя, в заботах о его памяти, о его произведениях и читателях, о добром отношении в них ко всему сущему.

ВИТАЛИЙ ВИТАЛЬЕВИЧ БИАНКИ (1926)

Вит. Вит. Бианки

АВТОБИОГРАФИЯ

Бианки Виталий Витальевич родился 12 января 1926 г., в Ленинграде. Орнитолог-эколог, кандидат биологических наук с 1967 г. (диссертация «Экология куликов, чаек и чистиковых Белого моря»). Аттестат старшего научного сотрудника по специальности «Зоология». В 1994 г. присуждена ученая степень доктора биологических наук: диссертация «Птицы Белого моря. (Современное состояние, сезонное размещение и биология)». 30 мая 1998 г. удостоился почетного звания «Заслуженный эколог Российской Федерации». 25 декабря 2002 г. указом президента РФ награжден орденом «Почета».

Отец мой — Виталий Валентинович Бианки (1894–1959) писатель, биолог. Он родился и вырос в С.-Петербурге. Мать — Вера Николаевна (в девичестве Клюжева; 1894–1972). Отец и мать, сестра Елена (1922–2009) и брат Валентин (1932–1970) похоронены на Богословском кладбище. Моя жена — Алла Владимировна (в девичестве Боголюбова; 1925–2011) врач-невропатолог. Ее отец — Владимир Яковлевич Боголюбов (1897–1938) с 1915 по 1917 гг. служил в царской армии, штабс-капитан, с 1919 по 1921 гг. — в Красной армии. В 1930–1932 гг. разошелся с женой. С 1936 г. работал зав. цехом модельно-механических пособий Ленинградского института инженеров путей сообщения. В 1938 г. был арестован, обвинен в принадлежности в контрреволюционной военно-офицерской организации «Русская фашистская партия» и приговорен к высшей мере наказания. Умер 28 сентября 1938 г. Реабилитирован посмертно определением Военного трибунала ЛВО № 1314-н-58 от 11 июня 1958 г. Мать — Евгения Оскаровна (в девичестве Гаген-Торн; 1896–1942) работала медсестрой в поликлинике в г. Ленинграде. В 1938 г. была выслана в с. Абдулино Оренбургской области как жена В. Я. Боголюбова. В декабре 1940 г. высылка была отменена и Евгения Оскаровна вернулась в Ленинград. Скончалась

в блокадном Ленинграде в марте 1942 г. Брат Аллы Владимировны Олег погиб в 1941 г. (без вести пропавший) на фронте.

Алла Владимировна родилась в с. Шубино Бронницкого района Московской области, выросла в г. Ленинграде. Осенью 1941 г. была мобилизована на работу в милицию, работала на создании оборонительных сооружений под Ленинградом. Зимой 1941/42 гг. работала регистратором в поликлинике в блокадном Ленинграде. В июле 1942 г. была эвакуирована в Москву. В 1942–1944 гг. работала лаборантом на заводе НКВД. В 1947–1951 гг. училась в Фельдшерско-акушерской школе, в 1951–1957 г. в Первом Ленинградском Медицинском институте им. Павлова. После его окончания работала врачом в железнодорожной больнице, школе-интернате и в госпитале в г. Кандалакше.

В 1935 г. я поступил во второй класс средней школы г. Ленинграда и весной 1941 г. закончил седьмой класс. С июня 1941 г. по май 1942 г. жил с родителями в д. Михеево Мошенского района Новгородской области, куда неоднократно выезжали на лето. В июне — октябре 1941 г. работал в колхозе «Искра» Яковиченского с/с. В мае 1942 г. эвакуировались в г. Молотов (Пермь) и оттуда в г. Осу Молотовской (Пермской) области. С июля 1943 г. по март 1950 г. служил в Советской Армии на рядовых должностях. Имею медаль «За победу над Германией в Великой отечественной войне 1941–1945 гг.» Являюсь «Ветераном Великой отечественной войны». В январе 1950 г. поступил в вечернюю школу в Ленинграде, получил аттестат зрелости и в августе 1950 г. был зачислен на биолого-почвенный факультет Ленинградского университета. Во время учебы в 1942–1944 гг. работал экскурсоводом в Зоологическом музее Зоологического института АН СССР. Летом 1951, 1953 и 1954 гг. на учебной и производственной практике работал в Кандалакшском государственном заповеднике, куда в 1955 г. после окончания курса университета по кафедре Зоологии позвоночных (присвоена квалификация «биолог-зоолог») и был направлен на работу в Кандалакшский заповедник.

В Кандалакшском государственном заповеднике я был зачислен в июле 1955 г. старшим научным сотрудником. В 1992 г. переведен на должность ведущего научного сотрудника.

Материал по экологии птиц Белого моря начал собирать в 1951 г. на заповедных островах Кандалакшского залива, а с 1956 г. и по

сей день являюсь одним из ответственных исполнителей разрабатываемых в заповеднике научных тем и мероприятий по изучению орнитофауны Белого моря. Большая часть биологического материала была собрана за 58 лет в Кандалакшском и Онежском заливах Белого моря. С 1951 по 1966 г. главное внимание было обращено на куликов, чайковых и чистиковых птиц, а также обыкновенную гагу, с 1967 г. по настоящее время — на уток, кроме гаги. Постоянные исследования автор проводил на Северном архипелаге (100 км²) Кандалакшского заповедника, который представляет собой мористую часть Кандалакшских шхер, и в его окрестностях.

Кроме Кандалакшского залива, в 1956–1984 гг. собирал материал по гнездованию и миграциям птиц, выезжая в экспедиции на Онежскому заливу, западным берегам Двинского залива и Воронки Белого моря. В 1958–1963 гг. был одним из создателей и руководителей работы Северной орнитологической станции, организованной при Кандалакшском заповеднике. В 1991–2000 гг. участвовал в организации и проводил наблюдения за водоплавающими в заповеднике «Пасвик».

Будучи председателем Кандалакшского отдела Географического общества и используя финансовую помощь Кольского филиала общества, в 1975–1981 гг. направлял летом студентов Московского и Горьковского университетов в экспедиции в недостаточно исследованные места Мурманской и Архангельской областей, на острова Белого моря. С 1956 по 2002 гг. участвовал во всех всесоюзных и прибалтийских орнитологических и региональных конференциях. За период с 1958 по 2000 г. включительно опубликовано, в том числе и в соавторстве, 196 научных работ — тезисов, статей, монографий и 183 научно-популярные статьи.

В 1967 и 1969 гг. был участником ВДНХ и награжден бронзовой и серебряной медалями. Работал на различных выборных должностях от председателя местного комитета до депутата Кандалакшского городского совета депутатов трудящихся (1967–1975) и члена Совета Географического общества.

ВОСПОМИНАНИЯ О ДЕТСТВЕ И ОТРОЧЕСТВЕ

Я родился 12 января 1926 г. в год Тигра в Ленинграде (в книге регистрации актов о рождении 1926 г. января месяца 26 числа произведена запись за № 1345). Отец — Виталий Валентинович Бианки (1894–1959), член Союза Советских писателей, известный детский писатель. Мать — Вера Николаевна Бианки, урожденная Ключева (1894–1972). Мне известно, что после того, как мама окончила гимназию в г. Самаре, она ездила во Францию совершенствоваться во французском языке. В начале войны 1914 г. возвращалась в Россию через Швецию. В 1919 г. ее родители Николай Семенович и Софья Ивановна Ключевы переехали по совету сына Виктора из Самары в Бийск. Там отец, врач по профессии, работал в больнице, заразился от больных и скончался. Вера Николаевна преподавала в школе французский язык, где и познакомилась с моим отцом. После замужества она не работала.

В Ленинграде мы жили в отдельной квартире из четырех комнат (кв. 11, д. 58, 3-я линия В. О.). Первоначально в квартире было шесть комнат. Братья Виталий и Лев разделили их на две части. В одной жила семья Виталия Валентиновича (6 человек), в другой — Лев Валентинович (1884–1936) с Лидией Львовной Бианки (1899–1988) и двумя детьми — Всеволодом и Валентиной. Виталий Валентинович работал дома в своем кабинете. Уклад семейной жизни в родительской семье был подчинен работе отца. Семья — дети, теща, Софья Николаевна и няня, Александра Ефимовна, которую взрослые называли Сашенькой, жили по другую сторону коридора в двух комнатах и кухне. Только жена, Вера Николаевна постоянно находилась в большой проходной комнате — «столовой». В ней стоял рояль и обеденный стол, за которым все собирались на обед и ужин. Завтракали в разное время. Нас с сестрой няня быстренько кормила утром и отправляла в школу. Отец вставал поздно, так как ночью, когда никто и ничто не мешало, обычно работал.

До 1940 г. в столовой за занавеской и шкафом жил ученик Виталия Валентиновича, Александр Иванович Иванов, приехавший в 1922 г. с родителями из Бийска. Пока он был одинок и в летнюю половину года обычно находился в экспедициях, это было приемле-

мо для обеих сторон. Только незадолго перед войной после женитьбы Александра Ивановича на Н. Г. Брежетовой и рождений сына Саши удалось выменять для них комнату в малокоммунальной квартире. Мама выполняла обязанности секретаря отца, переписывала его рукописи и делала другую работу. Бабушка, Софья Ивановна Клюжева участвовала в хозяйственных делах семьи. Те немногие скромные вещи из драгоценных металлов, которые сохранились у родителей, ушли в 30-е гг. в Торгсин для покупки продуктов. Питание семьи и обслуживание детей в значительной части лежало на няне — Александре Ефимовне Кольцовой. Она еще девушкой начала работать в семье моего деда — Валентина Львовича Бианки, потом по просьбе отца стала помогать его семье. Я был очень привязан к ней. С родителями, особенно с отцом, дети общались преимущественно за обеденным столом и вечерами, когда он не работал. Отец читал нам вслух «Гайавату» Лонгфелло, другие вещи. Играли в «блошки», «рич-рач», «слова» и др. настольные игры, а также в карты — в «джокер», потом в «преферанс». Расставляли «восемь королев» на шахматной доске. В конце 30-х гг. отец купил настольный бильярд, который ставили на стол в столовой. Хорошо играл мой брат Валя. Впрочем, отец учил нас, детей, своим любимым развлечениям, которыми он хорошо владел.

Пока была жива бабушка, мы с сестрой Еленой, по-домашнему Ноникой, младшим братом Валея и няней жили в детской. Потом сестра перешла в бывшую бабушкину комнату. В нашей комнате висела большая картина с прекрасным изображением птиц, наверное, около 30 видов, встречающихся в наших краях. Конечно, еще в детстве я знал всех изображенных там птиц.

До школьного возраста ко мне приходила заниматься грамотой Юлия Ивановна Фаусек, которая раньше заведовала детским садом при Ленинградском педагогическом институте им. А. И. Герцена на набережной Мойки, в который до его закрытия ходила сестра.

Мое детство было полным отражением жизни общества: государства, города и семьи. Думаю, я начал воспринимать более или менее сознательно жизнь общества с убийства С. М. Кирова — 1 декабря 1934 г., т. е. почти в 9 лет.

В 30-е гг. из Ленинграда нередко высылали людей. Иногда это были знакомые, или знакомые знакомых и родители покупали или брали от них вещи, которые те не могли увезти с собой. Приходилось ходить с няней или еще с кем-нибудь за вещами, везти их зимой

на санках. Опережая события, уехали в Мурманск брат мамы дядя Витя с тетей Олей и двумя дочерьми-близнецами Соней и Любой.

В Ленинграде отец трижды подвергался аресту. В конце 1925 г. он был выслан на 3 года в г. Уральск (см. его книгу «Карабаш»). Это произошло перед моим рождением и мама назвала родившегося сына в честь отца Виталием. Кроме того, отца арестовывали еще 3 ноября 1932 г. и 23 марта 1935 г. В обоих случаях через половину — два месяца его освобождали. Однако угроза очередного ареста висела над ним всю жизнь и иногда проявлялась в предупреждении знакомых об угрозе ареста. Меня долго не оставляла мысль о том, что когда я вырасту, в один «прекрасный» момент за мной могут придти и забрать в тюрьму, лагеря или выслать, как это происходило с отцом. Моей песней на долгие годы стала:

Там вдали за рекой громко пел соловей,
А я мальчик на чужбине позабыт от людей.
Позабыт, позаброшен с молодых юных лет
Я остался сиротою, счастья доли мне нет.

У меня рано проявились склонности к коллекционированию. Мне нравились политические карикатуры Бориса Ефимова, которые печатали на первой странице газеты «Известия». Отец посоветовал мне их собирать. Я с удовольствием вырезал их из газеты и наклеивал в самодельный «альбом», сшитый из оберточной бумаги. Потом политическая ориентация СССР изменилась и карикатуры Бориса Ефимова перестали печатать. Я стал собирать почтовые марки, что помогло мне познакомиться с государствами мира и их столицами. Родители разрешали мне подолгу гулять на улице, кататься на коньках около дома. Коньки у меня были «английский спорт» на ботинках. Катаясь, я развлекался, подобно другим ребятам, цепляясь за проезжающие подводы или автомашины руками или проволочным крючком. Весной и осенью играл с ребятами из нашего дома в «колдуны», «лапту», «фантики» и др. игры. Дома самостоятельно освоил элементы квартирной электрической проводки. Настоящих товарищей у меня не было. Я чувствовал себя отличающимся от других ребят нашего и соседних домов, но не сторонился их. Временами возникали товарищеские объединения, но друзей не было. Драться не любил и не дрался. Моей обязанностью дома было выводить гулять собаку, спаниеля Джима, любимую охотничью собаку отца. Еще не научившись бегло читать, я взял-

ся за чтение книги «Последние орлы» Берга. Вещь эта не детская и не художественная, скорее научно-популярная, однако я одолел ее. Потом читал, как и полагается, книги, соответствующие возрасту. Любил рассказы Э. Сетона-Томпсона, прочитал все его вещи, которые были дома. Особо запомнился «Крэк — кутенейский баран». Возможно, сыграло роль хорошее отдельное издание. Потом читал Чарльза Робертса и других писателей, пишущих о природе, особенно о зверях и птицах.

В это время я начал подкармливать на кормушке за окном голубей и воробьев, потом держать дома птиц: снегиря, зеленушку, синиц. Покупал их в зоомагазине на Большом проспекте Петроградской стороны. Какое-то время жили у меня две очень симпатичные мыши-малютки. Из Испании кто-то из знакомых отца привез испанских тритонов, которых поселили в аквариум. Семья была проникнута атмосферой отцовской любви к природе, к охоте, к научному познанию животного мира, особенно птиц. На высоком пьедестале всегда стоял дед, Валентин Львович Бианки, известный ученый зоолог. Отец хорошо знал местных птиц в природе, определял их по виду, голосу, повадкам, гнездам, неплохо знал и зверей. Он понимал о животных то, чему научил его отец, Валентин Львович в Лебяжьем и что его интересовало как охотника. А охотник он был хороший. В конце 30-х гг. он выделялся своим умением на медвежьих охотах, на которые иногда ездили писатели. Ежегодно с 1 августа начинался охотничий сезон. За день — два перед этим отец садился вечером заряжать патроны. Мы с сестрой помогали ему. Пользуясь бездымным порохом, отец обязательно взвешивал его на аптекарских весах. Дробь отмерялась специальной меркой. Конечно, пользовались специальными пыжами. Выстрелы должны были быть технически надежными. Бой Щольберга был сильный, заряд предельный. Отец любил свою бескурковку двадцатого калибра, часто фотографировался с ней и восьмикратным биноклем. Он не любил охоту с легавой, которая найдя птицу, встает перед ней и ждет, когда хозяин прикажет ее вспугнуть птицу, а предпочитал более сложную охоту со спаниелем. Все 30-е гг. у нас жил спаниель Джим, любимец отца. Пес был слишком крупный для этой породы, с вьющейся коричневой шерстью, что не положено спаниелям. На собачьих выставках он никогда не бывал, но помощником на охоте был прекрасным. Обладая хорошим чутьем, он надежно находил,

например, тетерева. Идя по следу, спаниель лаял, охотник занимал выгодную для него позицию, птица взлетала, гремел выстрел, она падала или исчезала за деревьями. Минут через пять — пятнадцать Джим с найденным им тетеревом в зубах уже догонял отца. При охоте на озере Джим приносил добытую птицу из воды. Он всегда работал радостно и надежно. Его сыновья значительно уступали ему во всем, кроме экстерьера.

С 1933 г. мы стали ездить на лето в Новгородскую область, где состоялось мое настоящее знакомство с деревней, ее делами, нравами. В 1934 г. мы провели лето на хуторе «Сосенка». Дорога от станции до хутора была длинная, около 30 км. По дороге останавливались для отдыха. Во время одной из остановок я обратил внимание и навсегда запомнил, что отец узнавал и называл каждую пролетающую птицу. Сначала это не породило у меня желания так же, как он знать птиц, но, видимо, привлекло внимание к окружающей природе. В то лето я начал самостоятельно осваивать окрестности хутора. Отец доверил мне маленькую винтовочку — монтекристо, и я с ней часто ходил по окрестным перелескам. Начал ловить на удочку мелкую рыбешку в речке около дома.

В начале 30-х гг. в стране стало развиваться юннатство, как одна из форм внеклассной работы со школьниками. В школе на углу Среднего проспекта и 7-й линии В. О., где мы с сестрой учились, был создан юннатский уголок. В его руководстве оказалась моя сестра. В это же время «в целях пропаганды зоологических знаний» при Зоологическом институте АН СССР был организован кружок юных натуралистов. В 1936 г. в нем занималось около сорок человек. Руководителем кружка был А. М. Котон. Занятия проводили орнитологи Зоологического института А. Я. Тугаринов и Б. К. Штегман. Будучи в руководстве школьного кружка, в институтский кружок попала и моя сестра. Ей там нравилось. Один или два раза и я ходил с ней.

После того, как Б. К. Штегмана арестовали в 1938 г. и выслали из Ленинграда, юннатский кружок при Зоологическом институте перестал существовать. Однако А. М. Котон продолжил руководство юннатским кружком при Педагогическом институте им. Покровского, недалеко от мечети на Петроградской стороне. Туда я стал ходить регулярно. Кроме растений и всякой живности в клетках и аквариумах в двух комнатах, предоставленных кружку в здании института, был у нас еще небольшой огороженный забо-

ром кусочек институтского двора. Там сделали пять — шесть вольер, в которых жили местные птицы и звери. В кружок ходили, видимо, около тридцати человек старших школьников. Желающих присылали осенью из школ со всего города. Кому нравилось, оставались. Общие занятия в кружке проходили за большим столом в одной из комнат. Кроме того, практически у всех были свои темы. Например, «старички» занимались подбором местных растений для выращивания гусениц бабочек-шелкопрядов, видовым составом и численностью мышевидных грызунов в скирдах соломы в окрестностях Ленинграда, наблюдением за животными, которых содержали в клетках, и другими темами. С наиболее значимыми темами кружок выходил в Москву на выставку Всесоюзных достижений народного хозяйства. В кружке меня привлекало наличие различных животных, наблюдения за ними, общение со сверстниками-единомышленниками, участие в общих делах. Для некоторых ребят участие в юннатском кружке сыграло большую роль, определило их дальнейший жизненный интерес, отвлекло от «улицы».

Три или четыре года по приглашению отца юннатский кружок А. М. Котона выезжал летом в окрестности д. Михеево Мошенского района Новгородской области, где мы тогда жили. Первое лето юннаты устроились в д. Кочерово, потом располагались ближе, в здании Яковищенской школы, в 3 км от д. Михеево. Школьные здания стояли на отшибе, в километре от деревни Яковищи, на берегу р. Удины. Юннаты распределялись по интересам и по одному, по двое работали по своим темам. Орнитологи были поделены на пары, каждая из которых проводила наблюдения за гнездящимися птицами на определенном участке: искали гнезда, проводили наблюдения за насиживанием и птенцами. Иногда все желающие ходили рано утром недалеко от школы слушать пробуждение птиц. При завершении экспедиции некоторые из старших юннатов оставались жить в соседней деревне Сивцево. Они постоянно общались с отцом, он советовал им, чем и как заниматься. Дружеские отношения с некоторыми из юннатов Зоологического института — А. Меженным, Н. Сладковым, Р. Меллум и педагогического института — В. Кулачковой, Л. Мироновой, Т. Ульяновой (Котихиной), и др. сохранились с семьей Бианки на всю жизнь. Регулярные дружеские встречи бывших юннатов продолжались и спустя 60 лет. Осознанно я заинтересовался птицами, стал искать их гнезда в 1937 г.,

когда семья стала жить в д. Михеево. Было мне 11 лет. Началось с того, что выйдя первый раз из дома в незнакомой деревне, я пошел по дороге за околицу, в перелески. Там в одной из лядинок около меня стали сильно беспокоиться птицы, и я увидел на пне хорошо заметное гнездо. Чье оно, конечно, не знал и вернулся домой, чтобы рассказать о нем отцу. Он пошел со мной и сказал, что это гнездо дрозда-рябинника. Рядом нашли еще два — три таких гнезда. С этого начались мои постоянные экскурсии по перелескам, лугам и лесу в радиусе около 1–2 км. Ходил я обычно один. Искал гнезда птиц, потом периодически проверял их, наблюдая, как шло насиживание и рост птенцов. Дома все сделанные во время экскурсии находки и наблюдения переписывал в специальную общую тетрадь, заведенную отцом. Каждому гнезду в ней была отведена страница. На ней записывались сведения о том, где найдено и как расположено гнездо, что в нем находится: сколько яиц или птенцов, насколько птенцы оперены и как вели себя птицы-родители. Если гнездо находилось на дереве, определяли, на какой примерно высоте оно, в дупле или на ветке, у ствола или в ее развилке. Тетрадь была общая для всех — и для отца, и для юннатов. В эти же годы я учился снимать шкурки с добытых птиц, делать коллекционные тушки. Мое освоение природных «промысловых» знаний и навыков шло преимущественно в деревне. По примеру ребят я ловил на удочку мелкую рыбу и кротов. Больше всего ловили уклейку, которая брала на поденок. Весной, пока вода в реке была мутная, ходили в вечерних сумерках ловить в реке саком, т. е. большим сачком, рыбу, ставили жерлицы, вятери, сети, ловили раков. Все это освоение «промысловой ловли» происходило в д. Михеево постепенно в течение предвоенных лет.

Мое беззаботное отрочество кончилось летом 1941 г., с началом войны началась ответственная юность. В 1941 г. я окончил седьмой класс средней школы. Одинадцатого июня приехал в д. Михеево к родителям. Война началась в пригожий летний день. В нашей и соседних деревнях и даже в сельсовете д. Яковищи о разразившейся войне население узнало благодаря нашему радиоприемнику. Другой информации в тот день не было. И в последующие дни наш приемник оставался единственным источником сведений о ходе войны и ситуации в стране, пока его не отобрали. Я почувствовал себя «кормильцем» семьи, так как литературного заработка

у отца не было, а физически работать он не мог. И до этого моей обязанностью в городе была доставка дров из дровяника в квартиру. Это около 100 м по двору и улице и по лестнице на второй этаж. Носил сколько мог, себя не жалел. С июня 1941 г. начал работать в Михееве в колхозе «Искра» на уборке урожая. Было тревожно, но безвыходно. Все ждали свою судьбу. Еще до начала войны я перешел спать на сеновал к товарищу Коле Муравину, или как его обычно звали — Бредову. Ранними утрами ходил с ним косить. Теперь стал участвовать во всех полевых работах наравне с колхозниками. Мама Вера Николаевна, сестра Елена, няня Александра Ефимовна или Сашенька, стали зарабатывать трудодни, таская лен и выполняя другую работу. Иногда к ним присоединялись мы с братишкой. Бригадир, наряжая колхозников на дневную работу, старалась поручить нам, юношам, хорошо оплачиваемую работу, чтобы мы могли заработать. В основном это была уборка сена, метание стогов и другая мужская физическая работа по уборке урожая. Я часто работал на лошади. Для сдачи государству колхозной продукции мы отвозили ее на ст. Хвойную. Так проходила уборочная кампания. В первых числах июля на ст. Хвойную привезли эвакуированных из Ленинграда ребят младших классов, которых надо было развести по деревням. Как-то мы отвезли на станцию сено, а обратно привезли ребят. Через месяц за ними стали приезжать родители и забрали их.

Вскоре на восток начали пролетать немецкие самолеты со своеобразно гудящими моторами. Фронт катастрофически приближался, напряжение населения возрастало. Ситуация была трудная. Эвакуироваться мы не могли: ни документов, ни денег не было. С трудом выживая в деревне, родители старались с помощью писем (почта работала) обеспечить сохранение хотя бы части наших вещей в ленинградской квартире и помочь близким.

До войны отец любил приглашать на лето знакомых в соседние деревни. В последние годы вначале в д. Тумашеве на берегу о. Карабожа, потом в дер. Морозове в километре от нас летом жила семья И. С. Соколова-Микитова. В августе — сентябре отец с Иваном Сергеевичем нередко устраивали совместные охоты по перу и с гончей. В 1941 г. семья Ивана Сергеевича — Лидия Ивановна, дочь Аленушка и сеттер Ирэна тоже вынужденно остались зимовать в д. Морозове. Объединенные усилия двух писателей, невольно застрявших с семьями в деревне, помогли выжить во все усложняющейся обстановке.

Стремясь захватить Ленинград и Москву, немцы прошли восточнее нашего Мошенского района: севернее нас до Тихвина и южнее взяли Калинин (Тверь). Мы остались в дальнем полуокружении. Однако жизнь шла своим порядком. Колхозников ежедневно наряжали на работу, на земле работ всегда хватает, кого-то из молодежи брали готовить оборонительные линии, копать окопы. Хозяин дома, у кого мы жили, отказал в дровах и молоке. У Виталия Валентиновича заработка почти не было, надо было приспособливаться жить. Ружья в июле отобрали. Полученных на заработанные трудодни продуктов на зиму, конечно, не хватило. Отцу с Иваном Сергеевичем приходилось просить районное руководство о продовольственной помощи. За выделенным нам картофелем с оказией ездили за 10 км в с. Устрирку. Хлеб по норме покупали в магазине в 3 км. в д. Яковицах.

В свободное от колхозной работы время я продолжал экскурсировать по окрестностям Михеева, ловил кротов для продажи шкурок, наблюдал за гнездами, ежедневно записывал особенности погоды. Перед отъездом в Михеево Виктор Богданов, мой ленинградский товарищ, дал мне несколько яиц пекинских уток. В Михееве их удалось подложить под курицу, которая и высидела утят. Кроме того, наша подсадная кряква вывела и вырастила выводок утят. И те, и другие утята выросли на вольном выпасе и периодически их приходилось разыскивать на ближайшем озере или реке и приводить к дому. И молодые, и взрослая утка были достаточно послушны, хотя нередко и не сразу слушались человека.

В конце лета и осенью я ездил на лодке с «дорожкой». Это блесна на длинном шнуре, который тянется за лодкой. Едешь один, взяв конец шнура в рот, и гребешь, сидя на корме, одним веслом. Когда рыба клюнет, хорошо чувствуешь ее рывок и вытаскиваешь добычу. Так проплывал по 1,5–2 км вниз по р. Удине до ее низовьев. Постоянно ловились щучки, реже окуни. Ловил немного, но обед обеспечивал, для заготовки впрок улова не хватало. В середине октября начались снегопады, а в середине ноября температура стала опускаться за -20°C . Осенью и зимой ставил капкан за зайцев, пытался ловить в различные ловушки белок, рябчиков и других птиц, но успеха не имел.

Занимался обеспечением дома дровами: их надо было нарубить в лесу, привести, распилить и расколоть. Обычно ходили рубить с ребятами вдвоем — втроем, дрова нужны были всем. Да и лошадь для до-

ставки дров так было проще получить. Только распиловка и колка дров проводились каждым у своего дома. Ходил в д. Яковищи за хлебом. Подшивал домашним валенки. Вобщем, делал все, что мог, считая себя достаточно взрослым. Участвовал в вечерних «посиделках» михеевской молодежи. А она собиралась вечерами у кого-нибудь в избе, чтобы веселее было заниматься необходимым рукоделием.

Зима 1942 г. была холодной, морозы стояли нередко за -30°C . В декабре 1941 г. взяли на военную службу Колю Муравина — Бредьку, моего товарища. После непродолжительного обучения его направили в партизаны и через 2 месяца он погиб.

В колхозе зимой мне делать было нечего. Я сидел дома, вечером часто у печки, наблюдая за тем, как горят дрова. Описывал способы ловли рыбы, которые применяли в Мошенском районе — ужение, переметы, наживки (жерлицы), дорожка (блесна на длинном шнуре за лодкой), вятерь, мережа, сеть, лучение, сак, бредень, невод. А также сделал краткое описание р. Удины, о. Карабожа, Ямное, Федосово, Тошник, Чуховские, Горские, Карасиное (Полуночное) и Полуденное (два последних у д. Михеева).

Используя подвернувшуюся около 30 марта 1942 г. возможность полететь в оккупированный Ленинград, отец благополучно пролетел туда, а обратно выехал по «дороге жизни» по Ладожскому озеру. Вернулся он в Михеево 6 апреля и несколько дней приходил в себя.

После поездки отца в Ленинград удалось эвакуироваться в г. Молотов (Пермь), где находился Ленинградский Литфонд. Перед отъездом отцу вернули ружья, его любимую двустволку двадцатого калибра «Шольберг». Из д. Михеево и Морозово вместе с Соколовыми-Микитовыми и приехавшим из Ленинграда писателем А. Г. Барминым выехали на ст. Хвойную 21 мая 1942 г. Там погрузились в выделенную писателям теплушку — товарный вагон с нарами по обе стороны и печуркой в середине: с одной стороны на нарах Соколовы-Микитовы, с другой — Бианки и Бармин. Вечером 22 мая нашу теплушку прицепили к поезду и мы тронулись в путь. На станциях, где стояли достаточно время, ходили за водой, кипятком и продуктами. В Ярославле удалось увидеться в госпитале с Юрой Бурчиком, бывшим юннатом. Он был очень угнетен тем, что видел на фронте.

Виталий Валентинович и Иван Сергеевич отстали в Ярославле от нашего поезда и догнали нас через двое суток на ст. Шарья в санитарном поезде на «собственной популярности». Конечно, все

здорово перенервничали. В Котельниче опять простояли весь день. Цены там за пуд были: картофеля — 300–400 р., лука — 700 р., хлеба — 1 000 р., десяток яиц — 100 р. и литр молока — 20 р. 3 июня выехали из Котельнича. В Молотов (Пермь) приехали ночью 7 июня, и нас поместили в общежитие дома 7-а на ул. Островского. Соколовы-Микитовы остались в Молотове, а отец хотел устроиться поближе к земле. 8 июля переехали на юг Молотовской области в районный г. Осу, маленький приятный городишко ниже по р. Каме.

Однако г. Оса — это только городское зимнее место жительства, а на конец лета — осень мы устроились в д. Первое Мая в 11 км от города. Там можно было охотиться, благо ружья теперь были. Этим я и занимался почти каждый день, один или с отцом. Удавалось успешно подкарауливать утром голубей — клинтухов и вяхирей — вылетающих кормиться на поля, а вечером — уток, крякв и чирков-свистунков, прилетающих на озерко, недалеко от деревни. Изредка ходил в лес, где добыть дичину было труднее, хотя не пропускал и зайцев-беляков, и белок. Все были съедобны и желательны. Всех добытых птиц и зверей взвешивал, что показывало не только их непосредственную массу, но и различие веса разных видов и его изменение во времени. Многие молодые птицы еще продолжали в августе расти, увеличивать массу тела и все, независимо от возраста, накапливали жировые запасы перед приближающейся осенней миграцией к местам зимовки. Взрослые утки, кроме того, восстанавливали свою массу после окончания одновременной смены маховых перьев крыла, которая происходит у них после окончания периода размножения. Одновременный рост у них таких крупных перьев требует много энергии и вещества, которые не удается полностью получать с кормом.

В г. Осу учиться в школе я ушел только в начале октября, но еще в ноябре выбирался на охоту из города. Однако охотничьи выходы стали результативнее только в конце апреля, когда легко было добывать рябчиков. Удивленно отметил на добытых птицах, что во второй половине апреля — в мае самцы рябчиков теряли в весе, худели в период наступившего брачного периода. А во второй половине мая трижды взвесив яйца скворца в гнезде у дома, обнаружил, что их вес уменьшается во время насиживания. Да! Ничто не вечно под луной! Вес птиц, оказывается, закономерно изменяется в течение года!

Годы учения

В 1943 г. с окончанием в г. Осе восьмого класса средней школы кончилась моя вольготная жизнь с родителями. Пришел вызов в г. Куйбышев (Самару) в московскую военно-морскую спецшколу. Пришлось бросить учеты начавших гнездиться птиц в разных типах леса и прощаться с родителями. Добрался в Куйбышев на пароходе по Каме и Волге. Я был зачислен в четвертый взвод второй роты. На сельскохозяйственных работах в окрестностях г. Куйбышева заболел малярией, которая потом периодически сказывалась несколько лет. Осенью нас — курсантов посылали помогать деревне в уборочной. Подружился с москвичем Юрой Чекаловым. После спецшколы мы с ним не встречались, хотя жил он — моряк, офицер — в Ленинграде. Только после его смерти встречался с его супругой.

Весной 1944 г. переехали со спецшколой в Москву. Во время приезда отца в Москву познакомился с Михаилом, братом, сыном отца от первой его жены Зинаиды Захаревич. Он был офицер, капитан, юрист. В июне спецшколу закрыли. Военкомат направил меня в Ленинградское военно-инженерное училище, которое находилось в г. Костроме. Ехал туда с интеллигентным парнем Андреем Оболенским, бывшим до призыва студентом МАИ. Нас обоих зачислили курсантами в первый взвод второй роты первого понтонного батальона (командир батальона подполковник И. Е. Нагорный, заместитель по строевой части старший лейтенант Сидоров, командир взвода старший лейтенант Ярославцев). Весь батальон был из моих сверстников, неожиданно попавших в училище. В одном взводе со мной оказался знакомый по спецшколе Зорикто Баторун, сын монгольского маршала и казачки. Подружился и с сибиряками Евгением Сафрыгиным и Владимиром Кашниковым. До начала занятий нас отправили — кого раньше, кого позже — в район ст. Буй, на зачистку лесозаготовок, проводившихся там силами училища. Занимались вывозкой на берег заготовленного леса и потом сплавом его по р. Костромке.

Занятия в училище начались в августе. Сначала шестимесячный курс учения продлили до восьми месяцев, потом еще. Нас учили работать на металлическом парке «Н2П» (новый понтонный парк), строить из готовых элементов мосты и паромы под нагрузку от 16 до 60 т, а также деревянные мосты. В конце зимы выезжали километrov за пятнадцать — двадцать практиковаться и достраивать деревянный мост через небольшую реку.

В мае 1945 г. инженерное училище вернулось в Ленинград, в Инженерный замок. Окна замка были застеклены мозаикой из стеклышек 9х12 см, фотографических пластинок. Мы сдали в мае выпускные экзамены, получили офицерскую форму и готовились разъезжаться по местам службы. Неожиданно пришел приказ об отправке нас до присвоения звания на стажировку в летний лагерь на Карельский перешеек. Лагерь был недалеко от ст. Саккола на р. Вуоксе. В середине июня я заболел там левосторонним плевритом и около месяца находился в стационаре санчасти. В июле наша рота участвовала в учениях близ ст. Луга, потом еще на Карельском перешейке.

В сентябре нас отправили в месячный отпуск, который я провел у родителей близ ст. Заветы Ильича, в Подмосковье. Вернувшись в училище, мы узнали, что нам добавили по одному, два, три года учения в зависимости от послужного списка и оконченных классов средней школы. Мне выпало учиться еще 2 года. Командиром взвода у меня был младший лейтенант Ю. Корольков. Командиром другого взвода нашей роты, в котором был Женя Сафрыгин, был младший лейтенант Н. Ермошкин. Оба взводных были умные, приятные люди. Нам здорово повезло. Помощником командира взвода был старший сержант Крутихин. Достаточно строгий, но справедливый.

Перед отпуском в августе было сказано, чтобы мы – курсанты написали рапорта на имя командира училища о продолжении учения, но я не написал. Меня и не принуждали к этому. Потом я узнал, что от моего имени требуемый рапорт написал наш ротный писарь. Однако почерк и подпись в «моем» заявлении настолько не были похожи на мои, что сомнений в подделке, когда это потребовалось, не возникло. Мне это заявление показывал командир училища, когда я был у него при переходе из курсантов в рядовые весной 1947 г. Он вызвал меня, когда из канцелярии А. А. Жданова в училище пришло «разрешение» уволить меня из курсантов.

В 1946 г. я продолжал учиться в Ленинградском инженерном училище. Все курсанты получили медали «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Учился, продолжал ходить в увольнения и в самоволки. Выходить из Инженерного замка и возвращаться было легко через поврежденную во время войны часть здания со стороны Фонтанки.

Приближался мой выпуск из училища командиром взвода. Это беспокоило не только меня, но и отца. В результате, согласовав со

мной, отец обратился к Первому секретарю Горкома ВКП(б) Ленинграда А. А. Жданову с просьбой разрешить мне перейти из курсантов в солдаты. Разрешили. Меня перевели солдатом в комендантский взвод и назначили экспедитором при Строевом отделе. Командиром комендантского взвода был тогда старший лейтенант Б. П. Савич, знакомый мне через сестру. К сожалению, Борис Савич, с которым мы дружили потом многие годы до его кончины, вскоре демобилизовался и передал взвод лейтенанту Подлесному. Отношения с новым командиром были более сложными, но он не изменил разрешения постоянно мне находиться вне училища, ночевать дома. Мое дело было доставка и отправление всей простой и секретной почты, место работы — строевой отдел.

Осенью 1948 г. я поступил в заочную среднюю школу, которая находилась напротив Мариинского оперного театра. Однако, страшно устав от недосыпов и зная, что демобилизация зимой не предвидится, я в декабре бросил учиться.

В декабре 1949 г. стало известно, что в 1950 г. будет демобилизация рядовых моего возраста. В связи с этим поступил в январе в десятый класс вечерней школы, на углу Среднего проспекта и 4-й линии В. О. Все произошло, как планировал: в середине марта демобилизовался, и в июне получил аттестат зрелости. Дорога дальше была открыта.

На майские праздники ездил с братом Валея в Михеево. Повидался там со сверстниками — девушками, Настей, Нюшей Кругловой и демобилизованным Тимофеем Кругловым, Василием Малањиным (Григорьевым), и другими михеевскими знакомыми.

В июле и августе ездил на о. Боровно, где летом жили родители. В начале августа сдал вступительные экзамены на Биолого-почвенный факультет Ленинградского университета. Учиться не умел, было нелегко. Экзамены по общим предметам часто сдавал по подсказкам. Преподавательско-профессорский состав университета после лысенковской сессии ВАСХНИЛ 1948 г. был слабый. Последствия этой разгромной сессии продолжали сказываться на судьбах биологов, медиков и др. Кто-то еще «каялся в заблуждениях», кого-то из заслуженных профессоров уже не было в Ленинграде. От университетской кафедры генетики мало что осталось. Заведующим кафедры Зоологии позвоночных был по совместительству сотрудник Зоологического института АН доктор биологических наук Борис Степанович Виноградов, хороший человек и специалист, но

не работник университета. Спецкурсы читали доценты А. С. Мальчевский, О. В. Петров и др. Весной 1951 г. знакомая по юннатскому кружку, аспирантка профессора В. А. Догеля, Валентина Геннадиевна Кулачкова пригласила меня поехать с ней в Кандалакшский заповедник на Белое море, чтобы добывать для нее птиц. Она была паразитологом и занималась паразитами гаги, у которой происходила массовая гибель птенцов. Для того, чтобы в июне поехать в заповедник, надо было освободиться от учебных практик, что мне помог сделать В. А. Догель. В начале июня я прошел сельскохозяйственную практику со студентами II курса. Получил задание по ботанике и поехал на Белом море.

Двадцать первого июня приехал в Кандалакшу и явился к директору заповедника В. К. Бахареву. 22 июня старший наблюдатель Т. А. Жидких отвез меня на о. Лодейный, где жили В. Г. Кулачкова, орнитолог З. М. Баранова и их лаборантки Зоя Васильевна Сабурова с детьми — Федей, Вовой и Валею и Валя Герасимова (Вошикова). Жили дружно, питались все вместе. Возможности сотрудников работать на островах архипелага были ограниченные из-за отсутствия моторного транспорта. Охрана заповедника в то время была оснащена деревянными лодками с подвесными трехсильными моторами. Научные сотрудники перемещались на весельных лодках. Хозяйственные и др. общие работы обеспечивал катер «Дозорный».

Свободного времени у меня было много и можно было знакомиться с орнитофауной островов. Используя круглосуточный день, часто не спал до начала пробуждения птиц. Выходил на соседнюю скалу и регистрировал их первые песни, крики, появление и только после этого ложился спать. Таежные птицы были мне знакомы, так что вести наблюдения было просто. Никаких планов, кроме сбора фаунистического материала у меня не было.

Ездили на соседние острова на весельной лодке, ловили треску, следили за гнездованием птиц на ближайших лудах. Кроме того, ездил на о. Ряшков. В один из первых дней наткнулся в лесу на лисий выводок, из которого поймал двух лисят. Некоторое время они прожили на привязи на Лодейном, а потом перекочевали, если не ошибаюсь, в дом пионеров г. Кандалакши. При учете гнезд гаги на лесных островах и сборки пуха побывал на всех островах Северного архипелага. В этом мероприятии участвовали не только все работники научной части и охраны, но и часть конторских работников. Кроме

того, набирали еще ребят-старшеклассников с Нижней Кандалакши.

Пятого августа по плану З. М. Барановой выехали на шлюпке с подвесным трехсильным мотором в Порью губу. Кроме Зинаиды Михайловны ехали В. Г. Кулачкова и Э. В. Елисеева (юннатка из Москвы). За моториста был я. Хотя до этого с моторами дела не приходилось иметь, но помогали знания по автоделу, приобретенные в Инженерном училище. Мотор работал хорошо, съездили благополучно.

С Лодейного выехали к вечеру. Заехали на о. Медвежий, где жила Ефросиния Максимовна Вошикова с детьми: Раей и Борей. Потом через Кибринские луды направились к Кибринскому берегу Кольского полуострова. Там заночевали в палатке на самом берегу. Утром обнаружили близ палатки медвежьи следы. День были в пути. Мотор работал исправно, погода была спокойная. Только во второй половине дня решили пристать в пологой бухточке для отдыха и еды. Однако не успел я заглушить мотор, как первая же небольшая волна накрыла нас с кормы. Разгрузились благополучно, но вещи подмокли и лодку пришлось удерживать, пока шел прилив, чтобы ее не выбросило на берег и не разбило. Пока вода прибывала, нам пришлось продолжительное время провести по пояс в воде. Наконец начался отлив и лодка оказалась в безопасности. Поужинали, «согрелись». На следующий день доехали до Порьей губы, обследовали ее заливы и берега. Обратный путь прошел без приключений. На о. Лодейный вернулись в первом часу дня 12 августа. Из Лапландского заповедника приезжала М. И. Владимирская, жена О. И. Семенова-Тян-Шанского. Пятнадцатого августа выехали на той же шлюпке на о. Великий в том же составе, плюс художник-анималист В. В. Трофимов из Москвы. Заехали в магазин в пос. Княжой и отправились дальше вдоль Карельского берега. Ночевали, не доехав до о. Торосихи. С 17 на 18 августа ночевали на Беломорской биостанции у Н. А. Перцова. На следующий день Николай Андреевич дотащил на буксире нашу шлюпку до о. Большой Величаихи. Женщины ехали с Перцовым, а в шлюпке, кроме меня, были В. В. Трофимов и лесник заповедника с Городецкого порога И. Н. Николаев.

Когда выехали за Большую Величаиху, нас встретила встречная волна. Буксир лопнул, и мы в лодке остались среди волн. Мои помощники сели на весла, а я повесил на корму мотор, завел его, и мы благополучно добрались до берега о. Малой Величаихи, где

уже находились наши женщины. Это было для меня первое достаточно серьезное испытание. В Ленинград вернулся в последних числах августа. С октября начал работать экскурсоводом в Зоологическом музее АН СССР. Это была «станция переживания» для временно оказавшихся в затруднительном материальном положении аспирантов и других закончивших вуз молодых людей. Там подружился с Николаем Голенищевым. В это время экскурсоводами работали В. Н. Никольская (старшим), А. Соколов, З. В. Красюкова и др. Осенью по предложению физорга факультета Редькина меня выбрали председателем факультетского спортбюро. Всю зиму пришлось заниматься организацией участия спортсменов факультета в университетской спартакиаде.

В 1953 г. продолжал работать экскурсоводом в Зоологическом музее. Летнюю полевую практику провел в Кандалакшском заповеднике на о. Ряшкове. Был оформлен лаборантом и выполнял часть плановой полевой работы орнитолога З. М. Барановой. Основным местом работы была Девичья луда, куда ежедневно ездил за 2 км на весельной лодке. Там вел наблюдения за гнездованием ржанкообразных, прежде всего за полярными крачками. Благо, их гнездились на Девичьей гуде 250–300 пар. Занимался кольцеванием птенцов куликов-сорок, чаек, крачек. Таежным птицам уделял мало внимания. Двадцать восьмого июня выехал с В. Г. Кулачковой на о. Великий, Прошлись по окрестностям Белой губы, на Кумяжьи озера и в губу Лобаниху. Второго июля вернулись на Ряшков. 15–16 июля нас с Игорем Райковым и Диной Бекжановой отвезли на Кибринский берег. Там мы поднялись на сопки, где и переночевали на краю горной тундры. 8–16 августа сопровождал на семь островов на Восточном Мурмане В. Г. Кулачкову. До базы на о. Харлове добрались 10 августа. Побывали на всех островах. Ползая по птичьему базару на о. Кувшине, фотографировал кайр и других птиц. Высокие отвесные скалистые щели о. Харлова, куда била волна, напугали. С тех пор многие годы плохо переносил высоту.

В Ленинград я вернулся 28 августа. В газете «Смена» № 183 (8383) от 5 августа 1953 г. была опубликована заметка «Исследовательская работа студента» о моей персоне. В газете «Вечерний Ленинград» № 244 (2406) от 15 октября 1953 г. была напечатана статья «Научные исследования студентов университета» с упоминанием о моей работе в Кандалакшском заповеднике. В 1954 г. преддипломная практика

в Кандалакшском заповеднике началась 21 мая. Имея материал по гнездованию ржанкообразных птиц за 2 года (1951 и 1953), было естественно продолжить собирать здесь же материал и для дипломной работы. Привез из Ленинграда трехсильный подвесной мотор и все лето ездил на нем. Жили на о. Ряшкове с Игорем Райковым и Диной Бекжановой. Работал главным образом на Девичьей луде. Ловил лучками на гнездах полярных крачек. Поймал птицу, окольцованную птенцом в 1940 г. М. С. Протопоповым. Собирал материал по гнездованию куликов, чаек и чистиков. В предыдущие годы были написаны курсовые работы по орнитофауне вершины Кандалакшского залива и по гнездованию здесь обыкновенной гаги. При кольцевании птенцов крачек, чаек и куликов записывал степень развития у них оперения, — плечевых и маховых перьев, что позволило потом примерно определить их возраст и рассчитать по пятидневкам сроки гнездования крачек в этом году.

Ю. А. Исаков привез из Дарвинского заповедника с Рыбинского водохранилища гоголиные яйца, которые 6 июня подложили в 4 гнезда гаги. Взятые из гнезд гагачьи яйца он взял с собой, чтобы подложить в гнезда гоголей. Положительного результата опыт не дал, гнезда были брошены гагами. Юрий Андреевич посоветовал развесить на островах искусственные гнездовья для гоголей. Ближайшей же зимой было сделано и повешено на берегах о. Лодейного 30 гнездовий. В июле ко мне приезжала Лала, моя будущая жена. Вернулся в Ленинград в конце июля. В октябре перестал работать экскурсоводом в Зоологическом музее АН СССР.

В начале учебного года треугольник нашей группы зоологов (староста В. Бианки, комсорг Е. К. Тимофеева, профорг О. М. Татарина) написал заявление зав. кафедрой П. В. Терентьеву, чтобы нам заменили лектора А. М. Андрушко. По-видимому, это заявление сыграло свою роль при распределении нас на работу по окончании университета. Меня направили в Кандалакшский заповедник, а девчат — в противочумную систему.

В КАНДАЛАКШСКОМ ЗАПОВЕДНИКЕ

В Кандалакшу я впервые приехал 22 июня 1951 г., будучи студентом I курса биофака Ленинградского университета как лаборант-охотник аспирантки-паразитолога В. Г. Кулачковой. На о. Лодейный, где тогда жили орнитологи заповедника З. М. Баранова, В. Г. Кулачкова и их помощники, отвез меня старший наблюдатель Т. А. Жидких. Лодки с первыми трехсильными подвесными моторами были только у охраны заповедника — наблюдателей. Жизнь еще восстанавливалась после войны, Север осваивали, даже автобусов в Кандалакше не было.

З. М. Баранова четвертый год самозабвенно исследовала особенности гнездования в Белом море обыкновенной гаги, «заповедообразующего вида». Помогали ей наблюдатели. На изучение остальных массовых видов сообщества птиц Белого моря возможностей почти не хватало. Отмечали только их весенний прилет и осенний отлет, размещение летом по островам, сроки гнездования и немного кольцевали птенцов.

Многочисленные морские птицы Белого моря — кулик-сорока, сизая и серебристая чайки, полярная крачка и атлантический чистик невольно привлекали внимание, не говоря уж о том, что они не могли быть безразличны для других видов птичьего сообщества и для человека. Так студентом я и занялся вначале знакомством, а потом изучением преимущественно этих птиц отряда Ржанкообразных. В 1953 и 1954 гг. собрал материал для дипломной работы, а в 1967 г. экология их в Белом море была опубликована в Трудах заповедника (вып. VI) и стала темой моей кандидатской диссертации. Закончив в 1955 г. курс университета, получил направление на работу в Кандалакшский заповедник. В начале июля 1955 г. приехал в Кандалакшу и занял место уволившейся по состоянию здоровья З. М. Барановой. Она успешно закончила тему по экологии обыкновенной гаги Белого моря и написала содержательный отчет (Герасимова, Баранова, 1960).

Острова Кандалакшского заповедника расположены группами вокруг Кольского полуострова от границы с Норвегией в Баренцевом

море до г. Кандалакши в Белом море. Мне выпало работать на Северном архипелаге (часть Кандалакшских шхер в вершине одноименного залива), где работала Баранова. Полевая база, где стационарно живут научные сотрудники заповедника и приезжие, находится на о. Ряшкове. Это второй по величине о. Кандалакшских шхер, где относительно обильны таежные виды и мало гнездится гаг и др. морских птиц. Меня часто спрашивают, просят рассказать, как возник тот «Ряшков», который у многих школьников и студентов надолго остался в памяти. Я не организовывал его. Посещение студентами и юннатами заповедника началось задолго до моего появления на Ряшкове. Для учета гнезд гаги и сбора гагачьего пуха на островах Северного архипелага заповедник приглашал школьников Кандалакши еще в 30-х гг. В 1951 г. на о. Лодейный приезжала Зоя Елисеева, московской юннатка. В своих экспедициях по Кольскому полуострову использовала помощь студентов (А. А. Кищинского и др.). Это была значительная помощь научным сотрудникам и польза юннатам и студентам.

Когда же я начал работать в заповеднике, мне понадобились помощники. Лаборанта у меня не было. Пришлось просить у знакомых преподавателей Ленинградских педагогических институтов прислать ко мне на практику студентов. Прислали. Весть о возможности приехать на Белое море, на заповедный о. Ряшков, видимо, распространилась. Значительно позже заместитель директора по научной работе В. Н. Карпович стал в декабре — январе рассылать по профильным (университетам и педагогическим институтам с зоологическими кафедрами) вузам предложение приехать к нам на острова для сбора материала по темам заповедника, список которых прикладывался. Темы для студентов определяли научные сотрудники. Кроме того, я продолжал использовать договоренности со знакомыми преподавателями — В. В. Макаровым (Курский пед. институт), И. В. Покровской (Ленинградский пед. институт им. Герцена), А. В. Молодовским и Н. А. Хохловой (Горьковский университет) и др. После того, как Лев Осипович Белопольский стал заведующим кафедрой зоологии Калининградского университета, он постоянно присылал своих студентов на о. Мурман и в Кандалакшский залив. Его интересовал сбор материала студентами по гнездованию одних и тех же видов на трех морях — Баренцевом, Белом и Балтийском. Студентов Псковского педагогического института присылал М. М. Мешков, а потом его преемница.

Со многими студентами у меня складывались товарищеские отношения, да и разница в возрасте в начале была не очень большой, около 10 лет. Мы были доброжелательны друг к другу и делали общее дело. Я был руководителем, учителем, извозчиком. Ведь жили мы все, как правило, на Ряшкове, а ежедневно работали на других островах, куда помощников приходилось возить на моторной лодке. Утром развозил по местам работы, вечером привозил обратно на о. Ряшков. У самого оставалось мало времени для того, чтобы что-то делать своими руками. У некоторых работников заповедника в 50-х гг. подрастали дети, родившиеся до и после войны. Случалось, что они жили летом с родителями на островах заповедника. Такие девчата и мальчишки, как правило, были хорошими помощниками. Они хорошо знали и любили природу островов и были привычны к условиям жизни и работы на островах. Для прочесывания островов в несколько десятков гектаров при учете гагачьих гнезд и сбора гагачьего пуха заповедник издавна набирал группу школьников, живших преимущественно на Нижней Кандалакше. Это была компания около пятнадцати человек. Когда в сборе пуха стали участвовать организованные юннатские группы, стало ясно, что с ними работать намного легче. Юннатским группам тоже было полезно участвовать в этом мероприятии заповедника. С 1953 г. П. Н. Митрофанов, потом Е. А. Нинбург, его преемники А. В. Полоскин и В. М. Хайтов, и др. руководители юннатов считали полезным для своих ребят участие в сборе пуха.

Работая с молодежью, надо было заинтересовывать своих помощников теми делами, которые они выполняли, чтобы им интересно было работать. Это касалось всех — и студентов, и юннатов, и просто детей сотрудников. Такое общение превратилось в ежедневные «планерки». На них молодежь рассказывала, что им удалось сделать за вчерашний день, отчитывалась в сделанном, и мы планировали дела на текущий день. После этого все готовились к работе, и я по очереди развозил группы по несколько человек на разные острова. После возвращения вечером на Ряшков я редко спрашивал, как прошел день, считая, что людям надо поесть, отдохнуть и как-то привести в порядок сделанное. Поскольку мы все жили на острове заповедника, приходилось постоянно поддерживать строгую дисциплину. Однако если «отбой» всегда был в одиннадцать часов, это не значило, что контролировалось дальнейшее

поведение. Студенты могли спать или не спать, находиться в доме, или уйти на берег. Важно было не шуметь, чтобы не мешать отдыхающим людям и животным. Студенты активно пользовались этой свободой. Юннаты, приехавшие без руководителя, брали пример со студентов. Организованными группами школьников — юннатов и туристов — руководили, естественно, их руководители. Спрос шел одинаковый с каждого человека независимо от возраста. Причем спрос был одинаковый со всех, независимо от возраста. На острове все были взрослыми, все участвовали в общем интересном деле, нужном заповеднику. Обеспечение быта шло постепенно, годами. Организовывали сбор бревен плавника на дрова на берегах островов, доставку воды из ручья, расположенного в полукилометре от места жительства. Начинали с того, что школьники готовили пищу на костре. Потом построили своими силами кухню-столовую, с дровяной печью. Доставку воды в ведрах сменили бидоны, в которых воду привозили в прилив на лодке. Потом удалось сделать дощатые мостки вдоль берега, и воду стали возить на тележке. Организация ежедневного быта была наша, а выполнение — по мере возможности дежурных. Керосиновые лампы и свечи заменило электричество, которое давала дизель-электростанция. Весельные лодки, используемые гидробиологическими группами, сменили моторными. Естественно, что все это делалось общими усилиями. Старались сотрудники заповедника, старались руководители юннатских групп. Взрослели школьники, учились жить без родителей и отвечать за свои поступки, хорошо выполнять порученную им часть общей работы. Вся деловая и строго регламентированная жизнь протекала на островах настоящего моря с приливами и отливами, соленой водой, проплывающими небольшими китами — белухами, любопытными тюленями и постоянно меняющимся освещением и восприятием окружающих пейзажей. И такая необычная особенность Севера — круглосуточный день в мае, июне и июле, который только в середине августа сменяется серыми ночами, привлекала всех работающих в заповеднике. Они видели, что Белое море — это не суровая ледяная пустыня, а северо-таежный лес в сочетании с незабываемыми северными красотами, широкими ландшафтами, сочетающими приливную морскую акваторию, многочисленные острова и возвышенные берега материка. Юннаты и студенты ценили доброжелательство взрослых, которые не вмешивались в исполнение порученного им дела, но готовых помочь при необходимости.

В самом начале работы в заповеднике мне выдали деревянную лодку со стационарным трехсильным мотором. В середине 60-х гг. ее заменили на дюралевую плоскодонку с десятисильным подвесным мотором. Возможности работы увеличились. Со временем промышленность усовершенствовала эти лодки, они стали значительно надежнее и мощность моторов на них возросла до 30 л. с. Однако, кроме лодки, единственной «техникой» долгое время оставался шести- и двенадцатикратный бинокль.

В заповеднике, как и везде, исследовательские возможности ограничены. Просто надо использовать все доступные и изменяющиеся возможности. Большой плюс заповедника — возможность собирать многолетний материал.

Постоянная научная тема заповедников, которой занимаются все научные сотрудники и частично охрана — это «Летопись природы». В нее входит ежегодное описание погоды, фенологии, размещения, численности, особенностей размножения и питания, миграций наиболее многочисленных и важных в биологическом и хозяйственном отношении видов растений и животных. Каждый орнитолог Канда-лакшского заповедника постоянно работает на определенной группе островов. Полевая работа занимает обычно около 4–5 месяцев навигации со вскрытия моря в мае до сентября — октября. Для работы в библиотеке и общения с коллегами в заповеднике остается зима, а вне заповедника — командировки на всесоюзные орнитологические конференции и др. совещания, а также отпуск. Очень помогал Реферативный журнал, особенно если готовишь для него рефераты. Постоянно работали с местным населением — читали лекции и писали в местные газеты.

В первые годы работы в заповеднике я собирал материал для «Летописи природы» о гаге, гнездовании ржанкообразных птиц и расширил кольцевание. Еще в 1954 г. мне удалось привести из Ленинграда десять автоматических лучков, в которые хорошо ловились на гнездах насиживающие полярные крачки. Из 136 пойманных тогда птиц одна оказалась окольцованной здесь же студентом Михаилом Протопоповым, погибшим в 1941 г. на фронте. В 1955 г. я приезжал во время государственных экзаменов в университете, чтобы удостовериться, что окольцованные в 1954 г. крачки снова гнездятся здесь. Поймал несколько птиц, удостоверился, что они вернулись на прошлогоднее место. Для определения детальных

сроков гнездования записывал при кольцевании степень развития плечевых и маховых перьев у птенцов, что позволило выяснять их возраст и рассчитать ход гнездования в популяции с точностью до пятидневки. Стационаром было около 68 островов Северного архипелага заповедника на площади около 100 км² Кроме того, выезжал на доре (большой лодке для хозяйственных дел со своей командой) обследовать острова вне заповедника в Кандалакшском и Онежском заливах, летал на АН-2 зимой для описания мест зимовки и численности гаг в полыньях Белого моря. Опираясь на одно из мероприятий, порученных мне для разработки темы «Сбор материала по экологии внегнездового периода гаги», я предложил поручить наблюдателям (так тогда назывались низшие должности людей, охранявших территорию заповедника и ведущих простейшие наблюдения в своих обходах) при обходе своего участка ежемесячно проводить с лодки два раза в месяц 10 и 25 числа с мая по октябрь количественные учеты гаг на воде (отдельно самцов, самок, выводки и птенцов). Учеты привились, их стали проводить ежегодно, а я в 1959 г. на II-й Всесоюзной орнитологической конференции в Москве я доложил о их первых результатах. Доклад назывался «Сезонные наблюдения за численностью гаги в Кандалакшском заливе» (II Всесоюзн. орнитолог. конф. Тез. докл., III. — М. — С. 23–24). В летние месяцы, когда на острове были студенты, их привлекали к подсчету птиц в помощь наблюдателям. Постепенно вместе с гагами стали подсчитывать других птиц и тюленей.

К сожалению, в 1987 г., когда заповедник очень плохо финансировался и ни научные сотрудники, ни охрана заповедника почти не имели бензина для работы лодочных моторов, количество учетов пришлось сократить вдвое и проводить их только первого числа каждого месяца. Кроме Летописи природы у меня в плане были еще 3 мероприятия: «Орнитофауна луд Белого моря и ее хозяйственное значение»; «Количественный учет колониальных птиц» и «Кольцевание птиц». Всем этим занимался еще будучи студентом и продолжал это делать все годы работы в заповеднике. Меня интересовали также условия жизни массовых морских птиц, тем более что они были теснейшим образом связаны с гагой — основополагающим, основным охраняемым и изучаемым видом заповедника. Я занимался выяснением условий жизни гнездящихся ржанкообразных кулика-сороки, камнешарки, сизой и серебристой чаек, полярной

крячки и атлантического чистика. После 1958 г. численность полярных крячек в Кандалакшском заливе стала резко уменьшаться из-за гибели морской травы зостеры, что повлекло уменьшение подхода к берегам нерестившейся в ней трехиглой колюшки, важнейшей рыбки в питании крячек. К середине 60-х гг. крячки почти перестали гнездиться на Северном архипелаге. Основные особенности экологии Ржанкообразных птиц на Белом море были описаны, как уже упоминалось, и опубликованы в Трудах Кандалакшского заповедника (вып. VI) а в 1977 г. изданы на английском языке. В 1967 г. я защитил кандидатскую диссертацию на тему: «Экология куликов, чаек и чистиковых Кандалакшского залива».

Активное развитие миграционных исследований в Прибалтийских республиках, организованных и возглавляемых академиком Э. В. Кумари, подтолкнуло заповедник участвовать в этой коллективной работе. Ведь Белое море лежит в русле пролета многих северных европейских птиц, особенно Пластинчатоклювых, мигрирующих через Балтику. В 1958 г. при заповеднике была организована Северная орнитологическая станция. Ее главной задачей было изучение миграции и кольцевание птиц, выяснение размещения и численности малочисленных видов, занесенных в Красные книги, и промысловых птиц в Мурманской, Архангельской, Вологодской, Ленинградской, Новгородской, Псковской и Калининградской областях, в республиках Карелии и Коми. Возглавляла работу станции в первые три года кандидат биологических наук Н. Н. Скокова, а после ее ухода из заповедника пришлось это делать мне. Осенние наблюдения за пролетом водоплавающих птиц в 1958–1963 гг. проводили по методике академика Кумари преимущественно в Онежском заливе (Бианки и др., 1975). Мой наблюдательный пункт в 1958–1962 г. был южнее г. Беломорска на западном берегу Онежского залива у с. Вирьмы, в 1963 г. — еще южнее уд. Унежмы. В 1963 г. Северную орнитологическую станцию закрыли. Однако в начале 70-х и 80-х гг. осенние наблюдения в Онежском заливе за пролетом мы продолжили по измененной методике академика Кумари с исследованием питания гагар и уток, их размещения на Сорокском мелководье между Поморским берегом материка и островами Жужмуями.

В 1958–1963 гг. мы рассылали кольца школьникам вышеназванных областей и республик, выразившим желание кольцевать

птенцов скворцов (Бианки, 1968). Собирали анкетные сведения о распространении, численности и миграциях охотничьих и мало-численных птиц, главным образом в районе Белого моря.

К середине 60-х гг. передо мной встал вопрос: какой следующей группой птиц заниматься после ржанкообразных — воробьиными или утками. Занялся утками как птицами, имеющими непосредственно практическое значение и экологически близкими к особенностям Кандалакшского заповедника. После изученной обыкновенной гаги остальные виды ждали своего часа. Как позже выяснилось, период для изучения здесь уток был очень подходящий. В 70-х гг. они были многочисленнее и разнообразнее в островах заповедника, чем до и после этого. Возросла численность и ряда других видов птиц Белого моря. Возможно, сказывалось уменьшение радиационного загрязнения Белого и Баренцева морей.

В 1954 г. по совету Ю. А. Исакова вначале на о. Лодейном, потом на ряде других островов Кандалакшского залива повесили искусственные гнездовья для гоголей. Птицы хорошо стали их занимать. Вначале только следили за заселением гоголятников, обрабатывали кладки и ловили насиживающих самок. С 1965 г. начали ловить и кольцевать всех насиживающих самок гоголя, а с 1968 г. кольцевать всех вылупляющихся птенцов уток. Специальные кольца для этого присылали латышские коллеги. Поскольку утята покидают гнездо вскоре после вылупления, пришлось разработать способ определять день и часы их появления на свет. Использовали водный тест, который показывает изменение положения яиц в воде вследствие уменьшения их веса во время насиживания. Так при минимальном беспокойстве самок стали получать значительно больше сведений о их гнездовании. С 1985 г. наблюдения за гоголями проводились также в Вороньей губе, вдающейся в Карельский берег материка, в 1984–1994 гг. — на о. Колвицком и Князегубском водохранилище, расположенных недалеко от Северного архипелага. На водоемах материка гоголятники были повешены работниками охотхозяйства, они помогали нам и с транспортом. Работа с утками, занимающими искусственные гнездовья, позволила значительно увеличить сведения об особенностях их гнездования и других вопросах экологии. На некоторых лудах Северного архипелага были поставлены ящичные гнездовья для длинноносых крохалей, которые они охотно занимали.

Особо исследовали линьку уток. Закончив брачный период, самцы уток в большем или меньшем числе собираются в благоприятных для этого местах. Старые маховые перья крыла утки теряют все сразу и временно лишаются возможности летать. В это время самцы ведут скрытный образ жизни и должны быть недоступны для хищников. Кроме того, им необходимо полноценное питание. В Кандалакшском заливе линяют тысячи самцов обыкновенной гаги, турпана, гоголя и большого крохалея. Самки линяют близ мест гнездования. С 1964 г. на озерах заповедника проводили отлов линяющих речных уток (р. Анас). Кроме гнездящихся самок, сюда прилетают линять самцы чирка-свистунка, которых в основном и удаётся ловить. Описание и кольцевание линяющих птиц позволило детально выяснить сроки смены маховых перьев у особи и птиц популяции, их сезонное размещение и ряд вопросов, связанных с их линькой. После получения сведений о гнездовании уток, их сезонных миграций через Белое море и местах зимовки встал вопрос о том, куда летят весной, где гнездятся и откуда мигрируют осенью через Кандалакшский залив гуси, лебеди и утки. Провели авиаучеты от средней Карелии до Хайпудырской губы восточнее устья р. Печоры. Кроме того, благодаря материальной помощи Северного филиала Географического общества СССР я направлял летом наиболее подготовленных студентов для сбора сведений об утках и других птицах в необжитые места Кольского полуострова и в дельты Печоры и Северной Двины. Так получили дополнительное представление о летнем размещении лебедей и гусей в Северной Карелии, Мурманской области и в Ненецком национальном округе. Определили также места зимовки гаг в полыньях и остановки осенью других видов уток и казарок, мигрирующих через Белое море. В авиаучетах принимали участие многие научные сотрудники заповедника и некоторые студенты.

За 60 лет наблюдения в заповедных островах Кандалакшского залива было отмечено 20 видов уток, из которых 10 видов здесь постоянно гнездятся, а 10 видов селезней линяют. Также были исследованы особенности сезонного размещения, питания, гнездования, миграции, линьки и др. вопросы экологии. В соавторстве с Т. А. Ильиной описано в первом приближении потребление птицами вещества и энергии в Белом море. С 1991 по 2000 гг. участвовал в организации и работе международного заповедника «Пасвик» на границе с Норвегией.

ей. Собранные материалы, характеризующие экологию уток и др. водоплавающих птиц Белого моря, опубликованы не полностью. В 80–90-х гг. проходила коллективная обработка и публикация советскими орнитологами и орнитологами Стран народной демократии результатов многолетнего кольцевания птиц в этих странах. На мою долю выпала обработка и написание 9 видовых очерков и 3 очерков в соавторстве. Это затормозило обработку материалов о жизни уток. В 1993 г. я защитил докторскую диссертацию «Птицы Белого моря (Современное состояние, сезонное размещение и биология)». Результаты работы с утками и другими пластинчатоклювыми позволили рекомендовать наиболее рациональные сроки охоты и создать дополнительные места их охраны. Объединенные усилия ряда орнитологов показали многолетние изменения состава птиц Белого моря и их особенности. В 2003 г. я был награжден орденом «Почета», а в 2005 г. мне был вручен почетный знак за заслуги в заповедном деле. Так я стал первым среди трех поколений нашей линии Бианки — дед, отец и я — получившим ученые степени, звания, награды. Мне неудобно с этим официальным признанием моей работы. Чем больше «награда», тем менее удобно перед товарищами по работе и в заповеднике и в городе, где очень многие друг друга знают. Смягчает ситуацию то, что мой двоюродный брат Сева Бианки, который занимался в Ленинградском университете проблемами работы полушарий головного мозга, был признанным крупным ученым со всеми полагающимися регалиями. Так вся моя жизнь прошла в одном заповеднике, среди сохраняющейся природы моря и леса, где природа не эксплуатировалась жестоким человеком, где можно было свободно жить в гармонии с ней и познавать ее.

Библиография

1. *Бианки В. В.* Кулики, чайки и чистиковые Кандалакшского залива // Труды Кандалакшского гос. заповедника, вып. VI. С. 1–365, 1967.
2. *Bianki V. V.* Gulls, Shorebirds and Alcids of Kandalaksha Bay. Jerusalem. — p. 1–250, 1977.
3. *Бианки В. В., Коханов В. Д., Скокова Н. Н.* Осенний пролет водоплавающих птиц на Белом море // Труды Кандалакшского гос. заповедника, вып. IX. С. 3–76, 1975.
4. *Бианки В. В.* Результаты кольцевания скворцов на северо-западе РСФСР // Сообщения Прибалтийской комиссии по изучению миграций птиц. Тарту. № 5. С. 110–120., 1968.
5. *Бианки В. В., Ильина Т. А.* Годовое потребление энергии и вещества птицами Белого моря // Орнитология. Вып. 25. М. С. 3–14, 1991.
6. *Бианки В. В.* Птицы Белого моря. (Современное состояние, сезонное размещение и биология). Диссертация в форме научного доклада. ЗИН РАН. СПб. С. 1–50, 1993.
7. *Бианки В. В., Бойко Н. С., ШUTOва Е. В.* Введение. Питание птиц и его роль в экосистемах моря // Белое море. Биологические ресурсы и проблемы их рационального использования. Ч. II. СПб. РАН, Зоол. инст. Исслед. фауны морей. 42 (50). С. 152–179, 1995.
8. *Герасимова Т. Д., Баранова З. М.* Экология обыкновенной гаги (*Somateria mollissima* L.) в Кандалакшском заповеднике // Труды Кандалакшского заповедника, вып. III. — С. 8–90, 1960.
9. *Кудрявцева В. И.* Любовь моя — Ряжков. — М. : Практика, 2011. — С. 1–192.
10. *Миграции* птиц Восточной Европы и Северной Азии. Бианки В. В., Нэльс Х. В. Миграции кулика-сорока Белого моря, с. 89–94. Лидель К., Бианки В. В., Камнешарка, с. 143–154. — М. : Наука, 1985.
11. *Миграции* птиц Восточной Европы и Северной Азии. Морская чернеть, с. 173–181. Морянка, с. 181–186. Гоголь, с. 186–204. Обыкновенная гага, с. 205–209, 211–212. Гага-гребенушка, с. 213–215. Сибирская гага, с. 215–216. Синьга, с. 216–217. Луток, с. — 223–22. — М. : Наука, 1989.
12. *Миграции* птиц Восточной Европы и Северной Азии // В. А. Остапенко, В. В. Бианки, Т. А. Евстигнеева, Д. Н. Нанкинов, С. Связь, Г. А. Кривоносов, Д. Н. Нанкинов, М. Шилохвость. — М. : Наука, 1997. — С. 164–246.

13. *Нинбург Е. А.* С любовью, Нинбург. — Пушкин, 2008. — С. 1–248.
14. *Бианки В. В., Ильина Т. А.* Годовое потребление энергии и вещества птицами Белого моря // Орнитология. Вып. 25. М., 1991. — С. 3–14.

Е. В. Бианки

ВИТАЛИЙ, СЫН ВИТАЛИЯ

*Мы живем на проценты с капитала впечатлений,
приобретенных нами в детстве.*

В. Бианки

Как-то странно говорить мне о брате как о жителе Кандалакши. Мы-то, семья и друзья, считаем его своим, питерцем. Однако, ведь и то правда — больше 40 лет он живет и работает на Белом море, так что приходится это признать, уступить его Кандалакше. Даже мама наша, Вера Николаевна, долго не могла примириться с отъездом сына, но сдалась и стала сама ездить на лето к нему в Кандалакшу. О работе его в заповеднике я, конечно, кое-что знаю, но в науке орнитологии я не велик специалист, потому о научной его работе, думаю, расскажет кто-то другой. А я попытаюсь — о семье и доме, о предках и жизненных обстоятельствах, которые сделали его как человека, так и ученого.

Брат на несколько лет младше меня, но это не мешало нам в детстве играть вместе. В городе зимой мы крутились на трапеции, висевшей в коридоре, устроили себе на двух досках под потолком убежище, недоступное для взрослых, а в деревне — высоко на ветках большой ели. Разница в возрасте вскоре пропала, а теперь, когда нам за семьдесят, с радостью уступлю старшинство.

Жизненный путь брата Виталия прям, всегда целеустремлен. Одними чертами характера это не объяснишь, как и у всех людей — слагающих тут много. Да и сам характер — как складывался? Брат — человек спокойный, рассудительный, а казалось бы, должен быть повышенно нервным, возбудимым, если учесть, что за две недели до его рождения отец был арестован, мать в слезах обращалась к друзьям за помощью; с годовалым ребенком ездила из Ленинграда в Уральск, куда был сослан отец. Через три года жизнь семьи вернулась в свою колею. Отец с нами, мы живем все вместе по-прежнему на 3-й линии В. О. Квартира из четырех комнат. У отца — самая маленькая, это его кабинет и спальная. Большая комната — столовая-гостиная — где друзья, задерживаясь у нас в гостях, могут переноче-

вать, а приезжие иногородние иногда и живут подолгу. В детской — мы с братом и няней. Замечательная у нас была няня.

В начале века почти девочкой она пришла в семью Бианки из новгородской деревни, прожила с нами до конца жизни — более 60 лет. «Сашенька — наш друг и помощник» — говорил о ней отец. На ней держалось все домашнее хозяйство, но и нам с братом она уделяла много внимания, успевала читать детские книжки. Когда мне приходится писать об отце, о нашей семье, брат всегда настаивал, чтобы рассказу о нашей няне — Александре Ефимовне Кольцовой — было уделено значительное место. Видимо, признавая ее влияние на себя лично. К школе родители сами нас не готовили. Меня возили в центр города в детский сад при пединституте им. Герцена. А когда пришло время брата, это уникальное детское учебное заведение было закрыто. Система Монтессори, по которой там занимались с детьми, кому-то не понравилась. Но брат достоин был чести заниматься с самой заведующей этого детского сада. Пожилая уже, мудрая Юлия Ивановна Фаусек приезжала к нам домой. Она так интересно вела занятия, что мне тоже хотелось участвовать. Чтобы подравняться с братом в неумении выводить буквы, я упражняла левую руку. Кое-какие учебные пособия из того детсада попали к нам домой, позже занимался по ним наш младший братишка Валя. Бывало, отец звал нас с Виталием к себе в кабинет, садился в кресло перед письменным столом, а мы — к нему на колени. Отец читал нам «Маугли» Киплинга (до сих пор бережно храним этот том с превосходными иллюстрациями Ватагина) или «Гайавату» Лонгфелло в переводе И. Бунина:

Вы, кто любите природу,
Сумрак леса, шепот листьев...

Дальше — школьные годы. Думаю, что уже с этого времени интересы брата Виталия стали сосредотачиваться вокруг природы, ее животного мира. Это естественно и закономерно: он принял эстафету от нашего отца, а Виталий Валентинович — от своего отца. Валентин Львович Бианки был известным ученым зоологом, заведывал Орнитологическим отделением Зоологического музея в Петербурге. О доме нашего деда можно сказать строками А. Блока из poem «Возмездие»:

И дух естественных наук
(Властей ввергающий в испуг)
Здесь был религии подобен.

Этот «дух естественных наук» сделал из братьев нашего отца ученых: Льва Валентиновича — энтомологом, Анатолия Валентиновича — метеорологом, а из отца — писателя-натуралиста. Эстафету от деда-орнитолога отец передал сыну Виталию. Пожалуй, тут будет кстати эпизод, рассказанный Анатолием Валентиновичем: «...выслушанный мною когда-то спор между двумя зоологами, мнение которых было для меня одинаково авторитетно. Разговор происходил между моим отцом и Львом Семеновичем Бергом на тему, какие науки интереснее и шире: естественно-исторические ли дисциплины или физика. Отец защищал первые, Берг доказывал, что задачи физики шире и методы исследования более точные, более научные. Мнение Л. С. Берга казалось мне более веским».

В школьные годы мы с братом были юннатами. Я успела походить в КЮНЗИНАН СССР — громкое название! — кружок был при Зоологическом институте. Самое интересное там было — возможность увидеть и послушать настоящих ученых, сотрудников ЗИН. Куратором кружка был орнитолог Борис Карлович Штегман (кстати, хороший знакомый отца, бывавший у нас дома). Как говорится, по независящим от нас обстоятельствам кружок этот прекратил своё существование, младшие юннаты влились в состав другого кружка — при пединституте им. Покровского. Соединение двух кружков прошло безболезненно, так как руководитель был один — А. М. Котон. Юннаты же были не только знакомы друг с другом, но и ездили вместе в летние экспедиции в Новгородскую область. Членом этого объединенного кружка был и брат. В Новгородскую область, в Мошенский район, пригласил юннатов отец. Пригласил как бы к себе, так как семья наша жила там летние месяцы. Экспедиции юннатов приезжали в 1937–1939 гг. Отец много времени уделял ребятам. «Я учил их птицам» — записано им в дневнике. Бывшие наши юннаты и теперь, через столько лет, с удовольствием вспоминают эти походы в лес. Думаю, что не ошибусь, если скажу и за брата, что нас с ним кружок привлекал компанией сверстников, вряд ли он мог дать больше биологических знаний, чем мы получали от отца. Ведь в детские и юношеские годы мы с начала лета и до осени жили с родителями в деревне. Отец брал нас с собой на короткие выходы и в длительные походы, старался умножить наш «капитал впечатлений». Так же как когда-то Валентин Львович учил сына «узнавать птиц по виду, по голосу, по полету, разыскивать самые скрытые гнезда. Учил по тысяче

примет находить тайно от человека живущих зверей». (Из очерка В. Бианки «Отчего я пишу про лес»).

Начало войны неизбежно изменило ход жизни семьи. Но, по сравнению с другими — не намного, так как военнообязанных в семье не было (отец — по состоянию здоровья, брат — по возрасту). Мы даже остались в деревне на всю зиму и только весной 1942 г. отправились в теплушке со станции Хвойной в Молотов-Пермь. Оттуда по Каме в городок Осу. Вот тогда, летом 1943 г., брату пришлось изменить своим интересам и занятиям. Привожу строки отца из письма тех дней: «Старший сын теперь с головой ушёл в орнитологические наблюдения и нашёл уже с полсотни гнезд. Он уже готовый орнитолог — и со страстью... Третьего дня проводили его в военную морскую спецшколу... Я лишился в нём уже настоящего друга, товарища в орнитологических занятиях и охоте, первого помощника дома». В 1944 г. сначала отец уехал в Москву, а осенью двинулись и остальные члены семьи, по Каме и Волге добрались до Химок. Жили у знакомых в Москве, в Подмосковье. По окончании войны, летом 1945 г., вернулись в Ленинград. Оказалось, что и брат Виталий в Ленинграде, курсант. Но теперь — понтонёр. Очень беспокоило отца, что вскоре по окончании этого военного заведения (Ленинградское военно-инженерное училище), сын — «готовый орнитолог» получит офицерское звание и станет на всю жизнь военным, к чему у него ни дара, ни склонности нет. Тогда была сделана попытка изменить положение. Отец написал письмо А.А.Жданову, объяснил положение и просил об отчислении сына из курсантов. Через некоторое время пришло извещение о том, что просьба удовлетворена и Виталий может быть отчислен.

Жизнь брата вернулась на ту прямую, которая определялась в ранние годы. Правда, не сразу, так как демобилизация призывников его года еще не производилась. Пришлось брату быть солдатом-экспедитором там, где он был курсантом. По демобилизации — биофак Ленинградского университета. Практика на Белом море в Кандалакшском заповеднике. И с тех пор до наших дней постоянная работа как научного сотрудника, защита в Зоологическом институте кандидатской диссертации, позже — докторской. Но об ученом-биологе Виталии Витальевиче Бианки расскажет кто-то другой, я же только о нашем общем детстве и отрочестве, когда, по словам отца, накапливается капитал впечатлений, на проценты с которого мы живем.

ВСЕВОЛОД ЛЬВОВИЧ БИАНКИ (1928–1998)

Вал. Львовна Бианки

ЗАПИСКИ О СТАРШЕМ БРАТЕ

*Моему двоюродному брату Виталию Витальевичу Бианки,
без мягкой настойчивости которого
не были бы написаны эти воспоминания*

Мой старший и единственный родной брат Всеволод, Сева, родился 15 апреля 1928 г. в г. Пушкине, бывшем Царском Селе. Почему именно в Пушкине, — я не знаю. А может быть, просто не помню. Это несовершенство собственной памяти кажется мне странным, потому что я вообще хорошо запоминаю детали. Так, например, помню мамины рассказы о том, что они с отцом жили тогда в Ленинграде, на Петроградской стороне, а именно на Зверинской улице, где после женитьбы снимали комнату у одной дамы из «бывших». Кроме того, когда мама рассказывала о Севином рождении, она обычно прибавляла, что брат родился в день Пасхи, и даже упоминала, что Пасха в том году была необычно ранней. Тут-то мне было и спросить: причем же здесь г. Пушкин? В гостях ты, что ли, *там* была? Но как-то вышло, что я не спрашивала. Сейчас это обстоятельство кажется мне странным. Его можно объяснить, неверное, только типичным нелюбопытством детей ко многим обстоятельствам жизни родителей. Наши с Севой родители, Лев Валентинович Бианки и Лидия Львовна Ратновская поженились в 1925 г. Маме шел 26, отцу — 42 год. Они познакомились в Саблино, на экскурсионной станции. Мать училась тогда на историческом факультете Ленинградского университета, на станции подрабатывала в каникулы. Там и встретились.

К моменту знакомства у каждого уже была за спиной насыщенная личная жизнь; отец раньше был женат (на В. И. Громовой, в девичестве Бродской. — *В. В.*). Но как бы то ни было, семью оба собирались строить всерьез и надолго. В подтверждение этого есть несколько убедительных фактов. Первым из таких фактов может

стать имя, которым они назвали первенца. Конечно же, он должен был стать Валентином. Нашего отца звали Львом Валентиновичем, деда — Валентином Львовичем, прадеда — Львом Валентиновичем... Два имени, Лев и Валентин, таким образом для старших сыновей из поколения в поколение являлись традиционно обязательными. Но брата назвали Всеволодом. Так захотела молодая мать, и отец согласился нарушить традицию, уступив жене. Это был с его стороны несомненный знак любви и уважения. А жена обещала, что второй ребенок получит родовое имя. Вскоре появилась я — и стала Валентиной. Это, разумеется, нечего не изменило: традиция была надолго прервана.

Другим важным обстоятельством может служить тот факт, что наша мать хотела иметь от Льва Валентиновича детей. И она спешила. Разница между нами с Севой — год и три с половиной месяца. Скажу еще, что появление сына и дочери далось матери нелегко: несколько лет она упорно лечилась.

Начало жизни новой семьи было светлым. Тому есть даже письменное свидетельство. Оно дошло до меня крайне необычным путем. И здесь надо сделать маленькое отступление. Среди немногих людей, бывавших у нас дома в 30-е гг., после смерти отца, мы с Севой всегда отмечали Анну Леонидовну Троицкую. Она была этнографом, смолоду дружила с нашим отцом, не забывала его вдову и детей. С Анной Леонидовной, как ни странно, у нас долго связывалось чувство острого ожидания ее прихода — и разочарования. Однажды она пообещала подарить нам парочку морских свинок. Но напоминать, а тем более просить что-либо, было у нас не принято... Свинок мы так и не дождались.

С того времени прошло лет тридцать. Однажды мне принесли бандероль. Прислал ее некий Лев Андреевич Жаков, о котором я слышала раньше, и он тоже слышал обо мне от общих знакомых. Нить тянулась издалека, из блокады. Один из моих друзей, Е. А. Линд, известный музейщик, собиратель уникальной коллекции блокадных реликвий, в середине 70-х гг. собрал у себя в музее людей, причастных к первому исполнению Седьмой симфонии Шостаковича. В их числе были не только музыканты, — все, кто так или иначе был причастен к знаменитому блокадному концерту 9 августа 1942 г.: летчики, не пропустившие в тот день в небо города немецкие самолеты, филармонические билетерши, уборщицы...

Люди съехались тогда со всей страны. Разыскали даже девочку-подростка, которая, по воспоминаниям очевидцев, пришла на концерт из пригорода и принесла оркестрантам букет цветов, выращенных у себя в саду. Линд разыскал ее с трудом, к тому времени она жила в Ярославле — и мужем ее был тот самый Жаков. ...В бандероль была вложена фотография отца, оттиск журнала «Русское энтомологическое обозрение» за 1928 год, т. XXII, № 1–2, а также записка одной из моих московских подруг. Она писала: «Недавно я была в Ярославле (куда ты так и не добралась), и Лев Андреевич Жаков просил передать тебе фотографию и брошюру. Они принадлежали его тетке Анне Леонидовне Троицкой; в этом году она умерла (а жила в Ленинграде)»... Записка не датирована, так что я теперь, к сожалению, точно не знаю, когда скончалась старинная знакомая отца, так памятная нам с Севой. На обороте отцовского фотоснимка стояла шутливая дарственная надпись: «В „бритые“ годы моим добрым ты другом была... В бороду стал я расти — старая дружба прошла! 22.VI.35». Еще важнее для нас с Севой оказался оттиск, тоже с дарственной надписью: «Милой Аннушке на память о вечере... одним из первых вечеров на квартире, в которой начался завершительный период моей жизни, период „L“ и роста в вечность». Теперь уже не у кого спросить, что это была за квартира, где отец, судя по надписи, был вместе с «L», своей будущей женой. Однако ясно, что 1928, год выхода данного номера «Энтомологического обозрения» — год рождения Севы. Отсюда, понятно, и «рост в вечность».

На обручальных кольцах родителей была вырезана одинаковая надпись: «И это пройдет». По тому, как нам впервые прочитала эту надпись мать, сняв с пальца кольцо и сделав при чтении ударение не на последнем слогe (именно так прочитывается обыкновенно изречение царя Соломона), а на слове *это*, мы, еще сами не умевшие читать, поняли, что именно хотел сказать отец, заказавший гравировку: «даже это пройдет». Даже это, такое огромное чувство...

Таковы несомненные для меня доказательства серьезности намерений отца и матери, создавших семью.

Здесь уместно рассказать о событиях, связанных с двумя обручальными кольцами. Одно из этих событий пересказано нам, детям, матерью после смерти отца, другое произошло на наших с Севой глазах. Хочу лишь добавить, что ни мать ни я, ни, конечно, Сева не были склонны к мистике.

Факты таковы. В нашем раннем детстве, а может быть еще до нашего рождения, отец уезжал в Якутию (1925–1926 гг. — В. В.). Память об этой экспедиции сохранялась в нашей семье до самой войны: о Якутии напоминал стоящий в коридоре старый, окованный железными полосками сундук. В нем хранились меха, — малоценные, в основном негодные к употреблению, какие-то облезшие шкурки, меховые пластинки... кажется, в дело пошла лишь оленья шапка. Сева надевал ее в морозы во время Финской войны, когда ходил на стадион Ленина кататься на коньках. Однажды на Тучковом мосту ушанку сдернули с его головы хулиганы. Мороз был лютый, но к счастью брат не простудился и благополучно вернулся домой.

Мама рассказывала: «В Якутии Лев Валентинович мыл руки в ручье. Кольцо соскользнуло с пальца. Вода была прозрачная, отец видел кольцо, но достать не смог».

Мамино кольцо исчезло позже, при менее экзотических, но тоже странных обстоятельствах. Мы сидели втроем в большой комнате у камина. Мама зачем-то сняла кольцо — и выронила его на медный лист, укрепленный на полу, чтобы угольки не прожигали паркет. Камин тогда не горел, его вообще редко зажигали. На наших глазах кольцо упало и исчезло. Сколько ни искали, сколько ни ползали мы с Севой повсюду, найти не смогли. Реализм — реализмом, — думаю я, вспоминая обручальные кольца наших родителей, — но что-то есть, что-то есть в приметах...

Наша мать родилась в 1899 г., в Петербурге. Ее отец, Лев Зиновьевич Ратновский, и мать, Нина Давыдовна, были родом из Ростова-на-Дону. В семье росло трое детей. Лидия, Лика, была старшая, потом родился Юрий. За ним — Наталья, Таля, моя любимая и очень любившая меня тетка, хотя мы с ней редко виделись: она жила сначала с бабушкой, а потом с мужем, Иннокентием Ивановичем Куренчиковым, в Москве. Наш дед с материнской стороны был одним из первых профессоров Политехнического института. Мама нам, бывало, рассказывала, как он ездил туда через весь город на извозчике или на конке (квартиры обычно снимали в центральной части Петербурга); порой, в холода, брал с собой грелку, чтобы отогреть ноги. Дед был специалистом по проектированию мостов. Знаю, что один есть на Неве; подробности мне неизвестны. Лев Зиновьевич умер задолго до нашего с Севой рождения, в 1919 г., от сыпного тифа. Ему не было еще 50 лет. Спасаясь от голода, как

и многие петроградцы, семья поехала на юг, но до Ростова не добрались, доехали лишь до Геленджика, где и потеряли главу семьи. Потом семья разделилась: старшая дочь вернулась в Петроград, бабушка с младшими осела в Москве. До революции дед успел дать матери прекрасное стартовое образование. Лика (так маму продолжали называть до конца жизни все ее старые друзья и знакомые) закончила гимназию М. Н. Стоюниной, — одну из лучших женских гимназий Петербурга. Здесь были прекрасные преподаватели, приглашались даже университетские профессора. Название этой гимназии и сейчас много говорит тому, кто занимается изучением истории и практики столичных учебных заведений. Наша мать собиралась стать архитектором. Она хорошо рисовала, интересовалась изобразительным искусством. Этим планам сбыться было не суждено.

Наши первые с братом впечатления во многом были общими, — слишком невелика разница в возрасте. Это обстоятельство дает мне право рассказывать о них достаточно подробно. Потом у каждого из нас появится собственная жизнь и отдельные воспоминания, но пока... Вот одно из первых воспоминаний: мы сидим у отца на коленях и рассматриваем толстый том Брема. У книги коричневый переплет, на кожаном корешке выпуклые, такие приятные на ощупь полоски... Одну картинку я отчетливо вижу до сих пор, хотя у меня с тех пор не было в руках Брема: качаются тонкие камыши, и среди них, такая же тонкая и почти неотличимая от растений, качается чья-то длинная шея. «Это выпь», — говорит отец, осторожно придерживая пальцем легчайшую бумагу, которая чуть шевелится от того, что мы с Севой, сидя на отцовских коленях, на картинку дышим. Позже, «много лет вперед», мама вспоминала, что первое мое слово было именно «выпь». «Ты произнесла, показав пальцем на птицу, не „выпь“, а „ыпь“»...

Об отце мы с братом помним очень немного. Брат, может быть, чуть больше, чем я. Вот мы опять сидим у папы на коленях, теперь уже у огромного письменного стола. Щека, которой касается моя голова, очень колючая. Время от времени отец громко кашляет. Ящики одной из тумб выдвинуты, и там сокровища. Папа их поочередно, не спеша, вынимает, дает нам трогать и разглядывать. Вот пачки конвертов, аккуратно разрезанных. Самих писем мы не видим и ничего не знаем о том, кто их прислал. Рассматриваем только марки. «Это английская, — говорит отец, — та — немецкая, а эта вот —

из Дании»... Из Дании конвертов с марками и марок, лежащих отдельно, пачечками, особенно почему-то много. Они совсем непохожи на наши, — они неяркие, на них чьи-то серые или зеленоватые профили, иногда зверюшки или птицы. Потом папа выдвигает другой ящик. Карандаши, ножички, пинцетики, стальные перышки... Можно рассматривать часами. Отец с нами не гулял. Во всяком случае, я не помню. Той школы природы, которую прошли со своими отцами наш отец и его братья, а в следующем поколении наши двоюродные, подолгу живавшие в деревне, мы с Севой и не нюхнули. До нынешнего дня я не отличу голоса зяблика от голоса синички. Уверена, что дед-орнитолог за это смотрел бы на меня косо. Но мы были не очень виноваты. У нас ведь не было учителя — проводника, никто не водил нас ни по полю, ни по лесу, ни по болоту... Один только раз отец взял нас с собой на Елагин остров. В последние годы жизни он там работал. Его институт, ВИЗР, находился тогда в Елагинском дворце, на Масляном лугу. Но этот желтый дворец с какими-то особенными пузатенькими колоннами отец нам с Севой показал не сразу. Сперва мы прошли по деревянному мосту на остров. Наверное, была очень ранняя весна. Деревья стояли на низком берегу черные, без листьев, стволы были такие сырые, что кора топырилась пластинками. Отец подошел близко к дереву и длинным ногтем мизинца отколупнул одну из пластинок.

— Смотрите, — сказал он. Мы стояли и смотрели. Ствол, совершенно мертвый снаружи, внутри, оказывается, был живым! Там что-то копошилось. Какие-то червячки, личиночки... Это был первый отцовский урок на природе и, кажется, единственный, во всяком случае, больше ничего не запомнилось; мы с Севой потом говорили об этом. Больше отец не успел. Такая малость. Но отчего-то — от этого ли именно дня (случившегося, может быть, в период запечатления), или от Брема, или генетически, от предыдущих поколений естествоиспытателей, — что-то впечаталось в нас. Дело абсолютно неясное, но тем не менее мы, дети энтомолога и внуки орнитолога, всю жизнь остро ощущали связь с природой. По-разному, правда. Сева — более рационально, через строгую науку, через лабораторный эксперимент, я — более эмоционально, просто через невозможность существовать вне леса, луга, озера, сада...

Наш отец умер в 1936 г. Оказалось, что у него работало лишь одно легкое. Он очень много курил, он так и запомнился нам — всегда

с трубкой. Ко времени его смерти Севе было около 7 лет, мне еще не было и 6 лет. Последние годы совместной жизни наших родителей были нелегкими. Их отношения осложнились. Может быть, сыграла роль разница в возрасте, — отец был намного старше матери. Может быть — разность натур: пассивной, созерцательной у отца, привыкшего к педантичным, кабинетным занятиям, — и активной, деятельной у матери. Возможно, свою роль сыграли оба обстоятельства. Однако главным все же, я думаю, было не это. Мать всю жизнь свою любила другого и, как ни старалась забыть его, сделать это не смогла. А она старалась и, повторяю, ее намерение построить крепкую семью было искренним.

В подобных семейных делах нет ни правых, ни виноватых. Но родственники отца сочли виновной именно мать. Она не сетовала, хотя горечь, наверное, оставалась. Позже, когда мы подросли и заговорили об этом речь, мать говорила: «Не судите их. Я перед Львом Валентиновичем виновата». В чем же состояла ее вина? Легкомыслия в ней не было никогда. Конечно, она винила себя в том, что любила другого. Человека, которого она любила, звали Григорий Николаевич Неуймин. Сейчас уже давно нет в живых ни его самого, ни его жены Марии Николаевны, ни их сына Ярослава, Ярика Неуймина. Поэтому возможно затронуть эту тему и назвать имена. Григорий Николаевич и мама полюбили друг друга в юности. Позже образовался традиционный «треугольник». У мамыной подруги родился от Неуймина сын — и все прервалось. Надо ли рассказывать, как это бывает? Григорий Николаевич любил Лику, но еще больше любил сына. Мать считала, что, раз так получилось, так оно и должно быть. В 30-е гг. Неуймины жили в Крыму. Г. Н. работал там в Симеизской обсерватории. Оттуда иногда приходили к нам небольшие, зашитые в холст посылки. В них лежала курага, пересыпанная абрикосовыми косточками без скорлупы. Вероятно, Г. Н. наезжал в Ленинград, вероятно, что-то у них с мамой возобновлялось... И, кажется, отец был очень ревнив.

Последние годы отца были омрачены не только отношениями с женой. Время вообще было тяжким. Уже душили генетиков, преследовали Н. И. Вавилова, и, надо полагать, репрессии коснулись также коллег и друзей отца. Усиливался террор. Отец, разумеется, понимал, что происходит. В последнее время он работал, мама говорила, в архиве ВИЗР. По-видимому, эта укромная ниша была

Виталий и Елена Бианки, (Ленинград, начало 1930-х годов)

Няня Александра Ефимовна Кольцова с Виталием,
(Ленинград, конец 1920-х годов)

Виталий Бианки,
(Ленинград, начало 1930-х годов)

Вера Николаевна Бианки с детьми,
(Ленинград, Васильевский остров, начало 1930-х годов)

Виталий Витальевич Бианки,
(лето 1949 г.)

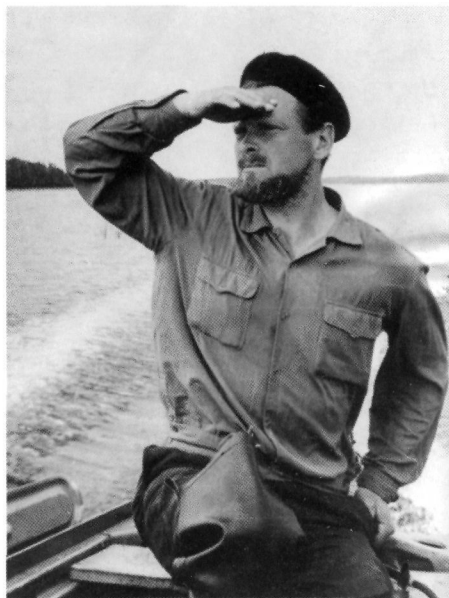
Валентин Витальевич Бианки,
(1950 г.)

Виталий Витальевич Бианки,
(Ленинград, 1955 г.)

В.В.Бианки на о. Ряшков,
(1953 г.)

В.В.Бианки в Кандалакшском заповеднике,
(1960-е годы)

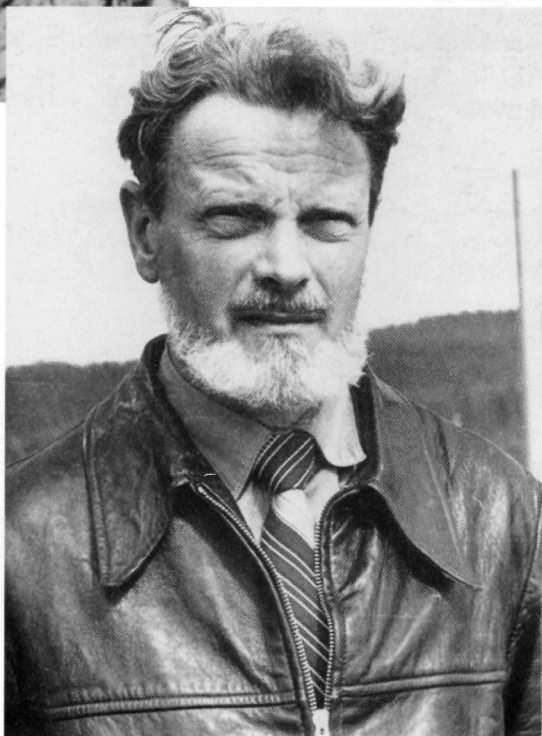

Кандалакшский заповедник, о. Ряшков,
(1960-е годы)

В.В.Бианки и Е.А.Нинбург, о. Ряшков,
(1982 г.)

Алла Владимировна Бианки,
(конец 1950-х годов)

В.В.Бианки,
(1980-е годы)

А.В.Бианки и В.В.Бианки, Кандалакша, (январь 2005 г.)

Алла Владимировна Бианки, (начало 2000-х годов)

В.В.Бианки и Е.В.Бианки, (осень 2004 г.)

В. Новгород, Бианковские чтения, 2000 г.,
(стоит – внук В.В.Бианки Александр Михайлович Бианки)

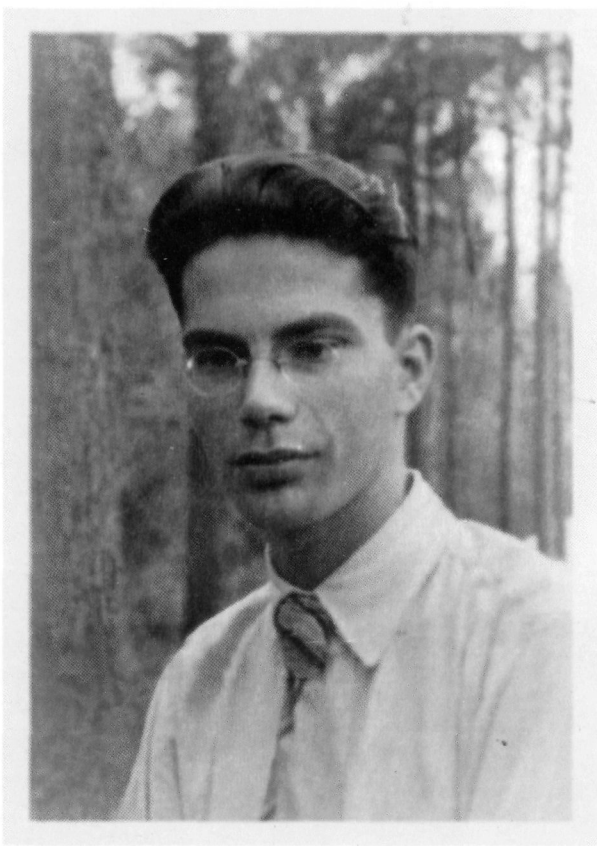

В.В.Бианки у дома в д. Михеево,
где семья Бианки жила в предвоенные и военные годы, (1999 г.)

Нерея Анатольевна Бианки,
(1948 г.)

Всеволод Львович Бианки,
(1947 г.)

Всеволод Львович Бианки
после защиты докторской диссертации, (1965 г.)

Всеволод Львович Бианки, (1979 г.)

Лидия Львовна Бианки и Валентина Львовна Бианки,
(Рощино, 1961 г.)

Жена Вс.Л.Бианки Галина Борисовна Самородова,
(1950-е годы)

Галина Борисовна Самородова,
(1990-е годы)

Сын Вс.Л.Бианки Лев, (середина 1960-х годов)

Сын Вс.Л.Бианки Лев, (начало 1980-х годов)

им выбрана не случайно. Не будучи никогда политически деятельным, он, насколько я знаю, политикой интересовался, всегда много размышлял — и, разумеется, понимал, куда идут события. Позиция его безусловно была европейской, демократической. Об этом свидетельствуют его комментарии и пометки на полях тех немногих книг, которые уцелели в войну. Словом, в любом аспекте, и личном, и социальном, небо отца перед смертью было беспросветным. Но, — думаю я, — все могло быть еще трагичнее, доживи он до 1937...

Итак, мы остались втроем. Будем ли живы? Как именно будем жить? Сможем ли учиться или, окончив семилетку, как десятки тысяч сверстников, пойдем в ПТУ? Будем хотя бы относительно здоровы или захиреем? Все это теперь целиком зависело от нашей матери.

В молодости мы плохо знаем своих родителей, редко различаем в них самостоятельную, отдельную от нас личность. Теперь я понимаю, что наша мать была женщиной темпераментной, способной на сильные чувства. Но, — понимаю я также, — она сразу же после смерти отца сделала окончательный выбор: жить только для детей. Выбор этот, судя по всему, был сделан раз и навсегда. «Романов» у матери не было. К тому же единственный человек, которого она по-настоящему любила, был для нее потерян. Разбивать семью Григория Николаевича, отнимать отца у сына, для нее, конечно, было невозможно.

Своей жизнью мы целиком обязаны матери. Говоря это, я не имею в виду самого факта нашего с Севой рождения. Я имею в виду другое. Мы с братом, безусловно, не прошли бы через несколько эвакуаций, не уцелели бы в Отечественную войну, не выжили бы в голодные послевоенные годы, если бы ни ее самоотверженность. Я уже не говорю о том, что она редко была сыта (ставя на стол тарелки для нас, она повторяла привычную фразу: «Я этого не люблю»), и десятилетиями имела лишь одно приличное платье, одну целую пару чулок. Но трудно понять, как удалось женщине, никогда не получавшей ни от кого никакой помощи, все-таки вырастить двоих детей более или менее здоровыми и даже дать обоим высшее образование, — притом самое лучшее, университетское. Выход был один: всегда работать на износ.

Характер у мамы был парадоксальный. Заботливая и терпеливая, она одновременно была вспыльчивой. Вспыльчивость гасилась большой внутренней культурой. Ни ссор, ни пререканий, ни, разумеется, брани в семье не водилось никогда. Нас с братом не то чтобы не били —

вообще ни разу не шлепнули. Об этом я, кстати, позже жалела. Может быть, при более суровом воспитании мы не были бы так ранимы.

Нотаций нам мать не читала. Но с раннего детства усвоилось: плохо говорить и даже плохо думать о людях, походя осуждать их — несправедливо, а если тебя кто-нибудь осуждает, разберись, не в тебе ли вина. Один из главных принципов морали: поступай с другим так, как ты хочешь, чтобы поступали с тобой, передавался не через сентенции, а через будничный материнский пример. Однажды мы шли с мамой по солнечной стороне Невского. Я тогда впервые увидела Казанский собор. Показала на него пальцем: «Какой некрасивый!»... Мне было тогда лет шесть. Всегда ласковая, мать рассердилась: если тебе что-то не нравится, так и скажи: «мне не нравится», или: «я этого не понимаю». Другого случая прямого нравоучения я не припомню.

Что думало мамино поколение о действительности, которая его окружала? Взрослые редко говорили об этом. Вся жизнь была устроена так, что рефлексировать было некогда. Беспросветная борьба за существование, за выживание, тяжелый быт — все это, конечно, не оставляло нашей матери, как и большинству людей этого круга и достатка, никакого промежутка реального времени, чтобы копаться в своих переживаниях. Иначе полстраны просто сошло бы с ума. Некоторые сейчас полагают, что такая модель жизни была создана специально, чтобы никакой отдушины не оставалось для работы мысли. Но, вернее всего, это вовсе и не было задумано специально, просто русская история шла в XX в. своим ходом. Режим рано показал свои когти даже нашей матери, простой учительнице. Она никогда не углублялась в эту тему, однако иногда кое-что рассказывала. Вот один из таких рассказов.

Севику едва исполнился год, я его еще кормила грудью. Перед отъездом на работу, на Выборгскую сторону, оставляла молоко, няня кормила Севу из бутылочки. С работы всегда очень торопилась, дома даже переодеться не успевала, пальто сброшу, руки помою — и кормить. Както в середине дня вызывают меня с уроков. Дают адрес. Помещение казенное, без вывески. Сотрудник говорит: «Л. Л., мы знаем, что в школе коллектив вас сильно уважает, народ с вами разговаривает откровенно. Просим сообщать об этих разговорах. В интересах государства. Согласны?» Я говорю: «Нет, я не могу». «Ну, посидите в коридоре, подумайте». Сажу в коридоре. Через час зовет. «Ну как, согласны?» Опять говорю: «Не могу». «Ну, сидите еще». А уже вечер подходит. «Не могу

я больше ждать, у меня ребенок грудной». «Мы знаем. Сидите». В конце-концов все же отпустили. Затемно приезжаю домой. На Льве Валентиновиче лица нет, Сева плачет...

Любопытен не столько сам эпизод, кстати, по тем временам довольно обыденный, сколько сам тон маминого рассказа — словно бы не о себе. Ни комментария (подумайте, мол, ужас какой!), ни характеристики собственного поведения (мол, смотрите, какая я!), — нет, просто слепок момента, безо всякой оценки. И действительно, какая еще нужна оценка, если речь идет о совершенно естественной, единственно возможной в данном случае линии поведения.

Как мы росли? Мне все еще приходится говорить «мы», ведь я пока вспоминаю о тех временах, когда мы всегда были с братом вместе и, наверно, думали, чувствовали и воспринимали окружающую нас действительность одинаково. Одно из первых впечатлений — белые полосы, медленно ползущие по высокому потолку; это въезжают, светя фарами, машины в маленький гараж, находящийся прямо напротив комнаты, где мы с Севой спим. Много позже я встретила в одной из повестей Ю. Германа упоминание о небольшом гараже, адрес которого вполне совпадал: 2-я линия, почти угол Малого проспекта. Герой повести, Жмакин, знал, что это был гараж НКВД. Возможно, так оно и было. В квартире нашей — три комнаты. В двух, смежных, жили мы, третья находилась в коридоре, ближе к кухне, обычно в ней жили домработницы. Все были деревенские, я их плохо помню, они менялись. Одна, старая, водила нас в церковь на Съездовской линии, у Тучкова моста. Другая, молодая, учила играть на гитаре. Из этого, впрочем, ничего не вышло, нам с Севой, как говорится, медведь на ухо наступил. Может показаться странным, что, несмотря на скудное житье, у нас были няньки или, вернее, домработницы. Но родители целый день проводили вне дома, а маленьких детей одних дома не оставишь. Меня пробовали отдавать в ясли, в детский сад — я сразу же заболела.

После смерти отца мама и вообще уходила из дома засветло и возвращалась затемно. Она работала в школе на две ставки, да еще вечерами прирабатывала на рабфаке. И школа, и рабфак находились на Выборгской стороне — от нас больше часа езды на трамвае. В 1939 или 1940 г. вышел сталинский указ об укреплении трудовой дисциплины, согласно которому даже за небольшое, кажется пятиминутное, опоздание на работу полагался тюремный срок.

Однажды мать, проспав, опаздывала. Она вбежала в школьную раздевалку, рванулась в вестибюль... Уже прозвенел звонок. Гардеробная нянечка закричала: «Л. Л., куда же ты, ты же без юбки!» Ей дали халат, и в нем она вела в тот день все уроки. Вскоре после этого мама вынуждена была перейти в школу на В. О., теперь на работу можно было идти пешком.

Со «своей» школой на Выборгской стороне мама расставалась нелегко. Она больше 15 лет проработала там, на Флюговом переулке. Связь с учениками оставалась у нее до конца жизни, ребята относились к маме с уважением, любовью и благодарностью. Многие из них постоянно, десятилетиями, бывали у нас дома. Правда, мальчики предвоенных выпусков все ушли на войну — и почти все там погибли. Преданы были матери и ее ученики с Васильевского. Некоторые, например, Я. Сухотин, И. Столярова, Г. Голотина до сих пор остаются моими любимыми, близкими друзьями.

Все Севино и мое дошкольное детство практически прошло во дворе. Черная лестница нашей квартиры находилась в левом углу этого двора. Теперь, после капитального ремонта дома, ее уже нет. «Черной» наша лестница была не только фигурально, потому что она некогда вела в «черному ходу» и предназначалась для прислуги; нет, она была черной и в буквальном смысле. Чугунные узкие ступеньки с черными же выпуклыми заклепками по краям вели на площадки с деревянными шкафами по фасу. В их дверях были просверлены круглые отверстия величиной примерно с грецкий орех. До революции в шкафах хранили, наверное, либо продукты, либо дрова... Больше я таких шкафов не видела нигде. На нашей двери, неказистой, как и все окружающее, висела небольшая медная дощечка. Теперь нашу фамилию в латинской транскрипции пишут через букву «к» — «Bianki». Раньше писали через «це аш». Именно так, курсивом, и было выгравировано на дощечке; «Leo Bianchi».

Почти у самого входа на лестницу громоздилась помойка — большущий чугунный ящик. Толстая крышка его медленно поднималась и опускалась на блоках, на которых можно было кататься. Сева катался часто, я реже, было страшновато. За помойкой у стены размещалась поленница, от дров всегда сыро пахло..

Сам двор был прямоугольный, буквой «П», верхняя палочка несоразмерно короткая по сравнению с длинными боковыми. В дальнем углу, напротив нас, жили татарские семьи. Сева играл

с их детьми и другими мальчишками в полутемной подворотне, выходящей на 3-ю линию. Я обычно только смотрела, как они играют. Девочек моего возраста во дворе не было, во всяком случае, я их не помню. Тогда были странные игры. Вот кучка мальчишек играет в «маялку». Правой ногой, согнутой под прямым углом в крючок, Сева подбрасывает тряпичный ком, похожий на большую перочистку. Мальчишки громко считают: чем больше сумеешь подкинуть, тем лучше. Выдохся — уступай место следующему. Ходили легенды о чемпионах, подкидывавших «маялку» до трехсот раз. Взрослые говорили, что это очень вредно. Еще играли в «штандер», иногда брали даже меня. Тот, на кого падал жребий, становился лицом к стене подворотни. В него бросали маленький крепкий мячик так, чтобы он ударился в стенку у самого твоего затылка. Остальные кричали «штандер!» и разбегались; одного нужно было запятнать. Потом все начиналось снова, лицом к стене становился «запятнанный». Сейчас, когда я вспоминаю эту игру, мне мерещится, что она имитировала расстрел. Тогда эта ассоциация не возникала, но помню щемящее чувство ожидания удара: куда попадут — в стенку? В затылок? И все холодело внутри.

Однажды мать спросила нас, чем бы мы хотели заниматься, — танцами или иностранным языком? Мы с братом одновременно, не раздумывая, закричали: «языком!» После этого мы попали в «группу». Ее вела старушка-француженка или, может быть, швейцарка. Откуда взялись деньги на это занятие, не знаю, о деньгах у нас говорить было не принято. Возможно, мама продала в музей отцовскую коллекцию бабочек? Во всяком случае, коллекция, многие годы украшавшая большую комнату, исчезла. Мы с Севой и еще несколько детишек ходили по Малому проспекту, и старушка разговаривала с нами на своем родном языке. Таким образом убивалось два зайца: гуляя, мы учились. Слушали незнакомую речь, заучивали приятно звучащие слова. Длилось это недолго, но с тех пор я полюбила французскую речь. Позднее, когда на филфаке мне предложили выбрать язык, который хочу изучать, я выбрала именно французский. Сева же выбрал английский. Ребятишки, с которыми мы гуляли, и раньше были нам знакомы. У нас было несколько дружеских семей, куда мать водила нас в гости: Семеновы-Тян-Шанские, Гаухманы, Извековы... У Семеновых и коридор, и комнаты — все заставлено книгами. У Извековых — множество картин. Но самым главным, самым теплым домом был для нас дом Лебедевых.

Они жили на 8-й линии Васильевского острова, между Средним и Малым проспектами. Там, в большой, не очень прибранной квартире, обитали Владимир Николаевич, его жена Александра Ивановна, их взрослые дети Андрей и Верочка, а также внуки Галка, Наташа, Боря.

Владимир Николаевич работал в Гидрометеорологическом институте. Кажется, он был профессор. Но самым главным человеком в семье являлась, конечно, Александра Ивановна, для нас тетя Саня. У нее было большое сердце и поэтому она не работала нигде.

Девичья фамилия тети Сани была Попова. Она родилась в Грузии и любила рассказывать, какая Грузия замечательная страна, какие там живут замечательные люди — лучше друзей, чем грузины, нет на свете... Даже сейчас, больше, чем через полвека, я так и вижу тетю Саню, слышу ее голос. Полная, вся какая-то мягкая, с простым добрым лицом, она сидит на старом диване с валиками — на «отоманке». Вокруг нее почему-то всегда много народа, словно она притягивает людей, — и больших, и маленьких. Тетя Саня своей добротой и простотой, мне кажется, напоминала Арину Родионовну. Но ею она вовсе не была. Она была очень образована и закончила знаменитые Бестужевские курсы. Тем не менее, никто не заметил бы в ней ни капли политизированности или категоричности, а увидел бы только доброту, ум, терпимость и понимание всех на свете: своего мужа, педанта и аккуратиста, своего сына, похожего на милого плейбоя, его очаровательной жены Леночки, родом из Петрозаводска; дочери, рьяной комсомолки; и внуков; и нашей матери, и нас с Севой... Нашу мать она звала Ликой, а та ее — Санечкой. Именно к Александре Ивановне мы пришли со Смоленского кладбища сразу же после похорон отца. И, конечно, дело заключалось совсем не в том, что нам было по пути. Тетя Саня рассказывала, что Лев Валентинович, наш отец, в молодости дружил с ее свекровью, матерью Владимира Николаевича. Это было еще до революции. Отца тогда занимали философские проблемы и явления духовной жизни: спиритизм, реинкарнация, учение Н. Федорова о возвращении жизни всем умершим... Он увлекался Рерихом, г-жой Блаватской... Словом, ему было о чем побеседовать с человеком понимающим; именно таким человеком и являлась свекровь Александры Ивановны. Кажется, она оставила дневники, где рассказала о дружбе с отцом, которого, по-моему, она была намного старше. Почти на

полвека старше Севы была и тетя Саня. Но жизнь порой интересно рифмует: в юношеские годы мой брат вел самостоятельную, уже отдельную от нас с мамой, дружбу с Александрой Ивановной. Правда, она вовсе не была «интеллектуальной дамой», как ее свекровь, мне кажется, не о высоких материях беседовали они с Севой — просто тетя Саня все понимала, все чувствовала, всему сочувствовала и, конечно, облегчала подростку трудные годы становления. Когда тетя Саня умерла, ей было за 70 лет. Мы похоронили ее на незадолго перед тем открытом Северном кладбище в Парголово.

На дачу мы ездили каждое лето. Это было трудно и дорого, но мать боялась за наши легкие, — ведь отец умер от туберкулеза. Нас с братом обследовали после его смерти, врачи сказали, что наследственность опасная, детей надо беречь. Обычно дачу снимали поблизости от города: в Мельничном ручье, Вырице...

Прекрасней всего был, конечно, Валдай. Поехать туда однажды мать соблазнили завсегда эти чудесных мест, школьные коллеги. Дом, где мы снимали комнату, стоял вблизи огромного озера с островом посередине, там виднелись какие-то здания, говорили: «монастырь». К озеру нужно было сбегать по мокрой с утра траве, такой высокой, что огромные лопухи и дудки скрывали нас, уже подросших, с головой.

В 1941 г. мы почему-то собрались на дачу позднее обычного. Наверное, матери не сразу дали отпуск. Двадцать второго июня утром мы сдали зимние вещи в ломбард на 8-й линии, чтобы не оставлять их на лето в пустой квартире, и чтобы деньги от залога прибавить к маминым отпускным. Осенью вещи выкупались. Выйдя из ломбарда, мы втроем свернули на Большой проспект и направились на 14-ю линию, чтобы проститься перед отъездом с Анатолием Валентиновичем, Екатериной Ивановной и Нерешкой, их дочерью. Они отношения с нами сохраняли. Дядя Толя иногда у нас бывал, и мы ходили к ним в гости. В их доме на углу Большого был в низке продуктовый магазин. Мы зашли в него, чтобы купить еды на дорогу. Продавцы почему-то не отпускали товар. Касса не работала. Покупатели группой стояли у репродуктора. Слушали речь Молотова.

Так для нас началась война. На дачу мы, конечно, не поехали. Мама пыталась делать запасы. Помню, в конце июня в магазинах продавали грецкие орехи, очищенные от скорлупы. Мама купила нам кулек. Мы с Севой бегали по Малому. Там у церковного садика

на 7-й линии рыли окопы. В остальном все было, как всегда, на некоторых домах по 6-й линии еще сохранились надписи мелом: «Ноника Бианки», «Ноника Бианки»... Это мальчишки, верно, проводжали нашу старшую двоюродную сестру из школы домой и по пути оставляли на стенах знаки восхищения.

Через несколько дней мы уехали. Это была наша первая эвакуация. Уровень предвидения событий был у властей столь высок, что тысячи ленинградских детей целыми детскими садами и школами вывозили из города «в безопасные места» — в Лужский район, в Новгородскую, Псковскую области... Не прошло и двух недель, как немцы подошли к Пскову, прорвались к Луге. Детей начали возвращать в город. События этой «малой эвакуации» сохранились не только в памяти очевидцев, таких, как мы с Севой; они описаны историками, например, А. Буровым, который подарил мне свою замечательную книгу «Блокада день за днем». Там, в частности отмечено: «18 июля 1941 г. На станции Лычково фашистские летчики подвергли зверской бомбежке и обстрелу эшелон с детьми. Это были ленинградские малыши, которых в самом начале войны вывезли в Лычковский район, а теперь, в связи с приближением вражеских войск возвращали в Ленинград. 17 ребят погибло». Из этой эвакуации мы возвращались с маминной школой. И, конечно, с нею самой. Мы с Севой ехали на верхней полке. Около станции Бологое проснулись от вспышек света, от сильного грохота. Состав стоял. Один из вагонов разбомбили, но страшно не было, было даже интересно.

Мы вернулись в Ленинград, в свою квартиру, живыми и здоровыми. Лебедевых в городе уже не нашли, они эвакуировались куда-то в Сибирь. Нам ехать было некуда. Мы, конечно, остались бы в блокаде и очень быстро погибли все трое: у нас не имелось ни запасов, ни какой-либо «хлебной» работы у мамы, ни даже фронтového аттестата, который получали те, у кого мужа или сыновья воевали на фронте. Но вдруг, совершенно неожиданно, пришла телеграмма от Льва Васильевича Ошанина. «Приезжайте Ташкент. Адрес...»

Я не помню дня, когда мы выехали в Ташкент. Помню только, добирались в эшелоне, состоявшем из товарных «телячьих» вагонов, около месяца, а мой двенадцатый день рождения, 31 июля, провели в пути. Значит, ехали весь июль, да еще кусочек августа. По-прежнему дорога была нам с Севой интересна, и по-прежнему страха мы не испытывали: наша защита и опора, наша мать была с нами. Эшелон

следовал вне расписания и часто останавливался вблизи каких-то станций. Поезд мог простоять и несколько минут, и несколько часов. Предвидеть время стоянки было невозможно, сам машинист не знал, когда дадут зеленый. Но взрослым все же надо было, рискуя отстать от поезда, бегать к водокачке за водой или к станции за съестным. Многие и отставали. Кто-то ухитрялся догнать эшелон — кто-то терял своих детей и стариков. Нас Бог миловал. Мама возвращалась всегда. Недели через две в вагонах начался сыпняк. Теплушки были переполнены, вдобавок многих подсаживали в пути. Помню киевлян, одесситов... По вагонам проходили врачи и санитары, заболевших без разговоров выносили на носилках. Их семьи ехали дальше. Так в нашей теплушке вынесли молодую женщину, ехавшую со старой матерью и двумя ребяташками.

А нас судьба все миловала. Мы ехали вместе, втроем. Начались пески: Казахстан. Жарища в теплушке была жуткая. Вдруг как-то сразу пустыня, растрескавшаяся от жары, словно оборвалась. Большая станция, на фронтоне надпись: «Арысь». Клумбы крупных, ярких цветов. Кто-то сказал: «оазис». Мы подъезжали к Ташкенту.

Приехали ночью. В Питере звезд почти не замечали. Здесь они были огромные, ночь черная-пречерная. На перроне горел тусклый свет, и было видно, как люди из эшелона ложатся на землю, кто где может. Мы тоже легли и уснули. Проснувшись, мать сказала: «Пойдемте искать Льва Васильевича». А как искать? Телеграмму с адресом украли в пути, за месяц дороги обкрадывали нас дважды.

Вышли в город. Первая женщина, которую остановила мама, чтобы узнать, где адресный стол, услышав, кого мы ищем, приветливо сказали: «Ошанин? Как же, он человек известный. Живет у Алайского базара». И дала координаты. О Льве Васильевиче Ошанине я знаю немного. Знаю, что это был друг отца, что у него были слабые легкие и поэтому он перед войной перебрался в Ташкент. Насколько помню, он уже был ко времени нашего приезда профессором САГУ. САГУ, Среднеазиатский государственный университет, основали незадолго до того, и Ленинград шефствовал над молодым «братским» вузом, посылал туда научные кадры. Так Лев Васильевич попал в Узбекистан. Он звал к себе и отца, считая, что сухой климат был бы ему, да и детям, полезен. Отец, кажется, раздумывал над этим предложением. А Ошанин и после папиной смерти не забыл его семью. Несомненно, что именно его вызов спас нам жизнь. Мы

нашли Льва Васильевича быстро, он принял нас хорошо, и некоторое время мы жили у него в доме. Дом был типично узбекский, глинобитный, обращенный к улице глухой стеной, все окна смотрели во внутренний дворик. Там росли плодовые деревья, цветы, журчал арычок. Рядом действительно находился Алайский базар — по-моему, главный базар города. Базар поражал. Виноград то почти пудовыми, то крошечными, совершенно непохожими по форме друг на друга кистями, заполнял прилавки — опаловый, синий, совершенно розовый, почти черный... Дыни лежали на мешковине грудями. Они были настолько прекрасны, что в память врезался не только их вид, но и названия: продолговатые зеленые арабакеши, желтые круглые ананасные, ребристые, с розовой мякотью огромные «бусывалды»... Мы ходили мимо связок красного лука, тугих мешков риса, иногда мама покупала нам кисточку «дамских пальчиков», шарики «катыка» — твердого, очень острого творога... Такого изобилия после этого мне не удалось увидеть никогда, хоть я и бывала впоследствии в Средней Азии. После войны чудесные узбекские земли начали приходить в упадок, сады и бахчи стал вытеснять хлопок; монокультура не просто отнимала у садов тысячи гектаров, но еще и отравляла землю, воздух и воду дефолиантами.

А пока еще был август 1941 г., цены не взлетели, и мы с Севой разглядывали невиданно изобильную жизнь восточного базара. Брат подолгу стоял возле стариков-узбеков, одетых в полосатые халаты. Таких ремесленников в России никто не видывал! Они чинили посуду. Похоже, тогда в Ташкенте никто не выбрасывал ни одной разбитой чашки, ни одной тарелки, ни одного блюдца. Упрятав ноги под маленький столик, старик ловко прилаживал даже самые маленькие осколки друг к другу, скреплял их тонкой проволокой и, постукивая молоточком, крепил проволочные заклепки. Чашка или тарелка становились как новые. Из них можно было пить, есть, а заклепочки только украшали посуду. Через месяц — два, — нам рассказывали, — Алайский базар было не узнать. Дешевизна и изобилие исчезли — город заполнили тысячи эвакуированных. Но сами мы этого не видели, — мы уехали в кишлак.

«Наш» кишлак, Маданьят, находился в 17 км от Ташкента. Там маме дали работу в школе, и туда нас довезла арба, в которую был впряжен ишак. В арбе сидели мы с Севой. Еще там стояла железная шайка, заполненная самым дешевым, но вкуснейшим виноградом,

и лежало несколько узелков. В кишлаке почти никто не говорил по-русски. Мать преподавала узбечатам русский язык. С ними мы общались, нас никто не обижал, а когда наступала обеденная пора, даже приглашали поесть. Я видела, как, заканчивая готовить, хозяйка доставала картонную упаковку красного перца и целиком высыпала ее в казан, где кипела баранина или варился рис. Еда становилась красной, обжигала рот. Нам нравилось; мы всегда были голодные, особенно зимой.

К счастью, весна наступала здесь рано. Уже в марте можно было пожевать разную травку, потом наступило время абрикосов, помидоров, вдоль дорог росла джида — дикий финик; позже можно было подобрать сырой, невкусный грецкий орех в зеленой пачкающей скорлупе, сорвать в виноградной галерее забытую, уже подсохшую кисточку... Так мы и паслись. Все то время, что мы прожили в Средней Азии, ни я, ни Сева не учились: в кишлаке русской школы не было, да и вообще было не до того. И я, и брат за войну целиком пропустили четыре учебных года. Одно время мама снимала комнату у вдовца—каракалпака. С ним жили взрослая дочь и совсем маленький сын Ики. Узбекские дети, особенно мальчишки, замечательно красивы — черноволосы, чернобровы, с удивительным, словно нарисованным акварелью румянцем на смуглых лицах. Ики был много младше нас, но с нами охотно играл. Отец—каракалпак все уговаривал маму выйти за него замуж. «Я один, и ты один», — говорил он и ласково на нее смотрел. Мама отшучивалась. Она допоздна работала, и наш хозяин тоже, — им было не до длинных объяснений. Отработав неделю, каждое воскресенье мать поднималась часа в четыре утра, до жары, и шла пешком в Ташкент. Обратного приходила, неся небольшой бидон «затирухи», полученной в городе по талону. Затирухой назывался кипяток, в котором заваривалась мука. Тридцать с лишним километров в день — это маме было, казалось, нипочем, хотя ей уже перевалило за 40 лет. Только ее здоровье и спасало тогда.

Однажды к нам в кишлак неожиданно приехал Григорий Николаевич. Рассказал, что Симеизскую лабораторию из Крыма, оккупированного немцами, эвакуировали в Бухару, что там, в Бухаре, мало русских, темные, дикие нравы, и жить там гораздо хуже, чем в Ташкенте... Мама проводила Григория Николаевича до тракта. Следующий раз мы увидели его только в 1945 г. в Ленинграде. После войны Г. Н. стал директором Пулковской обсерватории и через

несколько лет скончался. Я уверена, что мать любила этого человека до самой своей смерти, — достаточно было видеть ее лицо, когда она смотрела на его сына, Ярика, когда тот, уже будучи взрослым, приходил к нам в гости.

Почему мы снова вернулись в Ташкент? Не помню. Севе исполнилось 14 лет и он поступил на Мельничный комбинат слесарем. Так появилась первая запись в его трудовой книжке. А самое главное — он стал получать рабочую карточку и его кормили в столовой. Зима 1943 г. началась для нас ужасно. Мать заболела пеллагрой. Название этой болезни, вызванной нехваткой в организме витамина РР, знали тогда в Средней Азии многие. Многие от нее погибали. Маму забрали в больницу, а нас с братом поместили в детский дом.

У каждого, если даже он не суеверен, есть, мне кажется, какие-то свои интимные счастливые и несчастливые числа. Для меня несчастливым числом стало 22. Я уже не помню, в каком именно месяце нас с братом поместили в детский дом, но с тех пор не только я, но и самые близкие мне люди стараются 22, если есть к тому возможность, не начинать важных для себя дел.

Впервые остаться без матери, не зная, как она, будет ли жива, — этот ужас, видимо, был так силен, что я почти совершенно не помню той поры, остались лишь какие-то клочки воспоминаний. С Севой нас тоже впервые разлучили, он жил вместе с мальчиками и редко мог приходиться ко мне. Хотя этот детдом номинально считался привилегированным, «для одаренных детей», созданный, кажется, при содействии Екатерины Павловны Пешковой, жить в нем было и холодно, и голодно, и грязно. Вшей было столько, что к ним пропала брезгливость. Ползают, и ладно. В Ташкенте тогда сыпняк свирепствовал настолько, что военнослужащим запрещалось ездить в общественном транспорте — чтобы не заразились. Через несколько месяцев маму выписали из больницы, и она смогла взять нас к себе. А вскоре началась наша третья эвакуация — в Челябинск.

Я упоминала, что у мамы была младшая сестра — Наталья, Таля. К началу войны бабушки уже не было на свете. Мамин и Талин брат Юрий сидел в лагере. Его, совсем молодого инженера, осудили в 30-е гг. по делу Промпартии. Позже он рассказывал, что был, наверное, единственным заключенным, который видел в газете заметку о собственном расстреле... После смерти Сталина дядя Юра был реабилитирован и вернулся с Колымы. Таля же вышла замуж за

И. И. Куренщикова. Муж ее был сибиряк, работал в ЭПРОНе. В 1943 г. они жили в Челябинске и вызвали нас к себе. Если меня спросят, что самое непереносимое в жизни, я отвечаю: холод. Уверена, что Сева ответил бы так же. Даже не голод, а именно холод. Это у нас с уральских времен. Барак, где Кеша, Таля, мама и мы с Севой жили в одной комнате, стоял на краю ложбины, у самой дороги на Копейск. Это место было даже не окраина Челябинска: до трамвайного кольца, откуда можно было уехать в город, предстояло еще идти около двух, а то и трех километров по голому, зимой продуваемому ледяным ветром, ничем не защищенному пространству. И мы были плохо одеты, истощены до предела. Сева стал худ, как жердь. У меня на ноге несколько лет не заживал фурункул; рана была настолько глубокой, что порошок стрептоцида, если его, конечно, удавалось достать, можно было в эту рану всыпать, как в яму, и еще несколько пакетиков там свободно поместились бы. Сидеть на шее у родных мы, разумеется, не могли. Мама сразу устроилась на Челябинский тракторный. Сюда, на базу ЧТЗ, был эвакуирован из Ленинграда Кировский завод. Вскоре там же начали работать и мы с Севой: без рабочих карточек было не выжить. Каждый день, затемно, мы трое брели по Копейскому тракту к трамвайному кольцу и долго ехали в промерзшем вагоне в город. Вот поэтому я и боюсь холодов. В ту пору я видела брата лишь ранним утром и поздним вечером. Тогда же я впервые начала отчетливо осознавать разницу между нами, различие наших возможностей и способностей. Характеры наши, по большому счету, как раз во многом оставались схожи, одинаково полны противоположностей. Оба интроверты (Сева даже больше, чем я), оба впечатлительны, ранимы, оба вспыльчивы. А вот способности были полярны. Это, впрочем, начало проявляться и раньше. Еще перед войной брат мог починить выключатель, умело клеил елочные игрушки. Руки у него, в отличие от моих, были ко всему способны.

На ЧТЗ он начал работать учеником лекальщика и вскоре получил довольно высокий, уж не упомяну какой, и разряд. А ведь лекальщики всегда были рабочей аристократией, для этой специальности, где нужно «ловить микроны», требуются глазомер, особое чутье и расчет. Что касается меня, то мне ни расчеты, ни тонкая ручная работа решительно не давались. Меня учили на лаборанта. Учили просто: вручали большие бутылки с зажимами для отбора проб воздуха и посылали в литейный цех. Особой квалификации не

требовалось, зато требовалось выходить в ночные смены. В литейке заливали расплавленным металлом опоки; сильно пахло угаром. Именно на СО, на окись углерода, мне и нужно было брать пробы. Каждый час. Особенно тяжело бодрствовать перед рассветом между пятью и шестью часами, особенно, когда тебе еще только 14 лет... Но зато в столовой «горячему цеху» дают «УДП» — усиленное дополнительное питание: булочку с мягким белым жиром лярдом, лишнюю ложку каши. Брату УДП полагалось регулярно, еще бы — мастер высокой квалификации. А ведь ему только что исполнилось 16 лет. В общем, мы пережили и 1944, и начало 1945 г. Летом началась реэвакуация. Сева уехал с эшелонном кировцев один, прежде нас. Следом за ним вскоре отправились и мы с мамой. Так вот, лето 1945 г. Наш состав остановился на подъездной ветке Кировского завода. Сева ждал нас в квартире Анатолия Валентиновича. Екатерина Ивановна, его жена, дала нам мыло, мочалку, полотенце. Из бани мы пошли к Лебедевым, — больше жить было негде, мы уже знали, что квартира наша занята. Тетя Саня с дочерью и внучками еще не вернулась из Сибири, Андрей — с фронта. В родной для нас квартире на 8-й линии была лишь Леночка, жена Андрея. Она тепло, сердечно приняла нас, и мы пробыли в этом гостеприимном жилье целый месяц. Потом РОНО, в чье распоряжение поступила мама, временно поселил нас на ведомственной площади — в «школе» ЛГУ. Лишь спустя много лет, сопоставив факты, я осознала, что флигель университетской «школы», примыкающий слева к зданию филологического факультета, а справа соседствующий с ректорским флигелем, где родился Александр Блок, раньше, до революции, назывался не школой, а «гимназией», — и что именно здесь учился наш с Севой отец. Если вдуматься, это было совершенно естественно: ведь семья Валентина Львовича Бианки жила тут же, рядом, в тылу здания АН, стоило только перейти Менделеевскую линию. Но мы с Севой об этом не подозревали. Вообще об отце знали немного. Вот мама, например, расскажет, проходя по Университетской набережной, что Лев Валентинович в юности переплывал Неву здесь, у Дворцового моста; потом упомянет, что, будучи гимназистом, он свистел в два пальца так громко, что слышно было на другой стороне Невы — вон, смотрите, у тех львов... Потом еще: ваш отец учился на двух факультетах, на классическом отделении филфака и на биологическом, он знал 14 языков... Три образа: подросток, отважно

переплывающий Неву в широком, быстром ее течении; прилежный студент, изучавший латынь, греческий, многие живые европейские языки; человек, непрестанно куривший трубку, склонившийся над рукописью за письменным столом — эти образы в моем сознании как-то не совпадали. Они совпали лишь тогда, когда я поняла, что отцовская жизнь была ведь довольно долгая, и что человек иногда самым решительным образом меняется. В «школе» летом 1945 г. никто не учился. Комнаты-классы были заставлены громоздкими ламповыми радиоприемниками, — их ленинградцы обязаны были в начале войны сдавать, чтобы никто не слушал вражеских радиопередач. Кстати, запомнилось, что тогда следовало сдавать не только радиоприемники, но и служебных собак, овчарок. Мы разместились в классе, где едва можно было уместить топчаны — у стен на стеллажах громоздилась пыльная радиотехника.

Ленинград еще был пустынным. По Университетской набережной ходили тогда трамваи, но очень редко. Гранитные парапеты кое-где были выщерблены осколками. На парапете, почти напротив Кунсткамеры, долго еще можно было прочесть сделанную белой краской надпись: «За смерть отца и матери красноармейца Иванова — пулю в башку немецким фрицам!» Упоминаний об этой надписи не встречалось, кажется, но я ее отчетливо помню.

Наша с Севой жизнь проходила пока, до занятий, либо во двореке филфака, куда выходила дверь «школы», либо на самой набережной, на спусках у воды. Напротив мы видели черный, еще замаскированный купол Исаакия, с него покуда не сняли чехол, надетый в начале войны альпинистами. У ближайшего спуска школьный завхоз Алексей Дорофеевич ловил «пауком» — большим сачком, натянутым на квадратную раму, корюшку. Рыбка ловилась обильно. Мальчишки шепотом говорили, что корюшку есть нельзя, «потому что она жрет покойников, а покойников на дне ужасно много»... Но корюшку все ели.

Я уже упоминала, что довоенную квартиру на 3-й линии мы потеряли. Во время блокады в нее вселилась семья фронтовика и, согласно указу, жилье не подлежало возврату прежним владельцам — если у них никто не воевал. К нашему счастью РОНО дал маме ведомственную площадь. Это были две смежные комнаты в большой коммунальной квартире, тоже на 3-й линии, но уже на углу Среднего проспекта. Здесь мы прожили больше 15 лет. Отсюда мы с Севой

ходили в школу, он — в мужскую (после войны ввели раздельное обучение), я — в женскую.

Когда мы переехали на 3-ю линию, д. 30, у нас было одно пальто на троих. Ни ложки, ни плошки, ни простыни, — все оставшееся в старой квартире пропало. Но нам все же повезло: новый владелец, отец фронтовика, заведовал дровяным складом в конце Малого проспекта, на Малой Неве, там мы с братом иногда гуляли перед войной. Человек, владевший в блокаду дровами, был, по нынешней терминологии, «покруче» любого олигарха: от него в буквальном смысле зависела жизнь и смерть блокадника. Естественно, ему не приходилось жечь ни книг, ни мебели, и поэтому мы получили от него кое-что из бывшего добра, — то, что дровянику было не нужно: старый буфет, книжный шкаф и даже несколько книг; они хранятся у меня до сих пор, некоторые с мамиными надписями.

Последний школьный год, а может быть, даже два, я точно не помню, брат учился в вечерней школе. Почему он начал заниматься по вечерам, тоже сейчас припомнить не могу, — он тогда нигде не работал, возможно, ему просто осточертел казенный режим мужской школы. Это не было также связано с его увлечением какой-либо компанией, Сева жил довольно обособленно, товарищей домой почти не приглашал.

Одним из ярких впечатлений этого периода стало появление в нашем доме собаки. Брат сказал, что поедет за овчаркой в какой-то военный питомник. Он вернулся, к моему разочарованию, с пустыми руками. А потом вдруг вытащил из-за пазухи толстый нулок. Оттуда торчали ушки крошечного щенка. Ее назвали Аза. Странно, но в нашей квартире, где жило множество не отличавшихся кротким нравом соседей, никто против нового жильца не возражал. Когда Аза выросла, она стала маминной собакой. Если Сева или я задерживались вечерами, то, входя во двор, обычно видели одну и ту же картину: мамин силуэт в окне, и рядом ушастую голову большущего пса, положившего лапы на подоконник. Позы обеих выражали одинаковую тревогу и ожидание. С тех пор, где бы Сева ни жил, собаки в его доме были всегда: сначала овчарка Аттика, потом спаниели Альма и Катя. Позже, в Старом Петергофе, я слышала, как брат строгим тоном говаривал Кате: «Будешь плохо себя вести — продам на рынке и куплю себе таксу!» Такс Сева любил, считал, что эта порода — самая умная.

В 1948 г. брат закончил школу. Тогда у юношей было повальное увлечение физикой. Точнее, мода на физику. И Сева решительно подал заявление на физический факультет ЛГУ. С первого же экзамена пришел мрачный: провалил математику. И очень быстро, чуть ли ни на следующий день, перенес документы на биофак. Здесь все экзамены сдал хорошо, был принят. Случившееся можно считать точным, хотя и не с первого выстрела, попаданием в цель. Будто что-то притянуло человека к той главной профессии, которая стала для него всепоглощающим делом жизни. С поступлением Всеволода в университет связана одна занятная история, которая могла закончиться вовсе даже не занятно. Брат рассказывал нам, что при поступлении написал в автобиографии: «отец был швейцарским подданным». Между прочим, он и сам не знал точно, так ли это. Да, этот факт упоминался в семейных рассказах, однако документов никаких не было. Можно лишь удивляться, что поступок брата не имел тяжелых последствий. В конце 40-х гг. отделы кадров в вузах (и не только в вузах) свирепствовали. Порой это кончалось волчьим билетом, а то и чем-нибудь похуже. Ведь еще жив был Сталин. Теперь мы стали редко общаться с Севой. Пожалуй, только за едой. Не то чтобы он приходил с занятий совсем поздно. Но, приходя, сразу садился заниматься.

Наша послевоенная квартира на 3-й линии, д. 30 находилась во флигеле бывшей богадельни купцов Елисеевых. Она предназначалась для, так сказать, «нижних чинов» торговой империи. Говорили, что здесь жили уборщицы и кастелянши. Престарелые служащие рангом повыше обитали в соседнем здании, выходившим на Средний проспект. К себе мы попадали с 3-й линии, через проходную Электротехникума связи. Шли длинными коридорами, выходили во внутренний дворик, поднимались по крутой лестнице на третий этаж. Там, в самом начале темного узкого коридора, разделенного на две части темной кухней, у нас были две комнаты с низкими не по-петербургски потолками: одна побольше, метров 14–16, другая поменьше, метров 7–8, узкая, с одним окном, прямо примыкавшая к уборной и единственной на всю коммуналку водопроводной раковине. В «большой» комнате, где стоял обеденный стол, спали мы с мамой. Сева занимал другую. Он там работал все университетские годы. В моих воспоминаниях брат всегда сидит за небольшим столом, лицом к окну, откуда видны два старых огромных тополя,

и занимается. Я думаю, он и не замечал ни этих тополей, ни студентов, толпами пробежавших по дворику во время переменок. Потолок в его комнате часто протекал — видимо, на четвертом этаже «удобства» размещались симметрично нашим. Когда вода начинала капать по-настоящему, я или мама входили к брату, вытирали пол, подставляли под дождик таз... Сева продолжал работать. В квартире было, конечно, печное отопление. Если становилось холодно, мы с мамой шли во двор и тащили оттуда на третий этаж охапки дров. Сева, не поднимая головы, сидел за столом. Работал. Именно таким он и запомнился мне в университетские годы.

В 1953 г. Всеволод закончил университет. Сразу же попал в аспирантуру. Женился. С Галиной Борисовной Самородовой, своей будущей женой, он учился на одном факультете. По специальности она была биохимиком, всегда, и в школе, и в вузе, отлично училась. Ее тоже сразу приняли в аспирантуру ВИР, Всесоюзного института растениеводства. Самородовы жили в большой квартире на Невском проспекте, д. 59, между Литейным и улицей Марата. Отец Г. Б., Борис Георгиевич, был инженер, а также страстный коллекционер; их комнаты были увешаны картинами так, что не замечалось, какого цвета обои. Борис Георгиевич скончался незадолго до Севиной женитьбы, я его не видела, но брат еще успел с ним познакомиться. После женитьбы Сева переехал на Невский. Хозяйкой квартиры оставалась Мария Васильевна Самородова. Она хорошо приняла зятя, заботилась о нем. Мария Васильевна была врачом-гинекологом, работала в знаменитом родильном доме имени профессора Снегирева — в «Снегиревке», как его называли жители центральных районов Ленинграда, многие из которых, в том числе, кажется, и Галя Самородова, появились на свет именно здесь. Мария Васильевна даже в старости была очень красива. Некоторые считали, что она из дворян. Но правильные черты лица, осанка и обходительная приветливость являлась вовсе не следствием аристократического происхождения: недалёкие ее предки были крепостными крестьянами, а отец выбился в купцы. У Тихомировых, по рассказам Марии Васильевны, до революции в Москве была булочная. Судьба Марии Васильевны и ее семьи сложилась не вполне обычно. Во время Отечественной войны ее мобилизовали, она служила в действующей армии, а муж с дочерью остались в блокадном Ленинграде, откуда вдвоем, пережив жуткую зиму 1941 г., уехали в эвакуацию.

Мария Васильевна вернулась с фронта в звании капитана медицинской службы и снова начала работать в Снегиревке. Скончалась Севина теща в глубокой старости. На поминки в Старый Петергоф, куда к тому времени перебралась семья Севы, приехали, помню, две старые женщины, служившие вместе с покойной во фронтовом госпитале. Они рассказывали, каким прекрасным врачом и мужественным человеком была М. В. «...И когда к нам в госпиталь, — вспоминали они, — поступали раненые, попробовал бы кто-нибудь положить к ней на операционный стол вне очередности офицера сначала, чем солдата! Прежде всего хирург Самородова бралась за самых тяжелых, — для нее тут не существовало ни чинов, ни званий»...Когда я впервые познакомилась с Марией Васильевной, ничто в ней не напоминало фронтовичку. Просто была спокойная, доброжелательная пожилая женщина, очень устававшая после своей Снегиревки, но тем не менее успевавшая и пироги испечь, и принять гостей, и позже, конечно, внуком заниматься вместе с другой бабушкой, нашей мамой. Нужно напомнить об особенностях времени, когда брат начинал учиться в университете. Это был 1948 г. — год печально известной сессии ВАСХНИЛ — Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук. Год очередного разгрома биологии. Тогда по главному коридору Двенадцати коллегий по-хозяйски ходил Презент, — одна из самых одиозных, отвратительных фигур научной жизни той поры. Его теперь, кажется совсем забыли, и слава Богу. Но в те годы Презент был всесилен — он являлся «правой рукой» и теоретиком Т. Д. Лысенко. Этого-то история будет помнить дольше уже по одному тому, что им был погублен Н. И. Вавилов, отстранен от науки крупнейший физиолог Л. А. Орбели, истреблено все здоровое и перспективное в биологической и сельскохозяйственной науке. Если сказать кратко, конец 40-х и начало 50-х гг. XX в. — пора мракобесия в биологии. И не только в биологии. На филфаке, куда я поступила годом позже Севы, и на других факультетах тоже (кроме, может быть, физического или математического) все административные посты, после устранения подлинных ученых, были отданы людям, так или иначе приспособившимся к лженауке. Страх сидел у интеллигенции в генах. Позади были страшные 30-е гг. Теперь, после войны, все словно бы разворачивалось заново.

Именно в это время брат начинал формироваться как ученый. Нужно было выбирать специализацию, направление работы. Выбор

был им сделан. Со II курса Сева начал заниматься классической физиологией, избрав в ней «павловскую» тему — парность больших полушарий головного мозга.

Я не знаю, сознательно или случайно был сделан этот выбор; хочется считать его вполне сознательным, — но ведь брату было тогда всего 20 лет! Как бы то ни было, такой выбор, даже будучи в известной мере интуитивным, являлся не просто правильным, но и чрезвычайно дальновидным. Он давал возможность достаточно спокойно заниматься перспективными, серьезными исследованиями. Более того — проблемами общебиологического значения.

Авторитет И. П. Павлова, Нобелевского лауреата, во все советские времена был незыблем. Оппозиционность академика режиму была тем более безобидна, что всемирно известного ученого давно уже не было на свете. Он признавался классиком при жизни, после смерти — тем более. Научное наследие его, как известно, огромно, проложенные им пути перспективны, они давали исследователю честную возможность уйти в подлинную, не фальсифицированную науку.

Повторюсь: Сева избрал свою нишу со II курса. У меня нет его студенческих работ (все остальные свои труды брат мне дарил). Но я точно знаю, что он ни в малейшей степени не терял времени. Выбрав направление сразу и навсегда, он год от года углублял исследования. Научный рост шел быстро. Через 3 года после окончания курса Всеволод защитил кандидатскую диссертацию. В 1965 г. — докторскую. Все эти годы он напряженно вел опыты на кафедре физиологии высшей нервной деятельности биофака. Одна за другой стали выходить его монографии.

Большинство читателей этих записок вряд ли будет обладать знанием физиологии, достаточным для того, чтобы адекватно разобраться в научных трудах брата. Конечно же, подобными знаниями не обладаю и я. И хотя Сева рассказывал о своей работе, старался держать близких в курсе своих дел, тем не менее я не возьмусь даже просто пересказывать содержание его книг. Однако и читателю-неспециалисту необходимо иметь представление о трудах Всеволода, ведь без этого невозможно получить представление ни о масштабе его работы, ни о нем самом: вне науки брат не существовал. По всему по этому я думаю, что лучшим выходом будет просто приводить там, где это будет хронологически уместно, аннотации к монографиям брата. Эти аннотации дадут о них компетентное и, что нема-

ловажно, сжатое представление. А со специальной терминологией желающий сможет легко разобраться с помощью энциклопедии или интернета.

Первая книга В. Л. Бианки «Эволюция парной функции мозговых полушарий» выходит в 1967 г.

Монография представляет собой первую попытку рассмотрения с эволюционных позиций одной из наиболее актуальных, но мало разработанных проблем современной нейрофизиологии — проблемы парной деятельности мозговых полушарий. В книге излагается экспериментальный материал, полученный на представителях различных позвоночных животных с помощью метода условных рефлексов и электрофизиологической методики в сочетании с хирургическим разобщением симметричных структур головного мозга. Рассматриваются вопросы, связанные с ролью парной деятельности полушарий головного мозга в осуществлении пространственного и временного анализа, переноса условных рефлексов с одной стороны тела на другую и т. д.

Книга предназначена для физиологов, а также для психологов, биологов, врачей и кибернетиков, интересующихся вопросами эволюционной физиологии и проблемами межцентральных взаимоотношений. Ответственный редактор профессор Э. Ш. Айрапетьянц.

«Эволюция...» была написана на материале экспериментов, составивших основу докторской диссертации брата, защищенной двумя годами раньше. Я была на этой защите. Она состоялась на биофаке и прошла блестяще, при голосовании — ни одного голоса «против». Профессор Айрапетьянц произнес хвалебную речь. Отдавая должное работе, шеф выразился в том смысле, что диссертант, хоть человек несомненно одаренный, но все же весьма неожиданный: он, многолетний руководитель соискателя, не подозревал, что Всеволод так быстро подготовит докторскую; даже для него, руководителя лаборатории, это стало сюрпризом! Я до сих пор живо помню не только сами слова Айрапетьянца, но и его шутливый и вместе с тем озадаченный тон.

Сева стал тогда одним из самых молодых докторов наук ЛГУ. Его талант признавали, однако даже по сдержанным репликам брата было понятно, что на факультете и кафедре Высшей нервной деятельности шла противная подковерная борьба. Там, видимо, было просто тесно. Двусмысленную позицию по отношению к брату занимал и Айрапетьянц, заведовавший тогда и лабораторией,

и кафедрой. Эрванд Шамирович, надо заметить, взял Сева под свою опеку чуть ли не с I курса. Он покровительствовал способному ученику, однако теперь их отношения стали очень сложными.

Вскоре Всеволод получил собственную лабораторию. Она находилась не в городе, а в знаменитом Биологическом институте ЛГУ, который размещался на самой границе между Старым Петергофом и Ораниенбаумом. Зимой мы общались теперь с братом довольно редко, но летом часто снимали дачу вместе. Вечерами он много рассказывал о своей лаборатории и даже возил всех нас туда. Долгие годы в его комнате на даче в п. Песочном рядом с большой фотографией знаменитого физиолога К. М. Быкова висел снимок этой лаборатории: дом, похожий на длинный крестьянский сарай, только каменный. Снимок сделали зимой, в оттепель; с крыши сталактитами свисают огромные сосульки. Внутри этот «сарай» был начинен самым передовым по тому времени оборудованием. При всей сдержанности брата было видно, что он своей лабораторией гордится. И штат немалый, по-моему, больше 30 человек. С этим коллективом Сева выполнил наиболее значимые свои работы. Прежде чем перейти к дальнейшему рассказу о них, хочу сказать несколько слов, касающихся творческого стиля брата. Чуть выше цитировалась аннотация к первой его монографии. Встретив фразу «книга предназначена для физиологов, а также для... биологов», я вспоминаю, с какой иронией брат читал перлы типа «берегите птиц и животных», печатавшиеся на спичечных коробках. Сева объяснял своему маленькому сыну, что так выразиться нельзя, ибо птицы — тоже животные; так же как физиологи, — добавлю я, — тоже биологи. В книгах брата подобные обороты были невозможны. У него, внешне не проявлявшего особого интереса к художественной литературе, к искусству, было природой, видимо, поставленное чувство слова и стиля. Рядом с ним была я, профессиональный журналист и редактор, — и сколько раз друзья, знакомые и знакомые знакомых обращались ко мне с просьбой то отредактировать, то «поставить на место запятые», то проверить орфографию... А Сева лишь однажды попросил посмотреть его рукопись, кажется, это был автореферат кандидатской диссертации. Впоследствии же он не нуждался ни в редактировании, ни в какой-либо правке, ограничивался лишь обязательной редактурой, принятой в каждом издательстве. Все его труды лежат сейчас передо мной. В них, несмотря на сугубую на-

учность, нет сухости. Это тем более замечательно, что сухой канцелярит, начиная примерно с середины 30-х гг., был в России как бы обязателен для научного текста. Любого. Редакторы вымарывали всякую живую, непринужденную фразу даже из трудов искусствоведческих, литературоведческих... Исключения бывали чрезвычайно редкими. Гениальный В. Я. Пропп, читавший нам на филфаке фольклор, имея в виду стиль, в 60-е гг. с горечью отмечал: «Слабые работы — знамение времени. Падение науки...»

Книги Всеволода, даже толком не понимая предмета, я читаю с удовольствием. Дело не только в стиле. Логически безупречное развитие всякого тезиса делает плавным, красивым переход от абзаца к абзацу, т. е. переход от одной мысли к другой; это позволяет теме развиваться без провалов и лакун. Последнее обстоятельство встречается достаточно редко, это мне известно по многолетнему опыту.

Сочетать академическую строгость изложения с его непринужденностью — сложная задача. Я не думаю, что брат сознательно решал ее. Но талант большого ученого возможно включал в себя и литературный компонент. Мне иногда кажется, что в нашем роду способности к научной и литературной работе не расщепляются, как можно было бы предположить, представляя себе, к примеру, Виталия Валентиновича Бианки «просто» писателем, а его племянника, Всеволода Бианки, «просто» ученым. Возможно, что дарования писателя и ученого сливались, а не разделялись, и сочетание являлось гармоничным.

Если это так, думаю я, то не следует ли в будущих поколениях ожидать появления нового таланта в концентрированном выражении?

На титульном листе первой монографии Всеволода напечатано: «Светлой памяти моего отца Льва Валентиновича Бианки посвящаю я эту книгу». Сева помнил и чтит отца всю жизнь.

Весной 1958 г. я уехала на Памир. Экспедиция было организована Ботаническим институтом имени В. Л. Комарова. Здесь работали мои друзья-геоботаники, каждое лето картировавшие растительность высокогорий. С высокогорной базы на Ошском тракте, в Чечектах, мы уезжали на вьючных лошадях в маршруты. Лишь изредка с базы добирались до такой стоянки, привозили почту. Как-то вечером меня окликнули: «Почта пришла. Тебе телеграмма». Я ушла в палатку, развернула бланк. Прочла: «10 июня родился сын назвали Львом Сева Галя».

Помню неожиданное чувство радости, что племянника назвали именно Львом. Раньше мне казалось, что семейные традиции такого рода вроде бы ни к чему... Позже, у костра, мы чокнулись за новорожденного разбавленным спиртом и закусили баклажанной икрой, больше из еды не оставалось ничего. С самой Левушкой я познакомилась только в сентябре, и в эти же дни сделала первые его фотографии. Снимки эти хранятся у меня до сих пор. Есть и другие: Сева с сыном, совсем маленьким, на велосипеде в Рождино, на даче; потом Левушка постарше, снятый уже в нашей квартире, когда он долгое время жил у нас, на Наличной улице. Галина Борисовна была тогда в научной командировке в Швеции, и мама готовила внука к школе. Жить с Левушкой было радостно. Он рос здоровым, веселым, ко всем расположенным мальчиком. Брат был горд сыном. Старался вместе с ним путешествовать, приучал к технике; стремясь приохотить к биологии, возил в свою лабораторию в Старом Петергофе. К тому времени, к 70-м гг., у него уже был автомобиль. Несмотря на постоянную углубленность в науку, вполне кабинетным человеком брат не был. У него имелась еще одна страсть — машина. Сначала был «Запорожец», потом его сменили «Жигули», потом появился «Москвич», потом снова «Жигули». Летом машина обычно стояла в Песочном. Здесь в начале 70-х гг. мы вскладчину купили половину деревянного дома. На «Запорожце» все вместе уезжали по Выборгскому шоссе, иногда даже в сам Выборг. Но и ближе, на 40 и 60 км того же шоссе, были прекрасные боры, перемежавшиеся грибными еловыми лесами, ландышевыми полянами, разливами иван-чая. Были и озера. Не хватало только лугов. Финляндия. Поселок Песочный, бывшая Графская — уникальное место. Он находится в 24 км от Ленинграда. Мне кажется, таких мест больше не осталось в ближних питерских пригородах. Как водится, сам поселок неуютен и запущен. Но дом наш стоял в пяти минутах ходьбы от железнодорожной платформы. Там, сразу же за переездом, начинался огромный лесопарк, и чем дальше от поселка, тем больше он начинал походить на лес. По нашей ветке поезд шел дальше на Белоостров, Репино, Комарово, и там вместо леса виднелись только болота, либо реденькие лесные кулисы, загаженные следами жизнедеятельности туристов. У нас же, совсем рядом, был чистый лес, чистые озера — некогда петровские карьеры — с чудесной черной водой. Озера цепочкой переходили одно в другое, в них выводками кормились утки с утятами. В протоках,

если повезет, можно было увидеть ондатру. Летом в лесу собирали чернику, осенью — грибы. Очень хорош лес был и зимой — солнечные, уходящие вверх снежные дороги. Мы бегали по ним на лыжах к Дибунам, иногда даже к Разливу. Сева тоже иногда вставал на лыжи. Но главной радостью для него, чем дальше, тем пуще, становился автомобиль. И Песочный становился для Севы не просто дачей, но гаражом, мастерской, где можно всласть повозиться с мотором. И отсюда было рукой подать до ландышевых полян...

Когда брат жил на Невском, у него не было своего кабинета. Поэтому он старался проводить на даче не только отпуска, но даже свободные от лекций будние дни, чтобы спокойно поработать. Писал он в большой комнате на втором этаже, которая служила и кабинетом, и спальней. Многие страницы его книг написаны именно здесь. Ему никто не мешал, тишину иногда нарушала только Аттика, большая чудесная овчарка. Оставшись одна, она лаяла и царапалась в дверь, особенно когда чувствовала, что хозяева собираются в дорогу. Однажды перед отъездом Сева запер ее внизу, в комнате Марии Васильевны. Аттика вышибла окно и, ломая огромный сиреневый куст, выскочила вниз. С тех пор ее старались сажать в машину заранее. Песочная многие годы оставалась местом, где собиралась вся наша семья.

В середине 70-х Сева тяжело заболел. Он тогда жил не в Ленинграде — в Сыктывкаре. Там создавали университет Коми. Шефство над младшим собратом поручили ЛГУ. В числе других сотрудников предложили поехать и брату. Кажется, на год. Сразу же дали трехкомнатную квартиру. В ней он жил сначала один, но скоро туда приехал Лева, чтобы поступить на местный биофак. В ЛГУ после окончания школы ему поступить не удалось.

Отец и сын жили вдвоем в своей большой квартире. Оба много занимались. Климат здесь был гиблый, не зря при царях Усть-Сысольск, нынешний Сыктывкар, считался местом ссылки, а при Сталине это вообще был край лагерей. Брат уставал, нервничал из-за Левы, о быте заботиться было некому, жена оставалась в Ленинграде.

Зимой пришло известие: у Севы — инфаркт.

Галина Борисовна прилетела в Сыктывкар на второй день. Я — на третий или четвертый, не помню точно, начальство мое находилось в Москве, пока согласишься... Галина Борисовна встретила меня у подъезда. Она сказала: «Севу мы потеряли». Я знала, что брат жив. Значит, надежды было совсем мало.

Сева лежал в городской клинике, в отдельной палате. Врачи действительно считали, что шансов на выздоровление очень мало, — настолько тяжелым оказался инфаркт. Вдобавок у больного открылся сильнейший диабет. Лечащий врач говорил, что все решит девятый день... К счастью, он благополучно миновал. Мне пришлось вернуться к работе, а Галина Борисовна получила отпуск и неотлучно была с мужем, пока он не поправился. Через несколько месяцев брат вернулся в Ленинград. Доктора сказали, что несмотря на всю тяжесть инфаркта, главная его болезнь — диабет. Нужны жесткие ограничения режима: нельзя волноваться, переутомляться. Нужна жесткая диета. И, конечно, нужна инвалидность. Ее обнадружили дать с правом работы. От Московского вокзала до квартиры Самородовых рукой подать, всего один квартал по Невскому. Мы с Севой чуть отстали от родных, и он сказал фразу, настолько поразившую меня, что помню ее до сих пор: «Валя, если мне запретят водить машину, я жить не хочу!» Раньше я понимала, какое огромное место в жизни брата занимает работа, наука. Но чтобы автомобиль... Да, брат не был кабинетным человеком.

Постепенно жизнь вошла в свою колею. Скоро Сева с семьей уехал с Невского. В Старом Петергофе начали, по образцу английских кампусов, возводить университетский городок. Стройка затянулась на десятилетия, а вот жилой квартал для преподавателей и персонала построили довольно быстро. Семья получила четырехкомнатную квартиру в так называемом «профессорском» доме. Лаборатория была теперь очень близко. Машину водить, к счастью, ему разрешили. Левушка кончил курс в ЛГУ. Работа в лаборатории ладилась; судя по рассказам Севы, там все было в большом порядке, проводилось множество экспериментов над подопытными животными — крысами, мышами, кошками и котятами, иногда над рыбами и насекомыми. Теперь брат редко ездил в город, где остался биофак, меньше читал лекций. Все больше времени он проводил в лаборатории и у себя в кабинете. Стратегия исследований была продумана давно. Этой стратегией определялась вся работа нескольких десятков сотрудников, многие годы ведущих эксперименты по плану шефа. «Иногда задают вопрос, — писал позже Всеволод, — почему в вашей лаборатории все так легко получалось, а других исследователей весьма часто преследовали неудачи при попытках обнаружить латерализацию у животных? Прежде всего сле-

дует сказать, что это далеко не так. Мы также, и нередко, особенно в начале, сталкивались с отрицательными результатами... Главное же, однако, заключается в подборе соответствующих условий эксперимента»... Первая монография брата вышла в 1967 г. Вторая — в 1985 г. Восемнадцать лет накопления экспериментального материала! Весь его массив приходилось держать в поле зрения, не давать ошибкам накапливаться, уводить в сторону от главного пути. Каждый, кто хорошо знал брата, был свидетелем его жизни и работы, отмечал его необыкновенную целеустремленность. Он умел, не разбрасываясь, не отвлекаясь, годами идти к цели, не давать мелочам жизни опутывать себя, сбиваться с основного пути. Главная цель была как бы прочерчена пунктиром на много лет вперед, и тот, кто пунктир прочертил, совершенно ясно знал, чего хочет достичь. Возможно, эта целеустремленность была родовой чертой, но ее не имелось ни у матери, ни у меня, ни, насколько я знаю, у нашего отца. Все мы неустанно трудились, однако такого чувства цели, желания достичь, — во что бы то ни стало достичь — осязаемого результата, у нас не было. Возможно, процесс для нас являлся более важным, чем сам результат?

Промежуток между двумя большими книгами брата был, как я уже упоминала, велик. Все это время в свет выходили его статьи, посвященные частным, но тем не менее важным проблемам асимметрии мозга. Этими трудами интересовались не только отечественные, но и зарубежные физиологи. Брату, в частности, прислали предложение подготовить книгу для крупного международного, находившегося, кажется, в Лондоне, издательства. Мы вместе ездили на Фонтанку, в отделение ВААП (Всесоюзное Агентство авторских прав было учреждением, монополизировавшим тогда все права на взаимоотношения между писателями и зарубежными издателями). Брат подписал договор. Через год, когда книга была написана, переведена и перевод был отослан, я поинтересовалась, успели ли его коллеги, получившие заказ одновременно с ним, закончить работу? Он ответил вскользь: «Да нет, я один».

Теперь, как бы я ни откладывала, мне предстоит рассказать о смерти Левы. Избежать этого нельзя. Левушка окончил школу. Потом биофак. Поступил работать в институт экспериментальной медицины, в отдел академика Аничкова. К 1983 г. он уже был женат на Валентина Евгеньевне Шарковой. И мне, и маме, хотя мы вообще

крайне редко касались этой темы, все же казалось, что брак этот, как говорится, «с горя». До женитьбы Лев пережил большое, длившееся несколько лет, чувство. Хотел жениться. Но Г. Б. взяла с него слово, что он не свяжет себя до окончания университетского курса. Прошло несколько лет, и Мила, закончив учебу, так и не дождавшись разрешения отношений, уехала домой, кажется, в Сыктывкар. Аналогии рискованной, — но, думаю я, — не повторилась ли в судьбе Левы судьба нашей матери? Не слишком ли много в нашей семье однолюбков?

Левушка поехал за ней. Перед отъездом сказал, что уезжает на несколько дней. Но вернулся быстро. С вокзала приехал к нам. Весь вечер молчал; как и все мы, он был сдержан. Я поняла, что состоялся окончательный разрыв. Прошло немного времени, и племянник женился. Жена его тоже была биологом, практику проходила в ВИР, у Галины Борисовны, была с нею дружна. Валентина Евгеньевна происходила из тяжелой, нелюбящей семьи. Летом 1983 г. все мы были в отпуске. Лева отправился на Онежское озеро. Он оставил жену, которой предстояла операция, в больнице, и ушел в лодочный поход вдвоем с товарищем, Ильей Цуккером, нашим соседом на Песочной. В день приезда, вечером, брат позвонил мне и сказал, что Лева погиб. Утонул. Это случилось 17 августа 1983 г. За 2 месяца перед тем ему исполнилось 25 лет. Мы узнали о катастрофе почти на неделю позже. Родственники Ильи не сообщали нам о случившемся, пока не съездили на Онегу сами. Верней всего, они на месте улаживали последствия ЧП. Но, объясняясь, уверяли, что просто не могли нас найти. Нам было не до расследований. Кроме того, поправить было уже ничего нельзя. Когда я расспросила Илью, которого хорошо знала с малых лет, он рассказал: метрах в ста от берега внезапно налетел ветер, лодка перевернулась. Единственный спасательный жилет еще на берегу Лева заставил надеть младшего. «Когда я вынырнул, — сказал Илья, — Левы уже не было видно, я нырял, но его не нашел».

Долгие годы меня преследовало видение: наш мальчик без чувств лежит на берегу, ведь это так близко, волны выбросили его на песок, быть может, еще живого, а мы не знаем, что с ним случилось. Может быть, — думаю я, — в те часы и дни, что скрывали от нас Левушкину смерть, я успела бы прилететь в Петрозаводск, оттуда недалеко, коллеги, конечно, помогли бы, можно было успеть...

Нашли Леву действительно на берегу Онежского озера, почти месяц спустя. Директором ИЭМ была тогда Н. П. Бехтерева, она дала денег на вертолет. Полетел на Онегу один из молодых сотрудников Севиной лаборатории. Левушку похоронили 15 сентября 1983 г. на окраине старого Петергофского кладбища. Поставили памятник. Потом еще один, — нашей маме, она скончалась 16 июня 1988 г. Еще через 10 лет — Севе. А Мария Васильевна Самородова похоронена рядом с мужем, Борисом Георгиевичем, в Петербурге, на Серафимовском кладбище. «Почти не может быть»...

Всеволод начал писать свою вторую монографию. Наступило время обобщать многолетнюю работу, проделанную его лабораторией. Все чаще стали поступать новые заказы на работы брата — снова из Лондона, из Новой Зеландии... Несмотря на международную известность, брат ни разу не был за границей. Вначале поездки, даже туристические, были невозможны или очень затруднены, потом все время и силы занимала лаборатория, ее оборудование, налаживание эксперимента. Затем, после перестройки, за рубеж мог поехать каждый, были бы деньги. Но у Всеволода уже было мало и денег, и здоровья.

Одной из первых «научных реформ» в 90-е гг. стало разделение универсантов на черную и белую кость. Сотрудники многочисленных научных институтов ЛГУ, который, кстати, при Ельцине получил статус «национального достояния», стали зарабатывать в разы меньше, чем преподаватели. Брат, несколько десятилетий учивший студентов и давно носивший звание профессора, теперь уже не преподавал. Соответственно его зарплата уменьшилась до нищенской. Выручали гранты, в том числе и Соросовские.

Брат трудился. Я хорошо помню, как он писал «Ассиметрию мозга животных». Это было не просто привычным занятием. Работа являлась для него лекарством, позволяющим пережить потрясение от гибели сына. Г. Б. лежала тогда в институте костного туберкулеза со сложным поражением позвоночника. Ее готовили к операции, не позволяли вставать и даже шевелиться. Больница находилась вблизи Политехнического института. Оттуда я ехала через весь город в Старый Петергоф. Сева открывал мне дверь и возвращался в кабинет. Переставал он писать лишь тогда, когда я звала его обедать. Потом брат запирали за мной входную дверь. Я знала, что он сейчас же снова сядет за рабочий стол.

Вот аннотация к «Ассиметрии...». Монография напечатана в 1985 г.

Книга представляет собой первую в мировой литературе монографическую сводку, доказывающую существование у животных латеральной специализации больших полушарий головного мозга. В монографии излагаются данные, собранные преимущественно автором и его сотрудниками. Особенностью книги является сопоставление результатов, полученных при исследовании животных и у человека. Рассматриваются вопросы об индивидуальной и видовой межполушарной асимметрии, о биологических особенностях асимметрии полушарий, о латерализации принципов обработки информации. Выдвигается индуктивно-дедуктивная гипотеза возникновения в эволюции церебральной асимметрии. Делается вывод о латеральной специализации, как важнейшей закономерности функционирования мозга позвоночных».

«Первая в мировой литературе»... Одна из первых в мировой литературе»... — эти характеристики, основанные на отзывах наших крупнейших физиологов, таких, как В. Н. Черниговский, П. В. Симонов, Н. Н. Трауготт, С. М. Верещагин и многие др., неизменно предваряют труды брата. Присутствуют эти слова и в только что процитированной аннотации к «Ассиметрии...» Книга эта вышла в свет примерно через два года после гибели Левы. Эта рана, конечно, не заживала никогда, но сейчас она была еще совсем свежей. На подаренном мне экземпляре брат написал:

Дорогой Валюше — сестре, ставшей совсем, совсем родной — в память о нашем Левушке. Сева. 31/5—85. Дальше шла пометка: NB! См. с.: 5, 170, 251.

На 5 с., в самом конце «Введения», после слов благодарности тем, кто помогал автору в создании книги, идет заключительный абзац:

Хотел бы отметить также большую пользу обсуждения полученного материала с моим безвременно погибшим сыном — биологом по специальности — Львом Всеволодовичем Бианки. С мыслью о нем писал я всю эту книгу.

На с. 170 отчеркнут вывод:

...Отсюда следует, что для естественного развития в онтогенезе межполушарной асимметрии необходима нормальная зрительная афферентация. Под ее влиянием, очевидно, возникают реципрокные межполушарные взаимоотношения, лежащие в основе межполушарной асимметрии. На основании этих данных можно с известной осторожностью предполагать, что у слепых от рождения людей мозг в какой-то

степени характеризуется чертами функционального расщепления. Впрочем, не исключено, что этот дефект может быть сильно сглажен за счет компенсаторных процессов.

Последние две фразы отчеркнуты; на полях Севиной рукой написано:

Эта мысль была высказана Левушкой, когда он работал у меня в лаборатории между 9 и 10 классами.

И дальше, на с. 251, перед названием главы «Индуктивно-дедуктивная гипотеза латеральной специализации мозга» — тоже надпись, сделанная рукой брата:

Эта гипотеза впервые была обсуждена с Левушкой в кемпинге под Ригой во время одной из наиболее счастливых наших поездок в мае 1981 г.

«С мыслью о нем писал я всю эту книгу...» Брат болел. Он продолжал работать в своем домашнем кабинете, ездил в лабораторию, по прежнему подолгу возился в своем гараже, который купил неподалеку и любовно оборудовал, по прежнему водил автомобиль, путешествовал по чудесным окрестностям Старого Петергофа: едва отъедешь от дома, — и уже на природе. Но он недомогал все чаще. В кухне перед его глазами висел перечень продуктов, которые можно есть диабетiku. За долгие годы к ограничениям он привык.

Восьмидесятые годы были для Всеволода очень «урожайными». Интервал между первой и второй его монографиями составил 18 лет. Между второй и третьей книгой — всего 4 года. К тому времени уже был накоплен огромный теоретический и экспериментальный материал. Он требовал осмысления, обобщения. Всеволод никогда не откладывал дела в долгий ящик, но, думаю, теперь просто спешил.

1989 год. «Механизмы парного мозга»:

Книга представляет собой одну из первых в мировой литературе монографических сводок работ по изучению физиологических механизмов функциональной межполушарной асимметрии и взаимодействия больших полушарий головного мозга. Приведены данные, полученные преимущественно автором и его сотрудниками. Рассматриваются вопросы гомо- и гетеротопичности в деятельности мозга, характеристика межполушарной асимметрии, роль межполушарного синтеза и однополушарного доминирования, функции мозолистого тела, свойства «диффузности» и «фональности» в функционировании полушарий, а также значение физиологической доминанты в межполушарном взаимодействии. Обосновывается оригинальная доминантная модель

физиологических механизмов, лежащих в основе межполушарной асимметрии и взаимодействия полушарий. При анализе физиологических механизмов взаимоотношений полушарий основное значение придается принципам асимметрии, доминанты и комплементарности.

Брат болел. Повторился инфаркт. Практически каждый год Сева теперь лежал в больнице, иногда и не по одному разу. Особенно часто — в клинике Первого медицинского института. Здесь его ангелом-хранителем многие годы была Елена Николаевна Остроухова. Врач и пациент подружились домами. Сева очень полюбил ее сына Егора. Под присмотром брата Егор, совсем еще мальчик, впервые сел за руль, начал водить машину.

В наших больницах тяжело не только больным. Тяжело даже тем, кто больных навещает. Как и во всех непривилегированных медицинских учреждениях нашего времени, коридоры клиники были уставлены кроватями, в основном на них лежали старухи; в головах постели обычно стоял табурет с тарелкой и куском хлеба на ней, в изножье — судно или ночной горшок. В уборных было настолько грязно, что брату специально купили резиновые глубокие калоши, похожие на узбекские чуни. Но лечили очень хорошо. Вдобавок к Севе как к постоянному пациенту и коллеге проявляли большое внимание: давали, например, ключ от кабинета заведующей отделением, чтобы он мог поработать в ее отсутствие. Он там подолгу писал, и если я приходила вечером, мы могли посидеть с ним не в палате, где постели стояли впритык друг к другу и всегда было много посетителей. Обычно лечение длилось около месяца. Потом брат выписывался, возвращался домой, снова начинал посещать лабораторию, садился за руль. Конечно, и сам Всеволод, и близкие, отдавали себе отчет в том, что здоровье и благополучие его во многом, если не во всем, обеспечивалось заботами жены. Огромная энергия Галины Борисовны, ее практичность, умение все устроить, уладить, организовать и, главное, ее беспредельная преданность мужу безусловно надолго продлили жизнь брата. Сам он был далек от повседневных бытовых мелочей и не желал вникать в них. Однажды, смеясь, он сказал мне: «я — подкаблучник». Я засмеялась тоже: настолько нелепым показалось мне подобное утверждение в устах волевого, строгого, самодостаточного человека. Потом поняла, что именно Сева имеет в виду: повседневные дела его не касаются, мелочи быта безразличны, тут он вполне подчиняется жене.

Что же касается главных вопросов семейной жизни, — здесь, спору нет, без него ничто не решается.

Наступили 90-е гг. Последний раз его лечили в больнице на улице Костюшко. Не стану описывать подробно ход болезни брата. Слишком тяжело. Скажу лишь, что лет пятнадцать он жил с кардиостимулятором. Ему ампутировали палец на ноге, потом ногу до колена... Вспомнились слова сыктывкарского доктора: «самое опасное даже не инфаркт — диабет»... Сюда, в палату больницы Костюшко, принесли Севе зеленый томик его последней книги «Ассиметрия мозга и пол». Это была заключительная часть задуманной много лет назад трилогии о фундаментальном свойстве головного мозга. И, следовательно, сам факт завершения давно задуманного труда не содержал в себе никакого, казалось бы, печального знака. Но на первой странице стояло посвящение: «Учителям. Ученикам. Другим». Автор словно давал понять: эта книга — последняя, поэтому я и посвящаю ее всем, кому благодарен. Но было у него, уверена, еще одно ощущение: я успел. Да, брат успел завершить то, что наметил сделать еще в самом начале своего научного пути, когда стал работать над первой своей диссертацией. А может быть, еще и раньше, когда писал дипломное сочинение, сидя за маленьким столом в узкой комнате на 3-й линии В. О., д. 30, кв. 3, — в комнате, где за его спиной с потолка капала вода, а он и не замечал: работал.

Год 1997-й: «Ассиметрия мозга и пол»:

В монографии — заключительной части трилогии по исследованию закономерностей ассиметрии мозга, рассматривается связь между функциональной межполушарной ассиметрией и полом. Авторами используется расширенное толкование половой специфики (в неполовых функциях) на основе общих механизмов деятельности высших отделов головного мозга. Формируется оригинальная нейробиологическая концепция пола, согласно которой мужской мозг представляется более специализированным, или дифференцированным, чем женский...

Эту последнюю книгу Сева впервые писал не один. На обложке стоят фамилии двух авторов: «В. Л. Бианки, Е. Б. Филиппова». Елена Борисовна Филиппова была давним сотрудником Севинной лаборатории. Ею написаны I и IV главы, остальные, как и введение, принадлежат Всеволоду. В период работы над книгой Елена Борисовна взяла на себя многие заботы, связанные с изданием. Брат заниматься этим не мог, а лаборатория, где раньше у него были референты, давно уже, по

упомянутым выше причинам, начала распадаться. Мы с Галиной Борисовной в этот период дежурили в больнице по двое суток, сменяя друг друга. Большую помощь в уходе за больным оказывала Неряя Анатольевна, Нера, наша двоюродная сестра. И почти всегда, когда я возвращалась домой, раздавался телефонный звонок: Елена Борисовна справлялась о здоровье Севы. Прочитировав, по принятому мной для себя правилу, аннотацию последней книги брата, хочу привести здесь первую фразу введения к ней: «Накопленные к настоящему времени экспериментальные факты и теоретические положения позволяют говорить о создании нового направления в науке о мозге — „асиметрологии“». Я не успела спросить, кем введено в научный оборот это название — асиметрология, — Всеволодом или кем-нибудь другим. В этот период уже было не до расспросов. Не мне судить также и о том, кто является основоположником нового направления — брат, или кто-то другой, или же вообще авторство принадлежит большому сообществу физиологов мира, разрабатывающих те же проблемы. Но, однако, в любом случае ясно, что Всеволоду Бианки принадлежит в создании «нового направления в науке о мозге» очень большая роль.

На даче в Песочной у нас не было телефона. Около часа ночи с 9 на 10 июля 1998 г. меня разбудил стук в окно. Позвали к соседям. Звонила Галина Борисовна: Сева только что скончался. Утром следующего дня в Старом Петергофе я вошла в дверь квартиры, где уже не было брата.

Прожита громадная жизнь. Жизнь человека, который знал, что хотел, и исполнил то, что хотел. С мыслью о нем, обо всей нашей семье, я писала эти записки. Как бы мне хотелось, чтобы Сева просмотрел их, дополнил, уточнил факты... Впрочем, в правильности фактов я почти уверена, разве что можно сделать скидку на несовершенство памяти. Дело в другом. Возможно, мои впечатления складывались в другой системе образов и понятий, не вполне тождественной для брата. Но кровь — не вода. Очень разные, мы ощущали друг друга с полуслова, с полувзгляда. И сейчас я чувствую его рядом, иногда спорю с ним, как с живым, и вспоминаю его с любовью и нежностью.

И понимаю, что эти записки — то последнее, что я могу сделать для него.

*Январь — март 2003 г.,
С.-Петербург*

О СУДЬБЕ ДРУГИХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ТРЕТЬЕГО ПОКОЛЕНИЯ РОДА БИАНКИ

НЕРЕЯ АНАТОЛЬЕВНА БИАНКИ (1924)

Я родилась во время наводнения 23 сентября 1924 г. в Ленинграде. В семье была четвертым ребенком. Три сводных брата по матери были намного старше. Семья жила в Ленинграде на 14-й линии В. О., я училась в школе на 14 линии (бывшая гимназия Мая). Биологией, несмотря на усилия отца, не интересовалась. В семье часто гостила Алла Боголюбова (в замужестве Бианки), она приезжала к нам на трамвае с ул. Конной, район Староневского. Отец семью оставил, мать работала. Утром мать сажала ее на тамвай, поручая кондуктору, и кондуктор высаживала девочку на Большом проспекте у 14-й линии.

В июле 1941 г. я эвакуировалась с Литфондом (с семьей Н. Н. Ваниной) в Гаврилов Ям (ст. в Ярославской области), в сентябре 1941 г. детский лагерь Литфонда перевели в Молотовскую (Пермскую) области. Там я начала учиться в школе. В феврале — марте 1942 г. родители эвакуировались из блокированного Ленинграда по дороге жизни в Красноярск. Пыталась встретить их на железнодорожной станции, но пропустила. Поехала в теплушке сама к ним в Красноярск. В Красноярске я сдала экстерном экзамены за среднюю школу и поступила на работу в эвакуированный из Ленинграда Арктический научно-исследовательский институт (АНИИ). Когда наши войска вошли в Германию, АНИИ получил разрешение вернуться в Ленинград. Институту был выделен эшелон, и все сотрудники были отправлены в нём обратно. Я в это время была год студенткой учебного Гидрометеорологического института, который специалисты АНИИ открыли в Красноярске при научно-исследовательском институте. Желающих учиться нашлось немного, человек пятнадцать — двадцать (время для учения было не подходящее!). Большинство студентов были сибиряками. Они тоже получили возможность приезда и устройства в Ленинграде. Город во время нашего возвращения был полупустым, сильно разрушенным. Но количество людей заметно увеличивалось каждый день. Мой отец перед переездом института уехал в экспедицию по северным метеостанциям, так что вернулись мы в Ленинград без него. Наша

квартира оказалась занятой, и АНИИ дал нам комнату бывшего сотрудника, не вернувшегося с фронта, около Финляндского вокзала. Гидрометеорологический институт помещался на Малой Охте, мне было сравнительно близко добираться до него. Городской транспорт — трамваи действовал не регулярно, так что часто приходилось добираться пешком. Зимой удобнее было перейти по льду реку (современного моста через Неву не было) и вернуться домой по Литейному мосту.

Какая радость была, когда объявили об окончании войны! Незнакомые люди целовались, обнимались на улицах. Вечером около нашего дома поставили орудия, из которых производился салют. Но что-то не рассчитали, и во всем доме вылетели стекла. В то время стекла были величайшим дефицитом, но в нашем доме окна застеклили моментально, на следующий день.

Через год я перешла в университет. К этому времени нам удалось вернуть нашу квартиру на В. О., и мы перебрались на свой шестой этаж. После окончания университета в 1948 г. меня направили работать в МВД и для конкретного определения места работы пришлось ехать в Москву. Однако там все рабочие места были заняты и мне пришлось самой искать место работы в Ленинграде. Работала 10 лет в Военно-морском научно-исследовательском институте (ВМНИИ), потом до пенсии в Оптическом институте. Работа была интересная, работала с удовольствием. Но когда подошла возможность в 55 лет выйти на пенсию, ушла с работы по домашним обстоятельствам.

*Апрель 2013,
С.-Петербург*

ВАЛЕНТИНА ЛЬВОВНА БИАНКИ (1929)

Я родилась 31 июля 1929 г. в Ленинграде. Меня перенесли из роддома на Петроградской стороне через Тучков мост на В. О., в дом на 3-ей линии, угол Малого проспекта, где уже несколько лет жили мои родители и брат, которому было тогда полтора года.

Валентиной меня назвали неслучайно. Я, так сказать, пала жертвой одной традиции семьи Бианки. В каждом ее поколении старшему сыну давали имя Лев (Лео), либо Валентин. Мой отец, Лев Валентинович, был старшим из трех братьев, следовательно, его первенец должен был называться Валентином. Однако младенца назвали Всеволодом; так захотела мать. При этом она обещала, что следующего ребенка назовут «по обычаю». Родилась я, обещание выполнили, но вековая традиция пресеклась. Попытки восстановить ее происходят регулярно, но пока ни к чему не привели. Ломать — не строить.

Наше с братом детство было очень бедно внешними впечатлениями. Реальной бедности, можно сказать, почти нищеты, мы с братом как-то не ощущали. Большую, некогда барскую квартиру братья Лев и Валентин поделили между собой. Нам достался вход со двора, «черный ход» — чугунная лестница с крупными заклепками на каждой узкой ступеньке, по ней когда-то дворники и прислуга носили дрова, припасы. Сама лестница соседствовала с огромной помойкой, на ее крышке, оснащенной противовесом, мы иногда рисковали покататься. Вот и все развлечения. Впрочем, лично мне их с 5 лет заменили книги; в доме была неплохая библиотека. Это еще до войны, я полагаю, заложило главную основу всего моего образования.

Природы мы с Севой почти не видели и не знали. Отец умер рано, в 1936 г., не успев ничего нам рассказать и показать, мама целыми днями работала в школе, всю жизнь — в две смены. Учителя знают, что это значит. Правда, летом она ухитрялась вывозить детей на дачу, обычно в пригород и ненадолго.

В 1941 г. мы пережили две эвакуации. Первую — в начале войны и вторую — перед началом блокады. Свой двенадцатый день рождения я встречала с мамой и братом в «телячьем» вагоне огромного эшелона. В Ташкент по приглашению друга и коллеги отца Льва Васильевича Ошанина, который жил там уже несколько лет и был профессором Среднеазиатского Государственного университета,

мы добирались около месяца, и за это время все кошмары войны, вся ее огромность прошли перед моими глазами и остались со мной до сих пор.

В Узбекистане мы пробыли 2 года. Мать много болела, не могла ходить, нам с братом довелось жить в детском доме. После пришел вызов с Урала, где вместе с семьей оказалась мамина сестра Наташа и ее муж, Иннокентий Иванович Куренщиков, они радушно приняли нас. Там, в бараке, на далекой окраине Челябинска, мы прожили до окончания войны. Мне еще не было 15 лет, когда я начала работать на военном заводе. Там же трудился и Всеволод.

В Ленинград мы вернулись в 1945 г. На троих у нас было одно пальто, наша квартира пропала. Но мы остались живы. Это было чудом. Вдова и дети Льва Васильевича Бианки всегда сознавали, что этим чудом мы обязаны другу отца Льву Васильевичу Ошанину, вызвавшему нас в Узбекистан, Наталье и Иннокентию Куренщиковым и еще, конечно, родной (не по крови) семье Лебедевых, которые приютили нас в голодном послевоенном городе.

Потом — школа (все годы эвакуации мы не учились, пришлось догонять). В 1949 г. меня приняли в университет на отделение журналистики филологического факультета. Вот мой «послужной список».

1954 г. — окончание университета. Потом — 3 года на Волге, в Чувашии, в редакции молодежной газеты, после — Памирская экспедиция АН СССР с друзьями-геоботаниками, 100 дней; затем — газета «Смена», далее — редакция «Комсомольской правды» (Москва, собственный корреспондент по Ленинграду); перевод в детскую газету «Ленинские искры» (главный редактор, 8 лет), последняя служба — «Учительская газета» (собкор по Ленинграду).

Период работы в «Комсомолке» у меня был связан с острым интересом к трагической ситуации в биологической науке, которая сложилась в стране в сталинский период. Начинаясь «хрущевская оттепель» дала, в частности, моим коллегам и мне возможность способствовать реабилитации Николая Ивановича Вавилова, чья трагическая судьба в начале 60-х гг. была еще неизвестна.

Сейчас, когда я пишу эти строки, мне исполнилось 83 года. Как странно! Я все не могу привыкнуть к такому порядку цифр. Считается, что у людей моего возраста уже мало желаний. У меня, однако, их и теперь порядочно. Главные думы, конечно, о здоровье и счастье близких. Но я часто возвращаюсь к мыслям о корнях семьи.

Не будучи биологом, я все же знаю, что приобретенные признаки наследуются, и понимаю, что наследуются они не впопыхах, не по схемам пошляков и карьеристов от науки типа Лысенки, а становятся результатом длительной, усердной работы генов. Иначе откуда у меня, чье детство прошло в мрачном дворе, где не росло ни одного дерева, а значительная часть жизни проведена в душных редакционных кабинетах, — откуда у меня на самом деле такая тяга к лесу, полю, ко всему живому? И отчего же иначе одно из заветных желаний моих — хотя бы еще раз побывать в бору и увидеть, как кольцом вокруг корня сосны пробиваются к свету головки белых грибов?..

*Апрель 2013,
С.-Петербург*

Вит. Вит. Бианки

ВАЛЕНТИН ВИТАЛЬЕВИЧ БИАНКИ (1932–1970)

Родился 18 февраля 1932 г. Условия его детства имели свои особенности. Третий ребенок был заметно младше первых двух, он рос среди более старших детей и взрослых. Его даже называли первые годы малышом. Когда Валентину было 9 лет, началась война. В первый — второй класс школы он своевременно не пошел, по возможности учился дома. В старших классах школы на углу Среднего проспекта и 4-й линии В. О. занимался неохотно, стал прогуливать. Школу он не закончил. Потом пришлось учиться в школе рабочей молодежи. Отец всячески старался приобщить его к природе, вылечить природой. Охоту по перу и рыбалку на удочку Валентин освоил, хотя и без увлечения. Ни на воле, ни дома живность его не интересовала, хотя по просьбе он мог, например, проверить гнездо с птенцами. В 1956 г., женившись в Ленинграде на Нине Ивановне Трофимовой, (15 апреля 1932 — 12 сентября 2012) в 24 года он устроился жить отдельно от родителей и пошел работать электриком на завод. Много занимался с сыном, Виталием, читал ему. Активно коллекционировал почтовые марки, посвященные Ленину. Летом во время отпуска дважды приезжал ко мне на Белое море. В последние годы Валентин увлекался зимней рыбалкой с товарищами по работе.

- Скончался Валентин в 1970 г. в результате инфаркта.

Вал. Львовна Бианки

ЛЕВ ВСЕВОЛОДОВИЧ БИАНКИ (1958 – 1983)

Единственному представителю четвертого поколения естествоиспытателей семьи не суждено было плодотворно продолжить путь отца, деда и прадеда. Лева родился в Ленинграде. Закончив биологический факультет Ленинградского государственного университета, он успел после выпуска короткое время проработать в лаборатории академика Аничкова. В двадцатипятилетнем возрасте юный биолог утонул в Онежском озере. В трагическое плавание на байдарке они отправились вдвоем с младшим товарищем. Тот рассказывал: когда начало штормить, Лева отдал ему свой спасательный жилет. Второго у них не было. Лодка перевернулась. Через несколько дней тело моего племянника нашли на берегу, куда его вынес прилив. Похоронили в Ленинграде на Старопетергофском кладбище.

Его отец, физиолог Всеволод Львович Бианки, заключил предисловие к своему капитальному труду «Асимметрия мозга животных», изданному в 1985 г., словами: «Хотел бы отметить большую пользу обсуждения полученного материала со своим безвременно погибшим сыном — биологом по специальности Львом Всеволодовичем Бианки. С мыслью о нем писал я всю эту книгу».

В экземпляре монографии, подаренной мне братом, на нескольких страницах его рукой отчеркнуты абзацы с пометками: «Эта мысль была высказана Левушкой, когда он работал у меня в лаборатории»; «Эта гипотеза впервые была обсуждена с Левушкой».

ПРИЛОЖЕНИЕ

Сочинение гимназиста Льва Бианки

СЕМЬЯ И ШКОЛА В ВОСПИТАНИИ ЧЕЛОВЕКА

Задачею всякого воспитания является подготовка человека к самостоятельной жизни. В настоящее время подготовку эту дает семья и школа. Представители их ведут постоянный спор о преимуществах семейного и школьного воспитания. Семья ставит в вину школе то, что она заботится только об умственном, чисто отвлеченном развитии своих питомцев: религиозное и нравственное воспитание их, не говоря уж о физическом может считаться почти совершенно отсутствующим. Далее, школа не обращает внимания на личные склонности и особенности каждого из своих воспитанников, вследствие чего, с одной стороны, природные способности часто атрофируются и исчезают, с другой, — иногда насилуются слабо выраженные у данного лица дарования, что мучит ребенка, отнимает у него здоровье и время, и что все-таки не достигает цели.

Школа обвиняет семью в том, что она, стараясь к возможно более полному развитию ярко проявляющихся способностей человека, оставляет в стороне общее развитие; в том, что она не имеет одной общей и постоянной системы воспитания, следствием чего является разбросанность знаний, получаемых в семье; в том, что каждая семья смотрит на воспитание со своей, далеко не всегда правильной точки зрения и поэтому воспитание в семье может оказаться вредным для общества и государства; в том, наконец, что семейное воспитание не развивает духа товарищества и общественности, имеющего большое значение в каждом гражданине.

Прежде, чем делать заключения о том, школа или семья имеют большее влияние на воспитание человека, необходимо рассмотреть эти взаимные обвинения, в которых и с той и с другой стороны есть много справедливого.

Одно из самых частых обвинений, делаемых семье школе, — упрек в отвлеченности и теоретичности даваемого ею воспитания. В самом деле, вполне естественно требование, чтобы школа готовила к действительной, реальной, а не книжной или идеальной жизни. При-

зная, что школьное воспитание есть воспитание теоретически — отвлеченное по преимуществу, школа имеет, однако, право отстаивать его перед чисто практическим. Всякая теория представляет собой ряд факторов, взятых из жизни и приведенных в стройный порядок или систему, в основании которой положена одна главная или руководящая мысль; отсюда при более подробном изучении теории видно, что она учит осмысленной и обобщенной жизненной практике. С другой стороны, при разнообразии форм современной практической жизни все испытать самому невозможно. Поэтому нельзя выработать и общий тип практической школы: подобная попытка всегда кончается специализацией на определенном предмете, что затрудняет общее и равномерное развитие учащегося и суживает его горизонт. Наконец, в свое оправдание школа может указать на то, что человеку, получившему отвлеченное образование, легко освоиться даже с незнакомыми явлениями жизни благодаря приобретаемой при изучении теории привычке правильно смотреть на вещи, тогда как практик, воспитанный в каком-нибудь одном направлении, совершенно потеряется в непривычных условиях и должен будет учиться всему сызнова. Если же принять во внимание, что во время прохождения школьного курса воспитанники не изолируются от внешней жизни (исключение составляют только так называемые закрытые школы, о которых говорить приходится особо, т. к. их строй очень резко разнится от строя открытых школ) и имеют полнейшую возможность изучить окружающую их обстановку, то теоретическое воспитание окажется даже предпочтительнее чисто практического. «Школа развивает в детях только умственные способности, не касаясь религиозного и нравственного воспитания», говорит семья. На такой упрек школа может возразить, что для религиозного и нравственного развития не может быть достаточным то короткое время, которое ученики проводят в стенах училища. Этого времени едва хватает на поддержание религиозных и нравственных основ, вынесенных из семьи; если же семья сама страдает отсутствием нравственных устоев, то школа не всегда имеет возможность успешно бороться с безнравственностью и часто даже оказывается вынужденной удалять вредные элементы, т. к. мало нравственные ученики легко приобретают тлетворное влияние на своих товарищей. Возможно, конечно, лучшая постановка нравственного воспитания, но открытая школа никогда не будет в состоянии заменить в этом отношении семью, так что в данном случае упрек семьи основателен. Что касается

физического воспитания, то школа и тут может только стремиться к хорошим результатам, но ручаться за успех своих стараний она не в состоянии. Она может обставить воспитанников в своих стенах самыми лучшими гигиеническими условиями, но все заботы не достигнут своей цели, если домашняя жизнь ученика не будет также целесообразно устроена.

Нельзя обвинять школу наряду с упреками в отсутствии нравственного воспитания и в допущении вредного влияния товарищей. На это можно сказать, во-первых, то, что замечание относится главным образом не к открытой, а к закрытой школе, т. к. в первой это влияние сводится к минимуму вследствие краткости времени пребывания в училище и слабостью товарищеских отношений; во-вторых, то, что некоторого влияния среды не возможно избежать нигде, а против вредного воздействия школа принимает все зависящие от нее меры; в третьих, то, что степень влияния на воспитанника всегда зависит от его характера, который складывается еще в семье.

Очень часто слышны по адресу школы упреки в том, что она обращает слишком мало внимания на личные склонности учащихся: на особые дарования к одним предметам и на отсутствие способностей к другим. Примером такого отношения школы к воспитаннику служит обыкновенно школьная жизнь А. С. Пушкина, не имевшего никаких дарований к математическим наукам при гениальных способностях к языкам и словесности. Но для всякого беспристрастного человека ясно, что школу нельзя винить за то, что она не усиливает данного предмета для отдельных личностей, т. к. она должна сообразоваться со средним развитием воспитанников; нельзя также требовать от школы, чтобы она исключала для нескольких лиц тот или иной предмет преподавания или заменяла его новым, т. к. от этого нарушилась бы общность и цельность воспитания.

Таким образом, как бы ни были справедливы в частных случаях подобного рода упреки, школе нельзя вменять в обязанность заниматься каждою личностью в особенности, но за то семья может зависящими от нее средствами дать учащемуся возможность совершенствоваться в любимых предметах и пополнять пробелы его знаний в тех отраслях преподавания, к которым учащийся мало способен.

Недостатки семейного воспитания, отмечаемые школой, можно разделить на две большие группы. К первой будут принадлежать

недостатки в постановке или системе воспитания. Ко второй — недостатки, происходящие вследствие неправильности или (даже) извращенности принципов, на которых воспитание основано. При разнообразии взглядов на воспитание и его значение в каждой семье будут воспитывать детей по-своему, вследствие чего не будет в воспитании единообразия, которого достигает только школа. В домашнем воспитании легко отклониться от намеченной программы, т. к. правильному выполнению ее препятствует много таких причин, на которые не обращают внимания в школе

Возможны также перемены программы изучения какого-нибудь предмета по измененной системе, тогда как в школе воспитание ведется по одной общей для всех программе, признанной заведомо лучшей, и ломка в школьном строе происходит очень редко. Под влиянием желания возможно удовлетворить полнее особенно сильно проявляющиеся способности воспитываемых, часто упускается из виду вещи, необходимые для общего и всестороннего развития человека, отчего воспитание теряет цельность, становится односторонним и мало-помалу ведет к более или менее узкой специализации, сильно ограничивающей умственный кругозор. Таким образом, вместо целесообразной подготовки к жизни из домашнего воспитания человек выносит сплошь да рядом разрозненные обрывки знаний и сведений. Последствия таких и подобных недостатков для государства довольно легко могут быть устранены посредством хорошо организованного контроля при принятии на государственную службу. Поэтому упреки в отсутствии общей определенной системы домашнего воспитания имеют силу только по отношению к личности воспитываемого, которому, как доказывают исторические примеры, очень трудно восполнить такого рода пробелы в своем образовании. В противоположность этому недостатки семейного воспитания, являющиеся следствием обособленности воспитываемых или вредного влияния на них воспитателей, имеют иногда большое значение для общества и государства. В школе между учениками одного возраста устанавливаются более ли менее тесные отношения, вызываемые общим воспитанием и общими интересами, такие товарищеские отношения гражданственности и патриотизма. Не мудрено, поэтому, что разумное развитие этих отношений очень желательно с государственной точки зрения. Домашнее воспитание вовсе не развивает в человеке духа товарищества и, следовательно, не дает ему выработать правильные

отношения к окружающим, не учит его стоять за общее дело и не выдвигать близких людей, хотя бы за это он мог пострадать сам, т. е. не внушает ему самоотвержения во имя общества. Такой человек никогда уже не будет ни истинным патриотом, ни хорошим гражданином, т. к. всеми его действиями и поступками будет руководить эгоизм, который развило в нем воспитание вне товарищеской среды. Вредное влияние учащихся может проявлять себя в различных сторонах воспитания. Влияние это сказывается особенно сильно при домашнем воспитании, потому что деятельность воспитателя здесь почти не подвергается проверке, тогда как в школе наблюдение за учащими до того стеснительно, что ведет иногда к полному обезличиванию их. Таким образом в семье меньше ограничена личная работа воспитывающего и потому он имеет гораздо более влияния на своих питомцев. Смотря по направлению деятельности его, влияние будет полезным или вредным. В последнем случае вред, приносимый им, почти не исправим: посеянные им семена рано или поздно взойдут и в конце концов дадут плод, достойный сеятеля! Нельзя не сознаться, что в этом отношении домашнее воспитание является злом, но, с другой стороны, нужно заметить, что заведомо неблагонамеренных людей можно не допускать к воспитанию детей и что, кроме того, таких элементов сравнительно очень немного. Из всего сказанного относительно недостатков и преимуществ школьного и домашнего воспитания видно, что ни то, ни другое не может считаться идеальным. Школа, стремясь к общности и цельности образования, не принимает в расчет личных склонностей учащихся; семья, наоборот, обращает слишком много внимания на личность, почему воспитание, даваемое ею, часто страдает односторонностью. Школа в громадном большинстве случаев не имеет возможности вполне воспитать человека ни в религиозном, ни в нравственном, ни в физическом отношении; семья не обладает средствами дать такое полное умственное развитие, как школьное. Школа воспитывает в духе товарищества, а семье обыкновенно это не под силу. С одной стороны, семейное воспитание подвержено иногда вредному влиянию учащихся, тогда как школа вполне управляет своими воспитательными силами; в другой — школа не в состоянии устранить вредное влияние товарищей в то время, как семье не трудно подобрать подходящую среду. Самые недостатки школьного и семейного воспитания являются как бы следствием положительных сторон воспитания. Так, в школе из стремления к цельности образования вытекает пренебрежение к личным наклонностям; из желания

проверять преподавателей — стеснение деятельности их; из намерения допустить возможно более широкое развитие в учащихся духа гражданственности — тлетворное влияние товарищей друг на друга. В свою очередь семья, стараясь уничтожить недостатки школьного воспитания, впадает в ошибки, которые избегла школа: забота об индивидуальном развитии вредит общему; полная свобода преподавания дает часто отрицательные результаты, старание оградить воспитываемого от нежелательного воздействия товарищеской среды препятствует укреплению приобретаемых только в этой среде зачатков гражданственности. Устраняя один из этих недостатков и семья, и школа неминуемо должны впасть в другой. Поэтому обе они не могут собственными силами справиться со своими недостатками, но должны взаимно исправлять и восполнять друг друга. Попытку соединить в одном учреждении воспитательные элементы семьи и школы представляет «закрытая» школа. Это учреждение, укоренившееся во многих государствах, нельзя признать совершенно достигшим своей цели, так как, со своей стороны, в ней усиливаются некоторые недостатки открытых школ (влияние среды, отчужденность от жизни и т. д.), с другой — оно далеко не может заменить семьи в годы раннего детства. Из этого вытекает заключение, что для приближения к идеалу воспитания необходима совместная работа школы и семьи. В самом раннем детстве школа не способна взять на себя воспитание ребенка, т. к. в этом возрасте человек требует неотступного попечения о себе. Далее в воспитании отрока роль семьи, заложившей в душу ребенка нравственные и религиозные основания, немного отступает перед ролью школы, но никогда не утрачивает своего значения. В конце концов после такой подготовки семьей и школой, юноша вступает в жизнь, которая сама имеет для него громадное воспитательное значение. Итак, человека воспитывает и школа и семья, но нельзя сказать безусловно, школа или семья больше воспитывает человека. В одном возрасте нужно отдать предпочтение домашнему воспитанию, в другом — школьному. В одной области семейное воспитание не может быть заменено школьным, в другом — школьное ничем не заменимо. Наконец, необходимым условием идеального воспитания необходимо семье и школе пойти на встречу друг другу и соединить свои силы, чтобы дать государству хороших граждан, а обществу порядочных и образованных людей.

ГОРОД, КОТОРЫЙ ПОКИНУЛИ ПТИЦЫ

*Иль отравил твой мозг несчастный
Грядущих войн ужасный вид:
Ночной летун, во мгле ненастной
Земле несущий динамит?
А. Блок, 1910 г.*

Полет. Неподвижные крылья

Над Хвойной немолчно ворчат самолеты — днем и ночью.

С военными все очень просто. Едва познакомился с молодым летчиком:

— Я переговорю с начальником, устроится.

Начальник только просмотрел командировку, пропуск — и на клочке бумаги написал, чтобы меня взяли на отлетающий самолет.

Машина с пассажирами уже ушла.

— Остановить первую попавшуюся и доставить на аэродром.

Через десять минут я на аэродроме. Командир машины просмотрел документы, записал фамилию и, — можете идти садиться.

Американский двухмоторный Дуглас (№ 440). Легкая металлическая приставная лесенка. Таскают груз — в брюхо рыбыны: можно садиться. Беру свои три «места» (сухари, лук, горох и прочее для ленинградцев) и забираюсь в просторное брюхо.

Впереди кабинка пилота — дверь закрыта. Потом несколько мягких стульев с откидными спинками (можно спать как в шезлонге — полулежа); они уже заняты равнодушными рабочими пассажирами. Мы — армейский командир по части связи (тюки почты, мешок телеграмм), еще двое военных и я — устраиваемся у бортов на своих вещах. Пилот (товарищ Чернышов, самолет ведет из Москвы) прошел в свою кабинку (в двери мелькнули колеса и рычаги). Лесенку убрали, дверцу захлопнули. Загудел мотор. Наш большой самолет побежал тихо и плавно (на трех толстых резиновых колесах) по снегу. Повернули. Разбежались. Стоп! Пилот с лопатой выходит из своей кабинки, приставляет лесенку, спускается: оказывается — задела крылом за сосенку. Она срублена. Бежим дальше. Незаметно под-

нимаемся. Соснячок близко под нами. Над поселком, где только что проходили пешком, разворачиваемся. И так же низко плывем над лесом, над лесами. Покачивается плавно, как на большом морском пароходе. (Совсем не похоже на полет на открытом У-2: тут пассажир отделен от стихии, ветра, — он в каюте, тепло, провалов в воздушные ямы нет, — как по волнам скользит большая воздушная рыба).

Первые впечатления

Два красноармейца тащат полный мешок с повисшей на нем женщиной. Третий направляет па нее револьвер.

— Не отдам! — вопит женщина. — Мое! Убивай! Через полчаса разговор по телефону в комендантском (Комендатуре? — *Е. Бианки*) у аэродрома.

— Я комендант. Товарищ начальник. Тут бойцы отнимают у женщины картофель. А?.. Какой части? Зенитчики. Я был. Не признают, что комендант. Угрожают оружием. Пришлите... Слушаюсь.

На грузовике въехали в Город. Сразу начались разрушения: пожарища, вырванные куски домов, полуразрушенные церкви, пустые окна, глухие ставни и в верхних этажах. Черные грачевники. Нет грачей.

Город обступает нас все шире. Медленно — как замедленные движения в кино, — медленно бредут люди. Не люди: носатые обезьяны. У женщин особенно: костяные лица, провалы щек — необычно выдавшиеся, увеличенные носы. Проезжают люди на велосипедах с тючками на багажниках. Медленно, медленно едут, устало поднимая и опуская ноги.

Свалка мусора. Трупы на ней — мужские и женские. Часть зашита в разное тряпье, часть так. Напротив — за ложбиной — кладбище. Ни птиц, ни собак. Прохожие не взглянут па трупы.

Цел Смольный — как подарок. Черное пожарище в саду на Таврической на чистом снегу. Грязный, облупленный, с поврежденными домами Литейный сразу не узнаю: темная какая-то улица, хотя светло. Застрявший в сугробах исковерканный танк. (На следующий день он исчез). Слепые окна домов, забранные ставнями, внизу — щитами с песком; кой-где на стеклах грязные бумажные косые и прямые кресты (анахронизм).

Машина остановилась около прокуратуры; шофер и начальник ушли в дверь, охраняемую красноармейцами с винтовкой.

Ждем. Уже которую тянут мимо нас на санках «пеленашку». Армейской связи командир, сидящий со мной в грузовике на мешке с телеграммами, кивает мне:

— Смотрите, еще!

Седая сгорбленная женщина с бетонно-серым лицом и прядями выцветших волос, выбивающимися из-под модной когда-то шляпки, вдруг останавливается у машины и говорит глухим, провалившимся голосом:

— Удивляетесь? У нас все так. Много. Все умрем. — И не дождавись ответа, плетется дальше.

Шофер выходит. Едем на Невский. Грязь, грязный лед, грязные дома, провалы окон, провалы стен. Неожиданно плоский — без красавцев клодтовских копей и укротителей! — Аничков мост.

Перспектива Невского кажется много шире и пустынной: две-три машины на ней, жидкий поток невзрачных прохожих. И аккомпанемент ко всему: редкое буханье тяжелых снарядов где-то в стороне Московско-Нарвской заставы и где-то на Выборгской.

Птиц на улицах города больше нет. Голубей переловило и съело население еще в начале блокады. Галок тоже. Затем были съедены лошади. С лошадьми связаны воробы.

Когда я приехал, началась уже настоящая весна. Но грачи в город не прилетели. Возможно, их, как и других птиц, отвадил ежедневный обстрел. Изредка лишь в городе можно слышать или видеть карканье вороны: этим трупоедам достаточно пищи в осажденном городе.

Разрушения

Мы жалели Лондон и лондонцев: сколько пришлось вытерпеть городу! За все время войны (до марта 1942 г.) на Лондон было 130 с чем-то налетов с бомбежкой. На Ленинград было уже 330 с чем-то налетов, 330 раз на него сыпались тяжелые фугасные и зажигательные бомбы — не считая обстрела из дальнобойных орудий, — из месяца в месяц, изо дня в день. Самыми опасными местами во время налета оказались наши бомбоубежища: упав поблизости от них, бомба живо погребала всех собравшихся; там людей заливало водой из лопнувших труб водопровода раньше, чем их успевали раскапывать.

Случалось, из-под земли и обломков высовывается рука, на ней браслет, кольца или часы. И раньше, чем человек увидит свет, эти вещи уже сняты с его руки.

На всю зиму Город остался без электричества, водопровода, канализации, трамвая, радио (кроме «точек»), отопления и еды. Ни одна вражеская бомба не попала ни в одну электростанцию, ни в водонапорную башню водопровода, ни в радиостанцию. Попала бомба (еще в самом начале блокады) в Бадаевские хлебные склады и сожгла их (три дня, говорят, освещал пожар все небо, весь Город). В большом Гостином дворе бомба с самолета убила нескольких служащих в «Издательстве писателей», но весь выгорел Б. Г. Двор, говорят, от буржуйки. Через канал от Дома книги большой пятиэтажный дом, где на углу известная «Культурная пивная» была. В середину этого дома попала тяжелая бомба, вырвав все этажи снизу доверху трубой диаметром метров в десять.

(Сама «Культурная пивная» осталась цела. В этом помещении продают сейчас хлеб, и называется она сейчас на языке обывателей — «разбомбленная булочная». «Где брали хлеб?» — «В „разбомбленной булочной“».)

Кишки наружу. В разрушенной части дома с исчезнувшим фасадом (так Хромой Бес Лесажа снимал крыши домов, чтобы показать, что внутри делается) на случайно уцелевших уголках комнат видны: учрежденческий канцелярский стол, корзина для бумаг под ним, стена частной квартиры, где с пола свисает рояль (а под ним пусто). В доме 11 по Литейному проспекту — рядом с домом, где жил А. Г., где помещался продовольственный магазин, именованный «Корова» (фигурка коровы стояла в витрине), — попала «тонная» бомба. Вырвало полдома. Уцелела лишь подворотня.

В разрушенных этажах видно: уцелевший уголок чьей-то спальни кровать стоит простая железная, рядом с ней зеркало на стене и пиджак висит.

Мариша Ворслова рассказывает: «От бомбы обвалился весь перед дома. В этой квартире наверху сидели и чай пили. Они так и застыли с блюдами в руках. А кругом них, — ни стен, ни пола, ни потолка.

Я обошел Мариинский театр — и радовался, что так мало его повредило: в одном месте легкий, видно снаряд чиркнул по углу; в другом — вскрыло стену (со стороны Невы) и видны переходы лестницы, площадки, где в антрактах продавались напитки и пирожные. Это легко ремонтировать. Потом я узнал, что бомба упала сквозь крышу и все ярусы внутри обвалились. Этого снизу не видно.

Городская дума на Невском, башня ее стоит как прежде, только часы вылетели. Но внутри, говорят, ничего не осталось.

В первый день мне показалось, что уличные часы во всем городе остановились на половине пятого. Потом убедился, что все они показывают разное время — ту минуту, в которую грохнула около них бомба или разорвался снаряд.

Остановилось твое время, Ленинград! Трехэтажный особняк на Французской набережной у Литейного моста «вырван с корнем» — только груда кирпичей осталась.

Genius loci

— Гений Петра хранит город, — говорит И. Гр. — Заметьте: ни одно из зданий, связанных с Петром, не пострадало от бомб и снарядов: ни Адмиралтейство, ни Петропавловка, ни АН, никакие творения эпохи Елисаветы и Екатерины, — даже Смольный. В Сенат, правда, попало, но разрушения незначительные, восстановят быстро. А в квартал Росси ложились тяжелые снаряды — и не могли разрушить: так крепки стены.

В левом крыле Русского музея вылетели все его огромные окна. Сквозь дыры видны висающие на стенах картины, — народ может созерцать их с улицы, бесплатно.

Памятник на Знаменской площади Александру III («Обормот на бегемоте») был зарыт во дворе Русского музея. Бомба упала как раз на это место, но не прошла в землю, взорвалась на поверхности, — не повредила ни царя, ни коня.

В Зоологическом саду слониха Бетти была тяжело ранена осколком бомбы. Ее пристрелили и съели. Съели, говорят, и всех других зверей и птиц сада.

Ботанический сад разрушен бомбами. В теплицах уничтожены такие растения, каких больше нет нигде на Земном шаре (тысячелетние саговые пальмы и др.). Так велик Город, что уничтожить его весь никакими бомбами и снарядами невозможно. Может быть, люди придумают еще новые средства для этого?

Стиль смертного времени

— Несите, несите! Вот сюда, пожалуйста. Нет, тут нехорошо: крысы объедают. Вот гак повыше. Голову подоприте. Вот и славненько, и спасибо вам!

— Паспорт есть? Хм... Тогда надо бы десяточку...

Так при посещении депутата Ленсовета И. Гр. принимала служительница морга Смольнинского района привозящих на санках трупы.

Носы, уши, щеки кучей сваленных в морге трупов были выедены крысами.

Если ты вежливо спросишь о чем-нибудь проходящего — безразлично — молодого, старого, мужчину, женщину, — тебя обязательно обругают.

Дорога за кольцо называется здесь просто «трасса», или поэтически: «Дорога жизни». Кто-то из писателей, сидя здесь, уже пишет роман под таким названием. В. К. Кетлинская в течение всей зимы пишет роман «Осада Ленинграда».

Уезжая из Города во время большого налета, я слышал адский вой сирен (тревога). Но так и не услышал сигнала отбоя.

Сигнал жизни по радио: неторопливо все время, днем и ночью (когда нет передач) тикает метроном. Тревога — и гиканье замолкает, потом вдруг начинается частое.

Юмор приговоренных к смерти

— Уходя из гостиной, не забудь потушить зажигательную бомбу. Меняю фугасную бомбу на две зажигательных в разных кварталах.

— Превратим каждую колыбель в бомбоубежище.

— Получил попок (паек: выдачей пайков населению города распоряжался в Смольном товарищ Попков).

— Великомученица Дистрофия.

Каша повалиха (из отрубей).

— Сыр Пер Гюнт.

— Хряпа (капуста).

— Завернул козью ножку — получай «зажигалку» (зажигательную бомбу).

Женя Шварц, потерявший свое брюхо: «Теперь я по утрам вскакиваю в свои нерасстегнутые брюки». (Улетел в конце декабря). — Пеленашки.

В каждой газете: «Немецкие стервятники...»

— А стервы, значит, это мы?

В кинотеатр «Последние новости» (на Невском) попала бомба, передавали друг другу ленинградцы. К сожалению, это была не острота.

— Фриц летит! (немецкий самолет).

В смертельное время в городе еще острили. В марте больше не острят.

Цены

Рояль Беккера кто-то из писателей, живших в надстройке (Канал Грибоедова, 9. — *Е. Бианки*), продал за 1,5 кг хлеба.

Хлеб — в январе — феврале 42 г — 1 000 р. кг; в марте — 400 р. кг, считается, но нигде не купишь.

Коробок спичек — 15 р. в марте на углах (очень редко).

100 г табаку (легкого) — 400 р. — «в подворотне».

На улицах встречные произносят вполголоса: «Меняю табак». «Папиросы». «Есть табак».

Новый мужской костюм — 1,5–3 кг муки (1–2 кг сухарей).

Пакетик сосновой хвои — 20 г в конце марта свободно можно было купить на улице — но 35 коп.

Плитка столярного клея — 35 р. (вываривают, делают студень).

Гужи (сыромять) — по соглашению.

Улыбка

Теперь у ленинградцев, как у японцев, бушидо: улыбаясь сообщают самые душераздирающие новости.

У меня мать умерла. — У меня дочь в убежище завалило. — Трех сыновей уже у меня на фронте убило. И улыбаются. Страшная, торопливая болтливость дистрофиков и не сходящая с лица, онемелая улыбка.

Сейчас, что, а вот в смертное время было... — и следует бесконечное нагромождение ужасов. На улице видишь много безумных лиц; чаще всего они улыбаются. Застывший на лице испуг — редкое явление. Маска смеха на выходцах с того света. Город напоминает замок из сказки о спящей красавице: трамваи не ходят, застывшие машины на улицах, и люди — кто где ткнулся — замерзли.

Страх и безразличие

К вечеру управхоз привел меня к участковому (по делу о краже моего рояля). Были сумерки, и участковый зажег лампу. Начался обстрел из тяжелых орудий. Снаряды ухали где-то недалеко, но ни участковый, ни толпившиеся около его стола женщины не обращали на взрывы никакого внимания.

Вдруг ухнуло совсем близко, — даже лампа притухла, дом задрожал и закачался. На лице участкового отразился испуг. Лампа снова вспыхнула. Участковый — без всякой рисовки, простодушно вздохнул: «Фу ты! А я думал — лампа погасла», — и продолжал наполовину прерванную фразу.

Жена Евг. Льв. Шварца — Ек. Ив-на всю зиму отличалась необыкновенным мужеством. Она бессменно дежурила с мужем на крыше, когда Г., К. с плачем скрывались в убежище. В конце февраля Шварцы решили воспользоваться случаем и улететь. Тогда Ек. Ив-на вдруг превратилась в трусиху, готова была куда угодно прятаться во время налетов и обстрелов. Еле дождалась вылета.

М. И. Максимова (временно вселенная в нашу квартиру), по собственным словам и утверждению соседей, впадала в истерику при налетах, поднимала всех в квартире на ноги ночью даже при отдаленной бомбежке. Потом вдруг ей стало совершенно безразлично — ухаает, нет ли. Теперь ее штрафуют за то, что она не прячется во время налетов, и детей своих она не будит ночью во время бомбежки.

Дистрофия

«Расстройство нервной и мышечной системы на почве истощения».

«Дистрофия один» («Раз»). «Дистрофия два». «Дистрофия три» — безнадежная стадия; человек умирает в три дня.

Дистрофический понос. Опухание ног. Катастрофическое похудание (в два-три дня от человека остается «одно основание»). Боль в позвоночнике. Ломаются ногти. Помутнение сознания. Серый цвет лица. Кровавые веки. (Б. Я. Бухштаб).

Пена у рта. Кожа трескается.

Проделавшие всю дистрофию до конца умирают безропотно, почти безболезненно — обычно во сне.

Выпадение волос. Температура $35,4^{\circ}$, $35,2^{\circ}$ у дистрофиков считается нормальной, $t^{\circ} 36^{\circ}$ с десятymi — «повышенная температура». У Ал. Г. Б-на, когда он лежал в стационаре, было $34,4^{\circ}$ и $34,2^{\circ}$.

Для дистрофика губительно всякое чрезмерное (по его слабым силам) усилие. А. Г. свалился, подняв к себе на пятый этаж санки с грузом. Катастрофическим расходом сил объясняется, вероятно, и то, что наравне с людьми непрактичными умирают от дистрофии также и жулики, ловчилы: тратя на изыскание средств существования много сил, они быстро приводят себя к гибели.

Книги

Книжные магазины в городе, как и все др., давно закрыты. Редчайшие, ценнейшие можно купить в городе издания. Открыта осталась одна только Книжная лавка писателей. Заведующий ею — Геннадий Моисеевич Рохлин. Он уже закупил книг для четырех лавок и открывает их (март). У Дома книги, на Литейном, на Симеоновской — столики, лотки с книгами. Тут всегда густо народу. Особенно много покупают книги (беллетристику) военные. Всюду — в коридоре Смольного и на улицах — продается «Пятнадцатилетний капитан» Ж. Верна, выпущенный в начале войны. Раскупается, главным образом, увлекательное «чтово» — авантюрные романы. И старые классики. Все то, что описывает жизнь, не похожую на современную. Коллекционеры и любители редких книг маниакально продолжают — и, конечно, весьма плодотворно сейчас — погоню за ценным товаром, обесцененным сейчас.

Волна

— Все дело в том, как пойдет волна: если от тебя, так хоть бы что! Дом, где живет Ю. Бурчик, почти рядом с Австрийским посольством. Когда ударило в Австрийское посольство, у Б. только стекла задрожали. А напротив посольства на улице Чайковского, волной от взрыва была убита на месте дежурная, стоявшая на площадке лестницы внутри дома (окна в нем, конечно, выскочили).

По направлению движения волны все стекла вылетают на большом расстоянии. Иногда волна выкидывает неожиданные штучки. В комнате, где спала племянница И. Гр., волной свалило стену, под которой стояла ее кровать. Свалило целиком, плашмя. И навалило верхним концом на другую стену — устоявшую. Получился треугольник, внутри вершины которого осталась спокойно стоять кровать племянницы И. Гр. Молодая женщина осталась целехонька.

И вот факт (сообщил И. Гр.) просто сказочный: дежурившего на крыше гражданина сорвало с ног, перекрутив несколько раз в воздухе — и там тихохонько поставило на ноги. Человек очнулся — и никак не мог понять, каким чудом он здесь очутился.

Безрадостные светляки

Какую радость мы испытали однажды с В., когда темной августовской ночью возвращались однажды из Тумашева от И. С.

в Михеево и вдруг в ложбине, полной тьмы и тумана, увидели множество теплых огоньков, светящихся в траве и на кустах, — целую высыпку светлячков.

Громадный город глухо затемнен. Он не смеет нигде зажечь огня. Черная зима. А людям надо как-то ходить по черным улицам. И вот, чтобы не наткнуться друг на друга в этой крошечной тьме, пришлось подавать друг другу световые, все же, сигналы, но такие слабые, чтобы не мог заметить грозящий с черного неба враг. На пальто и шубах появились круглые, как пуговицы, жетоны-светлячки. Предварительно они заряжаются на солнечном (таком редком в городе) свете или свете лампы, даже спички; во тьме флюоресцирует слабым зеленовато-голубым светом. Ночь. Улица. В полной тьме — грозящей ежеминутно смертью тьме — движутся навстречу друг другу мертво светящиеся точки. Как проклятые души в крошечном аду. Света от жетонов ровно столько, чтобы людям не наткнуться друг на друга, — *понять, что рядом другая, еще не умершая душа.*

Самое удивительное: специальные мастерские стали художественно оформлять этот новый адский быт — новую моду. Появились маленькие (мужские) и большие, как пуговицы у дамских пальто (женские), круглые светящиеся жетоны, изящно сделанные. На пальто у О. Кузнецовой («Враг под микроскопом») я увидел большой жетон с тонким рисунком жирафа (красный) и пальм (зеленые) на общем желтоватом (цвета флюоресцирующего вещества) фоне пустыни. Художники выпускают такие жетоны с фигурками слона, горного козла, северного оленя, белого медведя. Говорят, «ширпотреба» из этого не делают, — художественной работы жетоны не поступают в продажу, расходятся тут же по рукам.

При чем тут звери? Уж я бы делал жетоны с видами Города, его уцелевших и разрушенных зданий, — а то с самолетами-бомбардировщиками, облачками зениток в небе, — с картиной воздушного налета, взрывом «фугасок» и «зажигалок», с огнем пожаров от них, с крошечной тьмой погруженного в смертную тьму Города.

«Ночь. Ледяная рябь канала. Аптека. Улица...» и — вместо фонаря — безрадостные светлячки, неприкаянные души вяло движущихся во тьме дистрофиков.

Черный монах на крыльях нетопыря, пролетающий над кровлями черного Города, — сам сатана — какая детская нестрашная фантастика в сравнении с действительностью этой черной зимы. Зна-

комые панорамы родного города, независимо от погоды — ясная ли, туман ли — казались мне совершенно нереальными. Душа Города умерла?

Есть люди хорошие и дурные (Бытие определяет сознание)

Профессор-литературовед Борис Михайлович (Икс) сам признавался: «Когда дело доходит до пиццы, я становлюсь звероподобен». Он грабил собственных детей, съедая их паек. Профессор-литературовед Борис Михайлович (Игрек) в это же время умер от истощения. После его смерти оказалось, что свой паек почти весь он отдавал дочери, отказывая себе в последнем кусочке хлеба.

Людоеды

На свалках, просто на улицах я видел несколько трупов с вырезанными икрами. Это уже никого здесь не волнует, никого не возмущает; от этого никого не мутит. Говорят об этом все с той же безразличной, слегка удивленной улыбкой. Как бы в оправдание говорят: «Они не обязательно сами едят: делают пироги с мясом, продают».

В двадцатых числах марта ушла из дому (по ул. С. Перовской, против переулка, где «недоскреб») и не вернулась розовая девочка 16-ти лет. Милиция розысков не производит. Через несколько дней в том же доме милицией были арестованы (и, говорят, расстреляны) женщина и мужчина, уличенные в людоедстве.

Мертвая звезда

В одиннадцатом часу ночи я шел с Петроградской (от Виллер) через Троицкий пустынный мост. Среди звезд высокого ночного неба вдруг зажглась одна большая белесоватая. Стала неподвижно над кровлями каменных громад где-то за Мраморным дворцом. Как глаз. Невольно притягивала взгляд, пока я шел через долгий мост. Потом вдруг исчезла. Пропала без звука и движения. А рожденная ею тревога — что-то недоброе, холодом и жутью пронизывающее было в этом мертвом белесом глазе, — холодок тревоги остался. Потом Т. К. Гр. и др. говорили, что часто видят и всегда на одном месте — там, где я ее видел. Что это такое — никто не знает. Может быть, своеобразная ракета, условный световой сигнал (Пятой колонны?).

В той стороне, где зажглась эта мертвая звезда, началась канонада тяжелых орудий. Низкие разрывы глухо ухали в городе двойными ударами: вероятно, стены улиц отдают эхо.

На всем Марсовом поле не было ни одного человека.

Пеленашки

Так называют в «недоскребе» (и, кажется, во всем Городе) трупы, которые везут по улицам на санках. Умерших зашивают в кусок материи, в одеяло или простыню. Взвалив на санки, везут в морг, на кладбище, на свалку. Когда мы с Охты повернули на мост, один из сидевших в машине ленинградцев сказал:

— Каждый раз считаю, сколько их встретится на мосту. Сегодня мало — только семь.

Это — пока наша бодрая машина промчалась по короткому — короче любой улицы — мосту. Пеленашки — это обихоженные мертвецы. Кроме них на улицах часто можно видеть «бесхозных» мертвецов.

31. III — утром я шел по бульварчику улицы С. Перовской; в конце его лежал труп — в «робе» и до того усохший, что не поймешь, мужской или женский. Вечером поздно, возвращаясь с В. О., я пошел этим же местом, чтобы убедиться, что труп убрали. Тот же труп в той же позе лежал на том же месте (но с вырезанными тощими икрами); рядом с ним лежал второй труп — женский; чуть подальше — третий, мужской. Говорят, управхозы и дворники оттаскивают трупы со своей на соседнего хозяйства территорию, чтобы избавиться от обязанности свозить трупы в морги.

Говорят, погибло 2 000 000 человек (март 1942 г.). Много, вероятно, и подснежников. Однажды я видел. Против Русского музея раскапывали сугроб. В середине сугроба лежал труп мальчика лет десяти-одиннадцати. Лежал с подложенной под лоб рукой; видимо, так и ткнулся в снег, обессилев на ходу, так и прервалась жизнь, застыло тело.

СМЕРТНОЕ ВРЕМЯ

Идя льдом через Неву к В. О. против Биржи, я услышал обрывок разговора между молодой женщиной и мужчиной, догонявшими меня:

— ...И это мы пробовали есть в смертное время, — говорила женщина.

Навстречу нам мальчик тащил санки с пеленашкой, узкой и недлинной, — может быть, с трупом своей матери. Разговаривавшие, обогнав меня, не обратили никакого внимания на этот груз, не переглянулись даже, давая мальчику дорогу. В этот же день вечером на улице в центре я опять услышал это выражение: «В смертное время». И опять разговаривавшие не обратили никакого внимания надвигавшийся им навстречу груз: молодая изможденная женщина везла на санках одну большую и две маленькие пеленашки, — может быть, всю семью: мужа и детей. На повороте у садика против Русского музея длинная пеленашка, с болтавшейся под материей головой, сползла с санок до половины в снег. Усталая женщина остановилась, досадливо толкнула труп ногой на место и с усилием опять потянула за веревку.

Смертным временем называют декабрь, январь, февраль, когда в городе умирало, говорят, до тридцати, даже сорока тысяч в день. В марте, говорят, умирает уже только десять тысяч в день.

Ночной разговор

Когда с пустынного Марсова поля я свернул на Екатерининский канал (в одиннадцатом часу ночи; ходить по городу можно до 11 часов вечера), меня догнал и пошел со мной одинокий прохожий — военный командир. В высоком ясном ночном небе ворчали невидимые самолеты. «Не могу слышать!» — нервно, по-детски капризно заговорил прохожий. — «Просто не выношу». — «Да ведь это наши». — «Все равно. Черт их знает — чьи! Самого звука моторов не переношу». — «А как же на фронте?» — «Поверите ли: я с самого начала войны на передовых. Ко всему привык. Когда обстрел — это я понимаю, вижу, куда бьет. Нисколько не боюсь. А этот черт... самолет. Вот так и кажется, что он у тебя над головой и сейчас засвистит бомба. Хоть, конечно, знаю, что когда над головой — это уже не опасно. Просто нервы не выдерживают. Не могу. Все равно: наши, немецкие».

Дневной разговор

На углу Литейного и Симеоновской окликнула меня Ел. Влад. Суровцева-Вельская — дамочка из хорошеньких, всегда сияющая; спаниелистка. Сообщила, что умер Дм. Л. Шведе, с улыбкой, как полагается. И вся сияет. «Вы не похожи на дистрофика», говорю ей. — «Нет, что вы! Я живу теперь лучше, чем до войны». И дей-

ствительно: видно, что ей весело в этой обстановке. Узнала о попытке организовать подсобное хозяйство писателей и загорелась тоже ехать (она-де художница и служит в Горкоме художников). «Я и рыбу ловила и охотилась. И собак достану. Но я-то буду там администратором. Только вот как соболя все оставить в пустой квартире?..» Она, конечно, никуда не поехала.

Женское

Любви, как и искусству, человек отдает избыток жизни. Не благая ли мать-природа предусмотрительно позаботилась о матерях: у многих девушек и женщин-ленинградонок месячные кончились еще в ноябре. В «смертное» время из двадцати только трое покойников приходились на долю женщин. В марте женщины стали мереть наравне с мужчинами. С осадой и голодом кончился всякий флирт в городе.

Тем более я удивился, услышав игривый смех двух девиц под руку с кавалером в военной форме, шедшим посередине и откровенно к ним прижимавшимся. На широкой панели у Адмиралтейства я обогнал этот тесный триумвират, обернулся — «кавалер» была тоже женщина, только в военной форме.

Много женщин-калек па улицах: без руки, без ноги, — осколки бомб и снарядов не разбирают пола.

Очень много женщин на улицах в штанах, чаще лыжных, в комбинезоне шахтеров, в военной форме и брюках, заправленных в русские сапоги, комсомолки-осодмиловки, потом — бригадмиловцы: общ. содействия милиции и милицейские бригады. Иногда пройдет тоненькая дамочка в дорогом пальто, а ниже — в мужниных или брата брюках, заботливо выглаженных, со складочкой.

Поражающее количество женщин, даже девиц с усами. Наоборот, у мужчин быстро выпадают волосы, исчезла волосатость тела.

Самое ужасное — на дистрофическом, изможденном, бетонно-сером лице — ярко накрашенные, мертвые губы.

Голод убил приличия, скромность, стыд. Даже девицы не стесняются «оправляться» у всех на виду.

Евреи

Какое множество обнаружилось мужественных и храбрых евреев в Ленинграде! Гриша Гр. — по осеннему еще письму Н. И. Бойцо-

ва — «самый бодрый еврей в Ленинграде» в окопах в 70-ти метрах от «фрицев» — и бьет их, совершенно неожиданно став снайпером, из своего полуавтомата. Бьет и оживает (после трагической потери матери) вместе с весной:

«Весеннее солнце, Грачи (еще не добитые снарядами и минами), земля, задышавшая паром, живые комочки, перекатывающиеся по снегу траншеи, полевые мыши — все действует, как живая вода... Ночью, когда стою на посту, — мечтаю!» (из письма от 3.IV.42 г., написанного на передовых).

Разговор с Розой Григорьевной Виллер в Ленинграде 31.III.42 г.

— А если Ленинград займут немцы?

— Что вы! Мы об этом и мысли не допускаем. Ни на минуту. Зачем же все эти страдания столько месяцев?

24.III–4.IV.42

БИАНКИ: ИСТОРИЯ ОДНОГО ПЕТЕРБУРГСКОГО РОДА

Ответственный редактор — Т. А. Федяева
Составление — Вит. Вит. Бианки, Т. А. Федяева
Корректор — А. Р. Воднева
Компьютерная верстка — А. Р. Воднева
Макет обложки — А. Ю. Федяев

Подписано в печать 25.07.2014
Формат 60×84 $\frac{1}{16}$. Гарнитура Times New Roman.
Печать офсетная. Печ. л. 27,7.
Тираж 2000 экз. Заказ № 20

Издательство ООО ИД «Петрополис»
197101, Санкт-Петербург, ул. Большая Монетная, д.16,
офис-центр 1, 2 этаж, пом. 22
Тел (812) 336-50-34
E-mail: info@petropolis-ph.ru
www.petropolis-ph.ru

Отпечатано в типографии ООО ИД «Петрополис»
197101, Санкт-Петербург, ул. Большая Монетная, д.16

[Redacted]

[Redacted]